ТАМОЮЛҲОИ МУОСИРИ ТАЪМИНИ ҲУҚУҚИИ РУШДИ УСТУВОР, РАҚАМИКУНОНӢ ВА ЗЕҲНИ СУНЪӢ

MODERN TRENDS IN LEGAL SUPPORT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT, DIGITALIZATION AND ART IFICIAL INTELLIGENCE

Душанбе - 2026

УДК 34:004:330.34:004.8

ББК 67.0+32.97+65.05

Тамоюлҳои муосири таъминоти ҳуқуқии рушди устувор, рақамикунонӣ ва зеҳни сунъӣ: маводҳои конфронси байналмилалии илмӣ-амалӣ (16 апрели соли 2026) дар доираи Форуми байналмилалии «Ҳамкорӣ ба хотири рушди устувор: Сабз. Рақамӣ. Ҳушманд» / зери назари доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор У.А. Меликов ва доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор Н.А. Қудратов. – Душанбе, 2026. – 291 с.

Современные тенденции правового обеспечения устойчивого развития, цифровизации и искусственного интеллекта: материалы международной научно-практической конференции (16 апреля 2026 г.) в рамках Международного форума «Партнёрство во имя устойчивого развития: Зеленое. Цифровое. Умное» / под ред. д.ю.н., проф. У.А. Меликова и д.ю.н., проф. Н.А. Кудратова. – Душанбе, 2026. – 291 с.

Modern Trends in Legal Support of Sustainable Development, Digitalization and Artificial Intelligence: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (April 16, 2026) within the framework of the International Forum “Partnership for Sustainable Development: Green. Digital. Smart” / edited by Doctor of Legal Sciences, Professor U.A. Melikov and Doctor of Legal Sciences, Professor N.A. Kudratov. – Dushanbe, 2026. – 291 p.

Муаллифон барои мазмун ва муҳтавои мақолаҳои дар маҷмуаи мазкур тибқи талаботи қонунгузорӣ масъулият доранд ва оқибатҳои манфии ҳуқуқии марбут ба онро пурра ба зимма доранд.

Авторы несут ответственность за содержание статей, включённых в настоящий сборник, в соответствии с требованиями законодательства, а также полностью принимают на себя возможные негативные правовые последствия, связанные с ними.

The authors are responsible for the content and substance of the articles included in this collection in accordance with applicable legislation, and they fully assume any potential adverse legal consequences arising therefrom.

©ДБССТ, 2026

САРСУХАН

Маҷмуаи мазкур фарогири маводҳои Конференсияи байналмилалии илмӣ-амалӣ дар мавзуи «Тамоюлҳои муосири таъмини ҳуқуқии рушди устувор, рақамикунонӣ ва зеҳни сунъӣ» мебошад, ки аз ҷониби Муассисаи давлатии “Донишгоҳи байналмилалии сайёҳӣ ва соҳибкории Тоҷикистон” санаи 16 апрели соли 2026 дар доираи Форуми байналмилалии «Ҳамкорӣ ба хотири рушди устувор: Сабз. Рақамӣ. Ҳушманд» баргузор гардид.

Дар шароити ҷаҳонишавӣ ва рушди босуръати технологияҳои рақамӣ, масъалаҳои таъмини ҳуқуқии рушди устувор, танзими муносибатҳои вобаста ба иқтисоди рақамӣ ва истифодаи зеҳни сунъӣ ба яке аз самтҳои калидии таҳқиқоти ҳуқуқӣ табдил ёфтаанд. Конференсияи мазкур ҳамчун минбари муҳими илмӣ барои муҳокимаи масъалаҳои мубрами назариявӣ ва амалии ҳуқуқ дар заминаи тағйирёбии муносибатҳои иҷтимоию иқтисодӣ ва технологӣ хизмат намуд.

Дар кори конференсия намояндагони вазорату идораҳои дахлдор, муассисаҳои илмӣ ва таҳсилоти олии касбӣ, созмонҳои байналмилалӣ, инчунин олимон, коршиносон ва муҳаққиқон ширкат варзида, масъалаҳои муҳими рушди ҳуқуқи муосирро баррасӣ намуданд. Мазмуни маҷмуа доираи васеи масъалаҳои илмиро фаро гирифта, дар он ҷанбаҳои гуногуни танзими ҳуқуқии равандҳои рақамикунонӣ ва рушди устувор мавриди таҳқиқ қарор гирифтаанд. Аз ҷумла, дар як қатор маърӯзаҳо ва мақолаҳо масъалаҳои танзими ҳуқуқии иқтисоди рақамӣ ва иқтисоди додаҳо, усулҳои ҳуқуқии танзими муносибатҳои иқтисодии рақамӣ, инчунин мушкилоти маҳдудсозии озодии шартнома дар шароити муосир мавриди таҳлил қарор гирифтаанд.

Ҳамзамон, таваҷҷуҳи хос ба масъалаҳои ҳуқуқи моликияти зеҳнӣ ва ҳифзи ҳуқуқи муаллиф дар фазои рақамӣ, аз ҷумла ҳуқуқҳои муаллиф ба сомонаҳо ва танзими ҳуқуқии объектҳои моликияти зеҳнӣ дар шароити рақамикунонӣ зоҳир мегардад. Дар ин замина, масъалаҳои муайян намудани моҳият ва табиати ҳуқуқии зеҳни сунъӣ дар ҳуқуқи маданӣ, инчунин баррасии он ҳамчун манбаи хатари зиёд таҳқиқ шудаанд.

Дар як қатор мақолаҳо масъалаҳои ҳуқуқи инсон дар муҳити рақамӣ, аз ҷумла ҳуқуқ ба беномӣ, амнияти иттилоотӣ, инчунин таъмини ҳуқуқҳои рақамӣ ҳамчун унсури муҳими рушди устувор мавриди таҳлил қарор гирифтаанд. Илова бар ин, масъалаҳои рақамикунонии муносибатҳои меҳнатӣ, рушди соҳибкорӣ дар иқтисоди рақамӣ, инчунин ҳамоҳангсозии қонунгузории миллӣ бо стандартҳои байналмилалӣ дар соҳаи технологияҳои рақамӣ ва зеҳни сунъӣ низ дар маркази таваҷҷуҳи муҳаққиқон қарор доранд.

Дар баробари ин, дар маҷмуа масъалаҳои алоҳидаи дорои аҳамияти назариявӣ ва амалии баланд, аз қабили мониторинги ҳуқуқӣ дар шароити рақамикунонӣ, ҷанбаҳои педагогӣ-ҳуқуқии истифодаи зеҳни сунъӣ, сиёсати ҳуқуқии зиддикоррупсионӣ дар шароити рушди технологияҳои рақамӣ, инчунин таҳқиқоти криминологии масъалаҳои иҷтимоӣ низ инъикос ёфтаанд. Маводи пешниҳодшуда натиҷаи таҳқиқоти илмии муаллифон буда, ба рушди минбаъдаи илми ҳуқуқшиносӣ, такмили қонунгузорӣ ва баланд бардоштани самаранокии татбиқи меъёрҳои ҳуқуқӣ дар шароити муосир мусоидат менамояд.

Қобили зикр аст, ки маводи конференсия дар шакли маҷмуаи мақолаҳо нашр гардида, дар китобхонаи электронии eLIBRARY.RU ҷой дода мешаванд, ки ин ба густариши дастрасӣ ба натиҷаҳои таҳқиқоти илмӣ ва таҳкими ҳамкориҳои байналмилалӣ мусоидат менамояд.

Умед аст, ки маҷмуаи мазкур дар рушди минбаъдаи таҳқиқоти илмӣ, таҳкими заминаҳои назариявӣ ва амалии ҳуқуқ ва ташаккули равишҳои нави ҳуқуқӣ дар шароити рақамикунонӣ ва истифодаи зеҳни сунъӣ саҳми арзанда хоҳад гузошт.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник включает материалы Международной научно-практической конференции на тему «Современные тенденции правового обеспечения устойчивого развития, цифровизации и искусственного интеллекта», проведённой Государственным учреждением «Международный университет туризма и предпринимательства Таджикистана» 16 апреля 2026 года в рамках Международного форума «Партнёрство во имя устойчивого развития: Green. Digital. Smart».

В условиях глобализации и стремительного развития цифровых технологий вопросы правового обеспечения устойчивого развития, регулирования отношений в сфере цифровой экономики и применения искусственного интеллекта становятся одним из ключевых направлений юридических исследований. Данная конференция послужила важной научной платформой для обсуждения актуальных теоретических и практических проблем права в условиях трансформации социально-экономических и технологических отношений.

В работе конференции приняли участие представители министерств и ведомств, научных и образовательных учреждений, международных организаций, а также учёные, эксперты и исследователи, рассмотревшие актуальные вопросы развития современного права.

Содержание сборника охватывает широкий круг научных проблем, включая различные аспекты правового регулирования процессов цифровизации и устойчивого развития. В частности, в ряде докладов и статей анализируются вопросы правового регулирования цифровой экономики и экономики данных, правовые механизмы регулирования цифровых экономических отношений, а также проблемы ограничения свободы договора в современных условиях.

Особое внимание уделено вопросам интеллектуальной собственности и защиты авторских прав в цифровой среде, включая права на интернет-сайты и правовое регулирование объектов интеллектуальной собственности в условиях цифровизации. В этом контексте рассматриваются вопросы определения сущности и правовой природы искусственного интеллекта в гражданском праве, а также его исследование как источника повышенной опасности.

В ряде статей анализируются вопросы прав человека в цифровой среде, включая право на анонимность, информационную безопасность, а также обеспечение цифровых прав как важного элемента устойчивого развития. Кроме того, рассматриваются вопросы цифровизации трудовых отношений, развития предпринимательства в цифровой экономике, а также гармонизации национального законодательства с международными стандартами в сфере цифровых технологий и искусственного интеллекта.

Наряду с этим в сборнике отражены отдельные вопросы, имеющие значительное теоретическое и практическое значение, такие как правовой мониторинг в условиях цифровизации, педагогико-правовые аспекты использования искусственного интеллекта, антикоррупционная правовая политика в условиях развития цифровых технологий, а также криминологические исследования социальных проблем.

Представленные материалы являются результатом научных исследований авторов и направлены на дальнейшее развитие юридической науки, совершенствование законодательства и повышение эффективности реализации правовых норм в современных условиях.

Сборник рекомендуется широкому кругу читателей, учёным, преподавателям, студентам, магистрантам, а также практикующим юристам. Следует отметить, что материалы конференции опубликованы в виде сборника статей и размещены в электронной библиотеке eLIBRARY.RU, что способствует расширению доступа к результатам научных исследований и укреплению международного научного сотрудничества.

Выражается надежда, что данный сборник внесёт значимый вклад в развитие научных исследований, укрепление теоретических и практических основ права и формирование

новых правовых подходов в условиях цифровизации и использования искусственного интеллекта.

PREFACE

This volume contains the materials of the International Scientific and Practical Conference entitled “Modern Trends in Legal Support of Sustainable Development, Digitalization and Artificial Intelligence,” held by the State Institution “International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan” on April 16, 2026, within the framework of the International Forum “Partnership for Sustainable Development: Green. Digital. Smart.”

In the context of globalization and the rapid advancement of digital technologies, issues of legal support for sustainable development, regulation of relations within the digital economy, and the application of artificial intelligence have become key areas of legal research. The conference served as an important scientific platform for discussing pressing theoretical and practical legal issues arising from the transformation of socio-economic and technological relations.

The conference brought together representatives of ministries and governmental agencies, academic and higher education institutions, international organizations, as well as scholars, experts, and researchers who examined significant aspects of contemporary legal development.

The content of the volume covers a wide range of scientific issues, including various aspects of legal regulation of digitalization processes and sustainable development. In particular, several papers and reports address the legal regulation of the digital economy and data economy, legal mechanisms governing digital economic relations, as well as challenges related to the limitation of freedom of contract in modern conditions.

Special attention is paid to intellectual property rights and copyright protection in the digital environment, including rights related to websites and the legal regulation of intellectual property objects under digitalization. In this regard, the volume also explores the nature and legal status of artificial intelligence in civil law and examines it as a potential source of increased risk. A number of contributions analyze human rights in the digital environment, including the right to anonymity, information security, and the protection of digital rights as an essential component of sustainable development.

Additionally, the volume addresses issues of digitalization of labor relations, the development of entrepreneurship in the digital economy, and the harmonization of national legislation with international standards in the field of digital technologies and artificial intelligence. The collection also reflects specific issues of high theoretical and practical significance, such as legal monitoring in the context of digitalization, pedagogical and legal aspects of artificial intelligence application, anti-corruption legal policy in the era of digital technologies, and criminological studies of social problems.

The materials presented are the result of the authors’ scientific research and are aimed at further development of legal science, improvement of legislation, and enhancement of the effectiveness of legal norms implementation in modern conditions.

The volume is recommended for a wide audience, including scholars, lecturers, students, graduate students, and legal practitioners. It should be noted that the conference materials are published as a collection of articles and are available in the electronic library eLIBRARY.RU, which contributes to expanding access to research results and strengthening international scientific cooperation.

It is hoped that this volume will make a significant contribution to the further development of scientific research, the strengthening of theoretical and practical foundations of law, and the formation of new legal approaches in the context of digitalization and the use of artificial intelligence.

УДК 338:004.9(575.3)

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИ ТАДЖИКИСТАНА

РАХИМЗОДА МАХМАД ЗАБИР
Национальная академия наук Таджикистана, член-корреспондент, доктор юридических наук, профессор. Тел.: (+992) 918868877; E-mail: zabir54@mail.ru

В статье рассматривается проблемы правового регулирования цифровой экономики в Республике Таджикистан. Отмечается. что цифровые экономико-правовые отношенный основанные на развития инновационной технологий являются новым этапом в правовом регулирование экономических отношений. Необходимо изучать их правовую природу. В связи с этим проблема правового регулирование цифровой экономики и предпринимательства на сегодняшний день является не только с точки зрения практики, но и теорий юридической науки актуальным для Республики Таджикистан.

Ключевые слава: цифровая экономика, правовое регулирование, частно-публичное регулирование, имущественные права, цифровое право, цифровое деньги.

ПРОБЛЕМАҲОИ ТАНЗИМИ ҲУҚУҚИИ ИҚТИСОДИ РАҚАМӢ ДАР ШАРОИТИ МУОСИРИ РУШДИ ИҚТИСОДИИ ТОҶИКИСТОН

РАҲИМЗОДА МАҲМАД ЗАБИР
Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, узви вобаста, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор. Тел: (+992) 918868877; E-mail: zabir54@mail.ru

Дар мақола проблемаҳои танзими ҳуқуқии иқтисоди рақамӣ дар Тоҷикистон мавриди таҳқиқ қарор дода шудааст. Қайд карда мешавад, ки муносибатҳои иқтисодӣ-ҳуқуқии рақамӣ, ки ба инкишофи технологияи рақамӣ асос меёбад, марҳилаи нав дар танзими ҳуқуқии иқтисодиёт ба ҳисоб меравад. Аз ин ҷо табиати ҳуқуқии онро омӯхтан зарур аст. Вобаста ба ҳамин масъалаи танзими ҳуқуқии иқтисоди рақамӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон на танҳо аз лиҳози амалия, балки назарияи илмӣ ҳуқуқ мубрам мебошад.

Калидвожаҳо: иқтисодиёти рақамӣ, танзими ҳуқуқӣ, танзими ҳуқуқӣ-хусусӣ, ҳуқуқҳои молумулкӣ, ҳуқуқи рақамӣ, пули рақамӣ.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE DIGITAL ECONOMY IN THE CONTEMPORARY CONDITIONS OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF TAJIKISTAN

RAKHIMZODA MAKHAMAD ZABIR
National Academy of Sciences of the Tajikistan, Corresponding Member, Doctor of Law, Professor. Тел.: (+992) 918868877; E-mail: zabir54@mail.ru

This article examines the issues of legal regulation of the digital economy in the Republic of Tajikistan. It is noted that digital economic and legal relations based on the development of innovative technologies represent a new stage in the legal regulation of economic relations. It is necessary to study their legal nature. Therefore, the issue of legal

regulation of the digital economy and entrepreneurship is currently relevant for the Republic of Tajikistan not only from a practical perspective but also from a theoretical perspective.

Keywords: digital economy, legal regulation, private-public regulation, property rights. digital law, digital money.

В условиях бурного развития иновационной технологий и влияние их в жизнь человека появилась новые социально-экономические отношение цифрового характера, которые требует от законодателя пересмотра традиционных подходов к их правовому регулирование. Цифровые экономико-правовые отношенный основанные на развития инновационной технологий требует изучать их юридическую природу и являются новым этапом в развитии юридической доктрины. В связи с этим проблема правового регулирования цифровой экономики и предпринимательства на сегодняшний день является не только с точки зрения практики, но и теорий юридической науки актуальным.

В правовой науке Республики Таджикистан в настоящее время отсутствуют научные исследования, позволившие бы всесторонне определить состояние и перспективы правового регулирования правовых основ цифровой экономики (предпринимательства). Однако отдельные аспекты этой области, в частности, правовой режим объектов имущественных прав в интернете, правовое регулирование договорных отношений в интернете, специфика заключения имущественно-правовых договоров в интернете и др., являются предметом научных исследований. По этим вопросам написаны докторские и кандидатские диссертации, монографии и научные статьи [5, 365с; 372с; 344с; с.106-109; с.6-14].

Стоит отметить, что большинство исследователей в области экономики и предпринимательства определяют цифровую экономику как деятельность, осуществляемую с использованием цифровых технологий (6, с. 127) или активно использующую цифровые технологии при осуществлении своей деятельности [7, с. 23.]. Существует мнение согласно которой под цифровой экономикой понимается совокупность экономических отношений, возникающих на основе цифровых технологий [11, с.14]. Конечно, приведенные выше определения не могут выразить всю сущность и особенности цифровой экономики, как одним из форм хозяйствование, включая ее правовой аспект. Поскольку в процессе осуществления цифровых отношений между их участниками возникают не только экономические, но и правовые отношений.

Как известно, экономика представляет собой совокупность общественных отношений и социальных практик, возникающих в системе экономической деятельности человека, связанных с производством, распределением, обращением, потреблением и накоплением материальных благ, а также управлением ими. Цифровая экономика, как неотъемлемая часть экономики, представляет собой новый способ получения, обработки, хранения, в целях дальнейшей передачи, цифровых данных с использованием цифровых технологий в виртуальном пространстве.

В процессе осуществления цифровой экономической (предпринимательской) деятельности её субъекты вступают в различные отношения и тем самым выступают в качестве субъектов права. Без их осознанной деятельности невозможны ни производственная деятельность, ни обращения товаров, ни связанные с ней реальные отношения, возникающие в виртуальном пространстве. В этой связи роль законодательства не ограничивается только регулированием указанных отношений, но проявляется и в обеспечении надлежащей реализации цифровых экономических отношений с участием каждого из его субъектов. При этом регулирование экономических (предпринимательских) отношений посредством правовых норм косвенно влияет на волю субъекта, реализующего такие отношения. В результате правовое регулирование экономического оборота в виртуальном пространстве

приобретает форму права, а его участники выступают субъектами правоотношений. Таким образом, цифровая экономика приобретает не только экономическое, но и правовое содержание.

Поэтому предметом (объектом) правового регулирования цифровой экономики является деятельность их участников по получению, обработке, хранению, созданию, изменению и передачи цифровых данных с использованием цифровых технологий в виртуальном пространстве в соответствий с требованием законодательства.

Следует отметить, что отношение возникающие между субъектами цифровых экономически отношений носят сложный характер. Они имеют комплексный характер. Основиваются на частно-публичного регулирования. Частно-правовые отношения регулируются нормамы гражданского и предпринимательского права, а публично-правовые отношеные регулируются посредством законодательства, регулирующие публичных отношения (административное, налоговое, финансовое и др.). Тем самим при их регулировании необходимо учитывать взаимодействие элементов публичного и частного права. Они находятся в единстве и тесно взаимосвязаны, и обеспечить их эффективное регулирование возможно посредством норм частного и публичного права.

Сложность законодательства, регулирующего цифровую экономическую (предпринимательскую) деятельность, носит объективный характер, поскольку в сферах общественной жизни, с одной стороны, особенно важно обеспечить рациональный приоритет государственных и общественных интересов, а с другой-поддерживать баланс между общественными и частными интересами участников цифровой экономике. Неучет баланса этих интересов в цифровой экономической деятельности может привести к неэффективному применению правовых норм.

Следует отметит, что несмотря на востребованность и популярность цифровой экономики, в современной экономической реальности в Республике Таджикистан существуют проблемы, которые препятствуют всестороннему развитию цифровой экономики. К ним относятся неполнота законодательной базы, недостаток знаний и опыта в области цифровых технологий и, как следствие, нехватка специалистов, отсутствие (дефицит) индивидуальных цифровых решений на рынке из-за завышенных затрат, трудности в оценке воздействия цифровой трансформации, что затрудняет определение результата затрат (финансовых, трудовых, организационных), затраченных в процессе экономической деятельности. Таким образом, можно сделать вывод, что от решения выявленных проблем зависят перспективы развития цифровой экономики и предпринимательства, поскольку в современном обществе трансформация всех систем общественных отношений, в том числе экономических, в цифровую форму стала реальностью. Принимая во внимание эти проблемы, Лидер нации, Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон в своем Послании от 28 декабря 2024 года “Об основных направлениях внутренней и внешней политики Республики Таджикистан” отметил, что в последующие пять лет для продвижения цифровой экономики, включая формирование цифрового предпринимательства и развитие электронной коммерции, первостепенное значение должно придаваться срочному совершенствованию правовой базы и принятию соответствующих актов в направлении перехода к цифровой экономике[4].

В нынешних условиях развития экономических отношений правовое регулирование отношений цифровой экономики в Республике Таджикистан является одним из актуальных проблем нормотворчества, поскольку большинство вопросов, связанных с правовыми отношениями цифровой экономики, не регулируются законодательством Республики Таджикистан. Некоторые вопросы правового регулирования цифровой экономики и электронной коммерции отражены в Концепции цифровой экономики в Республике Таджикистан от 30 декабря 2019 года, № 642, Законе РТ “Об электронной торговле” от 24 декабря 2022 года [2], Гражданском кодексе Республики Таджикистан от 1 июля 2023 года [6], Законе РТ “Об электронном

документе и электронной подписи” от 15 марта 2023 года [3], Законе РТ ”О банковской деятельности" от 19 мая 2009 года [1] и т. д. Отсюда Указом Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона от 8 января 2025 года № 911 объявление 2025-2030 годов “Годами развития цифровой экономики и инноваций” требует от учёных юристов нового подхода к правовому регулированию отношений, возникающих в связи с цифровизацией экономики.

Следует отметит, что в условиях развития цифровых технологий современная правовая система не способна быстро реагировать на развитие цифровых технологий, поскольку они развиваются значительно быстрее. В связи с этим сегодня при регулирование цифровых-правовых отношений необходимо, выявив закономерности правового регулирования цифровых технологий, особенности их технического регулирования и саморегулирования, разрабатывать подходы, механизмы влияния регулирования на развитие цифровых технологий. С точки зрения традиционных механизмов правового регулирования не решен целый ряд вопросов. Нормативная основа в виде блока законов до сих пор находится в стадии разработки и не продуман механизм оперативного внесения изменений законодательства под воздействием стремительного развития цифровой экономики. Вместе с тем на уровне законодательства Республики Таджикистан не определен виды объектов гражданских прав, которые подлежат правовому регулирование в связи с развитием цифровизаций экономики. В Республике Таджикистан в соответствии со ст. 136 ГК РТ к материальным объектам гражданских прав относятся такие благи и имущественные права как: вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги; безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права; результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность) и другие имущества. Эти имущественные права являются правом по отношению к какому-либо имуществу имеющий денежную оценку. Как видно из содержание указанной статьи перечень имущественных прав (имущества) как объекты гражданских прав является достаточно традиционным. Однако в связи с развитием инвестиционной технологий и передача данных через виртуальном пространстве в гражданском обороте появилось новые объекты гражданских прав, такие как: «цифровое право" и "цифровое деньги”. Следует отметит, что цифровое право также является одним из видов имущественных прав. Если имущественные права в классическом понятие представляю собой права субъекта имущественных отношений на имущество имеющее денежную оценку, то цифровым правом являются любое имущество, представленное в цифровом (электронном) форме. Цифровое право может отчуждаться или переходить от одного лица к другому на тех же условиях, что и объекты гражданских прав, права на которые они удостоверяют. Тем самым цифровые права как объект гражданских прав обладает обороноспособностью.

Распространение цифровых прав на любые права, фиксируемые в цифровой форме, отмечалось многими исследователями. При **этом** большинство исследователей, подвергают сомнению необходимости признания цифровых прав новым объектом права, считая, что «цифровизации прав приводит не к возникновению нового вида имущественных прав, существующему наряду с обязательственными, корпоративными, исключительными правами, а к их цифровому способу фиксации»[8, с.5; 135с.]. В экономическом смысле объектом купли-продажи при этом может выступать любое имущественное право (имущество). В частно-правовом научном смысле цифровые права лишь удостоверяют права на традиционные объекты права, что несомненно имеет ценностью с точки зрения права. У обладателя цифровых прав как собственника могут возникать и иные права. Такие как: утилитарные цифровые права и оцифрованные права. Утилитарные цифровые прав дает возможность его владельцу получить товары, услуги и интелектуальную собственность. С их помощую можно

привлекат инвестиций. Тем самым они могут проявляться в формах обязательственных прав гражданско-правового характера: во-первых, в праве требования передачи имущества; во-вторых, передачи вещей (за исключением недвижимости) и исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности (за исключением патентных прав); и, в-третьих, в выполнении работ или оказании услуг[10, с.135].

Наряду с указанными правами имеется так называемые оцифрованные права. Оцифрованными правом признаются имущественные права на имущество, принадлежность к которому зафиксирована с использованием информационно-коммуникационных технологий, то есть материальная форма соответствующего объекта преобразована или воспроизведена в электронной форме. Содержания и условий оцифрованных прав регулируются на основе информационной системы с использованием особой компьютерно-программной связи.

Эти цифровые права в новых условиях развития экономических (предпринимательских) отношений широко используются. в гражданском обороте. Сегодня его эффективно используют граждане, индивидуальные предприниматели, коммерческие и другие юридические лица. Они хранят свои денежные средства на электронных носителях – картах различных кредитных организаций в качестве собственности, осуществляя через них покупку и продажу товаров, результаты работ и услуг и другие операции. Это реальность, которая стала действительностью. Отсюда указание ст. 521 Гражданского кодекса РТ о цифровых правах не лишен интереса. Но в данном случае это ограничено только в рамках договора купли-продажи, в то время как уже подметили понятие цифровых прав как составной части имущественных прав достаточно широкое, оно может применяться как в рамках других обязательств, так и за их пределами (например, вещные права) и носить как относительный, так и абсолютный характер (например, исключительные права). Тем самым в качестве цифровые права могут выступит обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых можно определят в соответствии с правилами информационной системы. Для этого цифровую праву необходимо не только предусмотрит в качестве объекта гражданских прав в ст. 136 ГК РТ, но и определит его понятие и признаки в законодательстве Республики Таджикистан.

В ч.3 ст. 521 ГК РТ устанавливается, что, если иное не предусмотрено содержанием или характером имущественных прав, включая цифровые права, к продаже указанных прав применяются положения параграфа купле-продаже. Таким образом, «цифровые права» в указанной статье рассматриваются как субъективное имущественное право лица (покупателя) и признаются предметом купли-продажи. Данный договор заключается на основе возмездности и в форме электронных денег для отчуждения имущественных прав при покупке товаров и услуг. В настоящее время это эффективно используется в электронной торговле. Электронная торговля, как предпринимательская деятельность по купле-продаже товаров, работ и услуг, осуществляется с использованием информационно-коммуникационных сетей и в электронном порядке (подпункт 8 ст.1 Закона РТ «Об электронной торговле»). Это правило позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, цифравое право хранятся в виде электронных записей на смарт-картах и используются для владения, пользование и распоряжения собственником. Эти средства хранятся в виде записей (кассовых файлов) и переводятся по мере необходимости. Во-вторых, согласно договору купли-продажи, права собственности на цифровые права, принадлежат покупателю. Соответственно, даже если «права собственности», включая цифровые права на товары в реальном смысле, не существуют в договоре купли-продажи, их исключение из предметов продажи также недопустимо. Поскольку в упомянутая статья речь идёт непосредственно о продажи этих прав. Это нетипичный договор, который составлен на основе и в форме договора купли-продажи. Согласно этого договора цифровые права, записанные и хранящиеся на электронном носителе (карте), используются в качестве

средства платежа. Они применяются для осуществления платежных операций по банковским счетам или без них. В-третьих, права собственности, включая цифровые права, как объект гражданских прав, могут выступать в качестве имущества, аналогичного товарам, обмениваемым в договоре купли-продажи. Отсюда цифровые права, как неотъемлемая часть прав собственности, могут выступать в качестве объекта продажи. Речь идёт о совокупности электронных данных, устанавливающих право на вещь, результат труда и услуг, исключительные права и на иное имущество, оборот которого осуществляется только путём внесения записи в систему организации электронных финансовых расчётов в информационно-коммуникационных сетях (ст. 1 Закона РТ «Об электронной торговле»).Осуществление, распоряжение, в том числе передачи, залог, обременение цифрового права иным способом или ограничение их использования должны осуществляться исключительно в информационной системе, без обращения к третьим лицам. К сожалению, современная теории гражданского права Республики Таджикистан еще не разработаны признаки и понятие «цифровых прав». В то же время в Республике Таджикистан ни Гражданский кодекс, ни отдельный закон не обеспечивают адекватного регулирования цифровых экономических отношений. Анализ упомянутое статьи показывает, что наряду с наличными и безналичными деньгами, одни из которых могут быть объектом имущественных прав, другие – объектом обязательств, также появилась третья форма расчётов, как безналичная форма расчётов. Она отражает в себе характеристики первых двух форм. Они функционируют как наличные деньги, но существуют в цифровой форме, что напоминает использование безналичных денег. Для их использования достаточно лишь открыть цифровые кошельки, что также необязательно. Эта норма соответствует требованием Законом Республики Таджикистан «Об электронной торговле» относительно купле-продаже товаров, работ и услуг.

Начиная с 2008 года в виртуальном пространстве Интернета появилась первая информация о создании электронного аналога деньги. Речь идет о создании и эволюции криптовалюты, частных электронных денег, которые не эмитируются ни одним из банков мира и о новой системе денежных расчетов, где операции проводятся непосредственно между пользователями без участия третьей доверенной стороны. Эти цифровые финансовые активы как вещ существуют в электронной форме, и создаются с использованием криптографических средств. Право собственности на них удостоверяется путем внесения цифровых записей в реестр цифровых транзакций. В качестве цифровой активы прежде всего используется криптовалюта. Криптовалюта это вид цифрового финансового актива, создаваемый и учитываемый в распределенном реестре цифровых транзакций участниками этого реестра в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций. Данный новый объект гражданских прав, кардинально отличающийся по своим характеристикам от классических объектов гражданского права, в данном случае – денег. Эти–цифровые деньги, неподконтрольные центральной власти, поскольку они не эмитируются банками. Это хорошо защищенный электронный файл, признанный интернет-сообществом в конвенциональном порядке платежной единицей. И эти деньги уже являются объектом вещных прав, поскольку их совершенно легально можно обменять на любую другую твердую валюту. Таким образом, в виртуальном пространстве Интернета с появлением виртуальных денег появились и вещные права, поскольку виртуальные деньги–криптовалюты бесспорно являются собственностью их владельца, на которые он может приобретать материальные ценности, либо обменять их по установленному валютному курсу на любую другую валюту. Следовательно, с точки зрения классического гражданского права, в Интернете создан новый объект права – цифровые деньги. Под ними понимается не удостоверяющая право на какой-либо объект гражданских прав совокупность электронных данных (цифровой код или обозначение), созданная в информационной системе, отвечающей установленным законом признакам

децентрализованной информационной системы, и используемая пользователями этой системы для осуществления платежей.

Из изложенных положений и фактического положения дел с криптовалютой в цифровом пространстве можно сделать однозначный вывод: теоретические положения гражданского права о том, что в цифровом пространстве существуют только обязательственные правоотношения, уже не соответствуют действительности. В виртуальном пространстве появились и прочно закрепились и вещно-правовые отношения. Какие это будет иметь последствия, и какое будущее ожидает криптовалюты – пока не известно, но сам факт появления этих денег, которые фактически не существуют, и на которые уже покупаются реальные вещи, налицо. А это можно сравнить с настоящим переворотом в теорий науке гражданского и предпринимательского права относительно их объектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2009 год, №5. ст.331; 2013 год, №11, ст.786; 2023год. №11, ст.476; 2024г. №5-6, ст.273.

2.Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан 2022 год. №12, ч. 2 ст. 761.

3.Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан 2023 год, №1-3, ст. 17.

4.Послание Лидера нации, Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 28.12.2023 г. [Электронный ресурс] www.president.tj (дата обращения: 17.09.2025).

5.Абдуджалилов, А. Проблемы правового регулирования договорных отношений в интернете.-диссертация на соискание ученой степени доктора юрид.наук. -Душанбе, 2024.-365С; Меликов У. А. Проблемы правового режима объектов гражданских прав в интернете. -Душанбе, Ирфон, 2018.-372с.; Сангинзода Д. Ш., Мансурӣ Ш. Ҷ., Маҳмашарифзода А. М. Ҳуқуқи иқтисоди рақамии Ҷумҳурии Тоҷикистон. Монография. =Душанбе, 2025. -344С.; Рахимзода М. З. Имущественные права как объект прававого регулирования в условиях цифровой экономики //Правовые проблемы регулирования искусственного интеллекта в условиях цифровой экономики и его роль в развитии предпринимательства.-Душанбе, 2025.-С. 6-14 и др.

6.Брагина А. Г. Формирование и развитие сквознҷх технологий планированых деятельности предприятий в условиях цифровизаций экономики: теория и практика/ А. В. Брагина, Ю. Г. Вертакова, А. В. Евченко.- Курск, 2020.- 127с.

7.Гражданский кодекс Республики Таджикистан.-Душанбе, 2023.

8.Молчанов А.А. Законодательное признание цифровых прав как одного из объектов гражданского права // Вестник Белгородского юридического института МВД России им.И.Д. Путилина. - 2020. - № 3. - С.5. - URL: https://cyberleninka.ru/article/ri/zakonodatelnoe-priznanie-tsifrovyh-prav-kak-odnogo- izobektov-grazhdanskogo- prava/viewer (дата обращения 27.11.2024) 62 Чурилов А.Ю. К вопросу о целесообразности введения в гражданский кодекс цифровых прав // Правовая парадигма. - 2020. - Т. 19. - № 2. - С. 105, 106, 107. - URL https://cyberleninka.ru/articleZn/k-voprosu-o- tselesoobraznosti-wedeniya-v-grazhdanskiykodeks-tsifrovyh-prav/viewer (дата обращения 27.12.2024)

9.Пайтаева, К.Т., Алиева, Ҳ. А. Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017- 2030 годы/Актуальные проблемы государства и права.- 2023. -Т.7. -С.23.

10.Рузиназаров Ш. Теоретико-правовые проблемы электронной коммерции в условиях цифровой трансформации нового Узбекистана. Том 1. Монография. -Ташкент. 2025. -С.135.

11.Сангинзода Д. Ш., Мансурӣ Ш. Ҷ, Маҳмашарифзода А. М.Ҳуқуқи иқтисоди рақамии Ҷумҳурии Тоҷикистон. Монография. -Душанбе, 2025.-С.14.

УДК 340.12:004

О ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

ИСМОИЛОВ ШАВКАТ МАХМУДОВИЧ
Таджикский государственный финансово- экономический университет, профессор кафедры экономического, финансового и антикоррупционного права, доктор юридических наук, профессор. Тел.: (+992)-93-777-0016; E-mail: shism@list.ru

Статья посвящена анализу правовых аспектов устойчивого развития в условиях цифровой экономики. Рассматриваются основные проблемы правового регулирования цифровых технологий и их влияние на устойчивость социально-экономических процессов.

Ключевые слова: устойчивое развитие, цифровая экономика, правовое регулирование, цифровые технологии, цифровые платформы, защита данных, устойчивость экономики.

ДОИР БА ҶАНБАҲОИ ҲУҚУҚИИ РУШДИ УСТУВОР ДАР ШАРОИТИ ИҚТИСОДИ РАҚАМӢ

ИСМОИЛОВ ШАВКАТ МАҲМУДОВИЧ
Донишгоҳи давлатии молия ва иқтисоди Тоҷикистон, профессори кафедраи ҳуқуқи иқтисодӣ, молиявӣ ва зиддикоррупсионӣ, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор. Тел.: (+992)-93-777-0016; E-mail: shism@list.ru

Мақола ба таҳлили ҷанбаҳои ҳуқуқии рушди устувор дар шароити иқтисоди рақамӣ бахшида шудааст. Баррасӣ мешаванд мушкилоти асосии танзими ҳуқуқии технологияҳои рақамӣ ва таъсири онҳо ба устувории равандҳои иҷтимоию иқтисодӣ.

Калидвожаҳо: рушди устувор, иқтисоди рақамӣ, танзими ҳуқуқӣ, технологияҳои рақамӣ, платформаҳои рақамӣ, ҳифзи маълумот, устувории иқтисод.

ON THE LEGAL ASPECTS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN THE CONDITIONS OF THE DIGITAL ECONOMY

ISMOILOV SHAVKAT MAHMUDOVICH
Tajik State Financial and Economic University, Professor of the Department of Economic, Financial and Anti-Corruption Law, Doctor of Law, Professor. Tel.: (+992)-93-777-0016; E-mail: shism@list.ru

The article examines the legal aspects of sustainable development in the context of the digital economy. It analyzes key regulatory challenges related to digital technologies and their influence on the stability of socio-economic processes.

Keywords: sustainable development, digital economy, legal regulation, digital technologies, digital platforms, data protection, economic sustainability

Современный этап развития общества характеризуется стремительным распространением цифровых технологий, которые преобразуют экономические процессы, структуру рынков и механизмы управления. Формирование цифровой

экономики сопровождается появлением новых моделей производства и обмена, основанных на данных, цифровых платформах и алгоритмических системах принятия решений. Эти процессы существенно расширяют возможности экономического роста, однако одновременно порождают комплекс правовых и институциональных проблем, связанных с обеспечением устойчивости социально-экономического развития. В научной литературе все чаще подчеркивается, что цифровизация, несмотря на ее технологическую природу, имеет глубокие правовые последствия, поскольку трансформирует характер экономических отношений и требует адаптации существующих механизмов регулирования.

Одновременно усиливается внимание к концепции устойчивого развития, сформировавшейся в международной и национальной правовой доктрине как комплексный ориентир долгосрочного развития общества. Данная концепция предполагает согласование экономических, социальных и экологических интересов, а также обеспечение баланса между потребностями нынешнего и будущих поколений. В международно-правовой доктрине устойчивость рассматривается как нормативный принцип, определяющий пределы экономической активности и направляющий государственную политику. В частности, обоснована идея межпоколенческой справедливости как основа устойчивого развития, необходимость сохранения ресурсов и возможностей для будущих поколений [6, p.25]. Также указана необходимость признания устойчивости фундаментальным принципом современного правопорядка, который должен интегрировать экологические и экономические интересы в единую систему регулирования [5, p. 63].

Развитие цифровой экономики вносит в данную концепцию новые элементы, поскольку информационные технологии формируют качественно иную среду экономических отношений. Цифровые платформы, большие данные и системы искусственного интеллекта становятся ключевыми факторами экономической динамики. М. Кастельс, анализируя процессы становления сетевого общества, отмечал, что цифровые технологии создают новую структуру социальной организации, основанную на информационных сетях и глобальных потоках данных [7, p. 70]. В этих условиях традиционные подходы к правовому регулированию экономических отношений сталкиваются с необходимостью адаптации к новым формам хозяйственной деятельности.

В юридической науке усиливается дискуссия о том, каким образом принципы устойчивого развития могут быть интегрированы в регулирование цифровой экономики. Одни исследователи полагают, что цифровизация способна стать инструментом повышения эффективности устойчивого развития, поскольку современные технологии позволяют оптимизировать использование ресурсов и повысить прозрачность управления. Так, обращено внимание на способность сложных систем к саморегуляции при условии правильной организации информационных потоков [8, p. 105]. Другие ученые подчеркивают, что цифровая трансформация может усиливать социальное неравенство и создавать новые риски для устойчивого развития, включая цифровую монополизацию рынков и концентрацию экономической власти. В частности, цифровая экономика связывается с формированием новых форм экономической дифференциации [3, с. 41].

Таким образом, формируется сложная научная проблема, связанная с необходимостью осмысления правовых аспектов устойчивого развития в условиях цифровой экономики. Речь идет не только о совершенствовании отдельных правовых механизмов, но и о формировании целостной концепции регулирования, способной учитывать технологические изменения и обеспечивать долгосрочную стабильность социально-экономических систем. Отсутствие такой концепции может привести к дисбалансу между экономической эффективностью цифровизации и общественными интересами.

Наше исследование состоит в анализе правовых аспектов устойчивого развития в условиях цифровой экономики и выявлении основных направлений их теоретического и нормативного осмысления. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд взаимосвязанных задач: проанализировать научные подходы к понятию устойчивого развития в праве; рассмотреть особенности цифровой экономики как новой среды правового регулирования; определить ключевые правовые проблемы, возникающие в процессе цифровой трансформации экономики; а также выявить направления развития правовых механизмов, способных обеспечить баланс между технологическим прогрессом и устойчивостью общественного развития.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные методы правового анализа. Использование системного подхода позволяет рассматривать устойчивое развитие и цифровую экономику как взаимосвязанные элементы современной социально-экономической системы. Сравнительно-правовой анализ способствует выявлению различных научных подходов к рассматриваемой проблеме, а также позволяет оценить возможности интеграции принципов устойчивого развития в правовое регулирование цифровой экономики. Применение данных методов обеспечивает комплексное исследование рассматриваемой проблемы и создает основу для дальнейшего теоретического анализа правовых аспектов устойчивого развития в условиях цифровой трансформации экономики.

Формирование научного представления о правовых аспектах устойчивого развития в условиях цифровой экономики требует обращения к теоретическим основаниям самой категории устойчивости и ее месту в системе современного права. В юридической науке устойчивое развитие постепенно трансформировалось из преимущественно политико-экономической концепции в нормативный ориентир, влияющий на формирование правовой политики и законодательных механизмов регулирования. Это обстоятельство обусловлено тем, что устойчивость предполагает долгосрочный баланс интересов государства, общества и экономики, а подобный баланс может быть обеспечен лишь через систему правовых принципов и институтов.

Устойчивое развитие нередко рассматривается как межотраслевой принцип, который влияет на содержание различных отраслей права. С.С. Алексеев обращал внимание на то, что принципы права выполняют системообразующую функцию и задают направленность развития правового регулирования [1, с.117]. С этой точки зрения устойчивость может рассматриваться как нормативное начало, определяющее пределы экономической деятельности и направляющее государственную политику в сторону долгосрочного общественного блага. Подобный подход позволяет рассматривать устойчивое развитие не как отдельный институт, а как комплексную правовую идею, способную интегрировать различные направления регулирования.

В международной правовой мысли данная концепция получила дальнейшее развитие в рамках экологического и экономического права. Исследователи подчеркивают, что устойчивость должна обеспечивать баланс между экономическим ростом и сохранением природных ресурсов, а также учитывать социальные последствия экономической деятельности. Так, устойчивое развитие рассматривается как фундаментальный принцип правового порядка, который должен определять границы экономической свободы и обеспечивать долгосрочную стабильность общественных систем (5, p.75). В этой связи устойчивость приобретает значение нормативного критерия, позволяющего оценивать легитимность экономических решений.

Однако переход к цифровой экономике существенно изменяет условия реализации данного принципа. Экономические отношения increasingly перемещаются в виртуальное пространство, где ключевую роль играют данные, алгоритмы и цифровые платформы. Подобная трансформация приводит к возникновению новых форм экономической власти, а также меняет структуру распределения ресурсов. Отмечается,

что в сетевом обществе именно информационные сети становятся основой социальной и экономической организации [7, p.92]. В результате традиционные правовые инструменты, ориентированные на материальные активы и территориальную юрисдикцию, оказываются недостаточно эффективными для регулирования цифровых процессов.

Одновременно усиливается дискуссия о том, каким образом цифровые технологии могут влиять на устойчивость социально-экономического развития. С одной стороны, цифровизация создает новые возможности для повышения эффективности управления ресурсами, развития экологически ориентированных технологий и повышения прозрачности экономической деятельности. Подчеркивается, что цифровые технологии способны радикально повысить производительность и оптимизировать использование ресурсов [9, p.38]. С другой стороны, цифровая экономика способна усиливать экономическую концентрацию и создавать новые формы неравенства.

Обращено внимание на то, что цифровая экономика формирует новую модель распределения экономических возможностей, где ключевую роль играют доступ к технологиям и способность управлять информационными потоками [3, с.43]. В результате возникает риск углубления социального расслоения и усиления зависимости экономических систем от крупных технологических корпораций.

С учетом этих обстоятельств правовые аспекты устойчивого развития в условиях цифровой экономики приобретают особую значимость. Право должно не только реагировать на возникающие технологические изменения, но и формировать нормативные условия, способствующие гармоничному развитию общества. В этой связи в юридической науке усиливается интерес к разработке правовых механизмов, позволяющих обеспечить баланс между инновационным развитием и долгосрочной устойчивостью социально-экономических систем.

Переход к рассмотрению конкретных правовых аспектов устойчивого развития в цифровой экономике предполагает дальнейший анализ существующих научных подходов и методологических оснований исследования, что позволяет более детально раскрыть содержание данной проблемы и определить направления ее теоретического осмысления.

Дальнейшее рассмотрение проблемы требует более детального анализа правовых аспектов устойчивого развития применительно к цифровой экономике. На данном этапе исследования важно определить, какие именно элементы правовой системы оказываются наиболее чувствительными к цифровой трансформации и каким образом принципы устойчивого развития могут быть интегрированы в нормативное регулирование новых экономических отношений. Речь идет прежде всего о таких направлениях, как регулирование цифровых платформ, защита данных, обеспечение технологической безопасности и формирование справедливых условий доступа к цифровым ресурсам.

В современной правовой доктрине устойчивое развитие все чаще рассматривается как междисциплинарная категория, охватывающая не только экологические, но и социально-экономические аспекты развития. Такой подход обусловлен тем, что экономическая деятельность в цифровую эпоху тесно связана с использованием информационных ресурсов, которые приобретают стратегическое значение. Данные становятся одним из ключевых факторов производства, а управление ими влияет на конкурентоспособность государств и компаний. В этой связи правовое регулирование цифровых данных приобретает значение важнейшего элемента обеспечения устойчивого развития. В научной литературе подчеркивается, что цифровая экономика формирует новые типы экономических ресурсов, требующих особых правовых режимов регулирования [7, p.148].

Одновременно цифровая трансформация усиливает значение принципа транспарентности и подотчетности экономической деятельности. Использование алгоритмов и автоматизированных систем принятия решений нередко сопровождается проблемой непрозрачности технологических процессов. Это может создавать риски для прав и законных интересов граждан, а также снижать уровень доверия к цифровым институтам. В теории права подчеркивается, что устойчивое развитие предполагает наличие прозрачных и предсказуемых правовых механизмов регулирования, обеспечивающих баланс частных и публичных интересов. Отмечено, что принципы права выполняют роль нормативных ориентиров, позволяющих формировать устойчивую систему правового регулирования [2, с.82].

Важным аспектом является и проблема распределения ответственности в цифровой экономике. В традиционных экономических отношениях ответственность за последствия хозяйственной деятельности, как правило, закрепляется за конкретными субъектами. Однако в цифровой среде решения нередко принимаются автоматизированными системами, основанными на алгоритмах и искусственном интеллекте. Это создает сложные правовые ситуации, связанные с определением субъектов ответственности за возможные негативные последствия использования технологий. В научных исследованиях обращается внимание на то, что правовые принципы выполняют функцию балансирования интересов в ситуациях нормативной неопределенности [4, p.52]. Применительно к цифровой экономике подобное балансирование становится особенно актуальным.

Дополнительное значение приобретает и проблема цифрового неравенства. Несмотря на значительные возможности, которые предоставляет цифровая экономика, доступ к цифровым технологиям остается неравномерным как между государствами, так и внутри отдельных обществ. Это обстоятельство может препятствовать достижению целей устойчивого развития, поскольку ограничивает участие отдельных групп населения в экономических процессах. Так, устойчивость рассматривается как способность системы адаптироваться к изменениям и сохранять внутренний баланс [8, p.134]. В этой связи устранение цифрового неравенства становится важным условием устойчивого социально-экономического развития.

Таким образом, анализ правовых аспектов устойчивого развития в условиях цифровой экономики показывает, что ключевые вызовы связаны с необходимостью адаптации правовой системы к новым формам экономической деятельности. Право должно учитывать специфику цифровых технологий, обеспечивая при этом защиту общественных интересов и долгосрочную устойчивость социально-экономических процессов. Рассмотренные положения создают основу для дальнейшего анализа результатов исследования и обсуждения возможных направлений развития правового регулирования в данной сфере.

В последующих исследованиях необходимо перейти к анализу тех факторов, которые непосредственно влияют на формирование правовой политики в данной сфере. Цифровая трансформация экономики не только изменяет технологическую основу производства, но и приводит к переосмыслению роли государства в регулировании экономических процессов. В традиционной экономике государство выступало главным образом как регулятор материального производства и распределения ресурсов. Однако в цифровой экономике его функции существенно расширяются, включая обеспечение устойчивости цифровой инфраструктуры, регулирование оборота данных и создание правовых условий для безопасного использования технологий.

Одним из ключевых направлений правового обеспечения устойчивого развития становится формирование нормативной среды, способной поддерживать инновации и одновременно предотвращать негативные последствия технологических изменений. В условиях быстрого развития цифровых технологий традиционные механизмы правового регулирования часто оказываются недостаточно гибкими. Это обусловлено

тем, что инновационные процессы развиваются быстрее, чем законодательство успевает адаптироваться к новым реалиям. Подчеркивается, что скорость распространения цифровых технологий создает серьезные вызовы для государственных институтов и правовых систем [9, p.61]. Поэтому возникает необходимость разработки более адаптивных правовых механизмов.

Существенную роль в обеспечении устойчивого развития цифровой экономики играет правовое регулирование цифровых платформ. В современной экономике именно платформенные компании становятся ключевыми посредниками между производителями и потребителями товаров и услуг. Их деятельность влияет на структуру рынков, условия конкуренции и распределение экономических выгод. При этом высокая степень концентрации данных и технологий в руках ограниченного числа крупных компаний может создавать риски для устойчивого развития экономики. Отмечается, что цифровые сети способны формировать новые центры экономической власти, которые оказывают значительное влияние на глобальные процессы [7, p.168]. Это обстоятельство требует разработки правовых механизмов, направленных на поддержание справедливой конкуренции и предотвращение злоупотребления рыночной властью.

Еще одним важным направлением правового регулирования является обеспечение информационной безопасности и защиты персональных данных [10, с.193–203]. Расширение цифровой экономики сопровождается увеличением объемов обрабатываемой информации, что повышает риск утечки данных и киберпреступности. В этих условиях правовая система должна обеспечивать баланс между свободой обращения информации и необходимостью защиты частной жизни граждан. В научной литературе отмечается, что доверие пользователей к цифровым сервисам является важным условием устойчивого развития цифровой экономики. Отсутствие надежных механизмов защиты данных может подорвать стабильность цифровых рынков и снизить эффективность использования технологий.

Отдельное внимание в контексте устойчивого развития заслуживает экологический аспект цифровой экономики. Несмотря на распространенное представление о цифровых технологиях как о нематериальных процессах, их функционирование требует значительных энергетических ресурсов. Центры обработки данных, телекоммуникационные сети и другие элементы цифровой инфраструктуры потребляют значительное количество электроэнергии и создают дополнительную нагрузку на окружающую среду. В этой связи правовое регулирование должно учитывать экологические последствия цифровизации и стимулировать развитие энергоэффективных технологий. Подобный подход соответствует концепции интеграции экологических и экономических интересов, которая рассматривается в доктрине устойчивого развития как одно из ключевых условий долгосрочного развития общества.

Результаты проведенного анализа позволяют сделать вывод о том, что правовые аспекты устойчивого развития в условиях цифровой экономики охватывают широкий круг вопросов, связанных с регулированием цифровых платформ, защитой данных, обеспечением информационной безопасности и учетом экологических последствий технологического развития. Все эти элементы образуют взаимосвязанную систему, в рамках которой право выступает инструментом обеспечения баланса между инновационным развитием и устойчивостью социально-экономических процессов. Рассмотренные положения создают основу для дальнейшего обсуждения полученных результатов и формулирования обобщающих выводов исследования.

Полученные в ходе исследования положения позволяют перейти к обсуждению результатов и их интерпретации в контексте современного развития правовой системы. Анализ научных подходов и нормативных тенденций показывает, что устойчивое развитие в условиях цифровой экономики приобретает комплексный характер и

требует согласованного применения различных правовых инструментов. При этом особое значение приобретает способность правовой системы адаптироваться к технологическим изменениям, сохраняя при этом стабильность правового регулирования и обеспечивая защиту общественных интересов.

Одним из ключевых результатов исследования является вывод о том, что цифровая экономика существенно расширяет содержание категории устойчивого развития. Если ранее устойчивость рассматривалась преимущественно в контексте экологической политики и рационального использования природных ресурсов, то в условиях цифровизации она включает также вопросы технологической безопасности, справедливого распределения цифровых возможностей и устойчивости информационной инфраструктуры. В этой связи устойчивое развитие следует рассматривать как межотраслевой принцип правового регулирования, способный объединять различные направления государственной политики.

Анализ научных источников показывает, что многие исследователи подчеркивают необходимость интеграции правовых и технологических подходов к обеспечению устойчивого развития. Так, устойчивость рассматривает как основа долгосрочной легитимности экономических систем и отмечается, что правовые институты должны обеспечивать баланс между экономическими интересами и общественным благом [5, p.109]. Также обращается внимание на то, что развитие сетевого общества приводит к изменению структуры власти и экономических отношений, что требует новых форм регулирования [7, p.210]. Эти положения свидетельствуют о необходимости более активного участия права в формировании устойчивых моделей цифрового развития.

Отдельного внимания заслуживает проблема взаимодействия государства и частного сектора в цифровой экономике. Развитие технологий в значительной степени осуществляется частными компаниями, обладающими значительными ресурсами и инновационным потенциалом. Однако обеспечение устойчивого развития требует учета публичных интересов, включая защиту прав граждан, обеспечение справедливой конкуренции и сохранение экологического баланса. В таких условиях право должно выполнять функцию координации интересов различных участников экономических отношений, формируя институциональные условия для устойчивого развития.

Важным результатом исследования является также выявление необходимости совершенствования правовых механизмов регулирования цифровых платформ и данных. Цифровые платформы становятся ключевыми элементами современной экономики, однако их деятельность нередко сопровождается высокой степенью концентрации рыночной власти. Это может создавать угрозы для устойчивости экономической системы, ограничивая возможности развития конкуренции и инноваций. В связи с этим правовое регулирование должно быть направлено на обеспечение прозрачности деятельности цифровых платформ и предотвращение злоупотреблений их экономическим положением.

Наряду с этим исследование показывает, что устойчивое развитие цифровой экономики невозможно без учета социальных факторов. Расширение доступа к цифровым технологиям, развитие цифровых навыков населения и обеспечение равных возможностей участия в цифровой экономике являются важными условиями долгосрочной стабильности общества. Так, устойчивость рассматривается как способность системы поддерживать внутреннее равновесие и адаптироваться к изменениям внешней среды [8, p.141]. С этой точки зрения социальная инклюзия становится важным элементом правового обеспечения устойчивого развития.

Исходя из этого, следует, что правовые аспекты устойчивого развития в условиях цифровой экономики охватывают широкий спектр проблем, включая регулирование цифровых технологий, защиту данных, обеспечение справедливой конкуренции и развитие социальной инфраструктуры. Комплексный характер данных

проблем требует системного подхода к их решению, что создает предпосылки для формулирования обобщающих выводов и определения перспектив дальнейших научных исследований в данной области.

На основе этого можно сформулировать ряд обобщающих выводов относительно правовых аспектов устойчивого развития в условиях цифровой экономики. Прежде всего следует отметить, что цифровая трансформация хозяйственной деятельности значительно расширяет содержание концепции устойчивого развития, переводя ее из преимущественно экологической плоскости в более широкое социально-экономическое и технологическое измерение. Цифровая экономика формирует новую институциональную среду, в которой данные, информационные платформы и алгоритмы становятся важнейшими факторами экономической динамики. В этих условиях правовое регулирование должно учитывать не только эффективность цифровых технологий, но и их долгосрочное влияние на социальную структуру общества, экономическую стабильность и экологическую безопасность.

Результаты анализа научной литературы и современных правовых тенденций показывают, что устойчивое развитие постепенно закрепляется в качестве межотраслевого принципа правовой системы. Его содержание включает обеспечение баланса между экономическим ростом, социальным благополучием и сохранением природных ресурсов. В условиях цифровой экономики к этим элементам добавляется необходимость обеспечения устойчивости информационной инфраструктуры, защиты данных и предотвращения технологических рисков. Таким образом, правовые аспекты устойчивого развития приобретают комплексный характер и требуют координации различных направлений правовой политики.

Было установлено, что одним из ключевых направлений правового обеспечения устойчивого развития является регулирование цифровых платформ и оборота данных. Эти элементы становятся основой современной экономической системы и оказывают значительное влияние на структуру рынков и распределение экономических ресурсов. Отсутствие эффективных правовых механизмов регулирования в данной сфере может привести к концентрации экономической власти и снижению уровня конкуренции. Следовательно, правовая система должна формировать условия, при которых развитие цифровых технологий будет способствовать устойчивому экономическому росту и сохранению справедливых условий хозяйственной деятельности.

Не менее важным аспектом является обеспечение информационной безопасности и защиты персональных данных. Расширение цифровой экономики сопровождается увеличением объемов обрабатываемой информации и повышением риска злоупотреблений в сфере ее использования. Устойчивое развитие в данном контексте предполагает формирование надежных правовых гарантий, обеспечивающих защиту прав и свобод граждан в цифровой среде. При этом регулирование должно сохранять баланс между свободой обращения информации и необходимостью защиты частной жизни, что является одним из ключевых условий доверия к цифровым институтам.

Особое значение имеет и социальное измерение устойчивого развития цифровой экономики. Расширение доступа к цифровым технологиям, развитие цифровой инфраструктуры и повышение уровня цифровой грамотности населения являются важными условиями устойчивого экономического развития. Без решения этих задач цифровая трансформация может привести к усилению социального неравенства и ограничению возможностей участия отдельных групп населения в экономической жизни. В этой связи правовое регулирование должно быть направлено на создание условий для равного доступа к цифровым ресурсам и технологиям.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что правовые аспекты устойчивого развития в условиях цифровой экономики формируют новое направление развития

современной юридической науки. Его содержание связано с разработкой комплексных механизмов правового регулирования, обеспечивающих баланс между технологическим прогрессом и долгосрочной устойчивостью социально-экономических процессов. Перспективы дальнейших исследований связаны с более детальным анализом международных правовых подходов к регулированию цифровой экономики, а также с разработкой конкретных правовых инструментов, направленных на обеспечение устойчивого развития в условиях ускоренной технологической трансформации общества.

Литература

1. Алексеев С.С. Теория права. – М.: БЕК, 1995. – 320 с.
2. Ершов В.В. Принципы российского права: проблемы теории и практики. – М.: Норма, 2016. – 256 с.
3. Иноземцев В.Л. Цифровая экономика и социальное неравенство // Вопросы экономики. – 2018. – № 3. – С. 35–48.
4. Alexy R. A Theory of Constitutional Rights. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 462 p.
5. Bosselmann K. The Principle of Sustainability: Transforming Law and Governance. – Aldershot: Ashgate, 2008. – 252 p.
6. Brown Weiss E. In Fairness to Future Generations: International Law, Common Patrimony and Intergenerational Equity. – Tokyo: United Nations University Press, 1990. – 351 p.
7. Castells M. The Rise of the Network Society. – Oxford: Blackwell, 2010. – 597 p.
8. Meadows D. Thinking in Systems: A Primer. – White River Junction: Chelsea Green Publishing, 2008. – 240 p.
9. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. – Geneva: World Economic Forum, 2016. – 172 p.
10. Меликов У.А. Ҳуқуқи иттилоотӣ. Китоби дарсӣ. – Душанбе: “Эр–граф”, 2025. –336 с.

УДК: 342.7:004

ИНФОРМАЦИЯ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ ПРАВОВЫМ СИСТЕМАМ

ХОЛИКЗОДА АБДУРАХИМ ГАФОР
Директор «Центра исламоведения при Президенте Республики Таджикистан», доктор юридических наук, профессор. Тел.: (+992) 938020568: E-mail: halim2006@yandex.ru

ХОЛИКОВА МАРИФАТ ГАФОРОВНА
Международный университет туризма и предпринимательства Таджикистана, ассистент кафедры права. Тел.: +992 939888981: E-mail: msu_4ever@inbox.ru

Настоящая статья посвящена философско-правовому осмыслению природы информации как базовой категории современного информационного общества и самостоятельного объекта правового регулирования. Обосновывается, что информация трансформируется из нейтрального социального ресурса в особую форму власти, влияющую на распределение прав, возможностей и социальных благ, формируя новые формы неравенства и зависимостей в условиях цифровизации. Показано, что в условиях развития технологий искусственного интеллекта человек одновременно выступает субъектом и объектом информационно-правовых отношений, что требует уточнения его правового статуса и усиления гарантий защиты личной автономии, достоинства и когнитивной свободы. Особое внимание уделяется информации как фактору современных конфликтов, включая когнитивные войны, что обусловливает необходимость формирования комплексных правовых механизмов противодействия информационным угрозам.

Ключевые слова: информация, информационное и гражданское общество, искусственный интеллект, когнитивная война, информационная власть, право на свободу слова, право на достоверную информацию, социальное и правовое неравенство, цифровизация, самосознание, правосознание, правовое регулирование, когнитивное воздействие, сетевое общество, власть-знание, глобализация.

INFORMATION AND DIGITALIZATION: PROSPECTS AND CHALLENGES FOR LEGAL SYSTEMS

KHOLIKZODA ABDURAHIM GAFOR
Director of the Center for Islamic Studies under the President of the Republic of Tajikistan, doctor of law, professor. Phone.: (+992) 938020568: E-mail: halim2006@yandex.ru

KHOLIKOVA MARIFAT GAFOROVNA
International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan, Assistant of the Department of Law. Phone: +992 939888981: E-mail: msu_4ever@inbox.ru

The present article is devoted to a philosophical and legal analysis of the nature of information as a fundamental category of the contemporary information society and as an independent object of legal regulation. It is argued that information is transforming from a neutral social resource into a specific form of power that influences the distribution of rights, opportunities, and social benefits, thereby generating new forms of inequality and dependency under conditions of digitalization. It is demonstrated that, in the context of the development of

artificial intelligence technologies, the individual simultaneously acts as both a subject and an object of information-related legal relations, which necessitates a refinement of his or her legal status and the strengthening of guarantees for the protection of personal autonomy, dignity, and cognitive freedom. Particular attention is paid to information as a factor in contemporary conflicts, including cognitive warfare, which underscores the need to develop comprehensive legal mechanisms to counter information threats.

Keywords: information; information society and civil society; artificial intelligence; cognitive warfare; informational power; freedom of speech; right to reliable information; social and legal inequality; digitalization; self-awareness; legal consciousness; legal regulation; cognitive influence; network society; power–knowledge; globalization.

ИТТИЛООТ ВА РАҚАМИКУНОНӢ: ДУРНАМО ВА ТАҲДИДҲО БА НИЗОМҲОИ ҲУҚУҚӢ

ҲОЛИҚЗОДА АБДУРАҲИМ ҒАФОР
Директори Маркази исломшиносии назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор. Тел.: (+992) 938020568: E-mail: halim2006@yandex.ru

ҲОЛИҚОВА МАРИФАТ ҒАФОРОВНА
Донишгоҳи байналмилалии сайёҳӣ ва соҳибкории Тоҷикистон, ассистенти кафедраи ҳуқуқ. Тел.: (+992) 939888981: E-mail: msu_4ever@inbox.ru

Мақола ба таҳлили фалсафӣ-ҳуқуқии иттилоот ҳамчун категорияи бунёдии ҷомеаи иттилоотӣ ва объекти мустақили танзими ҳуқуқӣ бахшида шудааст. Нишон дода мешавад, ки иттилоот ба шакли қудрат табдил ёфта, ба тақсимоти ҳуқуқҳо ва неъматҳои иҷтимоӣ таъсир мерасонад ва дар шароити рақамикунонӣ нобаробарии навро ба вуҷуд меорад. Инсон дар чунин муносибатҳо ҳамзамон субъект ва объект буда, зарурати такмили мақоми ҳуқуқӣ ва таҳкими кафолатҳои ҳифзи худмухторӣ, шаъну шараф ва озодии фикриро ба миён меорад. Ҳамзамон, иттилоот ҳамчун омили муноқишаҳои муосир баррасӣ гардида, зарурати механизмҳои самараноки ҳуқуқӣ барои муқовимат ба таҳдидҳои иттилоотӣ таъкид мегардад.

Калидвожаҳо: иттилоот, ҷомеаи иттилоотӣ ва шаҳрвандӣ, низомҳои зеҳнии рақамӣ, ҷанги когнитивӣ, қудрати иттилоотӣ, ҳуқуқ ба озодии сухан, ҳуқуқ ба иттилооти боэътимод, нобаробарии иҷтимоӣ ва ҳуқуқӣ, рақамикунонӣ, худшиносӣ, шуури ҳуқуқӣ, танзими ҳуқуқӣ, таъсири когнитивӣ, ҷомеаи шабакавӣ, робитаи қудрат ва дониш, ҷаҳонишавӣ.

> *«И воображаемый (имагинативный) мир образов, именуемый также нижним малакутом, миром подобий и миром душ, а также барзахом между духовно-интеллигибельным миром и чувственно-телесным миром, то есть миром, обладающим формой и лишённым материи, – называется так потому, что он выступает промежуточным уровнем между чувственным и разумным мирами.»*
> Абу Али ибн Сина [1, с. 142]

В научной традиции, восходящей к позициям интеллектуальной элиты, наш мир интерпретируется как **чувственно-материальный**, а не как мир чистых разумов; последний, по мнению многих исследователей, представляет собой иную реальность, находящуюся вне человеческой воли и превосходящую его познавательные и онтологические возможности.

Вместе с тем, вопреки данной установке, характерной, в частности, для философов перипатетической (машшаитской) школы, современный человек сумел создать искусственный интеллект, однако до настоящего времени остаётся неспособным к конструированию подлинно **искусственных чувств**, несмотря на то, что сам человеческий мир определяется как мир чувственно-телесного опыта.

Данное обстоятельство свидетельствует о том, что моделирование и воспроизведение чувственной сферы оказывается значительно более сложной задачей, нежели создание интеллектуальных алгоритмов. Подобный вывод либо ставит под сомнение классические представления научной элиты о иерархии миров и их «душ», в рамках которых мир разумов мыслится выше мира ощущений, либо подтверждает принципиальную несоизмеримость и ограниченность искусственного интеллекта по сравнению с подлинным, естественным разумом.

Тем не менее, несмотря на указанное логическое напряжение, рассматриваемый феномен указывает на то, что **чувства и органы чувств**, как результат естественного импульса и эволюционного развития, представляют собой более сложное и высокоорганизованное явление, чем отдельные формы продуктивной (созидательной) рациональности.

Ключевым элементом, остающимся недостижимым для современных цифровых систем, выступает **самосознание**, а также способность к осмыслению и защите собственного интереса в процессе решения задач. Включение подобного элемента в цифровые технологии потенциально может привести к радикальному изменению статуса человека, вплоть до его вытеснения как избыточного звена, что, в свою очередь, чревато цивилизационными последствиями катастрофического характера.

Прежде чем приблизиться к раскрытию сущности информационной эпохи в правовом измерении, необходимо, руководствуясь первым законом логики – принципом тождества, – уяснить содержание самого центрального понятия данного периода – **«информация»**, а также всесторонне определить сферу её применения и функциональное назначение в рамках настоящего исследования.

Ключевой вопрос данного анализа заключается в том, какие именно явления и процессы охватываются понятием «информация» в юридическом смысле.

Информация, выступая в качестве ведущего фактора современной цивилизации, на протяжении последнего столетия, несмотря на присущие ей недостатки и деформации, проявившиеся в условиях глобализации и научно-технических революций, фактически управляет мировыми процессами. Данная её характеристика была осмыслена крупнейшими представителями научной мысли, посвятившими специальные исследования анализу её влияния, роли и потенциала[5].

Не случайно ведущие теоретики современной мировой политики обоснованно подчёркивают, что судьба будущего в значительной степени определяется уровнем развития информации и искусственного интеллекта.

А. Информация как сила и власть

В современных условиях не вызывает сомнений, что информация и обладание знаниями выступают не только источником силы, но в определённой мере и формой власти. Информация выступает в качестве мощного онтологического и социального ресурса, способного обеспечивать преимущество в различных сферах общественной жизни, включая экономическое соперничество и военно-стратегическое противостояние, где решающим фактором нередко становится уровень информированности соответствующих субъектов.

Показательным в данном контексте является опыт Авраам Линкольн в период Гражданская война в США, когда посредством развертывания протяжённой сети коммуникационных линий и целенаправленного управления информационными потоками на театре военных действий была обеспечена победа северных штатов над южными. Данный исторический пример наглядно демонстрирует стратегическую

значимость информации как инструмента управления и достижения политико-военных целей.

В этой связи представители современных социальных наук обоснованно утверждают, что будущее принадлежит тем субъектам, в распоряжении которых сосредоточены ключевые информационные ресурсы [6, с. 101-102].

Созвучную мысль значительно ранее выразил таджикский поэт и суфий Джалал ад-Дин Балхи, подчёркивая взаимосвязь осведомлённости и внутренней силы человека:

Потребность души, о сердце, – в осведомлённости;

И чем более человек осведомлён, тем крепче его дух.

Данная идея, сформулированная задолго до становления европейской научной традиции, свидетельствует о глубоком философском осмыслении роли знания и информации как фундаментальных факторов силы, развития и устойчивости человека и общества.

В настоящее время, в условиях биоинженерной революции и развития искусственного интеллекта в информационную эпоху, по мнению Юваль Ной Харари, существует вероятность значительного и непредсказуемого расширения разрыва между обеспеченными слоями населения и группами, которые могут оказаться социально «избыточными» или невостребованными, что, в свою очередь, способно многократно усилить масштабы неравенства [6, с. 104].

Основная проблема, порождаемая развитием информационных процессов и биотехнологических революций, заключается в том, что информация как фактор производства трансформирует содержание собственности и экономическую ценность человеческих масс, снижая значение труда широких слоёв населения в создании необходимых благ. В результате этого экономическое неравенство потенциально может трансформироваться в неравенство биологическое, что ставит перед современным обществом принципиально новые правовые и этические вызовы.

В современном научном дискурсе всё более устойчиво утверждается тезис о глубинной трансформации природы социального неравенства, обусловленной сменой доминирующих ресурсов общественного развития. Если в аграрную эпоху ключевым фактором стратификации выступала земля, а в индустриальный период – средства производства, то в XXI веке определяющее значение приобретает информация как особая форма нематериального капитала.

Как справедливо отмечает Мануэль Кастельс, современное общество трансформируется в «сетевое общество», в котором власть принадлежит тем, кто способен контролировать потоки информации и коммуникации[7]. В этой логике информация становится не просто ресурсом, а фундаментальным основанием власти и новым критерием социальной дифференциации.

Дальнейшее развитие данной идеи находит отражение в работах Юваль Ной Харари, который указывает, что в XXI веке формируется новая социальная структура, где решающее значение имеет доступ к данным и способность их обработки: «Тот, кто контролирует данные, контролирует будущее» [6; 9].

С юридико-философской точки зрения данная трансформация свидетельствует о переходе к новому типу власти, близкому к концепции «власти-знания», разработанной Мишель Фуко, согласно которой знание и информация выступают не только инструментом, но и источником власти, формирующим социальные практики и нормативные порядки. [8, с. 27] Вместе с тем экономико-правовой аспект проблемы раскрывается в трудах Джозеф Стиглиц, который подчёркивает, что неравномерное распределение информации усиливает социальное и экономическое неравенство, создавая асимметрию возможностей и подрывая принципы справедливости. [10, с. 27-28]

В этой связи принципиально важным становится вывод о том, что информационное неравенство качественно отличается от традиционных форм

социального расслоения. Если в прежние эпохи концентрация материальных ресурсов сталкивалась с объективными ограничениями, то в условиях цифровизации сосредоточение информации в руках узкого круга субъектов оказывается существенно более доступным и менее подверженным институциональному контролю.

Это обстоятельство ведёт к трансформации самой природы справедливости как базового принципа права. В условиях информационного общества формально-юридическое равенство всё чаще уступает место фактическому неравенству доступа к знаниям, технологиям и когнитивным ресурсам. В результате формируется новая модель социальной стратификации, основанная на информационно-когнитивных различиях, которая выходит за рамки классических правовых конструкций.

Особую тревогу вызывает то, что данная форма неравенства не проявляется в традиционных формах физического или юридического подчинения. Речь идёт о более сложных и латентных механизмах – интеллектуального и духовного доминирования, воздействии на сознание, формировании ценностных ориентиров и управлении поведением индивидов. В этом смысле можно говорить о становлении новых форм зависимости, имеющих когнитивно-культурную природу.

Таким образом, современная информационная эпоха ставит перед юридической наукой задачу переосмысления фундаментальных категорий права – власти, свободы, равенства и справедливости – и требует выработки новых нормативных механизмов, способных обеспечить баланс между технологическим прогрессом и защитой прав человека в условиях усиливающейся глобальной цифровой асимметрии.

Крупные цифровые корпорации, предоставляя пользователям ostensibly бесплатный доступ к информации, привлекают и удерживают их внимание, которое впоследствии коммерциализируется и реализуется на рынке рекламных услуг. Однако, как подчёркивает Юваль Ной Харари, их основная цель заключается не столько в извлечении прибыли от продажи пользовательского внимания, сколько в накоплении максимально полного массива данных о человеке, что позволяет им в перспективе управлять пользователями сетевых ресурсов как своеобразным «продуктом» [6; 9].

Иными словами, человек в цифровую эпоху выступает не только в качестве платёжеспособного потребителя, но и, в значительно большей степени, в качестве объекта эксплуатации и обработки. Речь идёт о специфическом «продукте», который посредством психологических и эмоциональных механизмов на когнитивном уровне вовлекается в состояние своеобразной интеллектуальной зависимости.

Данная форма подчинения, имеющая характер когнитивно-психологического воздействия, представляется более глубокой и всеобъемлющей по сравнению с исторически известными формами несвободы – рабством античного периода, крепостной зависимостью феодальной эпохи и социально-экономической уязвимостью пролетариата в условиях индустриального капитализма. Её принципиальное отличие заключается в том, что она не опосредована непосредственно материальными отношениями собственности и не ограничивается рамками позитивного права.

Информационная зависимость, таким образом, выступает как особая форма идеологического и отчасти биокогнитивного подчинения, внедряющаяся в структуру человеческого мышления через эмоционально-психологические механизмы и постепенно проникающая в сферу рационального восприятия. В результате формируется состояние, при котором индивид утрачивает способность к критическому осмыслению происходящего и оказывается внутренне подчинённым навязываемым моделям поведения и мышления.

Особую сложность данной формы зависимости составляет то, что она не вызывает внешнего сопротивления: индивид, принимая её на уровне сознания и чувств, не только не стремится к освобождению, но и воспринимает её как естественное состояние. Тем самым трансформируются фундаментальные основания самосознания личности, включая способность к самоидентификации и готовность к защите

собственных прав, что в конечном итоге приводит к нивелированию внутреннего импульса к сопротивлению несправедливости.

Б. Информация: от средства конфликта к когнитивной войне

В истории человечества информация традиционно играла особую роль, выступая не только как средство коммуникации, но и как мощное идеологическое оружие в противостоянии, конфликтах и войнах. По мнению исследователей, использование информации в качестве инструмента воздействия прослеживается практически во всех конфликтах – от эпохи Троянской войны до XXI века.

Как отмечает Игорь Николаевич Панарин, «информационно-психологическое воздействие на человека по своей продолжительности сопоставимо с историей самого человека как социального существа. Анализ конкретных форм и методов информационного воздействия в современных условиях должен осуществляться с учётом исторического опыта. Противоборствующие стороны с древнейших времён осознавали, что борьба с противником ведётся не только посредством оружия, но и через целенаправленное воздействие на сознание человека» [4, с. 137].

Именно такого рода целенаправленное воздействие, реализуемое в форме стратегической дезинформации и психологических манипуляций, нашло яркое выражение уже в эпоху Троянской войны (около XII века до н. э.) посредством использования известного приёма – так называемого «троянского коня.

Теоретическое осмысление подобных методов было развито Сунь-цзы в VI веке до н. э., который обосновал значение разведки, дезинформации и подрывных действий на территории противника. В последующие эпохи различные формы информационного воздействия находили своё выражение, в частности, в идеологическом обосновании войн (например, концепции «справедливой войны»), в практике информационного влияния в период Тридцатилетней войны XVII века, а также в стратегиях выдающихся полководцев, таких как А. В. Суворов и М. И. Кутузов, активно применявших пропаганду и психологическое воздействие как особые формы информационного ресурса [4, с. 138; 142].

Различные формы пропаганды и использования информации наблюдались как в годы Первая мировая война, так и в период Вторая мировая война, а также продолжают проявляться в современных международных конфликтах.

Так, в ходе военного противостояния июня 2025 года между Израиль и Иран Премьер-министр Биньямин Нетаньяху уже на третий день ракетно-бомбовых ударов по территории Ирана обратился к иранскому народу, назвав его «другом еврейского народа» и призвав к свержению действующего политического режима, в том числе частично используя персидский язык. Данный пример демонстрирует применение информации как инструмента ослабления и деморализации противника.

Аналогичным образом, нестабильность в районе Персидского залива в марте 2026 года выявила новые формы информационного противоборства, проявившиеся в распространении фейковых дипломатических соглашений, инсценированных сообщений о военных победах и недостоверных сведений о гибели высокопоставленных политических деятелей.

В целом исторический опыт и практика масштабного использования информации свидетельствуют о том, что в условиях конфликтов и войн одними из первых формировались специализированные информационные структуры в составе военных организаций. Иными словами, признание и институционализация информации как неотъемлемого элемента системы управления берут своё начало именно в сфере военного противоборства.

Так, уже в 1914 году при Министерство иностранных дел Великобритании было создано специальное Бюро военной пропаганды, впоследствии трансформированное в Управление военной информации, а затем – в Министерство информации.

В августе 1915 года при втором управлении Генерального штаба Министерства обороны Франции было учреждено подразделение службы военной пропаганды, задачей которого являлось распространение посредством листовок информации, выгодной для собственной стороны, среди войск противника.

В 1917 году в Соединённые Штаты Америки был создан Комитет по общественной информации, связанный с администрацией Вудро Вильсон, основной целью которого являлось ведение пропаганды среди населения в поддержку участия США в мировой войне, а также продвижение так называемой миротворческой политики американского руководства.

В дальнейшем, в период Вторая мировая война, наряду с военными органами пропаганды отчётливо проявляется возрастающая роль средств массовой информации – газет, радио и телевидения – как эффективных инструментов информационного воздействия, активно применявшихся в целях мобилизации общественного сознания и героизации участников вооружённого противостояния.

В современных условиях использование информации в конфликтах трансформировалось в качественно новую форму противоборства, получившую название «когнитивная война», которая непосредственно отражает определённое направление цивилизационного и межгосударственного противостояния.

Когнитивная война в условиях глобализации и нового перераспределения мировых интересов со стороны ведущих держав особенно остро проявляется в различных зависимых и стратегически значимых регионах мира.

Примечательно, что спектр её воздействия не ограничивается исключительно противниками и участниками вооружённого противостояния. Существенными компонентами выступают также агитация и пропаганда, ориентированные на обеспечение национальных интересов и безопасности воюющего государства, включая распространение искажённой или недостоверной информации среди населения, а также сознательное ограничение доступа к объективной информации посредством её блокирования, запрета или дискредитации.

На данном этапе в рамках широкого использования информационных технологий мы сталкиваемся с явлением фактического отрицания права граждан на получение достоверной информации, что ставит под вопрос реализацию одного из ключевых элементов современного правового государства.

Территория стран Центральной Азии на протяжении последнего столетия неоднократно становилась ареной различных форм информационных и когнитивных конфликтов. Современные аналитические исследования подтверждают, что данный процесс не только не утратил своей актуальности, но и продолжает развиваться, приобретая всё более сложные и интенсивные формы[2].

Некоторые выводы

В целях защиты национальных правовых систем от угроз, обусловленных цифровизацией информационной среды и внедрением технологий когнитивного воздействия, целесообразно сосредоточить внимание на ряде приоритетных направлений государственной и правовой политики:

1. Прежде всего, необходимо активизировать разъяснительную работу, направленную на формирование адекватного понимания обсуждаемых проблем и нейтрализацию искажённых интерпретаций, распространяемых противоборствующей стороной. Следует учитывать, что заинтересованные субъекты выстраивают механизмы воздействия именно вокруг наиболее чувствительных геополитических и мировоззренческих вопросов, стремясь посредством них воздействовать на эмоции, убеждения и коллективное сознание отдельных обществ. В большенстве случаев эти темы исторически связаны с вопросами национальной идентичности и самосознания отдельных народов и наций, что делает их особенно уязвимыми для манипулятивного воздействия.

В современных условиях в качестве подобных «когнитивных ловушек» выступают, в частности:

а) злоупотребление религиозными убеждениями населения и навязывание чуждых религиозных доктрин;

б) поддержка реакционных, экстремистских и террористических групп, вплоть до формирования военизированных структур в регионе[2, с. 165; 199];

в) актуализация территориальных и пограничных споров на основе прежних несправедливостей в форме «месть истории и месть географии» [3];

г) искусственное обострение нерешённых экологических проблем, способных нанести ущерб национальной экономике [2, с. 288;352];

д) провоцирование конфликтов, связанных с использованием водных ресурсов;

е) распространение отдельных инфекционных заболеваний, в том числе с применением биологических средств, с последующей информационной эскалацией вокруг них;

ж) мобилизация населения в определённое время и в конкретных местах с целью дестабилизации общественного порядка под прикрытием лозунгов о свободах.

2. Во-вторых, психологические и логико-когнитивные аспекты данных конфликтов должны стать предметом системного научного анализа, а на основе достижений психологии и логики следует разрабатывать научно обоснованные методы противодействия когнитивной войне на уровне университетов и национальных академий.

3. Информационное пространство должно находиться под надлежащим этико-правовым регулированием и контролем.

4. Необходимо на научной основе чётко определить пределы и порядок использования социальных сетей, интернет-ресурсов и технологий искусственного интеллекта, закрепив соответствующие положения в политических, финансовых и правовых решениях.

Литература:

1. Абӯалӣ, ибни Сино, Осор. Ҷилди чаҳорум. Мабдаъ ва маод. – Душанбе: «Дониш», 2008.

2. Андронова, Н.Э. Когнитивная война коллективного Запада с государствами Центральной Азии: через призму конфронтации с Россией. Монография. – М.: «Дашков и К», 2024. – 374 с.

3. Каплан, Р. Месть географии. Что могут расказать географичексие карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного / Роберт Каплан, пер. с англ. М. Котова. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016. – 364 с.

4. Панарин, И.Н. Информационная война, PR и мировая политика, Учебное пособие для вузов. – М.: Горячая линия-Телеком, 2006. – 352 с.

5. Сезар, Идальго. Как информация управляет миром и определяет историю нашей вселенной и живущих в ней видов / Пер. с англ. – М.: «Э», 2016. – 256 с.

6. Харари, Ю.Н. Краткая история будущего. – М.: «Homo Deus», Синдбад, 2019. – 496 с.

7. Castells, M. *The Rise of the Network Society*. — Oxford: Blackwell, 1996. — P. 469.

8. Foucault, M. *Power/Knowledge*. — New York: Pantheon Books, 1980.

9. Harari, Y. N. *Homo Deus: A Brief History of Tomorrow*. — London: Harvill Secker, 2016. — P. 366.

10. Stiglitz, J. *The Price of Inequality*. — New York: W.W. Norton, 2012. — P. 560.

UDC 342.7:004

THE "STATE OF THE ART" OF CIVIL LIABILITY FOR DIGITAL PLATFORMS: REGULATORY CONVERGENCE BETWEEN CONSUMER LAW, THE CIVIL RIGHTS FRAMEWORK FOR THE INTERNET, AND BRAZILIAN SUPREME COURT PRECEDENTS

VANESSA VILELA BERBEL
Federal University of Uberlândia (UFU), Brazil Professor of Law, Ph.D. in Philosophy and General Theory of Law. Phone: +(55) 34: E-mail: vanessa.berbel@ufu.br

This paper analyzes the current landscape of civil liability for digital platforms in Brazil, focusing on the protection of vulnerable groups. Through a comparison of best practices, the article examines legislative evolution of platform liability for third-party content in Brazilian law and extends to the constitutional dimensions recently addressed by the Brazilian Supreme Court (Supremo Tribunal Federal — STF). The research adopts a qualitative, doctrinal methodology, combining legislative analysis, case law review, and comparative law.
Keywords: Regulation, Digital Plataforms, Vulnerable Protection.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ: РЕГУЛЯТОРНАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ МЕЖДУ ПРАВОМ ЗАЩИТЫ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ, МАРКОМ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В ИНТЕРНЕТЕ И ПРАКТИКОЙ ВЕРХОВНОГО СУДА БРАЗИЛИИ

ВАНЕССА ВИЛЕЛА БЕРБЕЛ
Федеральный университет Уберландии (UFU), Бразилия Профессор права, доктор философии в области философии и общей теории права.
E-mail: vanessa.berbel@ufu.br

Настоящая статья анализирует современное состояние гражданско-правовой ответственности цифровых платформ в Бразилии с акцентом на защиту уязвимых групп. На основе сравнительного анализа лучших практик рассматривается эволюция законодательного регулирования ответственности платформ за контент третьих лиц в бразильском праве, а также конституционные аспекты, недавно рассмотренные Верховным федеральным судом Бразилии (Supremo Tribunal Federal — STF). Исследование основано на качественной, доктринальной методологии, включающей анализ законодательства, судебной практики и сравнительно-правовой подход.
Ключевые слова: регулирование, цифровые платформы, защита уязвимых групп.

ВАЗЪИ МУОСИРИ ҶАВОБГАРИИ МАДАНӢ-ҲУҚУҚИИ ПЛАТФОРМАҲОИ РАҚАМӢ: ҲАМГАРОИИ ТАНЗИМӢ БАЙНИ ҲУҚУҚИ ҲИФЗИ ИСТЕЪМОЛКУНАНДАГОН, ЧАҲОРЧӮБАИ ҲУҚУҚҲОИ МАДАНӢ ДАР ИНТЕРНЕТ ВА АМАЛИЯИ СУДИ ОЛИИ БРАЗИЛИЯ

ВАНЕССА ВИЛЕЛА БЕРБЕЛ
Донишгоҳи федералии Уберландия (UFU), Бразилия
Профессори ҳуқуқ, доктори фалсафа дар соҳаи фалсафа ва назарияи умумии ҳуқуқ. E-mail: vanessa.berbel@ufu.br

Дар мақолаи мазкур вазъи муосири ҷавобгарии маданӣ-ҳуқуқии платформаҳои рақамӣ дар Бразилия бо таваҷҷуҳ ба ҳифзи гурӯҳҳои осебпазир таҳлил карда мешавад. Дар асоси муқоисаи таҷрибаҳои беҳтарин, мақола эволютсияи танзими қонунгузории масъулияти платформаҳо барои мундариҷаи шахсони сеюмро дар ҳуқуқи Бразилия баррасӣ намуда, инчунин ҷанбаҳои конститутсиониро, ки ахиран аз ҷониби Суди Олии

Бразилия (Supremo Tribunal Federal — STF) мавриди баррасӣ қарор гирифтаанд, дар бар мегирад. Тадқиқот бо истифода аз методологияи сифатӣ ва доктриналӣ, аз ҷумла таҳлили қонунгузорӣ, омӯзиши амалияи судӣ ва усули ҳуқуқи муқоисавӣ анҷом дода шудааст.

Калидвожаҳо: танзим, платформаҳои рақамӣ, ҳифзи гурӯҳҳои осебпазир.

The question of "who is regulating whom" has become increasingly critical, as noted by Sandra Braman [1]. The quasi-normative power of global digital platforms has placed a spotlight on the intersection of private regulation and government surveillance. Indeed, the historical facts revealed close connections between private capital, and the surveillance apparatus of democratic nation-states, as showed by National Security Agency (NSA) case, when Edward Snowden disclosed sensitive cybersecurity issues. It sparked debates about mass surveillance, digital privacy, and democracy in the Internet era and dynamic directly influenced the European Union's adoption of the General Data Protection Regulation (GDPR).

In Brazil, the international scenario exposed significant regulatory gaps within the digital sphere. The Brazilian Internet Bill of Rights, named “Marco Civil da Internet” (MCI), was enacted in 2014 [**5**]. Since this initial regulatory milestone, Brazil has enacted several laws and regulations attempting to balance civil liberties, the economic interests of platforms, and public security.

Nevertheless, the normative model originally established by the MCI, structured around the primacy of free speech, underwent a stress test due to the pervasive use of social engineering that directly affects vulnerable citizens. This shift triggered an epidemic of cyber-fraud, compromising hyper-vulnerable classes, including the elderly, minors, and groups with limited digital literacy vulnerable to disinformation campaigns. This crisis of digital integrity necessitated a revision of the initial regulatory paradigm, resulting in the landmark Supreme Court rulings of June 2025.

The central objective of this article is to assess the conditions under which digital platforms bear civil liability for damages arising from third-party content under Brazilian law, in light of the doctrinal shift introduced by the STF's landmark rulings of June 2025. These decisions mark a decisive departure from the passive intermediary model enshrined in Article 19 of MCI, repositioning platforms as active information providers subject to enforceable duties of content moderation and risk mitigation toward vulnerable users

Section 01 - The Evolution of Platform Liability: Mapping the *Marco Civil da Internet* Framework

The Internet Bill of Rights, Marco Civil da Internet (MCI), was the first Brazilian law that established rights and protections for Internet users in Brazil, as well as obligations for the public sector and companies regarding access to and applications of the Internet in the country.

Converted into law in April 2014, Brazilian Internet Bill of Rights (MCI), rather than as an initiative of the State itself, was model by a *multistakeholders* process. Over three different public consultation phases, the process compiled more than three thousand comments and results of infinite hours of public debate involving all interested parties. Before seven years of intense debate society organizations, it was praised internationally as a model legislation for the protection of freedom of expression and other human rights.

One important historical fact is that The MCI approval was a frontal reaction against another project of law that aims to increase the government’s power in digital field. The predecessor Bill, named Azeredo Bill, date back to February 1999, when Deputy Luiz Piauhylino submitted a proposed cybercrime law (PL 84/1999) to the Brazilian Chamber of Deputies, establishing criminal penalties for damage to computer data, unauthorized access to computer networks, the introduction of malware, and the publication of pornography without warning.

If the draft bill (PL n. 84/1999) was approved in its original form, it would have established criminal penalties of up to four years in prison for anyone "jailbreaking" a mobile phone, or for anyone transferring songs from a CD to another device. With such broad scope, the bill would have effectively turned millions of ordinary internet users in Brazil into criminals and would have been deeply detrimental to innovation. After years of legislative proceedings, the bill was approved by the Chamber in 2003 and submitted to the Senate. In June 2006, Senator Eduardo Azeredo proposed a sweeping amendment incorporating provisions aligned with the European Convention on Cybercrime, a convention to which Brazil was not even a signatory.

In contrast to strictly criminalizing trends, the Marco Civil da Internet (MCI) established "safe harbors" for both digital platforms (intermediaries) and citizens. It sought to curtail unwarranted intrusions into user communications and privacy by law enforcement and service providers, while simultaneously mandating data retention to enable the identification of illicit activities.

The Brazilian liability regime for digital platforms, in the original model of MCI, was developed based on main assumptions. First, is the differentiation between *internet service/access providers* and *internet application providers*. I*nternet connection providers* are defined as those that enable a terminal to send and receive data packets over the internet by assigning or authenticating an IP address (Article 5, V, MCI). *Internet application providers*, in turn, are those that offer a set of functionalities accessible through a terminal connected to the internet (Article 5, VII, MCI).

This distinction is fundamental to determining the applicable liability regime under the Marco Civil da Internet, as each category of provider is subject to distinct legal obligations and thresholds for civil accountability. With respect to *internet connection providers*, the Marco Civil adopts a full immunity approach. Article 18 expressly establishes that connection providers shall not be held civilly liable for damages arising from content generated by third parties, regardless of notification. This legislative choice reflects a deliberate policy decision to insulate infrastructure-level intermediaries from content-related liability, on the grounds that they perform a purely technical function transmitting data packets without exercising any editorial control or influence over the content that flows through their networks. In this sense, connection providers are treated as neutral conduits, whose role is limited to enabling access, rather than shaping or moderating the information exchanged by users.

Although the MCI's analytical division between access, connection, and content providers is theoretically comprehensive, the Superior Court of Justice (STJ) recognized in REsp 1.660.168/ 2017 [8], that such distinctions are blurred by functional syncretism in practice. In this landmark case concerning the **r**ight to de-indexation, the Court ruled that "on the Internet there are a multitude of actors supplying different kinds of services and utilities to users" [11]. Crucially, the STJ clarified that because search engines actively organize and facilitate access to information, they possess the legal standing to be sued directly by users seeking the de-indexation of content, even if they are not the original hosts.

While the immunity of connection providers established under Article 18 of the Marco Civil da Internet has remained largely intact before both superior courts — the Brazilian Supreme Court (Supremo Tribunal Federal — STF) and the Superior Court of Justice (Superior Tribunal de Justiça — STJ) — the liability regime prescribed by Article 19 has undergone a substantial and far-reaching transformation. Before examining this judicial overhaul, however, it is necessary to understand the original framework envisioned by the legislature.

In its original text, the Marco Civil da Internet established a residual and conditional liability regime for application providers. Under this framework, platforms could only be held civilly liable for third-party content when, having been served with a specific judicial order to remove material identified as unlawful, they failed to comply within the prescribed time limits and technical constraints of their service (Article 19, MCI). Liability was therefore not

triggered by the mere existence of harmful content, but exclusively by the platform's non-compliance with a court order, a model that deliberately insulated intermediaries from proactive monitoring obligations and placed the gatekeeping role in the hands of the judiciary.

The following table synthesizes the fundamental transformation in the civil liability regime applicable to digital platforms in Brazil, contrasting the original framework established by Article 19 of the Marco Civil da Internet with the new paradigm introduced by the STF's ruling of June 26, 2025. It is intended as an analytical reference point for the discussion developed in Section 02 and serves to illustrate how the Court's decision restructured not only the conditions for platform accountability, but also the underlying conception of what digital platforms are and what obligations they bear toward users and society.

Table 1. Civil Liability for Digital Platforms in Brazil: Before and After the STF's June 2025 Ruling

Source: elaborated by the author based on Law No. 12.965/2014 (MCI) and STF, RE 1.037.396 (Theme 987) and RE 1.057.258 (Theme 533), judgment of June 26, 2025.

Criterion	Before the STF Ruling (2014–2025)	After the STF Ruling (June 26, 2025)
Legal basis for liability	Non-compliance with a specific judicial removal order (Art. 19, MCI)	Layered regime: notice-and-takedown (general); proactive duty of care (serious crimes); presumption of liability (ads and bots)
Triggering condition	Court order issued and disobeyed by the platform	Extrajudicial notification (general); systemic failure to moderate serious criminal content (no notification required)
Role of the platform	Passive neutral conduit; no monitoring obligation	Active information provider; subject to proactive content governance obligations
Scope of immunity	Broad: all third-party content absent a court order	Narrowed: preserved only for honor crimes, private messaging, email and closed conferencing tools
Algorithmic content	Not specifically addressed; general Art. 19 regime applied	Presumption of liability for paid promotions, boosted posts, and bot-distributed content
Governance obligations	None expressly imposed beyond data retention (Art. 15, MCI)	Self-regulation, annual transparency reports, user complaint mechanisms, local legal representation mandatory
Constitutional foundation	Freedom of expression as primary rationale for safe harbor (Art. 5, IV and IX, CF/88)	Balance between freedom of expression, human dignity, democratic values, and protection of vulnerable groups
Legislative status	Statutory rule enacted by Congress (Law 12.965/2014)	Judicial reinterpretation with binding effect; Congress urged to

Criterion	Before the STF Ruling (2014–2025)	After the STF Ruling (June 26, 2025)
		legislate comprehensively

Source: elaborated by the author based on Law No. 12.965/2014 (MCI) and STF, RE 1.037.396 (Theme 987) and RE 1.057.258 (Theme 533), judgment of June 26, 2025.

Section 02 - Brazilian Supreme Court Redefinition of Platform liability for third-party content: balancing freedom of expression with the duty of care and algorithmic accountability

The way liability is drafted, legislated, and applied bears a strong connection with the power to attract digital investment, either promoting or hindering experimentation and innovation. However, economic considerations alone cannot govern this field. State regulation must also function as a tool of public policy, grounded in the broader goals and values envisioned by the nation.This aims interfere in the decision about who should decide what content is permissible online. [13, p. 259].

The proliferation of disinformation ("fake news"), data breaches, and cyberattacks compelled the Judicial Court to change the partial exemption from liability given to providers of Internet applications, which according to the Brazilian system should only be held accountable when they take no action regarding content that is recognized as harmful and object of legal action by the judicial system.

The STF's landmark ruling of June 2025 did not emerge in a political or institutional vacuum. Two interconnected sequences of conflicts between Brazilian Courts and major digital platforms served as critical contextual drivers of the constitutional review of Article 19.

The WhatsApp Episodes (2015–2016) represented the first "stress test" for Article 19 of the Marco Civil da Internet (MCI). On several occasions, Meta's WhatsApp refused to comply with judicial orders to provide user data for criminal investigations. Answering this atitude, judges used a controversial interpretation of the Marco Civil da Internet (Articles 10 and 12) to order the nationwide suspension of the service as a sanction. This led to millions of Brazilians losing access to their primary communication tool for several hours or days on multiple occasions.

WhatsApp argued that it could not comply with interception orders because it does not store message content, which is protected by end-to-end encryption. This clash highlighted the tension between the protection of privacy and the state's power to enforce judicial cooperation in the digital age [11**]**.

National orders for the removal of applications, or even for their forced remote uninstallation, are characterized as absolutely disproportionate measures. Consequently, when such cases were appealed, appellate courts consistently overturned lower-court rulings. This legal trend is evidenced by the São Paulo State Court of Justice (TJSP) in Case 0005243-38.2013.8.26.0011, originally decided by Judge Régis Rodrigues Bonvicino in em 09.01.2007, and by the Espírito Santo State Court of Justice (TJES) in Interlocutory Appeal 0035186-28.2014.8.08.0024, decided on November 6, 2014.

According to Lemos [13, pp. 61-62], the historical precedent for this rational position dates back to 1984, when the United States Supreme Court ruled in *Sony Corp. of America v. Universal City Studios, Inc.*, 464 U.S. 417 (1984). The Court held that platform manufacturers (Sony and Betamax) could not be held liable for copyright infringements committed by third parties using their infrastructure.

American precedents demonstrate the necessity of distinguishing the provision of the service itself from its illicit or abusive use by users, a distinction that sparks debates regarding the most appropriate liability regime for damages.

The STF was called upon to decide whether the Marco Civil actually authorized such extreme measures. The decision arguments in ADPF 403 and ADI 5527 centered on two main pillars: (a) encryption is a fundamental tool for the exercise of human rights, privacy, and freedom of expression and (b) blocking an entire application due to a failure to provide specific data is a disproportionate measure. The Court moved toward the understanding that punish millions of innocent users for a localized legal dispute between the State and a private corporation is against the Constitution.

However, the conflict that most directly accelerated the constitutional review of Article 19 was the prolonged institutional standoff between the STF and Elon Musk's platform X (formerly Twitter). Despite multiple judicial summons and court orders requiring X to block accounts linked to the January 8, 2023, attempted coup against Brazilian democratic institutions, the company repeatedly refused to comply.

On January 8, 2023, Brazil experienced a significant institutional crisis when thousands of protesters, contesting the results of the 2022 presidential election, stormed and vandalized the headquarters of the Three Powers in Brasília, the National Congress, the Planalto Palace, and the Supreme Court. Characterized by legal scholars and political analysts as an undemocratic uprising and a direct assault on constitutional institutions, the event triggered a federal intervention in the public security of the Federal District. In the aftermath, the Brazilian Judiciary initiated extensive criminal and civil investigations to identify the perpetrators and financiers of the riots, leading to a profound debate on the limits of freedom of expression, the role of digital platforms in mobilizing radical groups, and the resilience of democratic safeguards in the digital age.

On August 17, 2024, Musk publicly announced the closure of X's local operations in Brazil, stating that compliance with court orders would require breaking Brazilian, Argentinian, American and international law. On April 6, 2024, Musk publicly attacked Brazilian Justice Supreme Court, Alexandre de Moraes, on X, accusing him of demanding censorship in Brazil and declaring his refusal to comply with judicial orders, a stance the STF characterized as the intentional criminal instrumentalization of the platform.

In response, the Constitutional Court sought to establish a regime that upholds fundamental rights without undermining the principle of free enterprise. These conflicts generated two constitutional proceedings before the STF, which, though pending since 2016, directly raised the question of whether the Marco Civil permitted the blocking of applications, and exposed the tensions between platform obligations, encryption, and judicial authority over digital intermediaries.

On August 30, 2024, by a Supreme Court’s decision, X was blocked in Brazil after the company refused to comply with local laws and ignored a 24-hour deadline to appoint a new legal representative. Subsequently, in February 2025, Justice Alexandre de Moraes ordered X to immediately pay accumulated fines totaling 8.1 million reais (approximately USD 1.42 million), stemming from the platform’s refusal to provide registration data for an account linked to the spread of disinformation, despite a court order issued in July 2024. A five-justice panel of the STF unanimously upheld the ban, with Justice Flávio Dino declaring that “it is not possible for a company to operate in the territory of a country and intend to impose its vision on which rules should be valid or applied.”

The conflict raised fundamental questions about platform regulation, national sovereignty, and how to combat disinformation while protecting free speech, questions that were being echoed in regulatory debates around the world.

Building upon this tension, the STF’s introduced a fundamental restructuring of the liability framework previously established by Article 19 of the Marco Civil da Internet. By a majority of eight to three justices, the STF declared Article 19 partially and progressively

unconstitutional, holding that its general rule, which conditioned platform liability exclusively upon non-compliance with a specific judicial removal order, no longer provided sufficient protection to constitutionally protected rights and democratic values.

For a decade, Article 19 was the shield of platforms in Brazil, requiring a specific court order for content removal. However, the defiance shown by X's leadership regarding the suspension of accounts involved in the January 8th investigations created a regulatory emergency. The influence was not merely political, but dogmatic.

Notably, the original Article 19 regime was preserved in its entirety for a limited category of neutral application providers — namely, email services, closed video or voice conferencing platforms, and instant messaging services — exclusively with respect to interpersonal communications protected by constitutional communications secrecy. For these providers, civil liability continues to arise only upon non-compliance with a specific judicial removal order, reflecting the Court's recognition that the constitutional protection of private communications demands a higher threshold of judicial intervention.

However, the refusal of X to comply with judicial orders demonstrated that the "Notice-and-Takedown" model (Art. 19) was insufficient when a platform chooses to challenge the State's sovereignty. The STF concluded that the law cannot be a "suicide pact" for democracy.

In replacing this purely reactive model, the Court established a layered liability regime operating on three distinct tiers. Under the first tier, applicable to the generality of unlawful acts and criminal offenses, the notice-and-takedown mechanism previously confined to Article 21 of the MCI — which had governed only cases of non-consensual disclosure of intimate images — was elevated to the status of general rule: platforms may now be held civilly liable upon failure to remove unlawful content after extrajudicial notification by the affected party, without the need for a prior court order.

Under the second tier, concerning a defined category of serious criminal offenses — including attempts against the democratic state, terrorism, human trafficking, racism, homophobia, and crimes against women and children — platforms are subject to civil liability in the absence of any notification, provided there is evidence of a systemic failure to adopt adequate prevention or removal measures. The mere existence of isolated unlawful content, however, does not suffice to trigger liability under this tier.

Under the third tier, a presumption of liability was established for paid advertisements and boosted content algorithmically distributed by the platform, as well as for content disseminated through artificial networks such as bots, on the grounds that platforms exercise direct editorial control over such content. The ongoing adjudication of Themes 533 and 987 represents a pivotal shift in the Brazilian digital landscape. While the original text of Article 19 favored a judicial notice-and-takedown model to prevent private censorship, the Court now moves toward a more nuanced interpretation. This evolving jurisprudence suggests that platforms may no longer rely on passive neutrality; instead, they are increasingly expected to adopt proactive "duty of care" measures. This shift aims to mitigate systemic risk, such as the viral spread of disinformation and threats to democratic institutions, thereby aligning Brazilian case law with contemporary international standards, such as the European Digital Services Act (DSA).

The distinction between connection providers and application providers was substantially preserved by the STF's landmark ruling of June 26, 2025 (RE 1.037.396, General Repercussion Theme No. 987, and RE 1.057.258, Theme No. 533). Connection providers, governed by Article 18, remain fully exempt from civil liability for third-party content, as their function is limited to granting access to the network.

Section 03 - What comes next? Aligning Brazilian Regulation with European Standards - DMA

The EU's 2022 Digital Services Act (DSA) requires large online platforms to assess and mitigate risks to various vaguely-defined and contestable values, including fundamental rights; public health and security; civic discourse; and people's mental and physical wellbeing. The European Union has taken an increasingly interventionist role in internet regulation within its jurisdiction, initially with the implementation of the GDPR in 2018, followed by the Digital Services Act (DSA) and the Digital Markets Act (DMA), both proposed in 2020.

Drawing strong inspiration from the DSA, the STF imposed a series of procedural and governance duties on platforms, including the obligation to create self-regulation with clear moderation rules, publish annual transparency reports, and maintain accessible channels for user complaints and appeals. Both frameworks share a foundational commitment to the concept of the **duty of care**: the idea that platforms cannot remain passive in the face of harmful content and must adopt proactive systemic measures to prevent foreseeable risks. Under the DSA, very large online platforms are obliged to implement reasonable, proportionate and effective mitigation measures tailored to the specific systemic risks they identify, which may include adapting content moderation or recommender systems, decision-making processes, or the features and functioning of their services.

A further structural divergence lies in the **s**cope of content regulation. The DSA deliberately avoids prescribing which specific categories of content must be restricted, focusing instead on processes, transparency, and risk governance — a design choice praised for its flexibility and resistance to governmental overreach. Unlike previous EU instruments, the DSA does not prescribe what type of content needs to be restricted or removed; instead, it focuses on processes and transparency, which will open up platforms to scrutiny and significantly improve the protection of human rights online The STF, by contrast, enumerated a **closed and specific list** o**f serious criminal offenses** triggering proactive platform liability, including attempts against the democratic state, terrorism, racism, and crimes against children — an approach that offers greater legal certainty but less regulatory adaptability to emerging harms.

Finally, the DSA maintains, as a cornerstone of its architecture, the prohibition of general monitoring obligations, ensuring that platforms are not required to actively surveil all user content. The DSA also maintains the prohibition of general monitoring or active fact-finding obligations, given that in recent years the political discourse has been shifting towards requiring online platforms to take on a more active role in tackling illegal or harmful content. The STF's ruling is broadly consistent with this principle at the level of general content, but introduces proactive duties for defined categories of serious crime that may, in practice, require forms of systemic monitoring that approach the general surveillance threshold.

In sum, the STF's June 2025 decision positions Brazil as a constitutional laboratory in the global debate on platform governance, bridging the liberal tradition of the Internet Bill of Rights with the risk-based regulatory models emerging in Europe and beyond. The convergence is real and significant, but Brazil's model remains distinctively court-driven, constitutionally anchored, and category-specific, whereas the DSA is legislatively grounded, administratively enforced, and process-oriented. Whether these differences will narrow — or widen — depends, above all, on whether the Brazilian Congress will heed the STF's call to enact comprehensive platform regulation legislation.

Conclusion

The trajectory examined in this article reveals a Brazilian digital regulatory landscape in profound and accelerating transformation. What began in 2014 as a pioneering civil rights framework — one that deliberately favored freedom of expression and judicial restraint over proactive platform obligations — has, over the course of a decade, been reshaped by the mounting pressures of disinformation, democratic threats, and the institutional defiance of global platforms unwilling to submit to national jurisdiction.

The STF's landmark ruling of June 26, 2025, represents more than a judicial reinterpretation of Article 19 of the Marco Civil da Internet. It marks a paradigmatic shift in the foundational assumptions governing platform liability in Brazil: from passive intermediary to responsible information provider; from reactive judicial gatekeeping to proactive duty of care; and from a content-neutral safe harbor to a constitutionally grounded, category-specific liability regime. In doing so, the Court repositioned digital platforms as active participants in the protection of fundamental rights, rather than neutral conduits shielded from the consequences of the content they amplify and distribute.

This transformation did not occur in isolation. It was catalyzed by the persistent vulnerability of specific groups — the elderly, minors, and those with limited digital literacy — to cyber-fraud, hate speech, and disinformation campaigns that the original MCI framework proved inadequate to address. It was further driven by real institutional crises: the WhatsApp suspensions of 2015 and 2016, which exposed the fragility of a judicial-order model when confronted with encrypted communications and corporate resistance, and the X/Elon Musk conflict of 2024, which demonstrated the existential risk of allowing private platforms to position themselves as immune to national legal orders.

The convergence with the European Digital Services Act is real and significant. Both frameworks embrace the duty of care, transparency obligations, and the principle of systemic risk governance. Yet the divergences remain consequential: Brazil's model is court-driven, constitutionally anchored, and enumerated by category, while the DSA is legislatively grounded, administratively enforced, and deliberately process-oriented rather than content-prescriptive. Brazil functions, in this sense, as a constitutional laboratory — one whose outputs will matter not only domestically but as a reference point for the broader global debate on how democratic societies can hold platforms accountable without sacrificing the freedoms that make the internet worth protecting.

The work, however, is far from complete. The STF itself acknowledged the limits of judicial regulation by urging the National Congress to enact comprehensive legislation on the matter. Until that legislative framework is established, Brazilian digital governance will remain in a state of productive but precarious transition — shaped more by constitutional adjudication than by democratic deliberation. The challenge ahead is to ensure that the principles articulated by the Court — duty of care, algorithmic accountability, and the protection of digitally vulnerable populations — find durable expression in statutory law, capable of adapting to the technological changes that no court ruling, however sophisticated, can fully anticipate.

References:

1. **BRAMAN**, Sandra. Change of State: Information, Policy, and Power. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2006.

2. **BRAZIL**. Law 8.078, of September 11, 1990. Consumer Defense Code (Código de Defesa do Consumidor) (CDC). Brasília: Presidência da República, 1990. Available at: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/l8078compilado.htm

3. BRAZIL. Law 8.069, of July 13, 1990. Statute of the Child and Adolescent (Estatuto da Criança e do Adolescente, ECA). Brasília: Presidência da República, 1990. Available at: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/l8069.htm

4. BRAZIL. Law 14.811, of January 12, 2024. Institutes measures to combat bullying and cyberbullying and amends Law 8.069/1990 (Estatuto da Criança e do Adolescente) to address the digital environment (Digital ECA). Brasília: Presidência da República, 2024. Available at: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2023-2026/2024/lei/l14811.htm

5. BRAZIL. Law No. 12.965, of April 23, 2014. Marco Civil da Internet (MCI). Brazilian Internet Bill of Right. Brasília: Presidência da República, 2014. Available at: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2011-2014/2014/lei/l12965.htm

6. BRAZIL. Chamber of Deputies. Bill No. 2.768, of 2022. Provides for the civil liability of social media platforms and other measures. Brasília: Câmara dos Deputados, 2022. (Currently under legislative review). Available at: https://www.camara.leg.br/proposicoesWeb/fichadetramitacao?idProposicao=2322527

7. BRAZIL. Chamber of Deputies. (2025). Bill No. 4675/2025: Amends the Civil Rights Framework for the Internet regarding, 2025. (Currently under legislative review)

8. BRAZIL. Superior Court of Justice (STJ). (2017). Special Appeal No. 1.660.168 - RJ (2017/0074212-0). Third Panel. Rapporteur: Minister Nancy Andrighi. Decided on May 8, 2018 (Publication date). Judicial Diary of the STJ.

9. BRAZIL. Supreme Court (STF). (2023). Inquérito (Inquiry) No. 4.879 - DF. Rapporteur: Justice Alexandre de Moraes. (Investigation into the acts of January 8, 2023).

10. EUROPEAN UNION. Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector (Digital Markets Act) (DMA). Official Journal of the European Union, L 243/1, 2022. http://data.europa.eu/eli/reg/2022/1925/oj

11. EUROPEAN UNION. Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market for Digital Services (Digital Services Act). Official Journal of the European Union, L 277, 27.10.2022, p. 1–102. **https://www.eu-digital-services-act.com/Digital_Services_Act_Articles.html**

11. FLEW, T., & MARTIN, F. R. (Eds.). Digital Platform Regulation: Global Perspectives on Internet Governance. Springer Nature, 2022.

12. MARTINS DOS SANTOS, Bruna. An assessment of the role of Marco Civil's Intermediary Liability Regime for the Development of the Internet in Brazil (March 1, 2021). Internet Society, Brazil Chapter. Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=4023824

13. MONCAU, Luiz Fernando Marrey and ARGUELHES, Diego Werneck. The Marco Civil da Internet and Digital Constitutionalism. In: Giancarlo Frosio (ed.), The Oxford Handbook of Online Intermediary Liability y Oxford University Press, 2020, p. 190-213.

14. Rodrigues, D. F. Brazil's Supreme Court Redefines Platform Liability: Toward a Global Model of Digital Diligence // Lexology. 2026. **https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=407066f1-60fb-4076-a1ca-9c872fc4770b**(

15. SOUZA, Carlos Affonso and LEMOS, Ronaldo. Marco civil da internet: construção e aplicação. Juiz de Fora: Editar Editora Associada Ltda, 2016.

16. SOUZA, Carlos Affonso; VIOLA, Mario and LEMOS, Ronaldo (org.). ITS Rio. "Brazil's Internet Bill of Rights: A Closer Look" (2017). https://itsrio.org/wp-content/uploads/2017/07/MCI-english-v4.pdf

17. SUZOR, Nicolas Suzor and GILLETT, Rosalie. Self-regulation and Discretion. In: FLEW, T., & MARTIN, F. R. (Eds.). Digital Platform Regulation: Global Perspectives on Internet Governance. Springer Nature, 2022, p. 259.

УДК: 340 (075)

МЕТОДЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ЭКОНОМИКЕ ДАННЫХ[1]

ЧАННОВ СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ
Саратовская государственная юридическая академия, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Научно-экспертного центра, доктор юридических наук, профессор. Тел.: +7 905 032 47 14; E-mail: sergeychannov@yandex.ru

В статье анализируются методы правового регулирования в экономике данных. Автор обосновывает необходимость сочетания императивного и диспозитивного подходов в зависимости от природы данных и степени рисков. Рассматриваются потенциал саморегулирования и сорегулирования, роль «мягкого права», а также технологический метод регулирования, предполагающий встраивание правовых требований непосредственно в архитектуру информационных систем. Делается вывод о гибридной модели как наиболее эффективной для баланса инноваций, защиты прав граждан и национальной безопасности.

Ключевые слова: экономика данных, методы правового регулирования, императивный метод, диспозитивный метод, саморегулирование, сорегулирование, мягкое право, технологическое регулирование.

METHODS OF LEGAL REGULATION IN THE DATA ECONOMY

CHANNOV SERGEY EVGENYEVICH
Saratov State Law Academy, Head of the Department of Information Law and Digital Technologies; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Leading Researcher of the Scientific and Expert Center, Doctor of Law, Professor. Tel.: +7 905 032 47 14; E-mail: sergeychannov@yandex.ru

The article analyzes the methods of legal regulation in the data economy. The author substantiates the need to combine imperative and dispositive approaches depending on the nature of data and the degree of risks. The potential of self-regulation and co-regulation, the role of “soft law”, as well as the technological method of regulation that embeds legal requirements directly into the architecture of information systems are examined. The conclusion is made that the hybrid model is the most effective for balancing innovation, protection of citizens’ rights and national security.

Keywords: data economy, methods of legal regulation, imperative method, dispositive method, self-regulation, co-regulation, soft law, technological regulation.

УСУЛҲОИ ТАНЗИМИ ҲУҚУҚӢ ДАР ИҚТИСОДИ МАЪЛУМОТ

ЧАННОВ СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ
Академияи давлатии ҳуқуқии Саратов, мудири кафедраи ҳуқуқи иттилоотӣ ва технологияҳои рақамӣ; Академияи давлатии хоҷагии халқ ва хизмати давлатии Русия назди Президенти Федератсияи Россия, корманди пешбари илмии Маркази

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС № 9.5-2026-1 «Управление рисками в правовом регулировании экономики данных» (This article was prepared as part of the research work carried out under RANEPA State Assignment No. 9.5-2026-1, ‘Risk Management in the Legal Regulation of the Data Economy’)

илмӣ-экспертӣ, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор. Тел.: +7 905 032 47 14; E-mail: sergeychannov@yandex.ru

Дар мақола усулҳои танзими ҳуқуқӣ дар иқтисоди маълумот таҳлил мешаванд. Муаллиф зарурати якҷоя истифода бурдани усулҳои императивӣ ва диспозитивиро вобаста ба табиати маълумот ва дараҷаи хавфҳо асоснок менамояд. Баррасӣ мешаванд имкониятҳои худтанзимкунӣ ва ҳамтанзимкунӣ, нақши «ҳуқуқи нарм», инчунин усули технологии танзим, ки ворид намудани талаботи ҳуқуқиро бевосита ба меъмории системаҳои иттилоотӣ пешбинӣ мекунад. Хулоса бароварда мешавад, ки модели гибридӣ ҳамчун самараноктарин барои таъмин намудани тавозуни байни инноватсияҳо, ҳифзи ҳуқуқи шаҳрвандон ва амнияти миллӣ ба ҳисоб меравад.

Калидвожаҳо: иқтисоди маълумот, усулҳои танзими ҳуқуқӣ, усули императивӣ, усули диспозитивӣ, худтанзимкунӣ, ҳамтанзимкунӣ, ҳуқуқи нарм, танзими технологӣ.

В последние годы все больше специалистов указывают на тот факт, что в эпоху, когда цифровые технологии проникают во все сферы общественной жизни, право как важнейший социальный регулятор, не может оставаться таким же каким оно было ранее. Так, по мнению В. Н. Синюкова, «в правовой системе России происходят фундаментальные изменения, которые с определенными оговорками можно назвать процессами этапной трансформации…. Развитие новых технологий выдавливает традиционное правовое регулирование и опережает его в методологическом отношении. Классические юридические режимы процессуальной деятельности делаются тяжелым и дорогостоящим препятствием на пути инноваций во многих сферах» [1, с. 10]. Признавая справедливость данного утверждения, подчеркнем, что еще в большей степени все это характерно для экономики данных. Очевидно, что традиционный императивный подход (жесткое государственное предписание) в чистом виде в этой системе уже неприменим - динамика технологических изменений требует гибкости. В то же время полагаться исключительно на саморегулирование рынка рискованно с точки зрения защиты прав граждан и национальной безопасности.

Таким образом, следующим логическим этапом исследования становится анализ **методов правового регулирования** в экономике данных. Необходимо рассмотреть:

- возможности сочетания императивного и диспозитивного методов применительно к разным видам данных;
- потенциал саморегулирования и сорегулирования (гибридных моделей) в выработке стандартов и кодексов поведения;
- роль «мягкого права» (рекомендаций, стандартов, этических норм) в унификации практик;
- специфику технического (технологического) регулирования, предполагающего встраивание правовых требований непосредственно в архитектуру информационных систем.

Нормативно-правовое регулирование экономики данных

Нормативный акт, как известно, является важнейшим источником (формой) права и, вполне логично, что, несмотря на идущие трансформационные процессы в праве под воздействием цифровых технологий [2, с. 24-25], нормативно-правовое регулирование остается базовым и в рамках экономики данных. Другой вопрос – какие именно методы нормативно-правового регулирования, в каком соотношении и в каких сферах должны здесь использоваться?

Согласно воззрениям ученых-юристов, метод правового регулирования определяется, во-первых, способом возникновения прав и обязанностей участников урегулированных правом общественных отношений, характером взаимоотношений

субъектов права [3]. Он может носить императивный (жёстко предписывающий) или диспозитивный (предоставляющий субъектам возможность выбора) характер.

Очевидно, что в сфере экономики данных дифференциация методов правового регулирования должна основываться на природе регулируемых отношений, характере защищаемых интересов и степени рисков, связанных с оборотом конкретных видов данных. Так, императивный метод (предписания и запреты) необходим там, где затрагиваются фундаментальные права граждан, вопросы национальной безопасности, и т.п. К таковым, например, относятся: защита персональных данных; запрет злоупотребления доминирующим положением цифровыми платформами; обеспечение кибербезопасности и защита критической инфраструктуры; использование данных в сфере государственной безопасности (государственная тайна); вопросы цифрового суверенитета и т.п.

Диспозитивный метод (свобода усмотрения сторон, договорное регулирование) эффективен там, где стороны равны, а данные выступают объектом коммерческого оборота. К таковым, например, относятся сферы оборота обезличенных данных и датасетов; регулирование промышленных данных и интернета вещей; режим синтетических данных (по общему правилу) и т.п.

Особенностью современного этапа развития **н**ормативно-правового регулирования экономики данных является по общему правилу запаздывающая реакция законодателя на изменения в общественных отношениях, вызванные появлением и внедрением новых технологий. Следствием этого нередко становится стремление урегулировать отношения, связанные с использованием конкретной новой технологии в отдельном акте, посвященном именно этой технологии, без учета специфики регулируемых общественных отношений. В Российской Федерации подобным примером стало законодательство в сфере блокчейн-технологий, сосредоточенное преимущественно в двух законодательных актах: Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ "О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте», которые в результате регулируют и информационно-правовые, и административно-правовые, и финансово-правовые, и гражданско-правовые отношения, и отношения в сфере предпринимательской деятельности. Что касается опыта других государств, то, как показывает практика, там также часто регуляторы идут по пути встраивания частноправовых конструкций в призму публичного законодательства. К примеру, такая ситуация сложилась с принятием целым рядом государств национальных законов об искусственном интеллекте (например, законы Италии, Казахстана), в принципе, касающихся публично-правовых аспектов, но регулирующих, в том числе, вопросы интеллектуальных прав на результаты деятельности систем ИИ. Это создает риск фрагментарности правового поля, где ключевые вопросы (кому принадлежат права на "творчество" нейросети) решаются вдруг не в гражданском правовом поле, а в контексте правил технологического развития.

Представляется, что такая фрагментарность должна преодолеваться системным подходом к регулированию общественных отношений, связанных с использованием новых цифровых технологий, тщательным анализом их сущности и правовой природы.

Что же касается запаздывания в регулировании, объективно обусловленного темпами разработки и внедрения новых технологий, то эту проблему, как видится, можно отчасти нивелировать использованием методов саморегулирования и сорегулирования.

Саморегулирование и сорегулирование в экономике данных

Саморегулирование предполагает, что субъекты общественных отношений, прежде всего, IT-компании, самостоятельно разрабатывают правила поведения и добровольно берут на себя обязательства по их соблюдению.

Сорегулирование представляет собой гибридную модель, в которой государство устанавливает общие рамки, а детальные стандарты и кодексы поведения формируются отраслью.

Эти методы особенно эффективны в динамичной цифровой среде, где традиционное законотворчество не поспевает за технологиями. Они позволяют гибко учитывать отраслевую специфику и стимулировать внедрение лучших практик (например, в области этики ИИ или обеспечения прозрачности алгоритмов).

На стыке с сорегулированием лежит использование методов мягкого права **(soft law).** Мягкое право используется, прежде всего в международном праве. К инструментам мягкого права относятся стандарты, рекомендации, руководства, этические хартии, модельные акты, которые не имеют жёсткой юридической силы, но оказывают существенное влияние на практику. Эти документы помогают унифицировать подходы и задают ориентиры для разработки национального законодательства.

В то же время мягкое право в последнее время активно внедряется и в российское законодательство и правоприменительную практику именно в сочетании с саморегулированием и сорегулированием. В экономике данных данная конструкция может получить применение в случае разработки различного рода документов этического характера профессиональными сообществами с последующим одобрением со стороны государства. К примеру, в рамках использования технологий искусственного интеллекта возможна подготовка кодексов этики использования данных профессиональными ассоциациями, действующими в этой сфере с последующим направлением в уполномоченный государственный орган (Министерство цифрового развития), который в случае одобрения придает им статус рекомендательных актов (мягкое право). В таком случае соблюдение либо несоблюдение требований соответствующих документов, с одной стороны, все еще остается добровольным, с другой – может в определенных случаях учитываться правоприменителями, например, для определения добросовестности действий IT-компаний.

При этом саморегулирование и сорегулирование должны дополнять классическое право, в том плане, что развитие национального законодательства должно ориентироваться на успехи в сфере саморегулирования и этические конструкции, доказавшие свою эффективность в регулировании, могут через какое-то время приобретать силу закона.

Наконец, принципиально новым для цифровой экономики, а, следовательно, и для экономики данных, является использование технологического метода правового регулирования.

Технологический метод регулирования экономики данных

Первоначально под технологическим методом понималось внедрение в право норм, носящих исключительно технический характер, т.е. обусловленных не природой регулируемых общественных отношений, а природой используемых технических средств [4, с. 6]. Его источниками являлись технические регламенты, стандарты, иные документы, содержащие требования технико-технологического характера.

Впоследствии, однако, с развитием в первую очередь именно информационных технологий, произошло разделение на технический и собственно технологический методы.

Под техническим регулированием в настоящее время понимается правовое регулирование отношений в области установления, применения и исполнения обязательных требований к продукции или к продукции и связанным с требованиями к продукции процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, а также в области применения на добровольной основе требований к

продукции, процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, выполнению работ или оказанию услуг и правовое регулирование отношений в области оценки соответствия. Данные обязательные требования фиксируются в специальных официальных документах (технических регламентах, стандартах, предварительных стандартах и др.), в которых зафиксированы различные технические параметры и характеристики, и которые не являются при этом нормативным актом.

Технологический метод правового регулирования был заимствован российской правовой системой преимущественно из западных моделей (technological regulation / regulation by technology) и представляет собой принципиально иной подход. Суть его заключается в придании обязательной силы непосредственно требованиям, содержащимся в в архитектуре цифровой среды, в программный код. Современные цифровые технологии принципиально отличаются от предыдущего поколения тем, что объединяют в единое целое технический инструмент и регламент его использования. Информационная система или компьютерная программа - это объект, который непосредственно содержит инструкции и способы собственного применения в своем программном коде, хотя нормы, регламентирующие применение цифровых объектов, частично объективируются и в виде самостоятельных внешних документов, таких как пользовательские инструкции, руководство администратора и т.д. В результате технология не предписывает поведение как норма права или даже техническое требование, а делает объективно невозможным отклонение от него.

Применительно к экономике данных использование технологического метода регулирования можно проиллюстрировать использованием принципов «privacy by design» (защита данных «по умолчанию»). Например, программное обеспечение может быть спроектировано так, что с его помощью технически невозможно будет собрать больше данных, чем необходимо для реализации поставленных задач, либо передать их третьей стороне без явного согласия пользователя. Разумеется, такое программное обеспечение может быть создано как добровольно (этическое регулирование и мягкое право), так и в силу закрепления обязательных требований в нормативных или технических актах. В таком случае технологический метод переплетается с техническим, этическим и нормативно-правовым. Однако отличие заключается в том, что, например, в последнем случае закон не просто говорит «не собирайте лишнего», а требует создать технологию, которая физически блокирует такую возможность.

Заключение

Таким образом, можно подвести следующие итоги. Экономика данных как сложный, динамичный и трансграничный объект требует комплексного использования различных методов правового регулирования. Ни один из методов в отдельности не способен эффективно балансировать между интересами развития инноваций, защиты прав граждан и обеспечения национальной безопасности.

Наиболее перспективным представляется гибридный подход, сочетающий:

1. Базовое законодательство, устанавливающее жёсткие рамки в критически важных сферах, и диспозитивное регулирование применительно, прежде всего к обмену данными.
2. Гибкие инструменты сорегулирования и мягкого права, позволяющие быстро адаптироваться к технологическим изменениям.
3. Активное внедрение технологического регулирования как средства непосредственного гарантирования соблюдения правовых норм в цифровой среде.

Литература

1. Синюков В.Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // Lex russica (Русский закон). 2019. № 9(154). С. 9-18.

2. Чаннов С.Е. Изменения, эволюция, трансформация права: соотношение понятий // Государство и право. 2021. № 3. С. 24-35.

3. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов / под ред. А.С. Пиголкина. М.: Городец, 2003. 544 с.

4. Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Эволюция правовых методов под воздействием цифровых технологий // Вестник Поволжского института управления. 2021. № 5. С. 4-12

УДК: 347:004

ПРАВО НА АНОНИМНОСТЬ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

ГАЮРЗОДА ШУКРУЛЛО КАРОМАТУЛЛО
Таджикский национальный университет, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета, доктор юридических наук, профессор. Тел.: +992 93 510 38 62; E-mail: shukrullo67@mail.ru

По мнению автора, решение проблем осуществления права на анонимность в гражданском информационном обмене заключается не в том, чтобы допускать вседозволенность в указанных правоотношения, принося в жертву законные интересы личной, общественной и государственной безопасности, а в том, чтобы обеспечить баланс интересов в свободе информации и не допустимости распространения запрещенной информации. При этом, любое административное или уголовное преследование за правонарушения в информационной сфере и принудительный доступ к данным правонарушителя должно основываться на законе и судебном акте, оценивающим в каждом индивидуальном случае законность и адекватность такого решения.

Ключевые слова: право, анонимность, гражданское право, свобода, мнение, комментарий, цифровое среда, информация, обязанности, доступ, суд, решение, принуждение, закон, адекватность, верховенство прав человека.

ҲУҚУҚИ БЕНОМ БУДАН: БАЪЗЕ МАСЪАЛАҲОИ ҲУҚУҚИ МАДАНӢ

ҒАЮРЗОДА ШУКРУЛЛО КАРОМАТУЛЛО
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, мудири кафедраи ҳуқуқи мадании факултети ҳуқуқшиносӣ, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор.
Тел.: +992 93 510 38 62; E-mail: shukrullo67@mail.ru

Ба андешаи муаллиф, ҳалли масъалаҳои амалӣ намудани ҳуқуқи беном будан дар муомилоти мадании иттилоот на дар ҳама чиз равобинӣ дар муносибатҳои зикршуда зоҳир мегардад, ки боиси қурбонӣ гардидани манфиатҳои қонунии амнияти шахсӣ, ҷамъиятӣ ва давлатӣ мегардад, балки дар он аст, ки дар байни манфиати мавҷудияти озодии иттилоот ва роҳ надодан ба паҳнкунии иттилооти манъшуда тавозун таъмин бошад. Дар ин маврид, ҳама гуна таъқиботи маъмурӣ ва ҷиноятӣ дар соҳаи иттилоот ва дастрасии маҷбурӣ ба маълумотҳои ҳуқуқвайронкунанда бояд дар асоси қонун ва санади судӣ амалӣ гардад, ки дар ҳар ҳолати инфиродӣ қонунӣ ва муносиб будани чунин қарор баҳогузорӣ шавад.

Калидвожаҳо: ҳуқуқ, беном, ҳуқуқи маданӣ, озодӣ, андеша, тафсир, муҳити рақамӣ, иттилоот, уҳдадорӣ, дастрасӣ, додгоҳ, қарор, маҷбуркунӣ, қонун, муносиб, волоияти ҳуқуқи инсон.

THE RIGHT TO ANONYMITY: SOME ISSUES OF CIVIL LAW

GAYURZODA SHUKRULLO KAROMATULLO
Tajik National University, Head of the Department of Civil Law, Faculty of Law, Doctor of Law, Professor. Tel.: +992 93 510 38 62; E-mail: shukrullo67@mail.ru

According to the author, the solution to the problems of exercising the right to anonymity in civil information exchange lies not in allowing permissiveness in the specified legal relations, sacrificing the legitimate interests of personal, public, and state security, but in ensuring a balance between the interests of freedom of information and the inadmissibility of the dissemination of prohibited information. At the same time, any administrative or criminal prosecution for offenses in the information sphere and forced access to the offender's data must be based on the law and a judicial act that evaluates the legality and adequacy of such a decision in each individual case.

Keywords: law, anonymity, civil law, freedom, opinion, commentary, digital environment, information, duties, access, court, decision, coercion, law, adequacy, supremacy of human rights.

Согласно статье 23 Конституции Республики Таджикистан: «Обеспечивается тайна переписки, телефонных переговоров, телефонных и иных личных сообщений, за исключением случаев, предусмотренных законом. Сбор, хранение, использование и распространение сведений о личной жизни человека без его на то согласие запрещается» [1]. Под категорией «иных личных сообщений» подразумевается электронный обмен цифровой информацией между субъектами гражданского права, основанное на оказание возмездных услуг по передаче, хранению и предоставлению доступа к охраняемой информации при содействии информационных посредников.

Традиционные услуги электрической связи дополняются цифровыми услугами, для возникновения которых не достаточно воля и волеизъявления участника информационного обмена, также требуется использование информационно – коммуникационных технологий. С их использованием участник такого информационного обмена получает доступ в виртуальную сферу, где будет происходить обмен цифровой информацией. Цифровые возможности часто расширяют спектр обладания, использования и распоряжения информацией и имущественными правами. Например, интернет – торговля предоставляет возможности мгновенного совершения сделок при отсутствии традиционных торговых точек; интернет – банкинг дает возможность создавать сетевые банки, виртуальные банки с цифровым офисом. Можно осуществлять электронные платежи, подавать юридически значимые документы, передавать финансовую и иную отчетность в цифровом формате. В этой связи актуальным является поручения уважаемого Эмомали Рахмона – Основателя мира и национального единства, Лидера нации, Президента Республики Таджикистан по развитию цифровизации, исходящего из его Послания Маджлиси Оли республики (Парламенту старны, 2024г.) «Об основных направлениях внутренней и внешней политики страны», определяющие первостепенные направления для развития обмена цифровой информации: оперативное совершенствование правовых основ и принятие необходимых документов в направлении перехода на цифровую экономику; развитие цифровой инфраструктуры до сетей 5G, развитие центра разработки данных, создание современной платформы данных; полная цифровизация государственных услуг и создание единой платформы таких услуг; развитие человеческого капитала путем изучения и повышения квалификации кадров по информационным технологиям внутри страны и за его пределами, повышение уровня культуры использования цифровых технологий; широкое использование искусственного интеллекта в ходе предложения услуг и системы государственной регистрации; принятие мер в сфере обеспечения кибербезопасности и пресечение преступлений в информационной деятельности; формирование цифрового предпринимательства и развитие электронной торговли.

Для эффективного исполнения указанных задач 2025 – 2030 годы объявлены «Годами развития цифровой экономики и инноваций» [3].

Любой субъект гражданского права имеет право на конфиденциальность своей личности и действий, включая использование анонимных ресурсов и средств, а именно:

право на анонимный поиск информации, право на анонимные публикации, которое обеспечивает свободу мнений в информационном обмене, право на анонимные платежи, в том числе с использованием криптовалют, а также право на анонимное создание и публикацию произведений.

Анонимность происходит от латинского слова «anonoma», что означает «без имени». В информационном обмене означает свободу в обладании, использовании и распространении информации, без указания имени реального автора или иного правообладателя. Субъект гражданского права по своему свободному выбору хочет сохранять конфиденциальность своей личности и действий в информационном обмене, включая использование анонимных ресурсов и средств, а имено субъективные права на анонимный поиск информации, анонимное опубликование мнений и выводов, имеющее для него значение, обеспечивая себе свободу слова, мнений и свободное использование информационно – коммуникационных технологий. Данное субъективное право означает также право на анонимные платежи, в том числе использование криптовалют, право на анонимное создание и распространение произведений науки, литературы и искусства.

Их осуществление возможно путем совершения юридических и фактических действий. Юридические действия представляет собой действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Совершая действия в анонимном информационном обмене, субъект гражданского права сознательно имеет намерение установить для себя определенные правовые последствия.

Для большинства информационного обмена вопрос определения реального субъекта гражданского права может не иметь существенного значения для защиты интересов личности, общества и государства от угроз, связанных со злоупотреблениями этими правами. Так, обычно это не является критичным для информационного обмена в Интернете, использование лицензированных компьютерных игр, просмотра разрешенного, в зависимости от возраста пользователя контента и многих иных ситуаций. Но совершенно иные требования предъявляются к идентификации правообладателя в сфере финансов и кредита, оформления электронной – цифровой подписи, электронной торговли и оказание электронных государственных услуг.

Фактические действия – это действия, сам факт совершения которых удовлетворяет потребности правообладателя независимо от того, возникли ли в результате этого какие – либо правовые последствия.

Участие в анонимном информационном обмене должно соответствовать следующим принципам: свобода осуществления права; сохранение субъективного права и в случае отказа управомоченного лица от его осуществления; добросовестность, разумность и справедливость при осуществлении гражданских прав.

Свобода осуществления гражданских прав как один из принципов анонимного информационного обмена закреплен в части 1 статьи 8 Гражданского кодекса Республики Таджикистан (далее – ГК РТ) от 24 декабря 2022 года, № 1918, согласно которому субъекты гражданских информационных правоотношений осуществляют принадлежащие им гражданские права по своему усмотрению.

В соответствии с частью второй указанной статьи ГК РТ, отказ физического и юридического лица от осуществления своих гражданских прав не влечет прекращения этих прав.

Ряд норм ГК РТ, устанавливающих правила об осуществлении и защите гражданских прав, прямо устанавливают вопрос защиты субъективного права от того, осуществляется ли право добросовестно, разумно и справедливо.

Этим подтверждается содержание гражданского информационного права. Содержание этого права составляет возможность правообладателя свободно, на

собственное усмотрение в соответствии с законодательством определять свое поведение в информационном обмене. Более конкретно такая возможность закреплена в статье 237 ГК РТ: «Физическое лицо имеет право на свободу и может по своей воле действовать без каких – либо ограничений. Свобода физического лица не должна ограничивать права и свободу других лиц» [2].

Эти субъекты для поиска информации создают свой виртуальный образ или виртуальное лицо. По аналогии с реальным субъектом гражданского права виртуальное лицо будет иметь свое «имя», под которым действует (имя пользователя) и аналог фотографии и подписи в удостоверении личности – пароль. Поскольку такой участник информационного обмена определяется только этими двумя параметрами, то виртуальные лица и реальный субъект не соотносятся между собой как один к одному: один пользователь может иметь несколько виртуальных лиц, и за одним виртуальным лицом может стоять несколько субъектов гражданского права. Такое положение не представляет опасность для верховенства гражданских прав, если субъект не злоупотребляет своими возможностями. Однако, связанное с анонимным поиском информации (анонимный сёрфинг) и анонимной отправки личных сообщений (e – mail, мессенджеры) среди исследователей этой проблемы породило много противоречивых мнений.

Как отмечает Е. С. Андрющенко анонимность в поиске информации предопределяет наличие проблемы установления личности заявителя информационного запроса. Для предъявления информа-ционного запроса заявитель должен быть определенным образом идентифицировано. Поэтому многие информационные ресурсы и сервисы предлагают или требуют для их доступа и последующего доступа пройти процедуру регистрации [5, с. 81].

Основная проблема доступа к информации виртуальным лицом является установления реального правообладателя, заинтересованного в пользовании актуальной для него информации. Еще сложнее эту связь доказать в суде. В механизме электронной цифровой подписи также не предусмотрено наличие идентифицирующего признака, непосредственно связанного с обладателем гражданских прав, неотчуждаемого от него.

Анонимный доступ к информации важное условие для осуществления субъективного права на анонимность. Такой доступ к информации считается соединение с сервером назначения, когда этот сервер не имеет возможности ни установить происхождение (IP – адрес/местонахождение) этого соединения, ни присвоить ему какой – либо идентификатор. Данное право подразумевает не только возможности анонимного поиска информации с использованием интернет – услуг, а также иметь возможности скрывать IP – адреса и передавать информацию анонимно. Интересным в этом вопросе является позиция Европейского суда по правам человека (далее - ЕСПЧ) по запросу Федерального суда Федеративной Республики Германия, связанного с иском Пиратской партии этого государства к Федеральному правительству. Жалоба была подана членом указанной политической партии, гражданином этой страны в отношении хранения на сайтах государственных органах динамических IP – адресов после того, как пользователь покидает сайт. ЕСПЧ в своем решении признал динамический адреса (как и статические адреса) персональными данными и указал, что интернет – провайдеры не имеют права сохранять эти адреса граждан, кроме как для защиты от целенаправленного воздействия на информационную систему или её компоненты с использованием цифровых средств.

По мнению Д. Баевой в мире становиться тенденцией отказ от анонимности при использовании интернет – услуг. Правительство Великобритании вводят обязательную верификацию возраста для доступа к материалам 18 плюс, а в Китайской Народной Республики система цифровой идентификации уже несколько лет работает в оперативном режиме [6].

Депутат Государственной Думы Российской Федерации (далее - РФ) А. Свинцов (заместитель Председателя Государственной Думы РФ по информационной политике) в беседе ВФокусе Mail, объяснил, когда аналогичная система может появиться в РФ, и какие преимущества она принесет интернет – пользователям. По его мнению, в течение ближайших трех – пяти лет интернет – отношения может переходит к системе полной верификации интернет – пользователей. Такая необходимость в идентификации личности вызвана глубоким кризисом интернет – отношений. «Очень стремительно интернет превращается в мертвый интернет, где боты генерируют контент, боты его размещают на различных фейковых страницах, и уже лента наполнена каким – то сгенерированным контентом, не имеющим реального живого автора», обосновал он свою позицию [6].

Бот (сокращение от слова «робот») – компьютерная программа, которая автоматически выполняет установленные его разработчиком оперативные задачи. Они могут быть компьютерными. Работают локально на устройстве, осуществляют различные операции: общаются с пользователем в режиме реального времени, предоставляют информацию, находящееся в обладании разработчика программы, отвечает на вопросы, которые задают в обычной практике. Примеры: боты в мессенджерах (Telegram, WhatsApp), на сайтах интернет – участников информационного обмена, в мобильных приложениях. Они могут выполнят более широкие задачи: от поиска актуальной информации до рекламирования вещей или услуг онлайн – магазинов.

К сожалению, существуют также вредоносные боты. Это программное обеспечение, которое разработано для нанесения вреда интернет – пользователям и другим участникам информационного обмена. Вредные чат – боты выдают себя за реальных участников информационного рынка, чтобы привлечь их внимание, добиваться доверительной связи и в конечном итоге получит доступ к конфиденциальной информации, в том числе платежной или иной охраняемой информации.

Спам – боты собирают адреса электронной почты со страниц формируемых связей или гостевых книг, а также размещают рекламную информацию на форумах или в разделах комментариев, чтобы привлечь трафик на определенные сайты.

Один из возможных способов решение данного вопроса предлагается создание идентификации посредством ресурсов системы «Государственных услуг». Для участия в интернет - обмене пользователь будет регистрироваться посредством специализированных идентифи-каторов, подтверждающий его возраст. Для полностью дееспособных физических лиц будет открываться максимально широкий доступ к информации. В отношении несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет будет действовать ограниченный доступ с обязательным контролем родителей или приравненных к ним лицам.

С точки зрения современной молодёжной политики Е. Машаров - член Общественной палаты РФ предлагает ввести паспортную идентификацию для доступа к контенту 18 плюс [6].

«В ближайшем будущем регистрация на всех крупных российских платформах – в первую очередь, в социальных сетях и игровых сервисах – будет проходить через подтверждение учетной записи «Государственных услуг». Это касается ресурсов с большим трафиком, где пользователи обмениваются личной, чувствительной информацией. Срок перехода на систему 3 – 5 лет», - считает А. Свинцов [6]. Он убеждён, что такие административные меры позволять очистить социальные сети и платформы от засилья фейковых аккаунтов и нейросетевого мусора, сделав интернет безопасным местом для пользователей.

Совсем другую позицию занимает Совет по правам человека Организации Объединенных Наций (далее - ООН). В докладе, посвященный проблеме анонимности

пользователей в Интернете отмечается, что в связи с появлением онлайн – цензуры, сбора и про слушки данных некоторых пользователей с дальнейшим их преследованием, они должны иметь право пользоваться технологиями по предоставлению анонимного доступа к сети и анонимному размещению информации (посты, комментарии и др.) в Интернете. Это позволяет осуществлять субъективное право человека на свободу мнения и его выражения в информационном обществе [8].

Дэвид Кэй, специальный докладчик Совет по правам человека ООН так объясняет значение права на анонимность в информационном обмене: «Анонимность – это состояние избегания идентификации. Анонимность, будучи обычным человеческим желанием защитить свою личность от толпы, способна дать возможность пользователю исследовать и распространять свои идеи и мнения в большем объеме, чем если бы он делал это под своей реальной личностью. Физические лица в онлайне могут использовать псевдонимы (или, к примеру, выдуманные e – mail или аккаунты в соц. сетях) для того, чтобы сокрыть свою личность, лицо, голос, местонахождения и т. д., однако конфиденциальность, предоставляемая с помощью таких псевдонимов, является поверхностной и легко нарушается правительствами или другими лицами, обладающими необходимым опытом. В случае отсутствия набора инструментов по шифрованию и анонимизации, цифровые следы, которые оставляет пользователь, легко позволяют его идентифицировать. Пользователи, желающие обеспечить полную анонимность или скрыть свою личность (например, скрывающие свой IP - адрес) от правительственных органов или преступного вторжения могут использовать такие инструменты как виртуальные частные сети (VPN), прокси – серверы, анонимные сети, приложения, и P2P – сети. Наиболее известный инструмент анонимности TOR. Развертывает более 6000 децентрализованных компьютерных серверов по всему миру, для того, чтобы получать и ретранслировать информацию несколько раз для сокрытия идентифицирующих сведений о конечных точках, создавая при этом сильную защиту анонимности пользователей» [8].

Автор определяет качественные свойства анонимного участника цифрового информационного обмена. Действительно такими возможностями многие пользуются. Однако такие возможности не должны быть направлены для распространения экстремистской идеологии, поддержки терроризма, для создания и распространения иной вредоносной информации. Создание и распространение такой информации запрещено законодательством РТ.

В статье 20 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966г., предусмотрена возможность запрещения антигуманных, аморальных действий: пропаганда войны, всяких выступлений в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющих собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию [4, с. 234].

Однако, в статье 4 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966г., допускает ограничения прав постольку, поскольку это совместимо с природой указанных прав, и исключительно с целью способствовать общему благосостоянию в демократическом обществе [4, с. 234].

Автор подчеркивает вектор развития инструментов анонимности цифрового информационного обмена. Однако эти инструменты не должны быть использованы незаконно, против законных интересов личности, общества и государства. Цифровая трансформация национальной экономики и стимулирования цифрового информационного обмена в последние годы сделали еще более важной задачу обеспечения цифрового многообразия, решаемую с помощью применения различных технических средств идентификации участников такого обмена. В этих условиях значимость совершенствования методов идентификации и условий ее законного применения приобретает особое значение. В этой связи интересным является позиция ЕСПЧ. Наиболее значимым является ее решение по делу Delfi AS v. Estonia от 10 декабря 2013

г. Delfi AS является владельцем одного из крупных информационных интернет – порталов в Эстонии. На ее веб – сайтах интернет – пользователи могли анонимно оставлять комментарии к опубликованным материалам. Хотя интернет – компания не могла редактировать такие оценки, она могла удалять их, используя методы предварительной автоматической фильтрации по словам или реагируя на сигналы пользователя интернет – услуг.

В 2006 г., данная интернет – компания опубликовала контент, под которой появился ряд комментариев, содержащих угрозы и оскорбительные высказывания в отношении отдельных лиц субъекта, указанной в контенте. Пострадавшие граждане Эстонии возбудили дело по факту незаконной диффамации и в последствии взыскали с интернет – компании моральную компенсацию.

Указав в решении по указанному делу на важность использования права на анонимность в цифровом обмене информацией, суд тем не менее отметил следующие свойства интернет – услуг: беспрецедентность по доступности, скорости и охвату средств распространения информации, способного долгое время сохранять данные после их раскрытия, что значительно усугубляет последствия неправомерных комментарий по сравнению с другими средствами массовой информации.

Суд, также допустил и дал характеристику различные степени цифровой анонимности, указав, что пользователь интернет – услуг может быть анонимным для других участников такого обмена цифровой информации. Однако, идентифицировать информационных посредников через учетную запись или контактные данные, которое могут быть либо непроверенными, либо подлежащими какой – либо проверке – начиная от ограниченной верификации (например, путем активации учетной записи по адресу электронной почты или учетной записи социальной сети) и заканчивая полной аутентификацией, будь то с использованием национальных электронных удостоверений личности либо через аутентификацию в онлайн – банкинге. Информационный посредник может также разрешить полную анонимность для своих пользователей. В этом случае пользователи не обязаны идентифицировать себя вообще. Они могут отслеживаться только в ограниченной степени через данные, сохраняемые интернет – провайдерами. Законный доступ к этим данным, как правило, требует решения следственного или судебного органа и будет подлежать ограничительным условиям. Тем не менее в некоторых случаях такое решение может потребоваться для выявления и преследования правонарушителей в цифровой среде.

Данная позиция, выраженная в решении по делу Delfi AS v. Estonia, которым ЕСПЧ отклонил доводы интернет – компании (заявителя), ссылавшегося на статью 10 «Свобода выражения мнения» Римской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, была положена в основу решений ЕСПЧ и по другим делам, затрагивающим вопросы анонимности в цифровой среде и ее допустимых ограничений. В частности – решение ЕСПЧ по делу Benedik v. Slovenia от 24 апреля 2018 г., о распространении детской порнографии в анонимном распространении информации, которым суд признал право органов полиции на основании решения суда получать данные об IP – адресах, участников такого цифрового обмена информации [7, с. 44].

Завершая исследование основного вопроса права на анонимность в гражданском информационном обмене, можно сделать следующие выводы. Право на анонимность обеспечивает защиту персональных данных и стимулирует свободное выражение мнений и распространение информации. Процесс его формирования в Таджикистане связаны, прежде всего с качеством жизни его населения, общими тенденциями установления демократических ценностей в обществе, формированием и защитой гражданских прав и свобод. При этом конечным результатом признания и защиты прав на анонимность должен быть баланс между интересами свободы слова, мнений, информации, свободного использования средств информации, с одной стороны, и

необходимостью противодействия незаконному обороту вредоносной информации, с другой стороны.

Решение проблем осуществления права на анонимность в гражданском информационном обмене заключается не в том, чтобы допускать вседозволенность в указанных правоотношения, принося в жертву законные интересы личной, общественной и государственной безопасности, а в том, чтобы обеспечить баланс интересов в свободе информации и не допустимости распространения запрещенной информации. При этом, любое административное или уголовное преследование за правонарушения в информационной сфере и принудительный доступ к данным правонарушителя должно основываться на законе и судебном акте, оценивающим в каждом индивидуальном случае законность и адекватность такого решения.

Список использованной литературы:

1. Конституция Республики Таджикистан была принята от 6 ноября 1994года путем всенародного референдума. Таким же путем в неё были внесены изменения и дополнения 26 сентября 1999 года, 22 июня 2003 года и 22 мая 2016 года. [Электронный ресурс]. // Адлия: Централиз. банк правовой информации Республики Таджикистан. Версия 6.0. // М-во юстиции РТ. – Душанбе, 2025. – 1 электрон. опт. диск (CD - ROM). (Дата обращения: 21.03.2026 г.).

2.Гражданский кодекс Республики Таджикистан. От 24. 12. 2022г., № 1918 [Электронный ресурс]. // Адлия: Централиз. банк правовой информации Республики Таджикистан. Версия 6.0. // М-во юстиции РТ. – Душанбе, 2025. – 1 электрон. опт. диск (CD - ROM). (Дата обращения: 21.03.2026 г.).

3.Послание Основателя мира и национального единства, Лидера нации, Президента Республики Таджикистан «Об основных направлениях внутренней и внешней политики страны» от 28 декабря 2024 г. // www. president. tj (Дата обращения: 21. 03. 2026г.).

4. Международное право в документах: сборник международно – правовых актов и внутреннее законодательство Республики Таджикистан. Сост.: Бобоев У. Х., Махмадшоев Ф. А., Менглиев Ш. М., Пулатов А. С., Салихов З.- Душанбе: Контраст, 2011 – 780с.

5.Андрющенко Е. С. Проблема идентификации субъекта интернет – отношений. Виртуальное лицо. // Информационное общество: проблемы развития законодательства: сб. науч. работ. – М., 2012. – С. 74 - 83.

6. Депутат Свинцов: когда россиян будут пускать в Интернет по паспорту. // ВФокусе mail. ru (Дата обращения: 01. 12. 2025.).

7.Мылтыкбаев М. Ж. Право на анонимность в сети интернет: вопросы международно – правовой защиты. // Юридическая наука. – 2019. - № 4. – С. 42 - 45.

8.У вас есть право на анонимность. Часть 1. Введение и мировая практика. //https: // habr.com/ru/companies/ digitalrightscenter. (Дата обращения: 01. 12. 2025.).

УДК: 340:004.8

ПРИНЦИПЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

САЛИЕВА РОЗА НАИЛЬЕВНА
Институт проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан, главный научный сотрудник, заведующая лабораторией, доктор юридических наук, профессор. Тел.: +7 917 893-30-57: E-mail: sargus6@yandex.ru

САЛИЕВ ИЛЬДАР РУСТАМОВИЧ
Институт проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан, старший научный сотрудник, кандидат юридических наук. Тел.: +7 917 927-80-70: E-mail: fargus6@yahoo.com

В статье рассмотрены принципы нормативно-правового регулирования в сфере использования технологий искусственного интеллекта, содержащиеся в Стратегии развития искусственного интеллекта в Российской Федерации. Отмечена важность правовых принципов в целом и особенно в условиях создания и использования технологий искусственного интеллекта. На основе анализа нормативной основы и обобщения практики применения ИИ сформулирован вывод о том, что в современных условиях, когда законодательство не всегда успевает за технологическим прогрессом, принципы служат «правовым компасом», который позволяет систематизировать разрозненные нормы, обеспечить единообразие правоприменения. В дальнейшем требуется систематизация правового регулирования в этой сфере общественных отношений, принятие системообразующих нормативных правовых актов, которые в том числе будут содержать основные принципы.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовое регулирование, принципы нормативно-правового регулирования, этические нормы, технологии, Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта.

PRINCIPLES OF LEGAL REGULATION IN THE FIELD OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

SALIEVA ROZA NAILIEVNA
Institute of Ecology and Subsoil Use Problems, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Chief Researcher, Head of Laboratory, Doctor of Legal Sciences, Professor. Phone: +7 917 893-30-57: E-mail: sargus6@yandex.ru

SALIEV ILDAR RUSTAMOVICH
Institute of Ecology and Subsoil Use Problems, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Senior Researcher, Candidate of Legal Sciences. Phone: +7 917 927-80-70: E-mail: fargus6@yahoo.com

The article discusses the principles of regulatory regulation in the field of the use of artificial intelligence technologies contained in the Strategy for the development of artificial intelligence in the Russian Federation. The importance of legal principles in general and especially in the context of the creation and use of artificial intelligence technologies is noted. Based on the analysis of the regulatory framework and generalization of the practice of applying AI, the conclusion is formulated that in modern conditions, when legislation does not always keep up with technological progress, the principles serve as a "legal compass" that allows systematizing disparate norms and ensuring uniformity of law enforcement. In the

future, it is necessary to systematize the legal regulation in this area of public relations, the adoption of system-forming normative legal acts, which, among other things, will contain the basic principles.

Keywords: artificial intelligence, legal regulation, principles of regulatory regulation, ethical standards, technologies, Code of Ethics in the field of artificial intelligence.

ПРИНСИПҲОИ ТАНЗИМИ МЕЪЁРӢ-ҲУҚУҚӢ ДАР СОҲАИ ИСТИФОДАИ ТЕХНОЛОГИЯҲОИ ЗЕҲНИ СУНЪӢ

САЛИЕВА РОЗА НАИЛЬЕВНА
Институти масъалаҳои экология ва истифодаи сарватҳои зеризаминии Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон, ходими калони илмӣ, мудири лаборатория, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор. Тел.: +7 917 893-30-57: E-mail: sargus6@yandex.ru

САЛИЕВ ИЛДАР РУСТАМОВИЧ
Институти масъалаҳои экология ва истифодаи сарватҳои зеризаминии Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон, ходими калони илмӣ, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ. Тел.: +7 917 927-80-70: E-mail: fargus6@yahoo.com

Дар мақола принсипҳои танзими меъёрӣ-ҳуқуқӣ дар соҳаи истифодаи технологияҳои зеҳни сунъӣ, ки дар Стратегияи рушди зеҳни сунъӣ дар Федератсияи Русия пешбинӣ шудаанд, баррасӣ мегарданд. Аҳамияти принсипҳои ҳуқуқӣ дар маҷмӯъ ва махсусан дар шароити эҷод ва истифодаи технологияҳои зеҳни сунъӣ таъкид карда мешавад. Дар асоси таҳлили заминаи меъёрӣ ва ҷамъбасти таҷрибаи татбиқи зеҳни сунъӣ хулоса бароварда мешавад, ки дар шароити муосир, вақте ки қонунгузорӣ на ҳамеша ба пешрафти технологӣ мувофиқ меояд, принсипҳо ҳамчун «компаси ҳуқуқӣ» хизмат мекунанд, ки имкон медиҳанд меъёрҳои парокандаро низом бахшанд ва ягонагии татбиқи ҳуқуқро таъмин намоянд. Дар оянда зарурати низомсозии танзими ҳуқуқӣ дар ин соҳаи муносибатҳои ҷамъиятӣ, инчунин қабули санадҳои меъёрии ҳуқуқии системасоз, ки аз ҷумла принсипҳои асосиро дар бар мегиранд, ба миён меояд.

Калидвожаҳо: зеҳни сунъӣ, танзими ҳуқуқӣ, принсипҳои танзими меъёрӣ-ҳуқуқӣ, меъёрҳои ахлоқӣ, технологияҳо, Кодекси ахлоқ дар соҳаи зеҳни сунъӣ.

Введение. Современные общественные отношения во всех, практически, сферах жизни трудно представить без технологий искусственного интеллекта. Искусственный интеллект становится не только инструментом повышения эффективности, но и фактором, формирующим новые вызовы для правовой системы, этики и социальной стабильности. Актуальность темы обусловлена тем, что существующие правовые механизмы зачастую не успевают за динамичным развитием ИИ. Возникают вопросы ответственности за действия автономных систем, защиты персональных данных, обеспечения прозрачности и справедливости алгоритмов, а также предотвращения дискриминации и злоупотреблений. Без чётких принципов нормативно-правового регулирования внедрение ИИ может привести к непредсказуемым последствиям для экономики, общества и права. В связи с изложенным представляется важным выявление и систематизация основных принципов правового регулирования в сфере использования технологий искусственного интеллекта. Для достижения поставленной цели определены следующие задачи: проанализировать существующие отечественные и зарубежные подходы к регулированию ИИ; определить ключевые принципы, на которых должно строиться

нормативно-правовое регулирование; сформулировать рекомендации по совершенствованию правового регулирования в области ИИ.

Основная часть. Под технологиями искусственного интеллекта понимается совокупность технологий, включающая в себя компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта [1]. В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. Российской Федерации (далее – Стратегия) определены основные принципы развития и использования технологий искусственного интеллекта, соблюдение которых обязательно при реализации положений Стратегии. Эти принципы отражают баланс между технологическим прогрессом, защитой прав граждан и интересами государства.

Во-первых, назван принцип защиты прав и свобод человека. Процессы цифровизации, развития и использования технологий искусственного интеллекта идут со значительным опережением развития законодательства призванного защищать права и свободы личности в цифровой среде. Этот принцип означает, что любые технологии ИИ должны разрабатываться и применяться с учётом уважения к достоинству личности, неприкосновенности частной жизни, свободе слова и другим фундаментальным правам. Решения, принимаемые с помощью ИИ, не должны нарушать конституционные гарантии прав и свобод.

Во-вторых, назван принцип безопасности. Безопасность охватывает как защиту от внешних угроз (кибератаки, несанкционированный доступ), так и внутреннюю устойчивость систем ИИ. Технологии должны быть защищены от различных воздействий, сбоев и использования во вред обществу или государству.

В-третьих, выделен принцип прозрачности. Пользователи должны иметь возможность понимать, как работают системы ИИ, на каких данных они обучались и как принимаются решения. Это необходимо для формирования доверия к технологиям и возможности их контроля со стороны общества и государства.

В-четвертых, выделен принцип технологического суверенитета. Россия должна обладать собственными конкурентоспособными технологиями ИИ, чтобы не зависеть от иностранных разработок и обеспечивать национальную безопасность в цифровой сфере. Это включает развитие отечественных платформ, стандартов и инфраструктуры. обеспечение необходимого уровня самостоятельности Российской Федерации в области искусственного интеллекта, в том числе посредством преимущественного использования отечественных технологий искусственного интеллекта и решений в области искусственного интеллекта, в долгосрочной перспективе обеспечение развития искусственного интеллекта на отечественных программно-аппаратных комплексах.

В-пятых, обозначен принцип целостности инновационного цикла. Реализация этого принципа предполагает обеспечение тесного взаимосвязи научных исследований и разработок в области искусственного интеллекта (в том числе фундаментальных) с реальным сектором экономики. Так, например, согласно положениям Энергетической стратегии ключевыми задачами формирования экосистемы для обеспечения технологического суверенитета и достижения технологического лидерства в топливно-энергетическом комплексе являются, в частности, развитие экономических стимулов и снятие административных барьеров для увеличения инвестиций.

В комплекс первоочередных мер по решению задачи развития экономических стимулов и снятия административных барьеров входят: развитие законодательства Российской Федерации в части экономического стимулирования государственно-частного партнерства в области фундаментальной и прикладной науки с возможностью проведения долгосрочных опытно-конструкторских работ и опытно-промышленных испытаний с последующей коммерциализацией разработок и повышение их эффективности. На законодательном уровне принят ряд нормативных правовых актов, среди которых можно выделить: Федеральные законы «О развитии технологических

компаний в Российской Федерации»; «О технологической политике в Российской Федерации», а также подзаконные нормативные правовые акты, например, Постановление Правительства РФ от 30.04.2019 N 538 «О мерах государственной поддержки создания и развития научных центров мирового уровня» и другие.

В - шестых, определен такой принцип, как наиболее эффективное использование технологий искусственного интеллекта. Данный принцип подразумевает, что внедрение и развитие ИИ должны быть направлены на достижение максимального общественного и экономического эффекта при оптимальном расходовании ресурсов. Этот принцип охватывает несколько ключевых аспектов. применение в приоритетном порядке действующих механизмов реализации государственной политики в научно-технической области и других областях;

В-седьмых, выделен следующий принцип - поддержка конкуренции. Развитие ИИ должно способствовать укреплению позиций России на мировом рынке высоких технологий, стимулировать инновации и создавать новые отрасли экономики. Также важно развитие рыночных отношений и недопустимость действий, направленных на монополизацию и ограничение конкуренции между российскими организациями, осуществляющими деятельность в области искусственного интеллекта.

Следующий принцип, восьмой, - это открытость и доступность: недопущение ограничения доступа организаций - разработчиков отечественных технологий искусственного интеллекта, граждан, организаций, осуществляющих деятельность в различных отраслях экономики и социальной сферы (далее - отраслевые организации), к таким технологиям, за исключением технологий в сферах государственного и муниципального управления и оборонно-промышленного комплекса. Для развития ИИ необходимы большие объёмы качественных данных и современные вычислительные ресурсы. Принцип открытости подразумевает создание механизмов, обеспечивающих: доступ организаций-разработчиков к государственным и отраслевым наборам данных (с соблюдением законодательства о защите персональных данных и коммерческой тайны); развитие национальной инфраструктуры для хранения и обработки данных, доступной для широкого круга пользователей; поддержку открытых стандартов и форматов данных, что облегчает их обмен и совместное использование. Открытость также означает информирование общества о возможностях и рисках ИИ, развитие цифровой грамотности и вовлечение граждан в обсуждение этических и правовых вопросов, связанных с использованием новых технологий.

В-девятых, выделен принцип преемственности, который предполагает обеспечение постепенного перехода органов публичной власти к использованию технологий искусственного интеллекта.

Десятый принцип - защищенность, что означает безопасность и правовую охрану технологий искусственного интеллекта, разграничение ответственности организаций - разработчиков и пользователей технологий искусственного интеллекта исходя из характера и степени причиненного вреда, а также защиту указанных пользователей от противоправного применения технологий искусственного интеллекта.

Еще один принцип - достоверность исходных данных: методологическое и технологическое обеспечение достоверности исходных данных, способствующее минимизации или устранению угрозы негативного воздействия на них.

В целом необходимо отметить, что принципы права — это основополагающие идеи, которые определяют содержание и направленность правовой системы, обеспечивая законность, справедливость и стабильность правопорядка.

Приведенные выше принципы нормативно-правового регулирования в сфере использования технологий искусственного интеллекта имеют специальный характер, применяются в сфере развития и внедрения технологий искусственного интеллекта.

Российская система правового регулирования в сфере искусственного интеллекта (ИИ) находится в стадии активного формирования. Она сочетает в себе стратегическое

планирование, адаптацию существующих отраслей права и разработку новых нормативных актов.

Регулирование отношений в сфере использования ИИ в России носит комплексный характер и опирается на несколько уровней законодательства. Как отмечено выше – это Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Это основополагающий документ, утвердивший Национальную стратегию развития искусственного интеллекта до 2030 года. Он определяет цели, задачи и основные направления государственной политики. Следующий определяющий документ - Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». В рамках этой программы реализуется федеральный проект «Искусственный интеллект», который предусматривает финансирование исследований, создание стандартов и поддержку внедрения технологий. В Гражданском кодексе РФ введено понятие «цифровых прав» и обсуждается концепция «цифрового субъекта», что создает правовую базу для оборота результатов деятельности ИИ.

Федеральный закон «О персональных данных» (№ 152-ФЗ) является ключевым при обработке данных для обучения нейросетей. Закон требует строгого соблюдения принципов конфиденциальности и целевого использования данных.

Законодательство об экспериментальных правовых режимах (ЭПР) позволяет временно отменять или изменять действие определенных правовых норм для тестирования инноваций, включая беспилотный транспорт и телемедицину с использованием ИИ.

Вместе с тем необходимо отметить, что требуется систематизация правового регулирования в этой сфере общественных отношений. В России пока нет комплексного акта, который бы определял основные принципы и направления правового регулирования отношений в сфере использования технологий искусственного интеллекта, классифицировал риски и устанавливал единые требования для всех сфер применения. Также отметим обсуждаемую проблему определения ответственности, нормы об ответственности юридических лиц не всегда применимы к уникальным ситуациям, создаваемым ИИ. Требуются также дополнительные исследования по вопросам регулирования создания и использования больших данных. Механизмы обезличивания и использования больших данных для обучения нейросетей требуют соответствующего правового оформления, не допускающего нарушения прав участников правоотношений.

Отметим значение и этических норм. Так, например, Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта устанавливает общие этические принципы и стандарты поведения, которыми следует руководствоваться участникам отношений в сфере искусственного интеллекта в своей деятельности, а также механизмы реализации положений настоящего Кодекса [2].

В целом практика регулирования ИИ характеризуется переходом от стратегических положений к созданию реальных правовых механизмов.

Теоретические аспекты. В целом принципы права - основополагающие, руководящие идеи, которые определяют содержание, направленность и функционирование всей правовой системы. Они служат фундаментом для построения законодательства, правоприменительной практики и правовой доктрины. В отличие от конкретных правовых норм (статей законов), которые регулируют отдельные общественные отношения, принципы права носят универсальный и абстрактный характер. Глубокий сравнительный анализ регуляторного опыта 33 юрисдикций и 17 международных организаций в сфере искусственного интеллекта (ИИ) был проведен авторами в работе «Глобальный атлас регулирования искусственного интеллекта»[3]. Комплексное исследование проблем правового регулирования цифровой экономики применительно к специализации ведущих отраслей российского права и

законодательства проведено авторами в работе «Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие» [4]. Необходимость формирования принципов реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве РФ, и выработки на их основе системы мер, призванных обезопасить личность, общество и государство от тех угроз и рисков отмечается в Докладе Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека [5].

Выводы. В связи с тем, что технологии ИИ развиваются быстрее, чем законодательство, принципы служат «правовым компасом», который позволяет систематизировать разрозненные нормы, обеспечить единообразие правоприменения. В тех случаях, когда конкретная норма закона отсутствует или неясна, общие принципы (такие как законность, справедливость, гуманизм) и специальные принципы, закрепленные, в частности, в Стратегии развития искусственного интеллекта, становятся основой для принятия обоснованных решений, в том числе и в спорных ситуациях. Они позволяют разрешать споры справедливо, даже если законодательство не успевает за технологическим прогрессом.

Таким образом, принципы нормативно-правового регулирования в сфере ИИ — служат не только упорядочиванию отношений, но и направляют развитие технологий в русло, отвечающее интересам государства, бизнеса и каждого человека, обеспечивая устойчивое и безопасное будущее.

Список использованной литературы

1. Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ, 14.10.2019, N 41, ст. 5700.
2. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта // СПС КонсультантПлюс.
3. Глобальный атлас регулирования искусственного интеллекта. Издание 2023 (под ред. А.В. Незнамова) // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2023.
4. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие / М.О. Дьяконова, А.А. Ефремов, О.А. Зайцев и др.; под ред. И.И. Кучерова, С.А. Синицына. Москва: ИЗиСП, НОРМА, 2022. 376 с.
5. Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве 2.0. Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека // URL: https://sovet-nko.ru/files/2025/06/doklad-spch-po-pch-v-tsifre-2.0-2025-06-27_15-54-14_624644.pdf (дата обращения 4.04.2026г).

.

УДК 342.7:004

К ВОПРОСУ О ТЕНДЕНЦИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

ТАГАЕВА САНАВБАР НАЗИРКУЛОВНА
УВО «Университет управления «ТИСБИ», Российская Федерация, г. Казань доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права. E-mail: s.tagaeva@mail.ru

В статье рассматриваются тенденции защиты персональных данных на международном универсальном, региональном и национальном уровне. По мнению автора различные подходы стран к защите данных не позволяют выработать минимальные стандарты к защите персональных данных. В качестве основной тенденции защиты персональных данных на международном уровне указывается стремление государств к «цифровому суверенитету», которая характеризуется ростом требований к локализации данных.

Ключевые слова: защита данных, персональные данные, информация, международное сотрудничество

ДАР БОРАИ ТАМОЮЛҲОИ ҲИФЗИ БАЙНАЛМИЛАЛИИ МАЪЛУМОТИ ШАХСӢ

ТАГАЕВА САНАВБАР НАЗИРҚУЛОВНА
Муассисаи таҳсилоти олии «Донишгоҳи идоракунии «ТИСБИ», Федератсияи Русия, ш. Қазон, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор, профессори кафедраи ҳуқуқи маданӣ ва соҳибкорӣ. E-mail: s.tagaeva@mail.ru

Дар мақола тамоюлҳои ҳифзи маълумоти шахсӣ дар сатҳи байналмилалӣ, минтақавӣ ва миллӣ баррасӣ мегарданд. Ба андешаи муаллиф, гуногунии равишҳои давлатҳо нисбат ба ҳифзи маълумот имкон намедиҳад, ки стандартҳои ҳадди ақал дар ин соҳа ташаккул дода шаванд. Ҳамчун тамоюли асосии ҳифзи байналмилалии маълумоти шахсӣ, кӯшиши давлатҳо ба «соҳибихтиёрии рақамӣ» арзёбӣ мегардад, ки бо афзоиши талабот ба маҳаллигардонии маълумот тавсиф мешавад.

Калидвожаҳо: ҳифзи маълумот, маълумоти шахсӣ, иттилоот, ҳамкории байналмилалӣ.

ON THE ISSUE OF TRENDS IN THE INTERNATIONAL PROTECTION OF PERSONAL DATA

SANAVBAR NAZIRKULOVNA TAGAEVA
University of Management “TISBI”, Russian Federation, Kazan Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil and Business Law. E-mail: s.tagaeva@mail.ru

The article examines trends in the protection of personal data at the international, regional and national levels. According to the author, different approaches of states to data protection do not allow the development of minimum standards in this field. As the main trend of international data protection, the author identifies the states’ aspiration for “digital sovereignty”, which is characterized by the growing requirements for data localization.

Keywords: data protection, personal data, information, international cooperation.

Введение

Понятие «данные» стало активно использоваться в современном мире в качестве синонима «информация», хотя при более детальном его исследовании можно заключить, что она представляет собой необработанные фактические сведения, выступающие эмпирической основой для дальнейшей обработки. Естественно, эта категория «данные» стала актуальной для цифровой среды, в которой эти сведения проходят автоматическую обработку (хранятся, обрабатываются, передаются и интерпретируются).

Данные представляют собой зафиксированные на материальном носителе сведения в формализованном виде, пригодные для дальнейшей обработки. Данные без интерпретации не могут быть поняты обычным человеком. В связи с этим, информация как результат интерпретации может представлять интерес для правового регулирования.

Наряду с понятием «данные» используется также категория «большие данные» (Big Data), легальное определение которого отсутствует в законодательстве Российской Федерации и Республики Таджикистан.

На надгосударственном уровне попытка раскрыть понятие большие данные (Big Data) в определенной среде, в частности в сфере медицины была сделана в Модельном законе о цифровом здравоохранении, принятом 14.04.2023 в г. Санкт-Петербурге [3]. Согласно этому документу большие (медицинские) данные - это наборы (медицинских) данных, которые классифицируются в первую очередь по характеристикам объема, разнообразия, скорости и (или) изменчивости данных и при этом для эффективного хранения, анализа, обработки либо иного управления требуют применения специальной расширенной (масштабируемой) информационной технологии в здравоохранении или информационно-коммуникационной технологии (макротехнологии) [4] .

В отдельных подзаконных актах РФ раскрывается понятие обработки таких данных, под которой понимается совокупность подходов, инструментов и методов автоматической обработки структурированной и неструктурированной информации, поступающей из большого количества различных, в том числе разрозненных или слабосвязанных, источников информации, в объемах, которые невозможно обработать вручную за разумное время [5].

Теоретические аспекты

Для правового регулирования интерес представляют сведения, сообщения и данные, формируемые и воспроизводимые в обществе, которые обозначаются как социальная информация.

Социальная информация может быть общедоступной и ограниченно доступной, получение доступа к последней возможно только на основании законодательства. Режим ограниченного доступа к сведениям и данным устанавливается с целью защиты публичных интересов (основы конституционного строя, нравственности, здоровья, обеспечения обороны и безопасности) и прав и законных интересов частных субъектов. Защищаемую социальную информацию законодательство характеризует как конфиденциальную. Режим конфиденциальности обязывает лицо, которое получило доступ к определенным сведениям и данным не передавать их третьим лицам без согласия субъекта, которому они принадлежат.

В Российской Федерации регулирующим вопросы обеспечения защиты информации нормативным правовым актом выступает Федеральный закон №149 «Об информации, информационных технологиях и защите информации» от 27 июля 2006 года.

В соответствии с Указом Президента РФ №188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера» от 6 марта 1997 года, конфиденциальная информация классифицирована на 7 групп: во-первых, это персональные данные, во-вторых, сведения о ведении следствия и судопроизводства, в-третьих, служебная тайна, в-четвертых, информация, полученная в процессе профессиональной деятельности, в-пятых, коммерческая тайна, в-шестых, это информация, направленная на защиту исключительных прав изобретателей, в-седьмых, информация из личных дел осужденных и полученная при принудительном исполнении судебных актов и др.

В условиях возможности трансграничного сиюминутного получения доступа к ограниченной информации особую важность приобретает защита персональных данных физических лиц как внутри страны, так и на международном уровне.

Естественно, Конституции многих стран, в том числе и России и Таджикистана предусматривают право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а защита персональных данных, в свою очередь, входит в указанные охраняемые объекты.

К сожалению, на универсальном уровне международных соглашений, направленных на защиту персональных данных не принято. Имеются международные акты, закрепляющие защиту частной жизни. Среди них Всеобщая декларация прав человека, запрещающая произвольное вмешательство в личную и семейную жизнь человека, предусматривающая тайну его корреспонденции (ст.12 Декларации). Аналогичные положения имеются и в ст.17 Пакта о гражданских и политических правах 1966 г. К сожалению, деятельность Международной организации труда в сфере разработки международных соглашений по защите персональных данных нельзя признать удовлетворительной.

Вместе с тем, на данный момент, принятая в Страсбурге межправительственной организацией – Советом Европы, Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 28 января 1981 года, так называемая Конвенция №108, является наиболее авторитетным международным договором в области защиты сведений и данных, касающихся физических лиц.

Практическая часть

На данный момент можно выделить следующие варианты правового регулирования персональных данных:

1) Защита персональных данных на территории ЕС представляет собой продолжение прав и свобод человека, в том числе и на неприкосновенность личности. Так, ст.8 Хартии Европейского Союза об основных правах предусматривается защита данных личного характера, обработка которых допускается только с согласия субъекта, которому они принадлежат, а также на основании других правомерных причин. Договор о функционировании Европейского союза также закрепляет право каждого на защиту персональных данных (ст.16 Договора). Более детальную регламентацию защита персональных данных получила в Общем регламенте о защиты персональных данных ЕС 2016 года (Постановление 2016/679). Интересным является тот факт, что данный регламент обладает экстерриториальным действием на компании, в которых работают резиденты и граждане ЕС, вне зависимости от места их нахождения.

2) Секторальный вариант, который представлен в США, характеризуется отсутствием единого закона, посвященного защите персональных данных. Например, Закон о переносимости и подотчетности медицинского страхования от 1996 года, устанавливающий национальные стандарты защиты конфиденциальной медицинской информации пациентов от кражи и мошенничества регулирует вопросы защиты персональных данных в сфере медицины, Закон о защите конфиденциальности детей в Интернете от 2000 года, применяющийся к сбору персональной информации от детей младше 13 лет лицами или организациями под юрисдикцией США направлен на

защиту данных детей, Закон Грэмма-Лича-Блайли от 1999 года, обязывающий финансовые организации защищать конфиденциальность данных клиентов, устанавливая жёсткие регуляторы на уровне штатов, распространяется на персональные данные в финансовой сфере, Калифорнийский закон о защите персональных данных потребителей от 2020 года, который предоставляет субъекту персональных данных право знать, какие личные данные собирают компании, право требовать их удаления, право на запрещение их передачи – действует только на территории этого штата.

3) В качестве существующих моделей регионального регулирования можно выделить систему «Трансграничных правил конфиденциальности» (CBPR) от 2023 года, являющуюся добровольной системой Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества для защиты данных, которые передаются между странами. В финансовом контексте страны обязуются соблюдать стандарт сообщений для платежей (CBPR+).

Следует также отметить, что различные подходы к защите данных не позволяют выработать минимальные стандарты к защите персональных данных. Так, в Евросоюзе право на неприкосновенность персональных данных понимается в качестве фундаментального права; в США —персональные данные защищаются в отдельных сферах и отсутствует единый федеральный подход в этом вопросе, в России и Китае — защита персональных данных граждан этих стран рассматриваются в качестве элемента национальной безопасности.

В связи с отсутствием стандартов передачи данных физических лиц на универсальном международном уровне имеются противоречия с требованиями GDPR (защита данных) Евросоюза и облачным актом 2018 года США, который обязывает ИТ-компании США предоставлять данные пользователей по запросу правоохранительных органов США, независимо от места хранения информации (включая серверы за пределами США). Закон упрощает трансграничный доступ к электронным уликам для борьбы с преступностью [2]

Российская Федерация присоединилась к Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных 19 декабря 2005 года. При разработке Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» этот факт был учтен, и его положения соответствуют принятым государством на себя международных обязательств.

На национальном уровне в Российской Федерации 27 июня 2006 года был принят Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных». Базовые понятия и категории, применяемые в законодательстве о защите персональных данных закреплены в ст. 3 ФЗ № 152-ФЗ. В Республике Таджикистан 3 августа 2018 года был принят Закон Республики Таджикистан «О персональных данных». В нормативных правовых актах обоих стран под персональными данными понимаются сведения о фактах, событиях и обстоятельствах жизни субъекта этих данных, позволяющие идентифицировать его личность.

Важным исполнительным органом, осуществляющим деятельность по защите персональных данных в России, является Роскомнадзор. Этот орган утверждает перечень государств, с адекватной защитой данных, в которые можно передавать информацию.

Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций № 128 от 05.08.2022 года «Об утверждении перечня иностранных государств, обеспечивающих адекватную защиту прав субъектов персональных данных» содержит список стран, которые имеют достаточную для защиты персональных данных нормативную правовую базу, соответствующую положениями Конвенции №108. В перечень включены как государства, являющиеся членами Европейского Союза, так и страны не являющиеся таковыми. Включение

отдельных иностранных стран в Приказ Роскомнадзором как обеспечивающих адекватную защиту прав субъектов персональных данных обусловлено тем, что участниками Конвенции №108 могут являются страны, не расположенные на Европейском континенте и не являющиеся членами Европейского Союза (например, Азербайджан, Армения). Кроме того, в приказ включены иностранные государства, которые хотя и не являющиеся сторонами Конвенции №108, но тем не менее обеспечивающие конфиденциальность и безопасность персональных данных при их обработке, например, Кыргызстан, Китайская народная республика, Таджикистан, Узбекистан.

Передача персональных данных в страны, указанные в списке, допускается с момента уведомления Роскомнадзора. Передача информации в страны, которые не включены в список стран с адекватной защитой данных не допускается до принятия решения Роскомнадзора, за исключением случаев необходимости защиты жизни, здоровья, иных жизненно важных интересов субъекта персональных данных или других лиц.

В свою очередь, в рамках Содружества независимых государств принято Соглашение о взаимной правовой помощи по административным вопросам в сфере обмена персональными данными от 18 декабря 2020 года, которое было ратифицировано Российской Федерацией 19 ноября 2021 года и вступило в силу 6 августа 2023 года. В соответствии с этим соглашением сторона, которая просит предоставить информацию конфиденциального характера должна обеспечить такой же режим. Нарушение режима конфиденциальности возможно в тех случаях, когда это является необходимым для исполнения запроса. Кроме того, до нарушения режима конфиденциальности сторона, которая исполняет просьбу о предоставлении информации другой стороне должна предупредить о невозможности исполнения поручения без огласки (ст.10 Соглашения).

Интерес с точки зрения защиты персональных данных физических лиц представляет Модельный миграционных кодекс для государств- участников СНГ, который был принят на 52 Пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств- участников СНГ от 16 апреля 2021 года, который возлагает на государства обязанности по принятию мер, направленных на обеспечение защиты персональных данных мигрантов и членов их семей, в том числе на этапах сбора, обработки, хранения и уничтожения информации, содержащей персональные данные мигрантов (ст.7). Это обстоятельство позволяет спрогнозировать, что процесс гармонизации норм государств СНГ по вопросам защиты персональных данных мигрантов приведет к относительному единообразию правового регулирования.

На данный момент международно-правовая база о персональных данных в рамках Содружества независимых государств формируется и недостаточна для урегулирования всех аспектов данного вопроса.

Естественно, вопросы защиты персональных данных предусмотрены и в двусторонних международных договорах, например, об избежании двойного налогообложения, по борьбе с преступностью, сотрудничеству в различных областях.

Тенденциями защиты персональных данных на современном этапе являются:

1. Устойчивая тенденция к «цифровому суверенитету», которая характеризуется ростом требований к локализации данных, согласно которым определенные категории информации должны храниться исключительно в национальных границах, а государства стремятся к созданию правовых режимов, не зависящих от юрисдикции третьих стран.

2. Изменения в региональном регулировании, связанные с активным использование искусственного интеллекта. Так, в ноябре 2025 года Еврокомиссия представила пакет поправок «Digital Omnibus», знаменующий важнейшую ревизию

Общего регламента защиты данных (GDPR), направленную на адаптацию законодательства о персональных данных к развитию искусственного интеллекта.

3. Стабилизация правоприменения в сфере передачи данных между США и Евросоюзом. Ключевым событием здесь стало решение Суда ЕС по делу Latombe v. Commission (2025 г.) [1], который подтвердил адекватность уровня защиты данных при их передаче в США в рамках нового соглашения EU-US Data Privacy Framework (DPF). Это решение продемонстрировало устойчивость нового правового механизма между двумя юрисдикциями.

Заключение

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что усиливающаяся цифровизация общественной жизни требует выработки адекватной концепции международной защиты персональных данных, при разработке которой должны быть сбалансированы интересы личности, общества и государства. В основу любого международного договора должны быть положены принципы справедливой, прозрачной и законной обработки персональных данных.

Литература

1.T-553/23 Latombe v Commission [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://infocuria.curia.europa.eu/tabs/affair?sort=AFF_NUM-DESC&searchTerm=%22T-553%2F23%22&publishedId=T-553%2F23 -(Дата обращения 5.04. 2026)

2.Вольфенштей К. Почему облачный акт США является проблемой и риском для Европы и остального мира: закон с далекими последствиями [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://xpert.digital/ru/us-cloud-act/- (Дата обращения: 5.04.2026)

3.Гатиятуллина Э.М., Тагаева С. Н. Большие данные и персональные данные: правовая природа и вопросы регулирования / // Цифровое право. – 2024. – Т. 5, № 2. – С. 40-52.

4.Модельный закон о цифровом здравоохранении от 14.04.2023 № 55-22 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendatcii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni -(Дата обращения 5.04. 2026)

5.Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ -(Дата обращения 5.04. 2026)

УДК: 341:004.8

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ

НУГМАН АБДУЛЛАЕВИЧ НУГМАНОВ
Университет мировой экономики и дипломатии (УМЭД), доктор юридических наук (DSc), профессор. 100007, г. Ташкент, проспект Мустакиллик, 54 E-mail: nugmann88@gmail.com, nnugmanov@uwed.uz

В данной статье автор исследует проблемы и перспективы международно-правового регулирования технологии искусственного интеллекта в рамках основных международных институтов. На сегодняшний день не существует единого универсального международного акта или международной организации, охватывающего все аспекты регулирования ИИ, хотя вместе с тем реализуется множество инициатив, направленных на обеспечение безопасности, этичности и справедливости при применении ИИ. Вместе с тем, в рамках национального законодательства определённых стран сформирован подход разработки обязательных юридических норм с сфере использования ИИ. Прогресс международно-правового регулирования искусственного интеллекта показывает, что в будущем необходимо создание более универсальной, ясной, согласованной и комплексной международно-правовой основы в сфере регулирования использования технологии искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ИИ, международно-правовое регулирование ИИ, международные институты в сфере ИИ, принципы использования ИИ, международное сотрудничество в сфере ИИ, стандарты безопасности и этики в области ИИ.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AT THE INTERNATIONAL LEVEL

NUGMAN ABDULLAEVICH NUGMANOV
University of World Economy and Diplomacy (UWED), Doctor of Legal Sciences (DSc), Professor. 100007, Tashkent, Mustaqillik Avenue, 54 E-mail: nugmann88@gmail.com, nnugmanov@uwed.uz

In this article, the author examines the problems and prospects of international legal regulation of artificial intelligence technology within the framework of major international institutions. At present, there is no single universal international act or international organization that comprehensively covers all aspects of AI regulation. However, numerous initiatives are being implemented to ensure safety, ethical use, and fairness in the application of artificial intelligence. At the same time, within the national legislation of certain countries, approaches have been developed to establish binding legal norms in the field of AI usage. The progress of international legal regulation of artificial intelligence demonstrates that in the future it is necessary to create a more universal, clear, coherent, and comprehensive international legal framework governing the use of AI technologies.

Keywords: artificial intelligence, AI, international legal regulation of AI, international institutions in the field of AI, principles of AI use, international cooperation in AI, standards of safety and ethics in AI.

МУШКИЛОТ ВА ДУРНАМОИ ТАНЗИМИ ҲУҚУҚИИ ЗЕҲНИ СУНЪӢ ДАР САТҲИ БАЙНАЛМИЛАЛӢ

НУГМАН АБДУЛЛАЕВИЧ НУГМАНОВ
Донишгоҳи иқтисоди ҷаҳонӣ ва дипломатия (УМЭД), доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ (DSc), профессор. E-mail: nugmann88@gmail.com, nnugmanov@uwed.uz

Дар мақолаи мазкур муаллиф масъалаҳо ва дурнамои танзими байналмилалии ҳуқуқии технологияҳои зеҳни сунъиро дар доираи институтҳои асосии байналмилалӣ таҳқиқ менамояд. Дар айни замон санади ягонаи универсалии байналмилалӣ ё созмони байналмилалие, ки тамоми ҷанбаҳои танзими зеҳни сунъиро фаро гирад, вуҷуд надорад. Бо вуҷуди ин, ташаббусҳои зиёде амалӣ карда мешаванд, ки ба таъмини амният, ахлоқият ва адолат ҳангоми истифодаи зеҳни сунъӣ равона шудаанд. Ҳамзамон, дар доираи қонунгузории миллии баъзе давлатҳо равишҳо барои таҳияи меъёрҳои ҳатмии ҳуқуқӣ дар соҳаи истифодаи зеҳни сунъӣ шакл гирифтаанд. Пешрафти танзими байналмилалии ҳуқуқии зеҳни сунъӣ нишон медиҳад, ки дар оянда зарурати ташкили як заминаи байналмилалии ҳуқуқии бештар универсалӣ, возеҳ, ҳамоҳанг ва фарогир дар соҳаи танзими истифодаи технологияҳои зеҳни сунъӣ ба миён меояд.

Калидвожаҳо: зеҳни сунъӣ, танзими байналмилалии ҳуқуқии зеҳни сунъӣ, институтҳои байналмилалӣ, принсипҳои истифодаи зеҳни сунъӣ, ҳамкории байналмилалӣ, стандартҳои амният ва ахлоқ дар соҳаи зеҳни сунъӣ.

Очевидно, что сверхдинамичное развитие искусственного интеллекта (ИИ) формирует крайнюю необходимость в создании новых правовых норм и стандартов в сфере использования ИИ. ИИ как одна из самых динамично развивающихся технологий в современном мире проникает во все большее число различных сфер, включая образования, медицина, судебное правосудие, творчество и др. Вследствие этого возникает проблема правового регулирования использования технологии ИИ для защиты человека, общества и государства от потенциальных рисков и негативных последствий. Формирование универсальных международно-правовых норм и единых стандартов в области управления ИИ обусловлены такими важными аспектами как обеспечение международной безопасности, безопасный обмен информацией, защита основных прав и свобод человека, а также этические аспекты в сфере использования ИИ.

На наш взгляд международно-правовое регулирование ИИ носит фрагментарный характер. И несмотря на то, что в ряде стран на национальном уровне правовые нормы, направленные на контроль использования ИИ, на международном уровне не существует единого глобального международно-правового акта, охватывающего все аспекты использования ИИ, хотя и реализуется различные инициативы в сфере обеспечения безопасности, этичности и справедливости при применении ИИ. Важную роль в этом процессе играют международные организации, такие как ООН, ЮНЕСКО, ОЭСР, Европейский Союз и другие, предлагающие общие подходы и разрабатывающие этические и юридические нормы.

Среди множества международных правовых источников, регулирующих технологии ИИ, стоит выделить определенные рекомендации и принципы. Особого внимания заслуживают **Рекомендации по этике искусственного интеллекта** [1], принятые в рамках ЮНЕСКО в 2021 году. Этот документ содержит этические принципы и рекомендации, направленные на предотвращение потенциального вреда от ИИ, уважение прав человека, соблюдение принципов справедливости и инклюзивности, а также создание эффективных механизмов контроля.

Необходимо отметить инициативу генерального секретаря ООН, в соответствии с которой 26 октября 2023 г. на пресс-конференции в Нью-Йорке было объявлено решение об учреждении Консультативного органа высокого уровня по искусственному

интеллекту (High-Level Advisory Body on Artificial Intelligence). В данный орган вошли 39 экспертов с различных стран, целью было намечено формирование рекомендаций по трем основным направлениям такими как, международное управлении ИИ; исследование рисков и вызовов, связанных с ИИ, и выработка способов их преодоления; использование ИИ для ускорения достижения Целей устойчивого развития.

В сентябре 2024 г. со стороны Консультативного органа был представлен доклад «Управление ИИ во благо человечества». Документ содержал семь фундаментальных рекомендаций по управлению рисками в сфере использования ИИ, а именно: формирование независимой международной научной группы экспертов; запуск межправительственного диалога по управлению ИИ; учреждение центра обмена стандартами ИИ; формирование глобальной сети по наращиванию потенциала; разработка всемирной системы данных по ИИ; создание глобального фонда для ИИ; открытие специализированного офиса по ИИ в системе ООН. [2]

Кроме этого, доклад содержал обращение о создании первой «глобально инклюзивной и распределенной архитектуры управления ИИ», на основе международного сотрудничества. Вопреки тому, что документ имел рекомендательный характер, он обеспечил прямое правовое воздействие на проблемы в сфере использования ИИ. Основные положения документы были в дальнейшем использованы в ряде различных резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, включая Глобальный цифровой договор. Т.е. документ определённым образом установил рамочные нормы сложной глобальной системы управления ИИ.

Нужно отметить, что 2024 год был примечателен также и принятием различных других важных международных инициатив в сфере использования ИИ. В рамках Генеральной Ассамблеи ООН было разработано несколько важных международных соглашений, которые установили различные подходы в сфере регулирования ИИ.

Среди значимых документов стоит отметить, резолюцию A/RES/79/325 [3], принятую 26 августа 2025 г. со стороны Генеральной Ассамблеи ООН. В рамках документа были сформированы новые механизмы в сфере управления ИИ, а именно учреждение Независимой международной научной группы по ИИ и Глобальный диалог по управлению ИИ. В документе установлено, вл первых, что панель будет состоять из 40 экспертов, назначаемых в личном качестве сроком на три года на равной географической основе. Целью является, ежегодная подготовка аналитических докладов, обобщающая международные исследования рисков, возможностей и последствий в сфере применения ИИ. В свою очередь, Глобальный диалог будет представлять из себя многостороннюю площадку для выработки политических решений в сфере регулирования ИИ. Первый диалог уже состоялся в сентябре 2025 г. в рамках 80-й сессии ГА ООН. В 2026 г. в рамках Всемирного саммита МСЭ планируется проведение форума «Искусственный интеллект во благо» (AI for Good), а в 2027 г. планируется проведение международного форума по использованию научно-технических достижений в интересах достижения целей устойчивого развития.

Необходимо отметить, что резолюции принимаемы в рамках институтов ООН ограничивается только проблематикой гражданского использования ИИ. Принимаемые документы не включают военный аспект, и очевидно, это является предметом особого обсуждения.

На регилнальном уровне важным международным соглашением является **Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте и правах человека, демократии и верховенстве права**, принятая 17 мая 2024 года в рамках Комитета министров Совета Европы на 133-й сессии в Страсбурге. Данный документ является первым международным юридически обязательным договором, и который открыт для всех государств мира. Целью договора является обеспечение соблюдения

прав человека, верховенства закона и демократических правовых стандартов при использовании систем ИИ. [4]

В рамках Европейского союза следует отметить **Законодательный акт о искусственном интеллекте Европейского союза** (AI Act), принятый Европейским парламентом 13 марта 2024 года. Данное соглашение является одним из первых юридических документов, устанавливающих комплексные нормы для регулирования ИИ на уровне ЕС, включая требования по сертификации ИИ-систем и созданию механизмов для их контроля и мониторинга. [5]

Также значимым документом, принятым в рамках Европейского союза, является **Общий регламент защиты данных** (GDPR), которое было принято 27 апреля 2016 года, и вступило в силу 25 мая 2018 г. [6] Хотя GDPR и не предназначен исключительно для регулирования ИИ, он затрагивает вопросы защиты данных в контексте использования ИИ.

Среди ключевых международных нормативно-правовых актов принятыми в рамках ООН и других международных организаций можно отметить, доклад **Консультативного органа высокого уровня по искусственному интеллекту (КОИИ) ООН** от 19 сентября 2024 г. Данный доклад содержит семь положений, которые включают такие рекомендации как:

1) создание независимой Международной научной группы по ИИ;

2) сформировать в рамках ООН межправительственный диалог по вопросам управления ИИ;

3) организация обмена стандартами в области ИИ с участием представителей национальных и международных организаций;

4) создание сети для развития потенциала в области ИИ;

5) создание глобального фонда для развития ИИ, который будет управляться независимой структурой;

6) создание глобальной структуры по управлению данными для ИИ по аналогии, например, со Всемирной организацией интеллектуальной собственности;

7) создание офиса ИИ, который будет подчиняться Генеральному секретарю ООН. [7]

Как отмечено в докладе, ИИ может принести позитивные изменения в различных сферах, но без контроля возможности этой технологии могут не проявиться или будут распределены несправедливо.

В рамках деятельности ООН также необходимо отметить, **Совет по правам человека ООН,** который занимается изучением воздействия цифровых технологий включая искусственный интеллект на права человека. В 2021 году Совет по правам человека инициировал специальный доклад, в котором поднимались вопросы о правовых и этических последствиях применения ИИ, в частности, в таких областях, как правосудие, образование и здравоохранение. [8]

Среди других международных организаций в сфере регулирования ИИ можно отметить **Всемирную организацию интеллектуальной собственности (WIPO)** [9]**,** которая занимается регулированием различных аспектов, связанных с интеллектуальной собственностью в контексте ИИ.

Международная организация труда (ILO) также активно исследует влияние ИИ на трудовые отношения, особенно в контексте автоматизации труда и ее влияния на рынок труда. [10]

Всемирная организация здравоохранения (WHO) выпустила издание содержащая основные принципы регулирования технологий ИИ в здравоохранении. В опубликованном документе подчеркивается важность экспертизы безопасности и эффективности систем на основе ИИ, своевременного обеспечения доступности соответствующих систем для нуждающихся в них людей и содействия диалогу между

заинтересованными сторонами, включая разработчиков, органы регулирования, производителей, представителей сферы здравоохранения и пациентов. [11]

Важное место в формировании системы регулирования ИИ на глобальном уровне имеет Организация экономического сотрудничества и развития (**ОЭСР,** на англ. **OECD**), которая одной из первых международных организаций начала заниматься сферой ИИ. Нормы, принципы и стандарты, сформированные в рамках ОЭСР, используются на сегодняшний день самыми различными международными институтами. На данном этапе развития ИИ формируется международный режим управления ИИ, который основывается на «Принципах ИИ ОЭСР» (OECD AI Principles). [12] Данные принципы признаны со стороны 54 стран. Также ОЭСР является инициатором различных разработок в сфере ИИ в руководящих органах Глобального партнёрства по ИИ, а также в Комитете по ИИ Совета Европы.

На «Принципах ИИ ОЭСР» основана вся деятельность международной организации в сфере управления ИИ под названием **«Глобальное партнерство по ИИ»** (The Global Partnership on Artificial Intelligence) созданная на основе решения стран «Большой семерки» (G7). Данная организация начала свою деятельность на основе «Совместного заявления членов-основателей Глобального партнерства по искусственному интеллекту» 15 июня 2020 г., и является одной из первых международных структур которая была создана исключительно для международного сотрудничества в сфере ИИ. На сегодняшний день организация состоит из 29 членов. Главной целью является «преодоление разрыва между теорией и практикой путем поддержки передовых исследований и прикладной деятельности по приоритетным направлениям в области ИИ». [13] В рамках «Глобального партнерства по ИИ» осуществляет деятельность два центра экспертизы, расположенные в Париже и Монреале, которые в свою очередь поддерживают функционирование четырёх рабочих групп, занимающихся исследовательскими и практическими проектами в сфере управления ИИ. [14]

Текущее политическое противоборство между определёнными мировыми сверхдержавами, создание и деятельность «Глобального партнерства по ИИ» является важной предпосылкой в вопросе создания универсальных международных институтов нового формата в такой значимой для глобального развития сфере как ИИ.

Необходимо отметить, что международная система в сфере управления ИИ формируется в условиях непропоционального распределения влияния. В соответствии с докладом ЮНКТАД о технологиях и инновациях за 2025 г., доминирование ограниченного числа транснациональных корпораций обретают монополизированные свойства, т.е. возникают определённые обстоятельства, при которых в рамках небольшой группы крупных акторов сосредотачивается большая часть ресурсов, инфраструктуры и технологий в сфере использования ИИ, и их намерения де-факто формируют основные правила игры. Например под контролем таких транснациональных компаний как Alphabet, Amazon и Microsoft находится более двух третей глобального рынка облачных сервисов и хранилищ данных. Кроме этого, дополнительным индикатором такой диспропорции является такой аспект как распределение инвестиций, а именно почти 40% частных вложений на глобальном уровне в сфере ИИ сделаны со стороны не более 100 компаний, которые в основном расположены в США и Китае. На наш взгляд явно проявляется глобальный сдвиг центров технологической мощи в интересах всего нескольких государств. [15]

Очевидно, что межгосударственные отношения в области обмена информацией находятся под действием норм и принципов международного права, регулирующих разные стороны распространения информации на международном уровне.[16] Касательно перспективы развития международно-правового регулирования ИИ, очевидно, что создание международных стандартов и правовых актов для регулирования ИИ требует усилий со стороны многих стран и международных

организаций. На текущий момент большинство правовых инициатив в области ИИ фокусируются на этических и правовых принципах, таких как защита прав человека, предотвращение дискриминации и обеспечение безопасности. Однако мы считаем, что для формирования универсального правового регулирования необходимо принятие международно-правовых норм, которые смогут обеспечить гармонизацию стандартов и будут являться основой для эффективного контроля в сфере использованием ИИ.

Мы считаем, что международное регулирование ИИ требует комплексного подхода, учитывающий как глобальные вызовы, так и специфику каждой отдельной юрисдикции. Важно обеспечение баланса баланса между инновациями и необходимостью защиты общества от возможных рисков.

Хотя в последние годы, как мы видим, наблюдается заметное увеличение активности международных организаций в разработке стандартов и рекомендаций по регулированию ИИ, вопросы регулирования этой технологии остаются сложными и многогранными. Перспективы развития международного правового регулирования ИИ можно рассматривать через несколько ключевых направлений, включая создание новых правовых актов, улучшение существующих международных стандартов и решение этических и практических проблем, связанных с технологией.

Очевидно, что одним из самых амбициозных и перспективных шагов в развитии международного регулирования ИИ является создание универсального международного юридического акта в рамках ООН, регулирующий все основные аспекты использования ИИ в глобальном масштабе. Считаем, что такой правовой акт должен включать в себя обязательные нормы, регулирующие этические, правовые, социальные и технологические аспекты использования ИИ. Примером подобной инициативы может стать разработка международной **Конвенции по искусственному интеллекту**, которая будет служить основой для гармонизации национальных законов и стандартов.

На наш взгляд, в данную конвенцию среди прочих аспектов необходимо включить такие положения как:

- Обязательства стран по созданию национальных законодательных актов, направленных на регулирование ИИ;
- Принципы, касающиеся прав человека, включая защиту конфиденциальности, недискриминацию и обеспечение доступа к справедливости;
- Принципы, касающиеся безопасности ИИ и управления рисками, связанными с его внедрением в сферы с высоким риском;
- Создание международных механизмов обеспечивающих мониторинг соблюдения стандартов и разрешения споров между государствами по вопросам применения ИИ.

По вопросам развития этических стандартов для искусственного интеллекта, отметим, что многие международные организации, такие как ЮНЕСКО, ОЭСР и Совет Европы, уже разработали рекомендации по этике ИИ, но эти стандарты пока не обладают юридической силой. В будущем одним из приоритетных направлений станет развитие обязательных **этических норм** для ИИ. Эти стандарты должны стать основой для национальных законодательств, устанавливая ограничения на использование ИИ в целях, противоречащих общепризнанным моральным нормам.

Основными принципами, которые могут быть включены в эти этические стандарты, можно обозначить:

- **Прозрачность и объяснимость**: алгоритмы ИИ должны быть прозрачными и поддающимися объяснению, особенно в тех случаях, когда ИИ принимает решения, касающиеся прав и свобод человека;
- **Ответственность**: необходимо четко определить, кто несет ответственность за действия ИИ-систем и их последствия;

• **Недискриминация и инклюзивность**: ИИ не должен усиливать существующие социальные и экономические неравенства или создавать новые формы дискриминации;

• **Защита прав человека**: технологии ИИ должны быть использованы в интересах людей и с уважением к их правам и свободам.

Очевидно, что этические стандарты необходимо разрабатывать с учётом разнообразных культурных и социальных контекстов, что позволит предотвратить глобальные конфликты в области прав человека и социальной справедливости.

На наш взгляд, очень важен вопрос укрепления международного сотрудничества в области мониторинга и контроля ИИ, т.к. одной из главных проблем, с которой сталкиваются государства в контексте регулирования ИИ, — это отсутствие механизмов международного мониторинга и контроля. Проблема заключается в том, что ИИ не имеет границ и может использоваться в разных странах, что делает необходимым создание глобальных механизмов для проверки соблюдения международных стандартов и обеспечения безопасности.

На основе анализа перспектив развития международно-правового институционального регулирования, прогнозируется развитие международных институтов, которые будут заниматься мониторингом и проверкой соблюдения стандартов безопасности и этики в области ИИ. Такие международные институты могут быть созданы на базе существующих международных организаций, таких как ООН, ЮНЕСКО, ОЭСР, или через создание международных независимых регулирующих органов.

По нашему мнению, механизмы мониторинга соблюдения стандартов безопасности и этики в области ИИ должны включать такие важные составляющие как:

• **Глобальные аудиторы ИИ**: независимые международные организации или комитеты, которые будут проводить регулярные проверки ИИ-систем на предмет их безопасности и соблюдения этических норм.

• **Международные соглашения по безопасности данных**: создание обязательных стандартов для защиты данных, собранных и обработанных ИИ, чтобы предотвратить утечку личной информации или ее неправильное использование.

• **Координация действий при возникновении глобальных угроз**: в случае возникновения угрозы, связанной с ИИ, например, в виде кибератак с использованием ИИ или угрозы для безопасности, международное сообщество должно иметь механизмы координации для быстрого реагирования.

На наш взгляд очень важен вопрос подготовки кадров для работы с ИИ, т.к. развитие ИИ создаёт потребность в квалифицированных кадрах, способных разрабатывать и применять этические и юридические стандарты для использования ИИ. В этом контексте международные организации должны активно способствовать созданию программ обучения и образования, направленных на подготовку специалистов, которые смогут работать в области правового и этического регулирования ИИ.

Кроме того, создание обучающих программ и курсов по ИТ-права и этике ИИ будет способствовать формированию международного консенсуса по вопросам, связанным с правами человека, безопасностью и ответственностью при использовании ИИ.

На наш взгляд, важным является обсуждение будущего регулирования ИИ в рамках различных авторитетных международных форумов. Например, такие международные форумы и конференции, такие **как Глобальный форум по искусственному интеллекту** (THE Global AI Forum) [17] **и Форум ООН по управлению Интернетом** (IGF) [18], могут сыграть ключевую роль в создании новых правовых стандартов и обеспечении международного сотрудничества в сфере регулирования ИИ. Эти платформы могут быть использованы для обсуждения будущих норм, выработки общих подходов и решения спорных вопросов, таких как

юридическая ответственность за действия ИИ и применение автономных систем в различных отраслях.

Очевидно, что популярность ИИ и его социальное влияние растут с каждым днем, и что нам не хватает всестороннего понимания технологии ИИ и ее влияния на общество и людей. Мы согласны с мнением, что прогресс, достигнутый в области ИИ, порождает необходимость исследования не только экономических, но и культурных и социальных последствий использования интеллектуальных систем [19]. В то же время ИИ демонстрирует формы интеллектуального поведения, что позволяет создавать широкий спектр экономически эффективных и производительных приложений [20].

На основе вышеизложенного, считаем, что при разработке универсальных международно-правовых норм в сфере использования ИИ необходимо учитывать такие важные аспекты как обеспечение безопасности, справедливости и прозрачности. Кроме этого, необходимо учитывать, что отсутствие международно-правового регулирования в сфере использования ИИ может привести к огромный рискам как в области обеспечения информационной безопасности, так и в вопросах обеспечения прав человека. В процессе разработки международно-правовых норм необходимо учитывать этические, юридические, социальные и технологические аспекты, включая возможности для международного сотрудничества. Формирование и имплементация новых международно-правовых норм в сфере использования ИИ создаст основу для новых возможностей применения ИИ в целях прогресса жизнедеятельности человека, общества и государства.

Литература

1. https://www.unesco.org/ru/artificial-intelligence/recommendation-ethics
2. https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/governing_ai_for_humanity_final_report_en.pdf
3. https://documents.un.org/doc/undoc/ltd/n25/222/70/pdf/n2522270.pdf
4. https://www.coe.int/ru/web/portal/-/artificial-intelligence-human-rights-democracy-and-the-rule-of-law-framework-convention
5. https://artificialintelligenceact.eu/ru/assessment
6. https://ogdpr.eu/ru
7. https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/governing_ai_for_humanity_final_report_ru.pdf
8. https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n21/180/21/pdf/n2118021.pdf
9. https://www.wipo.int/portal/ru/
10. https://www.ilo.org/artificial-intelligence-and-work-digital-economy
11. https://www.who.int/ru/news/item/19-10-2023-who-outlines-considerations-for-regulation-of-artificial-intelligence-for-health
12. https://oecd.ai/en/ai-principles
13. The Official Site of the GPAI. URL: https://gpai.ai/
14. The Official Site of the GPAI. URL: https://gpai.ai/community/
15. https://unctad.org/system/files/official-document/tir2025_en.pdf
16. Н.А.Нугманов. Международно-правовое регулирование сотрудничества в области международного обмена информацией // Вестник Поволжского института управления при Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Научный журнал №2(47) 2015. Саратов. С. 36-42.
17. https://www.timeshighered-events.com/global-ai-forum-2024
18. https://www.intgovforum.org/en
19. A. Di Vaio, R. Palladino, R. Hassan, O. Escobar. Artificial intelligence and business models in the sustainable development goals perspective: a systematic literature review. J. Bus. Res., 121 (2020), pp. 283-314

20. J. Schneider, R. Abraham, C. Meske, J. Vom Brocke. Artificial intelligence govern-ance for businesses. Inf. Syst. Manag., 40 (3) (2023), pp. 229-249

УДК 349.41

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ (ЦИФРОВЫХ) ТЕХНОЛОГИЙ В ОБЛАСТИ ОБРАЩЕНИЯ ТВЕРДЫХ КОММУНАЛЬНЫХ ОТХОДОВ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЮ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

НИГМАТУЛЛИНА ЭЛЬМИРА ФААТОВНА
Академия наук Республики Татарстан,
старший научный сотрудник Института проблем экологии и недропользования;
Казанский (Приволжский) федеральный университет, профессор кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса,
доктор юридических наук, доцент. E-mail: elm71@mail.ru

Статья посвящена разработке правовых решений теоретических и практических проблем, связанных с применением информационных (цифровых) технологий в области обращения твердых коммунальных отходов. Проведен анализ накопленного многообразия правоприменительной практики о роли цифровых платформ в установлении квалифицирующих признаков правонарушения в области обращения отходов. При этом отмечается недостаточная разработанность в законодательстве требований к владельцам и операторам цифровых платформ генеративного искусственного интеллекта.

Ключевые слова: отходы, принципы, государственная политика, специальное техническое средство, оператор, информационная система.

APPLICATION OF INFORMATION (DIGITAL) TECHNOLOGIES IN THE FIELD OF MUNICIPAL SOLID WASTE MANAGEMENT: NEW CHALLENGES FOR LEGISLATORS AND WAYS TO SOLVE THEM

NIGMATULLINA ELMIRA FAATOVNA
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Senior Researcher at the Institute of Ecology and Subsoil Use Problems;
Kazan (Volga Region) Federal University, Professor of the Department of Environmental, Labor Law and Civil Procedure, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor. E-mail: elm71@mail.ru

This article focuses on developing legal solutions to theoretical and practical problems associated with the use of information (digital) technologies in municipal solid waste management. An analysis of the accumulated diversity of law enforcement practices on the role of digital platforms in identifying waste management violations is provided. However, the legislative requirements for owners and operators of digital generative artificial intelligence platforms are insufficiently developed.

Keywords: waste, principles, public policy, special technical means, operator, information system.

ИСТИФОДАИ ТЕХНОЛОГИЯҲОИ ИТТИЛООТӢ (РАҚАМӢ) ДАР СОҲАИ ИДОРАКУНИИ ПАРТОВҲОИ САХТИ МАИШӢ: ЧОЛИШҲОИ НАВ БАРОИ ҚОНУНГУЗОР ВА РОҲҲОИ ҲАЛЛИ ОНҲО

НИГМАТУЛЛИНА ЭЛЬМИРА ФААТОВНА
Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон,
ходими калони илмии Институти масъалаҳои экология ва истифодаи сарватҳои зеризаминӣ; Донишгоҳи федералии Қазон (ноҳияи Волга),

профессори кафедраи ҳуқуқи экологӣ, меҳнатӣ ва мурофиаи граждани,
доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент.
E-mail: elm71@mail.ru

Дар мақола ба таҳияи роҳҳои ҳуқуқии ҳалли мушкилоти назариявӣ ва амалие, ки бо истифодаи технологияҳои иттилоотӣ (рақамӣ) дар соҳаи идоракунии партовҳои сахти маишӣ алоқаманданд, таваҷҷуҳ зоҳир мегардад. Таҳлили гуногуншаклии таҷрибаи ҷамъшудаи татбиқи ҳуқуқ оид ба нақши платформаҳои рақамӣ дар ошкор намудани ҳуқуқвайронкуниҳо дар соҳаи идоракунии партовҳо пешниҳод мегардад.

Ҳамзамон, талаботи қонунгузорӣ нисбат ба соҳибон ва операторони платформаҳои рақамии тавлидкунандаи зеҳни сунъӣ ҳанӯз ба таври кофӣ таҳия нашудааст.

Калидвожаҳо: партовҳо, принсипҳо, сиёсати давлатӣ, воситаҳои махсуси техникӣ, оператор, низоми иттилоотӣ.

В течение нескольких десятилетий на планете «по умолчанию» происходило масштабное захоронение и сжигание отходов. По сведениям Всемирного банка «Что такое отходы 3.0» в 2022 году было образовано более 2,6 миллиарда тонн твердых бытовых отходов и по прогнозам к 2050 году эта цифра вырастит до 3,9 миллиардов тонн. Одним из основных способов «самостоятельного управления» отходами во многих развивающихся странах является сжигание [1].

Внедрение ряда Директив Европейского парламента и Совета Европейского союза [2] существенно модернизировали управление отходами – от восприятия отходов в качестве нежелательного бремени расходов к восприятию их в качестве ценного ресурса и ранжировали шаги управления отходами «от лучшего к худшему» – предотвращение, подготовка к повторному использованию, переработка, восстановление и утилизация. Кроме того, Директивы закрепили обязанность владельцев отходов нести затраты, связанные с их утилизацией, стимулировали внедрение научно-технических инноваций в производство по переработке отходов, внедрили альтернативное сокращение отходов путем иерархии и последующей интеграции для промышленной переработки.

Нельзя не отметить, что мировая практика использования отходов, основанная на принципе 3R: сократить (Reduce), повторно использовать (Reuse), перерабатывать (Recycle), - способствовала закреплению в статье 3 Федерального закона от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (далее - Закон об отходах) [3] принципа комплексной переработки материально сырьевых ресурсов в целях уменьшения количества отходов.

По смыслу, придаваемому правоприменительной практикой, вовлечение отходов в хозяйственный оборот должно осуществляться с учетом мировых стандартов экологической безопасности. Основным идентифицирующим признаком такой деятельности является баланс частных интересов в сочетании с общественно значимыми целями по сохранению благоприятной окружающей среды и предотвращению вредного воздействия отходов на здоровье человека [4].

Сложившееся конституционно-правовое понимание и формирующаяся на ее основе государственная политика Российская Федерация имеют приоритетные направления, реализуемые в определенной последовательности – развитие безотходного производства, предотвращение и сокращение образования отходов, обработка, утилизация и обезвреживание отходов [5].

Поиск индивидуальности субъективных прав на отходы привел к выводу об ограниченной возможности использования гражданско-правовых форм опосредования складывающихся отношений в сфере обращения отходов, которые являются объектом комплексного правового регулирования с присущими им общими и специальными чертами.

Вместе с тем, экологическая модернизация, инициированная государством, с целью вовлечения отходов в хозяйственный оборот [6] является трудноразрешимой в краткосрочной перспективе проблемой, включающей в себя вопросы принадлежности отходов различным правообладателям и заинтересованным лицам, установления временных рамок, заключения транснациональных соглашений, учёта культурных традиций, географии, экономики, политики страны и многое другое.

Результатом фрагментарных законодательных новелл и полумер стал эффект размытой ответственности лиц, осуществляющих обращение с отходами, а повсеместное строительство мусоросжигательных заводов для выработки электроэнергии привело к массовым протестам [7]. Полагаем, что в условиях обострения современных вызовов возникает потребность в развитии методологии обращения с отходами, ориентированной на приоритет сокращения отходов путем переработки и восстановления перед утилизацией путем сжигания и захоронения.

В Российской Федерации в целях формирования комплексной системы обращения с твердыми коммунальными отходами создана публично-правовая компания «Российский экологический оператор» (далее – ППК РЭО) на которую возложены функции по координации деятельности органов публичной власти различных уровней в области обращения с отходами ТКО и обеспечению эксплуатации федеральной государственной информационной системы состояния окружающей среды, заключению соглашений с субъектами, осуществляющими деятельность в области обращения с ТКО, соглашений между субъектами РФ по вопросам транспортирования ТКО, образовавшихся на территории одного субъекта РФ в другие субъекты РФ, проведению экспертизы территориальных схем обращения с отходами и др. К примеру, в 2023 году ППК РЭО подписало с Республикой Татарстан концессионные соглашения на 20 млрд [8] и 15 млрд [9] о строительстве пяти комплексов по переработке отходов (далее – КПО) с общей проектной мощностью до 1,4 млн тонн мусора в год, что составляет 75-80 процентов образуемого в регионе мусора, со сроком эксплуатации 25 лет. Предполагаемая к строительству межмуниципальная мусорная инфраструктура направлена на решение задач по сортировке, отбору вторсырья, компостированию и захоронению неперерабатываемых отходов. При этом на КПО не планируется осуществлять сжигание и термическую утилизацию отходов.

Современное законодательство в области обращения с отходами также не свободно от трудностей правового регулирования создания мест (площадок) на территории многоквартирных жилых домов, находящейся в долевой собственности его жильцов. Пунктом 2.1 части 2 статьи 44 ЖК РФ предусмотрено, что создание мест (площадок) накопления ТКО на земельных участках, относящихся к общему имуществу собственников помещений многоквартирного жилого дома возможно только при наличии решения общего собрания и соблюдения санитарно-эпидемиологических требований. Так, расстояние от места накопления ТКО до многоквартирных жилых домов должно составлять не менее 20 метров и не более 100 метров. Отклонение от установленных параметров возможно путем уменьшения указанного расстояния, но не более чем на 25 процентов и соблюдения санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий [10].

В условиях современной городской застройки муниципалитеты осуществляют выбор места накопления ТКО для нескольких многоквартирных жилых домов, находящихся на земельном участке муниципальной собственности, по правилам статьи 249 ГК РФ и с соблюдением требований законодательства о безопасной их эксплуатации.

Предусмотренная действующим законодательством обязанность органов местного самоуправления по созданию мест (площадок) накопления ТКО [11] следует из пунктов 4, 5 статьи 13.4 Закона об отходах производства и потребления, пунктов 11,

15-19 Правил обустройства мест (площадок) накопления твердых коммунальных отходов и ведения их реестра [12].

Решая поставленную задачу по созданию мест (площадок) накопления ТКО органы местного самоуправления осуществляют предоставление земельных участков для создания мест (площадок) ТКО, определяют потребности населения муниципального образования в количестве контейнеров и бункеров для ТКО. Сообразно возложенным обязанностям органом местного самоуправления принимается решение о создании мест (площадок), планируется размещение таких мест путем отражения их в реестре (площадок) накопления ТКО и передаче сведений органам власти субъекта РФ для внесения в региональные программы. Причем принимается такое решение только в том случае, когда такая обязанность, не возложена на иных лиц действующим законодательством [13].

Законодатель, отчерчивая пределы субъективных прав органов местного самоуправления на инфраструктуру накопления ТКО – контейнерные площадки, контейнеры, бункеры, не наделяет их правом собственности на созданные места (площадки) ТКО, а также приобретенную инфраструктуру накопления ТКО. Хотя это помогло бы пресечь противоправные действия регионального оператора по перевозке отходов в полупустых контейнерах, оплачиваемой добросовестными собственниками многоквартирных жилых домов.

Определенная специфика правоприменительной практики прослеживается при вывозе ТКО. Так, пунктом 2.2.9 указанного СанПиН 42-128-4690-88, закреплена периодичность удаления негабаритных отходов из домовладений – не реже одного раза в неделю. Однако Правила благоустройства города могут содержать иное положение о периодичности удаления крупногабаритных отходов – не реже двух раз в неделю. При разрешении спора суд указал, что введение указанными Правилами иного, чем предусмотрено СанПиН, правового регулирования ставит правоприменителя в ситуацию, когда он вынужден самостоятельно выбирать, какой из конкурирующих правовых норм руководствоваться и приходит к выводу о признании Правил недействующими [14].

Рассматриваемые проблемы влияют на трансформацию общественных отношений в области обращения с ТКО и появление новых форм управления с использованием цифровых технологий. Принятый в 2025 году Федеральный закон «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» [15] свидетельствует о роли цифровой экономики в развитии государства [16].

В 2024 году Президентом РФ был подписан Указ о национальных целях развития РФ, в числе которых цифровая трансформация государственного и муниципального управления за счет внедрения в деятельность органов государственной власти единой цифровой платформы [17].

В доктрине в качестве факультативного элемента цифровой платформы выделяют искусственный интеллект (далее – ИИ) [18, с.69] под которым понимается в силу ФЗ № 123 от 24.04.2020 года [19] комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека (ст.2).

Использование ИИ в сфере обращения ТКО должно сопровождаться организацией безопасной и бесперебойной работы цифровых платформ посредством обеспечительно-инфраструктурных элементов - технология верификации и идентификации пользователей, а также их цифровых идентификаторов. К примеру, ППК РЭО планирует при помощи ИИ оценивать работу региональных операторов (включая исполнение графика вывоза мусора), качество содержания контейнерных

площадок – соответствие санитарным правилам и нормам. В дальнейшем для сбора обращений граждан планируется такую информационную систему интегрировать с Яндекс Картой и 2ГИС, а также другими общедоступными сервисами [20].

За рубежом интеграция ИИ в сферу обращения с отходами ТКО осуществляется путем применения компьютерного зрения модели Ultralytics YOLO11, благодаря возможностям которой повышается эффективность процессов переработки и утилизации отходов [21]. Аудиовизуальные отображения вида отходов посредством ИИ обрабатываются и систематизируются для последующих рекомендаций пользователям. По мнению специалистов, такое взаимодействие позволит более оперативно выявлять и решать мусорные проблемы.

В Китае за счёт внедрения технологии Fastsort-Textile, основанной на автоматической сортировке текстильных отходов и применении ИИ для рециклинга материалов, существенно сократилась доля отходов, направляемых на полигоны для сжигания [22].

Для борьбы с несанкционированным сбросом строительного, крупногабаритного мусора в емкости для бытовых отходов, незаконной утилизацией мусора, стоянкой автомобилей, создающих помеху спецтехнике при вывозе мусора, в 9 округах Подмосковья запустили пилотный проект по использованию ИИ с помощью которого удалось привлечь с ответственности 60 нарушителей. С этой целью ИИ, подключенный к более чем 66 тысяч камерам видеонаблюдения системы «Безопасный регион» Подмосковья, выявляет 14 видов нарушений во дворах и на улицах региона, фиксирует госномера автомобиля и автоматически передает информацию сотрудникам Госавтоинспекции для привлечения к ответственности владельца [23].

Однако на практике возникают проблемы с соблюдением фиксации правонарушения специальными техническими средствами, которые как неоднократно разъясняли Конституционный и Верховный суды РФ, должны работать в автоматическом режиме, быть сертифицированы в качестве средства измерения, иметь действующее свидетельство о метрологической проверке и применяться в соответствии с документами, регламентирующими порядок применения таких средств. При этом, как отмечает суд, в описании средства измерения должны быть определены метрологические характеристики, раскрыт алгоритм работы программного обеспечения по выявлению и фиксации административного правонарушения [24].

Так, районным судом было установлено, что по смыслу ч.3 ст. 28.6 КоАП РФ и ч. 1 ст. 2.6.1 КоАП РФ [25] специальное техническое средство ПАК «Народный Инспектор» не является техническим средством, работающим в автоматическом режиме, в связи с чем, в силу ч.1 ст. 28.2 КоАП РФ в отношении лица привлекаемого к административной ответственности должен был быть составлен протокол об административном правонарушении, с материалами фотосъемки, полученными с использованием технического средства ПАК «Народный Инспектор» [26].

По другому делу, суд приходит к выводу, что обжалуемое постановление о привлечении лица к административной ответственности вынесено с нарушением процедуры рассмотрения дела и не отвечает положениям, установленным ст. 24.1 КоАП РФ. По материалам дела, фиксация нарушения сделана видеокамерой МКДН, установленной на входной двери подъезда, входящей в систему технологического обеспечения региональной общественной безопасности и оперативного управления «Безопасный регион». При этом, техническое средство сертификацию в качестве средства измерения не проходило, свидетельство о метрологической поверке не имеет. Также не имеет и данных, регламентирующих порядок применения этого средства [27].

Таким образом, для применения информационных (цифровых) технологий в области обращения ТКО необходимо предусмотреть такую систему мер защиты прав и интересов пользователей платформ, которая формируется с учетом ответственности владельца и (или) оператора цифровой платформы за ненадлежащую эксплуатацию

информационной системы, включая невыполнение обязанности по внутреннему контролю за предоставлением доступа к обработанным персональным данным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт «The Conversation» [Электронный ресурс]. URL: https://theconversation.com/the-worlds-waste-mountain-is-rising-at-an-alarming-rate-278627 (дата обращения: 25.03.2026).

2. Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза 2008/98/ЕС от 19 ноября 1998 года об отходах и отмене ряда Директив Директива 2006/12/ЕС Европейского Парламента и Совета ЕС от 5 апреля 2006 г.; Директива 96/61/ЕС от 24 сентября 1996 г Справочная ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/ (дата обращения: 25.03.2026).

3. Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об отходах производства и потребления» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // СЗ РФ. 1998. № 26. Ст. 3009.

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 декабря 2022 года № 52- П «По делу о проверке конституционности части 11 статьи 155 Жилищного кодекса Российской Федерации, а также пунктов 562 и 148.36 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов в связи с жалобой гражданки Т.В. Фирсовой» [Электронный ресурс]. URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision649902.pdf (дата обращения: 25.03.2026).

5. ГОСТ Р 53692-2023. Национальный стандарт Российской Федерации. Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Этапы технологического цикла отходов, утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 25.10.2023 № 1237-ст. Справочная ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/ (дата обращения: 25.03.2026).

6. Национальный проект «Экология» по направлению «Отходы». Справочная ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/ (дата обращения: 25.03.2026).

7. Официальный сайт «Ведомости «По Подмосковью прокатилась волна экологических протестов» [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/03/11/753149-volna-ekologicheskih-protestov [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/03/11/753149-volna-ekologicheskih-protestov; Официальный сайт РБК В Алтайском крае прошел митинг против строительства мусорного завода [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/society/25/11/2023/6561b0359a7947761980ea80; Официальный сайт «С какой стати Осиново решили сделать туалетом Казани?»: противники МСЗ провели очередной митинг [Электронный ресурс]. URL: https://www.evening-kazan.ru/obshhestvo/articles/s-kakoi-stati-osinovo-resili-sdelat-tualetom-kazani-protivniki-msz-proveli-ocherednoi-miting?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (https://www.vedomosti.ru/esg/ecology/articles/2025/01/31/1089488-elektrostantsiya-na-othodah-podvela-itogi-pervogo-mesyatsa-raboti; https://www.evening-kazan.ru/obshhestvo/articles/tatarstan-ne-hochet-sprashivat-u-moskvy-soglasiya-na-perevod-selhozzemel (дата обращения: 25.03.2026).

8. Рустам Минниханов: Вопросы охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов являются для нас приоритетом от 13.03.2026 официальный Татарстан [Электронный ресурс]. URL: https://tatarstan.ru/index.htm/news/2502008.htm (дата обращения: 25.03.2026).

9. РЭО и Республика Татарстан подписали дорожную карту проекта по созданию трёх крупных КПО за 20 млрд рублей [Электронный ресурс]. URL:

https://reo.ru/tpost/bh9612nz41-reo-i-respublika-tatarstan-podpisali-dor (дата обращения: 25.03.2026).

10. СанПиН 2.1.3684-21 «Санитарно-эпидемиологические требования к содержанию территорий городских и сельских поселений, к водным объектами, питьевой воде и питьевому водоснабжению, атмосферному воздуху, почвам, жилым помещениям, эксплуатации производственных, общественных помещений, организации и проведению санитарно- противоэпидемических (профилактических) мероприятий» утв. постановлением Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 28 января 2021 года № 3 (пункт 4). Справочная ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/ (дата обращения: 25.03.2025); Правила и нормы технической эксплуатации жилищного фонда утв. Постановлением Госстроя РФ от 27.09.2003 № 170 (с изм. от 22.06.2022) (пункт 3.7.6) // Российская газета. 2003. № 214.

11. Определение Верховного суда РФ от 21.12.2023г № 301-ЭС23-14328 по делу № А11-12937/2019. Официальный сайт Верховного суда РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.vsrf.ru/ (дата обращения: 25.03.2026).

12. Постановление Правительства РФ от 31.08.2018 № 1039 «Об утверждении Правил обустройства мест (площадок) накопления твердых коммунальных отходов и ведения их реестра» // СЗ РФ.2018. № 37. Ст. 5746.

13. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (подп. 24 п. 1 ст. 16); Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (часть 4 статьи 8); Правила обустройства мест (площадок) накопления твердых коммунальных отходов и ведение реестра утв. постановлением Правительства РФ от 31 августа 2018 года № 1039 (пункт 3). Справочная ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/ (дата обращения: 25.03.2026).

14. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 21 декабря 2018 г. по делу № 3А-756/2018) [Электронный ресурс]. URL: http:// www.vsrf.ru/ (дата обращения: 25.03.2025).

15. Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // СЗ РФ.2025. № 31. Ст. 4643.

16. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.; решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» // Официальный сайт Евразийского экономического союза http://www.eaeunion.org/.

17. Указ РФ от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ.2024. № 20. Ст. 2584.

18. Громова Е.А. Модели экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций и технологий: монография. - Москва: Проспект, 2023. -300 с.

19. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных"» // СЗ РФ.2020. № 17. Ст. 2701.

20. Искусственный интеллект станет контролировать состояние мусорных площадок [Электронный ресурс] // Национальное информационное агентство Экология: сайт: URL: https://nia.eco/2025/07/04/105550/ (дата обращения: 25.03.2026).

21. Абдельрахман Э. «Улучшение управления отходами с помощью Ultralytics YOLO1» [Электронный ресурс]. URL: https://www.ultralytics.com/ru/blog/enhancing-waste-management-with-ultralytics-yolo11 (дата обращения: 25.03.2026).

22. В Китае внедрили ИИ-систему для сортировки текстильных отходов [Электронный ресурс] // Национальное информационное агентство Экология: сайт: URL: https://nia.eco/2026/04/03/112881/ (дата обращения: 25.03.2026).

23. Искусственный интеллект помог выявить больше 60 нарушений во дворах Ленинского округа [Электронный ресурс] // Администрация Ленинского городского округа Московской области: сайт: URL: https://www.adm-vidnoe.ru/info/novosti/novosti1670997956/iskusstvennyy-intellekt-pomog-vyyavit-bolshe-60-narusheniy-vo-dvorakh-leninskogo-okruga/ (дата обращения: 25.03.2026).

24. Определение Конституционного Суда РФ от 07.12.2010 № 1621-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Долженкова Ивана Васильевича на нарушение его конституционных прав положениями части 3 статьи 1.5, примечания к статье 1.5, статьи 2.6.1, части 3.1 статьи 4.1 и части 3 статьи 28.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Справочная ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/ (дата обращения: 25.03.2026); Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.2019 № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 2.6.1 и частей 1, 2, 3 и 6 статьи 12.21.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Костромского областного суда и жалобами граждан А.И. Думилина и А.Б. Шарова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 2; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.06.2019 № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 9; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 (ред. от 09.12.2025) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6.

25. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2026) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

26. Решение Химкинского городского суда (Московская область) от 9 июня 2025 г. по делу № 12-277/2025. Справочная ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/ (дата обращения: 25.03.2026).

27. Решение Подольского городского суда (Московская область) от 27 апреля 2025 г. по делу № 12-350/2025. Справочная ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/ (дата обращения: 25.03.2026).

УДК: 347:004.8

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД К ПОНЯТИЮ И СУЩНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

ИМОМОВ НУРИЛЛО ФАЙЗУЛЛАЕВИЧ
Ташкентский государственный юридический университет, заведующий сектором гражданского права, доктор юридических наук, профессор.
Тел.: (+99897) 705 38 31; E-mail: nurillo_1212@mail.ru

В настоящей статье предпринята попытка определить понятие и правовую природу искусственного интеллекта (ИИ) с точки зрения гражданского права. Анализируются научные подходы и взгляды относительно признания ИИ в качестве объекта или субъекта гражданского права. В статье обосновывается, что у ИИ отсутствуют автономная воля, присущие человеку эмоциональные чувства, а принимаемые им решения обусловлены заложенным в нём программным обеспечением и его техническими возможностями. Признавая дискуссионный характер вопроса о наделении ИИ статусом субъекта гражданско-правовых отношений, автор приходит к выводу о необходимости определения режима ИИ как объекта гражданского права.

Ключевые слова: искусственный интеллект, гражданское право, объект права, субъект права, правовой режим, программное обеспечение, интеллект.

МАФҲУМ ВА МОҲИЯТИ МАДАНӢ -ҲУҚУҚИИ ЗЕҲНИ СУНЪӢ

ИМОМОВ НУРИЛЛО ФАЙЗУЛЛАЕВИЧ
Донишгоҳи давлатии ҳуқуқии Тошкент, мудири бахши ҳуқуқи граждани, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор. Тел.: (+99897) 705 38 31; E-mail: nurillo_1212@mail.ru

Дар мақолаи мазкур кӯшиш шудааст, ки мафҳум ва табиати ҳуқуқии зеҳни сунъӣ (ЗС) аз нуқтаи назари ҳуқуқи граждани муайян карда шавад. Равишҳои илмӣ ва андешаҳо вобаста ба эътирофи зеҳни сунъӣ ҳамчун объект ё субъекти ҳуқуқи граждани таҳлил карда мешаванд. Дар мақола асоснок карда мешавад, ки зеҳни сунъӣ иродаи мустақил, ҳиссиёти эҳсосии хоси инсонро надорад ва қарорҳои қабулкардаи он аз таъминоти барномавии дар он ҷойгиршуда ва имкониятҳои техникии он вобаста мебошанд. Бо эътирофи хусусияти баҳснок доштани масъалаи додани мақоми субъекти муносибатҳои граждани-ҳуқуқӣ ба зеҳни сунъӣ, муаллиф ба хулоса меояд, ки зарурати муайян намудани низоми зеҳни сунъӣ ҳамчун объекти ҳуқуқи граждани вуҷуд дорад.

Калидвожаҳо: зеҳни сунъӣ, ҳуқуқи граждани, объекти ҳуқуқ, субъекти ҳуқуқ, низоми ҳуқуқӣ, таъминоти барномавӣ, зеҳн.

CIVIL LAW APPROACH TO THE CONCEPT AND ESSENCE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

IMOMOV NURILLO FAYZULLAEVICH
Tashkent State University of Law, Head of the Civil Law Sector, Doctor of Law, Professor. Tel.: (+99897) 705 38 31; E-mail: nurillo_1212@mail.ru

This article attempts to define the concept and legal nature of artificial intelligence (AI) from the perspective of civil law. Scientific approaches and views regarding the recognition of AI as an object or a subject of civil law are analyzed. The article substantiates that AI lacks autonomous will and human emotional qualities, and the decisions it makes are determined by

the software embedded in it and its technical capabilities. Recognizing the debatable nature of granting AI the status of a subject of civil law relations, the author concludes that it is necessary to define the legal regime of AI as an object of civil law.

Keywords: artificial intelligence, civil law, object of law, subject of law, legal regime, software, intelligence.

Введение

Интеллект происходит от латинского языка и означает разум, сознание, мышление. Это считается благом, дарованным человеку Аллахом. В своё время знаменитый мыслитель и поэт Алишер Навои привёл следующие строки:

«Ҳар неники қилмиш одамзот
Тафаккурла билмиш одамзот»
(«Всё, что создало человечество,
Человечество постигло посредством мышления»).

Действительно, вплоть до конца XX века творчество, создание нового нематериального блага, результата творческой деятельности рассматривались исключительно как явление, присущее только человеку. Однако последнее десятилетие привело к коренному изменению данного взгляда и подхода. В особенности стремительное развитие компьютерных программ, широкое применение больших баз данных (big data) [1, с.16; 2, с. 18] в научной и творческой деятельности, а также цифровизация технологий и результатов научно-творческой деятельности [3, с.22] обусловили начало процесса искусственного воспроизведения интеллекта, который ранее считался присущим исключительно человеку.

С филологической точки зрения интеллект означает способность человека мыслить, и поскольку такая способность в определённой степени может быть реализована также посредством компьютерных программ, представляется правильным именовать такой интеллект «искусственным». Иными словами, можно считать, что искусственный интеллект (ИИ) представляет собой процесс, формируемый определённым программным обеспечением.

Возникает необходимость дать ответы на вопросы о том, каким образом следует подходить к ИИ с правовой точки зрения, каким критериям должен соответствовать ИИ как вид деятельности, можно ли любой результат, созданный ИИ, рассматривать в качестве объекта права, а также должны ли быть установлены специальные правовые требования к самому ИИ.

Основная часть.

По мнению некоторых авторов, «искусственный интеллект – это созданное человеком и/или технически/механически произведенные, самообучаемые и/или саморазвивающиеся технологии на основе анализа больших данных (Big Data)» [4, с.22]. По мнению Д.А. Корольковой «ИИ – это не совершенно новый, не существовавший до этого объект гражданско-правовых отношений, а давно известный объект, охраняемый авторским правом, – программа для ЭВМ» [5, с.151]. Как пишет У.Ш. Шарахметова «под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека» [6]. Д.В. Акинфеев подчёркивает, что «искусственный интеллект (лат. artificialis intelligentia) как объект гражданского права, в перспективе законодательного закрепления его в качестве отдельного объекта гражданских правоотношений, можно охарактеризовать, как систему технических комплексов, включающих в себя элементы автоматической обработки информации, вычислений и автоматического управления, главным

свойством которой является выполнение задач схожих с задачами, приоритетно выполняемыми человеческим интеллектом (лат. intelligentia humana)» [7, с.124].

По нашему мнению, ИИ представляет собой систему, основанную на определённом программном обеспечении и предназначенную для анализа и обработки данных, размещённых в сети Интернет, выполнения задания пользователя, а также формирования выводов в соответствии с его указаниями, применяемую посредством технических средств. Данная система, деятельность или процесс прежде всего используется взамен реализации определённых интеллектуальных способностей, присущих человеку, и применяется в качестве альтернативы им. По этой причине определение его правовой природы предполагает необходимость различных подходов.

“Исследователи ИИ выделяют две основные цели своей работы - это автоматизация человеческой деятельности, в особенности тех ее видов, которые традиционно считаются интеллектуальными, и создание компьютерных моделей, имитирующих процессы решения человеком тех или иных интеллектуальных задач, для объяснения сущности этих процессов” [8].

На сегодняшний день сформировалось несколько подходов к искусственному интеллекту. Первый из них предлагает приравнять правовой статус искусственного интеллекта к статусу физического лица [9]. Согласно такому подходу, на искусственный интеллект должен распространяться весь комплекс прав и обязанностей, предусмотренных действующим законодательством. То есть, если данная концепция будет принята, искусственный интеллект будет рассматриваться не как обычное техническое средство или программный продукт, а как образование, близкое к самостоятельному субъекту права. Это, в свою очередь, ставит на повестку дня вопрос о наделении его определёнными правами, возложении на него обязанностей и, возможно, в отдельных случаях, о привлечении к самостоятельной ответственности. В этом смысле данная концепция предполагает регулирование искусственного интеллекта посредством правовой модели, в наибольшей степени приближённой к человеку.

Сторонники второй концепции считают, что правовой статус робототехники и искусственного интеллекта необходимо сопоставлять с моделью гражданско-правового регулирования статуса животных [10, с.157]. Согласно данному подходу, робот [11, с.12] или искусственный интеллект рассматривается не как полностью самостоятельный субъект права, а как объект, созданный человеком, служащий интересам человека и обладающий в определённой степени особыми свойствами. По этой причине выдвигается позиция о возможности использования при определении его правового статуса опыта регулирования статуса животных, которые с точки зрения правового режима признаются особым объектом права, а не человеком. В рамках данной теории основное внимание уделяется не признанию искусственного интеллекта самостоятельным носителем прав, а вопросам его использования, содержания, контроля над ним, а также определения лица, ответственного за вред, причинённый посредством такого интеллекта.

Третья концепция основана на идее использования сравнительной модели, связанной с правовым регулированием статуса юридического лица в гражданско-правовых отношениях, для решения данной проблемы [12, с.63]. В соответствии с этим подходом было бы неправильно приравнивать искусственный интеллект ни полностью к человеку, ни к обычному одушевлённому объекту; напротив, для понимания его правовой природы целесообразно использовать правовые конструкции, присущие институту юридического лица. Это объясняется тем, что юридическое лицо также не является физическим лицом, однако признаётся законом в качестве самостоятельного носителя определённых прав и обязанностей. С этой точки зрения предусматривается возможность в определённых случаях наделения искусственного интеллекта особым правовым статусом, регулирования его деятельности посредством специальных правил

и решения вопросов ответственности на основе правовой конструкции. Данная концепция заслуживает внимания в теоретическом и практическом аспектах, особенно в условиях возрастающей сложности систем искусственного интеллекта, их способности к автономному принятию решений и усиления их роли в экономическом обороте.

Следует признать, что субъект правоотношения прежде всего должен быть лицом, обладающим автономией воли, имущественной самостоятельностью, а также соответствующей правоспособностью и дееспособностью. Такими качествами можно обладать на основании естественного статуса (человек, физическое лицо, гражданин) либо на основании юридического статуса (юридическое лицо, государство). Хотя у искусственного интеллекта имеются отдельные проявления автономии воли, он не обладает имущественной самостоятельностью, то есть не имеет собственного имущества. По этой причине с точки зрения правосубъектности целесообразно характеризовать искусственный интеллект как «представителя», реализующего волю своего обладателя и осуществляющего деятельность с его согласия и разрешения. Это обусловлено тем, что деятельность искусственного интеллекта непосредственно инициируется оператором (обладателем) и прекращается по его воле. Права и обязанности, возникающие в результате правоотношения, в котором участвует искусственный интеллект, принадлежат его владельцу (собственнику) [13, с.21].

Как отмечалось выше, ИИ представляет собой деятельность программного обеспечения, в рамках которой принимаются определённые решения; такие решения могут быть ограничены объёмом и охватом программного обеспечения либо носить более широкий характер, исходя из открытых баз данных, размещённых в сети Интернет. При этом в отдельных случаях они могут быть шире и глубже знаний, потенциала, мышления и мировоззрения человека. Однако в любом случае уровень знаний ИИ не является достаточным, если сопоставлять его с глубокими знаниями и опытом специалиста в соответствующей узкой области. Это объясняется тем, что ИИ опирается на знания, которые уже были выявлены и размещены в сети Интернет в качестве открытых данных. Лишь исходя из скорости работы программного обеспечения и его аналитических возможностей ИИ различными способами обрабатывает имеющиеся сведения на основе задания, данного использующим его лицом, и предлагает определённые выводы и решения. В связи с этим более правильным будет оценивать такую «волю» как ограниченную, контролируемую и направляемую. Действительно, осуществление анализа в пределах знаний и информации, содержащихся в программном обеспечении и в сети Интернет, свидетельствует об ограниченности воли ИИ. Контролируемый характер воли ИИ выражается в том, что он действует на основании непосредственного задания пользователя, а также с учётом определённых корректировок и изменений, тогда как её направленность проявляется в том, что ИИ осуществляет анализ в пределах поставленного ему задания и заранее определённой для него задачи.

Безусловно, высказывались отдельные мнения относительно признания за ИИ статуса электронного лица, представителя, квазисубъекта, а также юридического лица [14, с.26]. Однако «правосубъектность» определяется не только автономией воли. В доктрине юридического лица, основанной на теории фикции, решения от его имени принимаются физическим лицом. При этом на физическое лицо наряду с автономным принятием решений воздействуют и такие психические элементы, как чувства, внутренние переживания и мировоззрение. Как говорится в известном выражении, формула «ничего личного, только бизнес» не является в полной мере свойственной человеку, и её применение скорее ближе именно к ИИ. Это объясняется тем, что у ИИ отсутствуют присущие человеку психическое состояние, эмоциональное возбуждение и чувства, и он лишь выполняет интеллектуальную задачу, заданную через имеющееся у него программное обеспечение. Наделение ИИ статусом «субъектности» возможно

лишь искусственным образом, посредством связывания его с исключениями, квазиправовой природой или опосредованным характером участия.

Заключение

Вопрос о признании ИИ в качестве «цифрового лица», «виртуального лица» или электронного юридического лица также не имеет однозначного и окончательного решения. Дело в том, что, хотя ИИ и обладает в пределах программного обеспечения и содержащихся в нём «больших данных» ограниченной способностью к интеллектуальной деятельности и волеизъявлению, он не способен к выработке нестандартных решений, а также не обладает присущими человеку в соответствующей ситуации положительными и отрицательными качествами. Это, в свою очередь, показывает, что наделение ИИ статусом «лица» при отсутствии у него присущих личности общесоциальных, нравственных и духовных чувств долга является неуместным.

С учётом человеческого мышления, правосознания, уровня знаний, а также уровня технического и интеллектуального развития представляется наиболее приемлемым рассматривать ИИ именно как объект права. Это объясняется тем, что ИИ даже в рамках программного обеспечения функционирует за счёт внешнего источника питания, и одновременно с отключением электричества или прерыванием интернет-соединения прекращается и функционирование ИИ. Кроме того, зависимость от внешнего воздействия, а также невозможность выполнять задания, выходящие за пределы программного обеспечения, и невозможность выразить отношение к данному вопросу также исключают наличие у ИИ автономной воли. Безусловно, в данном случае необходимо признать, что ИИ может использоваться при решении сложных интеллектуальных задач, способен проводить научный анализ в пределах программного обеспечения и исходя из технических возможностей, заниматься творческой деятельностью, создавать литературное или художественное произведение, а также обладает многими иными интеллектуальными способностями. Однако эти обстоятельства не могут служить основанием для наделения ИИ статусом субъекта права.

Подводя итог, следует отметить, что ИИ может выступать объектом гражданского права, которому должен быть придан особый и самостоятельный правовой режим. В рамках его правового режима приоритетное значение должны иметь контроль за использованием ИИ человеком, его функционированием, а также за его результатами и рекомендациями. Более того, в правовом режиме ИИ необходимо предусмотреть требования, предъявляемые к пользователю, а также обязанность по проверке надёжности его использования. Это обусловлено тем, что любая информация, анализ или вывод, предоставляемые ИИ, не всегда могут быть верными и способны оказать негативное влияние на имидж пользователя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маманазаров С.Ш. Гражданско-правовой режим Биг даты: автореф. дис. ... док. фил. юрид. наук (PhD). – Ташкент: ТГЮУ, 2025. -16 с;

2. Тожибоев С.З. Гражданско-правовое регулирование больших данных (Big Data): автореф. дис. ... док. фил. юрид. наук (PhD). – Ташкент: ТГЮУ, 2025. - -18 с.

3. Якубов А.Н. Право цифровой собственности в кибер просранстве и его правовое регулирование: автореф. дис. ... док. юрид. наук. – Ташкент: ТГЮУ, 2022. – 22 с.

4. Гулямов С.С., Рустамбеков И.Р., Нарзиев О.С., Худайберганов А.Ш. Проект концепции Республики Узбекистан в области развития искусственного интеллекта на 2021–2030 годы // Yurisprudensiya. 2021. – №1. – С. 106-121 /

https://www.academia.edu/107366046/Draft_Concept_of_the_Republic_of_Uzbekistan_in_the_Field_of_Development_Artificial_Intelligence_for_2021_2030

5. Королькова Д.А. Искусственный интеллект как объект гражданского права // Закон и право. 2024. – № 2. – С. 151–155. https://doi.org/10.24412/2073-3313-2024-2-151-155. EDN: NLJUKN.

6. Шарахметова У.Ш. Объекты искусственного интеллекта как новый институт гражданского права Республики Узбекистан: понятие и их правовой статус // https://elib.psu.by/bitstream/123456789/46656/1/246-258.pdf

7. Акинфеев Д.В. Нормативное определение категории «искусственный интеллект» в гражданском праве Российской Федерации и Республики Таджикистан // Юридическая наука. 2024. – № 8. – С. 124 / file:///C:/Users/99897/Downloads/%D0%AE%D0%9D%20%E2%84%968%202024%20(1).pdf

8. Рустамбеков И.Р., Гулямов С.С. Искусственный интеллект – современное требование в развитии общества и государства. 2021/3/2. Правда востока. №43. https://drive.google.com/file/d/ 1DQ7NJYptIZoWxKLwGbTEzc9Eil0HePyjM/view

9. Афанасьевская А.В. Правовой статус искусственного интеллекта // https://cyberleninka.ru/search?

10. Архипов В.В. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. – № 5. – С. 157.

11. Набираева З.А. Гражданско-правовой статус роботов-консультантов на финансовом рынке: автореф. дис. ... док. фил. юрид. наук (PhD). – Ташкент: ТГЮУ, 2025. – 12 с.

12. Ирискина Е.Н. Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений // Гуманитарная информатика. 2016. – № 10. – С. 63.

13. Бозаров С.С. Правовая ответственность в сфере искусственного интеллекта: автореф. дис. ... док. юрид. наук. – Ташкент: ТГЮУ, 2023. – 21 с.

14. Юлдашев Ж.И. Правовое регулирование использования искусственного интеллекта в корпоративном управлении: автореф. дис. ... док. юрид. наук. – Ташкент: ТГЮУ, 2024. – 26 с.

УДК: 347.77:004

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

ТОПИЛДИЕВ БАХРОМЖОН РАХИМЖОНОВИЧ
Ташкентский государственный юридический университет, профессор кафедры гражданского права,доктор юридических наук, профессор. Тел.: (+998) 93 385 02 6; E-mail: bakhromtopildiyev@gmail.com

В статье рассматриваются современные тенденции развития интеллектуальной собственности в условиях глобализации и цифровизации экономики. Анализируется нормативно-правовая база Республики Узбекистан в сфере интеллектуальной собственности, её соответствие международным стандартам, а также участие страны в международных договорах. На основе сравнительно-правового анализа обосновывается необходимость совершенствования законодательства и повышения эффективности защиты прав интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, правовое регулирование, товарный знак, исключительное право, параллельный импорт, контрафактная продукция, гражданское законодательство, ТРИПС, международные договоры, защита прав интеллектуальной собственности.

ТАМОЮЛҲОИ МУОСИРИ РУШДИ МОЛИКИЯТИ ЗЕҲНӢ

ТОПИЛДИЕВ БАХРОМЖОН РАХИМЖОНОВИЧ
Донишгоҳи давлатии ҳуқуқии Тошкент, профессори кафедраи ҳуқуқи маданӣ, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор. Тел.: (+998) 93 385 02 6; E-mail: bakhromtopildiyev@gmail.com

Дар мақола тамоюлҳои муосири рушди моликияти зеҳнӣ дар шароити ҷаҳонишавӣ ва рақамикунонии иқтисод баррасӣ мешаванд. Заминаи меъёрии ҳуқуқии Ҷумҳурии Ӯзбекистон дар соҳаи моликияти зеҳнӣ, мутобиқати он ба стандартҳои байналмилалӣ, инчунин иштироки кишвар дар шартномаҳои байналмилалӣ таҳлил мегардад. Дар асоси таҳлили муқоисавии ҳуқуқӣ зарурати такмил додани қонунгузорӣ ва баланд бардоштани самаранокии ҳифзи ҳуқуқҳои моликияти зеҳнӣ асоснок карда мешавад.

Калидвожаҳо: моликияти зеҳнӣ, танзими ҳуқуқӣ, тамғаи молӣ, ҳуқуқи истисноӣ, воридоти параллелӣ, маҳсулоти қалбакӣ, қонунгузории маданӣ, ТРИПС, шартномаҳои байналмилалӣ, ҳифзи ҳуқуқҳои моликияти зеҳнӣ.

MODERN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF INTELLECTUAL PROPERTY

TOPILDIEV BAKHROMZHON RAKHIMZHONOVICH
Tashkent State University of Law, Professor of the Department of Civil Law, Doctor of Law, Professor. Tel.: (+998) 93 385 02 6; E-mail: bakhromtopildiyev@gmail.com

The article examines modern trends in the development of intellectual property in the context of globalization and digitalization of the economy. It analyzes the regulatory framework of the Republic of Uzbekistan in the field of intellectual property, its compliance with international standards, and the country's participation in international agreements.

Based on comparative legal analysis, the necessity of improving legislation and enhancing the effectiveness of intellectual property rights protection is substantiated.

Keywords: intellectual property, legal regulation, trademark, exclusive right, parallel import, counterfeit goods, civil legislation, TRIPS, international agreements, protection of intellectual property rights.

В последние годы права интеллектуальной собственности (ИС) становятся все более актуальными и спрос на защиту прав на нее растет. Это связано с активным развитием предпринимательства в Узбекистане и торговли с зарубежными странами.

Хотелось бы особо обратить ваше внимание, что в настоящее время тенденция роста объема ИС резко ускоряется во всем мире, в результате чего стоимость нематериальных активов уже **превысила** стоимость материальных активов и составляет порядка **65 трлн. долл.** К сожалению, одновременно с этим огромные средства (приблизительно **500 млрд. долл.**) вкладываются в производство контрафактных товаров, что причиняет значительный ущерб **мировой экономике**.

На сегодняшний день в Узбекистане сформирована необходимая нормативно-правовая база в сфере ИС, которая в целом соответствует международным стандартам. Узбекистан является участником **16 универсальных международных договоров**, администрируемых Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС). Почему я на этом акцентирую? Интеллектуальная собственность – это сфера, в которой международные договоры, в частности, **Бернская конвенция, Парижская конвенция,** в значительной степени определяют содержание национальных законов по охране и защите интеллектуальной собственности. Как вы знаете, соблюдение прав ИС является одним из параметров, определяющих инвестиционный климат любой страны.

В этой связи одной из основных задач является совершенствование законодательства в области ИС, выявление существующих проблем и поиск **их эффективного решения** на основе изучения международного опыта.

Мы можем с гордостью отметить, что в обновленную Конституцию Узбекистана включена **специальная статья** (статья 53), посвященная охране ИС, то есть вопрос правовой защиты ИС отныне закреплен на уровне основного закона государства.

Базовыми нормативно-правовыми актами, регулирующими отношения в области ИС, являются Гражданский кодекс и специальные законы, посвященные конкретным объектам ИС.

За последние годы в стране были реализованы существенные инициативы в этой области. В частности, впервые была принята **Национальная стратегия** развития сферы ИС в Республике Узбекистан на 2022-2026 годы. Стратегия была разработана при поддержке **ВОИС** и охватывает семь основных направлений, включая вопросы совершенствования законодательства, усиление мер по правовой защиты, повышение осведомленности населения и бизнеса об ИС, активное участие в процессах глобальной интеграции в сфере ИС.

Также, при поддержке Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (**ФАО**) был принят Закон Республики Узбекистан **«О географических указаниях»**, направленный на развитие региональных брендов, в результате чего круг объектов ИС расширился.

Помимо этого, за последние четыре года Узбекистан присоединился к **четырем международным договорам** в области ИС, таким как Конвенция об охране интересов производителей фонограмм, Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам, Договор ВОИС по авторскому праву, Марракешский договор.

В интересах защиты прав авторов в гражданских правоотношениях срок действия авторского права увеличен с пятидесяти до **семидесяти** лет и введен порядок выплаты **компенсации** в пользу правообладателя за нарушение авторских и смежных

прав. Для усиления защиты прав ИС была установлена корпоративная ответственность юридических лиц за нарушение прав ИС.

Также, в целях обеспечения единой судебной практики в данной сфере впервые было принято постановление Пленума Верховного суда по наиболее актуальным вопросам рассмотрения дел, касающихся ИС.

Несмотря на то, что в этой области были осуществлены значительные меры, остается нерешенным ряд проблем, в том числе законодательного характера, которые отрицательно влияет, в первую очередь, на защиту прав ИС.

Как было сказано выше, отношения в сфере ИС регулируются как **общим**, так и **специальным** законодательством, а именно Гражданским кодексом и отдельными законами о конкретных объектах ИС (авторское право, изобретения, товарные знаки и т.д.).

Раздел IV Гражданского кодекса Республики Узбекистан посвящен интеллектуальной собственности, который состоит из общих положений и глав, регулирующих уже конкретные объекты.

В общих положениях приводятся перечень (причем не исчерпывающий перечень) объектов интеллектуальной собственности, общие нормы о правовой охране и защите, личных неимущественных и имущественных правах на объекты ИС, лицензионных договорах.

К сожалению, общие положения об ИС, которые регулируются только Гражданским кодексом, состоят всего лишь из **10 статей**. В частности, такому важному институту, как лицензионный договор, который является основой реализации исключительных прав на объект ИС, посвящена только одна статья. Вопросу защиты исключительных прав также отведена только одна статья, в которой лишь перечислены некоторые способы защиты с отсылкой на другие законы.

В главах о конкретных объектах ИС в основном содержатся положения, которые являются также предметом регулирования специальных законов (их 9). В то же время, некоторые нормы из этих глав не нашли свое отражение в специальных законах.

Регулирование одних и тех же вопросов в двух актах в отдельных случаях приводят к разночтениям норм. Так, в статье 27 Закона Республики Узбекистан «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» указано, что использованием товарного знака считается применение его на товарах, для которых товарный знак зарегистрирован, и (или) их упаковке владельцем товарного знака или лицом, которому такое право предоставлено на основании лицензионного договора.

При этом статья 1104 Гражданского кодекса устанавливает, что выдача лицензии на пользование товарным знаком считается его использованием. В данном случае получается так, что не обязательно применять товарный знак на товарах или упаковках, а достаточно лишь заключить лицензионный договор. Такое толкование конечно же не соответствует сущности товарного знака или знака обслуживания, как объекта интеллектуальной собственности. В данном случае можно увидеть некое несоответствие между нормами кодекса и специального закона. Это весьма актуально, если учитывать, что в силу статьи 3 Гражданского кодекса нормы кодекса должны превалировать над другими актами гражданского законодательства. Эта проблема в настоящее время очень актуальна на практике и, к сожалению, имеются разные судебные решения.

В то же время, ссылаясь на статьи 1484 и 1486 Гражданского кодекса Российской Федерации по данному вопросу, можно сказать, что простого предоставления права на использование товарного знака по лицензионному договору недостаточно для признания товарного знака использованным.

Как видите, подход «двойного» правового регулирования создает сложности в правоприменении и определенные неудобства при совершенствовании правовых норм.

Вопрос защиты ИС при пересечении таможенной границы представляет собой чрезвычайно важное значение. В этой связи хотел бы обратить ваше внимание на еще одну норму – исчерпание исключительного права на товарный знак, что связано с вопросом т.н. параллельного импорта. Смысл этой нормы заключается в том, что не является нарушением исключительного права на товарный знак использование этого товарного знака другими лицами в отношении товаров, которые были правомерно введены в гражданский оборот непосредственно владельцем товарного знака или с его согласия. Оно играет важную роль в обеспечении защиты прав ИС, в связи с чем необходимо правильное регулирование и применение положения об исчерпании прав, общее содержание которого предусмотрено в ст. 1107^{1} Гражданского кодекса и статье 26 Закона "О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров".

Указанные статьи не определяют, какой принцип применяется в данном случае – **национальный** или **международный**. Одно дело, когда товар введен в гражданский оборот на территории страны, другое – когда за пределами страны.

Хотя по общему правилу представляется, что в таком случае должен применяться национальный режим, на практике встречаются случаи различного подхода компетентных органов и судов к вопросу о параллельном импорте.

Для сравнения, статья 1487 Гражданского кодекса РФ конкретно определяет национальный режим касательно вопроса исчерпания исключительного права на товарный знак.

В последнее время усилился процесс присоединения Узбекистана к Всемирной торговой организации (ВТО). Как вы знаете, одним из аспектов вступления в ВТО является соответствие национального законодательства в области правовой охраны и защиты ИС в каждой стране-кандидате минимальным требованиям, изложенным в Соглашении по торговым аспектам интеллектуальной собственности (ТРИПС).

Следует отметить, что ряд положений национального законодательства не соответствует требованиям ТРИПС. Хотелось бы остановиться на вопросе, который касается сегодняшней темы.

Так, статья 46 ТРИПС регулирует вопросы конфискации и уничтожения контрафактных товаров, материалов и орудий производства. При этом в указанной статье предусмотрено, что по отношению к товарам с неправомерно используемыми товарными знаками простое удаление незаконно проставленного товарного знака не является достаточным, кроме исключительных случаев.

Кроме того, несмотря на то, что в статье 1040 Гражданского кодекса предусмотрено изъятие материальных объектов, с помощью которых нарушены исключительные права, и материальных объектов, созданных в результате такого нарушения в качестве одного из способов защиты исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, существующие положения в национальном законодательстве не в полной мере соответствуют статье 46 ТРИПС.

В частности, согласно статье 1107 Гражданского кодекса, вопрос уничтожения контрафактной продукции предусматривается только в случае невозможности удаления изображения с товара или его упаковки незаконно используемого товарного знака.

Для сравнения хотел бы привести пример из зарубежного опыта правого регулирования. Согласно ст. 1515 Гражданского кодекса РФ и раздела 18 Закона «Об охране товарных знаков и других обозначений» Германии, правообладателям предоставлено право требовать изъятия из оборота и уничтожения за счет нарушителя контрафактных товаров, этикеток, упаковок товаров, на которых размещен незаконно используемый товарный знак.

Также, определены специальные случаи, когда правообладатель будет ограничен только требованием об изъятии из оборота контрафактных товаров, этикеток, упаковок, а не самих товаров.

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что в рамках данного доклада ввиду регламента нашего мероприятия в основном были подняты лишь отдельные проблемные вопросы, которые имеют важное практическое значение с точки зрения защиты интеллектуальной собственности. Решение этих вопросов требует комплексного, взвешенного подхода с учетом нынешнего уровня осведомленности общества об ИС.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений (в ред. от 28 сентября 1979 года).

2. Парижская конвенция по охране промышленной собственности (1883 год).

3. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (1994 год).

4. Конституция Республики Узбекистан (в ред. от 30 апреля 2023 года).

5. Гражданский кодекс Республики Узбекистан (вступил в силу с 1 марта 1997 года).

6. Закон Республики Узбекистан “О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров” (вступил в силу с 20 сентября 2001 года).

7. Закон Республики Узбекистан “О географических указаниях” (вступил в силу с 4 марта 2022 года).

8. Постановление Президента Республики Узбекистан от 26 апреля 2022 года №ПП–221 “О дополнительных мерах по дальнейшему развитию сферы интеллектуальной собственности”.

9. Постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 23 июня 2023 года №19 «О некоторых вопросах рассмотрения дел, связанных с интеллектуальной собственностью».

10. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть четвертая (2006 год 18 декабря).

11. Закон Федеративной Республики Германии «Об охране товарных знаков и других обозначений» (1994 год 25 октября)

12. https://www.wipo.int/about-wipo/en/dg_tang/speeches/index.html

УДК: 347.78:004.738.5

ҲУҚУҚҲОИ МУАЛЛИФ БА СОМОНА

МЕЛИКОВ УМРИЛЛО АСАДУЛЛОЕВИЧ
Донишгоҳи байналмилалии сайёҳӣ ва соҳибкории Тоҷикистон, профессори кафедраи ҳуқуқ, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ.
Тел.: +(992) 100 400 879; E-mail: m.umrillo@gmail.com

ТАГАЕВ БАҲРОМ ШОНАЗАРОВИЧ
Донишгоҳи байналмилалии сайёҳӣ ва соҳибкории Тоҷикистон, декани факултети ҳуқуқ ва гумрук, номзади илмҳои иқтисодӣ, дотсент.
Тел.: +(992) 904 384 055, E-mail: tagoev.87@list.ru

Дар мақолаи мазкур масъалаҳои ҳуқуқии ҳуқуқи муаллиф нисбат ба сомонаҳои интернетӣ ҳамчун объекти моликияти зеҳнӣ баррасӣ шудаанд. Дар робита ба ин масъала асосҳои меъёрии ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон, аз ҷумла Конститутсия, Кодекси маданӣ ва Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи ҳуқуқи муаллиф ва ҳуқуққои вобаста ба он» таҳлил гардидаанд. Таваҷҷуҳи махсус ба муайян намудани реҷаи ҳуқуқии сомона, ҷузъҳои таркибии он ва субъектҳои иштирокчии равандҳои таъсис ва истифодаи он дода шудааст. Муаллифон ба хулоса меоянд, ки сомона ҳамчун асари таркибӣ баромад намуда, нисбат ба он ҳуқуққои шахсии ғайримолумулкӣ ва молумулкии муаллиф татбиқ мешаванд. Ҳамчунин хусусиятҳои татбиқи ҳуқуқи муаллиф дар фазои рақамӣ, аз ҷумла масъалаҳои паҳн намудани маводи ғайриқонунӣ ва масъулияти провайдерҳо мавриди таҳлил қарор гирифтаанд.

Калидвожаҳо: ҳуқуқи муаллиф, сомонаи интернетӣ, моликияти зеҳнӣ, фазои рақамӣ, захираҳои электронӣ, провайдер, домен, хостинг, танзими ҳуқуқӣ.

АВТОРСКИЕ ПРАВА НА САЙТ

МЕЛИКОВ УМРИЛЛО АСАДУЛЛОЕВИЧ
Международный университет туризма и предпринимательства Таджикистана, профессор кафедры права, доктор юридических наук.
Тел.: +(992) 100 400 879: E-mail: m.umrillo@gmail.com

ТАГАЕВ БАХРОМ ШОНАЗАРОВИЧ
Международный университет туризма и предпринимательства Таджикистана, декан факультета права и таможни, кандидат экономических наук.
Тел.: +(992) 904 384 055; E-mail: tagoev.87@list.ru

В статье рассматриваются правовые вопросы авторского права в отношении интернет-сайтов как объектов интеллектуальной собственности. В связи с этим анализируются нормативно-правовые основы Республики Таджикистан, включая Конституцию, Гражданский кодекс и Закон Республики Таджикистан «Об авторском праве и смежных правах». Особое внимание уделяется определению правового режима сайта, его структурных элементов и субъектов, участвующих в процессе его создания и использования. Авторы приходят к выводу, что сайт выступает как составное произведение, в отношении которого применяются личные неимущественные и имущественные права автора. Также анализируются особенности реализации авторских прав в цифровой среде, включая вопросы распространения незаконного контента и ответственности провайдеров.

Ключевые слова: авторское право, интернет-сайт, интеллектуальная собственность, цифровая среда, электронные ресурсы, провайдер, домен, хостинг, правовое регулирование

COPYRIGHT ON WEBSITES

MELIKOV UMRILLO ASADULLOEVICH
International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan,
Professor of the Department of Law, Doctor of Law, Professor.
Tel.: +(992) 100 400 879: E-mail: m.umrillo@gmail.com

TAGAEV BAKHROM SHONAZAROVICH
International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan,
Dean of the Faculty of Law and Customs, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.
Tel.: +(992) 904 384 055; E-mail: tagoev.87@list.ru

The article examines legal issues of copyright in relation to websites as objects of intellectual property. In this regard, the regulatory framework of the Republic of Tajikistan is analyzed, including the Constitution, the Civil Code, and the Law of the Republic of Tajikistan "On Copyright and Related Rights". Particular attention is paid to defining the legal regime of a website, its structural elements, and the subjects involved in its creation and use. The authors conclude that a website constitutes a composite work, to which both moral (non-property) and economic (property) rights of the author apply. The article also analyzes the specific features of copyright enforcement in the digital environment, including issues of unlawful content distribution and the liability of service providers.
Keywords: copyright, website, intellectual property, digital environment, electronic resources, provider, domain, hosting, legal regulation.

Масъалаҳои ҳуқуқ ба моликияти зеҳнӣ аз Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон [1] сарчашма гирифта, танзим ва ҳифзи он тавасути Кодекси маданӣ[2] ва дигар қонунҳою санадҳои зерқонунӣ мустаҳкам карда мешавад. Қисмати асосии интернет аз сомонаҳо (дар матн сомона ва сайт ҳамчун синоним истифода мешавад) иборат аст. Сайтҳо мазмуни интернетро ташкил медиҳанд. Аз ҳамин сабаб, сомона худ натиҷаи фаъолияти зеҳнӣ аст. Роҷеъ ба ин масъала назарҳои мухталиф зикр шудааст [6] , аммо таснифи ҳуқуқҳои муаллиф ва татбиқпазирии онҳо нисбат ба сомона дар осори илмӣ пурра таҳлил нашудааст.

Дар Қоидаҳои ягона барои сомонаҳои расмии вазорату идораҳо, мақомоти иҷроияи маҳаллии ҳокимияти давлатӣ ва мақомоти худидоракунии шаҳрак ва деҳот дар шабакаи интернет, ки бо Қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 10 июли соли 2017, № 344 [3] мафҳуми веб-сомона ё сомонаи интернетӣ (минбаъд - сомона) чунин муайян гардидааст: маҷмӯи ба ҳамдигар алоқаманди захираҳои иттилоотии онлайние, ки барои азназаргузаронӣ тариқи шабакаи коммуникатсияҳои электронӣ ба воситаи барномаи махсус - веб-шореҳ пешбинӣ гардидааст.

Сомона аз веб-сомона бо он фарқ менамояд, ки аввал худи сомона офарида мешавад, баъдан вақте ки он ба интернет пайванд карда шуд, пас онро веб-сомона меноманд. Бисёр вақт сомона ва веб-сомона ҳаммаъно истифода мешавад. Дар умум вақте сайт ё сомона мегӯянд, он сомонаеро дар назар доранд, ки ба интернет пайванд карда шудааст.

Яъне сомона ин маҷмӯи захираҳои иттилоотие мебошад, ки тавассути интернет ва барномаҳои махсуси компютерӣ ба онҳо дастрасӣ пайдо мегардад.

Вобаста ба сомона якчанд субъектон амал мекунанд, аз ҷумла соҳиби сомона, соҳиби домен ва соҳиби хост – сервер. Байни ин субъектон шартнома баста мешавад.

Масалан, домени www.iutet.tj сайти Донишгоҳи байнламилалии сайёҳӣ ва соҳибкории Тоҷикистонро муаррифӣ менамояд, ки он дар сервер-хости муайян ҷойгир шудааст.

Шакли ҳамкории субектҳо доир ба сомона

Дар аксар ҳолатҳо сомона натиҷаи муносибати ҳадди ақал 4 субъект мебошад. Субъекте, ки мехоҳад дар интернет вебсомона дошта бошад, бо созандаи он дар бораи таъсиси вебсомона шартнома мебандад. Баъдан, барои дар интернет ҷойгир кардани сомона домен зарур мешавад. Барои гирифтани домен соҳиби сомона бо қайдгирандаи домен шартнома мебандад. Қадами сеюм: барои ҷойгир кардани сомона дар доираи домени муайян дар интернет, соҳиби сомона бо провайдери хост шартнома мебандад. Провайдери хост сомонаро дар сервери худ, ки шабонарӯз ба интернет пайваст аст, ҷойгир мекунад. Ҳамин тариқ, сомона дар интернет дастрас мегардад [4, с.104–110].

Ҳамзамон, агар соҳиби сомона имкони дар сервери худ ҷойгир кардани сомонаашро дошта бошад, пас ба ӯ лозим нест, ки бо созандаи вебсомона ва провайдери хост тамос гирад. Аммо ингуна субъектҳо каманд, зеро барои хост - провайдер ва созандаи вебсомона будан ба субъект малакаҳои махсуси касбӣ лозиманд.

Сохтори дохилии сайт дорои ҷузъҳои асосии зерин аст: шаблон, модул ва мазмун.

Шаблонҳои вебсайтро аксар вақт бо ҳуҷҷати холӣ муқоиса мекунанд. Он барои ташкили сайт истифода мешавад, яъне ин шабеҳи шаклест, ки бо мундариҷа пур карда шуда, барои дастрасӣ ба Интернет пешниҳод карда шудааст.

Шаблонҳо инчунин модулҳоро дар бар мегиранд. Модул порчаи сайтест, илова ба маълумоти асосии сайт. Масалан, сайтҳо аксар вақт чунин ҷузъҳоро доранд: баннерҳо, ҷустуҷӯ, бойгонӣ, омор ва ғайра. Модул шаклест, ки бо мундариҷа пур карда мешавад.

Мазмуни сайт метавонад намудҳои гуногуни иттилоот ва маводи моликияти зеҳниро дар бар гирад, аз ҷумла, иттилооти оммавӣ, асарҳо, фонограмма, барномаҳои телевизион ва радио, аксҳо ва ғайра.

Ҳамин тариқ, барои мавҷудияти сайти интернетӣ на танҳо ҷузъҳои дохилии он (шаблон, модул, мазмун), балки ҷузъҳои берунӣ (номи домен ва хост) низ заруранд, ки бо ёрии онҳо сомона бо таври комил дар интернет дастрас мегардад.

Сайт метавонад ба монанди ҳама гуна файлҳое, ки мо дар компютер нигоҳ медорем, берун аз интернет вуҷуд дошта бошад, аммо дар ин ҳолат онро сайти интернетӣ наменоманд. Барои он, ки он сайти интернетӣ шавад, он бояд зери номи домени мушаххас дар сервери провайдери хост ҷойгир ва тавассути интернет дастрас бошад.

Аксари мутахассисон ба он назаранд, ки сомона асари таркибӣ мебошад. Мувофиқи моддаи 11-и Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон "Дар бораи ҳуқуқи муаллиф ва ҳуқуқҳои вобаста ба он", [5] мураттиби маҷмӯаҳо ва дигар асарҳои таркибӣ барои интихоб ва ҷобаҷогузории маводе, ки аз тарафи вай анҷом дода шудааст ва натиҷаи меҳнати эҷодӣ (мураттиби) ҳисоб меёбад, дорои ҳуқуқи муаллиф мебошад. Мураттиб дар сурате метавонад аз ҳуқуқи муаллиф истифода намояд, ки ҳуқуқи муаллифони ҳар яке аз асарҳои дар асари таркиби пайдодашударо риоя намояд.

Пеш аз ҳама бояд қайд кард, ки вақте вебсайт эҷод карда мешавад, чун қоида, сабти ҳатмии таъсиси он талаб карда намешавад. Истифодаи аломати ҳуқуқи муаллиф дар сайти Интернет комилан имконпазир аст.

Ҳангоми ташкили сомона зарурат пайдо мегардад, ки ҳуқуқ ва уҳдадориҳои соҳиби сайт муайян карда шавад. Дар моддаи 11-и Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи ҳуқуқи муаллиф ва ҳуқуқҳои вобаста ба он» муқаррар шудааст, ки нашири энсиклопедияҳо, ҳуҷҷатҳои энсиклопедӣ, маҷмӯаҳои корҳои илмии даврӣ ва бардавом, рӯзнома, маҷалла ва дигар нашрияҳои даври дорои ҳуқуқи комили истифодаи ин нашрияҳо мебошад. Ҳангоми ҳар гуна истифодаи чунин нашрияҳо ношир ҳуқуқ дорад

унвони худро зикр намояд ва ё зикри онро талаб кунад. Муаллифони асарҳое, ки ба чунин нашрияҳо дохил карда шудаанд, ҳуқуқи комили худро барои истифодаи асарҳои худ, сарфи назар аз нашрия, нигоҳ медоранд, ба шарте ки дар шартномаи муаллифӣ чизи дигаре пешбинӣ нашуда бошад. Дар ин ҷо сомона мустақиман зикр нашудааст. Дар робита ба ин, саволе ба миён меояд, ки оё истифодаи ҳуқуқҳои молумулкӣ ва шахсии ғайримолумулкии муаллиф нисбат ба сайт имконпазир аст?

Мувофиқи моддаи 15-16-и Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон "Дар бораи ҳуқуқи муаллиф ва ҳуқуқҳои вобаста ба он", муаллиф соҳиби ҳуқуқҳои ғайримолумулкӣ (ҳуқуқи эътирофи муаллифият ба асари офаридашуда (ҳуқуқи муаллифӣ); ҳуқуқи истифода ё иҷозати истифодаи асар бо номи ҳақиқии муаллиф, тахаллуси ӯ ва ё бе зикри ном, яъне беимзо (ҳуқуқи ном); ҳуқуқи интишор ё иҷозати интишори асар дар ҳар шакл (ҳуқуқи интишор), аз ҷумла ҳуқуқи бозхонд; ҳуқуқи ҳифзи асар, аз ҷумла унвони он аз ҳар гуна таҳрифкорӣ ва дигар навъи дахолат, ки метавонад ба номус ва шаъни муаллиф зарар расонад (ҳуқуқи ҳифзи эътибори муаллиф); ҳуқуқи дахлнопазирии асар) ва ҳуқуқҳои молумулкӣ (таҷдиди асар (ҳуқуқи таҷдид); паҳн кардани нусхаҳои асар бо ҳар тарз: фурӯхтан, ба кироя додан ва ғ. (ҳуқуқи паҳнкуни);ворид кардани нусхаҳои асар бо мақсади паҳнкунӣ, аз ҷумла нусхаҳое, ки бо иҷозати соҳиби ҳуқуқи комил таҳия шудаанд (ҳуқуқи воридот); намоиши оммавии асар (ҳуқуқи намоиши оммавӣ); иҷрои оммавии асар (ҳуқуқи иҷрои оммавӣ); ба омма дастрас кардани асар (аз ҷумла намоиш додан, иҷро ё ба эфир додан) ба воситаи пахши эфирӣ ва (ё) пахши минбаъдаи эфири (ҳуқуқи пахши эфирӣ); ба омма дастрас кардани асар (аз ҷумла намоиш додан, иҷро ё ба эфир додан) ба воситаи кабел ё тавассути дастгоҳҳои дигари ба он монанд (ҳуқуқи пахши кабелӣ); тарҷумаи асар (ҳуқуқи тарҷума); таҷдиди коркард, аранжировка ва ё навъи дигари коркард (ҳуқуқи коркард); ба маълумоти умум расонидани асар барои истифодаи интерактивӣ (ҳуқуқи ба маълумоти умум расонидан)) мебошад.

Ҳуқуқи муаллифӣ ва ҳуқуқ ба ном аслан ба шахси воқеӣ мутааллиқ аст, зеро тибқи қонунгузории амалкунанда, танҳо шахси воқеӣ муаллиф ҳисобида мешавад. Шахсони ҳуқуқӣ инчунин метавонанд соҳиби ҳуқуқҳои молумулкии муаллифӣ ба сомона бошанд. Қонунгузор пешбинӣ мекунад, ки ношир ҳуқуқ дорад номи худро дар ҳама гуна истифодаи чунин нашрияҳо нишон диҳад ё чунин нишондодро талаб кунад (моддаи 11-и Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон "Дар бораи ҳуқуқи муаллифӣ ва ҳуқуқҳои вобаста ба он"). Аммо, ба фарқ аз муаллиф (шахси воқеӣ), ки метавонад асарашро бидуни зикри ном ё бо тахаллуси худ нашр кунад, мақомоти давлатӣ, ки соҳиби сомона мебошанд чунин рафтор карда наметавонанд. Онҳо тибқи Қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон " Дар бораи қоидаҳои ягонаи вебсайтҳои расмии вазорату идораҳо, мақомоти иҷроияи маҳаллии ҳокимияти давлатӣ ва мақомоти худидоракунии шаҳрак ва деҳот дар Интернет » аз 10 июли соли 2017, No344, бояд ки номи мақомотро дар сомона дарҷ намоянд.

Истифодаи ҳуқуқи интишор дар сомона низ хусусиятҳои хоси худро дорад. Бояд дар назар дошт, ки муаллиф, агар нахоҳад, метавонад асари худро нашр нанамояд. Аммо мақомоти давлатӣ тибқи талаботи Консепсияи ташаккули ҳукумати электронӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон бояд, ки сомонаи худро ташкил карда, онро дастраси мардум намояд.

Ҳуқуқи дахлнопазирии асар ва ҳуқуқи ҳифзи асар ба сомона пурра татбиқпазир аст.

Мувофиқи моддаи 15-и Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон "Дар бораи ҳуқуқи муаллиф ва ҳуқуқҳои вобаста ба он", муаллиф ҳуқуқ дорад қарори қаблӣ дар бораи нашри асарро (ҳуқуқи бозхондан) рад кунад, ба шарте ки ба истифодабарандаи асар зарари дар натиҷаи чунин асар расонидашуда ҷуброн карда шавад. Агар асар оммавӣ гашта бошад, пас муаллиф вазифадор аст дар бораи бозхонди он ба таври ошкоро хабар

диҳад. Дар чунин ҳолат, вай аз ҳисоби худ нусхаҳои ин асарро, ки қаблан бароварда шуда буд, аз муомилот мегирад.

Истифодаи ҳуқуқи бозхондан нисбат ба сомона баҳсбарангез аст. Ин ба хусусияти технологии сомона вобаста аст. Соҳиби сомона метавонад маводи баҳсиро аз сомонааш хориҷ намояд, аммо тамоми сомонаро бастан зарурат надорад.

Ҳамин тариқ, татбиқи ҳуқуқҳои ғайримолумулкӣ аз ҷониби муаллиф нисбат ба сомона қисман имконпазир аст. Ҳоло истифодаи ҳуқуқҳои молумулкии муаллифиро нисбат ба сомона дида мебароем.

Ҳуқуқи нусхабардории сомона дар назари аввал имконпазир аст, аммо дар таҷриба он натиҷабахш нест. Зеро, сомона асаре аст, ки хусусияти динамикӣ дорад ва он рӯз ба рӯз такмил меёбад. Нашри дубораи маводҳои алоҳида аз сомона имконпазир аст, аммо азбаски сомона ҳамзамон бо домен ва хостинг алоқаманд аст ва аксаран характери динамикӣ дорад, дубора тамоми сомонаро нашр кардан ғайриимкон аст (хусусан, айнан чунин домен дуюмбора вуҷуд дошта наметавонад). Барои аз нав чоп кардани баъзе маводҳо, ки қисми таркибии сомона мебошанд, бояд иҷозати соҳиби ҳуқуқи муаллифӣ гирифта шавад, агар ин мавод таҳти низоми қонунии истифодаи ройгон қарор нагирифта бошад.

Ҳуқуқи паҳн кардани асар аслан ба асарҳои “муқаррарӣ”, ки дар воситаи моддӣ сабт ёфтаанд, тааллуқ дорад. Дар ин ҳолат нусхаи асари алоҳида (китоб, рӯзнома, маҷалла ва ғайра) тавассути фурӯш ё ройгон бегона карда мешавад.

Агар асар нашр шавад, пас онро паҳн кардан мумкин аст. Аммо ҳуқуқи паҳн кардани асар хоси сомона нест. Сабт кардани тамоми маводи сомона дар воситаҳои моддӣ (диск, корт ва ғайра) ва фурӯхтани онҳо фоидаовар нест, зеро онҳоро дар худи интернет ёфтанаш осонтар аст.

Ҳуқуқи намоиши оммавии асар низ ба интернет хос нест, зеро, сомона аллакай тавассути интернет ба омма дастрас аст.

Ҳуқуқ ба иҷрои оммавӣ низ хоси сомона нест, зеро иҷро ҳамчун усули истифодаи асарҳо ба мусиқӣ, хониши бадеӣ, намоиши саҳнавӣ, асарҳои аудиовизуалӣ дахл дорад.

Татбиқи ҳуқуқи воридот барои вебсайт низ баҳсбарангез аст. Ҳуқуқи воридот ба асарҳои "анъанавӣ" дахл дорад, аммо азбаски худи интернет кайҳо боз тақрибан дар тамоми ҷаҳон дастрас аст, истифодаи чунин ҳуқуқ ба сомона низ дахл надорад.

Ҳуқуқи пахш дар эфир ё тавассути кабел низ нисбати сомона ғайривоқеист, зеро пахши эфирӣ ва кабелӣ дар саросари ҷаҳон нисбат ба интернет гарон аст. Дар ин ҷо вазъияти баръакс ба вуҷуд омадааст, яъне пахши телевизион ва радио дар эфир ё телевизиони кабелӣ тавассути интернет паҳн шуда истодааст. Масалан, ТВ Сафина, Шабакаи Якум, ТВ Ҷаҳоннамо ва ТВ Баҳористон онлайн (http://ru.teleradiocom.tj/online-tv/) пахш мешаванд.

Ҳуқуқ ба тарҷума ва коркард нисбат ба сомона мувофиқ аст. Агар ҳуқуқи молумулкӣ ба сомона тибқи созишнома интиқол дода шавад, он гоҳ соҳиби нав метавонад сомонаро тарҷума ва коркард намояд.

Ҳуқуқи ба маълумоти умум расонидани асар низ ба он сомонае татбиқ карда мешавад, ки ҳанӯз дар интернет гузошта нашудааст.

Дар натиҷа, ҳуқуқҳои молумулкие, ки дар м. 16-и Қонуни ҶТ «Дар бораи ҳуқуқи муаллиф ва ҳуқуқҳои вобаста ба он» муқаррар шудааст, аз рӯи имкониятҳои воқеии татбиқи онҳо нисбат ба сомона ба ду гурӯҳ тақсим кардан мумкин аст:

- ҳуқуқҳои молумулкие, ки ба сомона татбиқ карда мешаванд (ҳуқуқ ба тарҷума ва коркард, ҳуқуқи ба маълумоти омма расонидан);
- ҳуқуқҳои молумулкие, ки татбиқи онҳо нисбати сомона ғайриимкон мебошанд (ҳуқуқ ба намоиши оммавӣ, ҳуқуқи воридот, ҳуқуқи нусхабардорӣ, ҳуқуқ ба иҷрои оммавӣ, ҳуқуқи пахши эфирӣ ё кабелӣ).

Ҳамзамон, сомонаҳо аз рӯи мансубияти худ ба сомонаҳои шахсони воқеӣ (бештар онҳоро блогҳо ё сомонаҳои иҷтимоӣ меноманд) ва сомонаи ташкилотҳо (давлатӣ ва ғайридавлатӣ) тақсим карда мешаванд.

Гурӯҳи якуми сомонаҳо ҳамеша нисбат ба дувум бештар масоили ҳуқуқӣ ва мушкилот доранд. Вазифаҳое, ки тавассути сомонаҳои ташкилотҳо ҳал карда мешаванд, ҳамеша мушаххасанд ва масъулони ин сомонаҳо кӯшиш мекунанд, ки аз дастурҳои онҳо берун нараванд.

Аммо шабакаҳои иҷтимоӣ ҳадафҳои рӯшан надоранд. Масалан, вақте инсон субҳ ба кор шуруъ мекунад, медонад, ки куҷо равад ва чӣ кор кунад. Аммо вақте ки шахс кор намекунад, ӯ субҳ ба кӯча мебарояд ва фикру рафтори ӯ ба он равона карда шудааст, ки диққати ӯро чӣ ҷалб мекунад ва чӣ ба ӯ шавқовар аст.

Ҳамин тариқ, дар сайтҳои иҷтимоӣ мушкилоти гуногун ба миён омада метавонанд: паҳн кардани аксҳо бидуни иҷозати соҳибони ҳуқуқи муаллиф, таҳқир, туҳмат ва ғайра. Гарчанде ки ин гуна мушкилот метавонанд дар сайтҳои дигар низ ба миён оянд, аммо аз сабаби он ки кори онҳо бомақсад сурат мегирад, дар он ҷо назорат бештар аст.

Дар сомонаҳои иҷтимоӣ фазо ва озодӣ бештар аст. Аъзои онҳо худро озодтар эҳсос мекунанд. Шабакаҳои иҷтимоӣ вақтҳои охир манбаи зарар на танҳо ба шахсони алоҳида, балки барои тамоми ҷомеа низ гаштанд. Таъсири ин шабакаҳои иҷтимоӣ ба ҷаҳонбинии аҳолӣ, алахусус ҷавонон, бузург аст, таърих чунин шакли таъсиррасониро ёд надорад. Аз ин рӯ, кишварҳои мухталиф барои безарар кардани омилҳои манфии ин гуна сомонаҳо чораҳои гуногуни пешгирикунанда андешида истодаанд. Ба ақидаи бархе аз соҳибназарон шабакаҳои иҷтимоӣ ҳамон рафтореро мекунанд, ки ширкатҳои истеҳсоли тамоку даҳсолаҳо пеш доштанд, яъне медонистанд, ки сигор барои сиҳатии ҷомеа зиён дорад, вале онро пинҳон медоштанд. Яке аз мушкилоти аслии корбарони шабакаҳои иҷтимоӣ ин аст, ки онҳо маводҳои зиёди ғайриқонуниро ҷой медиҳанд ва ин провайдер ё соҳиби ҳуқуқи муаллифии сайтро дар ҳолати "душвор" қарор медиҳад. Аз як тараф, соҳиби ҳуқуқи муаллиф аз интишори чунин мундариҷаи ғайриқонунӣ хабар надорад ва дар он ширкат намекунад, аммо аз тарафи дигар, ин дар "қаламрави электронӣ" -и ӯ рух медиҳад ва худи ӯ амалан имкони ҳаматарафа тафтиш кардани ҳама чизро надорад. Аз ин рӯ, дар таҷрибаи байналмилалӣ принсипи "масъулияти гунаҳгор" татбиқ карда мешавад, яъне провайдер барои он чизе масъул нест, ки агар ӯ дар бораи маводи ғайриқонуние, ки аз ҷониби субъектҳои дигар дар манбааш ҷойгир карда шудаанд, намедонист ва набояд низ донад, ва агар ӯ дар бораи чунин мавод огоҳӣ пайдо кунад, пас бояд чораҳои дахлдор андешад (онро хориҷ намояд), то ин гуна мавод ба дигарон зарар нарасонад.

Адабиёт

1. Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 6 ноябри соли 1994. – Реҷаи дастрасӣ: www.mmk.tj (санаи дастрасӣ: 21.02.2026).
2. Кодеси мадании Ҷумҳурии Тоҷикистон (қисмҳои 1,2,3). – Реҷаи дастрасӣ: www.mmk.tj (санаи дастрасӣ: 21.02.2026).
3. Қоидаҳои ягона барои сомонаҳои расмии вазорату идораҳо, мақомоти иҷроияи маҳаллии ҳокимияти давлатӣ ва мақомоти худидоракунии шаҳрак ва деҳот дар шабакаи интернет, ки бо Қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 10 июли соли 2017, № 344. – Реҷаи дастрасӣ: www.mmk.tj (санаи дастрасӣ: 21.02.2026)
4. Меликов У. А. Правовой режим объетков гражданскихх прав в интернете. – Душанбе: “Эр– граф”, 2017. – 244 с.
5. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон "Дар бораи ҳуқуқи муаллиф ва ҳуқуқҳои вобаста ба он". – Реҷаи дастрасӣ: www.mmk.tj (санаи дастрасӣ: 21.02.2026).
6. Бабарыкин П.В. Гражданско-правовое регулирование создания и использования сайтов сети интернет: дис…канд. юрид. наук. - СПб., 2005.;

7. Ғаюров Ш.К., Расулов Б.Р., Каримзода Ш.К., Ғаффорзода И.Ғ., Қосимов Ф.А. Ҳуқуқи моликияти зеҳнии Ҷумҳурии Тоҷикистон: воситаии таълимӣ // Зери таҳрири проф. Ш.К. Ғаюров. –Душанбе: “Эр–граф”, 2017. 312 с.;

8. Наумов В.Б. Право и Интернет: Очерки теории и практики. — М.: Книжный дом«Университет», 2002. — С. 201;

9. Амелина К.Е., Коробец Б.Н., Кравченко А.А. Интернет-сайт с точки зрения категорий интеллектуальной собственности// Науковедение. - 2015. - Т 7. - №5. – Реҷаи дастрасӣ: file:///C:/Users/ASUS/Downloads/internet-sayt-s-tochki-zreniya-kategoriy-intellektualnoy-sobstvennosti.pdf (санаи дастрасӣ: 2. 03. 2026).;

10. Минбалеев А. В. Авторское право в сфере массовых коммуникаций. - Челябинск. 2010. - С. 49.;

11. Калятин В.О. Интернет - сайт как объект исключительных прав //Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2004. — №2. – С.25-28.

УДК: 347.51:004.8

ЗЕҲНИ СУНЪӢ ҲАМЧУН «МАНБАИ ХАТАРИ ЗИЁД» ДАР ҲУҚУҚИ МАДАНИИ ТОҶИКИСТОН

РАУПОВА МАНЗУРА ТУРСУНОВНА
Академияи идоракунии давлатии назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, д.и.ҳ., профессори кафедраи ҳуқуқи маданӣ ва иқтисодӣ, мушовири адлияи дараҷаи якум, Тел.: +992 91 949 6064; E-mail: manzura1963@mail.ru

Мақолаи мазкур масъалаи ҳуқуқии шинохти зеҳни сунъиро ҳамчун «манбаи хатари зиёд» дар низоми ҳуқуқи мадании Ҷумҳурии Тоҷикистон баррасӣ менамояд. Дар таҳқиқот мафҳум ва хусусиятҳои манбаи хатари зиёд тибқи Кодекси мадании амалкунанда таҳлил гардида, имконияти татбиқи ин низом нисбат ба системаҳои дорои зеҳни сунъӣ мавриди омӯзиш қарор гирифтааст. Муаллиф фарқияти байни алгоритми зеҳни сунъӣ ва низоми кибер-физикӣ (AI + таҷҳизот + муҳити истифода)-ро нишон дода, асоснок менамояд, ки маҳз фаъолияти вобаста ба чунин низомҳо метавонад дорои хавфи баланд ҳисобида шавад. Дар мақола ҳамчунин масъалаҳои муайян намудани субъекти ҷавобгарӣ, меъёрҳои «соҳибӣ» ва «назорати воқеӣ», имконияти татбиқи принсипи ҷавобгарии беалоқамандӣ аз гуноҳ, инчунин механизми ҷуброни зарар таҳлил карда шудаанд. Бо такя ба қонунгузории миллӣ ва таҷрибаи байналмилалӣ роҳҳои такмили танзими ҳуқуқии истифодаи зеҳни сунъӣ пешниҳод гардида, аҳаммияти таҳияи механизмҳои пешгирикунанда, идоракунии хавф ва таъмини амнияти ҳуқуқии шаҳрвандон нишон дода мешавад.

Калимаҳои калидӣ: зеҳни сунъӣ, ҳуқуқи мадании Ҷумҳурии Тоҷикистон, манбаи хатари зиёд, ҷавобгарии маданӣ, ҷавобгарии беалоқамандӣ аз гуноҳ, субъекти ҷавобгарӣ, назорати воқеӣ, ҷуброни зарар, амнияти иттилоотӣ, танзими ҳуқуқии зеҳни сунъӣ.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК «ИСТОЧНИК ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ» В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ ТАДЖИКИСТАНА

РАУПОВА МАНЗУРА ТУРСУНОВНА
Академия государственного управления при Президенте Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и экономического права, советник юстиции первого класса. Тел.: +992 91 949 6064; E-mail: manzura1963@mail.ru

Данная статья рассматривает правовой вопрос признания искусственного интеллекта в качестве «источника повышенной опасности» в системе гражданского права Республики Таджикистан. В исследовании анализируются понятие и особенности источника повышенной опасности в соответствии с действующим Гражданским кодексом, а также изучается возможность применения данного правового режима к системам, обладающим искусственным интеллектом. Автор показывает различие между алгоритмом искусственного интеллекта и кибер-физической системой (ИИ + оборудование + среда использования) и обосновывает, что именно деятельность, связанная с такими системами, может рассматриваться как деятельность с повышенным риском. В статье также анализируются вопросы определения субъекта ответственности, критерии «владения» и «фактического контроля», возможность применения принципа ответственности независимо от вины, а также механизм возмещения вреда. Опираясь на национальное законодательство и международный опыт, предлагаются пути совершенствования правового регулирования использования

искусственного интеллекта, а также подчеркивается значение разработки превентивных механизмов, управления рисками и обеспечения правовой безопасности граждан.

Ключевые слова: искусственный интеллект, гражданское право Республики Таджикистан, источник повышенной опасности, гражданская ответственность, ответственность независимо от вины, субъект ответственности, фактический контроль, возмещение вреда, информационная безопасность, правовое регулирование искусственного интеллекта.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A “SOURCE OF INCREASED DANGER” IN THE CIVIL LAW OF TAJIKISTAN

RAUPOVA MANZURA TURSUNOVNA
Academy of Public Administration under the President of the Republic of Tajikistan, Doctor of Law, Professor of the Department of Civil and Economic Law, First Class Justice Advisor. Tel.: +992 91 949 6064; E-mail: manzura1963@mail.ru

This article examines the legal issue of recognizing artificial intelligence as a “source of increased danger” within the system of civil law of the Republic of Tajikistan. The study analyzes the concept and characteristics of a source of increased danger in accordance with the current Civil Code and explores the possibility of applying this legal regime to systems possessing artificial intelligence. The author distinguishes between an artificial intelligence algorithm and a cyber-physical system (AI + equipment + operating environment) and substantiates that activities related to such systems may indeed be considered high-risk activities. The article also analyzes issues related to determining the subject of liability, the criteria of “ownership” and “actual control,” the possibility of applying the principle of liability regardless of fault, and the mechanism for compensation of damage. Based on national legislation and international experience, the article proposes ways to improve the legal regulation of the use of artificial intelligence and highlights the importance of developing preventive mechanisms, risk management, and ensuring the legal safety of citizens.

Keywords: artificial intelligence, civil law of the Republic of Tajikistan, source of increased danger, civil liability, strict liability, subject of liability, actual control, compensation for damage, information security, legal regulation of artificial intelligence.

Зеҳни сунъӣ дар ҳуҷҷатҳои сиёсати давлатӣ ҳамчун «низом ё таҷҳизоти компютерӣ, ки қодир аст қобилияти зеҳнӣ ва таҳлилии инсонро барои иҷрои вазифаҳои муайян такрор намояд» таъриф шудааст ва ҳамчун падидаи муҳим барои рушди иҷтимоию иқтисодӣ арзёбӣ мегардад. [1] Барои мақсадҳои ҳуқуқи мадании Ҷумҳурии Тоҷикистон масъалаи калидӣ ин аст, ки дар кадом ҳолатҳо зеҳни сунъӣ (ё низоми дорои зеҳни сунъӣ) метавонад ба низоми «манбаи хатари зиёд» ворид шавад ва ҷавобгарӣ бо принсипи беалоқамандӣ аз гуноҳ (strict/no-fault) амалӣ гардад. [2]

Дар Кодекси мадании амалкунанда (аз 1 июли 2023) «манбаи хатари зиёд» ҳамчун қувваҳои физикӣ, физикию-кимиёвӣ, кимиёвӣ ва биологӣ муайян мешавад, ки дар доираи ҳуқуқи моликият ё дигар асосҳои қонунӣ истифода мешаванд ва барои атрофиён хавфи зиёд доранд.[3] Аз ин бармеояд: **худи алгоритм** (барномаи зеҳни сунъӣ) на ҳамеша «манбаъ» аст, вале **низоми зеҳни сунъӣ + таҷҳизот + муҳити истифода** (масалан, воситаи нақлиёт, робот, идоракунии истеҳсолот, инфрасохтори энергетикӣ) метавонад ҳамчун фаъолияти дорои хавфи баланд арзёбӣ шавад. [4]

Ҷавобгарии асосӣ, тибқи меъёри манбаи хатари зиёд, ба дӯши шахсе вогузор мешавад, ки манбаъро бо ҳуқуқи моликият, пешбурди хоҷагӣ, идораи оперативӣ ё дигар асосҳои қонунӣ (шартнома, ваколатнома, санади маъмурӣ ва ғ.) дар ихтиёр дорад;

озодкунӣ танҳо бо исботи ҳолатҳои неруи рафънопазир, қасди ҷабрдида ё берун шудани манбаъ аз ихтиёр бо роҳи ғайриқонунӣ мумкин аст.

Бо вуҷуди ин, барои зарарҳои «рақамӣ» (махфият/маълумоти шахсӣ, зарари иқтисодӣ аз қарорҳои алгоритмӣ, талафи маълумот) низоми манбаи хатари зиёд ҳамеша мувофиқ нест; дар ин қисмат омезиши қоидаҳои умумии деликт (ҷуброни пурра), қоидаҳои масъулият барои камбудиҳои мол/кор/хизматрасонӣ, инчунин қонунгузории ҳифзи маълумоти шахсӣ зарур мегардад. [5]

Дар сатҳи сиёсати давлатӣ «Стратегияи рушди зеҳни сунъӣ барои давраи то соли 2040» мафҳуми зеҳни сунъиро муайян намуда, зарурати «ташаккули заминаи ҳуқуқии истифодаи зеҳни сунъӣ» ва афзалиятҳои амнияти иттилоотӣ, ҳифзи шаъну шараф ва амнияти давлатро таъкид мекунад. Ин нуқта барои асоснок кардани аҳаммияти иҷтимоии мавзуъ ва зарурати регулятсия дар ҳуқуқи мадании миллӣ хизмат мекунад.

Меъёрҳои калидии ҳуқуқи мадании амалкунанда, ки барои таҳлили масъулият дар парвандаҳои марбут ба зеҳни сунъӣ такягоҳ мешаванд, иборатанд аз: [6]

- қоидаҳои умумии ҷавобгарӣ барои расонидани зарар ва принсипи ҷуброни пурра;
- ҷавобгарӣ барои фаъолият/манбаи хатари зиёд;
- ҷавобгарии муштарак дар зарари якҷоя ва механизми регресс;
- тарзҳо ва ҳаҷми ҷуброни зарари молумулкӣ, инчунин ба ҳисоб гирифтани гуноҳи ҷабрдида ва вазъи молумулкии зараррасон;
- масъулият барои камбудиҳои мол, кор ва хизматрасонӣ;
- товони зарари маънавӣ, аз ҷумла ҳолате, ки зарар ба ҳаёт/саломатӣ аз манбаи хатари зиёд расида бошад.

Барои ҷанбаи экологӣ Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи ҳифзи муҳити зист» ҷуброни зарарро тибқи усулҳои тасдиқшуда ва дар набудани онҳо — тибқи харочоти воқеии барқарорсозӣ (бо назардошти фоидаи аздастрафта) муқаррар мекунад; инчунин зарари ба шаҳрвандон аз таъсири номусоиди муҳити зист расидаро пурра ҷуброншаванда мешуморад. [8]

Дар бахши маълумоти шахсӣ қонунгузорӣ мафҳумҳои «маълумоти шахсӣ», «оператор» ва механизмҳои ризоиятро танзим мекунад; ин замина барои баҳсҳои AI-processing, мониторинг, surveillance ва профилинг таъсиргузор аст.

Кодекси мадании амалкунанда манбаи хатари зиёдро ба қувваҳои физикӣ, физикию-кимиёвӣ, кимиёвӣ ва биологӣ мепайвандад, ки дар асоси ҳуқуқи моликият ё дигар асосҳои иҷозатдода истифода мешаванд ва барои атрофиён зиён доранд. Дар доираи ҳамин модда ҷавобгарӣ барои шахсони воқеӣ ва ҳуқуқие, ки фаъолияти онҳо бо зиён алоқаманд аст (нақлиёт, саноат, сохтмон, соҳибони воситаҳои нақлиёт ва ғ.), сарфи назар аз гуноҳ муқаррар шуда, танҳо дар сурате озод мешаванд, ки исбот кунанд: зарар аз неруи рафънопазир ё қасди ҷабрдида ба вуҷуд омадааст. [7]

Аз нигоҳи доктринаи ҳуқуқӣ, масъалаи асосӣ дар зеҳни сунъӣ чунин тарҳ мешавад: *манбаи хавф дар куҷост — дар худи модел, дар таҷҳизоти идорашаванда, ё дар фаъолияти ташкилшудаи истифодабаранда?* Қонун ишора менамояд, ки нуқтаи марказӣ «фаъолият» ва «истифодаи қувваҳо/энергияҳо» аст. Бинобар ин, барои таҳлили илмӣ метавон ду сатҳи татбиқро ҷудо кард:

1) **AI-дар-низоми хатарнок (кибер-физикӣ)**: зеҳни сунъӣ ҳамчун унсури идоракунандаи воситаи нақлиёт, робот, таҷҳизоти саноатӣ, неруи барқ, инфрасохтори кимиёвӣ/биологӣ ва ба инҳо монанд. Дар ин ҳолат хатар аз фаъолияти дорои қувваҳои физикӣ/кимиёвӣ ба вуҷуд меояд, ва AI метавонад дараҷаи пешгӯинашавандагиро афзоиш диҳад; чунин вазъ бо моҳияти моддаи 1204 мувофиқ аст.

2) **AI-дар-муҳити «рақамӣ»**: қарорҳои алгоритмӣ дар бонкдорӣ, суғурта, платформаҳои хизматрасонӣ, савдои электронӣ, коркарди маълумоти шахсӣ. Стандарти «қувваҳои физикӣ/кимиёвӣ/биологӣ» метавонад барои татбиқи мустақими моддаи 1204

маҳдуд бошад; дар ин ҳолат бештар қоидаҳои умумии деликт, ҷавобгарии шартномавӣ ва режими камбудиҳои хизматрасонӣ/мол татбиқшавандаанд.

Ҳангоми истифодаи зеҳни сунъӣ дар идоракунии истеҳсолот ё инфрасохтор (масалан, энергетика, саноати кимиёвӣ, логистикаи партовҳо) эҳтимоли зарари экологӣ ба миён меояд. Қонун «Дар бораи ҳифзи муҳити зист» ҷуброни зарари ба муҳити зист расидаро бо усулҳои ҳисобкунии тасдиқшуда ва дар набудани онҳо — бо хароҷоти воқеии барқарорсозӣ (бо назардошти фоидаи аздастрафта) пешбинӣ мекунад; инчунин мумкин аст барқарорсозӣ ҳамчун уҳдадорӣ ба зиммаи ҷавобгар гузошта шавад.

Барои ҳифзи манфиатҳои ҷамъиятӣ ва ҷабрдида дар кодекс ҳам механизми пешгирии зарар вуҷуд дорад: хатари эҳтимолии расонидани зарар метавонад асоси даъво барои манъи амале бошад, ки боиси зарар мегардад; инчунин суд метавонад бар замми ҷуброни зарар қатъи фаъолияти зарароварро таъин кунад. Ин меъёр, дар якҷоягӣ бо ҳуқуқи даъво барои қатъи фаъолияти аз ҷиҳати экологӣ зарарнок дар қонуни экологӣ, барои «AI-системаҳои назоратӣ/идоракунӣ» аҳаммияти амалӣ дорад.

Зарарҳои AI, исботи сабабнокӣ ва ҳисобкунии ҷуброн

Кодекси мадании амалкунанда қоидаи умумии ҷуброни пурраро барои зарари бо амали ғайриқонунӣ расондашуда муқаррар мекунад. Барои AI-ҳодисаҳо, таснифи илмӣ-амалӣ аз рӯйи объект чунин пешниҳод мешавад: [10]

Зарари молумулкӣ (осеби таҷҳизот, вайрон шудани мол, талафи дороӣ) дар асоси қоидаҳои ҳаҷму андозаи зарар ва тарзҳои ҷуброн (баргардондан дар шакли асл, таъмир, ё пардохти товон) ҳал карда мешавад. Ҳангоми вайрон кардани уҳдадорӣ (масалан, шартномаи хизматрасонии AI) ҷуброни зиён бо назардошти нархҳо дар рӯзи қонеъкунии ихтиёрӣ, ё рӯзи пешниҳоди даъво, ва дар баъзе ҳолатҳо — нархҳо дар рӯзи баровардани санади судӣ муайян шуда метавонад. [12]

Зарар ба ҳаёт ва саломатӣ дар низоми «манбаи хатари зиёд» дорои аҳаммияти махсус аст: қонун товони зарари маънавиро сарфи назар аз гуноҳ иҷозат медиҳад, агар зарар аз манбаи хатари зиёд расида бошад. Ин барои AI-робот/нақлиёт/таҷҳизоти тиббӣ хос мебошад.

Зарари экологӣ (ифлосшавӣ, садамаҳои истеҳсолӣ) бо механизмҳои махсуси қонунгузории экологӣ ҳисоб карда мешавад: ё бо усулҳои тасдиқшуда, ё бо хароҷоти воқеии барқарорсозӣ.

Зарарҳои маълумотӣ ва махфиятӣ: қонунгузорӣ «маълумоти шахсӣ»-ро ҳамчун маълумот оид ба ҳаёти шахс, ки айниятқунониро имкон медиҳад, муайян мекунад ва ҷамъоварии онро ба шароитҳои муайян (аз ҷумла ризоияти субъект) вобаста менамояд. Барои мақсадҳои ҳуқуқи мадании деликтӣ ин баҳсро ба масъалаи «зиён аз нақзи ҳуқуқ» мебарад (хароҷоти барқарорсозии амният, мониторинг, барқарорсозии маълумот, зарари маънавӣ дар ҳолатҳои пешбинишуда). [13]

Дар режими манбаи хатари зиёд, меъёр ба таври функсионалӣ бори исботро ба зиммаи ҷавобгар мегузорад: ӯ бояд исбот кунад, ки зарар аз неруи рафънопазир ё қасди ҷабрдида ба вуҷуд омадааст. Аммо дар AI-ҳолатҳо мушкили асосӣ сабабнокии техникист: «қарорҳои модел», «хатоҳои маълумоти омӯзишӣ», «навсозӣ», «хатоҳои сенсор» ва ғ. — аксаран тавассути экспертиза ва дастрасӣ ба логҳо муайян мешаванд (ин хулоса аз муқоисаи талаботи ҳуқуқӣ ба исбот ва хусусияти технологияи AI бармеояд). [11]

Барои режими манбаи хатари зиёд истисноҳои калидӣ чунинанд:

- исботи он ки манбаъ дар натиҷаи кирдори ғайриқонунии шахси сеюм аз ихтиёри соҳиб баромадааст; ҳамчунин, агар соҳиби манбаъ дар ғайриқонунӣ тасарруф шудан гуноҳ дошта бошад, ҷавобгарӣ метавонад байни онҳо тақсим шавад;
- ба ҳисоб гирифтани қасди ҷабрдида (ҷуброн намешавад) ва беэҳтиётии дағалонаи ҷабрдида (коҳиши ҷуброн, бо маҳдудиятҳо, махсусан дар зарари ҳаёт/саломатӣ).

Дар муносибатҳои шартномавӣ истифодаи зеҳни сунъӣ ба се нуқтаи ҳуқуқӣ таъсир мекунад:

Якум, **ҷуброни зиён аз вайрон кардани уҳдадорӣ**: созишномаи қаблан қабулшуда оид ба озод кардани қарздор аз ҷуброни зиён, ки аз вайронкунӣ ба вуҷуд меояд, беэътибор аст (бо имкони маҳдуд кардани масъулият то хисороти воқеӣ бо розигии тарафҳо). бояд дар чорчӯбаи иҷозатдода гузошта шавад.

Дуюм, **нархгузорӣ/баҳодиҳӣ**: қоидаҳои дар моддаи 453 овардашуда имкон медиҳанд, ки зиён бо нархҳои рӯзи даъво ё рӯзи санади судӣ ҳисоб карда шавад — ин дар баҳсҳои барқарорсозии система, киберамният, ё талафи истеҳсолот аз AI-фалокатҳо аҳаммият дорад.

Сеюм, **тақсимоти хавф дар шартномаҳои «AI-as-a-service»**: бо истифода аз аналогияи иҷораи воситаи нақлиёт, агар таъминкунанда идоракунии амалиёт ва амнияти «истифодаи бехатар»-ро нигоҳ дорад, эҳтимоли бар дӯши ӯ мондани ҷавобгарӣ дар назди шахси сеюм боло меравад.

Кодекс ҳолатеро пешбинӣ мекунад, ки агар шахс ҷавобгарии худро суғурта намудааст, вале маблағи суғурта барои ҷуброни пурра нокифоя аст, ӯ фарқи байни маблағи суғурта ва андозаи воқеии зарарро мепардозад. Ҳамзамон механизми регресс ба шахсе, ки воқеан зарар расондааст, дар моддаи 1206 ба таври равшан баён шудааст. [9]

Таҷрибаи байналмилалӣ ва пешниҳодҳои такмили қонунгузории Тоҷикистон

Бо назардошти матни моддаи 1204 (таърифи манбаъ ҳамчун қувваҳои физикӣ/кимиёвӣ/биологӣ) ва рушди AI-низомҳо, барои такмили қонунгузорӣ се хатти ислоҳот тавсия мешавад:

Аввал, **модернизатсияи мафҳум**: ворид кардани категорияи «низоми зеҳни сунъии дорои хавфи баланд» ҳамчун манбаи хатари зиёд ҳангоми истифода дар муҳитҳое, ки хавфи ҷисмонӣ, экологӣ ё хавфи ғайриқобили назорати инсонӣ ба вуҷуд меоранд. Ин ба ҳадафи Стратегияи миллӣ дар бораи ташаккули заминаи ҳуқуқӣ созгор аст. [14]

Дуюм, **муайян кардани субъектҳои масъулият бо «занҷири назорат»**: оператор ҳамчун «соҳиб» пешгӯӣ карда шавад; агар таҳиягар назорати амалиётӣ дошта бошад, режими «соҳибӣ» ё ҷавобгарии муштарак пешбинӣ гардад.

Сеюм, **исбот ва шаффофият**: эҷоди ӯҳдадории нигаҳдорӣ ва пешниҳоди ҳуҷҷатҳои техникӣ ба суд/эксперт; дар сурати пинҳонкунӣ — презумпсияи ба нафъи ҷабрдида татбиқ шавад. Ин роҳ ба таҷрибаи аврупоӣ дар сабуксозии бори исбот наздик аст.

Ҳамин тариқ, рушди босуръати технологияҳои рақамӣ дар асри XXI боиси пайдоиши воситаҳо ва низомҳое гардид, ки қобилияти таҳлил, омӯзиш ва қабули қарорҳоро дар асоси маълумоти ҷамъоваришуда доранд. Яке аз чунин падидаҳои муҳим зеҳни сунъӣ мебошад. Ин падида имрӯз дар бисёр бахшҳои ҳаёти ҷамъиятӣ, аз ҷумла иқтисод, истеҳсолот, хизматрасонӣ, нақлиёт, тандурустӣ, бонкдорӣ ва идоракунии давлатӣ истифода мешавад. Бо вуҷуди он ки истифодаи зеҳни сунъӣ барои рушди иқтисодӣ ва иҷтимоии давлат имкониятҳои васеъ фароҳам меорад, ҳамзамон хавфҳои муайянеро низ ба вуҷуд меорад. Аз ҷумла, масъалаи расонидани зарар ба шахсони воқеӣ, моликияти онҳо, муҳити зист ё манфиатҳои иқтисодӣ дар натиҷаи фаъолияти чунин низомҳо метавонад ба миён ояд.

Дар ҳамин замина, яке аз масъалаҳои муҳими ҳуқуқи маданӣ ин муайян намудани тартиби ҷавобгарӣ барои зараре мебошад, ки дар натиҷаи истифодаи зеҳни сунъӣ ба вуҷуд меояд. Қонунгузории амалкунандаи Ҷумҳурии Тоҷикистон аллакай низоми махсуси ҷавобгариро барои фаъолияти дорои хавфи баланд пешбинӣ намудааст. Ин низом дар қонунгузорӣ бо мафҳуми «манбаи хатари зиёд» ифода мегардад. Моҳияти чунин низом дар он аст, ки шахсе, ки фаъолияти дорои хавфи баландро анҷом медиҳад

ё чунин воситаҳоро истифода мебарад, ҳатто бе исботи гуноҳ барои зарари расонида ҷавобгар дониста мешавад.

Таҳлили меъёрҳои Кодекси мадании Ҷумҳурии Тоҷикистон нишон медиҳад, ки манбаи хатари зиёд асосан бо истифодаи қувваҳои физикӣ, кимиёвӣ ё биологӣ алоқаманд мебошад. Ба чунин манбаъҳо, масалан, воситаҳои нақлиёт, таҷҳизоти саноатӣ, иншооти энергетикӣ ва дигар воситаҳое дохил мешаванд, ки фаъолияти онҳо метавонад ба ҳаёт, саломатӣ ё моликияти одамон хавф эҷод намояд.

Зеҳни сунъӣ худ ба худ на ҳамеша манбаи хатари зиёд ҳисобида мешавад. Масалан, агар зеҳни сунъӣ танҳо ҳамчун барномаи таҳлилӣ ё ёрдамчии иттилоотӣ истифода шавад, он мустақиман ба ҳаёт ё саломатии инсон хавф эҷод намекунад. Аммо вақте ки чунин низомҳо дар якҷоягӣ бо таҷҳизоти техникӣ истифода мешаванд, вазъият тағйир меёбад. Масалан, дар ҳолате ки зеҳни сунъӣ идоракунии воситаи нақлиёт, роботҳои истеҳсолӣ, таҷҳизоти тиббӣ ё системаҳои энергетикиро ба уҳда мегирад, хавфи расонидани зарар метавонад ба таври назаррас зиёд гардад.

Аз ин рӯ, дар чунин ҳолатҳо на худи барнома, балки тамоми низоми техникӣ, ки зеҳни сунъиро истифода мебарад, метавонад ҳамчун фаъолияти дорои хавфи баланд арзёбӣ гардад. Дар ин ҳолат масъалаи асосӣ муайян намудани он аст, ки кадом шахс барои фаъолияти чунин низом ҷавобгар мебошад.

Қонунгузории маданӣ одатан ҷавобгариро ба зиммаи шахсе мегузорад, ки манбаи хатари зиёдро дар ихтиёр дорад ё фаъолияти онро идора мекунад. Ин метавонад соҳиби таҷҳизот, ташкилоте, ки низомро истифода мебарад, ё шахсе бошад, ки фаъолияти онро назорат менамояд. Ҳангоми муайян намудани чунин шахс ду омил аҳамияти калон доранд:

Якум, мавҷудияти асоси ҳуқуқӣ барои истифодаи таҷҳизот ё низом. Ин метавонад ҳуқуқи моликият, шартномаи иҷора, шартномаи хизматрасонӣ ё дигар асосҳои қонунӣ бошад.

Дуюм, назорати воқеӣ ба фаъолияти низом. Яъне муайян карда мешавад, ки кӣ дар амал фаъолияти онро идора мекунад, кӣ метавонад онро фаъол ё ғайрифаъол намояд ва кӣ аз натиҷаи фаъолияти он манфиат мегирад.

Яке аз мушкилоти асосӣ дар баҳсҳои марбут ба зеҳни сунъӣ масъалаи исботи сабаби расидани зарар мебошад. Бисёр вақт муайян кардани он ки маҳз кадом омил ба расонидани зарар оварда расонидааст, кори душвор мебошад. Сабаб метавонад хатои барнома, маълумоти нодурусти воридшуда, вайрон шудани таҷҳизоти техникӣ ё ҳатто хатои инсон бошад. Аз ин рӯ, дар чунин парвандаҳо аксаран экспертизаи техникӣ истифода мешавад.

Дар баробари ин, дар ҳолате ки фаъолияти дорои хавфи баланд истифода мешавад, қонунгузорӣ бори исботро асосан ба зиммаи шахсе мегузорад, ки чунин фаъолиятро анҷом медиҳад. Яъне ӯ бояд исбот намояд, ки зарар аз сабаби ҳолатҳои ғайричашмдошт ё қасди худи ҷабрдида ба вуҷуд омадааст.

Дар солҳои охир дар Ҷумҳурии Тоҷикистон низ ба рушди зеҳни сунъӣ диққати бештар дода мешавад. Қабули Стратегияи рушди зеҳни сунъӣ барои давраи то соли 2040 нишон медиҳад, ки давлат аҳамияти ин технологияҳоро барои рушди иқтисод ва идоракунии давлатӣ дарк намудааст. Ҳадафи асосии чунин стратегия рушди технологияҳои рақамӣ, баланд бардоштани самаранокии идоракунии давлатӣ ва беҳтар намудани сифати хизматрасониҳо мебошад.

Дар маҷмӯъ метавон хулоса кард, ки зеҳни сунъӣ яке аз падидаҳои муҳими рушди ҷомеаи муосир мебошад. Он метавонад имкониятҳои васеъ барои рушди иқтисодӣ, баланд бардоштани самаранокии истеҳсолот ва беҳтар намудани сифати хизматрасониҳо фароҳам оварад. Аммо ҳамзамон истифодаи он метавонад хавфҳои муайяни ҳуқуқӣ ва иҷтимоиро низ ба вуҷуд оварад.

Аз ин рӯ, вазифаи асосии ҳуқуқи маданӣ дар шароити рушди чунин технологияҳо таъмин намудани мувозинат байни рушди технологӣ ва ҳифзи ҳуқуқу манфиатҳои

инсон мебошад. Танҳо дар чунин ҳолат истифодаи зеҳни сунъӣ метавонад ба рушди устувори ҷомеа ва иқтисодиёти Ҷумҳурии Тоҷикистон мусоидат намояд.

АДАБИЁТИ ИСТИФОДАШУДА

1. Санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ

1. Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон. Қабулшуда 6 ноябри соли 1994 (бо тағйиру иловаҳо то 22 майи соли 2016). Душанбе.
2. Кодекси мадании Ҷумҳурии Тоҷикистон. Қабулшуда 1 июли соли 2023. Душанбе.
3. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи ҳифзи муҳити зист». Бо тағйиру иловаҳо. Душанбе.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 от 30 ноября 1994 г.; Часть 2 от 26 января 1996 г.
5. Федеральный закон Российской Федерации «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г.

2. Адабиёти илмӣ

6. Агарков М.М. Обязательства по гражданскому праву. М., 1980.
7. Антимонов Б.С. Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. М.: Изд-во юридической литературы, 1952.
8. Белякова А.Н. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда: теория и практика. М., 1999.
9. Боголюбов С.А. Новый гражданский кодекс и охрана окружающей среды // Государство и право. 1995. №10.
10. Боголюбов С.А., Пахомова Н.В. Правовые проблемы охраны окружающей среды в СНГ // Государство и право. 1995. №8.
11. Боголюбов С.А., Емельянова В.Г., Жариков Ю.Г., Панкратов И.Ф. Комментарий к законодательству об охране окружающей природной среды и практике его применения // Законодательство и экономика. 1995. №21–22.
12. Комментарий к Федеральному закону «Об экологической экспертизе». М.: ЮСТИЦИНФОРМ, 2006.

Истинодҳо:

[1] Стратегияи рушди зеҳни сунъӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои давраи то соли 2040. Душанбе, 2022. Дастрас: https://investcom.tj/uploads/post_docs/49/LCKoinkuWf2M.pdf

[2] Кодекси мадании Ҷумҳурии Тоҷикистон. Душанбе, 2023. Дастрас: https://mmk.tj/content/кодекси-мадании-ҷумҳурии-тоҷикистон

[3] Кодекси мадании Ҷумҳурии Тоҷикистон.

[4] Кодекси мадании Ҷумҳурии Тоҷикистон.

[5] Кодекси мадании Ҷумҳурии Тоҷикистон.

[6] Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи ҳифзи маълумоти шахсӣ». Душанбе. Дастрас: https://mmk.tj/content/дар-бораи-ҳифзи-маълумоти-шахсӣ

Стратегияи рушди зеҳни сунъӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои давраи то соли 2040.

[7] Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи ҳифзи муҳити зист». Душанбе. Дастрас: https://mmk.tj/content/қонуни-ҷумҳурии-тоҷикистон-дар-бораи-ҳифзи-муҳити-зист

[8] Кодекси мадании Ҷумҳурии Тоҷикистон.

[9] Кодекси мадании Ҷумҳурии Тоҷикистон.

[10] Кодекси мадании Ҷумҳурии Тоҷикистон.

[11] Кодекси мадании Ҷумҳурии Тоҷикистон.

[12] Кодекси мадании Ҷумҳурии Тоҷикистон.

[13] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council on Artificial Intelligence (EU AI Act). Дастрас: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng
[14] Directive (EU) 2024/2853 on liability for defective products. Дастрас: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/2853/oj/eng

УДК: 347:004:346

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

САНГИНЗОДА ДОНИЁР ШОМАХМАД
Таджикский национальный университет, профессор кафедры предпринимательского и коммерческого права юридического факультета, доктор юридических наук. Тел.: (+992) 980-85-07-07; E-mail: doniyor_sanginov@mail.ru

Аннотация. В статье проводится комплексный сравнительно-правовой анализ законодательства Республики Таджикистан и ведущих зарубежных государств в сфере правового регулирования цифровых платформ. Автор исследует понятие и правовую природу цифровых платформ, анализирует действующую нормативно-правовую базу Таджикистана, включая Гражданский кодекс РТ, Закон РТ «Об электронной коммерции» и Закон РТ «О персональных данных». На основе изучения опыта Европейского Союза (Digital Services Act), США (Section 230 CDA), Китайской Народной Республики, Российской Федерации, а также работ ведущих ученых формулируются предложения по совершенствованию национального законодательства. Особое внимание уделяется вопросам ответственности операторов цифровых платформ, модерации контента, защиты персональных данных и определения правового статуса информационных посредников.

Ключевые слова: цифровые платформы, виртуальное пространство, предпринимательская деятельность, ответственность, сравнительно-правовой анализ, электронная коммерция, правовое регулирование, искусственный интеллект, цифровой суверенитет.

ТАНЗИМИ ҲУҚУҚИИ ПЛАТФОРМАҲОИ РАҚАМӢ ВА ҶАВОБГАРИИ СУБЪЕКТОНИ ФАЪОЛИЯТИ СОҲИБКОРӢ ДАР ФАЗОИ ВИРТУАЛӢ: ТАҲЛИЛИ МУҚОИСАВИИ ҲУҚУҚИИ ҚОНУНГУЗОРИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН ВА ДАВЛАТҲОИ ХОРИҶӢ

САНГИНЗОДА ДОНИЁР ШОМАҲМАД
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, профессори кафедраи ҳуқуқи соҳибкорӣ ва тиҷоратии факултети ҳуқуқшиносӣ, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ.
Тел.: (+992) 980-85-07-07; E-mail: doniyor_sanginov@mail.ru

Дар мақола таҳлили ҳамаҷонибаи муқоисавии ҳуқуқии қонунгузории Ҷумҳурии Тоҷикистон ва давлатҳои пешрафтаи хориҷӣ дар соҳаи танзими ҳуқуқии платформаҳои рақамӣ анҷом дода мешавад. Муаллиф мафҳум ва табиати ҳуқуқии платформаҳои рақамиро таҳқиқ намуда, заминаи амалкунандаи меъёрии ҳуқуқии Тоҷикистон, аз ҷумла Кодекси мадании Ҷумҳурии Тоҷикистон, Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи тиҷорати электронӣ» ва Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи ҳифзи маълумоти шахсӣ»-ро таҳлил менамояд. Дар асоси омӯзиши таҷрибаи Иттиҳоди Аврупо (Digital Services Act), Иёлоти Муттаҳидаи Амрико (Section 230 CDA), Ҷумҳурии Халқии Хитой, Федератсияи Россия, инчунин осори олимони пешбар пешниҳодҳо оид ба такмили қонунгузории миллӣ пешниҳод мегарданд. Таваҷҷуҳи махсус ба масъалаҳои ҷавобгарии операторони платформаҳои рақамӣ, модератсияи

мундарича, ҳифзи маълумоти шахсӣ ва муайян намудани мақоми ҳуқуқии миёнаравони иттилоотӣ равона шудааст.

Калидвожаҳо: платформаҳои рақамӣ, фазои виртуалӣ, фаъолияти соҳибкорӣ, ҷавобгарӣ, таҳлили муқоисавии ҳуқуқӣ, тиҷорати электронӣ, танзими ҳуқуқӣ, зеҳни сунъӣ, соҳибихтиёрии рақамӣ.

LEGAL REGULATION OF DIGITAL PLATFORMS AND LIABILITY OF BUSINESS ENTITIES IN THE VIRTUAL SPACE: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN AND FOREIGN STATES

SANGINZODA DONIYOR SHOMAKHMAD
Tajik National University, Professor of the Department of Business and Commercial Law, Faculty of Law, Doctor of Law. Tel.: (+992) 980-85-07-07; E-mail: doniyor_sanginov@mail.ru

The article provides a comprehensive comparative legal analysis of the legislation of the Republic of Tajikistan and leading foreign countries in the field of legal regulation of digital platforms. The author examines the concept and legal nature of digital platforms and analyzes the current regulatory framework of Tajikistan, including the Civil Code of the Republic of Tajikistan, the Law “On Electronic Commerce”, and the Law “On Personal Data”. Based on the study of the experience of the European Union (Digital Services Act), the United States (Section 230 CDA), the People’s Republic of China, the Russian Federation, as well as the works of leading scholars, proposals for improving national legislation are formulated. Particular attention is paid to the issues of liability of digital platform operators, content moderation, protection of personal data, and the determination of the legal status of information intermediaries.

Keywords: digital platforms, virtual space, entrepreneurial activity, liability, comparative legal analysis, electronic commerce, legal regulation, artificial intelligence, digital sovereignty.

Цифровая трансформация экономики, наблюдаемая в последние десятилетия, привела к кардинальным изменениям в организации предпринимательской деятельности. Цифровые платформы стали неотъемлемым элементом современного хозяйственного оборота, выступая в роли посредников между продавцами и покупателями, создавая новые модели ведения бизнеса и формируя экосистемы, объединяющие миллионы участников по всему миру. Как справедливо отмечают С.Ю. Филиппова и Ю.С. Харитонова, «цифровые платформы представляют собой не просто технологические решения, но самостоятельный феномен, требующий переосмысления традиционных подходов к правовому регулированию» [28, с. 60].

В этих условиях возникает объективная потребность в формировании эффективной системы правового регулирования деятельности цифровых платформ и определения границ ответственности субъектов предпринимательской деятельности, функционирующих в виртуальном пространстве. Республика Таджикистан, следуя общемировым тенденциям цифровизации, также предпринимает шаги по созданию нормативно-правовой базы, регулирующей отношения в сфере электронной коммерции и цифровых услуг. Однако, как показывает практика, существующее законодательство требует дальнейшего совершенствования с учетом передового зарубежного опыта.

«Цифровой суверенитет государства становится одним из ключевых факторов обеспечения национальной безопасности и устойчивого экономического развития. В условиях глобальной цифровой трансформации особенно важно создать сбалансированную правовую модель, которая, с одной стороны, обеспечит защиту прав

граждан и предпринимателей, а с другой – не будет создавать избыточных барьеров для инновационного развития» [26, с. 18].

В современной юридической науке отсутствует единое универсальное определение понятия «цифровая платформа». Как справедливо отмечает О.В. Жевняк, «многозначность данного термина обусловлена многообразием форм и моделей функционирования таких платформ, которые могут выступать как в качестве торговых площадок, так и в качестве социальных сетей, поисковых систем, агрегаторов услуг и иных форм» [17, с. 98].

В зарубежной доктрине под цифровой платформой преимущественно понимается технологическая инфраструктура, обеспечивающая взаимодействие между различными группами пользователей (продавцами и покупателями, поставщиками услуг и потребителями, работодателями и работниками) посредством информационно-телекоммуникационных сетей. При этом, как отмечают Л.К. Попова, Е.С. Акопова и И.Н. Борисова, «цифровые платформы формируют новую экономическую реальность, в которой традиционные границы между отраслями и рынками стираются, уступая место экосистемному подходу к ведению бизнеса» [20, с. 373].

Законодательство Европейского Союза в Регламенте (ЕС) 2022/2065 Европейского парламента и Совета от 19 октября 2022 года «О едином рынке цифровых услуг» (Digital Services Act — DSA) вводит легальное определение понятия «посредническая услуга» (intermediary service), охватывающее широкий спектр цифровых услуг, включая услуги хостинга, онлайн-платформы, поисковые системы. В соответствии со статьей 3 DSA, «онлайн-платформа» определяется как услуга хостинга, которая, по запросу получателя услуги, хранит и распространяет информацию для общественности, если такая деятельность не является второстепенной по отношению к другой услуге [8].

В Российской Федерации легальное определение цифровой платформы в федеральном законодательстве отсутствует, однако доктринальные подходы и проекты нормативных актов предлагают различные варианты. Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» оперирует понятием «информационная система», в рамках которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов [14].

Законодательство Китайской Народной Республики, одной из стран-лидеров в сфере регулирования цифровых платформ, в «Положениях о предотвращении монополистической практики на платформенной экономике» (2021) определяет платформенную экономику как экономическую модель, основанную на интернет-технологиях, которая способствует взаимодействию нескольких сторон и предоставляет услуги посредничества. «Китайская модель регулирования искусственного интеллекта и цифровых платформ характеризуется высоким уровнем государственного контроля при одновременной поддержке инновационного развития» [21].

Законодательство Республики Таджикистан также не содержит единого легального определения понятия «цифровая платформа». Вместе с тем, ряд нормативных правовых актов регулирует отношения, связанные с функционированием цифровых платформ, используя смежные понятия.

Закон Республики Таджикистан от 13 декабря 2013 года № 1031 «Об электронной коммерции» (в редакции от 30 июля 2020 года) является основным нормативным актом, регулирующим отношения в сфере электронной торговли [4]. Статья 1 указанного Закона определяет электронную коммерцию как «предпринимательскую деятельность в сфере электронной торговли, осуществляемую посредством совершения гражданско-правовых сделок с использованием электронных средств обмена

информацией». Однако непосредственно понятие «цифровая платформа» в данном законе не раскрывается.

В статье 2 Закона «Об электронной коммерции» закреплено, что участниками электронной коммерции являются:

- продавец (лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность по продаже товаров, выполнению работ или оказанию услуг с использованием электронной коммерции);
- покупатель (лицо, приобретающее товары, работы, услуги для предпринимательских или потребительских целей);
- посредник (лицо, осуществляющее деятельность по организации электронной коммерции путем предоставления возможности размещения информации о товарах, работах, услугах на электронной торговой площадке и (или) доступа к такой информации) [4].

Данное определение позволяет отнести операторов электронных торговых площадок к категории цифровых платформ, выполняющих посреднические функции. Однако, как справедливо отмечает Г.М. Олевский, «информационно-коммуникационная составляющая современного предпринимательства выходит далеко за рамки традиционной электронной торговли, охватывая все больше сфер экономической деятельности» [19, с. 35].

Закон Республики Таджикистан от 3 июля 2018 года № 1529 «О персональных данных» также имеет значение для регулирования деятельности цифровых платформ, поскольку их функционирование неразрывно связано со сбором, обработкой и хранением персональных данных пользователей [5].

Важное значение для регулирования цифровых платформ имеет Гражданский кодекс Республики Таджикистан [1]. Статья 136 ГК РТ определяет виды объектов гражданских прав, относя к имущественным благам и правам, в частности, «охраняемую информацию, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации (интеллектуальная собственность), имущественные права и другое имущество, в том числе безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги».

Таким образом, на настоящий момент в законодательстве Республики Таджикистан отсутствует системное регулирование деятельности цифровых платформ, что создает определенные сложности как для правоприменительной практики, так и для самих субъектов предпринимательской деятельности. Вместе с тем, «Стратегия развития искусственного интеллекта в Республике Таджикистан на период до 2040 года создает необходимые предпосылки для формирования современной правовой базы в сфере цифровой экономики» [25].

Закон Республики Таджикистан «Об электронной коммерции» от 13 декабря 2013 года № 1031 (в редакции от 30 июля 2020 года) является основным нормативным актом, регулирующим отношения в сфере цифровой торговли. Структурно закон состоит из 5 глав и 22 статей и регулирует вопросы понятия и форм электронной коммерции, требований к сделкам, совершаемым с использованием электронной коммерции, правил использования электронной подписи, прав и обязанностей участников электронной коммерции, а также государственного регулирования в этой сфере [4].

Статья 10 Закона «Об электронной коммерции» закрепляет, что продавец обязан предоставлять покупателю достоверную информацию о товарах, работах, услугах, включая сведения о своем наименовании, месте нахождения, государственной регистрации, а также о цене и условиях приобретения товаров. Посредник в электронной коммерции обязан обеспечивать техническую возможность для совершения сделок и размещения информации, а также обеспечивать сохранность информации о сделках в течение сроков, установленных законодательством.

Вместе с тем, анализ закона выявляет ряд пробелов. Как справедливо отмечают С.Ю. Филиппова и Ю.С. Харитонова, «современное законодательство о цифровых платформах должно учитывать не только вопросы заключения и исполнения договоров, но и более широкий круг отношений, включая модерацию контента, алгоритмическую прозрачность, управление системными рисками» [28, с. 68].

Первый пробел касается отсутствия положений о модерации контента. Закон не устанавливает обязанности операторов платформ по контролю за размещаемой информацией и реагированию на незаконный контент. Второй пробел связан с отсутствием требований к прозрачности алгоритмов. В отличие от DSA, который требует раскрытия информации о работе рекомендательных систем, таджикское законодательство не регулирует данный вопрос. Третий пробел заключается в ограниченном применении закона, который преимущественно ориентирован на регулирование электронной коммерции в узком смысле (купля-продажа товаров), не охватывая иные модели цифровых платформ (социальные сети, платформы совместного потребления, краудфандинговые платформы).

Закон Республики Таджикистан «О персональных данных» от 3 июля 2018 года № 1529 устанавливает правовые основы обработки персональных данных, что имеет прямое отношение к деятельности цифровых платформ [5].

Ключевые положения Закона включают: принципы обработки персональных данных (законность, справедливость, ограничение обработки достижением конкретных целей, соответствие содержания и объема обрабатываемых данных целям обработки); требования к согласию субъекта персональных данных (обработка персональных данных допускается только с согласия субъекта); права субъекта персональных данных (право на доступ к своим данным, на их уточнение, блокирование или уничтожение); обязанности оператора (обязанность принимать меры по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке).

Вместе с тем, Закон «О персональных данных» не содержит специальных положений, учитывающих специфику деятельности цифровых платформ. «Вопросы трансграничной передачи данных, использования алгоритмической обработки персональных данных, а также особенности получения согласия в электронной форме требуют отдельного правового регулирования с учетом международного опыта» [27, с. 90].

Анализ Гражданского кодекса Республики Таджикистан позволяет выделить ряд положений, имеющих значение для регулирования цифровых платформ [1].

Статья 174 ГК РТ (часть 3) устанавливает, что «использование при совершении сделок факсимильного воспроизведения подписи с помощью средств механического или иного копирования, электронной подписи либо иного аналога собственноручной подписи допускается в случаях и в порядке, предусмотренными законодательством или соглашением сторон». Часть 4 той же статьи устанавливает, что «к совершению сделки в письменной форме приравнивается обмен письмами, телеграммами и другими документами, в том числе электронными докумен... посредством сети электрической связи, определяющими субъектов и содержание их волеизъявления» [1].

Статья 500 ГК РТ (часть 2) развивает эти положения, устанавливая, что «договор в письменной форме заключается путем составления одного документа, подписанного сторонами, а также путем обмена писем, телеграмм и других документов, в том числе электронных документов посредством сети электрической связи, позволяющей достоверно установить, что документ исходит из стороны по договору» [1].

Важное значение имеет также статья 1251 ГК РТ, которая устанавливает особенности ответственности за нарушение прав на интеллектуальную собственность в информационно-телекоммуникационной сети. Данная статья определяет понятие информационного посредника и устанавливает условия освобождения информационного посредника от ответственности [1].

Как справедливо отмечает Н.А. Александров, «институт безвиновной гражданско-правовой ответственности в сфере цифровой экономики требует особого подхода, учитывающего специфику деятельности информационных посредников и невозможность осуществления ими тотального контроля за всеми действиями пользователей» [16, с. 9].

Наиболее прогрессивной и комплексной моделью регулирования цифровых платформ на сегодняшний день является подход, реализованный в Европейском Союзе. Регламент (ЕС) 2022/2065 «О едином рынке цифровых услуг» (Digital Services Act), вступивший в силу 16 ноября 2022 года и подлежащий прямому применению во всех государствах-членах ЕС, устанавливает единые правила для посреднических услуг в цифровой среде [8].

Ключевые положения DSA включают:

1. Дифференциация обязанностей в зависимости от типа и размера платформы. Регламент выделяет несколько категорий: посреднические услуги, услуги хостинга, онлайн-платформы, а также очень крупные онлайн-платформы (VLOP) и очень крупные поисковые системы (VLOSE), которые обслуживают не менее 45 миллионов активных пользователей в месяц в ЕС.

2. Обязанности по модерации контента. Статья 14 DSA обязывает платформы предоставлять пользователям четкую информацию о правилах модерации контента. Статья 17 устанавливает, что решения о блокировке или удалении контента должны приниматься с соблюдением принципов прозрачности и предоставления возможности обжалования.

3. Требования к прозрачности. Платформы обязаны публиковать отчеты о модерации контента, а также предоставлять информацию о механизмах работы алгоритмических рекомендательных систем.

4. Управление системными рисками. Для VLOP устанавливаются дополнительные обязанности по выявлению, анализу и минимизации системных рисков, связанных с распространением незаконного контента, дезинформации, а также рисков для общественной безопасности и прав несовершеннолетних.

Как отмечает П.С. Исакова, «европейская модель регулирования цифровых платформ демонстрирует сбалансированный подход, сочетающий защиту прав пользователей с созданием благоприятных условий для развития цифровой экономики» [18, с. 284].

В Соединенных Штатах Америки основным нормативным актом, определяющим правовой режим ответственности цифровых платформ, является Section 230 of the Communications Decency Act (CDA) 1996 года. Согласно данному положению, «ни один поставщик или пользователь интерактивной компьютерной службы не должен рассматриваться в качестве издателя или лица, произносящего речь, в отношении любой информации, предоставленной другим поставщиком информационного контента» [10].

Указанное положение предоставляет цифровым платформам широкий иммунитет от ответственности за контент, размещаемый пользователями. В отличие от европейского подхода, который фокусируется на активной обязанности платформ по управлению рисками, американская модель исходит из принципа, что платформы не должны нести ответственность за действия третьих лиц.

Однако в последние годы в США наблюдается тенденция к пересмотру данного подхода. В 2018 году был принят FOSTA (Fight Online Sex Trafficking Act) — SESTA (Stop Enabling Sex Traffickers Act), который внес изменения в Section 230, исключив иммунитет для платформ, способствующих сексуальной торговле.

Китайская Народная Республика демонстрирует модель активного государственного регулирования цифровых платформ, характеризующуюся высоким уровнем детализации требований и строгими мерами ответственности.

Основные нормативные акты в данной сфере включают:

- Закон КНР «Об электронной коммерции» (2018) — первый в мире комплексный закон, специально посвященный регулированию электронной коммерции. Закон устанавливает обязанности платформ по проверке информации о продавцах, обеспечению безопасности транзакций, защите прав потребителей и интеллектуальной собственности [11].

- «Руководящие принципы по предотвращению монополистической практики на платформенной экономике» (2021) — документ, направленный на ограничение злоупотреблений доминирующим положением со стороны крупных цифровых платформ.

- Закон КНР «О защите персональных данных» (2021) — устанавливает строгие требования к обработке персональных данных, включая необходимость получения согласия пользователей и обеспечения локализации данных на территории Китая [12].

Особенностью китайской модели является требование о локализации данных — операторы цифровых платформ обязаны хранить персональные данные китайских граждан на серверах, расположенных на территории КНР. Как отмечает Д.Ш. Сангинзода, «китайский опыт показывает, что активное государственное регулирование цифровой сферы может сочетаться с высокими темпами развития технологий и инноваций» [21].

В Российской Федерации система правового регулирования цифровых платформ находится на стадии активного формирования. Основными нормативными актами являются:

- Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» — содержит базовые положения о распространении информации в сети Интернет, обязанностях операторов информационных систем, а также механизмы ограничения доступа к информации [13].

- Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций» — создает правовую основу для тестирования новых технологий, включая платформенные решения, в условиях, допускающих отступление от общих требований законодательства.

- Федеральный закон от 27 июня 2018 года № 149-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» — ввел понятие «организатор распространения информации в сети Интернет», на которого возлагаются обязанности по хранению информации о фактах приема, передачи, доставки и обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или иных электронных сообщений пользователей.

Российское законодательство также предусматривает обязанность иностранных интернет-компаний, осуществляющих деятельность на территории РФ, открывать представительства и обеспечивать соблюдение требований российского законодательства.

Гражданско-правовая ответственность операторов цифровых платформ возникает в связи с нарушением договорных обязательств перед пользователями либо причинением вреда.

В соответствии со статьей 396 Гражданского кодекса Республики Таджикистан, лицо, не исполнившее обязательство либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда законом или договором предусмотрены иные основания ответственности [1].

Особенностью деятельности цифровых платформ является то, что оператор платформы часто выступает не стороной сделки между продавцом и покупателем, а лишь посредником, обеспечивающим техническую возможность для ее совершения. В таких случаях вопрос о том, может ли оператор платформы быть привлечен к

ответственности за неисполнение обязательств продавцом перед покупателем, является дискуссионным.

Как справедливо отмечает Н.А. Александров, «в сфере цифровой экономики все большее значение приобретает институт безвиновной ответственности, который позволяет обеспечить защиту прав потребителей в тех случаях, когда установление вины конкретного лица затруднено или невозможно» [16, с. 11].

Статья 1251 ГК РТ устанавливает специальные правила об ответственности информационных посредников за нарушение прав на интеллектуальную собственность. Согласно части 1 статьи 1251, «лицо, передающее материал в информационно-телекоммуникационную сеть, в том числе в сети интернет, лицо, предоставляющее возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети, лицо, предоставляющее возможность доступа к материалу в этой сети является информационным посредником и несет ответственность за нарушение прав на интеллектуальную собственность... на общих основаниях, предусмотренных данным Кодексом, при наличии вины с учетом особенностей, установленных частями 2 и 3 настоящей статьи» [1].

Части 2 и 3 статьи 1251 ГК РТ устанавливают условия освобождения информационного посредника от ответственности. В частности, информационный посредник, передающий материал в сеть, не несет ответственности, если он не является инициатором передачи, не определяет получателя, не изменяет материал, не знал и не должен был знать о неправомерности использования. Информационный посредник, предоставляющий возможность размещения материала, не несет ответственности, если он не знал и не должен был знать о неправомерности использования и своевременно принял меры для прекращения нарушения при получении заявления правообладателя [1].

«Вопросы ответственности за действия искусственного интеллекта и автономных систем требуют переосмысления традиционных подходов к установлению субъекта ответственности и определению его вины» [22, с. 140].

На основе проведенного сравнительно-правового анализа представляется возможным выделить следующие направления совершенствования законодательства Республики Таджикистан в сфере правового регулирования цифровых платформ и ответственности субъектов предпринимательской деятельности в виртуальном пространстве.

Целесообразным представляется разработка и принятие Закона Республики Таджикистан «О цифровых платформах и регулировании цифровой среды», который бы комплексно урегулировал отношения, связанные с функционированием цифровых платформ.

Предлагаемая структура такого закона могла бы включать:

1. Общие положения: понятие цифровой платформы, виды цифровых платформ, сфера применения закона.

2. Правовой статус операторов цифровых платформ: требования к регистрации, права и обязанности операторов.

3. Требования к модерации контента: процедуры уведомления и удаления незаконного контента, механизмы обжалования решений платформы.

4. Требования к прозрачности: раскрытие информации об алгоритмах работы рекомендательных систем, публичная отчетность о модерации контента.

5. Ответственность операторов цифровых платформ: основания и пределы ответственности за контент пользователей, за транзакции, за нарушение прав потребителей.

6. Защита прав пользователей: право на доступ к информации, право на обжалование решений платформы, механизмы альтернативного разрешения споров.

Как отмечают С.Ю. Филиппова и Ю.С. Харитонова, «при разработке законодательства о цифровых платформах важно учитывать не только технологические особенности их функционирования, но и экономическую сущность платформенных отношений, которые выходят за рамки традиционных договорных конструкций» [28, с. 72].

Закон РТ «Об электронной коммерции» требует обновления с учетом современных реалий. В частности, предлагается:

1. Уточнить понятийный аппарат, включив легальные определения цифровой платформы, онлайн-платформы, электронной торговой площадки, посредника.

2. Установить требования к договорам, заключаемым с использованием цифровых платформ, включая особенности заключения договоров присоединения, порядок изменения условий договора, требования к информации, предоставляемой пользователям.

3. Ввести положения о модерации контента, установив обязанность платформ рассматривать уведомления о незаконном контенте и принимать меры по его удалению.

Закон РТ «О персональных данных» требует дополнения положениями, учитывающими специфику обработки данных цифровыми платформами:

1. Регулирование трансграничной передачи данных — установление условий и ограничений для передачи персональных данных пользователей за пределы Республики Таджикистан.

2. Особенности получения согласия в электронной форме — требования к форме согласия, возможность отзыва согласия, запрет на использование предварительно отмеченных чек-боксов.

3. Права субъектов в контексте автоматизированной обработки — право не подвергаться решению, основанному исключительно на автоматизированной обработке данных, включая профилирование.

Для обеспечения эффективной реализации новых требований предлагается дополнить Кодекс об административных правонарушениях и Уголовный кодекс РТ составами правонарушений, связанных с нарушением требований к деятельности цифровых платформ:

1. Нарушение правил модерации контента.

2. Нарушение требований к прозрачности.

3. Нарушение требований к обработке персональных данных.

4. Нарушение требований к договорам, заключаемым с использованием цифровых платформ.

Проведенный сравнительно-правовой анализ законодательства Республики Таджикистан и зарубежных государств в сфере правового регулирования цифровых платформ и ответственности субъектов предпринимательской деятельности в виртуальном пространстве позволяет сделать следующие выводы.

1. Пробельность национального законодательства. Законодательство Республики Таджикистан не содержит комплексного регулирования деятельности цифровых платформ. Основной нормативный акт в данной сфере — Закон «Об электронной коммерции» — был принят в 2013 году и не учитывает современных реалий развития цифровой экономики, включая многообразие моделей цифровых платформ, вопросы модерации контента, алгоритмической прозрачности, ответственности платформ за действия пользователей.

2. Дифференциация зарубежных подходов. В зарубежных государствах сформировались различные модели регулирования цифровых платформ. Европейский Союз избрал путь комплексного регулирования с дифференциацией обязанностей в зависимости от типа и размера платформы (Digital Services Act). Соединенные Штаты Америки сохраняют модель широкого иммунитета платформ от ответственности (Section 230 CDA). Китайская Народная Республика демонстрирует модель активного

государственного регулирования с высокими требованиями к локализации данных и ответственности платформ. Российская Федерация находится на стадии формирования системы регулирования с акцентом на требования к организаторам распространения информации и локализации данных.

3. Необходимость системных изменений. Для обеспечения эффективного регулирования цифровых платформ и защиты прав участников оборота в виртуальном пространстве Республике Таджикистан необходимы системные изменения законодательства. Целесообразным представляется разработка и принятие специализированного закона о цифровых платформах, который бы комплексно урегулировал вопросы правового статуса операторов платформ, модерации контента, прозрачности алгоритмов, ответственности платформ, защиты прав пользователей.

4. Учет международного опыта. При разработке законодательных изменений целесообразно учитывать положительный опыт зарубежных государств, адаптируя его с учетом национальных особенностей, уровня развития цифровой экономики и правовой системы Таджикистана. Особый интерес представляет опыт Европейского Союза, который разработал наиболее проработанную и сбалансированную систему регулирования, обеспечивающую как защиту прав пользователей, так и создание благоприятных условий для развития цифровой экономики.

В заключение следует отметить, что вопросы правового регулирования цифровых платформ и ответственности субъектов предпринимательской деятельности в виртуальном пространстве имеют не только теоретическое, но и важное практическое значение. От того, насколько эффективно будет урегулирована данная сфера, зависит развитие цифровой экономики Таджикистана, защита прав предпринимателей и потребителей, а также обеспечение национальных интересов в условиях глобальной цифровой трансформации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гражданский кодекс Республики Таджикистан: [принят Законом Республики Таджикистан от 24 декабря 2022 г. № 1918]: (часть первая): (с изм. и доп. по состоянию на 2025 г.) / Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан. – URL: https://mmk.tj (дата обращения: 23.03.2026).

2. Уголовный кодекс Республики Таджикистан: [принят Законом Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574] : (с изм. и доп. по состоянию на 2025 г.) / Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан. – URL: https://mmk.tj (дата обращения: 23.03.2026).

3. Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях : [принят Законом Республики Таджикистан от 31 декабря 2008 г. № 456] : (с изм. и доп. по состоянию на 2025 г.) / Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан. – URL: https://mmk.tj (дата обращения: 23.03.2026).

4. Об электронной коммерции : Закон Республики Таджикистан от 13 декабря 2013 г. № 1031 : (ред. от 30 июля 2020 г.) / Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан. – URL: https://mmk.tj (дата обращения: 23.03.2026).

5. О персональных данных: Закон Республики Таджикистан от 3 июля 2018 г. № 1529: (с изм. и доп. по состоянию на 2025 г.) / Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан. – URL: https://mmk.tj (дата обращения: 23.03.2026).

6. Об информации: Закон Республики Таджикистан от 10 мая 2002 г. № 33: (ред. от 2024 г.) / Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан. – URL: https://mmk.tj (дата обращения: 23.03.2026).

7. Об электронной подписи: Закон Республики Таджикистан от 20 марта 2008 г. № 371: (с изм. и доп. по состоянию на 2025 г.) / Национальный центр законодательства

при Президенте Республики Таджикистан. – URL: https://mmk.tj (дата обращения: 23.03.2026).

8. Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) // Official Journal of the European Union. – 2022. – L 277. – P. 1–102. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32022R2065 (дата обращения: 23.03.2026).

9. Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market (Directive on electronic commerce) // Official Journal of the European Communities. – 2000. – L 178. – P. 1–16. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32000L0031 (дата обращения: 23.03.2026).

10. Communications Decency Act of 1996, Section 230 (47 U.S.C. § 230). – URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/47/230 (дата обращения: 23.03.2026).

11. Electronic Commerce Law of the People‘s Republic of China : [adopted at the 5th Session of the Standing Committee of the 13th National People‘s Congress on August 31, 2018]. – URL: https://www.chinalawtranslate.com/en/e-commerce-law/ (дата обращения: 23.03.2026).

12. Personal Information Protection Law of the People’s Republic of China : [adopted at the 30th Session of the Standing Committee of the 13th National People‘s Congress on August 20, 2021]. – URL: https://www.chinalawtranslate.com/en/personal-information-protection-law/ (дата обращения: 23.03.2026).

13. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ : (ред. от 2025 г.) / Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 23.03.2026).

14. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ : (ред. от 2025 г.) / Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 23.03.2026).

15. О персональных данных : Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ : (ред. от 2025 г.) / Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 23.03.2026).

16. Александров Н.А. Правовая природа безвиновной гражданско-правовой ответственности субъектов предпринимательской деятельности / Н.А. Александров // Моя профессиональная карьера. – 2024. – Т. 1, № 61. – С. 6–13.

17. Жевняк О.В. Цифровые платформы как вид экономических рыночных отношений и отражение этого аспекта в правовом режиме цифровых платформ / О.В. Жевняк // Юридические исследования. – 2023. – № 8. – С. 96–127.

18. Исакова П.С. Перспективы юридической ответственности субъектов предпринимательской деятельности / П.С. Исакова // Пермский период : сборник материалов XI Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов образовательных организаций, посвященного 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. – Пермь, 2024. – С. 284–285.

19. Олевский Г.М. Информационно-коммуникационная составляющая современного предпринимательства / Г.М. Олевский // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 10. – С. 30–39.

20. Попова Л.К. Цифровая эпоха бизнеса: цифровые платформы и экосистемы / Л.К. Попова, Е.С. Акопова, И.Н. Борисова // Цифровая революция в логистике: эффекты, конгломераты и точки роста : материалы международной научно-

практической конференции. XIV Южно-Российский логистический форум. – Ростов-на-Дону, 2018. – С. 372–376.

21. Сангинзода Д.Ш. Использование искусственного интеллекта в Китайской Народной Республике: правовые аспекты. Электронный ресурс: https://osiyoavrupo.tj/. [Дата публикации: 03.06.2025].

22. Сангинзода Д.Ш. Ответственность за действия искусственного интеллекта: правовые, этические и технологические аспекты // Азия и Европа. – Душанбе, 2025. – №4 (24). – С. 136-145.

23. Сангинзода Д.Ш. Правовые аспекты регулирования использования искусственного интеллекта в Японии. Электронный ресурс: https://osiyoavrupo.tj/. [Дата публикации: 03.06.2025].

24. Сангинзода Д.Ш. Регулирование использования искусственного интеллекта в системе государственного управления Южной Кореи. Электронный ресурс: https://osiyoavrupo.tj/. [Дата публикации: 05.06.2025].

25. Сангинзода Д.Ш. Стратегия развития искусственного интеллекта в Республике Таджикистан на период до 2040 года: правовой анализ. Электронный ресурс: https://osiyoavrupo.tj/. [Дата публикации: 14.05.2025].

26. Сангинзода Д.Ш. Цифровой суверенитет: правовой аспект / Д.Ш. Сангинзода // Азия и Европа. – 2025. – № 4 (24). – С. 16–22.

27. Сангинзода Д.Ш., Рофиева А.Х. Правовые аспекты влияния искусственного интеллекта на развитие предпринимательства в условиях цифровой экономики // Вестник педагогического университета. Серия философских, юридических и политологических наук. – № 3 (19). – Душанбе, 2025. – С. 87-93.

28. Филиппова С.Ю. Цифровые платформы в праве и право цифровых платформ: новые вызовы законодателю и пути их решения / С.Ю. Филиппова, Ю.С. Харитонова // Правоведение. – 2025. – Т. 69, № 1. – С. 58–75.

УДК: 616.98:343.9

ҲОЛАТИ ЭПИДЕМИОЛОГИИ ВИРУСИ НОРАСОИИ МАСУНИЯТИ ОДАМ ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН ВА ХАТАРИ ОН БА ҶОМЕА: ТАҲҚИҚОТИ КРИМИНОЛОГӢ

ҚУДРАТОВ НЕКРУЗ АБДУНАБИЕВИЧ
Донишгоҳи байналмилалии сайёҳӣ ва соҳибкории Тоҷикистон,
Сардори раёсати илм ва инноватсия, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор.
E-mail: nek-kudratov@mail.ru

САФАРОВ ИНОМҶОН ДАВРОНҶОНОВИЧ
Донишгоҳи байналмилалии сайёҳӣ ва соҳибкории Тоҷикистон,
н.и.ҳ., дотсенти кафедраи ҳуқуқ. Тел.: 777008086

ҶОБИР МАРДОНЗОДА
Институти илмию таҳқиқотии сайёҳӣ ва соҳибкории Донишгоҳи байналмилалии сайёҳӣ ва соҳибкории Тоҷикистон, ходими илмии шуъбаи таҳқиқоти сайёҳӣ, унвонҷӯи кафедраи ҳуқуқ. E-mail: mardonzoda1968@bk.ru

Мақола ба таҳлили ҳолати эпидемиологии вируси норасоии масунияти одам дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ва арзёбии хатари он ба ҷомеа бахшида шудааст. Муаллифон ВНМО-ро на танҳо ба унвони як мушкилоти тиббӣ, балки ҳамчун падидаи иҷтимоӣ-ҳуқуқӣ ва криминологӣ баррасӣ намуда, ба ҳолати хавфнокии умумии сироятпазирии он таваҷҷуҳи хос зоҳир кардаанд. Инчунин, дар асоси маълумоти оморӣ ва санадҳои доираи барномаҳои давлатӣ вазъи кунунии сироятпазирии ВНМО, хусусиятҳои паҳншавии он, динамикаи ҳолатҳои нави сироятёбӣ, роҳҳои асосии интиқоли вирус ва сатҳи фарогирии аҳолӣ ба ташхис, табобат ва чораҳои пешгирикунанда таҳлил карда мешаванд. Дар мақола нишон дода мешавад, ки вазъи сироятпазирии ВНМО дар Тоҷикистон дар марҳилаи мутамарказ қарор дошта, дар баробари коҳиш ёфтани баъзе нишондиҳандаҳо дар байни гурӯҳҳои алоҳида, тамоюли афзоиши сироятпазирӣ тавассути роҳи робитаҳои ҷинсӣ, дар байни муҳоҷирони меҳнатӣ, занон ва ҷавонон боқӣ мемонад. Ҳамчунин масъалаҳои паст будани сатҳи маълумотнокии аҳолӣ, нокифоя будани барномаҳои омӯзишӣ, мавҷудияти омилҳои криминогенӣ ва виктимологӣ, инчунин зарурати такмили чораҳои ҳуқуқӣ, иҷтимоӣ ва тиббӣ баррасӣ шудаанд. Дар қисмати хулоса карда мешавад, ки муқовимати самаранок алайҳи паҳншавии ВНМО тақвияти сиёсати байнисоҳаӣ, баланд бардоштани маърифати ҳуқуқӣ ва тиббӣ, рушди механизмҳои ошкорсозии саривақтӣ ва такмили низоми пешгирии ҷиноятҳои вобаста ба сироятпазирӣ бо ВНМО-ро тақозо менамояд.

Калидвожаҳо: вируси норасоии масунияти одам, ВНМО, ҳолати эпидемиологӣ, хатари ҷамъиятӣ, сироятпазирӣ бо ВНМО, амнияти тандурустии ҷамъиятӣ, гурӯҳҳои алоҳида, муҳоҷирони меҳнатӣ, занон ва ҷавонон, пешгирӣ, ташхис, табобати зиддиретровирусӣ, криминология, омилҳои криминогенӣ, виктимология, сиёсати ҳуқуқӣ.

ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ ВИРУСА ИММУНОДЕФИЦИТА ЧЕЛОВЕКА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН И ЕГО УГРОЗА ДЛЯ ОБЩЕСТВА: КРИМИНОЛГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

КУДРАТОВ НЕКРУЗ АБДУНАБИЕВИЧ
Международный университет туризма и предпринимательства Таджикистана, доктор юридических наук, профессор. E-mail: nek-kudratov@mail.ru

САФАРОВ ИНОМДЖОН ДАВРОНДЖОНОВИЧ
Международный университет туризма и предпринимательства Таджикистана, кандидат юридических наук, доцент кафедры права. Тел.: +992 777 00 80 86

ДЖОБИР МАРДОНЗОДА
Научно-исследовательский институт туризма и предпринимательства Международного университета туризма и предпринимательства Таджикистана, научный сотрудник отдела туристических исследований, соискатель кафедры права. E-mail: mardonzoda1968@bk.ru

Статья посвящена анализу эпидемиологической ситуации по вирусу иммунодефицита человека в Республике Таджикистан и оценке его опасности для общества. Автор рассматривает ВИЧ не только как медицинскую проблему, но и как социально-правовое и криминологическое явление, уделяя особое внимание общественной опасности заражения данным вирусом. На основе статистических данных и государственных программных документов анализируются современное состояние эпидемии, особенности ее распространения, динамика новых случаев инфицирования, основные пути передачи вируса, а также уровень охвата населения диагностикой, лечением и профилактическими мерами. В статье показано, что эпидемия в Таджикистане находится на концентрированной стадии и, наряду со снижением отдельных показателей среди ключевых групп населения, сохраняется тенденция роста заражения половым путем, а также среди трудовых мигрантов, женщин и молодежи. Рассматриваются также проблемы низкого уровня информированности населения, недостаточности образовательных программ, наличия криминогенных и виктимологических факторов, а также необходимости совершенствования правовых, социальных и медицинских мер. Делается вывод о том, что эффективное противодействие распространению ВИЧ требует усиления межсекторальной политики, повышения правовой и медицинской грамотности населения, развития механизмов раннего выявления и совершенствования системы предупреждения преступлений, связанных с заражением ВИЧ.

Ключевые слова: вирус иммунодефицита человека, ВИЧ, эпидемиологическая ситуация, общественная опасность, заражение ВИЧ, общественное здравоохранение, ключевые группы населения, трудовые мигранты, женщины и молодежь, профилактика, диагностика, антиретровирусная терапия, криминология, криминогенные факторы, виктимология, правовая политика.

THE EPIDEMIOLOGICAL SITUATION OF THE HUMAN IMMUNODEFICIENCY VIRUS IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN AND ITS THREAT TO SOCIETY: CRIMINOLOGICAL ANALYSIS

KUDRATOV NEKRUZ ABDUNABIEVICH
International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan, Head of the Department of Science and Innovations of the Doctor of Law, Professor. E-mail: nek-kudratov@mail.ru

SAFAROV INOMJON DAVRONJONOVICH
International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan, Candidate of Legal Sciences (PhD in Law), Associate Professor of the Department of Law.
Tel.: +992 777 00 80 86

JOBIR MARDONZODA
Research Fellow of the Department of Tourism Studies at the Research Institute of Tourism and Entrepreneurship of the International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan, Applicant (Researcher) of the Department of Law of the International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan
E-mail: mardonzoda1968@bk.ru

The article is devoted to the analysis of the epidemiological situation of the human immunodeficiency virus in the Republic of Tajikistan and the assessment of its threat to society. The author examines HIV not only as a medical issue, but also as a socio-legal and criminological phenomenon, with special attention paid to the social danger of HIV transmission. Based on statistical data and state program documents, the article analyzes the current state of the epidemic, the specific features of its spread, the dynamics of new infections, the main routes of transmission, as well as the level of population coverage with testing, treatment, and preventive measures. The study shows that the HIV epidemic in Tajikistan remains at a concentrated stage and, despite the decline of certain indicators among key populations, there is still a growing trend in sexual transmission, as well as among labor migrants, women, and young people. The paper also addresses the low level of public awareness, the insufficiency of educational programs, the presence of criminogenic and victimological factors, and the need to improve legal, social, and medical measures. It is concluded that effective counteraction to the spread of HIV requires strengthening intersectoral policy, improving legal and medical literacy, developing early detection mechanisms, and enhancing the system for preventing crimes related to HIV transmission.

Keywords: human immunodeficiency virus, HIV, epidemiological situation, social danger, HIV transmission, public health security, key populations, labor migrants, women and youth, prevention, testing, antiretroviral therapy, criminology, criminogenic factors, victimology, legal policy.

Дар шароити ҷаҳонишавӣ ва густариши равандҳои иҷтимоию иқтисодӣ масъалаи ҳифзи саломатии аҳолӣ ва таъмини амнияти солимии ҷомеа ба яке аз самтҳои афзалиятноки сиёсати давлатӣ табдил ёфтааст [4]. Дар ин замина, эпидемияи вируси норасоии масунияти одам (ВНМО) ба ҳайси омиле аз таҳдидҳои муосири глобалӣ падид омада, на танҳо аз ҷумлаи мушкилоти тиббӣ мебошад, балки масъалаи муҳимми иҷтимоӣ, иқтисодӣ ва ҳуқуқӣ маҳсуб ёфта, ба устувории рушди ҷомеа таъсири мустақим мерасонад.

Дар Ҷумҳурии Тоҷикистон, бо вуҷуди татбиқи барномаҳои миллӣ ва дастгирии шарикони байналмилалӣ [2], эпидемияи ВНМО ҳанӯз ҳам мавқеи хосро ҳифз карда, хусусиятҳои муайяни эпидемиологӣ ва иҷтимоиро касб намудааст. Тағйирёбии сохтори роҳҳои интиқоли вирус, афзоиши нақши омилҳои рафторӣ ва иҷтимоӣ, инчунин паҳншавии он дар доираи гурӯҳҳои осебпазир зарурати таҳлили амиқ ва ҳамаҷонибаи ин падидаро ба миён меорад.

Қайд намудан зарур аст, ки аз нуқтаи назари ҳуқуқӣ ва криминологӣ, сироятпазирӣ бо ВНМО ҳамчун кирдори ҷамъиятан хавфнок арзёбӣ шуда, дар муносибатҳои ҷамъиятии таъминкунандаи ҳаёт ва саломатии инсон таҳдиди ҷиддӣ эҷод менамояд, ки ин омил метавонад боиси вайрон гардидани ҳуқуқҳои асосии инсон гардад. Дар чунин шароит, масъалаи таҳкими механизмҳои пешгирӣ, такмили қонунгузорӣ ва амалияи судӣ, инчунин баланд бардоштани сатҳи маърифати ҳуқуқӣ ва тиббии аҳолӣ аҳамияти хоса пайдо мекунад.

Ҳамин тариқ, омӯзиши ҳолати эпидемиологии ВНМО дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ва арзёбии хатари он ба ҷомеа имконият фароҳам меорад, ки самтҳои асосии сиёсати давлатӣ, чораҳои пешгирикунанда ва механизмҳои ҳуқуқии муқовимат ба ин падида муайян гардида, мавриди такмил қарор гиранд. Ин масъала, пеш аз ҳама, ба ҳифзи

саломатии миллат, таъмини амнияти иҷтимоӣ ва рушди устувори кишвар нигаронида шудааст [5].

Ҷиноятҳои сироятгузорӣ тавассути ВНМО ба гурӯҳи ҷиноятҳое дохил мешавад, ки ба ҳаёт ва саломатии инсон ба таври бевосита таҳдид мекунанд. Хавфнокии ҷамъиятии он дар он ифода меёбад, ки вируси норасоии масунияти одам (ВНМО) беморӣ музмин ва табобатнопазире мебошад, ки мумкин аст боиси марг ё пба таври ҷиддӣ коҳишёбии низоми зиндагии инсон гардад. Дар ҳолате, ки як шахс нафари дигарро ба хавфи сирояти беморӣ музмин дучор мекунад (масалан, дар робита ба ӯ огоҳона муносибатҳои хавфнокро анҷом медиҳад), вале ҳанӯз зарари воқеӣ нарасида бошад ҳам, аммо аллакай хавфи воқеии таъсири зарар ба муносибатҳои ҷамъиятӣ, ки иборат аз амнияти ҳаёт ва саломатии инсон мебошанд, ба миён меояд. Яъне, ин ҳолат ҳамчун “таҳдид” ё “ба миён омадани хавф” арзёбӣ мешавад. Аммо дар ин сурат, агар сироят воқеан анҷом пазирад, зарар на ба таври эҳтимолӣ, балки ҳамчун зарари воқеӣ арзёбӣ мегардад. Зеро дар чунин маврид, ба саломатии шахси ҷабрдида осеби ҷиддӣ ворид гардида, ҳуқуқҳои асосии ӯ, аз ҷумла, ҳуқуқ ба ҳаёт ва саломатӣ вайрон мешаванд.

Ин нуктаро бояд қайд кард, ки чунин намуди ҷиноятҳо на танҳо ба як шахс, балки ба тамоми ҷомеа таъсири манфӣ мерасонанд, зеро паҳншавии ВНМО метавонад ба амнияти солимии ҷомеа таҳдид эҷод намояд.

Таҳлили Барномаи муқовимат ба эпидемияи вируси норасоии масунияти одам ва гепатитҳои парентералии вирусӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои солҳои 2026-2030 нишон медиҳад, ки эпидемияи вируси норасоии масунияти одам дар Ҷумҳурии Тоҷикистон дар марҳилаи мутамарказ қарор дошта, паҳншавии он асосан на дар миёни аҳолии умумӣ, балки дар доираи гурӯҳҳои муайяни осебпазир ба мушоҳида мерасад. Ин ҳолат тибқи нишондиҳандаҳои оморӣ тасдиқ гардидаанд. Ба таври мисол, сатҳи сироятпазирӣ дар байни нашъамадони тазриқӣ 8,9 дарсадро ташкил дода, нисбатан баланд арзёбӣ мегардад, ки ин гурӯҳ ба унвони яке аз манбаъҳои асосии паҳншавии вирус муаррифӣ шудааст, дар ҳоле ки дар байни муҳоҷирони меҳнатӣ [3] ин нишондиҳанда 0,7 дарсад буда, бо вуҷуди пасттар будани эҳтимолияти сироятпазирӣ, бо назардошти ҳаракати мунтазами онҳо, мумкин аст ҳамчун омили эҳтимолии интиқоли сироят арзёбӣ гардад. Ҳамзамон, дар байни тамоми шахсони мавриди муоина қароргирифта, сатҳи сироятпазирӣ аз 0,12 дарсад зиёд намебошад, ки ин далели маҳдуд будани паҳншавии вирус дар миёни аҳолии умумӣ маҳсуб меёбад. Тибқи маълумоти расмӣ, теъдоди умумии шахсони мубтало ба ВНМО, ки ба қайд гирифта шудаанд, 17131 нафарро ташкил медиҳад, дар ҳоле ки шумораи воқеии шахсони мубтало ба ВНМО, ки дар қайди ҳаёт ҳастанд, 12480 нафар арзёбӣ шудааст, аммо тибқи ҳисобҳои таҳлилӣ шумораи тахминии чунин шахсон тақрибан ба 15000 нафар мерасад, ки ин фарқият мавҷудияти қисми муайяни шахсони аз сирояти худ бехабар ё берун аз низоми назорати тиббб қарордоштаро нишон дода, зарурати таҳким ва татбиқи чораҳои ташхис, пешгирӣ ва фарогирии тиббиро дар сатҳи миллӣ тақозо мекунад [1].

Дар муддати солҳои охир шумораи солонаи ҳолатҳои нави сироятёбии аҳолӣ бо вируси норасоии масунияти одам дар Ҷумҳурии Тоҷикистон тақрибан дар як сатҳ боқӣ монда, дар маҷмуъ, тамоюли коҳишёбии он мушоҳида намегардад, ки ин аз устувор будани ҳолати эпидемия дар марҳилаи кунунӣ шаҳодат медиҳад. Чунончи, дар соли 2024 дар кишвар 1002 ҳолати нави сироятёбӣ (ҳам дар байни калонсолон ва ҳам дар миёни кӯдакон) ба қайд гирифта шудааст. Дар ин баробар, таҳлили роҳҳои интиқоли вирус нишон медиҳад, ки тамоюли устувори афзоиши сироятёбӣ бо роҳи алоқаи ҷинсӣ ба назар мерасад, ки он 89 дарсади шумораи умумии ҳолатҳои нав ошкоршударо ташкил медиҳад ва аз тағйири сохтори эпидемия ба самти паҳншавии бештар дар байни аҳолии умумӣ дарак медиҳад. Ҳамзамон, шумораи ҳолатҳои сироятёбӣ тариқи парентералӣ (тавассути хун, аз ҷумла истифодаи сӯзандоруҳои умумӣ) ба таври назаррас коҳиш ёфта, на бештар аз 8 дарсади ҳолатҳои навро ташкил медиҳад, ки метавонад натиҷаи татбиқи чораҳои пешгирикунанда дар миёни гурӯҳҳои осебпазир,

бахусус нашъамадони тазриқӣ бошад [1]. Илова бар ин, сатҳи сироятёбӣ аз модар ба кӯдак низ нисбат ба солҳои қаблӣ коҳиш ёфта, 2,5 дарсади шумораи умумии ҳолатҳои нави мубталошавиро ташкил медиҳад, ки самаранокии барномаҳои тиббии пешгирии интиқоли вертикалиро нишон медиҳад, ҳарчанд зарурати идомаи чораҳои мақсаднок дар ин самт ҳанӯз боқӣ мемонад.

Таҳлили сохтори демографии шахсони мубтало ба вируси норасоии масунияти одам дар Ҷумҳурии Тоҷикистон нишон медиҳад, ки теъдоди умумии сироятёфтагон дар миёни мардон (64 дарсад) нисбат ба занон (36 дарсад) бештар мебошад, аммо дар ин баробар, дар муддати даҳсолаи охир тамоюли устувори афзоиши ҳиссаи занон дар байни ҳолатҳои нави мубталошавӣ ба ВНМО ба ҳисоби миёна 6–7 дарсад мушоҳида мегардад, ки аз тағйирёбии хусусияти эпидемия ва афзоиши нақши омилҳои иҷтимоӣ ва оилавӣ дарак медиҳад. Ҳамзамон, қисми асосии шахсони ба ВНМО мубталошударо шахсони синни репродуктивӣ (15–49-сола) ташкил медиҳанд, ки 82 дарсади шумораи умумии шахсони дар қайд қарордоштаро дар бар мегирад ва ин ҳолат аҳамияти махсуси иҷтимоӣ ва демографӣ дошта, ба масъалаҳои саломатии оила ва насл таъсири бевосита мерасонад. Таҳлили гурӯҳҳои синнусолӣ нишон медиҳад, ки аксарияти ҳолатҳои нави сироятёбӣ ба калонсолон (18-сола ва бузургтар аз он) рост меояд, ки 84,7 дарсадро ташкил дода, дар байни онҳо бештар шахсони синни 30–39-сола (32,9 дарсад) дучор меоянд, ки ин гурӯҳ дар миёни намояндагони фаъолияти иҷтимоӣ ва иқтисодӣ аз ҷумлаи фаъолтарин қишрҳои ҷомеа ба ҳисоб меравад [1]. Дар баробари ин, теъдоди наврасони синни 15–17-сола, ки мубтало ба ВНМО мебошанд, нисбатан кам буда, ҳамагӣ 1,4 дарсади шумораи умумии мубталошудагонро ташкил медиҳад, аммо бо вуҷуди паст будани нишондиҳанда, гурӯҳи мазкур низ аз ҷумлаи гурӯҳҳои осебпазир буда, таваҷҷуҳи хосро талаб менамояд.

Таҳлили динамикаи паҳншавии вируси норасоии масунияти одам дар байни гурӯҳҳои алоҳидаи аҳолӣ нишон медиҳад, ки дар солҳои охир тамоюли коҳишёбии назаррас ба мушоҳида мерасад, ки ин пеш аз ҳама натиҷаи татбиқи чораҳои мақсадноки пешгирикунанда ва барномаҳои тандурустии ҷамъиятӣ мебошад. Аз ҷумла, дар байни нашъамандони тазриқӣ сатҳи паҳншавии ВНМО, ки дар соли 2014 12,9 дарсадро ташкил медод, дар соли 2022 то 8,9 дарсад коҳиш ёфта, ҳамзамон ҳиссаи ҳолатҳои нави сирорят дар сохтори умумии ҳолатҳои нав беш аз 6 маротиба кам гардида, аз нишондиҳандаи 23 дарсади соли 2014 дар соли 2024 то ҳадди 3,7 дарсад поён омадааст, ки ин ба коҳиши басомади вируси ҳангоми истеъмоли маводи мухаддир, тавассути роҳи тазриқӣ интиқолёфта далолат мекунад. Дар ин баробар, дар байни шахсоне, ки тавассути амалҳои шаҳвонӣ ВНМО-ро интиқол медиҳанд, низ тамоюли коҳишёбӣ ба қайд гирифта шуда, сатҳи паҳншавӣ, ки дар соли 2014 3,5 дарсадро ташкил медод, дар соли 2022 то 2,9 дарсад паст гардидааст ва дар соли 2024 ҳиссаи мубталошудагон дар байни ҳолатҳои нави ба қайд гирифташуда ҳамагӣ 2,2 дарсадро ташкил медиҳад. Илова бар ин, дар муассисаҳои ислоҳӣ низ коҳиши назарраси сатҳи паҳншавии вирус мушоҳида шуда, дар байни маҳкумшудагон ин нишондиҳанда аз ҳадди 8,4 дарсади соли 2013 дар соли 2023 то 3,4 дарсад коҳиш ёфтааст, ки аз вазъи беҳтар гардидани назорати тиббӣ, тадбирҳои профилактикӣ ва баланд шудани сатҳи огоҳии гурӯҳҳои осебпазир шаҳодат медиҳад [1].

Таҳлили тамоюлҳои эпидемиологӣ нишон медиҳад, ки дар муддати солҳои охир афзоиши назарраси ҳолатҳои нави мубтало ба вируси норасоии масунияти одам дар байни муҳоҷирони меҳнатӣ ба мушоҳида мерасад, ки эҳтимолан қисми зиёди онҳо дар хориҷ аз ҳудуди кишвар ба ин вазъ дучор шудаанд. Ин ҳолат ба омилҳои гуногун, аз ҷумла, ба шароити иҷтимоию иқтисодӣ, сатҳи пасти огоҳӣ, дастрасии маҳдуд ба хизматрасониҳои тиббӣ ва рафтори хавфнок дар муҳити муҳоҷират вобастагӣ дорад. Чунончи, танҳо дар се соли охир ҳиссаи шахсони нави ба ВНМО мубталошуда дар байни муҳоҷирони меҳнатӣ аз шумораи умумии ҳолатҳои нави ба қайд гирифташуда аз ҳадди 18,2 дарсади соли 2020 дар соли 2024 то 29,2 дарсад афзоиш ёфтааст, ки

тақрибан сеяки шумораи умумии шахсони ба ВНМО мубталошударо ташкил медиҳад [1]. Ин нишондиҳанда аз он шаҳодат медиҳад, ки муҳоҷирони меҳнатӣ ба яке аз гурӯҳҳои осебпазир табдил ёфта, зарурати таҳияи сиёсати махсуси пешгирикунанда, тақвияти ҳамкориҳои байналмилалӣ дар самти назорати сироят, инчунин густариши барномаҳои иттилоотӣ ва хизматрасониҳои тиббӣ барои ин қишри аҳолӣ ба миён омадааст.

Таҳлили нишондиҳандаҳои марбут ба фавт дар байни шахсоне, ки ба вируси норасоии масунияти одам мубтало шудаанд, нишон медиҳад, ки аз шумораи умумии шахсони мавриди қайд қароргирифта 4651 нафар ё худ 27,1 дарсад, бо сабабҳои гуногун фавтидаанд, ки ин нишондиҳанда баёнгари зоҳир кардани таваҷҷуҳи хос ба масоили тиббӣ ва иҷтимоӣ мебошад. Ҳамзамон, дар муддати солҳои охир тамоюли мусбати коҳишёбии сатҳи фавти марбут ба бемориҳои вобаста ба вируси норасоии масунияти одам (БПНМ) мушоҳида мегардад: дар давоми панҷ соли охир ин нишондиҳанда қариб ду баробар коҳиш ёфта, аз 4,1 ба ҳар 100 000 аҳолӣ дар соли 2020 то 2,1 ба ҳар 100 000 аҳолӣ дар соли 2024 расидааст [1]. Ин коҳиш, пеш аз ҳама, натиҷаи беҳтар гардидани дастрасӣ ба ташхис, фарогирии бештар бо табобати зиддиретровирусӣ, баланд шудани сатҳи огоҳии мардум ва татбиқи барномаҳои миллӣ дар самти мубориза бо ВНМО арзёбӣ мегардад, ҳарчанд боқӣ мондани сатҳи назарраси фавт зарурати идомаи тадбирҳои комплексӣ ва тақвияти низоми тандурустиро дар ин самт таъкид менамояд.

Солҳои охир вазъи фарогирии аҳолӣ ба ташхиси вируси норасоии масунияти одам дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ба таври назаррас беҳбуд ёфта, нисбат ба солҳои қаблӣ тақрибан 1,5 баробар зиёд гардидааст, ки ин пеш аз ҳама ба ҳисоби васеъ намудани хариди маводи ташхисӣ ва густариши ҷалби аҳолӣ ба ташхиси ВНМО вобаста мебошад. Аз ҷумла, таваҷҷуҳи махсус ба ташхиси занони ҳомила, навхонадорон, муҳоҷирони меҳнатӣ, беморони гирифтори бемории сил, маҳкумшудагон, инчунин намояндагони гурӯҳҳои алоҳида дода шудааст, ки дар ин раванд саҳми ташкилоту ниҳодҳои ҷамъиятӣ низ назаррас арзёбӣ мегардад. Илова бар ин, ҷорӣ намудани усулҳои инноватсионии ташхис, аз қабили ташхиси индексӣ, худозмоиш, ки тавассути фармоиш дар платформаҳои онлайн ва истифодаи стратегияҳои шабакаҳои иҷтимоӣ анҷом мепазирад, ба беҳтар гардидани дастрасии аҳолӣ ба ташхис мусоидат намудааст. Дар натиҷа, ҳамасола беш аз 12 дарсади аҳолии кишвар ба ташхиси ВНМО фаро гирифта мешаванд, ки нишондиҳандаи нисбатан баланд маҳсуб меёбад. Бо вуҷуди ин, сатҳи ошкоршавии ҳолатҳои нави сироятёбӣ дар муқоиса бо ҳаҷми умумии ташхисҳо паст боқӣ монда, аз 0,1 дарсад зиёд нест, ки ин ҳолат аз мавҷудияти мушкилот дар самти муайянсозии саривақтии сироят ва фарогирии кофии гурӯҳҳои воқеан осебпазир дарак медиҳад. Аз ин рӯ, зарурати тақвияти минбаъдаи тадбирҳо, аз ҷумла, татбиқи стратегияҳои нав, истифодаи равишҳои ҳадафнок ва беҳтар намудани механизмҳои дастрасӣ ба ташхиси саривақтӣ барои ошкор намудани ҳолатҳои нави сироятёбӣ аҳамияти аввалиндараҷа пайдо мекунад.

Таҳлили фарогирии барномаҳои қобили пешгирии ВНМО дар байни гурӯҳҳои алоҳида нишон медиҳад, ки дар Ҷумҳурии Тоҷикистон сатҳи фарогирӣ нисбатан қонеъкунанда, вале ҳанӯз нокифоя боқӣ мемонад: 71,7 дарсад дар байни шахсоне, ки ба нашъамандии тазриқӣ гирифторанд (бо шумораи тахминии 18 200 нафар), 65,5 дарсад дар байни шахсоне, ки тавассути амалҳои шаҳвонӣ ВНМО-ро интиқол медиҳанд (18 444 нафар) ва 59,4 дарсад дар байни мардони дорои хавфи баланди сироятёбӣ (11 956 нафар) ташкил медиҳад. Дар баробари ин, нишондиҳандаи миёнаи таъмини сӯзандоруҳо барои ҳар як нафари гирифтори нашъамандии тазриқӣ дар як сол ба 279 адад расидааст, ки нисбат ба солҳои қаблӣ афзоиш ёфта, аз беҳтар шудани дастрасӣ ба воситаҳои қобили пешгирӣ шаҳодат медиҳад. Бо вуҷуди ин, сатҳи рафтори осебпазири ҳам шахсони гирифтори нашъамандии тазриқӣ ва ҳам шахсоне, ки тавассути амалҳои ҷинсӣ ВНМО-ро интиқол медиҳанд, дар байни гурӯҳҳои алоҳида ҳанӯз ҳам баланд

боқӣ монда, хавфи паҳншавии минбаъдаи вирусро то замони муайян ҳифз мекунад [1]. Ҳамзамон, сарфи назар аз афзуншавии шумораи нуқтаҳои хизматрасонии терапияи агонистҳои опиоидӣ, фарогирӣ ба ин навъи хизматрасонӣ дар сатҳи хеле паст қарор дошта, ҳамагӣ 3,3 дарсади шумораи тахминии эҳтиёҷмандон ҷалб шудаанд, ки ба зарурати тавсеаи инфрасохтор, баланд бардоштани дастрасӣ ва ҳавасмандгардонии иштирок дар чунин барномаҳо таъкид менамояд.

Чораҳои қобили пешгирӣ дар байни муҳоҷирони меҳнатӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳам аз ҳисоби буҷети давлатӣ ва ҳам бо дастгирии шарикони рушд амалӣ гардидааст, ки онҳо, пеш аз ҳама, дар баланд бардоштани сатҳи огоҳии онҳо дар робита ба роҳҳои пешгирии вируси норасоии масунияти одам, инчунин, дар мавриди пешниҳоди машварат ва ташхиси ихтиёрӣ мусоидат мекунанд. Дар ин замина, ҳамкории фаъолонаи коршиносони тоҷик бо гурӯҳҳои минтақавии коршиносони доираи масъалаҳои муҳоҷират ва тандурустӣ ба роҳ монда шудааст, ки дастрасии муҳоҷирон ба хизматрасониҳои қобили пешгирӣ ва табобатиро дар кишварҳои қабулкунанда таъмин менамояд. Илова бар ин, дар сатҳи миллӣ алгоритми кӯмаки фосилавӣ ба муҳоҷирон – шаҳрвандони Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки дар хориҷ аз кишвар қарор доранд, қабул гардида, механизми интиқоли доруҳои зиддиретровирусӣ аз дохили кишвар барои онҳо ташкил ва роҳандозӣ шудааст, ки ин иқдом барои нигоҳдории пайвастагии табобат ва пешгирии пешрафти беморӣ аҳамияти муҳим дорад [2]. Бо вуҷуди ин, вазъи кунунӣ тақозо менамояд, ки дар мавриди таҳияи равишҳои системавӣ ва ҳадафнок, нисбат ба муҳоҷироне, ки ба гурӯҳҳои алоҳидаи осебпазир мансубанд, таваҷҷуҳи махсус зоҳир карда шавад, зеро маҳз ин қишри ҷомеа дар паҳншавии минбаъдаи сироят нақши назаррас дошта, бояд дар мавриди талабот ба масоили тиббӣ ва иҷтимоӣ ниёзманд набошад.

Мутобиқи натиҷаҳои таҳқиқоти миллии марбут ба сатҳи маълумотнокӣ, рафтор ва чораҳои мубориза бар зидди вируси норасоии масунияти одам дар байни аҳолии синни 15–49-сола дар Ҷумҳурии Тоҷикистон сатҳи маърифату огоҳии мардум нисбат ба ин масъала ҳанӯз ҳам дар сатҳи паст қарор дорад. Чунончи, ҳамагӣ 14,0 дарсади иштирокчиёни назарсанҷӣ қудрати посухи мусбат ба ҳарду саволи асосӣ: дар робита ба роҳҳои дурусти пешгирии сироят тавассути алоқаи ҷинсӣ ва рад намудани тасаввуроти нодурусти маъмул вобаста ба роҳҳои интиқоли вирус доштанду халос, ки ин нишондиҳанда аз маҳдуд будани сатҳи маърифати тиббии аҳолии кишвар шаҳодат медиҳад. Ҳамзамон, тибқи натиҷаҳои таҳқиқоти тиббӣ – демографӣ, ки дар соли 2023 тавассути Агентии омори назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Вазорати тандурустӣ ва ҳифзи иҷтимоии аҳолии Ҷумҳурии Тоҷикистон баргузор карда шудааст, танҳо 10 дарсади духтарон ва занони ҷавони синни аз 15 то 24-сола дар робита ба пешгирии вируси норасоии масунияти одам дорои дониши амиқ мебошанд, ки ин ҳолат ба таври кофӣ, аз вазъи осебпазирии ин қишри аҳолӣ ва зарурати тақвияти барномаҳои иттилоотӣ, маърифатӣ ва тарбиявӣ, ки бояд дар миёни ҷавонон, бахусус духтарон ва занони ҷавон баргузор карда шаванд, дарак медиҳад.

Занону духтарони ҷавон дар Ҷумҳурии Тоҷикистон дар робита ба таъсири эпидемияи вируси норасоии масунияти одам бештар вазъи осебпазир дошта, дар муддати солҳои охир тамоюли афзоиши ҳиссаи онҳо дар сохтори ҳолатҳои нави сироятёбӣ ба таври устувор мушоҳида мегардад, ки дар муддати даҳсолаи охир ин ҳисса, ба ҳисоби миёна, 6–7 дарсадро ташкил медиҳад. Ин раванд дар заминаи сатҳи баланди ошкоршавии ҳолатҳои нав дар байни шахсони бо алоқаи ҷинсӣ тамосдошта (17,5 дарсад) сурат гирифта, дар байни онҳо ҳиссаи занон нисбат ба мардон 3,1 баробар зиёд мебошад, ки аз таъсири омилҳои иҷтимоӣ, иқтисодӣ ва гендерӣ дарак медиҳад. Таҳлилҳо нишон медиҳанд, ки солҳои охир аксари ҳолатҳои сироятёбӣ маҳз дар байни занон ва ҷавонони синни аз 15 то 24-сола ба қайд гирифта мешаванд, ки ин гурӯҳҳоро ҳамчун қишри махсусан осебпазир муайян менамояд [1]. Дар зиёда аз 90 дарсади ҳолатҳо занон тавассути алоқаи ҷинсӣ ба вирус мубтало мегарданд, ки ин ҳолат ба

зарурати тақвияти чораҳои қобили пешгирӣ, баланд бардоштани маърифати ҷинсӣ, таъмини дастрасӣ ба воситаҳои ҳифз, инчунин, ба таҳия ва татбиқи барномаҳои ҳадафноки иҷтимоӣ ва тиббии ҳифзи саломатии занону ҷавонон таъкид менамояд.

Таъмини аҳолӣ бо хуни бехатари донорӣ яке аз унсурҳои муҳими сиёсати миллии тандурустӣ ва кафолати амнияти биологӣ дар кишвар ба ҳисоб меравад. Дар Ҷумҳурии Тоҷикистон дар ин самт низоми назорати қатъии тиббӣ ва ташхиси хун амал мекунад, ки дар мавриди пешгирии интиқоли вируси норасоии масунияти одам, ки тавассути хун ба амал меояд, мусоидат менамояд. Чунончи, тибқи маълумоти расмӣ, танҳо дар муддати як соли охир 80 ҳазору 168 намунаи хуни донорӣ аз ташхиси ҳатмӣ, барои муайян кардани ВНМО, гузаронида шуда, ҳамагӣ дар 8 намуна мавҷудияти вирус муайян гардидааст, ки ин сатҳи пасти сироятро дар байни донорҳо нишон медиҳад. Муҳимтар аз ҳама, аз соли 2008 то инҷониб дар кишвар ягон ҳолати сироятёбӣ бо ВНМО, ки тавассути интиқоли хуни донорӣ ва ё ҷузъҳои он ба амал меояд, ба қайд гирифта нашудааст ва ин самаранокии механизми санҷиш, интихоб ва коркарди хуни дониро тасдиқ намуда, сатҳи баланди бехатарии хизматрасониҳои тиббиро дар ин самт инъикос менамояд.

Дар Ҷумҳурии Тоҷикистон дар муддати солҳои охир рушди назарраси фарогирии чораҳои пешгирии пеш аз сироятёбӣ (PrEP) ба мушоҳида мерасад, ки аз густариши равишҳои муосири пешгирии вируси норасоии масунияти одам шаҳодат медиҳад. Чунончи, шумораи шахсоне, ки бори аввал аз чунин чораҳо истифода бурдаанд, аз ҳадди 10 нафар, ки дар соли 2020 ба қайд гирифта шудааст, дар соли 2024 то ба ҳадди 1000 нафар афзоиш ёфтааст, ки ин нишондиҳанда аз баланд гардидани дастрасӣ ва огоҳии аҳолӣ дарак медиҳад. Ҳамзамон, шумораи шахсоне, ки мунтазам барои қабул ва идомаи истифодаи ин усули пешгирӣ муроҷиат менамоянд, дар охири сол 727 нафарро ташкил додааст, ки нишондиҳандаи муайяни устувории истифодаи чораҳои пешгирии пеш аз сироятёбӣ (PrEP) мебошад. Аз чораҳои пешгирии пеш аз сироятёбӣ (PrEP) асосан намояндагони гурӯҳҳои дорои хавфи баланди сироятёбӣ, аз ҷумла, шахсони мансуб ба гурӯҳҳои алоҳида ва ҷуфтҳои серодискордантӣ (яъне дар ин сурат, агар яке аз шариконӣ зиндагӣ мубталои ВНМО бошад) истифода мебаранд, ки онҳо ҳамчун механизми самараноки коҳиш додани хатари сироятёбӣ дар сатҳи инфиродӣ ва умумӣ арзёбӣ мегарданд.

Бино ба маълумоти Агентии омори назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, сатҳи фарогирии занони ҳомила бо хизматрасониҳои тиббӣ дар самти пешгирии вируси норасоии масунияти одам нисбатан баланд арзёбӣ мегардад: 98,7 дарсади онҳо ба нигоҳубини пеш аз таваллуд фаро гирифта шуда, 93,4 дарсад аз ташхиси ВНМО гузаронида шудаанд ва 93,2 дарсади занони мубталои ВНМО, бо мақсади коҳиш додани хатари интиқоли вирус ба кӯдак, бо табобати зиддиретровирусӣ таъмин мебошанд. Бо вуҷуди ин, танҳо 83,5 дарсади занони ҳомила дар марҳилаҳои аввали ҳомиладорӣ (то 12 ҳафта) ба назорати тиббӣ фаро гирифта мешаванд, ки ин ба самаранокии чораҳои пешгирикунанда таъсири манфӣ мерасонад. Чунончи, дар соли 2024 ҳамагӣ 251 нафар занони ҳомилаи гирифтори ВНМО (аз ҷумла 46 ҳолати нав) ба қайд гирифта шуда, аз онҳо 245 нафар (97,6 дарсад) хизматрасониҳои табобатӣ ва пешгирикунандаро дарёфт намудаанд, аммо нисбат ба 6 нафар занони ҳомила, ки панҷ нафари онҳо ҳангоми таваллуд ба унвони шахси мубтало ба ВНМО муайян шудаанд, чунин чораҳо татбиқ нагардидаанд, ки чунин аз камбудиҳои муайяни низоми ташхиси саривақтӣ шаҳодат медиҳад. Дар баробари ин, дар панҷ соли охир сатҳи сирояти ВНМО дар байни навзодон аз ҳадди 2,6 дарсад, ки дар соли 2018 ба қайд гирифта шудааст, дар соли 2023 то ҳадди 1,3 дарсад коҳиш ёфтааст, ки самаранокии тадбирҳои татбиқшударо инъикос менамояд. Бо вуҷуди ин, ба таври номукаммал фарогирии занони ҳомила бо нигоҳубин ва пешгирии саривақтӣ имкон намедиҳад, ки интиқоли амудии вирус пурра бартараф гардад, зеро ҳамасола тақрибан 25 ҳолати нави сироятёбӣ дар кӯдакон ба таври ретроспективӣ муайян карда мешавад, ки модарони онҳо дар

замони ҳомиладорӣ ё аз ташхиси тиббӣ нагузаштаанд ё аз чораҳои зарурии қобили пешгирӣ истифода набурдаанд.

Дар айни замон дар Ҷумҳурии Тоҷикистон нишондиҳандаҳои асосии фарогирӣ ба ташхис ва табобати вируси норасоии масунияти одам дар сатҳи нисбатан баланд қарор доранд: 83,2 дарсади шахсони мубтало ба ВНМО аз ҳолати мусбии худ огоҳ буда, 90,1 дарсади онҳо бо табобати зиддиретровирусӣ фаро гирифта шудаанд ва 88,9 дарсади табобатгирандагон ба сатҳи сарбории вирусии номуайян расидаанд, ки дар байни бемороне, ки зиёда аз 6 моҳ табобат мегиранд, ин нишондиҳанда то 92,6 дарсадро ташкил медиҳад. Дар баробари ин, фарогирии кӯдакони то 15-сола ба табобат (98,8 дарсад) нисбат ба калонсолон (97 дарсад), инчунин сатҳи сарбории вирусии номуайян дар байни кӯдакон (90 дарсад) нисбат ба калонсолон (88,8 дарсад) баландтар мебошад, ки ин пеш аз ҳама бо сатҳи хуби риояи реҷаи табобат ва дастгирии доимии волидон вобастагӣ дорад [1]. Ҳамзамон, сиёсати ба таври тадриҷӣ ворид намудани табобати зиддиретровирусӣ ба низоми кӯмаки аввалияи тиббию санитарӣ амалӣ гардида, дар айни ҳол дар тамоми 15 марказҳои саломатии шаҳри Душанбе ва 10 ноҳияи кишвар хизматрасониҳои тиббӣ ба роҳ монда шудаанд, ки дар онҳо 2049 нафар бемор табобат гирифта, дар 95,1 дарсади онҳо сатҳи пасти сарбории вирусӣ ба қайд гирифта шудааст. Дар оянда густариши чунин хизматрасониҳо дар дигар шаҳру ноҳияҳои ҷумҳурӣ пешбинӣ гардида, ин раванд ба беҳтар гардидани дастрасӣ ба табобат, устувории назорати вазъи беморон ва коҳиш додани паҳншавии минбаъдаи сироят мусоидат хоҳад намуд.

Бемории сил то ҳол ба унвони яке аз омилҳои асосии фавти шахсони мубтало ба вируси норасоии масунияти одам дар Ҷумҳурии Тоҷикистон боқӣ мемонад, ки аз таъсири мутақобилаи ин ду бемории аз нигоҳи иҷтимоӣ хавфнок дарак медиҳад. Чунончи, дар соли 2024 ҳамагӣ 18 нафар бемороне мубталои ҳамзамони ВНМО ва бемории сил фавтидаанд, ки ин нишондод 8,5 дарсади фавти умумиро дар давоми сол ташкил медиҳад. Дар ин баробар, дар муддати солҳои охир шумораи ҳолатҳои ошкоршудаи ҳамбастагии ВНМО ва бемории сил дар сатҳи нисбатан устувор – аз 70 то 100 ҳолат дар як сол, боқӣ мемонад, ки ин ба зарурати идомаи назорати доимӣ ва чораҳои ҳамоҳангшуда таъкид менамояд. Ҳамзамон, дар кишвар раванди ҳамгироии хизматрасониҳои тиббии марбут ба ВНМО ва бемории сил босуръат рушд ёфтааст, ки ин омил дар беҳтар гардидани дастрасӣ ба табобат ва самаранокии он мусоидат менамояд. Дар ин замина, ҷорӣ намудани модели «Равзанаи ягона» дар муассисаҳои кумаки аввалияи тиббию санитарӣ ҳамчун таҷрибаи нав оғоз гардидааст ва ин ба беморон имконияти истифода аз хизматрасониҳои мутамаркази ташхисӣ, табобатӣ ва машваратиро фароҳам меорад, ки ин равиш барои баланд бардоштани самаранокии назорати ҳамзамони ин ду беморӣ аҳамияти муҳим дорад.

Дар Ҷумҳурии Тоҷикистон шумораи ҷавонони синни аз 15 то 24-сола ба 1 миллиону 760 ҳазор нафар расида, 19,3 дарсади аҳолии умумии кишварро ташкил медиҳад, ки дар чунин маврид ин қишри ҷомеа ба унвони яке аз гурӯҳҳои муҳим ва стратегии сохтори демографии кишвар муаррифӣ мешавад. Тибқи маълумоти оморӣ, дар маҷмуъ, 1095 нафар шахсоне, ки бо вируси норасоии масунияти одам мубтало мебошанд, ба ҳамин гурӯҳи зикршуда тааллуқ дошта, дар муддати солҳои охир тамоюли ҳолатҳои нави сироятёбӣ дар байни онҳо рӯ ба афзоиш аст, ки ин ҳолат аз вазъи осебпазирии ҷавонон дар робита ба омилҳои хатарзо дарак медиҳад. Дар ин замина, чорабиниҳои қобили пешгирӣ дар байни ҷавонон, асосан дар робита ба баланд бардоштани сатҳи маърифати онҳо дар шинохти роҳҳои интиқол ва усулҳои пешгирии сирояти ВНМО, инчунин коҳиш додани рафтори хатарзо, роҳандозӣ шудаанд. Кумитаи кор бо ҷавонон ва варзиши назди Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон дар ин самт фаъолияти мунтазам анҷом дода, тавассути баргузор намудани маъракаҳо, чорабиниҳои иттилоотӣ ва тарбиявӣ ба ҷавонон маълумоти зарурии марбут ба роҳҳои интиқол ва чораҳои қобили пешгирии вируси норасоии масунияти одамро пешниҳод менамояд, ки

ин омил дар таҳкими маърифати ба саломатӣ нигаронидашуда ва коҳиш додани хавфи сироятёбӣ аҳамияти муҳим дорад [1].

Дар соҳаи маорифи Ҷумҳурии Тоҷикистон ба масъалаҳои солимии ҷинсӣ ва репродуктивӣ, пешгирии вируси норасоии масунияти одам ва дигар бемориҳое, ки тавассути алоқаи ҷинсӣ мегузаранд, бо роҳи ҷорӣ намудани курси «Тарзи ҳаёти солим» ба барномаҳои таълимии синфҳои болоӣ аҳамияти хос зоҳир шудааст. Дар ин замина, ворид намудани тағйиру иловаҳо ба Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи маориф», ки дар соли 2024 қабул гардида, дарёфти маълумоти миёнаи ҳатмиро пас аз хатми синфи 11 ё пас аз таҳсил дар зинаи таҳсилоти ибтидоии касбӣ пешбинӣ менамояд, ин имкониятро фароҳам овардааст [6], ки тамоми ҷавонон, дар робита ба масъалаҳои саломатӣ, аз ҷумла пешгирии ВНМО, маълумоти заруриро дастрас намоянд. Бо ин вуҷуд, таълими курси «Тарзи ҳаёти солим» бештар дар шакли дарсҳои иловагӣ (интихобӣ) ё соатҳои тарбиявӣ маҳдуд гардида, дар ташаккули дониши мукаммал ва устувори хонандагон нокифоя арзёбӣ мегардад. Ҳамзамон, барномаҳои такмили ихтисоси омӯзгорон масъалаҳои марбут ба тарзи ҳаёти солим ва роҳҳои сирояту пешгирии ВНМО-ро дар бар мегиранд, вале омодагии омӯзгорон ба ин самт, бо назардошти тамоюлҳои муосири эпидемия, ба таври комил мутобиқ гардонида нашудааст. Илова бар ин, механизми арзёбии сифати чунин чорабиниҳои таълимӣ ва тарбиявӣ ба таври муассир роҳандозӣ нашудааст, ки дар натиҷа сатҳи маърифати наврасону ҷавонон дар робита ба пешгирии ВНМО ҳанӯз ҳам паст боқӣ мемонад ва ин, албатта, зарурати такмили мазмун, усул ва фарогирии барномаҳои таълимиро тақозо мекунад [9].

Дар ниҳоят, зарур аст қайд намоем, ки аз нигоҳи криминология, ҳолати эпидемиологии вируси норасоии масунияти одам дар Ҷумҳурии Тоҷикистон на танҳо масъалаи тандурустӣ, балки падидаи иҷтимоӣ-ҳуқуқие маҳсуб меёбад, ки бо омилҳои гуногуни виктимологӣ ва криминогенӣ зич алоқаманд мебошад. Ҷиноятe, ки бо сирояти ВНМО алоқаманд аст, ҳамчун шакли хатарноки рафтори зиддиҳуқуқӣ дар мавриди муносибатҳои ҷамъиятии марбут ба ҳаёт ва саломатии инсон осеби ҷиддӣ ворид карда, мумкин аст дар паҳншавии минбаъдаи эпидемия мусоидат намояд. Таҳлилҳо нишон медиҳанд, ки манбаъҳои асосии хавф дар доираи гурӯҳҳои алоҳида (шахсони мубтало ба нашъамандии тазриқӣ, шахсоне, ки тавассути амалҳои шаҳвонӣ ВНМО-ро интиқол медиҳанд, муҳоҷирони меҳнатӣ) ва ҳамзамон дар байни аҳолии умумӣ, тавассути афзоиши роҳҳои ғайриқонунии алоқаи ҷинсӣ ташаккул меёбанд, ки ин раванд тағйири хусусияти криминогенӣ ва иҷтимоии эпидемияро инъикос менамояд. Омилҳои асосии криминогенӣ, аз қабили сатҳи пасти маърифати ҳуқуқӣ ва тиббӣ, рафтори хавфнок, муҳоҷирати меҳнатӣ, нобаробарии гендерӣ ва дастрасии маҳдуд ба хизматрасониҳои қобили пешгирӣ, ба афзоиши хавфи сироят ва паҳншавии он мусоидат мекунанд [7; 8]. Дар баробари ин, коҳиш ёфтани баъзе нишондиҳандаҳо дар гурӯҳҳои алоҳида ва густариши табобати зиддиретровирусӣ далели самаранокии чораҳои қобили пешгирӣ мебошанд, аммо устувор мондани сатҳи сироятёбӣ ва мавҷудияти ҳолатҳои пинҳон кардани сироят нишон медиҳанд, ки механизмҳои ошкорсозӣ ва пешгирӣ ҳанӯз комил нестанд. Аз ин рӯ, аз нуқтаи назари криминологӣ, зарур аст, дар мавриди таҳкими сиёсати пешгирии ҷинояткорӣ, баланд бардоштани маърифати ҳуқуқӣ ва виктимологӣ, такмили қонунгузорӣ ва амалияи татбиқи он, инчунин, дар тавсеаи барномаҳои комплексии байнисоҳаӣ, барои коҳиш додани омилҳои хавф ва таъмини амнияти иҷтимоӣ-тиббӣ, чораҳои иловагӣ татбиқ карда шаванд.

АДАБИЁТ

1. Барнома оид ба муқовимат ба эпидемияи вируси норасоии масунияти одам ва гепатитҳои парентералии вирусӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои солҳои 2026-2030 [Захираи электронӣ]. – Манбаи дастрасӣ:

https://mmih.adlia.tj/Search/DocumentView?DocumentId=171321# (санаи муроҷиат: 04.02.2026)

2. Кудратов, Н. А. Уголовно–правовая охрана основ конституционного строя и безопасности государства: проблемы доктрины, правоприменения и совершенствования законодательства: специальность 12.00.08 "Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право": диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Кудратов Некруз Абдунабиевич. – Душанбе, 2021. – 539 с.

3. Кудратов, Н.А. Незаконная миграция как угроза национальной безопасности Республики Таджикистан / Н.А. Кудратов // Вестник Таджикского государственного университета коммерции. – 2019. – № 3(28). – С. 248-251.

4. Кудратов, Н.А. Уголовное право Республики Таджикистан. Общая часть / Н.А. Кудратов. – Душанбе: Таджикский государственный университет коммерции, 2012. – 366 с. – EDN YYBBPG.

5. Қарори Пленуми Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон №2 аз 26 декабри соли 2023 шаҳри Душанбе Дар бораи тағрибаи судӣ оид ба парвандаҳои ҷиноятии марбут ба сироят кардан бо вируси норасоии масунияти одам [Захираи электронӣ]. – Манбаи дастрасӣ: https://sud.tj/upload/documents/plenum/2.UD.TJ/39.%20Қарори%20Пленуми%20Суди%20Олӣ%20аз%2023.12.2023%20№2.pdf (санаи муроҷиат: 04.02.2026)

6. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи маориф» [Захираи электронӣ]. – Манбаи дастрасӣ: https://mmih.adlia.tj/SEARCH/DocumentView?DocumentId=171441 (санаи муроҷиат: 04.02.2026)

7. Қудратов, Н.А. Таъсири омилҳои равонӣ ва иҷтимоӣ дар гаравидани муҳоҷирони меҳнатӣ ба экстремизм / Н.А. Қудратов, Б.А. Сатториен // Самтҳои инноватсионии таҳқиқоти илмӣ: ҳамгироии донишҳои иҷтимоӣ-гуманитарӣ ва дақиқ: Маводҳои Конфронси 1-уми байналмилалии байнифаннӣ, Душанбе, 25 февраля 2026 года. – Душанбе: Донишгоҳи байналмилалии сайёҳӣ ва соҳибкории Тоҷикистон, 2026. – С. 222-227.

8. Қудратов, Н. А. Нақши Паёми Пешвои миллат дар коҳиш додани сабаб ва шароитҳои ҷинояткорӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон / Н.А. Қудратов, А.А. Қурбонова, С.И. Ҳабибов // Маҷаллаи академии ҳуқуқ. – 2025. – No. 3(55). – С. 70-78.

9. Уголовная политика: основные направления на современном этапе / Н. Ю. Лебедев, П. В. Яковинов, Е. Н. Петухов [и др.]. – Новосибирск : Сибирский университет потребительской кооперации, 2023. – 169 с. – ISBN 978-5-334-00282-1.

УДК: 330.1 (575.3)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В РАЗВИТИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

САМАДЗОДА БАХТИЁР ОДИЛДЖОН
Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики, доктор юридических наук, доцент. Тел.: +992 92 773 05 67; E-mail: bakhtiyor_77@mail.ru

В современных условиях развития предпринимательских отношений правовое регулирование цифровизации занимает особе место во всех странах, в частности и в Республике Таджикистан. Действующим законодательством Республики Таджикистан гарантированы основы отношений к свободной предпринимательской деятельности с использованием многообразных форм собственности и совершенствование правового регулирования, обеспечение развития цифровизации предпринимательско-правовых отношений.

В современных условиях развития экономических процессов в Таджикистане, в условиях международной интеграции, обеспечение и развитие цифровизации во всех сферах жизнедеятельности субъектов предпринимательской деятельности имеет правовые особенности, и они требуют системного подхода к исследованию.

В настоящем исследовании в научно-теоретическом и практическом аспекте раскрыты правовые особенности обеспечения цифровизации предпринимательских отношений. Проанализированы некоторые основополагающие нормы действующего законодательства Республики Таджикистан, связанные с темой исследования, сформулированы выводы и предложения по совершенствованию правовых основ, государственного регулирования обеспечения процесса цифровизации в современном обществе.

Ключевые слова: Конституция, законы, государственное регулирование, цифровизация, защита прав, законные интересы, обязательства, субъекты права, государственные органы

LEGAL REGULATION OF DIGITALIZATION AND ITS SIGNIFICANCE IN THE DEVELOPMENT OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

SAMADZODA BAKHTIYOR ODILJON
Tajik State University of Law, Business and Politics, Doctor of Law, Associate Professor. Tel.: +992 92 773 05 67; E-mail: bakhtiyor_77@mail.ru

In modern conditions of business relations development, the legal regulation of digitalization occupies a special place in all countries, especially in the Republic of Tajikistan. The current legislation of the Republic of Tajikistan guarantees the foundations of relations to free entrepreneurial activity using diverse forms of ownership and the improvement of legal regulation, ensuring the development of digitalization of business and legal relations.

In the current conditions of the development of economic processes in Tajikistan, in the context of international integration, in particular, the provision and development of digitalization in all spheres of life of business entities has legal features, and they require a systematic approach to research.

In this study, the scientific, theoretical and practical aspects reveal the legal features of ensuring the digitalization of economic relations. Some fundamental norms of the current legislation of the Republic of Tajikistan related to the research topic are analyzed, conclusions and suggestions are made in the field of improving the legal framework, state regulation, and ensuring the digitalization process in modern society.

Key words: Constitution, laws, government regulation, digitalization, protection of rights, legitimate interests, obligations, subjects of law, government agencies

ТАНЗИМИ ҲУҚУҚИИ РАҚАМИКУНОНӢ ВА АҲАМИЯТИ ОН ДАР РУШДИ ФАЪОЛИЯТИ СОҲИБКОРӢ

САМАДЗОДА БАХТИЁР ОДИЛДЖОН
Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент. Тел.: +992 92 773 05 67; E-mail: bakhtiyor_77@mail.ru

Дар шароити муосири рушди муносибатҳои соҳибкорӣ танзими ҳуқуқии рақамикунонӣ дар ҳамаи кишварҳо, аз ҷумла дар Ҷумҳурии Тоҷикистон, мавқеи махсусро ишғол менамояд. Қонунгузории амалкунандаи Ҷумҳурии Тоҷикистон асосҳои муносибатҳоро оид ба фаъолияти озоди соҳибкорӣ бо истифода аз шаклҳои гуногуни моликият кафолат медиҳад ва такмили танзими ҳуқуқӣ, инчунин таъмини рушди рақамикунонии муносибатҳои соҳибкорӣ-ҳуқуқиро таъмин менамояд. Дар шароити муосири рушди равандҳои иқтисодӣ дар Тоҷикистон ва ҳамгироии байналмилалӣ, таъмин ва рушди рақамикунонӣ дар тамоми соҳаҳои фаъолияти субъектҳои соҳибкорӣ дорои хусусиятҳои ҳуқуқӣ буда, онҳо талаб менамоянд, ки бо равиши системавӣ таҳқиқ карда шаванд. Дар таҳқиқоти мазкур дар ҷанбаҳои илмӣ-назариявӣ ва амалӣ хусусиятҳои ҳуқуқии таъмини рақамикунонии муносибатҳои соҳибкорӣ ифшо гардидаанд. Баъзе меъёрҳои асосии қонунгузории амалкунандаи Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки ба мавзӯи таҳқиқот вобаста мебошанд, таҳлил шуда, хулосаҳо ва пешниҳодҳо оид ба такмили асосҳои ҳуқуқӣ ва танзими давлатии таъмини равандҳои рақамикунонӣ дар ҷомеаи муосир пешниҳод гардидаанд.

Калидвожаҳо: Конститутсия, қонунҳо, танзими давлатӣ, рақамикунонӣ, ҳифзи ҳуқуқ, манфиатҳои қонунӣ, ӯҳдадориҳо, субъектҳои ҳуқуқ, мақомоти давлатӣ.

В общепринятом понимании, цифровая экономика представляет собой систему экономических связей, основанную на использовании цифровых данных в качестве основного фактора производства во всех секторах. Цифровую экономику часто называют электронной, сетевой, веб-интернет-экономикой, подчёркивая, что предпринимательская деятельность в ней осуществляется посредством электронных, цифровых технологий. При этом, акцент делается на производстве товаров, предоставлении услугах и сервисах, которые реализуются с помощью электронной коммерции, а не на самом программном обеспечении, используемом для этого.

Формирование и развитие цифровых отношений в предпринимательстве характеризуется активным использованием информационно-коммуникационных технологий в целях осуществления различных видов взаимодействий между всеми участниками экономических процессов. Основными участниками этих процессов во всём мире выступают субъект предпринимательской деятельности, и исполнительный орган государственный власти.

Гарантия осуществления свободной предпринимательской деятельности в Таджикистане основывается конституционными нормами (статья 12 Конституции Республики Таджикистан [1]).

В современных условиях увеличение цифровых элементов непосредственно приводит к цифровизации, что, следовательно, остаётся крайне важной, включая сферу правовых, экономических, социальных и других наук. Вместе с тем, цифровизация непосредственно влияет на сферу осуществления предпринимательской деятельности, производства товаров, предоставление услуг, выполнение работ, в целом на экономику страны.

Научные источники свидетельствуют о том, что идея электронной (цифровой) экономики была впервые сформулирована в конце XX века. Так, в 1995 году американский информатик Николас Негропонте в своей книге «Being Digital» («Цифровое существование») предложил концепцию, согласно которой «электронная экономика основана на смене подхода в хозяйственной деятельности человечества – от аналоговой обработки атомов к цифровому взаимодействию через электронные биты» [13, с.243]. Отмечается, что «в условиях неопределённости векторов развития цифровой экономики ключевой задачей становится юридическая фиксация социальных структур и её становления для обеспечения общественной справедливости» [10, с.126].

Определение цифровой экономики предусмотрено в «Государственной среднесрочной Программе развития цифровой экономики Республики Таджикистан на период 2021-2025 годы», утверждённой Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 2021 года [9]. Так, «**цифровая экономика** – это цифровизация сфер национальной экономики посредством широкого использования цифровых компьютерных технологий, способствующих повышению производительности производства, оснащённости, хранения, продаж и доступа к товарам и услугам».

Основываясь положениями статьи 69 Конституции Республики Таджикистан, Президент Республики Таджикистан, определяет основные направления внутренней и внешней политики республики. Так, в своём Послании законодательному органу страны, Основатель мира и национального единства - Лидер нации, Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон от 28 декабря 2024 особо отметил: «Таджикистан идёт устойчивыми шагами по пути перехода к цифровизации сфер национальной экономики во имя обеспечения прозрачности финансово-экономических отношений»[2].

«В следующие 5 лет для продвижения цифровой экономики необходимо уделять первостепенное внимание следующим направлениям:

Первое, оперативное совершенствование правовых основ и принятие необходимых документов в направлении перехода на цифровую экономику.

Второе, развивать цифровую инфраструктуру до сетей 5G, развития центра разработки данных, создания совершенной национальной платформы данных.

Третье, полная цифровизация государственных услуг и создание единой платформы государственных услуг.

Четвёртое, развитие человеческого капитала путём изучения и квалификации кадров по информационным технологиям внутри и за пределами страны, повышение уровня культуры использования цифровых технологий.

Пятое, широкое использование искусственного интеллекта в ходе предложения услуг и системы государственной регистрации.

Шестое, принятие мер в направлении обеспечения кибербезопасности информационных платформ.

Седьмое, формирование цифрового предпринимательства и развитие электронной торговли.

Для расширения инновационных процессов и всестороннего использования возможностей цифровых технологий в различных сферах экономики предлагаю объявить 2025-2030 годы «Годами развития цифровой экономики и инноваций» [2].

Таким образом, с целью реализации государственной политики в сфере обеспечения и развития цифровизации предпринимательских процессов в стране имеются основополагающие нормы. Наряду с этим, в условиях глобальной цифровой трансформации, которая постепенно затрагивает все экономические отрасли, Таджикистан переживает активный переход к цифровой экономике в масштабах национальной экономики.

В контексте экономического развития цифровые преобразования представляют собой социально-экономический и инновационно-технологический сдвиг, который способствует улучшению учётной политики в системе правового обеспечения. В этой сфере электронные документы являются ключевым элементом перехода к цифровому учёту, и их применение уже распространено почти повсеместно среди субъектов предпринимательской деятельности.

Следует отметить, что нормативно-правовая база цифровизации создаётся для того, чтобы государственные программы и стратегии могли быть реализованы на практике. Они предусмотрены, закреплены в таких основных государственных документах, как: «Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года» [6], «Стратегия развития «зелёной» экономики в Республике Таджикистан на 2023–2037 годы» [7], «Концепция цифровой экономики в Республике Таджикистан» [8], «Среднесрочная программа развития цифровой экономики в Республике Таджикистан на 2021-2025 годы» [9] и другие.

При исследовании правовых аспектов регулирования развития цифровизации предпринимательства в современных условиях следует обратиться к Стратегии развития «зелёной» экономики в Республике Таджикистан на 2023–2037. Как показывает анализ норм и положений данной Стратегии, цифровизация предусматривается только в сфере сельского хозяйства. Так, в параграфе 3 Стратегии (Внедрение принципов «зелёной» экономики в сельское хозяйство) предусматривается, что основными задачами сектора является цифровизация и использование искусственного интеллекта в сельском хозяйстве и ирригации (пункт 84 Стратегии), и осуществление цифровизации, использование искусственного интеллекта, повсеместное осуществление гендерных вопросов в сфере органического сельского хозяйства (пункт 85 Стратегии).

Общеизвестно, что обеспечение развития «зелёной» экономики в стране, тесно взаимосвязаны с комплексной цифровизацией экономических процессов, и они должны основываться правовыми нормами.

Исмаилов Ш.М. отмечает, что экономические отношения и регулирующие их промежуточные нормативные правовые акты обретут определённую устойчивость при достижении поставленных перед ними целей, их результаты будут соответствовать как интересам предпринимателей, так и интересам общества, местных органов власти, настанет время для принятия парламентом или правительством страны «нормального» нормативного правового акта длительного срока действия [11, с. 113].

Правовое регулирование цифровизации в предпринимательских отношениях в Таджикистане основывается нормами Гражданского кодекса Республики Таджикистан (ГК РТ) [3]. Гражданское законодательство регулирует правовые имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников (статья 2 ГК РТ).

Однако, в нормах ГК РТ цифровое право предусматривается только в содержании пункта 3 статьи 521 (Договор купли-продажи). Как следует, положения об обязательствах продавца и покупателя передать товар и уплатить денежную сумму за товар, применяются к продаже имущественных прав, том числе **цифровых прав**, если из содержания или характера этих прав не вытекает иное.

Конечно, в нормах ГК РТ требуется более конкретная регламентация правовых отношений в сфере цифровизации. Законодательному органу необходимо принять во внимание перспективные масштабы государственных стратегических целей и направлений в сфере обеспечения цифровизации экономических процессов. Для этого имеется основание. Так, в соответствии с пунктом 5 статьи 3 ГК РТ (Основные принципы гражданского законодательства), гарантируется, что оборот товаров, исполнение работ, оказание услуг и финансовых средств осуществляются свободно на территории Республики Таджикистан.

В процессе исследования в области регулирования цифровизации предпринимательских отношений в Таджикистане были проанализированы некоторые законы Республики Таджикистан, регулирующие правовые отношения в сфере цифровизации предпринимательской деятельности, а также связанные с их развитием.

Особое место и значение в цифровизации предпринимательства занимает правовое регулирование электронных документов. В этой сфере Закон Республики Таджикистан №1965 от 15 марта 2023г. «Об электронном документе и электронной подписи»[4] устанавливает правовые, организационные основы, порядок обращения и использования электронных документов, а также создание и использование электронных подписей в процессе формирования и использования электронных документов. По сущности и содержанию цифровую экономику часто называют электронной, или же сетевой, веб-интернет-экономикой. При этом, осуществление предпринимательской деятельности в ней осуществляется посредством электронных, цифровых технологий.

В совокупности, о цифровизации предпринимательских правовых отношений законодателем в нормах настоящего закона уделено недостаточное внимание. Хотя, законодательство об электронном документе и электронной подписи основывается на Конституции Республики Таджикистан, состоит из других нормативных правовых актов стран, а также международных правовых актов, признанных Таджикистаном.

Такого рода особенности правового регулирования цифровизации в сфере предпринимательства в законодательстве можно наблюдать и в некоторых других сферах. Так, Законом Республики Таджикистан №1921 от 24 декабря 2022 года «Об электронной торговле» [5] регулируются общественные отношения в сфере электронной торговли. Нормы закона направлены на защиту законных прав и интересов участников электронной торговли, а также обеспечение их деятельности.

О цифровизации электронной торговли свидетельствует содержание нормы статьи 2 Закона №1921, где предусматривается, что настоящий закон распространяется на сделки, осуществляемые с использованием информационно-коммуникационных сетей и электронных процедур.

Проанализированные нормы настоящего закона свидетельствуют о том, что электронная цифровая подпись содержится только в статье 11 Закона об электронной торговле, и то в содержании копии электронного документа. Так, в пункте 3 настоящей статьи предусматривается: «копия электронного документа на бумажном носителе имеет юридическую силу, если обладатель электронной цифровой подписи или другой подобной электронной подписи подписал её вручную или уполномоченное лицо её заверило».

В этой сфере, нормы, содержащиеся в статье 6 Закона об электронной торговле, направлены на обеспечения развития цифровизации предпринимательских отношений. Как закреплено, государство в целях развития электронной торговли, как приоритетное направление экономической политики, обеспечивает координацию деятельности министерств и ведомств, местных исполнительных органов государственной власти, органов самоуправления посёлков и сёл, физических и юридических лиц.

Более того, как устанавливается, государственная политика в сфере электронной торговли направлена на: 1) поддержку и стимулирование электронной торговли; 2) создание условий для привлечения инвестиций, современных технологий и оборудования для осуществления электронной торговли; 3) стимулирование научно-технических исследований, подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров; 4) содействие международному сотрудничеству в сфере электронной торговли (п. 2 статьи 6 настоящего Закона).

В условиях, когда основным приоритетным направлением государственной политики в сфере развития предпринимательства определена цифровизация экономики,

и более того она объявлена как стратегическое направление, на наш взгляд, законодателем уделено недостаточное внимание самой цифровизации, а также основным субъектам предпринимательской деятельности.

Таким образом, по результатам проведённого правового анализа в сфере развития цифровизации предпринимательства можно сформулировать выводы о том, что законы, иные нормативно-правовые акты страны, так или иначе, регулируют цифровую экономику. Но, однако, для ускорения процесса цифровизации, важно, чтобы они соблюдались всеми субъектами и участниками предпринимательских отношений. Как закреплено в статье 17 Конституции Республики Таджикистан, «все равны перед законом и судом».

Справедливо отмечает Исмаилов Ш.М., что в демократическом политическом режиме никто не стоит выше закона: государственные органы, должностные лица, партии, общественные объединения связаны с правом и конституционным строем и действуют на основе законности, в то время как Конституция имеет высшую правовую силу и имеет прямое действие [12, с. 118].

По нашему мнению, обеспечение реализации цифровизации предпринимательских отношений в стране возможно только в условиях принятия соответствующих правовых мер и механизмов их реализации [14**,** с.103-104]. Для этого необходимо принятие стратегии комплексного правового регулирования отношений в цифровой экономике страны. Кроме этого, предусмотренные нормы об ответственности в сфере цифровизации предпринимательских правовых отношений, цифровой экономики с учётом реалий современности требует постоянного совершенствования.

Таким образом, с учётом сложившейся ситуации в целях обеспечения развития цифровизации предпринимательских отношений, экономики в целом, на наш взгляд, целесообразно принятие соответствующих мер. Так как цифровая экономика должна строиться на должном уровне, что в совокупности определяет их воздействие на жизнь граждан и всего общества.

В условиях цифровизации предпринимательских отношений особое значение имеют правовые аспекты защита прав потребителей. Настоящая сфера в современных условиях приобретает исключительную значимость**,** что обуславливает необходимость пересмотра действующего законодательства и разработки новых правовых актов, направленных на комплексное регулирование данной области**.**

Государству, в лице законодательного органа, исполнительной власти необходимо сделать особый акцент на том, что создание цифровой среды доверия требует глубоких изменений в законодательстве, экономических процессах, регулирующем процессы определения субъектов и объектов правоотношений.

Таким образом, в современных условиях предполагается реализация комплексных концептуальных мер по совершенствованию правового регулирования для стимулирования развития цифровизации предпринимательских отношений. Представляется, что благодаря этому отношения, возникающие в цифровой сфере, получат комплексное урегулирование, а механизм правового регулирования соответствующих взаимодействий будет отлажен. Целесообразны более основательные преобразования нормативно-правовой базы, которые затронут сами принципы правового регулирования и будут согласованы с технологическими особенностями функционирования цифровой экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Таджикистан (принята 6 ноября 1994 года путём всенародного референдума. Таким же путем в неё были внесены изменения и дополнения 26 сентября 1999, 22 июня 2003 и 22 мая 2016 гг.). – Душанбе, Гандж, 2016.

2. Послание Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона об основных направлениях внутренней и внешней политики республики, 28.12.2024 // https://www.president.tj (дата обращения 31.12.2024).

3. Гражданский кодекс Республики Таджикистан (официальный текст) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2022 год, №12, часть 1 (1566).

4. Закон Республики Таджикистан «Об электронном документе и электронной подписи» // www.mmk.tj (дата обращения 22.01.2025).

5. Закон Республики Таджикистан «Об электронной торговле» // www.mmk.tj (дата обращения 10.10.2024).

6. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года // Утверждённая Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан, № 636, от 1 декабря 2016 года. (https://medt.tj/documents/main/strategic_national_programm/strategic_national_prog_ru.pdf (дата обращения 15.12.2023)).

7. Стратегия развития «зелёной» экономики в Республике Таджикистан на 2023–2037 годы // Утверждённая Постановлением Правительства Республики Таджикистан, №482, от 30 сентября 2022 года. (https://medt.tj/images/08.02.2024.pdf (дата обращения 11.12.2024)).

8. Концепция цифровой экономики в Республике Таджикистан // Утверждённая Постановлением Правительства Республики Таджикистан, №642, от 30 декабря 2019 года.(https://medt.tj/images/news/2019/KCERT.pdf (дата обращения 15.09.2023)).

9. Среднесрочная программа развития цифровой экономики в Республике Таджикистан на 2021-2025 годы // Утверждённая Постановлением Правительства Республики Таджикистан, №460, от 26 октября 2021 года (https://www.medt.tj/images/20-07-2022-3.pdf (дата обращения 10.11.2023)).

10. Вайпан В.А. Теория справедливости: право и экономика. Монография. – М.: Юстицинформ, 2017. – 386 с.

11. Исмаилов Ш.М. Правотворчество в сфере предпринимательства: направления исправления ошибок // Актуальные проблемы экономики и права в условиях глобализации. Материалы Республиканской научно-практической конференции, посвящённой 30-летию Государственной независимости Республики Таджикистан (29 мая 2021 год). – Душанбе, Шохин-С, 2021. – 504 с.

12. Исмоилов Ш.М. Ташаккули давлати ҳуқуқбунёд тибқи конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон соли 1994 (Формирование правового государства по Конституции Республики Таджикистан 1994 года) // Маҷмуаи мақолаҳои конференсияи ҷумҳуриявии илмӣ-амалӣ дар мавзуи «Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон заминаи рушди ҳуқуқи инсон ва давлатдории миллӣ» (26 октябри соли 2024). (Сборник статей республиканской научно-практической конференции на тему «Конституция Республики Таджикистан основы развития прав человека и национальной государственности», 26 октября 2024г.). – Душанбе, 2024. – 544 с.

13. Negroponte Nicholas. Being Digital. New York: Alfred A. Knopf. 1995. - 243p.

14. Самадзода Б.О. Правовые особенности обеспечения развития цифровизации предпринимательских отношений в современном Таджикистане. Развитие цифровизации экономических процессов в условиях международной интеграции: правовые аспекты и основные направления. Коллективная монография. / Под редакцией д.ю.н., профессора Курбатова А.Я., д.ю.н., доцента Самадзода Б.О. – Худжанд: Ношир, 2025. – 292 с.

УДК 349.2

ТЕНДЕНЦИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

АЛЛАЯРОВА НАРГИЗА ИМАМНАЗАРОВНА
Южно-Казахстанский исследовательский университет им. М. Ауэзова (г. Шымкент, Казахстан), старший преподаватель, доктор PhD.
Тел.: +7 707 423 77 23; E-mail: nargizaimamnazarovna@gmail.com

В настоящей статье рассмотрены тенденции цифровизации трудовых отношений. В настоящее время наблюдается активная интеграция цифровых технологий в трудовые отношения. Так, цифровизация трудовых отношений становится не только средством обеспечения цифровыми технологиями сферы труда, но и дает основу для трансформации трудовых отношений. Следует отметить, активное применение трудовым рынком Республики Казахстан цифровых технологий при заключении электронных трудовых договоров. Согласно, трудового законодательства Республики Казахстан, трудовой договор представляет собой документ, подтверждающий факт осуществления принятых на себя прав и обязанностей с одной стороны наемного работника и с другой стороны работодателя. При рассмотрении трудового договора о дистанционной работе, необходимо отметить специфический характер выполнения работы работником, а именно выполнения работы за пределами места нахождения работодателя. Ранее выполнение трудовой функции работником осуществлялось непосредственно на территории работодателя. В последнее время наблюдается рост применения данной формы выполнения работником трудовой функции, такой как дистанционная работа. В связи с развитием информационных коммуникационных технологий и широкого применения Интернета перспектива дальнейшего роста выполнения дистанционной работы имеет большой потенциал. Необходимо отметить, что дистанционная работа на законодательном уровне не достаточно регламентирована, и это порождает множество вопросов у участников трудовых правоотношений. По нашему мнению, в положениях трудового законодательства о дистанционной работе необходимо раздельно предусмотреть регулирование трудового договора о дистанционной работе с иностранными гражданами, находящимися на территории Республики Казахстан и иностранными гражданами, находящимися за ее пределами. В настоящее время все участники дистанционной работы очень заинтересованы в более четкой регламентации заключения трудового договора о дистанционной работе, так как данный вид трудового договора предполагает соблюдение всех имеющихся юридических, налоговых и иммиграционных требований.

Ключевые слова: трудовой кодекс; работодатель; работник; трудовые отношения; информационно-коммуникационные технологии.

ТАМОЮЛҲОИ РАҚАМИКУНОНИИ МУНОСИБАТҲОИ МЕҲНАТӢ

АЛЛАЯРОВА НАРГИЗА ИМАМНАЗАРОВНА
Донишгоҳи тадқиқотии Ҷанубии Қазоқистон ба номи М. Ауэзов (ш. Шимкент, Қазоқистон), омӯзгори калон, доктори PhD. Тел.: +7 707 423 77 23; E-mail: nargizaimamnazarovna@gmail.com

Дар мақолаи мазкур тамоюлҳои рақамикунонии муносибатҳои меҳнатӣ баррасӣ шудаанд. Дар айни замон ҳамгироии фаъолонаи технологияҳои рақамӣ ба муносибатҳои меҳнатӣ мушоҳида мегардад. Ҳамин тавр, рақамикунонии муносибатҳои меҳнатӣ на танҳо воситаи таъмин намудани соҳаи меҳнат бо технологияҳои рақамӣ

мебошад, балки заминаи табдилёбии муносибатҳои меҳнатиро низ фароҳам меорад. Бояд қайд намуд, ки бозори меҳнати Ҷумҳурии Қазоқистон аз технологияҳои рақамӣ ҳангоми бастани шартномаҳои электронии меҳнатӣ фаъолона истифода мебарад. Мутобиқи қонунгузории меҳнатии Ҷумҳурии Қазоқистон, шартномаи меҳнатӣ ҳуҷҷате мебошад, ки далели амалӣ гардидани ҳуқуқ ва уҳдадориҳои ба зимма гирифташудаи корманди кироя ва корфарморо тасдиқ мекунад. Ҳангоми баррасии шартномаи меҳнатӣ оид ба кори фосилавӣ, бояд хусусияти махсуси иҷрои кор аз ҷониби корманд қайд карда шавад, яъне иҷрои кор берун аз маҳалли ҷойгиршавии корфармо. Қаблан иҷрои вазифаҳои меҳнатӣ аз ҷониби корманд бевосита дар ҳудуди корфармо анҷом дода мешуд. Дар солҳои охир афзоиши истифодаи чунин шакли иҷрои вазифаи меҳнатӣ, яъне кори фосилавӣ, мушоҳида мегардад. Дар робита ба рушди технологияҳои иттилоотию коммуникатсионӣ ва истифодаи васеи Интернет, дурнамои афзоиши минбаъдаи кори фосилавӣ хеле баланд аст. Қайд намудан зарур аст, ки кори фосилавӣ дар сатҳи қонунгузорӣ ба таври кофӣ танзим нашудааст ва ин ҳолат барои иштирокчиёни муносибатҳои меҳнатӣ саволҳои зиёдеро ба вуҷуд меорад. Ба андешаи мо, дар меъёрҳои қонунгузории меҳнатӣ вобаста ба кори фосилавӣ бояд танзими алоҳидаи шартномаи меҳнатӣ барои шаҳрвандони хориҷӣ, ки дар ҳудуди Ҷумҳурии Қазоқистон қарор доранд ва шаҳрвандони хориҷие, ки берун аз он қарор доранд, пешбинӣ гардад. Дар айни замон ҳамаи иштирокчиёни кори фосилавӣ ба танзими дақиқтари тартиби бастани шартномаи меҳнатӣ оид ба кори фосилавӣ манфиатдоранд, зеро ин навъи шартнома риояи ҳамаи талаботи ҳуқуқӣ, андозӣ ва муҳоҷиратиро пешбинӣ менамояд.

Калидвожаҳо: Кодекси меҳнат, корфармо, корманд, муносибатҳои меҳнатӣ, технологияҳои иттилоотию коммуникатсионӣ.

TRENDS IN DIGITALIZATION OF LABOR RELATIONS

ALLAYAROVA NARGIZA IMAMNAZAROVNA
South Kazakhstan Research University named after M. Auezov (Shymkent, Kazakhstan), Senior Lecturer, PhD. Tel.: +7 707 423 77 23; E-mail: nargizaimamnazarovna@gmail.com

This article discusses the trends in digitalization of labor relations. Currently, there is an active integration of digital technologies into labor relations. Thus, digitalization of labor relations is becoming not only a means of providing digital labor technologies, but also provides a basis for the transformation of labor relations. It should be noted that the labor market of the Republic of Kazakhstan actively uses digital technologies when signing electronic labor contracts. According to the labor legislation of the Republic of Kazakhstan, an employment contract is a document confirming the fact of accepted of the rights and obligations assumed on the one hand by the employee and on the other hand by the employer. When considering an employment contract on remote work, it is necessary to note the specific nature of the work performed by the employee, namely, the performance of work outside the employer's location. Previously, the employee performed the labor function directly on the territory of the employer. Recently, there has been an increase in the use of this form of employee performance of a labor function, such as remote work. Due to the development of information and communication technologies and the widespread use of the Internet, the prospect of further growth remote work has great potential. It should be noted that remote work at the legislative level is not sufficiently regulated, and this raises many questions for participants in labor legal relations. In our opinion, in the provisions of the labor legislation on remote work, it is necessary to separately provide for the regulation of the labor contract on remote work with foreign citizens located in the territory of the Republic of Kazakhstan and foreign citizens located abroad. Currently, all participants of remote work are very

interested in clearer regulation of the signing of an employment contract on remote work, so this type of employment contract implies compliance with all existing legal, tax and immigration requirements.

Keywords: labour code; employer; employee; labor relations; information and communication technologies.

Введение

В настоящее время наблюдается активная интеграция цифровых технологий в трудовые отношения. Так, цифровизация трудовых отношений становится не только средством обеспечения цифровыми технологиями сферы труда, но и дает основу для трансформации трудовых отношений. Следует отметить, активное применение трудовым рынком Республики Казахстан цифровых технологий при заключении электронных трудовых договоров, также тенденцию бурного роста применения дистанционной работы и превращения ее в одну из составляющих элементов развитого общества.

Основная часть

Так, заключение трудовых договоров в электронном виде производится посредством Единой системы учета трудовых договоров (ЕСУТД). Электронные трудовые договора являются дополнительной опцией к традиционной форме трудового договора, заключаемого в письменной форме.

Регистрация трудовых договоров осуществляется через сайт https://www.enbek.kz. Для этого необходимо зарегистрироваться на портале Электронная биржа труда www.enbek.kz , сведения о предприятии должны быть подтверждены электронной цифровой подписью (ЭЦП). Основными преимуществами ЕСУТД являются:

-упрощение процесса трудоустройства в связи с отсутствием необходимости сбора бумажных документов;

-защита от социальных рисков благодаря отображению наличия договора, взносов и отчислений в фонды, а также закреплению обязательств работодателя перед работником.

Договоры могут заключаться на двух языках: казахском и русском.

В личном кабинете электронного правительства можно проверить информацию о текущем трудовом договоре в разделе «Трудовая деятельность», где отображается название предприятия, дата заключения, номер договора и должность [1].

Как пояснил Ербол Оспанов, «преимущество для работника - ему не нужна бумажная трудовая книжка. Он может всегда в личном кабинете на портале биржи труда получить на себя досье - где, кем, когда работал. Ему не грозит утеря документов - он может их распечатать в любой момент. Это защита прав работника: если работодатель нарушает права работника, он будет всегда это видеть. Например, то, что ему не отчисляют пенсионные отчисления, взносы за медицинское и социальное страхование» [2].

В соответствии с действующим законодательством Республики Казахстан реализация труда производится посредством заключения трудового договора между работодателем и работником.

Трудовой договор отличается от других видов договоров тем, что работник обязан выполнять оговоренную работу по согласованной квалификации и профессии, выполнение трудовой функции должно быть осуществлено самим работником в соответствии с правилами трудового распорядка, труд работника подлежит обязательной оплате работодателем.

В соответствии с требованиями действующего трудового законодательства Республики Казахстан, для заключения трудового договора, работнику необходимо подготовить пакет следующих документов таких, как: удостоверение личности и для

лиц не достигших совершеннолетия свидетельства о рождении; для иностранных граждан вид на жительство и для лиц без гражданства постоянно проживающих в стране, соответствующие удостоверения; документ о наличии необходимого образования или квалификации; трудовую книжку или документ, подтверждающий наличие трудового стажа; справка, подтверждающая медицинское освидетельствование.

Также при заключении трудового договора учитывается возраст работника, согласно которому определяется трудовая функция работника и условия его труда.

Согласно, трудового законодательства Республики Казахстан, трудовой договор представляет собой документ, подтверждающий факт осуществления принятых на себя прав и обязанностей с одной стороны наемного работника и с другой стороны работодателя. При рассмотрении трудового договора о дистанционной работе, то можно отметить, что само выполнение трудовых обязанностей имеет специфический характер и представляет собой работу, осуществляемую работником за пределами места нахождения работодателя. Хотелось бы отметить, что в настоящее время данная форма выполнения трудовой функции требует ее расширенного рассмотрения и полной детализации всего процесса заключения подобного договора и условий выполнения дистанционной работы.

Ранее выполнение трудовой функции работником осуществлялось только на территории работодателя. Решение многих проблем, препятствующих трудоустройству работника, поспособствовало популяризации удаленной работы и ее применению в обществе. В связи с развитием информационных коммуникационных технологий и широкого применения Интернета перспектива дальнейшего роста выполнения дистанционной работы имеет большой потенциал.

Дистанционная работа в Республике Казахстан была введена Законом от 1 июля 2021 года № 61-VII, который внес изменения и дополнения в Трудовой кодекс Республики Казахстан (ТК РК). Закон вступил в силу с 13 июля 2021 года, добавив понятия «дистанционная работа» и «комбинированная дистанционная работа» [3], и установив правовое регулирование трудовых отношений, возникающих из осуществления работником дистанционной и комбинированной работы в Республике Казахстан.

При рассмотрении статистики, можно сказать, что в последнее время наблюдается рост применения иной формы выполнения работником трудовой функции, такой как дистанционная работа.

Численность дистанционно занятого населения в РК за год увеличилась сразу на 18,6%, составив в четвёртом квартале 2024-го 46,7 тыс. человек. Годом ранее был отмечен рост на 5,4%. В то же время доля удалённых работников от общей численности занятого населения осталась крайне незначительной (по крайней мере, по официально имеющимся данным): за год она выросла, но лишь с 0,44% до 0,51%.

С увеличением численности дистанционно занятых растёт также и доля тех из них, кто обеспечен средствами коммуникации и связи для работы, предоставленными работодателями. За год показатель увеличился с 3,8% до уже ощутимых 13,7%, или с 1,5 тыс. до 6,4 тыс. человек.

В региональном разрезе в четвёртом квартале 2024 года наибольшая численность дистанционно занятого населения была зафиксирована в Актюбинской области: 11,3 тыс. человек. Там же наблюдалась самая большая доля удалённых работников от всего занятого населения: 2,46%. Следом идут Жетысуская (7 тыс. человек, или 2,33%) и Мангистауская (6,6 тыс. человек, или 1,89%) области [4].

Аналитики Казахстанского института стратегических исследований при президенте РК отмечают, что гибкие формы занятости становятся всё более популярными именно у молодёжи. В этой возрастной группе есть стремление придерживаться глобального тренда work-life balance (баланса между жизнью и работой). По оценкам, потенциал применения

удалённой работы среди молодёжи в Казахстане может составлять до 30% от общей занятости в этой группе.

Аналитики международной компании WFH Map, которые исследуют особенности развития дистанционных форм занятости во всём мире, провели оценку готовности общества к такой форме работы по открытым вакансиям на рынке труда. Вот к каким результатам привели такие исследования рынка труда в США в прошлом году. При изучении предложений рекрутеров аналитики выделили отрасли с самыми большими долями вакансий с возможностью удалённого режима работы. Оказалось, что наибольший удельный вес таких вакансий наблюдается в сферах финансов и страхования (25,1%), экспертной деятельности (23%), информации и IT (19,6%). Примечательно, что во многих «некомпьютерных» секторах в США доля вакансий для удалённых сотрудников тоже довольно велика. Например, в сфере производства их удельный вес составил 13,3%, а в сегменте оптовой торговли - 12,8% [5].

Действующим Трудовым кодексом Республики Казахстан предусмотрена только одна статья, рассматривающая дистанционную работу и отсутствие подробного правового регулирования данной работы порождает много вопросов у участников трудовых правоотношений.

Согласно подпункта 55-2) ст.1 Трудового кодекса Республики Казахстан, дистанционная работа - осуществление трудового процесса вне места нахождения работодателя, принимающей стороны и их объектов с применением в процессе трудовой деятельности информационно-коммуникационных технологий [6].

Из указанного следует, что возможен прием работника на дистанционную работу находящегося на отдаленном расстоянии от работодателя и нахождение его на территории работодателя не требуется. Здесь возникает вопрос о том, как работодатель может привлечь гражданина иностранного государства, проживающего на территории другого государства на дистанционную работу. При рассмотрении трудового законодательства Республики Казахстан, следует, что в Трудовом кодексе регламентировано только заключение трудового договора с иностранным работником, постоянно проживающим на территории Республики Казахстан, а именно при условии наличия вида на жительство, которое входит в обязательный перечень документов для оформления трудового договора (ст.32 ТК РК).

Перечень документов необходимый для заключения трудового договора о дистанционной работе с иностранным работником, проживающим за пределами Республики Казахстан трудовым законодательством в настоящее время не уточнен.

На основании вышеизложенного предлагаем подпункт 2) п.1 ст.32 Трудового кодекса Республики Казахстан изложить в следующей редакции:

2) вид на жительство иностранца в Республике Казахстан или удостоверение лица без гражданства (для иностранцев и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории Республики Казахстан) либо удостоверение беженца; для иностранцев, постоянно проживающих за пределами территории Республики Казахстан, паспорт или удостоверение личности.

По нашему мнению, в положениях трудового законодательства о дистанционной работе необходимо раздельно предусмотреть регулирование трудового договора о дистанционной работе с иностранными гражданами, находящимися на территории Республики Казахстан и иностранными гражданами, находящимися за ее пределами.

При этом, необходимо учесть, что согласно трудового законодательства Республики Казахстан, работодателю необходимо создать безопасные условия труда для работника, в этом случае возникает вопрос об организации соблюдения условий труда, также проведение расследования несчастного случая, связанного с трудовой деятельностью иностранного гражданина, находящегося на территории другого государства. Также трудовым законодательством Республики Казахстан для

работников дистанционной работы предусмотрен фиксированный учет рабочего времени, так его контроль и соответственно применение дисциплинарных взысканий тоже остается затруднительным, особенно в случае дистанционной работы иностранных граждан, находящихся за пределами Республики Казахстан. По своей сути дисциплинарные взыскания применяются при нарушении работником трудовой дисциплины, так работодатель может не располагать возможностью определения фактического состояния работника, и определения возможности допуска работника к выполнению им трудовой функции. В этом случае контроль работодателя отсутствует и допускается возможность возникновения несчастного случая в процессе выполнения работником трудовой функции, проблема может возникнуть при обосновании создания подобной ситуации по вине работника, так как работодатель не будет обладать необходимыми доказательствами.

Следует отметить, что условия заключения трудового договора о дистанционной работе с иностранными гражданами, находящимися за пределами Республики Казахстан должны соответствовать требованиям как страны проживания работника, так и страны работодателя. В стандартные трудовые договоры о дистанционной работе может потребоваться внести изменения с учетом международных элементов. Подлежит учету трудовое законодательство страны проживания работника в отношении продолжительности рабочего дня, требований к минимальной заработной плате и обязательных пособий. В некоторых юрисдикциях требуется регистрация в местных органах власти или участие в системах социального обеспечения. Также возможна необходимость учета мер по защите данных в соответствии с нормативными правовыми актами иностранных государств, особенно в регионах со строгими законами о конфиденциальности и т.д.

Заключение

Так, развитие информационных коммуникационных технологий и широкое применение Интернета поспособствовало появлению новой формы осуществления трудового процесса вне места расположения работодателя, как дистанционная работа. В настоящее время все участники дистанционной работы очень заинтересованы в более четкой регламентации заключения трудового договора о дистанционной работе, так как данный вид трудового договора предполагает соблюдение всех имеющихся юридических, налоговых и иммиграционных требований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Электронные трудовые договора в ЕСУТД. URL:https://egov.kz/cms/ru/articles/dogovora-v-ESUTD.
2. Казахстанцам не понадобятся трудовые книжки с 2021 года. URL:https://profit.kz/news/58638/Kazahstancam-ne-ponadobyatsya-trudovie-knizhki-s-2021-goda/.
3. Закон от 1 июля 2021 года № 61-VII «О внесении изменений и дополнений в Трудовой кодекс Республики Казахстан по вопросам совершенствования правового регулирования дистанционной работы». URL:https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36842891.
4. Численность удаленных работников в Казахстане выросла на 19% - однако это лишь 0,5% от всех занятых. URL:https://ranking.kz/reviews/socium/chislennost-udalyonnyh-rabotnikov-v-kazahstane-vyrosla-na-19-odnako-eto-lish-0-5-ot-vseh-zanyatyh.html.
5. Доля дистанционно работающих казахстанцев остаётся крайне небольшой - менее 1%. URL:https://energyprom.kz/articles-ru/society-ru/dolya-distanczionno-rabotayushhih-kazahstanczev-ostayotsya-krajne-nebolshoj-menee-1/.
6. Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 414-V. URL:https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38910832.

УДК: 347.6(575.1)

ISSUES RELATED TO ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE CONTRACTUAL LEGAL REGULATION OF INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS

XODJIYEV YUNUS MUXITDINOVICH
Tashkent State Law University, Associate Professor, Candidate of Legal Sciences. Tel.: +(998) 99 822 07 90; E-mail: yunushodjiev@mail.ru

This article analyzes the role and significance of artificial intelligence technologies in the contractual legal circulation of intellectual property objects. The author examines the use of smart contracts alongside traditional contracts in the commercialization of intellectual property objects. It also highlights the practical possibilities of blockchain technology in legal relations related to copyright, license agreements, author's contracts, digital assets, and NFTs. The article substantiates, from both theoretical and practical perspectives, the distinctive features of contracts concluded with the participation of artificial intelligence, the problems of their legal regulation, and the advantages of blockchain in the protection of intellectual property rights. On this basis, it concludes that there is a need for the broad introduction of digital technologies in improving contractual relations concerning intellectual property objects.

Keywords: intellectual property, artificial intelligence, smart contract, blockchain, copyright, related rights, license agreement, author's contract, NFT, digital assets, legal relationship, commercialization, intellectual property objects.

МАСЪАЛАҲОИ МАРБУТ БА ЗЕҲНИ СУНЪӢ ДАР ТАНЗИМИ ҲУҚУҚИИ ШАРТНОМАВИИ ОБЪЕКТҲОИ МОЛИКИЯТИ ЗЕҲНӢ

ХОДЖИЕВ ЮНУС МУХИТДИНОВИЧ
Донишгоҳи давлатии ҳуқуқии Тошкент, дотсент, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ. Тел.: +(998) 99 822 07 90; E-mail: yunushodjiev@mail.ru

Дар мақолаи мазкур нақш ва аҳамияти технологияҳои зеҳни сунъӣ дар гардиши шартномавии ҳуқуқии объектҳои моликияти зеҳнӣ таҳлил карда мешавад. Муаллиф истифодаи шартномаҳои интеллектуалӣ (smart contract)-ро дар баробари шартномаҳои анъанавӣ дар тиҷораткунонии объектҳои моликияти зеҳнӣ баррасӣ менамояд. Ҳамчунин имкониятҳои амалии технологияи блокчейн дар муносибатҳои ҳуқуқӣ вобаста ба ҳуқуқи муаллиф, шартномаҳои литсензионӣ, шартномаҳои муаллифӣ, дороиҳои рақамӣ ва NFT равшан карда мешаванд. Дар мақола хусусиятҳои фарқкунандаи шартномаҳои бо иштироки зеҳни сунъӣ басташаванда, мушкилоти танзими ҳуқуқии онҳо ва бартариҳои истифодаи блокчейн дар ҳифзи ҳуқуқҳои моликияти зеҳнӣ аз ҷиҳати назариявӣ ва амалӣ асоснок карда мешаванд. Дар асоси ин хулоса бароварда мешавад, ки зарурати ҷорӣ намудани васеи технологияҳои рақамӣ барои такмили муносибатҳои шартномавӣ дар соҳаи объектҳои моликияти зеҳнӣ вуҷуд дорад.

Калидвожаҳо: моликияти зеҳнӣ, зеҳни сунъӣ, шартномаи интеллектуалӣ, блокчейн, ҳуқуқи муаллиф, ҳуқуқҳои вобаста, шартномаи литсензионӣ, шартномаи муаллифӣ, NFT, дороиҳои рақамӣ, муносибатҳои ҳуқуқӣ, тиҷораткунонӣ, объектҳои моликияти зеҳнӣ.

ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ В ДОГОВОРНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

ХОДЖИЕВ ЮНУС МУХИТДИНОВИЧ
Ташкентский государственный юридический университет, доцент, кандидат юридических наук. Тел.: +(998) 99 822 07 90; E-mail: yunushodjiev@mail.ru

В статье анализируются роль и значение технологий искусственного интеллекта в договорном правовом обороте объектов интеллектуальной собственности. Автор рассматривает использование смарт-контрактов наряду с традиционными договорами в коммерциализации объектов интеллектуальной собственности. Также освещаются практические возможности технологии блокчейн в правоотношениях, связанных с авторским правом, лицензионными договорами, авторскими договорами, цифровыми активами и NFT. В статье с теоретической и практической точек зрения обосновываются отличительные особенности договоров, заключаемых с участием искусственного интеллекта, проблемы их правового регулирования, а также преимущества блокчейна в защите прав интеллектуальной собственности. На этой основе делается вывод о необходимости широкого внедрения цифровых технологий в совершенствование договорных отношений в сфере объектов интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, искусственный интеллект, смарт-контракт, блокчейн, авторское право, смежные права, лицензионный договор, авторский договор, NFT, цифровые активы, правоотношения, коммерциализация, объекты интеллектуальной собственности.

Introduction. Any person seeks to commercialize and earn income from what they create through their intellect, whether it is a work or an invention. Legislative provisions and practical experience show that the most effective and advanced means of commercializing intellectual property objects is through contracts. Article 1036 of the Civil Code provides that, under a license agreement, a party holding the exclusive right to the result of intellectual activity or to a means reflecting distinctive features (the licensor) may grant the other party (the licensee) permission to use the relevant intellectual property object. However, this is somewhat different in the field of copyright and related rights. The point is that proprietary rights may be transferred by the right holder to another person only through the conclusion of an author's contract. Today, with the development of information technologies, including artificial intelligence, intellectual property objects are being created, and even such objects are being introduced into civil circulation through contracts concluded by another artificial intelligence system.

In this regard, active measures should be taken to regulate social relations that are closely connected with information technologies, and appropriate mechanisms should be introduced.

Main Part

Section 1. Theoretical Aspects. In particular, the creation of artificial intelligence technology and the processes carried out as a result of it are giving not only the creation of intellectual property objects, but also legal relations, a distinctive character. As we have seen from the above paragraphs, the question of whether artificial intelligence may be recognized as an author or an inventor is one of the pressing issues facing the legal systems of countries around the world. At this point, the following question arises: assuming that artificial intelligence creates a particular intellectual object, in what form will its contractual legal relations and the intellectual property contracts concluded on that basis be implemented?

It should be emphasized that the use of smart contracts in the field of intellectual property may be the most appropriate solution. What, then, is a smart contract, and what are its distinctive features?

In his article, the legal scholar A. N. Yakubov states that a “smart contract” is an electronic contract in which at least one of the parties is not a natural person, the conclusion and performance are fully automated, and actions sufficient to regard the author’s intended objectives as achieved are evaluated with the help of artificial intelligence, based on pre-developed software and algorithms, while also giving rise to copyright in favor of its creator alongside contractual relations. [1].

Furthermore, N. Szabo, one of the authors of the concept of the smart contract, notes that the main difference between the use of a smart contract and a traditional contract lies in the fact that, through a smart contract, property is managed by digital means, for example, sold and lent through blockchain [2]. Therefore, based on this definition, it may be concluded that property managed by digital means is smart property.

According to the international legal scholar Gideon Greenspan, who has long conducted research in this field, “a smart contract is a set of codes stored on a blockchain that reads and writes data in that blockchain database on the basis of blockchain transactions,” and a smart contract can exist only together with blockchain. He further argues that if the blockchain ceases to exist, the smart contract will also disappear [3]. Thus, smart contracts may operate on the basis of blockchain technology, and one of the parties to the contract is always artificial intelligence. Therefore, in order to understand smart contracts, it is necessary first to discuss how blockchain technology functions and what its legal significance is. Let us turn to the concept of blockchain technology. The term “blockchain” literally consists of the words block and chain, meaning a chain of blocks. Blockchain is a database that is distributed among the nodes of a computer network. As a database, blockchain stores information in electronic form and in a digital format. Blockchains are best known for their crucial role in cryptocurrency systems such as Bitcoin, where they ensure the secure and decentralized recording of transactions [5]. According to A.Y. Ponomarchenko, blockchain is a decentralized technology used to protect the security and confidentiality of online transactions [6, p. 148–152].

Section 2. Practical Part. Blockchain is a transaction database consisting of a chain of sequentially structured digital blocks, each of which stores information about the preceding and the subsequent blocks. It is a type of digital ledger in which records are immutable due to the hash mechanism—a unique set of letters and numerical symbols where even a change in a single character would require corresponding changes in the other blocks [7].

Thus, blockchain is a distributed database, without a centralized repository, that stores data about all participants and represents the aggregate of operations of system participants in the form of a chain of blocks. At the same time, blockchain technology is also being widely applied in the field of intellectual property law. According to estimates of the World Economic Forum, more than 25 countries have invested 1.3 billion US dollars in blockchain technology and filed over 2,500 patents [8].

Summarizing these views, it may be stated that in a smart contract one party may be a natural or legal person, while the other party may be artificial intelligence. It is precisely this factor that gives rise to difficulties in the use of smart contracts. For example, the Ethereum blockchain is a blockchain capable of executing smart contracts [9]. In particular, program code makes it possible to redistribute digital assets or representations of physical objects in the form of transactions between two or more parties on the basis of other external data that may not yet be known at the time the code is programmed. In general, such software may also be defined as a function of digitally verifiable events that controls, monitors, or documents legally significant actions, including, in particular, the actual exchange of services.

Blockchain may serve as an effective tool for authors, right holders, as well as representatives or organizations managing their rights, in the protection of copyright objects, since it stores reliable information. As the German legal scholar R. Hauk emphasizes, the patent holder or the exclusive licensee may assert claims arising from a patent in their own name, particularly in cases of alleged infringement. Therefore, the claimant must prove that

they are in fact the holder of the relevant patent, or at least possess an exclusive license. If the patent has been acquired from the original owner, this may be difficult, since patents are not sold separately. In their view, with smart contracts, the services agreed upon under the contract and the contractual terms are recorded through a single software system [10, p. 17–41].

One of the main problems for copyright holders with respect to digital assets is usually the high risk of their illegal copying or unauthorized use. The use of smart contracts provides copyright holders with specific opportunities for the legal protection of proprietary rights, including proof of authentication and proof of first use at the stage of rights registration.

According to B. Clark and B. Mackenzie, smart contracts may be used to establish and implement agreements in the field of intellectual property law, such as licenses, and they make it possible to transfer payments to right holders in real time. In particular, "smart data" concerning copyright and related rights in protected content, such as a song or an image, may be encoded, for example, in digital form, within a music or image file [11].

Smart contracts may also be suitable for managing access authorization and granting licenses. For example, access to digital online content, such as music, videos, photographs, and other documents, may be provided only if the relevant payment made by the user has been confirmed on the blockchain. Likewise, in licensing relations, smart contracts make it possible to monitor the granting of licenses and sublicenses and the orderly payment of royalties, including calculations based on the number of purchased licenses or other data.

As a rule, copyright and related rights are transferred to other persons and commercialized through author's contracts. First of all, it is necessary to define the concept of an author's contract. An author's contract is understood as a contract concluded, on the one hand, between the author of a work of science, literature, or art, or the author's employer, or another holder of proprietary copyright, and, on the other hand, the user of the work. Under this contract, the author undertakes to grant the user, for remuneration, the right to use the work in an agreed manner and within a specified period, while the user undertakes to use the work in accordance with the right granted and to pay remuneration [12, p. 87]. Thus, an author's contract is a contract concluded with a person acting as a user for a specific purpose, which may include commercialization, concerning the rights belonging to the right holder, namely the author, employer, or another holder of copyright, with the scope of such rights being specified.

Articles 38–42 of the Law "On Copyright and Related Rights" are directly devoted to author's contracts. According to Article 38 of the Law, the transfer of the author's proprietary rights to another person may be carried out on the basis of an author's contract on the transfer of exclusive rights to another person or on the basis of an author's contract on the transfer of non-exclusive rights to another person.

The transfer to another person of ownership rights to a material object, or the right to possess a material object, does not in itself result in the transfer to that person of any copyright in the work embodied in that object.

It should be noted that the transfer, on a contractual basis, of ownership rights to a material object or of the right to possess a material object to another person does not mean the automatic transfer of copyright to that person. From this point of view, author's contracts differ from contracts in civil-law relations such as gift, inheritance, contract for work, paid services, and others.

In concluding such author's contracts, the use of smart contracts may be the most effective solution. As an object of copyright, music may employ smart contracts for several purposes, including the automation of license performance and as a form of digital rights management [13, P. 77–108].

It is also necessary to place particular emphasis on NFTs (non-fungible tokens). This is because copyright and related rights are now being freely sold precisely through such technologies associated with artificial intelligence. The following example helps to illustrate

this process more clearly. Works of visual art may be sold and purchased using NFT blockchain technology. In late 2015, the British singer, musician, and producer Imogen Jennifer Heap created the song Tiny Human as a pilot sample for her musical album Mycelia. Heap protected this song, of which she is the author, through the Ethereum blockchain technology. This technology provided the author with a number of advantages, including the possibility for I. Heap to communicate directly with her fans and to offer her work to them at an acceptable price. Through the Ethereum blockchain technology, sales of Tiny Human amounted to 133.20 US dollars [14, P. 290–300].

Taking into account that this blockchain technology operates on the basis of smart contracts, we may conclude that another method of concluding an author's contract is through smart contracts. This is because blockchain is regarded as one of the safest and most reliable means of protecting intellectual property. It functions on the basis of a decentralized system, which means that it cannot easily be compromised through various cyberattacks. In the above example, the singer I. Heap placed her song on a blockchain. Since blockchain allows free transfer and sale, the singer may sell her work to users under certain conditions, that is, the rights to her work may be transferred to users through smart contracts.

Before discussing the transfer or licensing of copyright to NFT purchasers, it is necessary to understand what non-fungible tokens are. As is well known, copyright is the right to own an original work of creative expression and to control its reproduction and use. NFTs are not works of art themselves; rather, they record the creation and ownership of an asset that may represent a work of art. An NFT is a cryptographic instrument defined and governed by a "smart contract" [15]. Smart contracts use blockchain technology to verify and record the existence and ownership of digital assets as well as tangible three-dimensional assets [16]. An NFT purchaser acquires control over the smart contract that defines and governs its functions.

Conclusion. Smart contracts also have particular significance with respect to means reflecting distinctive features. Traditionally, the following types of license agreements concerning the right to use trademarks are identified in the legal literature [17]: agreements under which only the person who has obtained the exclusive right may use the trademark for a specified period; agreements under which several licensees are entitled to use the mark, since the trademark owner, as licensor, has the right to conclude license agreements with other users; sublicenses, under which the licensee may grant licenses to third parties; full licenses, where the right to use the trademark (service mark) applies to all goods (services) for which the mark is registered; and partial licenses, where the right to use the trademark (service mark) applies only to a part of the goods (services) for which the mark is registered.

All of the above types of license agreements may be concluded in an optimal manner on the basis of smart contracts using blockchain technology. At the same time, it cannot be assumed that self-executing transactions, that is, smart contracts, are globally universal in form, since they may differ significantly depending on the type of blockchain platform concerned.

Today, it may be noted that there is active professional interest in the digitalization of the economy in general and in the introduction of artificial intelligence technologies, including for the purpose of securing rights to the results of intellectual activity and registering legal relations concerning the use of intellectual property objects. This phenomenon encompasses not only simple methods of data exchange, but also the legal regime for formalizing the emergence, modification, and termination of real and legal obligation relationships. Artificial intelligence technologies used in the regulation of legal relations directly affect the form and content of the relevant legal relationships.

In particular, the use of smart contracts in the field of intellectual activity not only excludes the human factor and personal relations, but also has a fundamental impact on preventing abuse in the exercise of exclusive rights. In general, these processes are highly

consistent with the requirements of the modern economy for maximum transparency in legal and economic interactions.

REFERENCES

1. Yakubov, Akhtam Nusratilloevich. “Smart Contracts” in Civil-Law Relations and Issues of Their Effective Implementation // Journal of Legal Research. – Vol. 7, No. 2. – ISSN 2181-9130. – DOI: Journal. 10.26739/2181-9130
2. Szabo (used 28.07.2015). See more about formalising and securing relationships on public networks, available: http://szabo.best.vwh.net/formalize.html; Hearn (2015). See more about Smart property in relation to Bitcoin, available: https://en.bitcoin.it/wiki/Smart_Property
3. Greenspan. G. Smart contracts and dao impolsion//website, htpps://www.multichain.com./blog.2016/06.smart contracts-the-dao-impolsion-2016
4. https://www.investopedia.com/terms/b/blockchain.asp
5. Ponomarchenko, A.E. Blockchain Technology in the Field of Copyright // Legal Concept = Pravovaya paradigma. – 2021. – Vol. 20, No. 4. – P. 148–152.
6. Fayzullayev, Muxriddinxon Sadriddinovich “SMART-SHARTNOMALAR” (AQLLI SHARTNOMALAR) VA ULARNING QO’LLANISHI // ORIENSS. 2022. №12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/smart-shartnomalar-aqlli-shartnomalar-va-ularning-qo-llanishi
7. Disruptive innovation in financial services: A Blueprint for Digital Identity. World Economic Forum. (Aug. 12, 2016).URL: http://www3.weforum.org/docs/WEFA_BlueprintforDigitalIdentity.pdf.
8. Sergey I. (2018) Scilla: a Smart Contract Intermediate-Level Language. Available at: https://arxiv.org/pdf/1801.00687.pdf (accessed: 24 Feb 2021)
9. Hauck R. Blockchain, Smart Contracts and Intellectual Property. Using distributed ledger technology to protect, license and enforce intellectual property rights //Legal Issues in the Digital Age. – 2021. – T. 1. – №. 1. – C. 17-41.
10. Birgit Clark, Baker McKenzie. Blockchain and IP Law: A Match made in Crypto Heaven? https:// www. wipo. int/ wipo _magazine /en/ 2018 /01 /article _0005.html
11. Yakubova, I.B. Copyright. Textbook. – Tashkent: Publishing House of Tashkent State University of Law, 2020. – P. 87.
12. Finck M., Moscon V. Copyright Law on Blockchains: Between New Forms of Rights Administration and Digital Rights Management 2.0 // International Review of Intellectual Property and Competition Law. 2019. Vol. 50. Iss. 1. P. 77–108
13. To‘raqulova, N. The Importance of Blockchain Technology in Ensuring the Protection of Copyright Objects // Central Asian Research Journal for Interdisciplinary Studies (CARJIS). – 2022. – Vol. 2. – No. 5. – Pp. 290–300. IBM, What are smart contracts on blockchain?, https:// www. ibm. com/ topics/smart-contracts
14. See Liquid, What is Blockchain Technology?—Blockchain—a very special kind of distributed database with consensus, https://blog.liquid.com/what-is-blockchain-technology
15. Odintsov S.V.* Mansour M. Trademarks License Agreement Based on a Smart Contract. file:///C:/Users/E-MaxUser/Downloads/125939870.pdf

УДК 342.727:004

МУБРАМИЯТ ВА МУШКИЛИҲОИ ҲУҚУҚ БА ОЗОДИИ СУХАН ВА БАЁНИ АНДЕША ДАР ШАРОИТИ ИТТИЛООТИ РАҚАМӢ

ХОЛИҚОВ НУРМУҲАММАД АБДУРАҲИМОВИЧ
Донишгоҳи байналмилалии сайёҳӣ ва соҳибкории Тоҷикистон,
мудири кафедраи ҳуқуқ, номзади илмҳои ҳуқуқ, дотсент.
Тел: (+992) 903081081: E-mail: msu_4ever@inbox.ru

Мақола ба таҳлили ҳуқуқ ва озодиҳои инсон дар Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон, бахусус ҳуқуқ ба озодии сухан ва баёни фикр дар фазои рақамӣ ва иттилоотӣ бахшида шудааст. Мақола аҳамият ва мушкилоти танзими ҳуқуқии озодии суханро дар замони рушди технологияҳои рақамӣ ва ҷаҳонишавӣ таҳлил мекунад. Ҳамзамон, таҳқиқ таъсири омилҳои фарҳангӣ, таърихӣ, иҷтимоӣ ва ҳуқуқиро бар амалигардонии ҳуқуқи инсон дар ҷомеаи демократӣ баррасӣ менамояд. Мавзӯъ таъкид мекунад, ки озодии сухан на танҳо як ҳуқуқи шахсӣ, балки васила ва заминаи асосии рушду ҳимояи ҷомеаи шаҳрвандӣ мебошад.
Калидвожаҳо: ҳуқуқ ва озодиҳои инсон, Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон, озодии сухан, озодии баён, фазои рақамӣ, ҷомеаи иттилоотӣ, танзими ҳуқуқӣ, технологияҳои рақамӣ, ҷаҳонишавӣ, ҷомеаи шаҳрвандӣ.

АКТУАЛЬНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СВОБОДЫ СЛОВА И ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ХОЛИКОВ НУРМУХАММАД АБДУРАХИМОВИЧ
Международный университет туризма и предпринимательства Таджикистана,
заведующий кафедрой права, кандидат юридических наук, доцент.
Тел: (+992) 903081081; E-mail: msu_4ever@inbox.ru

Статья посвящена анализу прав и свобод человека, закрепленных в Конституции Республики Таджикистан, в частности права на свободу слова и выражение мнений в цифровой и информационной среде. Работа рассматривает актуальность и проблемы правового регулирования свободы слова в условиях развития цифровых технологий и процессов глобализации. Анализируются влияние культурных, исторических, социальных и правовых факторов на реализацию прав человека в демократическом обществе. Подчеркивается, что свобода слова является не только личным правом, но и ключевым инструментом развития и защиты гражданского общества.
Ключевые слова: права и свободы человека, Конституция Республики Таджикистан, свобода слова, свобода выражения, цифровое пространство, информационное общество, правовое регулирование, цифровые технологии, глобализация, гражданское общество.

RELEVANCE AND CHALLENGES OF LEGAL REGULATION OF FREEDOM OF SPEECH AND EXPRESSION IN THE CONTEXT OF THE DIGITAL INFORMATION

NURMUKHAMMAD ABDURAKHIMOVICH KHOLIKOV
International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan,
Head of the Department of Law, Candidate of Legal Sciences.
Tel.: (+992) 903 081 081: E-mail: msu_4ever@inbox.ru

The article focuses on the analysis of human rights and freedoms enshrined in the Constitution of the Republic of Tajikistan, particularly the right to freedom of speech and expression in the digital and information environment. The study examines the relevance and challenges of legal regulation of freedom of speech amid the development of digital technologies and globalization processes. It also considers the influence of cultural, historical, social, and legal factors on the realization of human rights in a democratic society. The article emphasizes that freedom of speech is not only a personal right but also a fundamental tool for the development and protection of civil society.
Keywords: human rights and freedoms, Constitution of the Republic of Tajikistan, freedom of speech, freedom of expression, digital space, information society, legal regulation, digital technologies, globalization, civil society.

Албатта, дар бораи ҳуқуқу озодиҳои дар Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун намои марказии ҳуқуқи миллӣ пешбинишуда изҳори назар намуда, меарзад, ки ҳар як аз ҳуқуқҳои шахсию сиёсӣ, иҷтимоию иқтисодӣ ва фарҳангию маънавиро дар алоҳидагӣ ҳамчун сифати зотии конститутсияҳои нав мавриди таҳлил ва омӯзиш қарор диҳем. Воқеият ин аст, ки инсоният ва давлатҳо то расидан ба ин сатҳи эълон ва эътирофи расмии ҳуқуқу озодиҳо, вуҷуди ноадолатиҳо ва зулмҳои бешумору гушношунидро нисбат ба фарзандони одам раво дидааст.

Бо вуҷуди он ки, динҳои ҷаҳонӣ инсонро ҳадафи асосии Офариниш ва мақоми ӯро болотарин дар миёни ҳама махлуқоти олам дониста, бузургони илм ҳама офаридаҳои дунёро ба хотири инсон [7, с. 558-559] шинохта буданд, даврони ҳукмронии динҳои ҷаҳонӣ бо низоми идораи Асрҳои миёна ҳеҷ қиммате ба мақоми инсон қоил нашуданд. Танҳо конститутсияҳои замони нав рӯ ба ин муҳаррики таърих ва олитарин мавҷуди офаридашудаи коинот намуд. Ин қадрнамоӣ тавассути эътирофи ҳуқуқу озодиҳои ӯ шурӯъ гашт. Бе ҳеҷ муболиға дар пешманзари эътирофи ин ҳуқуқу озодиҳои инсон, яъне то қабулашон ҷону қурбонии миллионҳо нафар инсонҳо ва бори амонати нангини садсолаҳои тамаддунҳо ва ҷангҳои хунин истодааст. Албатта, дарки ин ҳама нозукию қурбониҳо қиммат ва манзалати ин категорияи ҳуқуқу озодиҳоро ба маротиб назди илм ва қалами муҳаққиқ вазнин мегардонад.

Вале бо вуҷуди ин қиммату манзалат бинобар ба рисолати мақолаи мазкур ва ҳаҷми маҳдуди он мо имкон надорем, ки ин вазифаи муҳимро ба пуррагӣ васеъ ва мутобиқ ба илҳоми эҷоду парвози фикриамон ба қаъри таърих иҷро намоем. Аз ин хотир, мо зери фишори маҳдудии мавзуъ ва мубрамияти ҳуқуқӣ, ки ба печидагиҳои илмию амалӣ гирифтор аст, як масъалаи мубрамро аз силсилаи ҳуқуқу озодиҳои шахсию сиёсии инсон, ки Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон дар моддаи 30 дар шакли ҳуқуқ ба озодии сухан ва иттилоот эълон кардааст, ба сифати объекти таҳқиқот қарор додем. Мубрамияти мавзуъ ва интихоби он ба сифати объекти асосӣ аз он ҷиҳат асоснок мегардад, ки маҳз ҳамин озодии сухан ва баёни фикр хамчун ҳуқуқии бунёдии инсони ҷомеаи озод дар шароити инқилобҳои илмию технологӣ ва иттилооти рақамӣ аз аввалинҳо шуда, таҳти таъсири фишору таҳдидҳои равандҳои ҷаҳонишавии манфиатҳо қарор мегирад. Ин ҳолат дар заминаи давлатҳои демократие афзоиш ва неру мегирад, ки Конститутсия ва санадҳои ҳуқуқии байналмилалии эътирофнамудаи онҳо ҳуқуқ ба озодии сухан ва баёни фикрро дар чаҳорчӯбаи меъёрҳои ҳуқуқӣ, эълон, кафолат ва ҳифз кардаанд.

Ҳуқуқи мазкур, ки конститутсияҳои муосир ҳамчун дидгоҳи консептуалии ҳуқуқи миллӣ эълон кардааст, дар ҳаёти воқеӣ таҳти таъсири авомили мухталифи ҷаҳонӣ қарор дошта, аз самтҳои гуногуни ҷаҳонишавии масъалаю манфиатҳо, таъсири илму технология ва инқилобҳои рақамӣ ба манфиату ғаразҳои ҷиддӣ махлут шуда, дар кори ифодаи арзандаи ҳуқуқу озодии шахсӣ, ҳимояи манфиатҳои соҳибихтиёрии давлатӣ ва миллӣ аз кунгураи соҳибихтиёрии фикрӣ мушкилиҳо эҷод менамояд. Тамоюли мазкур

ба ҳадде тобиш хӯрдааст, ки ҳуқуқ ба озодии сухан ва иттилоот дар фазои иттилотии ҷомеаҳои ҷавон ва давлатҳои миллии демократӣ на танҳо ба мушкилии танзими ҳуқуқӣ, балки ба як заҳри ширину яроқи фасоди маданияту ахлоқ зери тамоюлҳои идорашаванда табдил ёфтааст.

Мақсад аз баррасии ин мавзуъ ба хонандаи гиромӣ дуруст ва аз назари ҳуқуқи миллӣ ҳадафмандона муаррифӣ кардани мафҳум, моҳият ва мазмуни ҳуқуқ ба озодии сухан, низоми кафолати озодии сухан ва баёни андеша аст.

Дар раванди муаррифии мушкилиҳои ҳуқуқии татбиқи он дар фазои ҳуқуқи миллӣ, таваҷҷуҳ ба решаҳои маънавӣ, ахлоқӣ ва механизмҳои ҳуқуқии рӯ задани иллату нуқсҳо дода шуд. Таклифу пешниҳодҳои назарӣ ва амалӣ ҷиҳати пешгирӣ ва безарар гардонидани ин нуқсу иллатҳо ба масъулини касбии соҳаи мафкуравии давлатӣ ироа гардид. Ҳамзамон ҷиҳати тақвияту тавсеаи муҳокимаҳои илмии кормандони назариявӣ ва такмили усулҳои амалии ҳуқуқии муқовимат бо ин мушкилиҳо равишу усулҳои мушаххаси корбарӣ пешниҳод гардид. Бо ин мақсад масъалаҳои фаҳму дарки дурусти паҳнои зуҳури ҳуқуқ ба озодии сухан, ки фазои иттилоотӣ аст, дар алоҳидагӣ мавриди баррасӣ қарор гирифтаанд. Иттилоот, табиат ва унсурҳои таҳаввулкуннандаи он дар масири таърих ва шароити муосир, бо дидгоҳҳои вижаи тамаддунӣ, аз назари илми ҳуқуқ ва дигар меъёрҳои иҷтимоӣ баррасӣ шуд.

Муайян карда шуд, ки масъалаҳои зиёди ҳуқуқии танзими ҳуқуқ ба озодии сухан ва истифодаи воситаҳои иттилоотӣ берун аз фазои ҳуқуқи миллӣ дар сатҳи равандҳои ҷаҳонишавии манфиатҳо, дар паҳнои рушди талаботи илму техника, иттилооти рақамӣ ва дар сатҳи тафаккур ва муносибати мо бо мафҳумҳои марказии иттилоот ва унсурҳои он нуҳуфта шудаанд. Ҳатто иддае аз нофаҳмиҳои сатҳи тамаддунӣ аз нодурустӣ ва номувофиқоии фаҳму дарки иттилоот ва унсурҳои он дар умум вобастааст. Ҳамон тавре, ки гуногунии фаҳми арзишҳо ба ҳамоиши фикрӣ ва амалии давлату тамаддунҳо мухолифатҳо эҷод намуда, ҳамоҳангии онҳоро дар фазои сиёсӣ, иқтисодӣ ва ҳуқуқӣ мушкил менамояд, гуногунии фаҳми иттилоот, сӯиистифода аз он ва роҳ додан ба ҳарами он таҳти манфиатҳо хабарҳои фейкӣ дипломатияи муосирро беқурб менамояд. Аз ҷониби дигар амвоҷи иттилооти рақамӣ зери шиори сарфаю сарриштакорӣ, суръатнокии баланди фаъолият, ихтисор кардани вақти иҷрои вазифаҳо, сабук кардани коргузорӣ тадриҷан тамоми соҳаҳои ҳаёти иҷтимоиро ба коми худ кашида истодааст.

Иттилооти рақамӣ дар силсилаи муносибатҳои корӣ ва хизмати давлатӣ инсонро ҳамчун унсури иттилоот ба низоми муайяни идоракунӣ ворид месозад. Муайян кардани имзои рақамӣ бидуни иштироки шахс, муқаррар кардани калиди мақоми ҳуқуқии шахс, дастрасӣ ба салоҳияти расмӣ ва дороиҳои молии инсон дар муносибатҳои иҷтимоӣ, иқтисодӣ, сиёсӣ ва ҳуқуқӣ, инсонро берун аз иродаи худ ҳамчун як ҷузъи муҳимми ҳаракатдиҳандаи муносибатҳои иҷтимоӣ ва иқтисодӣ ба як низоми нави иттилоотонӣ ворид менамояд. Ин ҳолатҳои табдилёбии тамоюли мақоми ҳуқуқии шахс дар баробари ҳама дастовардҳою сабукиҳои низоми иттилооти рақамӣ, инчунин ҳолатҳои мушаввашкунандаи ҳуқуқию иҷтимоии сатҳи башариро низ доро мебошад. Ин ҳолат бидуни шак, қиммати ин навиштаҳои парокандаро атрофи иттилоот ва ҳуқуқ ба озодии сухан дар маҷмуъ муайян менамояд.

Реҷаи низоми идораи демократӣ дар фазои вуҷуди гуногунандешӣ (плюрализм) ва андешаҳои мухталифу муқобили ҳам (бо антогонизм ва тафаккури интиқодӣ) рушд кардани мафкура ва иҷтимоъро асоси қонунияти ҳастии ҷомеаи озод мепиндорад. Маҳз фазои озоди баёни андеша тавассути озодии сухан, нақди ислоҳкунанда ҷомеаро қабл аз ҳама бо неруҳои дохилии рушд, неруи инсонӣ ва назарҳои тозаю гуногуни тамизкунандаи набзи ҷомеа таъмин намуда, барои иттиҳоди сиёсӣ ва иҷтимоӣ заминаи воқеии тараққӣ пешниҳод менамояд. Ҳуқуқ дар ин самти ҷомеасозӣ на танҳо роҳи ҳамоишҳои фикрӣ, муттаҳидии неруҳои маънавӣ ва инсониро атрофи ҳадафҳои бунёдии миллат дар чаҳорчӯбаи қонунгузорӣ муайян менамояд, балки сарҳади

бархӯрди фикрҳо ва андешаҳои озодро дар хатти эътидол ва таҳаммули ҳамдигарӣ мутобиқ ба арзишҳои башарӣ ва миллӣ дар ҳамоҳангии мавзун ҳифз менамояд.

Ҳуқуқ ба озодии сухан ва баёни андеша дар ҳама соҳаҳои ҳаёти иҷтимоӣ аз принсипҳои муҳимми реҷаи демократӣ ва давлати ҳуқуқӣ аст, ки принсипи дигари ҷомеаи шаҳрвандӣ гуногунандеширо роиҷ мегардонад. Ҳуқуқ ба озодии сухан на танҳо бо рисолати мансубияти бунёдияш дар ташаккули инсон чунин таваҷҷуҳи ҷиддиро дар бархурди ҷараёнҳои дигаршавии олам доро аст, балки бештар аз он бино ба дарки принсипи волоияти ҳуқуқи инсон (реҷаи асли бунёди давлати ҳуқуқӣ), ҳамчун «ченаки аслии ҳама ашёҳо» Протогор ва «дар маркази тағйирпазирии неъматҳо (дидгоҳи антропологӣ)» қарор гирифтанаш ин мубрамиятро ба худ касб менамояд. Маҳз озодии сухан ва муҳокимаи озоди масъалаҳо ҳамчун ҷузъи муҳимму марказии хуқуқи худмуаррифии инсон дар ҷомеаи озод имкон дорад роҳи беҳтарини ҳалли мушкилиҳоро пешниҳод намояд. Албатта, ин ҳолати имконпазир ба дигар принсипҳои бунёдии ҷомеаи шаҳрвандӣ ва давлати ҳуқуқӣ низ иртибот дорад. Барои он ки, халқи озод, озодона худро идора намояд, ба вай қабл аз ҳама озодии сухан зарур аст, ки озодона бо сухан, мактуб ва тариқи муроҷиатҳои оммавӣ мақсаду ҳадаф орзую омоли худро баён карда тавонад. Озодии сухан ва баёни андеша воситаи асосии зуҳури демократия аст, ки аъзои ҷомеаро бо манфиату хостаҳояш дар раванди идораи давлат ҳамроҳӣ менамояд ва дар қабулу иҷрои қарорҳои муҳим ҳаммуаллиф ва ҳамақида гардонида, ба ҳар яки онҳо имкони рисолати созандагии иҷтимоӣ ва ҳуқуқиро ихтиёрона гирифтанро муҳайё менамояд. Шаҳрвандоне, ки озодии сухан надоранд ва аз ҳуқуқи дастрасӣ ба иттилоот маҳруманд, ҳуқуқи худро дар идораи давлат на танҳо таъмин намесозанд, балки бештар аз он неруи фикрии худро бо неруии иҷтимоии ҷомеа ва дар умум ба қудрати давлату миллаташон оқилона васл карда наметавонанд.

Бо дарки муҳиммияти ин масъала санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ, аз ҷумла моддаи 19 Эъломияи ҳуқуқи башар ин ҳуқуқро бо чунин мазмун муаррифӣ кардааст: «Ҳар инсон ҳуқуқ ба озодии боварӣ (озодии фикр ва андеша) ва ақида ва озодона баён намудани онро (ин баённамоӣ танҳо тавассути истифодаи қонунияти фонетикӣ не, балки бо дигар шаклу усулҳои имконпазири ғайри он имконпазир аст) дорад. Ин ҳуқуқ ба ӯ имконият медиҳад, бемамониат ба боварии худ рафтор намояд, озодона ва бо ҳар роҳ иттилоот ва назари муайянро ҷустуҷӯ, дастрас ва паҳн намояд». Усули бунёдии қоидаҳои эътирофшудаи байналмилалӣ аз озодию ташаббускории озоди шахсӣ то бунёди ҷомеаи озоду давлати демократӣ аст. Мумкин нест, ки дар ин ҳамоиши принсипҳо афзалият ба як ҷониб дода шавад. Зеро, ҳарду ҷониб ҳам озодиҳои шахсӣ ва ҳам иҷтимоӣ ба як арзиши дигари умумиятдоштае бо номи «саодатмандӣ» сахт алоқаманданд.

Аз назари ҳуқуқи конститутсионӣ вобаста аз оне, ки ин ҳуқуқро ба ҳар кас додаанд онро бештар ҳамчун ҳуқуқи шахсӣ қабул мекунанд, на ҳуқуқи сиёсӣ. Зеро ҳуқуқҳои сиёсӣ одатан ба шаҳрвандони давлати муайян дода мешаванд. Масалан, ҳуқуқи интихоб кардан ва ё интихоб шудан, ишғол намудани вазифаи муайян ва амсоли инҳо. Бинобар ин, ҳуқуқ ба озодии сухан дурусттараш ба категорияи ҳуқуқҳои шахсӣ шомил аст ва вай бевосита барои ташаккули шахсият дар умум хизмат мекунад. Албатта, имконпазир аст, ки ин ҳуқуқ дар ҳолатҳои ҷудогона ҷанбаъҳои сиёсӣ дошта бошад, вале ин ҳолат аломати муайянкунандаи сифати зотии ин ҳуқуқ нест, зеро берун аз он, ин ҳуқуқ васеъ истифода мешавад ва гузашта аз он, вай айнан ҳамон тавр ҷанбаъҳои иқтисодӣ, иҷтимоӣ, фарҳангӣ ва эътиқодӣ дошта бошад. Охирӣ асос барои ба дигар категорияи ҳуқуқҳо шомил кадани ҳуқуқ ба озодии сухан шуда наметавонад. Аз ин хотир, дар илми ҳуқуқшиносии ватанӣ вақте сухан дар бораи «ҳуқуқ ба озодии сухан» ва ё «озодии сухан» меравад, одатан онро ба маънои умум ҳамчун ҷузъи ҳаммаънои ҳуқуқу озодиҳои шахсии инсон фаҳм карда мешавад.

Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳуқуқ ба озодии суханро дар шаклҳои озодона баёни назар намудан, нашр кардани андеша ва фикрҳо ва ҳуқуқи истифодаи

воситаҳои ахбор муайян кардааст. Агар аз як ҷониб ин ҳуқуқ ба сухан ва гуфтори фикр бошад, пас, ду ҷанбаи дигар ин ҳуқуқ ба низоми нашриётӣ ва иттилоотӣ вобастагӣ дорад. Яъне, тарафи пурракунандаи ин ҳуқуқ, ки дар шакли гуногуни татбиқшавии ҳуқуқ ба озодии сухан ифода меёбад, ба озодии сухан дар матбуоти озод ва иттилооти озод такя мекунад. Аз ин хотир, ташаккули дурусти ин ҳуқуқ ва озодиҳо дар самти баёни назар дар алоҳидагӣ ба унсурҳои дигари фазои иттилоотӣ: нашриёт ва сарчашмаҳои иттилоот алоқаманд мебошанд.

Дар замони муосири асри иттилоот ва намоҳои гуногуни он, ки ба табиати ҷомеа ва давлатҳо, муносибати тамаддунҳо ҳамчун қудрат, манфиат, неру, яроқи мафкуравӣ ва бовару эътиқоди ҷадид таъсирбахшӣ дорад, вазъи худи ин категорияи ҳуқуқиро дар фазои ҳуқуқӣ ва илми ҳуқуқи инсон печида ва ногувор муаррифӣ кардааст. Мушкилии асл он аст, ки ин ҳуқуқ ба озодии сухан миёни ин ҳама кашишҳои ботинӣ ва зоҳирӣ худро хамчун ҳуқуқу озодии асосӣ ва неъмати маънавию фарҳангии ҳуқуқӣ ва башарӣ ба таври шоиста дар самти тарбияи инсон ҳифз карда натавониста истодааст.

Ҷойи шубҳа нест, ки раванди рақамишавии ҳаёти иҷтимоию иқтисодӣ ва ҳуқуқӣ дар рӯзгори муосир, дар ҳар паҳнои ҷуғрофӣ ва сиёсие, ки рух надиҳад, аломати пешравӣ ва рушд аст. Ба қавли дурусти муҳаққиқи ҷавон Ф. Сулаймонов «Албатта, рақамишавӣ ва истифодаи васеи технологияи рақамӣ дар маҷмуъ раванди мусбӣ мебошад, зеро дар ин раванд як қатор соҳаҳо фаъолияти худро боз ҳам пурсамартар намуда, бо истифода аз дастовардҳои технологияи муосир як қатор мушкилиҳои соҳа, ки пештар ҳалли онҳо имконнопазир буданд, ҳалли мусбии худро ёфта истодаанд ва ё роҳҳои ҳалли мушкилии мавҷуда мавриди баррасии мутахассисони соҳа қарор гирифтаанд»[9, с. 6]. Аммо дар баробари он, ки ин раванд мушкилиҳои зиёди соҳаҳоро сабук мекунад ва баъзеи онҳоро ҳал менамояд, магар имкон дорад, ки вай мисли ҳар як ҳодисаи нави прогрессивӣ дар баробари дастовардҳояш боз мушкилиҳои навро низ пешорӯи мо қарор диҳад. Муҳаққиқ, ин масъаларо ҳамчун оптимист дар партави рисолати касбияш ҳамчун вазифаҳои навбатии илми ҳуқуқ дар шароити нави рақамикунонии фазои ҳуқуқӣ муаррифӣ карда, ба мавриди дарк ва таъкид кардааст: «Аз ин ҷо, дар назди илми ҳуқуқшиносӣ як қатор муаммоҳо ва саволҳое низ ба миён меоянд, ки бояд онҳоро аз лиҳози назариявӣ ва ҳуқуқтатбиққунӣ мавриди баррасӣ ва омӯзиш қарор дода, ҷиҳати такмил ва рушди соҳаҳои гуногуни иқтисоди рақамӣ ва пешрафти инноватсия пешниҳодҳои дахлдор таҳия намуд» [9, с. 6].

Яъне равшан аст, ки бо воридшавӣ ба фазои нави иҷтимоию иқтисодӣ, ки равиши корро комилан ба дигаргуншавӣ водор дорад, хоҳ нохоҳ таҷдиди назари зиёде аз масъалаҳои усулӣ пайдо мешавад. Ҳамин тавр, муваффақият ва дастоварди даврони нави иттилооти рақамӣ дар бештари мавридҳо маҳз аз дарки дурусти ҳамоиши ҳамин механизму усулҳои нав бо тарзу усулҳои коркардшуда ва мавҷудаи фазои ҳуқуқӣ вобастагӣ дорад. Яъне илми ҳуқуқшиносӣ бояд захираҳои усулӣ ва воситаҳои татбиқнамоии меъёрӣ ва арзишиашро ба шароитҳои нав мувофиқ кунад. Яъне (пас) ҳуқуқ ҳамчун надстройкаи (рӯбинои) ҷамъиятӣ бояд бо дигар унсурҳои он ҳамовозу мувофиқ амал намояд. Дар мисоли мушаххаси мо, ки ба озодии сухан ҳамчун арзиши ҳуқуқӣ тааллуқ дорад, дар баробари мушкилиҳои таҳаввулотӣ ва усулии низоми ҳуқуқӣ боз мушкилии арзишӣ низ таҳдидҳо дорад. Ин таҳдидҳо агарчанде аз қолаби фаҳми шаклии ҳуқуқ берун афтанд ҳам, натиҷаи он ба татбиқи ҳуқуқ ва худнамоии арзандаи ҳуқуқ ҳамчун танзимгари фаъоли муносибатҳои нави ҷамъиятӣ бунёдӣ ва тақдирсозанд.

Албатта, ҷанбаъҳои дигари пурракунандаи ҳуқуқ ба озодии сухан ҳамчун арзиши фарогири ҳаққи инсон ба замми ишораи моддаи 30 дар моддаҳои 23, 26, ва 29-и Конститутсия аз дигар паҳлуҳо низ ишораҳо оварда шудааст, ки мазмун ва моҳияти ҳуқуқ ба озодии суханро ғанӣ мегардонанд. Вале, дар маҷмуъ на талаботу муқаррароти моддаҳои мазкур дар масъалаи маҳрамиёти мукотибот (моддаи 23), озодии баёни эътиқод (моддаи 26) ва на усули баёни ақидаю озодиҳои сиёсӣ (моддаи 29) дар ин

замони бархӯрди манфиатҳо ва рақамикунонии иттилоот тавонистаанд, ки ҳуқуқ ба озодии суханро дар самти тарбияи инсони комилу солеҳ ба таври шоиста устувор, муназзам ва мавзун ба манфиати шаҳрвандони давлатҳои миллӣ ва соҳибихтиёрии давлатӣ комилан ҳифз намоянд. Ин аст, ки давлатҳои ҷавони миллӣ дар фазои озодиҳои демократиашон ба ин навъ муноқишаҳои ҳуқуқҳои шахсӣ ва сиёсӣ аҳёнан ҷиддӣ бархӯрдор мегарданд. Ифротикунонии мафкураи ҷавонон, тундравии динӣ миёни пайравони динҳо, нофаҳмиҳои фазои сиёсии баъзе аз кишварҳо, ки ба фишори инқилобҳои ранга гирифтор шудаанд, гувоҳи ин ҳолатҳои номуназзамии рушди ҳуқуқу озодиҳои шахсӣ ва сиёсӣ дар тавозун бо манфиатҳои давлатҳои миллӣ ва демократӣ аст. Нақши харобиоварро дар қатори ҳама дастовардҳояш баъзе аз нуктаҳои истифодаи нодурусти рушди илмҳои техникӣ, бозӣ бо қоидаҳои дугонаи иқтисоди ҷаҳонӣ ва рушди беназорати иттилооти рақамӣ ва интернет дар доираи манфиатҳо, дар ин раванд аз зоҳири давлатҳои миллӣ дар ҳалқаи манфиати давлатҳои бузургу минтақавӣ ва ширкатҳои трансмиллӣ (фаромиллӣ) доро аст.

Таҳлили талаботи Конститутсия ва санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ дар шароити мубрам шудани он дар фазои рақамикунонии иттилоот ба мо имкон медиҳад, ки қисмҳои таркибии мафҳуми ҳуқуқ ба озодии суханро аз назари ҳуқӯқ амиқ муқаррар намоем:

1. Ҳуқуқи бидуни мамониат пайравӣ кардан аз андеша ва ақидаи худ (дар шакли озодии сухан ва озодии фикр, боварҳо ва ақида – на ақидаи эътиқодӣ);

2. Ҳуқуқи озодона ҷустуҷӯ, дастрас ва паҳн кардани ҳар иттилоъ ва андешаи қонунӣ (ҳуқуқ ба озодии сухан ва иттилоот);

3. Ҳуқуқи дар шакли шифоҳӣ, хаттӣ, нашрӣ ва ё бадеӣ ифода намудани андеша ва фикрҳои худ (ҳуқуқ ба шакли баёни сухан ва ақида);

4. Бо дигар воситаҳои қонунӣ дастрас ва паҳн кардани иттилои даркорӣ (озодии иттилоот);

5. Сензураи давлатӣ ва таъқиб барои танқид манъ аст (кафолати озодии сухан);

6. Доштани ин ҳуқуқ ва озодиҳоро дар самти озодии сухан новобаста аз сарҳади давлатҳо (озодии иттилооти байналмилалӣ);

7. Дар баёни ин ҳуқуқу озодиҳо таблиғот ва ташвиқоте, ки бадбинӣ ва хусумати иҷтимоӣ, нажодӣ, миллӣ, динӣ ва забониро бармеангезанд, манъ аст (маҳдудияти озодии сухан);

8. Ҳама амалкардҳо дар баёни озодии сухан бояд ба талаботи қонунгузорӣ мутобиқ бошанд (сарҳади озодии сухан).

Қобили зикр аст, ки дар фазои илми ҳуқуқшиносӣ масъалаҳои назарии мустаҳкам намудани қоидаҳои байналмилалӣ оид ба ҳуқуқи инсон дар ҳуқуқи миллӣ аз ҷониби олимони ватанӣ [4, с. 164] мавриди назари ҷиддӣ қарор дорад, ки сазовори таҳсин аст. Дар ин самт масъалаҳои мустаҳкамнамоии ҳуқуқ ва озодиҳои инсон ва шаҳрванд ба Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон соли 1994, шакл ва намудҳои имплементатсияи меъёрҳои баййналмилалӣ дар низоми ҳуқуқи миллӣ, масъалаҳои констиутсионии танзими имплементатсияи меъёрҳои байналмилалӣ дар самти ҳуқуқи инсон ва амсоли инҳо аз ҷониби олимони ҷавон Диноршоев А.М. ва Сафарзода Б.А. мавриди барасии илмӣ қарор гирифтаанд[4, с. 42-107]. Аммо таҳлили таъсири раванди иттилоотонӣ ва дигаргуниҳои раванди ҷаҳонишавӣ ба ташаккулу таҳаввули ҳуқуқи инсон чи дар мисоли як ҳуқуқу озодии муайян ва чи ҳуқуқи инсон дар умум таҳқиқ нашудааст. Омили асли ин хатогӣ дар он аст, ки мавзуи матраҳшаванда дар сарҳади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, сотсиология, информатика ва сиёсатшиносӣ қарор дошта, таҳлилҳои фалсафӣ ва умумииҷтимоиро аз назари фалсафаи ҳуқуқ тақозо менамояд. Танҳо ҳуқуқшинос будан ва ё сиёсатшинос дар инъикос ва дарки дурсти ин манзараи тобиши мафҳумҳо ва таҳаввули ҳадафҳо ва воситаҳо кифоягӣ намекунад. Зеро раванди ҷаҳонишавӣ мураккабсозии ҳодисаҳои ҳуқуқиро танҳо дар паҳнои як илм не, балки дар партави маҷмуи илмҳо таҳти таъсири манфиат мураккаб ва печида кардааст.

Арасту инсонро ҳодисаи сиёсӣ [1, с, 375], Маркс ҳодисаи иқтисодӣ[6, с. 10], Дюркгейм ҳодисаи иҷтимоӣ[5, с. 41], Дарвин биологӣ [3, с. 552] ва мо ҳуқуқшиносон[11, с.34-35] чун падидаи ҳуқуқӣ мешиносем. Ин дидгоҳҳо на танҳо аз назари онтологӣ ва маърифатӣ асосҳо дошта, дар дидгоҳҳои антропологӣ ба тарзҳои гуногун аз ҷанбаъҳои мухталиф далеловарӣ мешаванд, онҳо дар паҳнои зуҳури ҳуқуқҳои инсон низ баъзе аз қонуниятҳоеро масъалагузорӣ мекунанд, ки аз мураккабии табиати инсон шаҳодат медиҳанд.

Мисол, гирем ҷанбаи ҳамоҳангии ҷисмонӣ ва равонии фаъолияти инсонро тавассути низоми асаб, ки академик И.П. Павлов кор кардааст [8, с. 16] ва ё талаботи биологии нафси шаҳвонӣ ва таъсири кимиёии онро ба асаб ва қарорҳои инсон, ки олими равоншиноси австриягӣ Зигмунд Фрейд дар назарияи «Равоншиносии маҳрамона» [10, с. 10375] ҷамъбаст кардааст. Ҳар як аз ин кашфиётҳои олимон, ки ба як унсурҳои табиӣ ва равонии инсон тавъаманд, таъсири худро на танҳо дар сатҳи ҳимоя ва риояи ҳуқуқу озодиҳои инсон дар ҷомеаи озод мерасонанд, балки бештар аз он дар коркарди консепсияи ҳуқуқу озодиҳо ҳамчун восита ва унсури ҳастии саодатманди инсон, ба мисли талаботи табиӣ ва майлҳои зотии инсон мавқеи арзандаи худро ҷустуҷӯ менамоянд. Дар ин самт ҷомеаҳои озод мушкилиҳоеро дороанд, ки дар паҳнои инсоншиносӣ ва моҳияту рисолати таърихии он рӯ задааст.

Ҳамин тавр, ҳуқуқ ба озодии сухан ва ақида дорои унсурҳои муҳимми шакли баён, манбаи баён, платформаи ифодаёбӣ, воситаҳои дастрасӣ ва ифоданамоӣ, паҳнои миллӣ ва байналмилалӣ, сарҳади баён, услуби мувофиқат ба талаботи қонун ва тобеъ будан ба маҳдудиятҳои муайяни иҷтимоию ахлоқию эътиқодиро доро мебошад. Барои фаҳму дарки дурусти мазмун ва моҳияти ҳуқуқ ба озодии сухан ва таъмину татбиқи дурусти он як силсилаи унсурҳо, иртиботи онҳо ва мансубияти услубиашон ба илмҳои гуногуни иҷтимоӣ бояд сараввал ба инобат гирифта шаванд ва сипас ҳатман омӯхта ва таҳлил шуда, хулосабандӣ карда шаванд. Дар акси ҳол, ҳуқуқ ба озодии сухан ҳамчун арзиш ва неъмати ҳуқуқӣ рисолати ҳаётии худро дар паҳнои давлати демократӣ мутобиқ ба талаботи Конститутсия дар сатҳи шоиста иҷро карда наметавонад. Яъне дар чунин шароитҳои гардишии таърихӣ илмҳои иҷтимоӣ барои дарёфти иллатҳои ҷамъиятӣ ва меъёрӣ ба кӯмаки ҳамдигар сахт эҳтиёҷ доранд. Зарур аст, ки илмҳои байнисоҳавии ҳуқуқӣ тимсоли сотсиологияи ҳуқуқӣ, психологияи ҳуқуқӣ, антропологияи ҳуқуқӣ ва бунёдии назарию таърихӣ чун таърихи ҳуқуқ, назарияи ҳуқуқ ва фалсафаи ҳуқуқ мутобиқ ба талаботи замону макон рушд намоянд. Дар акси ҳол илмҳои дигари соҳавию тахассусии ҳуқуқӣ имкони ба бӯҳрони шадид афтиданашон зиёд аст.

АДАБИЁТ

Аристотель. Политика / Пер. и коммент. В.Ф. Асмуса. – М.: Мысль, 1983. – (Серия: Философское наследие). Книга I, глава 2. – С. 644

1. Афаунов М.А. Свобода слова и оскорбление религиозных чувств: ключевые позиции Европейского суда по правам человека // Права человека в XXI веке: тревога и надежда. Сборник статей / Отв. ред. канд. юрид. наук А.Х. Ульбашев. – М.: Статут, 2021. – С. 261.

2. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. Первый русский перевод: 1864 год. – М.: Наука, 1957. – 552 с.

3. Диноршоев А.М. Сафаров Б.А. Закрепление международных стандартов в области прав человека в национальной правовой системе Республики Таджикистан. Монография. – Душанбе: «Андалеб-Р», 2015. – 192 с.

4. Дюркгейм Э. «О разделении общественного труда». – М.: Наука, 1991. – С. 572.

5. Карл Маркс. «Капитал». Том I. Полное название: «Капитал. Критика политической экономии. Том I» / Пер. с немецкого: И.И. Шевелёв, ред. Д.И. Розенберг. – М.: Политиздат, 1974. – С. 907.

6. Н. Хусрав. Задул-мусофирин. Припасы путников / Пер. с таджикского (персидского), вступительная статья и комментарии М. Динаршоева. – Душанбе, 2005. – С. 559.

7. Павлов И.П. «Литературная Газета» 31.07 1991 г. с. 16

8. Сулаймонов Ф. Вазифаҳои илми ҳуқуқшиносӣ дар солҳои рушди иқтисоди рақамӣ ва инноватсия // Минбари ҳуқуқшинос. – № 1 (201), аз 21 феврали соли 2025. – С. 201.

9. Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности / Пер. с немецкого; под ред. и с предисл. З. Фрейда. – М., 1935. – С. 21.

10. Халиков А.Г. Диноршоев А.М. Права человека. Учебник для вузов. – Душанбе, 2009. – С. 274.

УДК: 347.78

ДЕПОНИРОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ АВТОРСКОГО ПРАВА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ

АЛАМОВА СВЕТЛАНА МУХАМЕТОВНА
УВО «Университет управления «ТИСБИ», доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, кандидат юридических наук, доцент. Тел.: +7 (953) 496-32-25: E-mail: sm-alamova@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы депонирования объектов авторского права как способа защиты прав автора в цифровой среде. Особое внимание уделяется анализу особенностей функционирования современных цифровых сервисов депонирования, а также правовым вопросам использования технологий распределенных реестров при подтверждении факта создания произведения и принадлежности авторства. На основе анализа судебной практики исследуются подходы судов к оценке сведений о депонировании при рассмотрении споров о защите авторских прав. Обосновывается, что депонирование не обладает правопорождающим характером и не влияет на возникновение авторских прав, однако может использоваться в качестве дополнительного доказательства, подтверждающего существование произведения на определенный момент времени и связь его с конкретным автором. Отмечается целесообразность дальнейшего развития правовых механизмов регулирования деятельности организаций, осуществляющих депонирование произведений, а также выработки единых стандартов хранения цифровых записей, используемых в качестве доказательств при рассмотрении споров о защите авторских прав.

Ключевые слова: авторское право, депонирование произведений, защита авторских прав, объекты авторского права, блокчейн.

ЗАХИРАСОЗИИ ОБЪЕКТҲОИ ҲУҚУҚИ МУАЛЛИФӢ ДАР МУҲИТИ РАҚАМӢ ҲАМЧУН УСУЛИ ҲИФЗИ ҲУҚУҚҲОИ МУАЛЛИФ

АЛАМОВА СВЕТЛАНА МУХАМЕТОВНА
Муассисаи таҳсилоти олии «Донишгоҳи идоракунии «ТИСБИ», дотсенти кафедраи ҳуқуқи маданӣ ва соҳибкорӣ, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент. Тел.: +7 (953) 496-32-25: E-mail: sm-alamova@mail.ru

Дар мақола масъалаҳои захирасозии объектҳои ҳуқуқи муаллифӣ ҳамчун усули ҳифзи ҳуқуқҳои муаллиф дар муҳити рақамӣ баррасӣ мешаванд. Таваҷҷуҳи махсус ба таҳлили хусусиятҳои фаъолияти хизматрасониҳои муосири рақамӣ, инчунин масъалаҳои ҳуқуқии истифодаи технологияҳои реестрҳои тақсимшуда ҳангоми тасдиқи далели офаридани асар ва мансубияти муаллифӣ дода мешавад. Дар асоси таҳлили амалияи судӣ таҷрибаи судҳо нисбат ба арзёбии маълумот дар бораи захирасозӣ ҳангоми баррасии баҳсҳо оид ба ҳифзи ҳуқуқҳои муаллифӣ таҳқиқ карда мешаванд. Асоснок карда мешавад, ки захирасозӣ хусусияти ҳуқуқтавлидкунанда надорад ва ба ба вуҷуд омадани ҳуқуқи муаллифӣ таъсир намерасонад, аммо метавонад ҳамчун далели иловагӣ барои тасдиқи мавҷудияти асар дар як лаҳзаи муайян ва робитаи он бо муаллифи мушаххас истифода шавад. Қайд мегардад, ки рушди минбаъдаи механизмҳои ҳуқуқии танзими фаъолияти ташкилотҳое, ки бо захирасозии асарҳо машғуланд, инчунин таҳияи стандартҳои ягонаи нигоҳдории сабтҳои рақамӣ, ки ҳамчун далел ҳангоми баррасии баҳсҳои вобаста ба ҳифзи ҳуқуқҳои муаллифӣ истифода мешаванд, мувофиқи мақсад мебошад.

Калидвожаҳо: ҳуқуқи муаллифӣ, захирасозии асарҳо, ҳифзи ҳуқуқҳои муаллифӣ, объектҳои ҳуқуқи муаллифӣ, блокчейн.

DEPOSITING COPYRIGHT OBJECTS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT AS A METHOD OF PROTECTING COPYRIGHT

ALAMOVA SVETLANA MUKHAMETOVNA
University of Management "TISBI", Associate Professor of the Department of Civil and Business Law, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor. Phone: +7 (953) 496-32-25: E-mail: sm-alamova@mail.ru

The article examines the legal and practical aspects of copyright deposit as a method of protecting authors' rights in the digital environment. Particular attention is paid to analyzing the operational features of modern digital deposit services, as well as the legal issues surrounding the use of distributed ledger technologies to confirm the fact of a work's creation and the ownership of authorship. The study explores court approaches to evaluating deposit data in copyright disputes through the analysis of judicial practice. It is substantiated that depositing is not constitutive in nature and does not affect the emergence of copyrights; however, it can be used as supplementary evidence confirming the existence of a work at a specific point in time and its connection to an author. The article notes the expediency of further developing legal mechanisms for regulating the activities of organizations providing copyright deposit services, as well as establishing unified standards for the storage of digital records used as evidence in copyright protection disputes.

Keywords: copyright, copyright deposit, protection of authors' rights, objects of copyright, blockchain.

Введение

Развитие и широкое распространение цифровых технологий привело к тому, что результаты интеллектуальной деятельности сегодня могут свободно копироваться, передаваться и распространяться в сети Интернет. С одной стороны, данное явление способствует расширению культурного и научного обмена, обеспечивает доступность информации и создает дополнительные возможности для распространения результатов творческой деятельности. С другой стороны, также возрастает вероятность неправомерного использования произведений без согласия автора или иного правообладателя.

Особенностью правового режима произведений науки, литературы и искусства является то, что авторские права на них возникают в силу факта их создания и не зависят от прохождения специальных регистрационных процедур. Вместе с тем отсутствие формальностей также означает, что в случае возникновения спора принадлежность авторства и время создания произведения подлежат установлению посредством представления доказательств в рамках судебного разбирательства. В этой связи особую актуальность приобретают способы фиксации сведений о произведении и его авторе, позволяющие подтвердить существование результата творческой деятельности на определенный момент времени. Развитие современных информационных технологий привело к формированию различных способов такой фиксации, одним из которых выступает депонирование произведений.

Целью настоящего исследования является анализ правовой природы депонирования произведений и определение его значения как способа защиты авторских прав в условиях цифровизации. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: раскрыть понятие депонирования и определить его правовую природу; определить роль депонирования в системе защиты авторских прав; проанализировать особенности функционирования современных

цифровых сервисов депонирования; рассмотреть подходы судебной практики к оценке сведений о депонировании при разрешении споров о защите авторских прав. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания, в том числе метод системного анализа и формально-юридический метод.

Раздел 1. Теоретические аспекты депонирования объектов авторского права

Согласно п. 4 ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) авторское право на произведение науки, литературы и искусства возникает в силу факта его создания и подлежит правовой охране с момента его выражения в объективной форме. Данный принцип отражает одну из фундаментальных особенностей правового режима объектов авторского права, заключающуюся в том, что возникновение соответствующих прав не связано с прохождением процедур государственной регистрации либо совершением иных юридически значимых действий [1, с. 336].

В соответствии со ст. 1257 ГК РФ автором произведения признаётся гражданин, творческим трудом которого оно создано. Следовательно, необходимым условием возникновения авторских прав является наличие творческого вклада конкретного лица в создание произведения и выражение результата такого труда в объективной форме. Никакие дополнительные процедуры подтверждения авторства законодательством не предусматриваются, а правовая охрана возникает с момента создания произведения и его выражения в объективной форме и распространяется на произведение независимо от его достоинств, назначения, а также способа выражения.

Вместе с тем на практике могут возникать ситуации, когда несколько лиц претендуют на авторство одного и того же произведения. В таких случаях необходимо определить, кто является его автором, и установить дату создания, опираясь на соответствующие доказательства. В качестве таких доказательств могут выступать различные сведения и материалы, подтверждающие процесс создания произведения и связь конкретного лица с результатом творческой деятельности. К их числу, в частности, относятся черновые материалы и рабочие версии произведения, электронные файлы с указанием даты их создания или изменения, переписка автора, связанная с подготовкой произведения, публикации произведения в СМИ или сети Интернет, а также иные сведения, позволяющие установить факт участия конкретного лица в создании произведения [2, с. 197].

Наряду с перечисленными доказательствами применяются и специальные методы документального закрепления сведений о произведении и его авторе, которые подтверждают факт его существования на конкретный момент времени. Одним из таких методов выступает депонирование. В юридической литературе депонирование произведений рассматривается как способ документального подтверждения авторства и времени создания произведения, который может использоваться в качестве одного из доказательств при разрешении споров, связанных с нарушением авторских прав [3, с. 340].

Следует подчеркнуть, что депонирование не является условием возникновения авторского права и не оказывает влияния на сам факт его существования. Как уже было отмечено, для возникновения авторского права не требуется соблюдение каких-либо формальностей, включая государственную регистрацию или иные процедуры подтверждения. Само депонирование также не следует отождествлять с государственной регистрацией объектов интеллектуальной собственности. Государственная регистрация предполагает осуществление специальной юридической процедуры, в результате которой сведения об объекте права и его правообладателе вносятся в официальный государственный реестр, а сама регистрация выступает условием возникновения или осуществления соответствующих прав. В России в

отношении объектов авторского права обязательная регистрация законодательством не предусмотрена [4, с. 145].

Депонирование не обладает правопорождающим характером, его назначение заключается прежде всего в установлении факта существования произведения на определенную дату [5, с. 93]. Иными словами, депонирование выполняет преимущественно доказательственную функцию и может рассматриваться как вспомогательный механизм обеспечения защиты авторских прав. Наличие депонированного экземпляра произведения позволяет установить, что на определенную дату соответствующий результат творческой деятельности уже существовал в конкретной форме и был связан с определенным автором. Такие сведения могут использоваться при рассмотрении судебных споров в качестве одного из доказательств, подтверждающих приоритет автора.

Так, депонирование произведений представляет собой один из вспомогательных механизмов обеспечения защиты авторских прав, направленный на подтверждение авторства и установление момента создания произведения. Несмотря на то что данная процедура не порождает авторских прав, она играет важную роль в системе доказательственных средств, позволяющих обеспечить эффективную защиту результатов интеллектуальной деятельности, особенно в условиях широкого распространения цифровых технологий и развития информационной среды. Реализация указанного механизма в современных условиях неразрывно связана с использованием цифровых платформ и технологий распределенных реестров, что обусловливает особенности практического применения депонирования.

Раздел 2. Практические аспекты депонирования объектов авторского права

С развитием цифровых технологий изменились и способы депонирования произведений. Если ранее оно чаще осуществлялось путем передачи материального экземпляра произведения на хранение в специализированные организации или архивы, то в настоящее время все более широкое распространение получают электронные способы депонирования [6].

Одним из наиболее распространенных способов подтверждения авторства является использование электронных сервисов депонирования, предоставляющих возможность загрузки цифрового файла произведения с последующей регистрацией даты его размещения. До 2018 г. депонирование объектов авторского права осуществлялось в Российском авторском обществе, однако, впоследствии предоставление соответствующей услуги было передано официальным партнерам данной организации, к которым относятся Национальный реестр интеллектуальной собственности и Интеллектуальный регистратор авторских прав [7].

Передача соответствующих полномочий отдельным партнерам не исключает возможности существования и иных организаций, предоставляющих аналогичные услуги. В настоящее время деятельность по депонированию результатов интеллектуальной деятельности могут выполнять любые организации, выступающие как операторы специализированных информационных систем. Такие субъекты могут создаваться в форме коммерческих или некоммерческих юридических лиц в соответствии с общими требованиями гражданского законодательства. Поскольку специальный правовой статус таких платформ и требования к обязательному лицензированию в законодательстве не закреплены, их деятельность регулируется общими нормами об информационных посредниках и защите персональных данных.

Основная задача подобных организаций заключается в регистрации сведений о произведениях и их авторах, а также в обеспечении сохранности информации. Администраторы сервисов депонирования осуществляют лишь размещение и хранение представленных пользователями сведений, проверка достоверности информации об авторстве, заявляемой при депонировании произведения, не осуществляется,

вследствие чего такие организации не несут ответственности за точность соответствующих данных [8, с. 76].

Широкое распространение в деятельности современных сервисов депонирования получила технология распределенного реестра, известная как блокчейн, которая представляет собой особый способ хранения информации в форме распределенной базы данных, где сведения записываются последовательно и сохраняются одновременно на множестве узлов сети [9, с. 103]. Особенностями технологии блокчейн выступают цифровая форма хранения информации, децентрализованный характер функционирования системы, применение криптографических алгоритмов и высокая степень защищенности записей [10, с. 146–147]. Информация в распределенном реестре записывается в виде отдельных блоков, которые объединяются в последовательную цепочку и содержат сведения о ранее внесенных записях. Этим объясняется само наименование данной технологии, происходящее от английских слов block и chain, что в буквальном переводе означает «цепочка блоков». Каждый новый блок формируется с учетом данных предыдущего блока, что обеспечивает целостность всей системы и исключает возможность изменения или удаления информации, так как любое вмешательство отражается в системе и требует подтверждения всеми участниками сети. Использование подобных технологий позволяет фиксировать сведения о создании результата интеллектуальной деятельности и сохранять информацию о времени его регистрации в системе [11].

После прохождения процедуры депонирования пользователю выдается свидетельство о депонировании произведения либо иной электронный документ, подтверждающий факт размещения соответствующего объекта в системе и дату его регистрации. Такой документ содержит сведения о произведении, лице, заявившем о своем авторстве, а также о времени внесения соответствующей записи в информационную систему. Свидетельство о депонировании произведения может использоваться в качестве одного из доказательств при рассмотрении споров о принадлежности авторских прав. Однако, судебная практика свидетельствует о том, что подобный документ оценивается судом только в совокупности с иными представленными доказательствами и не может рассматриваться как самостоятельное и безусловное подтверждение авторства.

Показательным является решение Арбитражного суда Республики Татарстан по делу № А65-25434/2020 [12], в рамках которого рассматривалось требование о взыскании компенсации за нарушение исключительных авторских прав на изображения. При рассмотрении данного дела истец представил свидетельство о депонировании произведений, а также сами спорные фотографии, компакт диск с экземплярами произведений и ссылку на облачное хранилище, где размещались исходные файлы изображений. Представленные материалы позволили суду установить обстоятельства создания произведений и признать доказанным факт авторства.

В похожем деле, разрешенном Московским городским судом [13], была дана иная правовая оценка аналогичным доказательствам. В рамках данного дела заявитель обратился в суд с требованием о принятии предварительных обеспечительных мер, направленных на защиту исключительных прав на произведение искусства, размещенное в сети Интернет. В подтверждение принадлежности исключительных прав заявителем было представлено только свидетельство о депонировании, а иные доказательства, позволяющие соотнести объект, размещенный на интернет странице торговой площадки, с произведением, на которое заявитель ссылался как на объект своих прав представлены не были. При указанных обстоятельствах суд пришел к выводу о недоказанности принадлежности исключительных прав и отказал в удовлетворении заявленных требований.

Однозначный ответ по вопросу использования депонированных произведений в качестве доказательств был дан в Определении Судебной коллегии по экономическим

спорам Верховного Суда Российской Федерации по делу № А40-46622/2019 [14]. Верховный Суд подчеркнул, что авторское право возникает в силу самого факта создания произведения, которое является результатом творческой деятельности человека, выраженным в объективной форме. В этой связи процедура депонирования не может рассматриваться как юридический факт, с которым законодательство связывает возникновение или подтверждение авторских прав. Она носит добровольный характер и не предусмотрена законом как обязательный элемент правовой охраны произведения. В указанном определении также отмечено, что «… депонирование лишь подтверждает существование в определенный момент времени экземпляра определенного произведения. С фактом депонирования произведения не связывается установленная статьей 1257 ГК РФ презумпция, согласно которой лицо, указанное в качестве автора на оригинале или экземпляре произведения, считается его автором …».

Так, наличие свидетельства само по себе не исключает возможности оспаривания авторства в судебном порядке, поскольку правовая оценка принадлежности авторских прав осуществляется судом на основе совокупности представленных доказательств. К ним могут относиться исходные файлы произведения, рабочие материалы, черновые версии, переписка между участниками творческого процесса и иные сведения, позволяющие установить обстоятельства создания произведения. В данном контексте депонирование выступает вспомогательным инструментом, позволяющим подтвердить наличие произведения на определенную дату и укрепить позицию лица, заявляющего о своих авторских правах.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что депонирование произведений представляет собой вспомогательный механизм обеспечения защиты авторских прав, направленный на подтверждение существования произведения на определенный момент времени и закрепление сведений о лице, заявляющем о своем авторстве. Данная процедура не обладает правопорождающим характером и не влияет на возникновение авторских прав.

Основное назначение депонирования как способа защиты авторских прав заключается в создании доказательственной базы, позволяющей подтвердить существование произведения и связь его с конкретным автором при разрешении споров о принадлежности авторства. В любом случае, правовая оценка принадлежности авторских прав осуществляется судом на основе совокупности доказательств, среди которых депонирование может выступать лишь одним из элементов. Дальнейшее развитие технологий депонирования произведений и иных цифровых способов подтверждения авторства требует их теоретического осмысления с точки зрения правовой природы и доказательственного значения. В частности, представляется целесообразным развитие правовых механизмов, направленных на установление общих требований к деятельности организаций, осуществляющих депонирование произведений, а также выработку единых стандартов хранения цифровых записей, используемых в качестве доказательств при рассмотрении споров о защите авторских прав.

Литература

1. Новоселова Л.А., Рузакова О.А. Значение и функции регистрации авторских прав в Российской Федерации и за рубежом // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – № 3(37). – С. 334-349.

2. Антонова Л.И. О доказательствах в делах о защите авторских прав // Право и управление. – 2023. – № 5. – С. 195-198.

3. Каменева П.В. Депонирование как один из способов правовой охраны авторских прав // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 4. – С 340-343.

4. Москаленко И.А. Регистрация произведений как инструмент защиты авторских прав в трансграничных отношениях (сеть Интернет) // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 3(100). – С. 142-150.

5. Чурилов А.Ю. Фиксация и оборот исключительных прав на объекты авторского права с помощью смарт-контрактов: миф или реальность? // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 3(160). – С. 89-99.

6. Близнец И.А., Ахметов Р.Р. Депонирование объектов авторского права и его классификация // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2024. – № 11(123). – С. 128-136.

7. Депонирование // Российское авторское общество. – URL: https://rao.ru/deponirovanie/ (дата обращения: 02.04.2026).

8. Адамян К.М. Депонирование как способ фиксации создания объектов авторских и смежных прав в сети «интернет» // Пролог: журнал о праве. – 2024. – № 1(41). – С. 71-79.

9. Гринь Е.С. Реестры сложных объектов интеллектуальных прав (на примере аудиовизуальных произведений) // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 8(81). – С. 99-105.

10. Былинкина Е.В. Блокчейн: правовое регулирование и стандартизация // Право и политика. – 2020. – № 9. – С. 143-155.

11. Аламова С.М. Технологии распределенных реестров как инструмент удостоверения и подтверждения авторских прав на результаты интеллектуальной деятельности: правовые аспекты // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 11(210). – С. 208-211.

12. Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 21.05.2021 по делу № А65-25434/2020 // СПС «Гарант». – URL: https://www.garant.ru/files/4/6/1489064/reshenie-as-respubliki-tatarstan-ot-21-maya-2021-goda-_-a65-254342020.pdf (дата обращения: 02.04.2026).

13. Определение Московского городского суда от 17.01.2024 № 2и-872/2024 // СПС «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/337989998/ (дата обращения: 02.04.2026).

14. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17.09.2020 № 305-ЭС20-8198 по делу № А40-46622/2019 // СПС «Гарант». – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74556306/ (дата обращения: 02.04.2026).

УДК: 347.4(47+57)

ПРОБЛЕМЫ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ ДОГОВОРА В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН СНГ

НОДИРОВ ФОЗИЛБЕК МИРЗОШАРИФОВИЧ
Международный университет туризма и предпринимательства Таджикистана, к.ю.н., доцент. Тел.: +992 918 74 32 29; E-mail: fnodirov@list.ru

НАЗАРЗОДА ЗАМИРАИ РАДЖАБ
Международный университет туризма и предпринимательства Таджикистана, ассистент. Тел.: +992 20075151

Несмотря на то, что свобода договора в условиях рыночной экономики является необходимым элементом договорного права, ее нельзя абсолютизировать. Отсюда необходимость законодательного установления и закрепления данной категории.

В действующем гражданском законодательстве многих стран СНГ и в законодательствах стран дальнего зарубежья установлены, как основные начала и принципы свободы договора, так и возможные случай ее ограничения.

Свобода договора, как основополагающее начало гражданского права, так и возможные случай ее ограничения получила воплощение в правовых нормах.

Ключевые слова: договор, норма, договорный процесс, предварительный договор, ограничения свободы, административный акт, предпринимательства, законодательства, компромисс, консенсус, волеизъявления, защита, права, обязанность

МАСОИЛИ МАҲДУД НАМУДАНИ ОЗОДИИ ШАРТНОМА ДАР ҚОНУНГУЗОРИИ МАДАНИИ КИШВАРҲОИ ИДМ

НОДИРОВ ФОЗИЛБЕК МИРЗОШАРИФОВИЧ
Донишгоҳи байналмилалии сайёҳӣ ва соҳибкории Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент. Тел.: +992 918 74 32 29; E-mail: fnodirov@list.ru

НАЗАРЗОДА ЗАМИРАИ РАҶАБ
Донишгоҳи байналмилалии сайёҳӣ ва соҳибкории Тоҷикистон, ассистент. Тел.: +992 20075151

Новобаста аз он ки озодии шартнома дар замони иқтисодиёти бозорӣ унсури зарурии ҳуқуқи шартномавӣ шуморида мешавад, онро ба хусаи мутлақ мубадал нашояд кард. Аз ин ҷо зарурати муқарраркунӣ ва мустаҳкамкунии истилоҳи мазкур дар сатҳи қонунгузорӣ ба вуҷуд омадааст.

Дар қонунгузории мадании амалкунандаи бештари кишварҳои ИДМ ва кишварҳои хориҷӣ дур на танҳо асос ва принсипҳои озодии шартнома, балки ҳолатҳои имконии маҳдуд намудани он низ муқаррар карда шудаанд.

Ҳамин тариқ, озодии шартнома ҳамчун принсипи асосии ҳуқуқи маданӣ ва инчунин ҳолатҳои имконии маҳдуд намудани он дар санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ ифодаи худро ёфтаанд.

Вожаҳои калидӣ: шартнома, танзими аз ҳад зиёд, меъёр, мурофиаи шартномавӣ, шартномаи пешакӣ, маҳдуд намудани озодӣ, санади маъмурӣ, соҳибкорӣ, қонунгузорӣ, созиш, ҳамраъйӣ, ифодаи ирода, ҳимоя, ҳуқуқ, уҳдадорӣ

PROBLEMS OF LIMITATION OF FREEDOM OF CONTRACT IN THE CIVIL LEGISLATION OF CIS COUNTRIES

NODIROV FOZILBEK MIRZOSHARIFOVICH
International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor. Tel.: +992 918 74 32 29; E-mail: fnodirov@list.ru

NAZARZODA ZAMIRA RAJAB
International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan, assistant. Phone: +992 20075151

Despite the fact that freedom of contract in a market economy is an essential element of contract law, it cannot be considered absolute. Hence, there is a need for legislative establishment and consolidation of this category.

The current civil legislation of many CIS countries, as well as that of foreign countries, establishes both the fundamental principles of freedom of contract and possible cases of its limitation.

Freedom of contract, as a fundamental principle of civil law, as well as possible cases of its limitation, has been reflected in legal norms.

Keywords: contract, norm, contractual process, preliminary contract, limitation of freedom, administrative act, entrepreneurship, legislation, compromise, consensus, expression of will, protection, rights, obligation.

Закрепление в гражданском праве принципа свободы договора означает одновременно отказ законодателя от понуждения к заключению договора на основе обязательного для сторон административного акта, что не исключает возможность ограничения данного принципа в определенных случаях [16, с. 142-147].

Свободу нельзя абсолютизировать, нет безграничной свободы, свобода также где-то кончается, поэтому субъект при наличии определенных границ должен считаться с объективными условиями и закономерностями [2, с. 112]. Свобода одних лиц ограничивается свободой и правами других лиц. В этом плане лицо считается свободным до вступления в соответствующие договорные отношения. С вступлением в договор лицо само ограничивает свою свободу, добровольно принимая на себя обязанности [12, с. 173].

Так, в условиях плановой экономики в обществе юридическая мера свободы договора определяется в законе. Применительно к различным видам договора закон устанавливает разные меры свободы. По отношению к плановому договору, который заключается во исполнение планового акта и условия которого определены этим актом, закон устанавливает иную меру свободы, чем по отношению к договору неплановому. Но это не означает, что один договор менее свободен, чем другой. Просто грань между свободой и произволом у них разная. Юридической мерой свободы договора в таких случаях не только норма право как всеобщая мера, но и плановый акт является единичной мерой свободы договора в подобных договорах [16, с. 470-471].

В целях приведения соответствующего порядка, законодатель считал необходимым предусмотреть определенные ограничения свободы договора, отсутствие которого в договорном праве приведет к злоупотреблениям правами, к анархии в экономике, в конечном итоге – к подрыву государственности. В то же время полагают, что свобода договора относительна, поскольку участники хозяйственного оборота должны руководствоваться существующими законами,

которые выступают в роли ограничения свободы договора. При этом нормы прямо или косвенно формулируют пункты договоров [6, с. 34].

По мнению В.А. Ойгензихта, регулирование необходимо, в том числе и в нормативных актах …, регулирующих хозяйственные договоры, но это регулирование не должно быть зарегулированием и выступать как ограничитель договорной свободы, хотя в чем-то ограничение (от произвола монополий и от ущемления интересов потребителей) должно быть. Но это та необходимость, которая существует объективно и сформулирована, отражена в правовой норме [10, с. 119-120].

Поэтому и в ч. 3 ст. 14 Конституции РТ и в ст. 9 ГК РТ (ст. 9 ГК РУз; ст. 10 ГК РФ) установлено, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

На основе конституционных положений устанавливается ряд ограничений, необходимых в условиях … защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения безопасности общества и государства, охраны окружающей среды (п.6, ст. 3 ГК РТ; п. 3-4 ст. 9 ГК РУз; п. 2 ст. 1 ГК РФ); - предотвращения действий граждан и юридических лиц, осуществляемых исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребления правом в иных формах (п. 1,3 ст. 9 ГК РТ; п. 5 ст. 9 ГК РУз; п. 1 ст. 10 ГК РФ); - предотвращения использования гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребления своим доминирующим положением на рынке (п.2 ст. 9 ГК РТ; под п. 2 ст. 10 ГК РФ); - обеспечения защиты экономически слабой стороны в договоре (ст. 488, 490 ГК РТ; ст. 358, 360 ГК РУз; ст. 426, 428 ГК РФ).

Приведенные ограничения свободы договора в гражданско-правовом обороте должны отвечать требованиям справедливости, быть … конституционно значимым целям защиты соответствующих прав законных интересов и основываться на законе [15, с. 18-20].

Приведенные нормы позволяют с одной стороны ограничивать свободу договора, а с другой стороны позволяют установить пределы юридического содержания свободы договора. Таким образом, указанные нормы направлены на достижение разумного компромисса между общественной необходимостью и интересами обладателя права [8, с. 20].

В литературе выделяют две группы норм относительно ограничения свободы договора, то есть – объективные ограничения, содержащиеся в гражданском кодексе и иных законах и нормативных правовых актах, и субъективные ограничения, принятые на себя стороной договора добровольно, в рамках осуществления по своему усмотрению своих гражданских прав [7, с. 89].

Ранее договорные отношения были подвержены излишней «зарегулированности»; нормы, регламентирующие договорный процесс, разрабатывались с привлечением специалистов соответствующих областей знаний. В настоящее время при разработке конкретных договоров нужно использовать такие акты в качестве ориентира, либо приводить в договорах ссылки на них – в качестве примерных условий договора [9, с. 50-55].

В Гражданском кодексе находим многочисленные нормы, направленные на обязательное заключение договора. Среди таких норм особое место занимает ст. 511 ГК РТ под названием «Заключение договора в обязательном порядке». Тем не менее, указанная норма предоставляет сторонам право согласовать условия договора, и он заключается как бы по типу ст.518 ГК РТ, т.е. в результате достижения соглашения по всем его существенным условиям. Однако можно прибегнуть к принудительному заключению договора, предусмотренного ст.511, в том случае, если от его заключения уклоняется сторона, для которой заключение договора является

обязательным. В таком случае сторона имеет право в судебном порядке принудить уклоняющегося к заключению договора.

Гражданский кодекс предусматривает такие нормы, которые напрямую обязывают одну из сторон к заключению договора. К числу таких норм, прежде всего, следует отнести ст.488 ГК РТ о публичном договоре. В этой норме определяются основные признаки публичного договора, а также ограничения, налагаемые на одну из сторон такого договора.

Возникновения данной нормы в ГК необходимо для защиты слабой стороны договора, характеризующий специфика субъекта, как с точки зрения экономической возможности, так и о непрофессионализме данного участника, что объективно вызывает необходимость особой защиты со стороны законодателя. Следует отметить, что отсутствие нормы, прямо предусматривающей заключение таких договоров в гражданском законодательстве не означает, что не заключались такие договора в практической деятельности хозяйствующих субъектов. Так, снабженческо-сбытовая организация, внешнеэкономическая организация, банк, органы транспорта и другие организации массового обслуживания обязаны были заключать договор со всеми, кто обращается к этим организациям, и этот договор ничем не отличается от публичного договора [3, с. 50-55].

Правила об ограничении свободы договора, кроме того, находим и в отдельных законодательных актах Республики Таджикистан. Так, обязанность сторон заключать договор предусмотрена ст. 7 Закона Республики Таджикистан «О защите конкуренции». В соответствии с приведенной нормой при неисполнении решения (предписания), антимонопольный орган вправе обратиться в суд с иском о признании утратившими силу договоров полностью или в части, противоречащей антимонопольному законодательству, либо о понуждении к заключению договора.

Такие же нормы содержатся в Законе Республики Таджикистан «О естественных монополиях», в соответствии с которыми уполномоченный орган направляет субъектам естественной монополии обязательные для исполнения предписания относительно заключения договора с потребителями, подлежащими обязательному обслуживанию (предоставление продукции), а также о внесении в договоры изменения (ст. 14).

Наиболее характерным примером субъективных ограничений свободы договора, принятых на себя сторонами договора на основании добровольного обязательства, является предварительный договор (ст.493 ГК РТ). Стороны предварительного договора не могут уклоняться от заключения основного договора, так как к ним применяются положения об обязательном заключении договора, предусмотренные п.4 ст.488 ГК РТ, следовательно, другая сторона вправе обратиться в суд с требованием о понуждении заключить договор.

Свобода договора, представляя собой возможность, основанную на законе, ином правовом акте, соглашением сторон, обычаев делового оборота, на сегодняшний день является одним из основных принципов договорного права.

Как справедливо отмечал В.П.Грибанов, «всякое субъективное право, будучи мерой возможного поведения управомоченного лица, имеет определенные границы, как по своему содержанию, так и по характеру его осуществления … ибо при отсутствии таких границ право превращается в свою противоположность - в произвол и тем самым вообще перестает быть правом» [5, с. 22].

В юридической литературе с давних пор говорили об ограничениях, в том числе договорной свободы. «Известные ограничения принципа договорной свободы неизбежна, и весь вопрос заключается только в том, как далеко они могут идти и в каких терминах они могут быть выражены. А это раскрывает перед нами новую и чрезвычайно трудную проблему – быть может, одну из самых труднейших проблем всего гражданского права» [1, с. 251].

Свобода договоров, как и любая иная свобода, имеет свои пределы. В интересах «другого», под которым подразумеваются остальные члены общества и общество в целом, устанавливаются различного рода ограничения, закрепленные в самой общей форме в нормах договорного права…[4, с. 125].

Свобода заключения договора может быть ограничена и установлением запретов на заключение тех или иных соглашений.

Если в одних случаях закон запрещает заключение отдельных договоров, то в других случаях характер самих отношений не позволяет заключение определенного соглашения. Так, право на получение пожизненной ренты, в отличие от постоянной, связано с личностью ее получателя. Поэтому последний не вправе передать право на ее получение путем уступки требований [17, с.4]. Или, современное законодательство, благодаря возврату к классической конструкции договора займа, сделало не возможным совершение «найма денежных купюр» по договорам «селенга», «доверительное управление денежными купюрами» (п.2, ст.1013 ГК РФ), допускавшееся правилами о «паевых инвестиционных фондах» [14, с. 41].

Иногда законодательство устанавливает ограничения для использования определенной договорной формы. Так, ГК в императивной форме устанавливает, что сторонами договора простого товарищества, заключаемого для осуществления предпринимательской деятельности, могут быть только индивидуальные предприниматели и коммерческие организации (п.3, ст. 1146 ГК РТ). Соответственно, некоммерческие организации не могут быть участниками такого рода договоров. В противном случае отношения принимают форму скрытого предпринимательства.

При формальном подходе к норме, изложенной в п.3 ст. 1146 ГК, такие основания следует квалифицировать, по определению Г.Е. Авилова, как «договор о совместной деятельности в широком смысле» [1, с.563]. Следовательно, подобное соглашение будет признано не договором простого товарищества, а смешанным договором.

Сторонам следует всегда помнить, что свобода договора – это не анархия, а предусмотренная законом возможность решения гражданско-правовых вопросов. При этом все используемые в соглашении понятия должны четко следовать юридической терминологии – во избежание двоякого их толкования.

Свобода договора есть основа проявления автономии воли, и их взаимосвязь проявляется в различных аспектах: во-первых, это право самостоятельно решать, вступить в определенные договорные отношения или нет; во-вторых, право свободного выбора контрагента для заключения договора; в-третьих, предоставление договаривающимся сторонам широких возможностей при определении его условий, обусловленных наличием большого количества диспозитивных норм; в-четвертых, право заключать как предусмотренные, так и не предусмотренные в ГК договоры; в-пятых, право выбирать вид договора и заключения смешанного договора; в-шестых, в установленных законом пределах - право выбора формы договора, порядка изменения и расторжения, способа обеспечения исполнения обязательства и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авилов Г.Е. Простое товарищество //ГК РФ. Часть вторая. Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель. -М., 1996. – С.563.
2. Алексеев С.С. Объективное в праве//Правоведение. -1971. -№1. – С.112;
3. Брагинский М.И. Хозяйственный договор: каким ему быть? –С.87-88.
4. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения.– С.125.
5. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. -М., 2000. – С.22.

6. Денисов С.А. Преимущественное право на заключение договора как институт, устанавливающий пределы свободы заключения договора //Законодательство. -1997. -№2. – С.34;

7. Забоев К.И. Правовые и философские аспекты гражданско-правового договора. -Санкт - Петербург, 2003. – С.89.

8. Морозова Л.А. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву. (Материалы круглого стола) //Государство и право. -1998. -№7. – С.20.

9. Нодиров Ф.М. Договорные отношения по оказанию производственно-технических услуг сельскохозяйственным коммерческим организациям (предприятиям). -Душанбе, 1998. С.50-55.

10. Ойгензихт В.А. Альтернатива в гражданском праве. -Душанбе: Ирфон, 1991. –С.119-120.

11. Покровский И.А. Указ. соч.– С.251.

12. Саватье Р. Теория обязательств. Юридический и экономический очерк. -М., 1972. – С.173.

13. Сулейменов М.К. Избранные труды по гражданскому праву. –С.470-471.

14. Суханов Е.А. Заем и кредит. Финансирование под уступку денежного требования. Банковский вклад. Банковский счет //Хозяйство и право. -1996. -№7. – С.4.

15. Танага А.Н. Принцип свободы договора в гражданском праве России. -Санкт-Петербург, 2003. – С.18-20.

16. Хаскашев Ш.Т. О свободе заключения гражданско-правовых договоров в сфере предпринимательского права//Материалы международной научно-теоретической конференции, посвященной памяти В.А. Ойгензихта. -Душанбе, 2004. –С. 142-147.

17. Цыбуленко З.И. Рента и пожизненное содержание с иждивением. //Российская юстиция. -1997. -№6. – С.12; №7. – С.19.

УДК: 340.1:004

МОНИТОРИНГИ ҲУҚУҚӢ ДАР МАРҲИЛАИ РАҚАМИКУНОНӢ: МУШКИЛОТ ВА ТАМОЮЛҲО

МАТРОБИЁН МАТРОБ ХУРРАМ
Донишгоҳи байналмилалии сайёҳӣ ва соҳибкории Тоҷикистон, ходими калони илмии раёсати илм ва инноватсия. Тел.: 992935325505; E-mail: matrob@mail.ru

Роҳи муҳимму самарабахши гузаронидани мониторинги ҳуқуқӣ дар ҷомеаи муосир истифодаи технологияҳои гуногуни иттилоотиву коммуникатсионӣ мебошад. Мониторинги ҳуқуқӣ бояд таъминоти электронӣ дошта бошад, зеро он ҳамчун роҳи асосии баҳодиҳӣ ва таҳлили санадҳои меъёрӣ-ҳуқуқӣ мебошад. Дар раванди мониторинг бешубҳа тамоми воситаҳои технологияҳои иттилоотӣ ва таҳлилӣ барои ба таври фаврӣ гузаронидани мониторинги ҳуқуқӣ истифода мешавад. Дар мақолаи мазкур муаллиф мониторинги ҳуқуқиро дар марҳилаи рақамикунонӣ таҳлил намуда, ҳамзамон мушкилоти марбут ба он ва тавсияҳо роҷеъ ба такмили фаъолияти ҳуқуқэҷодкуниву ҳуқуқтатбиққунӣ бо истифода аз рақамисозии мониторинги ҳуқуқиро баррасӣ кардааст.

Вожаҳои калидӣ: мониторинг, мониторинги ҳуқуқӣ, рақамикунонӣ, технологияҳои иттилоотӣ, интернет, шиносномаи электронӣ.

ПРАВОВОЙ МОНИТОРИНГ НА ЭТАПЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

МАТРОБИЁН МАТРОБ ХУРРАМ
Международный университет туризма и предпринимательства Таджикистана, старший научный сотрудник управления науки и инноваций.
Тел.: +992 93 532 55 05; E-mail: matrob@mail.ru

Одним из важных и эффективных способов осуществления правового мониторинга в современном обществе является использование различных информационно-коммуникационных технологий. Правовой мониторинг должен иметь электронное обеспечение, поскольку он выступает удобным способом оценки и анализа нормативно-правовых актов. В процессе мониторинга, безусловно, используются все средства информационных и аналитических технологий для оперативного проведения правового мониторинга. В данной статье автор анализирует правовой мониторинг на этапе цифровизации, а также рассматривает связанные с ним проблемы и предлагает рекомендации по совершенствованию правотворческой и правоприменительной деятельности на основе цифровизации правового мониторинга.

Ключевые слова: мониторинг, правовой мониторинг, цифровизация, информационные технологии, интернет, электронный паспорт.

LEGAL MONITORING IN THE DIGITALIZATION ERA: CHALLENGES AND TRENDS

MATROBIYON MATROB KHURRAM
International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan, Senior Researcher of the Department of Science and Innovation.
Tel.: +992 93 532 55 05; E-mail: matrob@mail.ru

One of the most important and effective ways of conducting legal monitoring in modern society is the use of various information and communication technologies. Legal monitoring should be provided with electronic support, as it serves as a convenient method for evaluating and analyzing normative legal acts. In the process of monitoring, all information and analytical technologies are undoubtedly used to ensure the prompt implementation of legal monitoring. In this article, the author analyses legal monitoring at the stage of digitalization, and also examines the related challenges and provides recommendations for improving law-making and law-enforcement activities through the digitalization of legal monitoring.

Keywords: monitoring, legal monitoring, digitalization, information technologies, Internet, electronic passport.

Муқаддима. Рақамикунонӣ дар шароити муосир аз падидаҳои маъмулу васеъистифодашаванда дар тамоми соҳаҳои ҳаёт мебошад. Бидуни технологияҳои иттилоотӣ айни замон иҷрои фаъолияти муайян имконнопазир мебошад. Дар ҳаёти ҳуқуқӣ низ раванди мазкур таъсиррасон буда, айни замон дар фаъолиятҳои гуногуни ҳуқуқӣ, аз ҷумла, фаъолияти ҳуқуқэҷодкуниву қонунгузорӣ ва ҳуқуқтатбиққунӣ воситаҳои муосири инноватсионӣ корбурди васеъ пайдо кардааст. Бахусус таҳвили маълумоту ҳуҷҷатҳо, имзоҳои электронӣ, баррасии муроҷиатҳо ва ғ. [5] алҳол бештар ба тариқи электронӣ суръат мегиранд.

Муҳимияти мавзӯъ, масъалагузорӣ, ҳадафи таҳқиқот ва вазифаҳо. Муҳимияти мавзуъ дар он зоҳир мегардад, ки мониторинги ҳуқуқӣ дар шароити муосир падидаи нав буда, ҳадафи асосии он такмили фаъолиятҳои гуногуни ҳуқуқӣ ба шумор меравад. Мақсади мақолаи мазкур баррасии мониторинги ҳуқуқӣ дар давраи рақамикунонии ҷомеа буда, ба вазифаҳои асосии он муайян кардани воситаҳои технологияҳои муосири инноватсионӣ, мушаххас кардани воситаҳои аниқи технологияҳои иттилоотӣ ва тартиби корубурди онҳо дар дар равнади мониторинги ҳуқуқӣ ба ҳисоб меравад.

Истифодаи низоми электронӣ дар фаъолияти ҳуқуқӣ бояд дар мавҷуд будани имконияти пайдарҳамии иҷрои корҳо дар ҳама марҳалаҳо бо дарназардошти истифодаи комил ва мунтазамии маводи бойгонии марказонидашуда, лоиҳаи қонун, шиносномаи электронӣ, бастаи ҳамаи ҳамаи ҳуҷҷатҳо ифода ёбад [1, с.83].

Дар раванди мониторинги ҳуқуқӣ [4] низ технологияҳои инноватсионӣ аз василаҳои зуд гузаронидани мониторинг ба шумор рафта, бархе аз муаллифон онро тенологияи мониторинг ё техникаи мониторинг номидаанд.

Ба таърифи И.В. Колесник технологияи мониторинг − низоми донишҳоро дар бораи таъсири мутақобилаи воситаҳои иҷтимоӣ, техникӣ ва технологиро дар бар гирифта, дар стратегия, қоидаҳо, тарзу усулҳо, ки дар раванди иҷрои мониторинги ҳуқуқ (мушоҳидаи раванди тадбиқи он) истифода мешаванд, инъикос меёбад ва бо мақсади таҳлили сатҳи самаранокии меъёрии ҳуқуқие, ки объекти мушоҳида мегарданд ва баҳодиҳии сатҳи натиҷабахшиву мувофиқатисозии минбаъдаи онҳо равона мегардад. Асоси мундариҷаи воситаҳои мониторинги технологӣ бояд восита, қоида, роҳу усулҳои соҳаи омор, ҷомеашиносӣ, математика, кибернетика, мантиқи расмӣ бошанд, ки ба фаъолияти таҳлилии зеҳнӣ ва ихтиёрии пайгирии қонунҳои объективии татбиқи қонун хидмат кунанд [2, с. 245].

Ба назари профессор Б.Х. Раззоқов, яке аз роҳҳои бартараф намудани иллат дар расмиёти қонунгузорӣ таъмини бештари шаффофият дар зинаи истифодаи самараноки технологияҳои муосири иттилоотӣ ва таъсиси силсилаи «майдонҳои мубоҳисавӣ» маҳсуб меёбад [5, с. 127].

Рушди фазои рақамӣ, ташаккули соҳаҳои қонунгузорӣ ва ҳуқуқтатбиққунӣ дар шароити рақамисозии миқёси васеъ метавонад ба инкишофи институти мониторинги ҳуқуқӣ таъсири мусбат расонад. Бинобар ин, дар равандҳои мушоҳида, таҳлил ва арзёбии фаъолияти қонунгузорӣ, санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ ва амалияи татбиқи онҳо,

муайян намудани камбудиҳои танзими ҳуқуқӣ метавонанд бо истифода аз зеҳни сунъии ҳуқуқӣ анҷом дода шаванд. Дар марҳалаи оянда мониторинги ҳуқуқии объектҳои он бояд аз ҷониби шахс – субъекти ваколатдори мониторинги ҳуқуқӣ таҳлил ва арзёбӣ гардад [6, с. 14].

Ба назари Р.Ш. Шарофзода ва Ғ.А. Шокиров «...таҷрибаи давлатҳои аъзои ИДМ собит менамояд, ки қонунҳои қабулнамуда «Дар бораи санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ» роҳҳои истифодаи технологияҳои иттилоотиро дар ҷараёни таҳияи лоиҳаи қонун, қабул ва интишори он, мураттабсозии санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ, мониторинги ҳуқуқӣ муайян мекунанд. Дар қонунҳои мазкур ба иттилоотрасонии фаъолияти ҳуқуқэҷодкунӣ таваҷҷуҳи хос зоҳир мешавад. Дар қонунҳои давлатҳои аъзои ИДМ «Дар бораи санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ», ки солҳои охир тағйиру иловаҳо ворид шудаанд, ё дар таҳрири нав қабул шудаанд, бобҳо ва моддаҳои алоҳида оид ба истифодаи технологияҳои иттилоотӣ дар фаъолияти ҳуқуқэҷодкунӣ, тафсири ҳуқуқӣ, мониторинги ҳуқуқӣ, мураттабсозии қонунгузорӣ пешбинӣ мешаванд. Меъёрҳои зикршуда ба истифодаи технологияҳои иттилоотӣ дар раванди ҳуқуқэҷодкунӣ, амалисозӣ, татбиқ, тафсири ҳуқуқ, мураттабсозии қонунгузорӣ, тарғибу ташвиқи санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ, шаклҳои гуногуни паҳн намудани иттилооти ҳуқуқӣ дар ИДМ мусоидат менамоянд» [7, с. 132, 138].

Дар қонунҳои ин кишварҳо бевосита меъёрҳо дар бораи интишори санадҳои меъёрӣ-ҳуқуқӣ ва ҷойгир намудани онҳо дар порталу дигар манбаҳои иттилоотӣ нишон дода шудааст. Бинобар ин, бо дарназардошти таҷрибаи давлатҳои дигар амалисозии мониторинги қонунгузорӣ ва нашри натиҷаҳои мониторинги қонунгузорӣ дар сомонаҳо амри зарурӣ мебошад. Ин амал пеш аз ҳама ба дастрасии мақомоти дорои ваколати ташаббуси қонунгузорӣ ҷиҳати такмили санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ ва баъдан ба ҳама муҳақиқону мутахассисон барои анҷом корҳои илмӣ-таҳлилӣ мусоидат менамояд. Ҳамчунин, зарур аст, ки маводди қонунгузорӣ дар чунин платформаҳо мунтазам нав карда шавад.

Истифода аз махзани васеи иттилоотӣ ба самаранокӣ ва натиҷабахшии мониторинги қонунгузорӣ мусоидат мекунад. Дар раванди мониторинги қонунгузорӣ иттилоот дар асоси Паёмҳои ҳамасолаи Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон; ахбору ҳисоботҳои мақомоти давлатӣ (мас., ахбори Ваколатдор оид ба ҳуқуқи инсон), таҷрибаи мақомоти ҳокимияти давлатӣ (мақомоти қонунгузор, иҷроия, ва судӣ), ба хусус, натиҷаҳои таҳлилҳои қонунгузорӣ; иттиллоот оид ба таҷрибаи татбиқи санадҳои меъёрӣ-ҳуқуқӣ, аз ҷумла таҷрибаҳои судӣ; маводҳои илмӣ-амалӣ ва рӯзномаву маҷаллаҳои илмӣ-таҳлилӣ; иттилооте, ки аз созмонҳои ҷамъиятӣ ва илмӣ, ташкилотҳои ҳимояи ҳуқуқи инсон, ВАО, шаҳрвандон ва дигар манбаҳо ба даст меояд; инчунин маълумоти оморӣ, сотсиологӣ ва ғ. истифода мешавад. Барои мониторинг, пеш аз ҳама, иттилооти дуруст зарур аст.

Барои самаранокии мониторинги қонунгузорӣ истифодаи васеи махзани иттилоотӣ, технологияҳои муосир мувофиқи мақсад мебошад. Натиҷаҳои мониторинги қонунгузорӣ, аз ҷумла, ки бо роҳи асоснок кардани зарурати қабули санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ тавассути тадқиқоти мониторингӣ дар сомонаҳо нашр ва ба мақоми ваколатдор манзур шаванд. Таҳия ва татбиқи технологияҳои иттилоотӣ ва коммуникатсионӣ, аз ҷумла, ташкили низоми махсуси иттилоотӣ имкон медиҳанд, бо ёрии онҳо масоили гуногуни ҳуқуқиву қонунгузорӣ таҳлил карда шаванд. Бо мақсади мубодилаи иттилоот бо ҷомеаи шаҳрвандӣ оид ба масъалаҳои амали қонунҳо дар шабакаҳои иҷтимоӣ таҳлилҳо ва шарҳҳои гуногунро дарёфт карда, дар фаъолияти мониторинггузаронӣ истифода мешаванд.

Дар баробари масъалаҳои тамоми санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ бояд дар смонаҳо ва платформаҳои махсуси электронӣ дастраси умум бошад, то тамоми шаҳрвандон, шахсони ҳуқуқӣ ва созмонҳои ҷамъиятӣ ба онҳо дастрасии комил дошта бюошанд. «Ба ин мақсад лоиҳаи қонунҳои нав ё тағйиру иловаҳо ба қонунҳо, ки ба Маҷлиси

намояндагон аз субъектҳои ташаббуси қонунгузорӣ ворид мегарданд, ба муҳлати муайян дар сомонаи парламентӣ ҷой дода шаванд ва муҳокимаи қаблии онҳо тавасути Маркази миллии қонунгузорӣ ва муассисаҳои илмию таҳсилоти олии касбӣ ба роҳ монда шавад. Ғайр аз ин, дар назди ҳамин муассиса таъсис додани комиссияи коршиносӣ ҷиҳати ягонасозии истилоҳоти санадҳои қонунгузорӣ тақозои замон мегардад» [6, с. 127].

Хулоса, гузаронидани мониторинги ҳуқуқӣ ба воситаи технологияҳои муосири василаи самараноку натиҷабахш буда, ба фавран даст овардани натиҷаи мониторинг мусоидат мекунад. Ҳамзамон, натиҷаҳои мониторнг низ тавассути технолгияҳои инноватсионӣ, бахусус дар сомонаву пойгоҳҳои электронӣ дастраси ҳама буда, барои таҳқиқоти илмиву такмили қонунгузорӣ аз ҷониби муассисаҳои илмӣ, олимон ва мақомоти ҳуқуқэҷодкунанда истифода шаванд.

Бинобар ин, зарур аст, ки натиҷаҳои мониторинги қонунгузорӣ ва таҳлилу тадқиқоти муқоисавӣ-ҳуқуқии қонунгузорӣ дар сомонаҳои субъектҳои мониторинг нашр карда шаванд. Ҳамзамон, тавсия дода мешавад, ки ҷиҳати интишори натиҷаҳои мониторинг дар субъектҳои мониторинш нашрияҳои электронӣ дар шакли маърузаҳо оид ба ҷамбасти натиҷаҳои мониторинг таъсис дода шавад. Ҳамчунин, бо мақсади баҳисобгирӣ ва мураттабсозии қонунгузорӣ, зарурати таъсиси бонки ягонаи санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ ба миён омадааст, ки метавонад ҳамаи санадҳои меъёрии ҳуқуқии ҷумҳуриявӣ ва маҳаллиро дар бар гирад.

АДАБИЁТ

1. Аксаков, В.О некоторых вопросах совершенствования законотворческой деятельности в Московской области [Текст] // Вестник Совет Федерации. – 2006. – № 4-5. – С. 46-83.
2. Колесник, И.В. Правовой мониторинг как средство экспертно-правового обеспечения законодательного процесса [Текст] / И.В. Колесник // Актуальный вопросы экспертно-правового обеспечения законодательного процесса: федеральный и регионалный аспекты. – Москва, 2016. – С. 244-251.
3. Матробов, М.Х. Мониторинги ҳуқуқӣ ҳамчун шакли нави технологияи ҳуқуқӣ (масъалаҳои назариявӣ) // Ҳуқуқи инсон ва ҷаҳонишавӣ: маводи V-умин конференсияи байналмилалии илмӣ-назариявӣ бахшида ба Рӯзи ҳуқуқи инсон // Зери назари умумии д.и.ҳ., дотсент Ф.Р. Шарифзода. – Душанбе: Нашриёти ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, 2023. – С. 148-152.
4. Матробов, М.Х. Ташаккули ҳукумати электронӣ дар мамлакатҳои хориҷӣ» // Фаъолияти ҳуқуқэҷодкунӣ, 2022. – № 2. – С. 241-245. ISSN 2709-6246.
5. Раззоқов, Б.Х. Омилҳои таъмини қонунэҷодкунии босифат // Фаъолияти ҳуқуқэҷодкунӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон: рушд ва проблемаҳо (Маводҳои конференсияи илмӣ-амалии ҷумҳуриявӣ бахшида ба 25-солагии Истиқлолияти давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон / Зери назари д.и.ҳ., проф., Раҳимзода М.З. – Д.: Империал-Групп, 2016. – С. 117-128.
6. Черногор, Н.Н., Залоило М.В. Правовой мониторинг: инструментальная ценность и векторы развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2018. – № 3. – С. 8-21.
7. Шарофзода, Р.Ш., Шокиров Ғ.А. Иттилоотонии фаъолияти ҳуқуқэҷодкунӣ: таҷрибаи Ҷумҳурии Тоҷикистон ва давлатҳои дигари аъзои ИДМ // Ахбори ДДҲБСТ. Силсилаи илмҳои ҷомеашиносӣ. – 2021. – 4 (89). – С. 130-141.

УДК: 347:342.7

ҲИМОЯИ СУДӢ НАМУДИ ҲИМОЯИ ДАВЛАТӢ ВА ҲУҚУҚӢ: ХУСУСИЯТҲО, ПРИНСИПҲО ВА ФУНКСИЯҲОИ ОН ДАР ҶОМЕАИ ИТТИЛООТӢ

РАҲИМЗОДА САФАР ОРЗУ
Донишгоҳи байналмилалии сайёҳӣ ва соҳибкории Тоҷикистон, муаллими калони кафедраи ҳуқуқ. E-mail: rahimovsafar@bk.ru

МИРАЛИЕВ САЛОҲИДДИН АБДУСАЛОМОВИЧ
Донишгоҳи байналмилалии сайёҳӣ ва соҳибкории Тоҷикистон, н.и.ҳ., дотсенти кафедраи ҳуқуқ. E-mail: miraliev01@yandex.ru

Институти комплексии ҳуқуқӣ ин маҷмуи махсуси меъёрҳои ҳуқуқӣ буда, меъёрҳои ду ва зиёда соҳаҳои ҳуқуқро дар бар мегирад. Категорияҳои ҳуқуқии «ҳимоя», «ҳифз», «кафолат» ва «таъмин» дар илми ҳуқуқшиносӣ ва қонунгузории амалкунанда ҳар кадом дорои моҳияти мустақили назариявӣ буда, айни замон бо ҳамдигар робитаи зичи маъноӣ доранд. Ин мафҳумҳо, новобаста аз фарқияти функсионалии худ, дар як низоми умумии ҳуқуқӣ амал намуда, ба воситаи механизмҳои мухталиф ба татбиқи самараноки ҳуқуқ ва озодиҳои инсон мусоидат мекунанд. Ҳимоя яке аз шаклҳои ҳифзи ҳуқуқу манфиатҳои субъектҳои ҳуқуқӣ мебошад ва дарбаргирандаи маҷмуи тадбирҳои ҳуқуқӣ барои барқарорсозӣ ё ҳифзи мақоми ҳуқуқии вайроншуда мебошад. Фаъолияти ҳуқуқии инсон бо хусусияти мураккаб ва таркиби гуногунҷанбааш вобаста ба унсурҳои муҳимми ҳифзи давлатӣ ва ҳифзи ҳуқуқӣ ташаккул меёбад. Ҳимояи давлатӣ ҳамчун шакли фаъолияти мақомот ва сохторҳои расмии ҳокимияти давлатӣ, инчунин дигар субъектҳои дорои ваколати ҳуқуқӣ, ҷузъи таркибии механизми умумидавлатии ҳифзи ҳуқуқ ба ҳисоб меравад. Вазифаи асосии он пеш аз ҳама таъмини амнияти ҳуқуқӣ ва ҳимояи манфиатҳои шахсӣ, ҷамъиятӣ ва давлатӣ дар доираи меъёрҳои муқарраргардидаи қонунгузорӣ мебошад.

Вожаҳои калидӣ: ҳимоя, ҳимояи судӣ, ҳимояи давлатӣ, функсияҳо, принсипҳо, баҳсҳои ҳуқуқӣ, қонуншиканӣ, ҳуқуқҳои поймолшуда.

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА КАК ВИД ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ: ЕЁ ОСОБЕННОСТИ, ПРИНЦИПЫ И ФУНКЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

РАХИМЗОДА САФАР ОРЗУ
Международный университет туризма и предпринимательства Таджикистана,
старший преподаватель кафедры права. E-mail: rahimovsafar@bk.ru

МИРАЛИЕВ САЛОХИДДИН АБДУСАЛАМОВИЧ
Международный университет туризма и предпринимательства Таджикистана,
кандидат юридических наук, доцент кафедры права.
E-mail: miraliev01@yandex.ru

Комплексный правовой институт представляет собой совокупность специальных правовых норм, включающих нормы двух и более отраслей права. Правовые категории «защита», «охрана», «гарантия» и «обеспечение» в юридической науке и действующем законодательстве обладают самостоятельной теоретической сущностью, однако в то же время имеют тесную смысловую взаимосвязь. Эти понятия, несмотря на различия в их функциональном назначении, действуют в рамках единой правовой системы и посредством различных механизмов способствуют эффективной реализации прав и свобод человека. Защита является одной из форм охраны прав и законных интересов субъектов права и включает в себя совокупность правовых мер, направленных на восстановление или сохранение нарушенного правового статуса. Правовая деятельность человека с её сложным характером и многогранной структурой формируется в зависимости от важнейших элементов государственной и правовой защиты. Государственная защита как форма деятельности органов и официальных структур государственной власти, а также иных субъектов, обладающих правовыми полномочиями, является составной частью общегосударственного механизма защиты прав. Её основной задачей прежде всего является обеспечение правовой безопасности и защита личных, общественных и государственных интересов в рамках норм, установленных законодательством.

Ключевые слова: защита, судебная защита, государственная защита, функции, принципы, правовые споры, правонарушение, нарушенные права.

JUDICIAL PROTECTION AS A TYPE OF STATE AND LEGAL PROTECTION: ITS FEATURES, PRINCIPLES, AND FUNCTIONS IN THE INFORMATION SOCIETY

RAHIMZODA SAFAR ORZU
International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan,
Senior Lecturer of the Department of Law. E-mail: rahimovsafar@bk.ru

MIRALIEV SALOKHIDDIN ABDUSALAMOVICH
International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan,
Candidate of Legal Sciences (PhD in Law), Associate Professor of the Department of Law.
E-mail: miraliev01@yandex.ru

A comprehensive legal institution represents a set of specific legal norms that include the norms of two or more branches of law. The legal categories of “protection,” “safeguarding,” “guarantee,” and “ensuring” in legal science and in current legislation each possess an independent theoretical essence, while at the same time they are closely interconnected in meaning. Despite the differences in their functional purposes, these concepts operate within a unified legal system and, through various mechanisms, contribute to the effective implementation of human rights and freedoms. Protection is one of the forms of safeguarding the rights and legitimate interests of legal subjects and includes a set of legal measures aimed at restoring or preserving a violated legal status. Human legal activity, with its complex nature and multifaceted structure, is formed depending on the most important elements of state and legal protection. State protection, as a form of activity of state authorities and official governmental structures, as well as other entities vested with legal powers, is an integral part of the national mechanism for the protection of rights. Its main task is, first of all, to ensure legal security and to protect personal, public, and state interests within the framework of the norms established by legislation.

Keywords: protection, judicial protection, state protection, functions, principles, legal disputes, violations of law, violated rights.

Ҳимояи ҳуқуқӣ низоми усулҳои ҳуқуқӣ ва механизмҳои амалиест, ки дар санадҳои ҳуқуқии миллӣ ва байналмилалӣ муқаррар гардида, татбиқи ҳуқуқу манфиатҳои шахсони воқеӣ ва ҳуқуқиро дар ҳолатҳои поймолшавӣ ё баҳсҳои ҳуқуқӣ таъмин менамояд. Шакли муҳимми ҳимояи ҳуқуқӣ мурочиат ба мақомоти судӣ ва истифодаи воситаҳои судии барқарорсозии ҳуқуқҳои поймолшуда мебошад. Ин мавзуъ аз ҷониби олимони соҳа андеша ва хулосаронихои зиёдеро дар шакли мақола ва рисолаҳои илмӣ ба бор овардааст.

Ба таъкиди муҳаққиқи маъруф В.М. Капитсин, мафҳуми «ҳимояи ҳуқуқ» фаъолияти мақсаднокеро дар бар мегирад, ки ба барқарорсозии ҳуқуқҳои поймолшуда ва ҷуброни оқибатҳои зарари расида равона шудааст» [12, с. 140]. Ба назари ӯ, ин амал метавонад шаклҳои гуногуни ҷуброни ҳуқуқӣ дошта бошад, аз ҷумла: барқарор кардани ҳуқуқи вайроншуда, пардохти ҷуброн барои зарари ҷисмонӣ, ахлоқӣ, моддӣ ва ё касбӣ, ки шахс дар натиҷаи қонуншиканӣ ё беамалӣ дучор шудааст.

«З.В. Попов ба мафҳуми «ҳимояи ҳуқуқҳо» механизми татбиқи маҷбурии ҳуқуқ ва озодиҳои инсон ва шаҳрвандро, ки аз ҷониби мақомоти давлатии идоракунии маҳаллӣ, иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ ва шахсони алоҳида таъмин карда мешаванд, бо усулҳои дахлдор дохил мекунад» [22, с. 9].

Дар доираи таҳқиқоти илмӣ ва таълимӣ доир ба ҳуқуқи конститутсионӣ, зарурати фарқгузории равшан миёни мафҳумҳои «ҳимояи ҳуқуқҳои конститутсионӣ» ва «ҳимояи конститутсионӣ-ҳуқуқӣ» ба таври ҷиддӣ таъкид мешавад. Мафҳуми «ҳимояи ҳуқуқҳои конститутсионӣ» ҳимояеро дар бар мегирад, ки аз ҷониби тамоми сохторҳои давлатӣ ва ҷомеаи шаҳрвандӣ ба хотири риоя, татбиқ ва барқарорсозии ҳуқуқу озодиҳои шахс, ки дар Конститутсия муқаррар ва эътироф шудаанд, амалӣ мегардад. Дар муқоиса, «ҳимояи конститутсионӣ-ҳуқуқӣ» низоми тадбирҳо ва механизмҳои ҳуқуқӣ ва судиеро дар бар мегирад, ки барои таъмини амалишавии ҳуқуқҳои конститутсионӣ ва бартараф намудани поймолшавии онҳо тавассути сохторҳои ҳуқуқии конститутсионӣ ва мақомоти судӣ амалӣ мегардад. Масалан, А.В. Бештанко чунин мешуморад, ки «ҳимояи ҳуқуқи конститутсионӣ мафҳуми васеътар аст, ки маҷмуи ҳуқуқҳои вайроншударо дар соҳаҳои гуногуни барқарорсозӣ дар бар мегирад» [5, с. 67].

Олими рус М.Г. Кателников низ андешаҳои худро иброз намуда, қайд мекунад, ки «Ҳимояи судӣ падидаи мураккаби ҳуқуқиест, ки ба соҳаи мушаххаси ҳуқуқ тааллуқ надорад. Он вобаста ба меъёрҳои ҳуқуқӣ мавҷуд буда, агар онро танҳо бо меъёри конститутсияи кишварҳо ифода нанамоем, дуруст дарк намешавад» [16, с. 251].

Бо дарназардошти андешаҳои зикршуда, ҳимояи судӣ ҳамчун як зинаи махсуси ҳимояи давлатӣ баррасӣ мегардад, зеро он тавассути суд ҳамчун шохаи мустақили ҳокимияти давлатӣ ба амал бароварда мешавад. Судҳо, ҳангоми иҷрои вазифаҳои марбут ба ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд, ба санадҳои меъёрии ҳуқуқие такя мекунанд, ки шакли расмии ифодаи меъёрҳои ҳуқуқӣ ва принсипҳои адолати судиро дар бар мегиранд. Ҳимояи судӣ ҳамчун ҳимояи давлатӣ ва ҳуқуқӣ роҳи самараноки таъмини ҳуқуқ ва озодиҳои шаҳрвандон, манфиатҳои қонунии ҷомеа ва давлат ба ҳисоб меравад.

Ҳимояи судӣ, ки дар низоми ҳифзи давлатӣ ва ҳуқуқӣ мавқеи марказиро ишғол мекунад, ҳамчун меҳвари тамоми вазифаҳои ҳокимияти судӣ амал менамояд. Мутобиқи назария ва амалияи ҳуқуқӣ, дигар ҳамаи вазифаҳои муҳимми суд, аз қабили татбиқи қонун, ҳаллу фасли баҳсҳои ҳуқуқӣ ва барқарорсозии адолат то андозае ба таъмини ҳимояи судии ҳуқуқу озодиҳои инсон вобаста ва тобеъ мебошанд.

Мавқеи ҳокимияти судиро дар давлат ва ҷомеа сатҳи ҳимояи ҳуқуқҳои шаҳрвандон муайян мекунад ва демократияи онҳоро тавсиф мекунад, ки он як роҳи

универсалӣ ва муассири ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои шахс мебошад, зеро хусусияти асосии ҳимояи судӣ номаҳдудият ва умумияти он мебошад.

Ҳимояи судӣ дар низоми ҳуқуқи асосии инсон ҳамчун яке аз муҳимтарин институтҳои таъмини ҳифзи давлатии ҳуқуқу озодиҳои шахс амал менамояд. Ҳамзамон, он муносибатҳои ҷамъиятии муташаккил ва вазифаи мустақими мақомоти ваколатдорро фаро мегирад.

Дар доираи таҳқиқоти илмии соҳаи ҳуқуқ, ҳимояи судӣ ҳамчун унсури калидии дастрасӣ ба адолати судӣ ва кафолати амалӣ гардидани ҳуқуқҳои асосии шахс баррасӣ мегардад.

Дар илми мурофиавии ҷиноятӣ, ҳимояи судӣ ҳамчун низоми муташаккили қоидаҳои ҳуқуқӣ ва тартиботи мурофиавӣ фаҳмида мешавад, ки ба иштирокчиёни раванди ҷиноятӣ, аз ҷумла, гумонбар, айбдоршаванда ва ҷабрдида шароити ҳуқуқиро барои ҳимояи манфиатҳои қонунии худ фароҳам меорад. Ин низом амалӣ гардидани ҳуқуқу озодиҳои онҳо ва таъмини принсипҳои адолати судиро кафолат медиҳад.

Дар назарияи умумии ҳуқуқ, ҳимояи судӣ ҷузъи ҷудонашавандаи механизми ҳифзи ҳуқуқҳои асосии инсон ба ҳисоб меравад. Бар хилофи ҳуқуқи қадим, ки озодӣ ва ҳуқуқҳоро танҳо барои табақаҳои маҳдуд муқаррар мекард, ҳуқуқи муосири инсон принсипи баробарии умумиро эътироф намуда, кафолати озодӣ ва ҳуқуқи шахсро барои тамоми афроди ҷомеа таъмин мекунад.

«Айни замон ба ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд таваҷҷуҳи зиёд зоҳир карда мешавад, бинобар ин, баррасии моҳият ва мушкилоти ҳифзи судӣ ҳамчун як шакли кафолати ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд дар марҳилаи кунунии рушди ҷомеа ба шумор меравад» [10, с. 2-5].

Яке аз муҳимтарин унсури ҳуқуқ ба ҳифзи судӣ ин ҳуқуқи муроҷиат кардан ба суд мебошад. Қабули уҳдадории эътироф, риоя ва ҳимояи ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд аз ҷониби давлат, тибқи назарияи давлат ва ҳуқуқ, аз масъулияти он дар назди ҷомеа ва ҳар як шахс маншаъ мегирад. Ин уҳдадорӣ ташкили низоми мукаммали кафолатҳоро дар назар дорад, ки тавассути он амалӣ гардидани ҳуқуқҳои асосии инсон таъмин карда мешавад.

Ташкили чунин низом аз давлат талаб мекунад, ки натанҳо ҳуқуқҳои асосии шахсро дар санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ эътироф ва мустаҳкам намояд, балки механизми муассири амалигардонии онҳоро низ таъмин созад. Аз ҷумла, бояд ваколатҳои дахлдори мақомоти судӣ, воситаҳои самарабахши муроҷиат ва барқарорсозии ҳуқуқҳои поймолшуда таъсис дода шаванд.

Бинобар ин, ҳифзи судӣ наметавонад танҳо бо муқаррароти умумии ҳуқуқии конститутсионӣ маҳдуд гардад. Он механизми мушаххас ва муассири татбиқи ҳуқуқҳои асосии инсонро дарбар мегирад, ки фаъолияти мустақими мақомоти судиро дар баробари истифодаи кафолатҳои ҳуқуқии таъминкунандаи ҳимояи судии шахс таъмин менамояд.

Ҳимояи судии ҳуқуқу озодиҳои инсон – ин маҷмуи амалиёт ва механизмҳои расмии мақомоти судӣ мебошад, ки ба баррасӣ ва ҳаллу фасли баҳсҳои ҳуқуқӣ, барқарорсозии ҳуқуқҳои вайроншуда ва иҷрои қарори суд равона гардидааст. Дар назарияи давлат ва ҳуқуқ, ҳимояи судӣ ҳамчун омили муҳим ва ҷузъи ҷудонашавандаи низоми таъмин ва амалӣ намудани ҳуқуқу озодиҳои инсон баррасӣ мешавад. «Ҳимояи судиро метавон ҳамчун маҷмуи амалҳои мустақили судӣ, аз қабили содир намудани ҳукм, татбиқи чораҳои таъмини даъво, қабулу бекор кардани чораҳои пешгирӣ, баровардани таъиноти фардӣ ва дигар қарорҳои марбут ба баррасии парвандаҳои ҷиноятӣ ё маданӣ, инчунин, ҳамчун ҷузъи фаъолияти низомии тамоми низоми судӣ арзёбӣ кард» [13, с. 5;].

Мувофиқи таҳлилҳои сарчашмаҳои илмӣ, институти ҳимояи судии ҳуқуқҳои асосии инсон дорои хусусияти комплексӣ (байнисоҳавӣ) буда, он бо омилҳои зерин асоснок карда мешавад:

Якум, дар сохтори ҳимояи судӣ маҷмӯи меъёрҳои ҳуқуқии пайвастагӣ мавҷуд аст, ки ба соҳаҳои гуногуни ҳуқуқ, аз ҷумла ҳуқуқи конститутсионӣ, маданӣ, ҷиноятӣ ва мурофиавӣ дахл доранд. Ин меъёрҳо, новобаста аз соҳавии худ, як ҳадафи умумиро пайгирӣ мекунанд: ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд, таъмини манфиатҳои қонунии шахсони воқеӣ ва ҳуқуқӣ, ҳифзи манфиатҳои ҷамъиятӣ ва давлатӣ, мусоидат ба татбиқи мурофиаи одилонаи судӣ ва таҳкими қонунияту тартиботи ҳуқуқӣ дар ҷомеа.

Дуюм, ҳимояи судӣ дар асоси принсипҳо ва меъёрҳои умумии эътирофшудаи ҳуқуқи байналмилалӣ ташкил ёфта, татбиқ мешавад. Қоидаҳои ҳуқуқи байналмилалӣ ҳамчун унсури таркибии ҳуқуқи миллӣ дар амалӣ сохтани ҳимояи судии ҳуқуққо нақши муҳим мебозанд.

Сеюм, дар дохили давлат ҳокимияти ягонаи судӣ тавассути шаклҳои гуногуни мурофиавӣ – аз ҷумла конститутсионӣ, маъмурӣ, маданӣ, арбитражӣ ва ҷиноятӣ – амалӣ мегардад. Бо вуҷуди гуногунии шаклҳои мурофиа, меъёрҳои танзимкунанда ба ҳамдигар алоқаманд буда, ҳам ҳуқуқи шахсро ба ҳимояи судӣ ва ҳам тартиби фаъолияти мақомоти судиро ба таври ягона танзим менамоянд.

Чорум, новобаста аз фарқияти танзими ҳуқуқӣ дар ҳар яке аз соҳаҳои мурофиавӣ, татбиқи ҳимояи судӣ дар чаҳорчӯби як раванди ягонаи ҳуқуқӣ сурат мегирад. Ин раванд дорои марҳилаҳои умумӣ ва механизмҳои ягонаест, ки барои барқарорсозии ҳуқуққои вайроншуда ё баҳсноки шахс равона шудааст.

Панҷум, хусусияти назарраси институти ҳимояи судӣ он аст, ки он ҳам меъёрҳои ҳуқуқи моддӣ ва ҳам меъёрҳои мурофиавиро фаро мегирад. Ин ҳамгироии ду низоми меъёрӣ шароити зарурироо барои таъмини воқеии ҳимояи ҳуқуққои шахс ва барқарорсозии онҳо фароҳам меорад.

Шашум, институти ҳимояи судӣ аз маҷмуи меъёрҳои ҳуқуқии давлатӣ ва хусусӣ иборат буда, ҳамаи онҳо бо таъиноти ягона муттаҳид гардидаанд – таъмини ҳимояи судии ҳуқуққои вайроншуда ё баҳсбарангез.

Ба аломатҳои фарққунандаи асосии ҳимояи судии ҳуқуққои асосии инсон, ки онро аз дигар шаклҳои ҳифзи давлатӣ ва ҳуқуқӣ ҷудо месозанд, инҳо дохил мешаванд:

• салоҳияти махсуси судҳо барои баррасии баҳсҳои ҳуқуқӣ;

• ташкили муназзам ва мураттаби мақомоти судӣ;

• умумияти татбиқи ҳимояи судӣ нисбат ба ҳамаи шахсон, бидуни ягон шакли табъиз;

• мустақилияти суд ва озодии он дар қабули қарорҳо;

• вобастагии мустақими фаъолияти судӣ ба меъёрҳои ҳуқуқӣ;

• мавҷудияти низоми зинавии судҳо, ки имкон медиҳад камбудиҳо сари вақт ошкор ва ислоҳ шаванд;

• ниҳоӣ ва ҳатмӣ будани санадҳои судии қабулшуда, ки иҷрои онҳо ба барқарорсозии воқеии ҳуқуққои поймолшуда равона мебошад. Ҳамин тавр, хусусияти байнисоҳавӣ ва мукаммали институти ҳимояи судии ҳуқуққои асосии шахс дар шароити муосир онро ҳамчун механизми муассир ва калидии таъмини адолати ҳуқуқӣ дар низоми давлатдорӣ муаррифӣ менамояд.

Ҳуқуқи субъективии шахс ба ҳимояи судӣ, ба ақидаи В.Б. Вершинин «яке аз унсурҳои сохтории институти ҳимояи судӣ мебошад, ки он салоҳияти шахсро дар бар мегирад» [7, с. 26].

Принсипҳо ва вазифаҳои ҳимояи судии ҳуқуққои асосии инсон ва шаҳрванд дар илми ҳуқуқшиносӣ ва амалиёти ҳуқуқии давлатӣ аҳаммияти назарраси назариявӣ ва амалӣ доранд. Омӯзиши амиқи онҳо барои рушди минбаъдаи механизми ҳифзи судии ҳуқуққо ва қабули қарорҳои ҳуқуқии давлатӣ дар соҳаи фаъолияти судӣ заминаи методологӣ фароҳам меорад.

Принсипҳои марбут ба ҳимояи судӣ вобаста ба хусусият ва моҳияти танзими ҳуқуқӣ, ба ду гурӯҳи асосӣ тақсим мешаванд:

1) Принсипҳои моддӣ-ҳуқуқӣ, ки заминаҳои ташкилию ҳуқуқии фаъолияти мақомоти судиро муайян менамоянд. Ба ин гурӯҳ чунин усулҳо шомиланд: кафолати умумии дастрасии ҳар шахс ба ҳимояи судӣ; амалисозии адолати судӣ танҳо тавассути суд; риояи қатъии қонунгузорӣ ҳангоми ташкили судҳо ва татбиқи ҳимояи судӣ; истиқлолияти ҳокимияти судӣ ва мустақилияти судяҳо; ягонагии низоми судӣ дар сатҳи давлатӣ; танзими ҳуқуқии сохтори мақомоти судӣ; тартиби коллегиалӣ ё инфиродии баррасии парвандаҳо; механизми махсуси таъйини судяҳо ва маблағгузории мақомоти судӣ; ҳатмияти иҷро ва таъмин гардидани амали воқеии қарорҳои судӣ.

2) Принсипҳои мурофиавӣ-ҳуқуқӣ, ки шаклу мазмуни татбиқи амалии ҳимояи судиро муайян мекунанд. Дар ин замина чунин меъёрҳои муҳим ҷой доранд: баробарии ҳама дар назди қонун ва суд; бетарафӣ ва адолат ҳангоми ҳаллу фасли баҳсҳо; шаффофият ва ошкоро гузаронидани мурофиаи судӣ; таъмини муҳлати асоснок ва саривақтии баррасии парвандаҳо; риояи принсипи рақобатпазирӣ ва баробарҳуқуқии тарафҳо; риояи талаботи қонунии забони мурофиа; кафолати ҳуқуқи ҳимоя барои гумонбаршуда ва айбдоршаванда; фарзияи бегуноҳӣ то исботи муқобил; таҳқиқи ҳамаҷониба ва объективии ҳолатҳои парванда; назорати судӣ нисбат ба қонуният ва асоснокии қарорҳои қабулшуда.

Яке аз ҷанбаҳои муҳим ва назаррас дар омӯзиши ҳимояи судӣ мавқеи функсионалии он мебошад, ки нақши муҳим дар таъмини адолати судӣ ва ҳифзи ҳуқуқҳои инсон мебозад. Вазифаҳои ҳимояи судӣ ҳамчун самтҳои марказии фаъолияти низоми судӣ барои татбиқи мақоми ҳуқуқии иштирокчиёни муносибатҳои ҳуқуқӣ, барқарорсозии ҳуқуқу озодиҳои поймолгардида ва таъмини ҳифзи манфиатҳои қонунии шахс хидмат мекунанд.

Дар натиҷа, принсипҳо ва вазифаҳои мазкур заминаи устувори назариявӣ ва амалии рушди низоми судиро ташкил дода, нақши кафолатдиҳандаро дар таъмини қонуният ва адолат дар ҷомеа иҷро менамоянд.

Мувофиқи меъёрҳои ҳуқуқи миллӣ ва принсипҳои умумии эътирофшудаи ҳуқуқи байналмилалӣ, инсон, ҳуқуқ ва озодиҳои ӯ ҳамчун арзиши олӣ эътироф гардидаанд. Эътироф, риоя ва ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд натанҳо принсипи асосии сохтори давлатдорӣ, балки уҳдадории конститутсионии давлат маҳсуб меёбад.

«Мутобиқи талаботи Конститутсияи ҶТ инсон, ҳуқуқ ва озодиҳои ӯ арзиши олӣ ба шумор меравад. Ҳуқуқ ва озодиҳои инсон ва шаҳрванд аз ҷониби давлат эътироф, риоя ва ҳифз карда мешаванд» [1].

Эътирофи мақоми марказии инсон ва озодиҳои ӯ дар низоми ҳуқуқӣ масъулияти мустақими давлатро дар ташкили механизми муассир ва институтсионалии ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои шахс дар тамоми соҳаҳои фаъолияти ҷамъиятӣ ва давлатӣ муайян менамояд. Ҳамин тариқ, ҳуқуқу озодиҳои инсон натанҳо дар доираи санадҳои қонунгузорӣ ба таври расмӣ муқаррар мегарданд, балки татбиқи воқеӣ ва самараноки онҳо танҳо дар ҳолате имконпазир аст, ки фаъолияти мақомоти давлатӣ, пеш аз ҳама, мақомоти судӣ мустақилона, муассир ва тибқи талаботи қонун амалӣ гардад. Суд ҳамчун кафили ҳифзи ҳуқуқ ва озодиҳои шахс, нақши калидиро дар татбиқи механизмҳои ҳуқуқии ҳимоя мебозад.

Вазифаҳои марбут ба ҳимояи судии ҳуқуқҳои инсон ва шаҳрванд ҷузъи ҷудонашавандаи фаъолияти мақомоти судӣ ба ҳисоб рафта, ба таъмини риояи принсипҳои қонуният, адолати судӣ ва барқарорсозии ҳуқуқҳои поймолшудаи шахс равона шудаанд. Вазифаҳои мазкур хислати гуногунҷанба дошта, самтҳои мухталифи фаъолияти судиро дар бар мегиранд.

Ба вазифаҳои асосии ҳимояи судӣ дохил мешаванд: татбиқи адолати судӣ; муайянсозии ҳолатҳои воқеии парванда (далелҳо); амалисозии назорати судӣ; шарҳу тафсири меъёрҳои ҳуқуқӣ; татбиқи қонунгузории амалкунанда; танзими муносибатҳои ҳуқуқӣ; муҳофизати ҳуқуқу озодиҳои поймолшуда; барқарорсозии ҳуқуқ ва манфиатҳои қонунии субъектҳои ҳуқуқӣ; таъмини ҷуброни зарари расонидашуда;

таъсири тарбиявии қарорҳои судӣ; ташаккули ҳуқуқ тавассути фаъолияти судӣ (ҳуқуқэҷодкунӣ); иттилоотрасонӣ дар соҳаи ҳуқуқ ва мурофиа; пешгирии ҳуқуқвайронкуниҳо тавассути татбиқи ҳимояи судӣ; татбиқи механизмҳои масъулияти ҳуқуқӣ; таъмини иҷрои ҳатмии қарорҳои судӣ.

Вазифаҳои ҳимояи судӣ вобаста ба аҳаммият ва нақши онҳо дар амалиёт ба ду гурӯҳ ҷудо карда мешаванд:

1. Вазифаҳои асосӣ, ки хусусияти муҳимми институти ҳимояи судиро ҳамчун василаи барқарорсозии адолати иҷтимоӣ, танзими манфиатҳои тарафҳои муносибатҳои ҳуқуқӣ ва муътадилсозии равандҳои ҷамъиятӣ инъикос менамоянд.

2. Вазифаҳои ғайриасосӣ, ки характери ёрирасон ва хизматрасонӣ дошта, барои татбиқи самараноки вазифаҳои асосӣ мусоидат мекунанд.

Илова бар ин, вазифаҳои ҳимояи судиро метавон бо дарназардошти меъёрҳои гуногун низ гурӯҳбандӣ намуд. Аз ҷумла, таснифи онҳо метавонад бо такя ба чунин асосҳо анҷом дода шавад:

– вобаста ба усулҳои татбиқи ҳимоя;

– вобаста ба шаклҳои мурофиавии амалӣ намудани ҳимоя;

– вобаста ба сохтори ташкилии низоми судӣ;

– вобаста ба хусусият ва навъи санадҳои судӣ;

– вобаста ба субъектҳое, ки ҳимояи судиро татбиқ мекунанд.

Ҳамин тавр, вазифаҳои ҳимояи судӣ бо тамоми зуҳуроти худ самтҳои муҳимтарини фаъолияти судиро фаро гирифта, барои таъмини устувории қонун, ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои инсон ва муътадилии муносибатҳои иҷтимоӣ нақши ҳалкунанда мебозанд.

Ҳокимияти судӣ ҳамчун шохаи мустақили ҳокимияти давлатӣ ваколатҳои оммавии ҳуқуқиро амалӣ менамояд ва дар низоми давлатдорӣ ҷойгоҳи марказӣ ишғол мекунад. Фаъолияти ҳокимияти судӣ моҳияти ҳуқуқӣ дошта, характери ҳимоявӣ ва таъминкунандаро доро мебошад, ки он ҳамчун омили муайянкунандаи татбиқи ҳуқуқҳои асосии инсон ва шаҳрванд баромад мекунад.

Тибқи назарияи давлат ва ҳуқуқ, вазифаи асосии ҳокимияти судӣ натанҳо дар ҳалли баҳсҳои ҳуқуқӣ ифода меёбад, балки дар кафолати амалишавии ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд тавассути механизми судии ҳимоя зоҳир мегардад. Ҳимояи судӣ ҳамчун яке аз кафолатҳои муҳимми амалӣ намудани ҳуқуқҳои асосии инсон ба давлат вазифа мегузорад, ки адолати судиро беғаразона ва дар асоси қонун таъмин намояд.

Ҳамин тариқ, ҳокимияти судӣ воситаи муҳимтарини таъмини адолати иҷтимоӣ ва ҳуқуқӣ буда, дар раванди ҳифз ва барқарорсозии ҳуқуқҳои поймолшуда ва манфиатҳои қонунии шахс мақоми ҳалкунанда дорад.

Тавре «Д.В. Белоусов қайд менамояд, ҳимояи судӣ вазифаи ҳокимияти судӣ мебошад ва он тавассути системаи муносибатҳои ҳуқуқии мурофиавӣ амалӣ карда мешавад, ки дар он ҳуқуқи шахс ба ҳимояи судӣ амалӣ карда мешавад» [4, с. 23].

Объектҳои ҳимояи судии ҳуқуқҳои асосии инсон ва шаҳрванд таҳлили ҳамаҷонибаи назариявии маҷмуи арзишҳои ҳуқуқӣ ва иҷтимоиро дар бар мегиранд, ки тавассути фаъолияти мақомоти судӣ ҳифз ва барқарор карда мешаванд. Ба чунин объектҳо ҳуқуқҳои субъективӣ, озодиҳо ва манфиатҳои қонунии шахс, инчунин, манфиатҳои ҷамъиятӣ ва давлатӣ дохил мешаванд.

Объектҳои асосии фаъолияти ҳуқуқии мақомоти судӣ инҳоянд:

Ҳуқуқҳои субъективии шахс ҳамчун маҷмӯи имкониятҳои ҳуқуқие фаҳмида мешаванд, ки қонун ба шахс барои истифодаи неъматҳои иҷтимоӣ расман муқаррар мекунад ва бо кафолати ҳимояи давлатӣ таъмин мегарданд. Ба хусусиятҳои асосии ҳуқуқи субъективӣ шомиланд: муайян намудани рафтори иҷозатдодашуда барои шахс; таъмини кафолати татбиқи он аз ҷониби давлат; мавҷудияти уҳдадориҳои муқобили субъектҳои дигар; ва имкони истифодаи механизмҳои судӣ барои ҳимоя ва барқарорсозии ин ҳуқуқҳо.

Ҳам ҳуқуқҳои асосии инсон, ки дар сатҳи қонунҳои конститутсионӣ танзим шудаанд, ва ҳам ҳуқуқҳои соҳавӣ ё шартномавӣ, ки манбаи онҳо санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ ва шартномаҳои хусусӣ мебошанд, таҳти ҳимояи судӣ қарор мегиранд.

Озодиҳои шахсӣ, бо он ки аз лиҳози мазмун ба ҳуқуқҳои субъективӣ наздик мебошанд, бо вуҷуди ин, вобаста ба шакли татбиқ ва дараҷаи дахолати мақомоти давлатӣ дорои хусусиятҳои фарқкунанда мебошанд. Онҳо бештар ба таври мустақим аз тарафи фард амалӣ шуда, танҳо дар ҳолатҳои муайян ба танзими давлатӣ ниёз пайдо мекунанд. Озодиҳо бештар характери мустақили фаъолият ва худтанзимиро ифода менамоянд.

Манфиатҳои қонунии субъектҳои ҳуқуқ ҳамчун талошҳои қонунии шахсон барои қонеъ гардондани ниёзҳо дар доираи меъёрҳо ва принсипҳои ҳуқуқӣ маънидод мегарданд. Манфиатҳои қонунӣ ва ҳуқуқҳои субъективӣ аз лиҳози моҳият, сохтор ва механизмҳои ҳимоя, аз ҷумла ҳимояи судӣ, аз ҳам фарқ доранд.

Таҳдиди эҳтимолии вайроншавии ҳуқуқу манфиатҳои қонунии шахс, ки ҳолати пешгӯишавандаи поймолсозии ҳуқуқро фаро мегирад, низ метавонад объекти баррасии мақомоти судӣ қарор гирад. Ин ҳолат ҳамчун заминаи пешгирии ҳуқуқвайронкунӣ ва воситаи таъмин намудани муҳофизати саривақтӣ аз ҷониби суд баррасӣ мешавад.

Манфиатҳои ҷамъиятӣ маҷмӯи арзишҳои моддӣ ва маънавии ҷомеаро дар бар мегиранд, ки метавонанд аз таъмини адолати иҷтимоӣ, таҳкими демократия ва гуногунандешӣ, рушди устувори ҷомеаи шаҳрвандӣ, нигоҳ доштани ризоияти миллӣ, пешгирии падидаҳои экстремистӣ ва низоъҳои дорои хусусияти этникӣ ё динӣ, беҳтарсозии вазъи демографӣ ва экологӣ ва дигар манфиатҳои дорои аҳаммияти умумимиллӣ иборат бошанд.

Манфиатҳои давлатӣ ба ҳифз ва таъмини асосҳои сохтори конститутсионӣ, соҳибихтиёрӣ ва якпорчагии марзии кишвар, муҳофизати моликияти давлатӣ, амнияти миллӣ ва мудофиа алоқаманд буда, дар сатҳи авлавиятноки сиёсати ҳуқуқии давлат қарор доранд.

Ҳимояи судии ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд ҳамчун як ниҳоди ҳамаҷонибаи ҳуқуқӣ амал мекунад. Ин низом маҷмӯи меъёрҳои ҳуқуқиро дар бар мегирад, ки асосҳо, усулҳо ва шаклҳои ҳимояи судии ҳуқуқу озодиҳои асосии инсон ва шаҳрвандро муайян намуда, иҷрои уҳдадориҳои давлатро дар самти эътироф, риоя ва ҳифзи онҳо мутобиқи стандартҳои ҳуқуқи байналмилалӣ таъмин менамояд.

Кафолати ҳимояи судӣ ҳамчун омиле муҳим дар танзим ва ҳамоҳангсозии муносибатҳои ҷамъиятӣ пазируфта мешавад.

Институти ҳуқуқии ҳимояи судии ҳуқуқҳои шахс маҷмӯи меъёрҳоро ташкил медиҳад, ки муносибатҳои мурофиавии муроҷиати шахсони воқеӣ ва ҳуқуқиро ба мақомоти судии дахлдор барои ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои худ ва ҳимояи асосҳои сохтори конститутсионӣ танзим менамоянд.

Дар механизми ҳуқуқии кафолати ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд тавассути ҳимояи судӣ, ҳамзамон, ҳаллу фасли баҳсҳои иҷтимоӣ сурат мегирад. Дар ин раванд, бо амалӣ гардидани ҳимояи судии ҳуқуқу озодиҳо, ҳокимияти судӣ дар низоми тақсимоти ҳокимият мақоми хосса ва афзалиятро соҳиб мегардад, зеро суд тавассути бекор кардани санадҳо ва амали мақомоти қонунгузор ва иҷроия намегузорад, ки онҳо аз ҳадди ваколатҳои худ берун бароянд ва инчунин риояи қонунро таъмин менамояд.

«Ҳимояи судӣ дар мурофиаи ҷиноятӣ фаъолияти бисёрҷанба ва бисёрфункционалии мурофиавии ҷиноятии мақомоти ҳокимияти судӣ мебошад, ки дар шаклҳои мурофиавии муқаррарнамудаи қонун амалӣ карда мешавад ва инчунин дорои ҳадафи таъмини дастрасӣ ба адолат ва барқарор кардани ҳуқуқҳои вайроншуда ва манфиатҳои қонунии шахс ҳангоми гузаронидани тафтишот ва тафтишоти пешакӣ мебошад» [4, с. 23].

Ҳимояи судӣ ҳамчун институти мураккаби ҳуқуқӣ дар баробари танзими мустақили худ аз маҷмуи меъёрҳои соҳаҳои гуногуни ҳуқуқ иборат буда, бинобар ин

мавзуи таҳқиқоти васеи илми ҳуқуқшиносӣ мебошад. Таҳлили ҳамаҷонибаи ин институт тақозои ҳамкории олимони соҳаҳои гуногуни ҳуқуқиро дорад, зеро ҳимояи судӣ дар ҳамаи низомҳои ҳуқуқӣ мақоми калидӣ ва нақши муассирро мебозад.

Бо дарназардошти мақоми бунёдии ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд дар сохтори давлатӣ ва ҳуқуқӣ, зарур аст, ки таҳлили татбиқи ҳуқуқ ба ҳимояи судӣ, пеш аз ҳама, дар доираи ҳуқуқи асосии инсон ҳамчун ҷузъи таркибии ҳуқуқи миллӣ мавриди таваҷҷуҳи хос қарор дода шавад. Бо вуҷуди аҳаммияти зикршуда, бояд қайд кард, ки дар шароити муосир таҳқиқоти ҳуқуқшиносӣ оид ба ҳимояи судии ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд аксаран аз ҷониби як қатор олимон бе ба эътибор гирифтани тағйироту таҳаввулоти замонавӣ дар ҳуқуқ ва давлатдорӣ анҷом дода мешавад. Ин ҳолат зарурати таҳлили нав ва таҷдиди назарро дар арзёбии нақши ҳимояи судӣ ҳамчун кафили ҳуқуқҳои асосии инсон ба миён меорад.

Баробари ташаккули конститутсионизм ҳам мазмуни ҳуқуқи конститутсионӣ ба ҳимояи судӣ ва ҳам дарки он дар шароити ҳамкорӣ бо дигар ҳуқуқҳо ва арзишҳои конститутсионӣ тағйир меёбад.

Тавре ки дар таҳқиқоти илмӣ ва таҷрибаи ҳуқуқӣ мушоҳида мегардад, ҳимояи судӣ яке аз кафолатҳои муҳимми қонунии аз ҷониби қонунгузории миллӣ ва меъёрҳои ҳуқуқи байналмилалӣ мустаҳкамшуда мебошад, ки ба сифати василаи асосии ҳифз ва барқарорсозии ҳуқуқу озодиҳои поймолшудаи инсон ва шаҳрванд хизмат мекунад.

Аммо, бо вуҷуди муқаррароти мавҷуда, фаъолияти амалии низоми судӣ, тартиботи мурофиавӣ ва фаҳмиши ҳуқуқи асосии шахс ба ҳимояи судӣ аз ҷониби судҳо дар баъзе ҳолатҳо наметавонад ба таври пурра ва самаранок амалишавии ҳуқуқу озодиҳои шаҳрвандонро таъмин намояд. Маҳз, ҳамин омил боиси афзоиши мунтазами шумораи муроҷиатҳои шаҳрвандон ба судҳо вобаста ба поймолшавии ҳуқуқҳои инсон ва талаботи барқарорсозии онҳо мегардад.

Равандҳои мазкур зарурати такмили минбаъдаи механизмҳои амалӣ намудани ҳуқуқ ба ҳимояи судиро дар низоми давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон тақозо менамоянд.

Таҳлил нишон медиҳад, ки дар барномаи мақсадноки давлатӣ оид ба рушди низоми судӣ (дар баъзе кишварҳо) таъкид гардидааст, ки сарфи назар аз андешидани маҷмуи тадбирҳои давлатӣ ва ба даст омадани пешрафтҳо дар соҳаи такмили низоми судӣ, ин тадбирҳо то ҳол ба ташаккули эътимоди устувори шаҳрвандон ба адолати судӣ таъсири ҳалкунандаи мусбат нарасонидаанд.

Ҳамзамон, як қатор мушкилоти ҷиддӣ дар соҳаи фаъолияти судӣ боқӣ мондааст, аз ҷумла: паст будани сифати адолати судӣ; тӯлонӣ будани муҳлати баррасии парвандаҳо; сатҳи пасти огоҳии шаҳрвандон дар бораи фаъолияти низоми судӣ; кори ғайриқаноатбахши судҳо дар самти баррасӣ ва ҳаллу фасли баҳсҳо; самарабахш ичро нагардидани санадҳои судӣ; набудани шароити зарурии моддӣ ва ташкилӣ барои таъмини адолати воқеӣ.

Ин мушкилот нишон медиҳанд, ки татбиқи ҳимояи судии ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд дар амал на ҳамеша бо талаботи қонуният ва принсипҳои адолати судӣ мувофиқ мебошад. Аз ин рӯ, зарурати минбаъдаи такмил ва ислоҳоти муассири низоми судӣ, ки ба баланд бардоштани сифати адолати судӣ ва эътимоди шаҳрвандон ба ҳокимияти судӣ равона шудааст, беш аз пеш муҳим мегардад.

Ҷоиз аст, оид ба марҳилаҳои пеш аз конститутсионии рушди ҳуқуқ ба ҳимояи судӣ ва конститутсионии рушди ҳуқуқ ба ҳимояи судӣ таъкид намоем. Дар доираи марҳилаи конститутсионӣ инчунин марҳилаҳои рушди кафолатҳои судӣ ва судӣ оид ба ҳуқуқи таҳқиқшаванда ҷудо карда шудаанд.

Дар марҳилаҳои таърихии пеш аз замони Шуравӣ, ҳуқуқ ба ҳимояи судии ҳуқуқҳои инсон ва кафолатҳои он дорои хусусияти номувофиқ ва ноустувор буда, таъмини пурраи онҳо амалӣ намешуд. Бо ба қудрат омадани Шуроҳо, ҳуқуқи ҳимояи судӣ муддати дароз дар сатҳи конститутсионӣ мустаҳкам намегардид ва танҳо тавассути санадҳои қонунгузории ҷорӣ инкишоф меёфт. Танҳо тақрибан пас аз 60 сол,

дар Конститутсияи ИҶШС аз соли 1977 ҳуқуқ ба ҳимояи судии ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд расман ва ба таври возеҳ муқаррар карда шуд.

Аз ҳамин давра, бахусус дар солҳои поёнии мавҷудияти Иттиҳоди Шуравӣ, дар қонунгузории амалкунанда раванди таҳкими назарраси ҳуқуқ ба ҳимояи судӣ оғоз ёфт. Ин раванд боиси он гардид, ки ҳуқуқи ҳар шахс ба пешниҳоди шикоят нисбат ба ҳар гуна амал ё қарорҳои мақомоти давлатӣ, ки ҳуқуқ ва озодиҳои ӯро поймол менамоянд, ба таври расмӣ дар қонунгузорӣ муқаррар гардад.

Дар адабиёти ҳуқуқшиносӣ таснифоти гуногуни ҳуқуқҳои инсон пешниҳод гардидааст. Аз ҷумла, ҳуқуқҳоро ба чунин гурӯҳҳо ҷудо мекунанд: ҳуқуқҳои табиӣ ва позитивӣ; ҳуқуқҳои инсон ва шаҳрванд; ҳуқуқҳои асосӣ ва соҳавӣ; ҳуқуқҳои мутлақ ва нисбӣ; ҳуқуқҳои мусбат ва манфӣ; ҳуқуқҳои инфиродӣ ва коллективӣ. Инчунин, ҳуқуқҳои шаҳрвандӣ, сиёсӣ, иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангӣ низ аз рӯи наслҳои гуногуни таҳаввули ҳуқуқҳои инсон низ ба шаклҳои гуногун гурӯҳбандӣ мешаванд.

Дар бархе таҳқиқотҳо зикр мешавад, ки ҳуқуқ ба ҳимояи судиро метавон ба гурӯҳи ҳуқуқҳои табиӣ нисбат дод. Бо вуҷуди ин, бо дарназардошти он ки амалишавии ин ҳуқуқ мустақиман ба иштироки фаъолонаи сохторҳои давлатӣ, муқаррароти махсуси ҳуқуқӣ ва механизми кафолатдиҳанда ниёз дорад, ин масъала баҳсбарангез боқӣ мемонад. Аз ин рӯ, дар назарияи ҳуқуқ ба ин ҳамчун як намунаи ҳуқуқи мусбат муносибат карда мешавад, зеро татбиқи он танҳо дар сурати мавҷудияти субстансия ва кафолатҳои амалии давлатӣ имконпазир мебошад.

Ҳуқуқи ба ҳимояи судӣ мансуб ба системаи ҳуқуқҳои асосии инсон ва шаҳрванд аст ва характери мутлақ дорад, зеро он ҳатто дар шароити вазъияти фавқулодда маҳдуд намешавад. Аз лиҳози хусусият, ин ҳуқуқ беш аз ҳама хусусияти инфиродӣ дорад, ҳарчанд дар мавридҳои алоҳида шаклҳои коллективии амалӣ намудани он низ ҷой доранд.

Ҳуқуқ ба ҳимояи судӣ ба гурӯҳи ҳуқуқҳои «насли якум» тааллуқ дошта, ҳамчун ҳуқуқе баромад мекунад, ки барои ҳифзи дигар ҳуқуқҳои инсон ва шаҳрванд замина фароҳам меорад.

Ҳуқуқи мазкур дорои хусусияти мураккаб буда, унсурҳои ҳуқуқи моддӣ ва мурофиавиро дар бар мегирад. Аз як тараф, он ҳуқуқи моддӣ мебошад, ки ба барқарорсозии ҳуқуқҳои вайроншуда равона гардидааст ва аз тарафи дигар, дорои хусусияти мурофиавӣ мебошад, зеро аз роҳу тартиботи мурофиаи судӣ барои татбиқ ва ҳифзи ҳуқуқ истифода мебарад.

Дар муносибатҳои ҳуқуқии марбут ба ҳимояи судии ҳуқуқу озодиҳои инсон, давлат ҳамчун субъекти дорои вазифаи кафолатдиҳӣ амал менамояд. Мақомоти қонунгузор вазифадоранд, ки асосҳои ҳуқуқии амалӣ намудани ҳимояи судиро муқаррар намоянд ва механизмҳои ҳуқуқии татбиқи онҳоро фароҳам созанд. Мақомоти иҷроияи маҳаллии ҳокимияти давлатӣ уҳдадоранд, ки шароити моддӣ ва ташкилии лозимиро барои амалӣ гардидани ҳуқуқи мазкур таъмин намоянд. Мақомоти судӣ вазифадоранд, ки амалигардонии воқеии ҳуқуқ ба ҳимояи судиро тавассути муҳокимаи одилона ва самаранок таъмин намоянд.

Субъектҳои ин муносибатҳои ҳуқуқӣ аз як тараф давлат (ҷониби вазифадор) ва аз тарафи дигар ҳар шахси воқеӣ ё ҳуқуқие мебошанд, ки дар қаламрав ё таҳти салоҳияти давлатӣ қарор доранд. Объектҳои ин муносибатҳои ҳуқуқӣ ҳуқуқҳо, озодиҳо ва манфиатҳои қонунии поймолшуда ё таҳдидшудаи шахсон мебошанд.

Ҳуқуқ ба ҳимояи судӣ дорои хусусияти махсуси фарқкунанда мебошад. Дар муқоиса бо дигар ҳуқуқҳои субъективӣ, ки асосан ба истифода ё нигоҳдории неъматҳои моддӣ ё маънавӣ равона шудаанд, ҳуқуқи ҳимояи судӣ хусусияти барқароркунандаи қавии ҳуқуқиро дорад ва ҳадафи он таъмини барқарорсозии ҳуқуқу манфиатҳои поймолшуда мебошад.

Илова ба ин, қариб ҳамаи унсурҳои мақоми ҳуқуқии шахсият — аз ҷумла ҳуқуқҳо, озодиҳо, манфиатҳои қонунии фардӣ ва ҳатто уҳдадориҳои ӯ — метавонанд

дар доираи татбиқи ҳуқуқ ба ҳимояи судӣ қарор гиранд. Ҳамин тавр, ин ҳуқуқ ҳамчун воситаи универсалӣ дар низоми ҳуқуқӣ амал мекунад, ки натанҳо барои ҳимоя, балки барои барқарорсозӣ ва таъмини иҷрои дигар ҳуқуқҳо низ истифода мешавад.

«Дар илми ҳуқуқшиносӣ фаҳмишҳои гуногуни мазмуни ҳуқуқ ба ҳимояи судӣ мавҷуданд. Дар маҷмуъ, ин ҳуқуқ фарогири ҳуқуқи мурофиат ба суд, баррасии одилона ва оммавии парванда аз ҷониби суди мустақил ва беғаразона, иҷрои қарорҳои судӣ ва имконияти шикоят аз қарорҳои судӣ ба суди болоӣ мебошад» [2, с. 22].

Кафолати судӣ дар он ифода меёбад, ки низоми судии мустақил ва пурра ташаккулёфтае таъсис дода мешавад, ки дорои ҳамаи нишонаҳои институтсионалӣ ва функсионалии ҳокимияти судӣ мебошад. Ин низом бо маҷмуи салоҳиятҳои зарурӣ муҷаҳҳаз буда, имконият медиҳад, ки ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд ба таври муассир ва қонуниятноксоз ҳимоя карда шаванд. Дар кор принсипҳои ҳокимияти судӣ, ба монанди мустақилият ва истиқлолияти суд, беғаразӣ, манъи судҳои фавқулодда баррасӣ карда мешаванд.

Дар таҷрибаи судӣ кафолатҳои дигар низ таҳия шудаанд: ӯҳдадории суд барои ҳавасманд кардани қарорҳои худ, принсипи устувории қарори судӣ, ки ба қувваи қонунӣ ворид шудааст.

Дар доираи кафолатҳои муҳофизатӣ намудҳои ҷиноятҳо ва ҳуқуқвайронкуниҳо алайҳи адолат, масъалаҳои ҷуброни зарари ҳангоми адолати судӣ ба мақомоти давлатӣ бо тартиби ҳуқуқии шаҳрвандӣ расонидашуда, аз ҷумла хусусиятҳои истифодаи меъёри махсуси чанде пеш дар бораи вайрон кардани муҳлатҳои оқилонаи адолат баррасӣ карда шуданд.

Олимон ва таҷрибаомӯзон аксаран эътироф мекунанд, ки ҳуқуқи ҳимояи судӣ ба гурӯҳи ҳуқуқ ва озодиҳое дахл дорад, ки ба ягон маҳдудият тобеъ нестанд.

Маҳдудсозии ҳуқуқ ба ҳимояи судии ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд танҳо дар ҳолатҳое қонунист, ки бо талаботи мушаххаси ҳуқуқӣ мувофиқ бошад. Маҳдудиятҳо дар ин соҳа қонунӣ ҳисобида мешаванд, агар:

• чунин маҳдудиятҳо аз ҷониби Суди Конститутсионӣ эътироф ва ба таври расмӣ мустаҳкам карда шуда бошанд;

• нисбати маҳдудиятҳои мазкур мавқеи ҳуқуқии Суди Конститутсионӣ дар бораи қобили қабул будани онҳо таҳия ва қабул гардида бошад;

• дар ҳолате, ки маҳдудият дар Суди Конститутсионӣ мавриди санҷиш қарор нагирифта бошад ва фарзияи мутобиқати қонун ба Конститутсия (фарзияи конститутсионӣ) амал кунад.

Ба ин васила, танҳо маҳдудиятҳое, ки ё дар асоси санҷиши конститутсионӣ тасдиқ гардидаанд ё то замони рад шуданашон тибқи фарзияи конститутсионӣ эътибор доранд, метавонанд ҳамчун маҳдудиятҳои қонунии ҳуқуқ ба ҳимояи судӣ эътироф шаванд.

Дар байни қарорҳо Суди конститутсионӣ ҳолатҳои маҳдудиятҳои қонунии мавҷудаи ҳуқуқи конститутсионии ҳимояи судӣ ва кафолатҳои бо он алоқаманд ҷудо аст. Дар айни замон, мавқеи ҳуқуқӣ дар бораи иҷозат додани маҳдуд кардани ҳуқуқи тадқиқшаванда бо меъёрҳои кодекси ҷиноятӣ, дар бораи набудани ҳуқуқи маҳкумшуда барои шиносоӣ бо фикри махсуси яке аз судяҳое, ки ба ҳайати суди баррасии ин парванда дохил буданд, вуҷуд дорад.

Маҳдуд кардани ҳуқуқи ҷуброн барои вайрон кардани ҳуқуқи мурофиаи судӣ дар муҳлати оқилона. Кодекси мурофиавии граждани ҳуқуқи судро барои баргардонидани ариза дар бораи додани ҷубронпулӣ барои вайрон кардани ҳуқуқи мурофиаи судӣ ва иҷрои қарори судӣ дар муҳлати оқилона пешбинӣ мекунад, агар ҳангоми баррасии масъалаи қабули ариза ба мурофиа суд муқаррар кунад, ки муҳлати мурофиаи судӣ дар парванда ё муҳлати иҷрои қарори судӣ ба таври возеҳ аз вайрон кардани ҳуқуқ шаҳодат медиҳад.

Маҳдуд кардани ҳуқуқи шикоят аз қарори суд. Дар ин ҷо низ ду мавқеи ҳуқуқиро ҷудо кардан лозим аст. Пеш аз ҳама ба муқаррароти қонуни Конститутсионии

Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи Суди Конститутсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон» дахл дорад ва фавран пас аз эълони он эътибор пайдо мекунад. Мавқеи дуюми ҳуқуқӣ нисбат ба меъёрҳои иҷтимоии давлат муқаррар карда шудааст, ки ҳуқуқи шикояти кассатсионии таърифҳои Суди Олии Арбитражи (дар ФР)-ро, ки ӯ ҳамчун суди марҳилаи аввал ҳангоми баррасии парвандаҳо дар бораи баҳс кардани санадҳои меъерии ҳуқуқӣ баровардааст, истисно мекунад.

Дар Ҷумҳурии Тоҷикистон Суди Олии Арбитраж мавҷуд нест, аммо зери ниҳоди Палатаи савдо ва саноати Ҷумҳурии Тоҷикистон ташкилоти ғайридавлатие мебошад, ки Арбитражи байналмилалии тиҷоратиро таъсис додааст, вале ба фаъолияти он ягон таъсир надорад. «Арбитражи байналмилалии тиҷоратӣ моҳи августи соли 2015 бо қарори Раёсати Палатаи савдо ва саноати Тоҷикистон» таъсис ёфтааст. Фаъолият кардан дар назди палатаро Қонуни ҶТ «Дар бораи Арбитражи байналмилалии тиҷоратӣ» ки моҳи марти соли 2015 қабул шудааст, ба танзим медарорад. Дар аксари давлатҳо низ арбитраж дар назди палатаҳо фаъолият мекунад» [24].

Дар адабиёти илмии ҳуқуқшиносӣ таърифҳои зиёди мафҳуми мурофиаи судӣ пешбинӣ гардидааст. Вобаста аз он, ки кадом унсури сохтор аввал ҷудо мешавад – расмӣ ё мундариҷа, онҳоро шартан ба ду гурӯҳ тақсим кардан мумкин аст. Муаллифоне, ки унсури расмиро (мурофиавӣ) ҷудо мекунанд, мафҳуми мурофиаи судӣ тавассути мафҳуми мурофиаи ҳуқуқӣ сохта мешаванд. Онҳое, ки ба мундариҷа диққат медиҳанд, мафҳуми мурофиаи судиро тавассути мафҳуми адолат ошкор мекунанд. Аксари таърифҳои мурофиаи судӣ, ки ба унсури мурофиавӣ диққат медиҳанд, истилоҳи «мурофиаи ҳуқуқӣ»-ро дар маънои маҳдуди он, яъне ҳамчун мурофиаи судӣ истифода мебаранд ва дар ин маъно, мурофиаи ҳуқуқӣ синоними мурофиаи судӣ мебошад.

«Н.С. Райкова мурофиаи судиро ҳамчун фаъолияти суд ва шахсоне, ки дар мурофиаи баррасӣ ва ҳалли парвандаҳои ба салоҳияти зинаҳои дахлдори низоми судӣ дохилшуда бо тартиби муқаррарнамудаи қонун иштирок мекунанд, муаррифӣ мекунад. Ин фаъолият аз амалҳои мурофиавии дар пайдарпаии муайян ва тартиби муқаррарнамудаи қонун анҷомдода иборат аст» [17, с. 385-403].

Н.В. Витрук менависад, ки «мурофиаи судӣ тартиби муқаррарнамудаи қонун дар бораи фаъолияти суд ва иштирокчиёни мурофиа оид ба ҳалли парвандаҳои мушаххас буда, шакли ҳуқуқии татбиқи салоҳияти судӣ бо мақсади ҳимояи ҳуқуқи шаҳрвандон ва шахсони ҳуқуқӣ, муқаррар намудани ҳуқуқвайронкуниҳо ва татбиқи чораҳои ҷавобгарии ҳуқуқӣ оид ба татбиқи назорати суди конститутсионӣ ва ғайра мебошад» [32, с. 591]. Ҳамчунин, ӯ таъкид мекунад, ки мурофиаи судӣ тартиби муқаррарнамудаи амали суд ва иштирокчиёни мурофиаи парвандаи мушаххас буда, аз мурофиаҳои судӣ, инстансияҳо, муқаррарот ва усулҳои ҳимоя иборат мебошад» [32, с. 391].

Н.С. Райкова «мурофиаи судиро ҳамчун фаъолияти суд ва шахсоне, ки дар раванди баррасӣ ва ҳалли парвандаҳое, ки ба салоҳияти пайванди дахлдори низоми судӣ дохил мешаванд, бо тартиби муқаррарнамудаи қонун муайян мекунад. Ин фаъолият аз амалҳои мурофиавӣ иборат аст, ки бо пайдарҳамӣ ва тартиби муайяне, ки қонун муқаррар кардааст, анҷом дода мешаванд».

Д.Н. Бахрах «се намуди равандҳои ҳуқуқиро ҷудо мекунад: ҳуқуқсозӣ, татбиқи ҳуқуқии танзимкунанда ва раванди юрисдиксионӣ (мурофиаи судӣ)» [3, с. 596-600]. Дар илми ҳуқуқшиносӣ ҳимояи судии ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд ҳамчун институти мустақили ҳуқуқии дорои хусусияти мураккаб баррасӣ мегардад. Он як навъи махсуси ҳимояи давлатии ҳуқуқҳо ва озодиҳои шахсият буда, ҳамзамон муносибати иҷтимоӣ ва вазифаи мустақими давлатро дар соҳаи таъмини адолати судӣ дарбар мегирад.

Дар доираи назарияи умумии ҳуқуқ ва илмҳои мурофиавии ҷиноятӣ, мафҳуми ҳимояи судӣ аз ҷиҳати функсионалӣ ба таври зер тавзеҳ меёбад:

– дар илми мурофиаи ҷиноятӣ, ҳимояи судӣ ҳамчун маҷмуи қоидаҳои ташкиливу мурофиавӣ фаҳмида мешавад, ки татбиқи онҳо ба ҳимояи ҳуқуқ ва манфиатҳои қонунии гумонбаршуда, айбдоршаванда ва ҷабрдида равона шудааст;

– дар назарияи давлат ва ҳуқуқ, ҳимояи судӣ ҷузъи таркибии вазифаҳои конститутсионии давлат дар самти ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои шахс ба ҳисоб меравад ва дар низоми умумии кафолатҳои ҳуқуқӣ ҷойгоҳи хос дорад.

Тақвияти мақоми ҳокимияти судӣ дар шароити давлати ҳуқуқбунёд, ҷудошавии он аз дигар шохаҳои ҳокимият ва ташаккули ҳокимияти мустақили судӣ боиси афзоиши аҳаммияти ҳимояи судии ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд мегардад. Ин раванд бозгӯи хусусияти мураккаби ҳимояи судӣ ҳамчун падидаи иҷтимоӣ ва ҳуқуқӣ мебошад ва асос медиҳад, ки он ҳамчун мафҳуми консептуалии назариявӣ ва сиёсӣ-ҳуқуқӣ баррасӣ карда шавад.

Ҷумҳурии Тоҷикистон давлати ҳуқуқбунёду демократӣ мебошад. Аз ин рӯ, дар моддаи 5-и Конститутсияи амалкунанда ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд арзиши олӣ эълон гардидааст ва тибқи моддаи 18 дахлнопазирии шахсро давлат кафолат медиҳад. Ин маънои онро дорад, ки давлат уҳдадор аст ҳуқуқу озодиҳои инсонро эътироф, риоя ва ҳимоя кунад.

Амалӣ гардидани ин вазифаҳо тавассути кафолатҳои давлатии ҳуқуқӣ, аз ҷумла, кафолати ҳимояи судӣ, таъмин мегардад. Ба ҳар як шахс ҳуқуқ дода шудааст, ки ҳуқуқ ва манфиатҳои худро бо ҳама гуна воситаҳои аз ҷониби қонун манънашуда ҳимоя намояд ва аз болои қарорҳо ва амалҳои мақомоти давлатӣ, худидоракунии маҳаллӣ, иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ ва шахсони мансабдор ба суд шикоят барад, инчунин, пас аз анҷоми тамоми воситаҳои дохилии ҳуқуқӣ ба мақомоти байнидавлатии ҳифзи ҳуқуқ муроҷиат кунад.

Фарқи ҳимояи давлатӣ ва ҳимояи судӣ бояд возеҳ фаҳмида шавад: ҳимояи умумии ҳуқуқ ва озодиҳои шахс вазифаи тамоми шохаҳои ҳокимияти давлатӣ аст, аммо ҳимояи судӣ нақши махсус дорад, зеро он ҳамчун механизми мустақили боздоранда ва мувозинаткунандаи фаъолияти дигар шохаҳои ҳокимият амал мекунад.

Ҳокимияти судӣ дар низоми давлатдорӣ ҳамчун ҳаками мустақил ва беғараз миёни инсон ва давлат амал карда, ҳуқуқу манфиатҳои қонунии шахсро аз дахолат ва поймолкунии мақомоти ҳокимияти давлатӣ ва шахсони мансабдор муҳофизат менамояд. Маҳз, ба туфайли чунин мавқеи худ ҳокимияти судӣ дар давлати ҳуқуқӣ шароити воқеии риояи ҳуқуқ ва озодиҳои инсонро фароҳам меорад.

Истиқлоли ҳокимияти судӣ ва кафолати воқеии ҳимояи судӣ ҳамчун шартҳои муҳимтарини худмаҳдудкунии қудрат ва қонуниятии фаъолияти давлат баромад мекунанд. Танҳо он ҳокимият қонунист, ки ҳуқуқҳои инсонро риоя ва ҳимоя мекунад; ҳама гуна вайрон кардани ҳуқуқҳои инсон ва озодиҳо боиси коҳиши қонуният ва зери шубҳа бурдани асосҳои ҳуқуқии давлат мегардад.

Аз ин рӯ, дар низоми демократии муосир давлат бояд ба ташкили муассисаҳо ва институтҳое манфиатдор бошад, ки имкониятҳои амалии онро нисбат ба шахс маҳдуд карда, ҳуқуқу озодиҳои инсонро кафолат диҳанд. Дар чунин шароит, нақши системаи судӣ ҳамчун кафили ҳуқуқ ва озодиҳои инсон ва шаҳрванд ниҳоят муҳим мегардад.

Дар маҷмуъ, таъмини ҳимояи судии ҳуқуқу озодиҳои инсон натанҳо вазифаи бевоситаи давлат, балки шарти устувории соҳибихтиёрӣ, дахлнопазирии арзишҳои миллӣ ва таъмини шукуфоии иҷтимоию иқтисодӣ ва суботи сиёсӣ мебошад. Халқ ҳамчун маҷмуи фардҳо ягона манбаи ҳокимият аст. «Дар ин хусус А.В. Сихотский ва А.К. Черненко бамаврид қайд кардаанд: давлат вазифадор аст, ки манфиати ҳар як шахс ё манфиати аксариятро ҳимоя кунад» [23, с. 392].

Бо иҷрои салоҳияти истисноии худ оид ба ҳалли муноқишаи ҳуқуқӣ, суд дар ҷараёни баррасӣ ва ҳалли моҳияти парвандаи мушаххас манфиати вайроншудаи яке аз тарафҳои муноқишаро барқарор мекунад ва аз вайронкунии беасос ё маҳдуд кардани манфиати тарафи дигар муҳофизат мекунад. Суд татбиқи ҳуқуқи кафолатдодаи

давлатро барои ҳимояи судӣ ба ҳамаи шаҳрвандон, новобаста аз он ки онҳо дар муноқишаи ҳуқуқӣ чӣ нақш мебозанд, таъмин менамояд. Таҷассумгари ҳимояи манфиати бо қонун ҳифзшаванда қарор ё ҳукми суд мебошад. Қарори суд ё ҳукм ҳамчун муҳимтарин санади амалӣ намудани ҳокимияти судӣ, ифодаи эътирофи ҳуқуқҳои вайроншудаи шахси зарардида ва воситаи барқарорсозии онҳо мебошад. Ин ҳуҷҷат метавонад ҳамчунин изҳор намояд, ки поймолсозии ҳуқуқ ҷой надорад ва бо ин васила беасос будани даъвои ҷониби муқобилро тасдиқ кунад. Ба ин тартиб, ҳокимияти судӣ ба барқарорсозии ҳуқуқҳои нақзгардида, таъмини ҷуброни зарари расонидашуда ва муҳофизати ҳуқуқу озодиҳо аз дахолати беасос мусоидат менамояд. Суд, тавассути санадҳои худ, иҷрои амалии ҳимояи судии ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрвандро таъмин мекунад.

Ба андешаи Б. Топорнин «дар шароити давлати демократӣ, иҷрои вазифаи ҳимояи ҳуқуқ ва озодиҳои шахс аз ҷониби суд “Дар тамоми фаъолияти он асоснок ва мантиқӣ ҳукмрон хоҳад буд» [21, с. 26].

«Назарияи ҳимояи ҳуқуқи инсон самти нисбатан нав дар илми ҳуқуқ аст, ки аз ҷониби А.В. Стремухов таҳлили муфассал шудааст. Баррасии ҳимояи судии ҳуқуқ ва озодиҳои шахс ҳамчун як намуди ҳимояи ҳуқуқӣ таълимоти ҳимояи судиро ғанӣ мегардонад, зеро он имкон медиҳад, ки хусусиятҳои падидаи умумии иҷтимоӣ ва ҳуқуқӣ истифода шаванд. Дар асоси мафҳуми ҳимояи ҳуқуқии инсон, ки дар назарияи ҳуқуқ таҳия шудааст, ҳамчун унсури “Татбиқи ҳуқуқи инсон, ки мундариҷаи он фаъолияти давлат, иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ ва худи шахсро оид ба фароҳам овардани шароити ҳуқуқӣ ташкил медиҳад, ба боздоштани раванди татбиқи ҳуқуқ дар сурати барқарор кардани он мусоидат мекунад» [18, с. 161].

Ҳимояи судӣ яке аз шартҳои зарурии ҳимояи ҳуқуқии шахс мебошад, ки бо додани ҳуқуқҳои васеи конститутсионӣ ба шахс ва мавҷудияти механизми самараноки ҳимояи ҳуқуқии онҳо тавсиф карда мешавад.

Сатҳи таъмини ҳимояи судии ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд ҳамчун яке аз нишондиҳандаҳои асосии ҷойгоҳ ва нуфузи ҳокимияти судӣ дар ҷомеа ва ҳамзамон ҳамчун нишондиҳандаи воқеии дараҷаи рушди демократияи давлат баррасӣ карда мешавад.

Аҳаммияти ҳимояи судӣ дар баланд бардоштани сатҳи ҳифзи ҳуқуқии шахсият наметавонад камбаҳо арзёбӣ гардад. Баръакс, дар ҳолатҳои муайян ҳимояи судӣ ягона ва беназиртарин воситаи таъмин ва барқарорсозии ҳуқуқҳои поймолшудаи шахс мебошад. Ба чунин ҳолатҳо метавон мисол оварда:

– барқарор кардани ҳуқуқҳои шахсони ғайриқонунӣ маҳкумшуда ё ғайримуассирона ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашидашуда;

– муқаррар намудани падарӣ;

– эътироф намудани шахс ҳамчун бедарак ғоибшуда ё фавтида.

Дар ҳамаи ин ҳолатҳо маҳз механизми судӣ ҳамчун кафили воқеии эҳёи ҳуқуқҳои вайроншуда ва таъмини адолати иҷтимоӣ амал мекунад.

Ба ин васила, ҷойгоҳи ҳимояи судӣ дар низоми давлатдорӣ натанҳо ҳамчун воситаи барқарорсозии ҳуқуқҳои шахсӣ, балки ҳамчун заминаи устувории ҳуқуқии ҷомеа ва нишондиҳандаи муҳимми дараҷаи риояи арзишҳои ҳуқуқи инсон дар ҷомеаи демократӣ зоҳир мегардад.

Хусусияти ҳимояи судӣ имкон медиҳад, ки онро универсалӣ ва аз ин рӯ роҳи самараноки ҳимояи ҳуқуқ ва озодиҳои вайроншудаи шахс ҳисоб кунад.

Ҳимояи судии ҳуқуқу озодиҳои шахс як унсури муҳим дар низоми ҳуқуқии ҳар як давлат аст, ки мақсади он таъмини адолат ва ҳифзи ҳуқуқҳои инсон ва шаҳрвандон мебошад. Хусусиятҳои асосии ҳимояи судӣ дар таъмини ҳуқуқи инсон ва шаҳрвандон тавассути механизмҳои судӣ ва қонунӣ зоҳир мешаванд. Ҳимояи судӣ ҳамчун як раванди қонунӣ барои барқарор кардани ҳуқуқу озодиҳо ва таъмини адолат дар ҷомеа амал мекунад. Хусусиятҳои асосии ҳимояи судӣ инҳоянд:

А) Мустақилият ва беғаразии суд. Ҳимояи судӣ бояд тавассути мақомоти судии мустақил ва беғараз сурат гирад. Судҳо бояд озод аз ҳар гуна дахолат, фишор ё манфиатҳо амал кунанд. Мустақилият ба судҳо имкон медиҳад, ки қарорҳои худро танҳо дар асоси қонун ва далелҳои мавҷуд қабул кунанд, ки ин барои таъмини адолат ва эътибори ҳуқуқҳо зарур аст.

Б) Дастрасии умумӣ ба адолат. Ҳимояи судӣ бояд барои ҳама шаҳрвандон дастрас бошад, новобаста аз вазъи молиявӣ, мавқеи иҷтимоӣ ё дигар омилҳо [24].

«Яке аз хусусиятҳои асосии ҳимояи судии ҳуқуқ ва озодиҳои инсон ва шаҳрванд тибқи таърифи В.П. Кашепов» [13], умумият ё номаҳдудиятии он мебошад. Ин хусусият дар чанд самт зоҳир мегардад:

1. Ҳуқуқ ба ҳимояи судӣ натанҳо барои шаҳрвандон, балки барои иттиҳодияҳои онҳо низ муқаррар карда шудааст. Масалан, дар Ҷумҳурии Тоҷикистон дар матни Конститутсия нисбати субъектҳое, ки ҳуқуқ ва озодиҳои онҳо бо ҳимояи судӣ таъмин карда мешаванд, истилоҳи «ҳар кас» истифода шудааст. Ин нишон медиҳад, ки дар истифодаи ин воситаи ҳуқуқии ҳифз ягон маҳдудияти расмӣ вуҷуд надорад ва ҳуқуқи субъективӣ ва манфиатҳои қонунии ҳамаи субъектҳо таҳти ҳимояи суд қарор доранд.

2. Қарорҳои судҳо барои ҳамаи субъектҳои ҳуқуқ ҳатмӣ мебошанд, ки қудрат ва мақоми судҳоро ҳамчун шохаи мустақили ҳокимияти давлатӣ нишон медиҳанд. Судҳо аз номи давлат қарор қабул мекунанд ва иҷрои қарорҳои судӣ аз ҷониби давлат таъмин карда мешавад. Ҳуқуқ ба ҳимояи судӣ барои ҳамаи шахсон, аз ҷумла, шаҳрвандони хориҷӣ ва шахсони бешаҳрвандӣ низ кафолат дода шудааст. Ин таҷассумгари он аст, ки арзишҳои умумиинсонӣ, ки ба шахс новобаста аз мансубияти давлатӣ дахл доранд, дар маркази сиёсати ҳуқуқии давлатӣ қарор доранд.

3. Ҳимояи ҳамаҷонибаи тамоми ҳуқуқ ва озодиҳои инсон. Ҳамаи ҳуқуқ ва озодиҳое, ки ба шахсият тааллуқ доранд, новобаста аз он ки онҳо мустақиман дар матни Конститутсия ва қонунҳо нишон дода шудаанд ё на, аммо агар онҳо бо қонун мухолифат накунанд, бояд ҳимоя карда шаванд. Ин нишон медиҳад, ки ҳимояи судӣ тамоми спектри ҳуқуқу озодиҳои инсонро дар бар мегирад ва сарфи назар аз маҳдудиятҳои номбурдашуда, кафолати умумӣ ва безаволро фароҳам месозад.

4. Бевосита амал намудани меъёрҳои конститутсионӣ дар набудани қонунгузории мушаххас. Тибқи талаботи Конститутсияҳо ва қонунҳои амалкунанда, судҳо вазифадоранд, ки ҳимояи дуруст ва комили ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрвандро таъмин намоянд. Дар ҳолатҳои набудани қонуни махсус, судҳо метавонанд мустақиман ба меъёрҳои Конститутсия такя намоянд. Набудани муқаррарот дар қонунгузории ҷорӣ наметавонад сабаби рад кардани ҳуқуқи муроҷиат ба суд ё баҳонаи маҳдуд намудани дастрасӣ ба адолати судӣ гардад.

Ҳамин тариқ, умумияти ҳимояи судӣ ҳамчун яке аз принсипҳои бунёдии ҳуқуқи инсон ва кафолати амалии онҳо дар низоми ҳуқуқии давлатҳои ҳуқуқбунёд хизмат мекунад. Ин умумият нишон медиҳад, ки ҳокимияти судӣ дар ҳифзи арзишҳои асосии инсонӣ нақши ҳаётӣ мебозад ва адолати воқеиро таъмин менамояд.

«Дар такя ба сарчашмаҳои ҳуқуқӣ [8, с. 10-11], метавон иброз дошт, ки ҳимояи судӣ натанҳо як роҳи муассири ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои вайроншуда мебошад, балки ҳамчун кафолати татбиқи онҳо хизмат мекунад. Ҳамин тавр, мурофиаи судии шаҳрвандӣ ҳамчун як шакли татбиқи ҳимояи судӣ дар доираи мавзуи таҳқиқшаванда, яке аз кафолатҳои асосии риоя ва таъмини ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд ба ҳисоб меравад».

Муқаррар намудани принсипи “шартҳои умумӣ”, яъне принсипи умумии ҳуқуқӣ, ки имконияти муроҷиати озодонаи ҳар шахсро ба суд барои ҳифзи ҳуқуқ ва манфиатҳои қонунии худ пешбинӣ мекунад, шаҳодат медиҳад, ки дастрасӣ ба ҳимояи судӣ натанҳо амалҳои мустақими поймолкунандаи ҳуқуқ аз ҷониби шахсони мансабдори давлатиро фаро мегирад, ҳамчунин рад намудани мақомоти давлатӣ аз

иҷрои уҳдадориҳои худ вобаста ба ҳифз ва барқарорсозии ҳуқуқҳои поймолшударо низ назорат мекунад.

Қонунгузорӣ имконият медиҳад, ки шахси манфиатдор дар ҳолатҳои зерин ба суд мурољиат намояд:

• дар сурати рад шудани шикояти ӯ аз тарафи мақомоти ҳокимияти иҷроия вобаста ба татбиқи чораҳои ҷавобгарии маъмурӣ;

• дар ҳолати рад кардани оғози парвандаи ҷиноятӣ ё идомаи раванди тафтишот аз ҷониби мақомоти тафтишотӣ.

Мавҷудияти чунин имкониятҳо кафолат медиҳад, ки фаъолияти дигар сохторҳои қудратӣ таҳти назорати мустақими судӣ қарор дошта, иҷрои вазифаҳои онҳо дар самти таъмини ҳуқуқу озодиҳои инсон назорат ва танзим карда шавад.

Кафолати ҳимояи судӣ дар ин замина ҳамчун омиле муҳим барои ҳамоҳангсозии муносибатҳои ҷамъиятӣ барҷаста амал мекунад. Имконияти ҳар як шахс барои мурољиат ба суд на танҳо барои бартараф кардани вайронкунии воқеии ҳуқуқ, балки барои пешгирии эҳтимолии он низ воситаи самараноки таъмини устувории ҳуқуқӣ ва адолат дар ҷомеа мебошад.

Кафолати ҳимояи судӣ, барои таъмини адолат, рушди демократия ва ҳифзи ҳуқуқи инсон нақши хеле муҳимро мебозад, зеро асоси ҳуқуқие мебошад, ки ҳар як инсонро, ки ҳуқуқ ё манфиати қонунӣ барои ӯ таҳдид шуда ё ҳуқуқи ӯ нақз шудааст, бо усулҳои ҳуқуқии мувофиқ ва барои таъмини адолат дар судҳо ё дигар органҳои давлатӣ таъмин мекунад.

Кафолати ҳимояи судӣ пешбинӣ мекунад, ки ҳар як шахс ҳуқуқи таъмини мудофиа ва дастрасӣ ба додгоҳро дорад, ки ин ба маънои ҳаққи дастрасӣ ба мурофиаи одилона ва муқаррароти қонунӣ мебошад.

Дар илми ҳуқуқшиносӣ ҳимояи судии ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд ҳамчун шакли махсуси муносибати ҳуқуқии мутақобила миёни давлат ва шахсият баррасӣ мегардад.

Моҳияти ин муносибат дар он ифода меёбад, ки:

• аз як тараф, шахс ҳамчун субъекти ҳуқуқ дорои ҳуқуқи бунёдӣ барои ҳимояи судии ҳуқуқу озодиҳои худ мебошад;

• аз ҷониби дигар, давлат дорои уҳдадории ҳуқуқӣ ва сиёсӣ аст, ки ин ҳуқуқро тавассути эҷоди механизмҳои муассири судӣ таъмин ва амалӣ намояд.

Ин навъи муносибати ҳуқуқӣ дар доираи принсипи умумии қабули «ҳуқуқ ба ҳимоя» ташаккул ёфта, нишонаи муҳимми давлати ҳуқуқбунёд ва адолатпарвар аст. Дар ин низом, кафолати ҳимояи судӣ натанҳо ҳамчун ҳуқуқи шахсӣ, балки ҳамчун ифодагари масъулияти давлат барои риояи арзишҳои ҳуқуқи инсон ва механизми татбиқи онҳо баромад мекунад.

Ҳимояи судӣ дар илм барои рушди озоди таҳқиқот ва барои расидан ба натиҷаҳои боэътимод ва арзишманд хеле муҳим аст.

Ҳимояи судӣ дар илм (ё таъмини ҳимояи ҳуқуқи илмӣ) – ин ҷиҳати ҳуқуқие мебошад, ки таъмини адолат ва ҳифзи манфиатҳои шахсони ба илму таҳқиқот машғулро дар бар мегирад. Вобаста ба илми ҳуқуқ, ҳимояи судӣ инчунин метавонад дар баёни муҳофизат ва таъмини ҳуқуқи муаллифон, ихтироъкорон, муҳаққиқон ва донишмандон дар бораи интишори натиҷаҳои илмӣ ва ё истифодабарии онҳо бошанд.

Моддаи 5-и Конститутсияи ҶТ муқаррар менамояд, ки ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд арзиши олӣ мебошанд ва механизмҳои давлативу ҳуқуқии кафолат ва ҳимояи онҳо таъмин карда шудаанд. Ҳуқуқ ба ҳимояи судӣ яке аз муассиртарин ва асоситарин кафолатҳои ҳуқуқии мустаҳкамнамудаи Конститутсия ба шумор меравад, ки ҳамчун тадбири муҳимми ҳуқуқӣ барои таъмини ҳифз ва барқарорсозии ҳуқуқу озодиҳои поймолшудаи инсон ва шаҳрванд дар доираи механизми конститутсионӣ амал мекунад.

Ин ҳуқуқ, ки бевосита дар сатҳи олии қонунгузорӣ муқаррар шудааст, заминаи ҳуқуқии мурољиат ба судро дар ҳама гуна ҳолатҳои поймолшавии ҳуқуқу озодиҳо

таъмин намуда, татбиқи воқеии онҳо ва иҷрои уҳдадориҳои давлатро нисбат ба шаҳрвандон ба таври ҳуқуқӣ кафолат медиҳад. Ба ибораи дигар, ин ҳуқуқ ҳамчун вазифаи конститутсионӣ ба давлат хизмат мекунад, ки ба таъмини риояи ҳуқуқу озодиҳои шаҳрвандон тавассути офаридани шароит барои татбиқи адолат мусоидат намояд. Маҳз, ба таври махсус бояд таъкид кард, ки мавҷудияти ҳокимияти мустақили судӣ ва дастрасии воқеии аҳолӣ ба адолати судӣ яке аз шартҳои калидии ташаккули ҷомеаи шаҳрвандӣ ва сохтмони давлати ҳуқуқбунёди демократӣ мебошад.

Истиқлоли суд ва кафолати дастрасии ҳамаи шаҳрвандон ба муҳокимаи одилонаи судӣ натанҳо принсипи формалии конститутсионӣ, балки заминаи воқеии амалӣ гардонидани ҳуқуқу озодиҳои инсон ва нишондиҳандаи сифатии давлатдории муосир маҳсуб меёбад.

Дар миёни ҳамаи механизмҳои ҳимоя, муҳимтарин ин ҳимояи судӣ мебошад. Агар ҳуқуқи шахс аз ҷониби мақомоти давлатӣ ва шахсони мансабдор нақз гардад, пас дар суд онҳо ҳамчун тарафҳои баробар амал мекунанд.

Бо иҷрои амалҳои мурофиавӣ аз қабили таҳқиқи далелҳо, шунидани шаҳодатҳо ва тавзеҳоти тарафҳо, баррасии дархостҳои мурофиавӣ ва қабули қарор суд (ё судя) ҳуқуқу манфиатҳои иштирокчиёни мурофиавиро ҳимоя мекунад ва барои онҳо имконияти иштироки мустақимро дар татбиқи адолати судӣ фароҳам месозад.

Ҳуқуқ ба ҳимояи судӣ танҳо бо ҳуқуқи муроҷиат ба суд маҳдуд намешавад. Он ҳамзамон дар бар мегирад:

а) ҳуқуқи шахс барои иштироки шахсӣ дар мурофиа;

б) ҳуқуқи талаб кардани барқарорсозии ҳуқуқу озодиҳо тавассути мурофиаи судӣ;

в) ҳуқуқи дарёфти кӯмаки ҳуқуқӣ, аз ҷумла аз ҷониби вакили дифоъ ё намояндаи ҳуқуқӣ.

Дар ин замина, ҳуқуқ ба ҳимоя метавонад ҳамчун маҷмуи он имкониятҳое фаҳмида шавад, ки ба шахс иҷозат медиҳанд, то ҳуқуқу манфиатҳои қонунии худро мустақилона ҳимоя намояд.

«Иштироки шахсӣ дар мурофиаи судӣ яке аз кафолатҳои муҳимми самаранокии ҳимояи судӣ ба ҳисоб меравад. Ҳангоми маҳдуд шудани чунин иштирок, худи ҳуқуқ ба ҳимояи судӣ низ зери шубҳа қарор мегирад, зеро шахс аз имконияти таъсиррасонӣ ба раванди баррасии ҳуқуқи худ маҳрум мегардад» [8, с. 294-295].

Фаъолияти суд дар самти барқарорсозии ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд, ки дар натиҷаи содиршавии ҷиноят ё дигар намудҳои ҳуқуқвайронкунӣ поймол шудаанд ва инчунин пешгирии чунин қонуншиканиҳо, дар илми ҳуқуқ бо мафҳуми адолат алоқаманд дониста мешавад.

«Дар ҳамин замина, баъзе муҳаққиқон пешниҳод мекунанд, ки ҳимояи судӣ ҳамчун амалиёти татбиқи адолат баррасӣ шавад, зеро маҳз тавассути суд барқарорсозии ҳуқуқ, таъмини қонуният ва эҳёи адолати иҷтимоӣ ба амал бароварда мешавад» [10, с. 195].

Ба зимма гирифтани уҳдадории эътироф, риоя ва ҳимояи ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд аз ҷониби давлат маънои онро дорад, ки давлат уҳдадор аст системаи самараноки кафолатҳо — ҳуқуқӣ, ташкилӣ, моддӣ ва судиро фароҳам оварад, ки тавассути он ин вазифа амалӣ мегардад.

Ҳамин тариқ, ҳимояи судӣ натанҳо як унсури техникии қонунгузорӣ, балки ифодагари сиёсати ҳуқуқии давлат дар самти адолати судӣ ва эҳтироми арзишҳои инсонӣ мебошад.

Баррасии ҳимояи судӣ ҳамчун институти байнисоҳавии ҳуқуқӣ имкон медиҳад, ки зарурати муттаҳидсозии қонунгузории мурофиавии соҳавӣ, ки ба таъмини ҳимояи судии ҳуқуқу озодиҳои инсон равона шудааст, асоснок гардад.

Мақсади ниҳоии ин ҳимоя, новобаста аз шакли мурофиаи судӣ (ҷиноятӣ, маъданӣ, маъмурӣ ё конститутсионӣ), ягонагии усулҳо ва кафолати воситаҳои ҳуқуқии ҳифзи ҳуқуқу озодиҳо мебошад. Аз ин рӯ, такмили расмиёти алоҳидаи судӣ бояд бо

дарназардошти консепсияи ягонаи ҳимояи судӣ ҳамчун вазифаи умумии ҳокимияти судӣ сурат гирад. Ин равиш имкон медиҳад, ки фаъолияти судҳо бо меъёрҳои ягона, мантиқӣ ва мувофиқ ба талаботи адолати судӣ ҳамоҳанг гардад.

Дар адабиёти ҳуқуқӣ масъалаи амали бевоситаи меъёрҳои конститутсионӣ баҳсҳои назариявии зиёдро ба вуҷуд овардааст. «Аз ҷумла, Н.С. Малеин бар он аст, ки таъсири бевоситаи ҳуқуқии ҳамаи муқаррароти Конститутсия наметавонад ба таври умум ва автоматикӣ татбиқ гардад, зеро он ба хусусияти дохилии худи конститутсия вобаста аст. Бо вуҷуди ин, дар таҳлили васеътар, ду нуктаи муҳимро бояд ба назар гирифт: якум, меъёрҳои конститутсионӣ, ки ба муносибатҳои ҳуқуқии характери умумӣ дахл доранд, метавонанд ҳамчун меъёрҳои амали мустақим баррасӣ шаванд; дуюм, ҳатто дар ҳолатҳое, ки амали мустақими онҳо маҳдуд аст, онҳо замина ва асоси методологӣ барои тамоми қонунгузории минбаъда мебошанд ва қонунҳои соҳавӣ бояд пурра мутобиқ ба Конститутсия таҳия ва татбиқ шаванд» [14, с. 33].

Мувофиқи андешаи И.С. Самошенко «Конститутсия набояд дорои муқаррарот бошад, ки хислати амали бевосита надошта бошанд [20, с. 32]. Ба ақидаи ӯ, тамоми муқаррароти конститутсионӣ бояд дорои қобилияти мустақиман амал кардан бошанд, яъне онҳо бояд имкони истифодаи фаврӣ ва бидуни ниёз ба қонунҳои шарҳдиҳандаро фароҳам оваранд».

Дар айни замон, Самошенко таъкид мекунад, ки ин амали мустақим бояд тавассути муқаррароти қонунгузории ҷорӣ таҳким ва мушаххас карда шавад. Яъне, муқаррароти Конститутсия, ки хусусияти умумӣ доранд, бояд дар сатҳи қонунҳои соҳавӣ бо мазмуни аниқ ва механизмҳои амалишаванда таҷассум ёбанд.

Ю.А. Тихомиров бар он аст, ки «амали бевоситаи ҳамаи меъёрҳои Конститутсия ду маънои муҳимро дар бар мегирад. Аввалан, ҳамаи ин меъёрҳо фавран эътибори ҳуқуқӣ пайдо мекунанд, зеро ҳар як меъёр ҳамчун унсури таркибии низоми конститутсионӣ амал мекунад. Сониян, ягон тартиби умумӣ ё маҳдудкунандаи иҷрои онҳо, аз ҷумла навоварӣ ё таъхир мавҷуд буда наметавонад» [19, с. 141]. Аз ин рӯ, ҳар гуна кӯшиши маҳдуд кардани фаъолияти ҳуқуқии меъёрҳои конститутсионӣ бояд ҳамчун хилофи моҳияти ҳуқуқи олӣ баррасӣ гардад.

Ба андешаи С.Н. Братус, «Конститутсия бояд амали татбиқи мустақим дошта бошад. Ӯ таъкид мекунад, ки агар ҳуқуқҳои шахс поймол шаванд ва дар санади зерқонунӣ бо муқаррароти мушаххас таъмин нашаванд, шахс ҳуқуқ дорад, ки бо такя ба меъёрҳои умумии Конститутсия ба мақомоти давлатӣ барои ҳимоя мурочиат намояд» [6, с. 58].

«Ю.И. Гревтсов аз дидгоҳи амалии судҳо баромад карда, қайд менамояд, ки нишонаи асосии амали мустақими меъёри конститутсионӣ – ин истифодаи воқеии он аз ҷониби судҳои умумӣ мебошад» [11, с. 96]. Ба ақидаи ӯ, агар суд ҳуқуқи субъективии зикршуда дар Конститутсияро танҳо бо истинод ба он эътироф ва ҳимоя карда натавонад, пас барои баррасии чунин меъёр ҳамчун дорои амали мустақим асосе вуҷуд надорад. Ин равиш масъалаи муҳимро дар бар мегирад: то кучо судҳои умумӣ Конститутсияро ҳамчун манбаи мустақими ҳуқуқ қабул мекунанд?

Бо вуҷуди принсипҳои назариявии мукаммал, воқеияти ҳуқуқии конститутсионӣ мушкилоти ҷиддии амалишавии ин меъёрҳоро нишон медиҳад. Дар ин хусус Миронов О.О. менависад, ки дар гузориши соли 1999 бисёре аз шаҳрвандон наметавонанд судро ҳамчун воситаи воқеии ҳимояи ҳуқуқи худ шиносанд, зеро:

• дониши ҳуқуқии онҳо маҳдуд аст,

• ба суд ҳамчун муҳити бюрократӣ ва душвор эътимод надоранд ва умед ба барқарорсозии адолат ночиз шудааст [15, с. 43-50].

Ба андешаи «Миронов О.О. чунин ҳолат нишон медиҳад, ки мавқеи суд ҳамчун кафили асосии ҳуқуқу озодиҳо, ки дар сатҳи конститутсионӣ эълон шудааст, дар амал пурра татбиқ намешавад. Ин шиддати амалӣ дар сатҳи суд ва норасоии дастрасӣ ба ҳимояи судӣ, нишонаи возеҳи таҳриф дар ҷойгоҳи шахс дар низоми конститутсионӣ

мебошад». Аз ин рӯ, ислоҳоти низоми судӣ ва такмили институти ҳимояи судӣ натанҳо ҷанбаҳои техникии ҳуқуқиро фаро мегиранд, балки инъикосгари равандҳои амиқи иҷтимоӣ, сиёсӣ ва иқтисодии ҷомеа маҳсуб мешаванд. Тағйирот дар ин самт, дар воқеият, нишондиҳандаи муносибати давлат ба арзиши инсон ва ҳуқуқҳои ӯ буда, сатҳи демократикунонии давлатдориро инъикос мекунад.

Дар натиҷаи таҳлили муфассали назариявӣ ва амалӣ оид ба ҳимояи судии ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд, ҳамчунин баррасии мавқеи меъёрҳои конститутсионӣ дар қонунгузории миллию байналмилалӣ, метавон ба хулосаҳои зерин расид:

1. Ҳимояи судии ҳуқуқу озодиҳои шахс ҳамчун як институти байнисоҳавии ҳуқуқӣ шинохта мешавад, ки асос ва заминаи татбиқи онро на танҳо Конститутсия, балки маҷмӯи қонунгузории мурофиавии ҷиноятӣ, маданӣ, маъмурӣ ва конститутсионӣ ташкил медиҳад. Аз ин рӯ, таҳкими механизмҳои ҳимояи судӣ бояд бо истифодаи равиши системавӣ ва ҳамгиро байни ин соҳаҳо сурат гирад.

2. Меъёрҳои Конститутсия, ки ҳуқуқу озодиҳои инсонро танзим мекунанд, дорои амали мустақим мебошанд ва бояд бе ниёз ба қонунгузории иловагӣ аз ҷониби судҳо татбиқ карда шаванд. Таҳлили андешаҳои назариявӣ нишон медиҳад, ки истифодаи мустақими Конститутсия воситаи муҳим барои пурра намудани холигиҳои қонунгузорӣ ва ҳимояи ҳуқуқ дар ҳолатҳои баҳснок мебошад.

3. Мавҷудияти ҳуқуқ ба ҳимояи судӣ дар Конститутсия худ ба худ кафолати амалии он нест. Таҳлили воқеият нишон медиҳад, ки қисме аз шаҳрвандон, бо сабаби надоштани дониши кофии ҳуқуқӣ норасоии эътимод ба низоми судӣ ва душвориҳои марбут ба расмиёти мурофиавӣ, аз амалисозии ҳуқуқи худ ба ҳимояи судӣ худдорӣ менамоянд. Аз ин рӯ, амалиёти институти ҳимояи судӣ бояд бо дастрасии воқеӣ, механизмҳои таъсирнок ва шароити моддию ташкилӣ пурра таъмин карда шавад.

Тавсияҳои амалӣ барои такмили қонунгузории Ҷумҳурии Тоҷикистон ҷиҳати таҳкими механизми ҳимояи судии ҳуқуқу озодиҳои асосии инсон ва шаҳрванд:

1. Такмили қонунгузории мурофиавии миллии Ҷумҳурии Тоҷикистон тавассути ворид намудани меъёрҳои дақиқ доир ба имкони татбиқи мустақими санадҳои конститутсионӣ аз ҷониби судҳо, аз ҷумла тавассути пешбинии моддаҳои махсус дар кодексҳои мурофиавӣ (ҷиноятӣ, маданӣ ва маъмурӣ), ки истиноти суд ба Конститутсияро иҷозат медиҳанд ва тартибу шароити татбиқи онро мушаххас менамоянд, иқдоми зарурӣ ва саривақтӣ ба шумор меравад.

2. Роҳандозии барномаи давлатии омӯзиши ҳуқуқии аҳолӣ, ки бо мақсади баланд бардоштани сатҳи маърифати ҳуқуқии шаҳрвандон, фаҳмиши ҷойгоҳи суд дар ҳифзи ҳуқуқу озодиҳо ва шикастани монеаҳои равонӣ дар муроҷиат ба суд амал мекунад. Ин барнома метавонад дар ҳамкорӣ бо ваколатдор оид ба ҳуқуқи инсон, вазорати маориф ва илм, ВАО ва созмонҳои ҷамъиятӣ амалӣ гардад.

Таъсиси Шурои миллии мониторинг оид ба амалисозии ҳуқуқ ба ҳимояи судӣ, ки вазифаи он таҳлили монеаҳо дар амалисозии ин ҳуқуқ, арзёбии иҷрои қарорҳои судӣ ва пешниҳод намудани тавсияҳои мушаххас барои ислоҳоти иловагӣ хоҳад буд. Ин Шуро метавонад бо иштироки намояндагони парлумон, суди конститутсионӣ, прокуратура ва ҷомеаи шаҳрвандӣ таъсис ёбад.

АДАБИЁТ

[1]. Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 6-уми ноябри соли 1994 бо тағйиру иловаҳо аз 26-уми сентябри соли 1999, 22-юми июни соли 2003 ва 22-юми майи соли 2016 (бо забонҳои тоҷикӣ ва русӣ) [Матн]. – Душанбе: Ганҷ, 2016. – 135 с.

[2]. Астратова, С.В. Конституционное право на судебную защиту прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Астратова Станислава Владимировна; [Место защиты: Ур. гос. юрид. акад.]. – Екатеринбург, 2013. – 22 с.

[3]. Бахрах, Д.Н., Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право

[Текст]: учебник / Д.Н. Бахрах, Б.В. Россинский, Ю.Н. Старилов. – М.: Норма, 2008. – 815 с.

[4]. Белоусов, Д.В. Судебная защита в механизме гарантирования прав и свобод: конституционно-правовой аспект [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Белоусов Денис Валерьевич; [Место защиты: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ]. – Москва, 2008. – 23 с.

[5]. Бештанько, А.В. Конституционно-правовые основы частной собственности в Российской Федерации [Текст]: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.02 / Бесштанько Андрей Владимирович. – Омск, 2002. – 199 с.

[6]. Братусь, С.Н. Информация о выступлении в материалах круглого стола [Текст] / С.Н. Братусь // «Советское государство и право». – 1979. – № 7. – С. 58-61.

[7]. Вершинин, В.Б. Судебная защита как комплексный институт российского права [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Вершинин Вадим Борисович; [Место защиты: Сарат. гос. акад. права]. – Саратов, 2011. – 26 с.

[8]. Вершинин, В.Б. Актуальные проблемы судебной реформы в современной России [Текст]: VII Международная научно-практическая конференция, посвященная памяти Н.С. Таганцева, выдающегося русского юриста, сенатора, члена Государственного Совета, июнь 2010 года: сборник статей / Пензенский гос. ун-т [и др.]; [под ред. В.А. Терёхина, С. Б. Погодина]. - Пенза: Приволжский Дом знаний, 2010. – С. 294-295.

[9]. Витрук, Н.В. Общая теория правового положения личности [Текст] / Н.В. Витрук; Российская акад. правосудия. – Москва: Норма, 2008. – 447 с

[10]. Зарицкий, А.В. Гарантии прав личности при реализации юридической ответственности. (Вопросы теории и практики) [Текст]: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Зарицкий Андрей Владимирович. – Коломна, 1999. – 195 с.

[11]. Гревцов, Ю.И. Прямое действие Конституции? [Текст] / Ю.И. Гревцов // «Журнал российского права». – 1998. – №6. – С. 96-99.

[12]. Капицын, В.М. Права человека и механизмы их защиты [Текст] / В.М. Капицын. – М., 1998. – 140 с.

[13]. Кашепов, В.П. Институт судебной защиты прав и свобод граждан и средства ее реализации / [Текст] // Государство и право. – 1998. – № 2. – С. 11-14.

[14]. Малеин, Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность [Текст] / Н.С. Малеин. – М.: Юрид, лит., 1985. – 192 с.

[15]. Миронов, О.О. У нас защита прав человека существует на деле (интервью). [Текст] / О.О. Миронов // Московский журнал международного права. – 1998. – № (1) – С. 43-50.

[16]. Право на судебную защиту: понятие и сущность [Текст] / М.Г. Кательников // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2006. – № 13 (68). – С. 247-252.

[17]. Райкова, Н.С. Сущность конституционного судопроизводства [Текст] / Н.С. Райкова // Актуальные вопросы конституционного правосудия (по материалам "Журнала конституционного правосудия"). – М.: Волтерс Клувер. – 2011. – С. 385-403.

[18]. Стремоухов, А.В. Правовая защита человека [Текст]: монография / А.В. Стремоухов. – С.-Пб.: Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2007. – 324 с.

[19]. Тихомиров, Ю.А. Теоретические основы советской конституции [Текст] / Отв. ред.: Б.Н.Топорнин. – М.: Наука, 1981. – 207 с.

[20]. Самощенко, И.С. Непосредственное действие Конституции [Текст] / И.С. Самощенко // «Советское государство и право». – 1981. – №3. – С. 32-34.

[21]. Топорнин, Б. Суд и разделение властей [Текст] / Б. Топорнин // Вестник Верховного Суда СССР. – 1991. – №6. – С. 26-28.

[22]. Попов, З.В. Охрана и защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации [Текст]: автореф. дис. … канд. юрид. наук: (специальность 12.00.02 «Конституционное право; муниципальное право») / Попов Захар Владимирович – [Челябинский государственный университет]. – Челябинск, 2004. – 30 с.

[23]. Цихоцкий, А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам [Текст] / А.В. Цихоцкий. – Новосибирск: Наука, 1997. – 392 с.

[24]. Сомонаи интернетӣ[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tg.wikipedia.org (дата обращения: 01.05.2024).

УДК: 37:004.8:34

ҶАНБАҲОИ ПЕДАГОГӢ-ҲУҚУҚИИ ИСТИФОДАИ ЗЕҲНИ СУНЪӢ ДАР ШАРОИТИ РАҚАМИКУНОНӢ

ДАВЛАТЗОДА РАҲМАТУЛЛО ҶУРАБЕК
Донишгоҳи байналмилалии сайёҳӣ ва соҳибкории Тоҷикистон,
номзади илмҳои педагогӣ, дотсенти кафедраи технологияҳои иттилоотӣ.
Тел.: 555 552 577; E-mail: davlatov_r@mail.ru

Дар мақола масъалаҳои умумии зеҳни сунъӣ (ЗС), андешаи муҳаққон мавриди таҳқиқ қарор гирифта, аввалан ҷанбаҳои педагогии ЗС дар шароити рақамикунонӣ ва дар баъдан ҷанбаҳои ҳуқуқии он таҳқиқ гардидаанд. Дар доираи масъалаҳои омӯхташуда, Амсилаи маҷмӯии ҷанбаҳои педагогӣ-ҳуқуқии ЗС дар маориф таҳия гардидааст. Зикр гардидааст, ки амсилаи пешниҳодшуда нишон медиҳад, ки рақамикунонии маориф набояд танҳо бо хариди технология маҳдуд шавад. Ҳамгироии педагогика ва ҳуқуқ имкон медиҳад, ки ЗС ҳамчун шарики бехатар ва одилонаи инсон дар раванди ташаккули насли оянда хизмат кунад.

Калидвожаҳо: зеҳни сунъӣ, рақамикунонӣ, низоми ҳуқуқӣ, педагогика, технологияҳои иттилоотию коммуникатсионӣ.

ПЕДАГОГИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

ДАВЛАТЗОДА РАҲМАТУЛЛО ДЖУРАБЕК
Международный университет туризма и предпринимательства Таджикистана,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационных технологий.
Тел.: 555 552 577; E-mail: davlatov_r@mail.ru

В статье рассматриваются общие вопросы искусственного интеллекта (ИИ), а также анализируются взгляды исследователей. В первую очередь исследуются педагогические аспекты ИИ в условиях цифровизации, а затем — его правовые аспекты. В рамках проведённого исследования разработана комплексная модель педагогико-правовых аспектов ИИ в сфере образования. Отмечается, что предложенная модель показывает, что цифровизация образования не должна ограничиваться лишь приобретением технологий. Интеграция педагогики и права позволяет рассматривать ИИ как безопасного и справедливого партнёра человека в процессе формирования будущего поколения.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровизация, правовая система, педагогика, информационно-коммуникационные технологии.

PEDAGOGICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

DAVLATZODA RAHMATULLO JURABEK
International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Information Technologies. Tel.: 555 552 577; E-mail: davlatov_r@mail.ru

The article examines the general issues of artificial intelligence (AI), the views of researchers, first examining the pedagogical aspects of AI in the context of digitalization, and then its legal aspects. Within the framework of the issues studied, a comprehensive model of

pedagogical and legal aspects of AI in education has been developed. It is noted that the proposed model shows that the digitalization of education should not be limited to the purchase of technology alone. The integration of pedagogy and law allows AI to serve as a safe and fair partner for man in the process of forming the next generation.

Keywords: artificial intelligence, digitalization, legal system, pedagogy, information and communication technologies.

Рақамикунонӣ дар замони муосир яке аз омилҳои асосии пешрафти ҷомеа ба ҳисоб рафта, дар робита ба таъмини аҳолӣ бо технологияҳои иттилоотию коммуникатсионӣ (ТИК) он ба фазои нави таъминкунандаи рушд мубаддал гардидааст.

Марҳилаи аввали истифодаи компютерҳо дар таърихи пайдоиши худ, бештар ба ҳалли масъалаҳои стандартии инсоният равона гардида буд. Марҳилаҳои баъдӣ дар робита ба амиқтар ворид гардидани воситаҳои ТИК ба тамоми соҳаҳои ҷамъият хусусиятҳои навро ба худ касб намуд. Яъне, он на танҳо ҳамчун воситаи коркарди иттилоот, балкӣ, акнун он дар баробари коркард ҳамзамон омӯзиши маълумотҳоро низ ба худ касб намуд. Бинобар ин, дар мақолаи мазкур истифодаи зеҳни сунъӣ (ЗС) дар шароити рақамикунонӣ ва муаяйн намудани ҷанбаҳои педагогӣ-ҳуқуқии он мавриди баррасӣ қарор хоҳанд гирифт.

Мафҳуми зеҳни сунъӣ, таърифи ягона надошта, он ба таври гуногун аз тарафи муҳаққиқон шарҳ ва тавсиф гардидааст.

Зеҳни сунъӣ истилоҳест, ки барои тавсифи барномаҳои компютерие истифода мешавад, ки метавонанд мустақилона «фикр кунанд» ва ё омӯзиш намоянд. Ё бо суханони Демис Ҳассабис, муассис ва мудири ширкати зеҳни сунъии DeepMind: «Зеҳни сунъӣ – ин илмест, ки чи гуна доно намудани мошинҳоро меомӯзад». Яке аз машҳуртарин иқтисоби ӯ ин аст: *«Он чизе ки мо зеҳни сунъӣ меомӯзем, арзишҳои худро ошкор мекунад*» («What we teach AI reveals our own values»)[5].

Ба андешаи Рассел С. ва Норвиг П. «Зеҳни сунъӣ (ЗС, аз калимаи англисии artificial intelligence; AI), ки бо ин ном ё ҳуши маснуӣ низ маълум аст, дар маънои васеъаш маҷмӯи абзорҳое мебошад, ки имкон медиҳанд, ки ҳалли масъалаҳое, ки бо зеҳни инсонӣ қобили муқоисаанд (ба монанди дарк, омӯзиш, тафаккур, ҳалли масъалаҳо ва қабули қарор) ва аз ҷониби мошинҳо, бахусус системаҳои компютерӣ, амалӣ карда шаванд.»[9].

Ба маънои васеъ, «Зеҳни сунъӣ» инчунин, омӯзиши назариявӣ ва таҳияи алгоритмҳо ва барномаҳои компютериро тавсиф мекунад, ки дар раванди омӯзиш ва гирифтани таҷриба худро такмил медиҳад. Дар илмҳои иттилоотӣ, ЗС ба компютерҳое дахл дорад, ки вазифаҳоеро, ки одатан онҳоро танҳо одамон иҷро мекунанд, иҷро карда метавонанд фаҳмида мешавад.

Масъалаҳои гуногуни ЗС ва рақамикунонӣ дар таҳқиқотҳои илмии мо [2,3,4] ва дигар олимон ниҳояд зиёд мавриди таҳқиқ қарор гирифтаанд.

Чи тавре аллакай муҳақиқон зикр намудаанд ЗС ин маҷмӯи барномаҳо ва абзорҳое мебошад, ки қиёсан ба ақли инсони монанд аст. Компютеркунонӣ ба марҳилаи асосӣ табдил ёфт, ҷои онро рақамикунонӣ гирифт, ки истифодаи васеи маълумотро авлавият медиҳад.

ЗС дар раванди фаъолияти таълим низ метавонад самаранок истифода гардида, то андозае ба баланд гардидани сифати азхудкунии таҳсилот таъсири худро расонад.

Таҳқиқот дар ин мавзӯъ гуногунранг аст ва фарқиятҳои байни ин ду истилоҳро таъкид мекунад. Масалан, хусусиятҳои *рақамикунонӣ* ворид кардани технология ба раванди таълим, истифодаи таълими фосилавӣ ва онлайнӣ, ҷорӣ кардани абзорҳое, ки барои мониторинги таълимӣ равона шудаанд ва *истифодаи зеҳни сунъӣ* мебошанд. Истифодаи маълумоти калон инчунин имкони содда кардан ва беҳтар кардани сифатро фароҳам меорад, ки дар ниҳоят равишҳои таълимиро беҳтар мекунад [1, с. 26].

Яке аз мушкилоти муҳимтарини марбут ба ворид кардани ЗС ба маориф таъмини ҳифзи маълумоти шахсии донишҷӯён мебошад. Технологияҳои муосири зеҳни сунъӣ

ҷамъоварӣ ва таҳлили миқдори зиёди маълумотро, аз ҷумла маълумот дар бораи фаъолияти таълимӣ, тарзҳои рафтор, манфиатҳо ва ҳатто нишондиҳандаҳои биометриро талаб мекунанд. Чунин маълумот як захираи арзишманд аст, аммо истифодаи он бо хатарҳои ҷиддӣ, ба монанди ихроҷи иттилоот, дастрасии беиҷозат ва истифодаи нодурусти маълумот алоқаманд аст [1, с. 27].

Аз нуқтаи назари илмӣ дар шароити истифодаи ЗС, нақши анъанавии омӯзгор ҳамчун «манбаи асосии дониш» ба фоидаи технологияи нав тағйир меёбад, ки онро дар ҷадвали зерин чунин тавсиф менамоем:

Ментор ва фасилитатор:	*Омӯзгор дар аксари ҳолатҳо ба роҳнамоӣ, ҳавасмандкунӣ ва рушди малакаҳои муоширатии донишҷӯён машғул мешавад.*
Дизайнери муҳити таълимӣ:	*Таҳияи сенарияҳои дарс, ки дар онҳо технологияҳои рақамӣ ва мубоҳисаҳои инсонӣ ба ҳам пайвастаанд.*
Таҳлилгар:	*Истифодаи маълумоте (Data), ки ЗС дар бораи пешрафти донишҷӯён ҷамъоварӣ кардааст, барои ислоҳи саривақтии раванди таълим.*

Ментор (Мураббӣ) – мутахассиси ботаҷриба дар соҳаи мушаххас аст, ки дониш ва таҷрибаи худро бо шахси камтаҷриба (мураббӣ) мубодила мекунад, то ба онҳо дар расидан ба ҳадафҳояшон ва суръат бахшидан ба рушди шахсӣ ва касбии онҳо кумак кунад.

Фасилитатор – мутахассисест, ки раванди муҳокимаро дар ҷаласа ё конфронс идора мекунад, то боварӣ ҳосил кунад, ки гурӯҳ ба натиҷаи мушаххас ноил мегардад.

Истифодаи ЗС дар раванди таълим ба имкониятҳои технологӣ ва методологӣ муосидат менамояд, ки дар ин раванд табдили рақамии педагогика тавассути воситаҳои зерин сурат мегирад (Нигаред ба ҷадвали 1.).

Ҷадвали 1. Воситаҳои табдили рақамии педагогӣ

Технология	Истифодаи усулҳои педагогӣ	Натиҷа
Чат-ботҳо (LLMs)	Мунтазам машваратдиҳӣ дар давоми ҳафта, новобаста аз рӯз	Имконияти дастрасии доимӣ ба кӯмак
Системаҳои ташхисӣ	Санҷиши худкори корҳои хаттӣ	Баҳогузории беғаразона ва фаврӣ
Воқеияти виртуалӣ (маҷозӣ) (VR/AR)	Амсиласозии лабораторияҳои виртуалӣ (маҷозӣ)	Таҷрибаомӯзии бехатар ва ҷолиб

Аммо, мутаассифона дар баробари ба назар расидани таъсири мусбии ЗС, инчунин, омилҳои манфии он низ бояд ба инобат гирифта шавад. Дар ҷараёни татбиқи он дар донишҷӯён метавонад *мушкилоти ахлоқӣ* ва *педагогӣ* ба вуҷуд оянд, ки онро дар ҷадвали 2. нишон медиҳем.

Ҷадвали 2. Мушкилоти ахлоқӣ ва педагогӣ дар раванди истифодаи ЗС

Паст шудани тафаккури интиқодӣ	Агар донишҷӯён барои иҷрои ҳама супоришҳо аз ЗС (масалан, ChatGPT, Gemini) истифода баранд, қобилияти мустақилона фикрронӣ кардани онҳо заиф мегардад.
Масъалаи ахлоқӣ (Ethics)	Ҳифзи маълумоти шахсии донишҷӯён ва пешгирии «асардуздӣ» (plagiarism)-и рақамӣ.
Нобаробарии рақамӣ	На ҳама муассисаҳо ва донишҷӯён дастрасии баробар ба технологияҳои ЗС арзишашон баландро доранд.

Дар баробари рушди босуръати технологияҳои ЗС таҳияи ***меъёрҳои ҳуқуқӣ*** муҳим арзёбӣ мегардад. Дар замони муосир он тавонистааст ба таркиби аксари соҳаҳои муҳим ба монанди молия, тиб, нақлиёт ва ғ. ворид гардида, қарорҳои мустақил қабул мекунад. Аз ин рӯ таъмини *муносибати ҳуқуқии инсон* ва *мошин* метавонад ин низомро ба танзим дарорад. Яке аз баҳсҳои калонтарин дар соҳаи ҳуқуқшиносӣ ин муайян

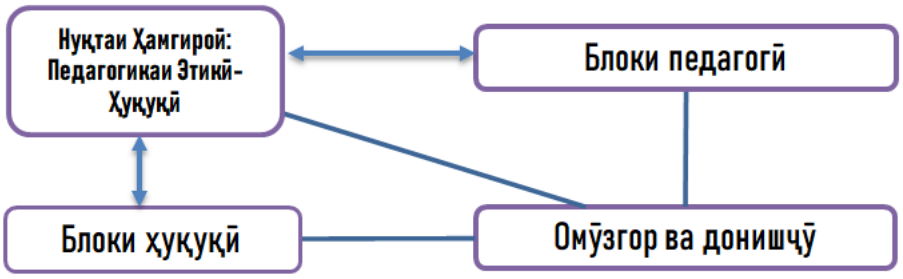
намудани мақоми ЗС мебошад. Оё ЗС танҳо як *«асбоб»* (объекти ҳуқуқ) аст ё метавонад ҳамчун *«шахси электронӣ»* (субъекти ҳуқуқ) бошад?

Айни замон аксари *низомҳои ҳуқуқӣ* ЗС-ро ҳамчун объект, ба мисли нармафзор ё моликият мешиносанд. Аммо, баъзе коршиносон пешниҳод мекунанд, ки ба ЗС-и мустақил мақоми махсуси ҳуқуқӣ дода шавад, то он тавонад барои амалҳои худ масъулият дошта бошад (масалан, тавассути фонди суғурта).

Ҳолатҳое ба вуҷуд меоянд, ки масалан, дар садамаи нақлиёти ё ташхиси тиббӣ баъзе вақт алгоритми ЗС ба хатогӣ роҳ медиҳад, дар ин сурат кӣ бояд ҷавоб диҳад, истеҳсолкунанда/барномасоз, истифодабаранда ё ЗС? Дар шароити муосир дар муҳити ҳуқуқи принсипи «Масъулияти қатъӣ» (Strict Liability) бештар баррасӣ мешавад, ки тибқи он соҳиби технология барои зарари расида, новобаста аз мавҷудияти гуноҳ, масъул ҳисобида мешавад.

ЗС мунтазам ба омӯзиши ҳаҷми бузурги маълумотҳо ниёз дорад, ки он метавонад боиси хатарҳои зерин гардад, яъне, ҷамъоварии ғайриқонунии маълумот (истифодаи маълумоти шахсӣ бидуни ризояти возеҳ) ва Де-анонимизатсия (ЗС метавонад маълумоти беномро таҳлил карда, шахсияти одамонро муайян кунад).

Дар асоси таҳқиқи маълумотҳои илмӣ амсилаи маҷмӯии ҷанбаҳои педагогӣ-ҳуқуқии ЗС дар маорифро таҳия менамоем, ки он аз се блок иборат буда, дар маркази он инсон (омӯзгор ва шогирд) қарор мегирад.



Расми 1. Амсилаи маҷмӯии ҷанбаҳои педагогӣ-ҳуқуқии ЗС дар маориф

Дар блоки педагогӣ: сохтори таълимӣ (*Фардикунонии таълим*: истифодаи алгоритмҳо барои мутобиқ кардани суръат ва мундариҷаи дарс ба ниёзҳои донишҷӯён, трансформатсияи нақши омӯзгор: гузариш аз «маърузачӣ» ба «ментор ва дизайнери муҳити рақамӣ», рушди тафаккури интиқодӣ: педагогика бояд донишҷӯро омӯзонад, ки натиҷаҳои ЗС-ро таҳлил кунад, на ин ки кӯр-кӯрона қабул намояд.)

Дар блоки ҳуқуқӣ: чаҳорчӯбаи меъёрӣ (*Махфияти маълумот (Data Privacy)*: танзими ҳуқуқии ҷамъоварӣ ва коркарди маълумоти шахсии донишҷӯён дар платформаҳои ЗС, масъулият барои хатогӣ: муайян кардани он, ки ҳангоми баҳои нодуруст ё ташхиси нодурусти ЗС кӣ (муассиса, барномасоз ё омӯзгор) ҷавобгар аст, ҳуқуқи муаллифи рақамӣ: танзими ҳуқуқии корҳои хаттӣ ва эҷодие, ки бо кӯмаки ЗС иҷро шудаанд (мубориза бо асардуздии интеллектуалӣ).

Дар нуқтаи ҳамгироӣ: педагогикаи этикӣ-ҳуқуқӣ (шаффофияти баҳогузорӣ, академикӣ будани кор, дастрасии баробар). Нигаред ба ҷадвали 3.

Ҷадвали 3. Нуқтаи ҳамгироӣ: педагогикаи этикӣ-ҳуқуқӣ

Нуқтаи пайвастшавӣ	**Ҷанбаи Педагогӣ**	**Ҷанбаи Ҳуқуқӣ**
Шаффофияти баҳогузорӣ	*Хонанда бояд фаҳмад, ки чаро ЗС ба ӯ ин баҳоро дод.*	*Ҳуқуқи инсон ба гирифтани шарҳи қарори алгоритмӣ (Right to explanation).*
Академикӣ будани кор	*Омӯзонидани одоби истифодаи манбаъҳои рақамӣ.*	*Қонунгузорӣ дар бораи плагиат ва истифодаи иҷозатдодашудаи ЗС.*
Дастрасии баробар	*Таъмини имкониятҳои баробар барои ҳамаи*	*Кафолати давлатӣ барои пешгирии нобаробарии рақамӣ (Digital divide).*

	хонандагон.	

Барои он ки амсилаи таҳиягардида дар амал кор кунад, барои он се зинаи татбиқшаванда зарур аст:

1. Сатҳи давлатӣ: *Қабули стандартҳои ҳуқуқии доир ба ЗС*
2. Сатҳи муассиса: *Таҳияи низомномаҳои дохилӣ оид ба одоби истифодаи чат-ботҳо ва воситаҳои ЗС дар раванди таълим дарсҳо.*
3. Сатҳи инфиродӣ: *Баланд бардоштани фарҳанг ва саводнокии рақамии омӯзгорон (ҳам аз ҷиҳати техникӣ ва ҳам аз ҷиҳати ҳуқуқӣ).*

Хулоса, ҷанбаҳои педагогии истифодаи ЗС нишон медиҳанд, ки мо дар остонаи гузариш ба «Педагогикаи интеллектуалӣ» қарор дорем. ЗС наметавонад ҷанбаи эмотсионалӣ ва тарбиявии муошират омӯзгору шогирдро иваз кунад, аммо он метавонад раванди таълимро самаранокtар, ҷолибтар ва фардӣ гардонад. Муваффақияти рақамикунонӣ на аз худи технология, балки аз омодагии педагогҳо барои истифодаи бошуурона ва созандаи ин воситаҳо вобаста аст.

Ҷанбаҳои ҳуқуқии истифодаи ЗС дар шароити рақамикунонӣ тақозо мекунанд, ки қонунгузорӣ аз модели *«пайравӣ»* ба амсилаи «пешгирикунанда» гузарад. Барои Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки дар масири рақамикунонӣ қарор дорад, таҳияи этикаи миллии зеҳни сунъӣ ва такмили Кодекси шаҳрвандӣ барои танзими масъулияти роботҳо ва алгоритмҳо қадами муҳим мебошад.

Амсилаи пешниҳодшуда нишон медиҳад, ки рақамикунонии маориф набояд танҳо бо хариди технология маҳдуд шавад. Ҳамгироии педагогика ва ҳуқуқ имкон медиҳад, ки ЗС ҳамчун шарики бехатар ва одилонаи инсон дар раванди ташаккули насли оянда хизмат кунад.

АДАБИЁТ

1. Анюшенкова О. Н. Правовые аспекты использования искусственного интеллекта в образовании // МНКО. 2025. №2 (111). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-obrazovanii (дата обращения: 28.02.2026).

2. Давлатзода, Р.Ҷ. Зеҳни сунъӣ ва марҳилаҳои рушди он: рушди олии технологияҳои иттилоотию коммуникатсионӣ. Нақши зеҳни сунъӣ дар тақвияти зеҳни касбии мутахассисони ба бозори меҳнат рақобатпазири соҳаи таҳсилоти олӣ (бахшида ба солҳои 2025-2030 – рушди иқтисоди рақамӣ ва инноватсия) / Маводи конференсияи илмӣ-амалии ҷумҳуриявӣ (Донишгоҳи технологии Тоҷикистон, 21 феврали соли 2025). Душанбе. С. 190-193

3. Давлатзода, Р.Ҷ. Рақамикунонӣ ва заминаҳои асосии таъмини он дар шароити ҷаҳонишавӣ[Матн]/ Р.Ҷ. Давлатзода, Р.Р. Ҷалилов // Паёми Донишгоҳи давлатии тиҷорати Тоҷикистон (маҷалаи илмӣ). №1(56)/2025. Душанбе. 2025. - С. 146-154

4. Давлатов, Р.Ҷ. Технологияҳои иттилоотию коммуникатсионӣ – заминаи асосии иқтисодиёти рақамӣ [Матн]/ Р.Ҷ. Давлатов, С. Расулов// Паёми Пажӯишгоҳи рушди маориф, №3 (35), 2021, Матбааи «Хирадмандон», Душанбе, – С. 190-194

5. Демис Хассабис. Генеральный директор и соучредитель Google DeepMind. Пионер искусственного интеллекта и лауреат Нобелевской премии. [Интернет ресурс] URL: https://aiomnitech.com/demis-hassabis/ (Дата обрашения: 06.03.2026)

6. Иванов, А. П. Педагогика в эпоху искусственного интеллекта: новые вызовы и решения // Педагогика и психология образования. – 2023. – № 2. – С. 45-58.

7. Морхат, П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. – М.: Буки Веди, 2017. – 257 с.

8. Понкин, И. В., Редькина, А. А. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2018. – № 2. – С. 91-109.

9. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход = Artificial Intelligence: a Modern Approach / Пер. с англ. и ред. А. В. Слепцова. — 4-е изд. — СПб.: Диалектика, 2021. — Т. 1—3. — 500 экз. — ISBN 978-5-907365-24-7.

10. Роберт, И. В. Теория и методика информатизации образования. – Москва: БИНОМ, 2014. – 398 с.
11. Тимченко В. В. Стандартизация этических аспектов применения искусственного интеллекта в образовании // Дополнительное профессиональное образование в стране и мире, №4, 2023, сс. 8-12, 29-31.
12. Харитонова, Ю. С. Правовой статус искусственного интеллекта: проблемы и перспективы // Журнал российского права. – 2019. – № 6. – С. 15-22.
13. UNESCO. Artificial Intelligence in Education: Challenges and Opportunities for Sustainable Development. – Paris, 2019. – 46 p.

УДК: 347:004

СОВРЕМЕННЫЕ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ВВЕДЕНИЯ, ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ЦИФРОВЫХ ПРАВ В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ

АМОНОВ ЗАВКИДДИН АМИНОВИЧ
Бухарский государственный университет, доцент, кандидат юридических наук.
Тел.: (+998) 91 419 77 55

В данной статье анализируются современные цивилистические теории, касающиеся введения цифровых прав в гражданский оборот, их осуществления и защиты. Раскрываются правовая природа цифровых прав, их место в системе объектов гражданского права, а также особенности их применения в гражданском обороте. Кроме того, выдвигаются значимые предложения относительно способов их защиты, совершенствования действующего законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: цифровые права, гражданский оборот, правовая природа, осуществление, защита, цивилистические теории, совершенствование законодательства.

НАЗАРИЯҲОИ МУОСИРИ СИВИЛИСТӢ ОИД БА ВОРИД НАМУДАН, АМАЛӢ НАМУДАН ВА ҲИМОЯИ ҲУҚУҚҲОИ РАҚАМӢ ДАР ГАРДИШИ ГРАЖДАНӢ

АМОНОВ ЗАВКИДДИН АМИНОВИЧ
Донишгоҳи давлатии Бухоро, дотсент, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ.
Тел.: (+998) 91 419 77 55

Дар мақолаи мазкур назарияҳои муосири сивилистӣ вобаста ба ворид намудани ҳуқуқҳои рақамӣ ба гардиши гражданӣ, амалисозӣ ва ҳимояи онҳо таҳлил карда мешаванд. Табиати ҳуқуқии ҳуқуқҳои рақамӣ, ҷойгоҳи онҳо дар низоми объектҳои ҳуқуқи гражданӣ ва инчунин хусусиятҳои татбиқи онҳо дар гардиши гражданӣ ошкор карда мешаванд. Ҳамчунин, пешниҳодҳои муҳим оид ба усулҳои ҳимояи онҳо, такмили қонунгузории амалкунанда ва таҷрибаи ҳуқуқтатбиқкунӣ пешниҳод мегарданд.

Калидвожаҳо: ҳуқуқҳои рақамӣ, гардиши гражданӣ, табиати ҳуқуқӣ, амалисозӣ, ҳимоя, назарияҳои сивилистӣ, такмили қонунгузорӣ.

MODERN CIVIL LAW THEORIES OF INTRODUCTION, EXERCISE AND PROTECTION OF DIGITAL RIGHTS IN CIVIL TURNOVER

AMONOV ZAVKIDDIN AMINOVICH
Bukhara State University, Associate Professor, Candidate of Legal Sciences.
Tel.: (+998) 91 419 77 55

This article analyzes modern civil law theories related to the introduction of digital rights into civil turnover, their exercise, and protection. It reveals the legal nature of digital rights, their place in the system of objects of civil law, as well as the specifics of their application in civil turnover. In addition, significant proposals are put forward regarding methods of their protection, improvement of current legislation, and law enforcement practice.

Keywords: digital rights, civil turnover, legal nature, exercise, protection, civil law theories, improvement of legislation.

Введение

В настоящее время уже невозможно представить нашу жизнь без цифровизации и цифровых технологий. Если первоначально такие технологии входили в повседневную жизнь в виде различных кодов доступа и паролей, то сегодня они получили законодательное выражение в форме «цифровых прав», а связанные с ними отношения достигли уровня самостоятельного правового регулирования. Оценка перспектив цифровизации и степени её воздействия на жизнь человека показывает, что возможности точного прогнозирования в этой сфере остаются ограниченными. Произведения писателей-фантастов XVIII–XIX веков, некогда воспринимавшиеся как плод воображения, в наши дни всё более подтверждаются реальностью. Более того, «цифровой мир» постепенно вытесняет привычную человеку действительность, вследствие чего появление в будущем цифрового языка, цифрового мышления, цифровых идей, цифрового человека и иных «цифровых» явлений становится лишь вопросом времени. В условиях такой актуальности особый научно-практический интерес вызывает вопрос о цифровых правах как об объекте гражданского права, в частности как об объекте имущественных прав, а также их участие в гражданском обороте.

Принятие Постановления Президента Республики Узбекистан от 30 ноября 2023 года № ПП-381 «О мерах по защите прав потребителей цифровых продуктов (услуг) и усилению борьбы с правонарушениями, совершаемыми посредством цифровых технологий» привело к признанию на законодательном уровне нового объекта гражданских прав — «цифровых прав».

Основная часть

Следует отметить, что понятие «цифровое право» до настоящего времени не получило полного и завершённого выражения в национальном законодательстве. На практике термин «цифровое право» широко используется учёными-правоведами [1] и специалистами-практиками, однако приведение данного понятия к формату (форме), воспринимаемому языком законодательства, по-прежнему вызывает множество вопросов. Вместе с тем научным сообществом уже выработаны различные подходы к пониманию сущности «цифрового права» и выдвинут ряд соответствующих предложений. Так, по утверждению Н.Ф. Имомова, «цифровыми правами признаются обязательственные и иные права, которые обозначены в законе в качестве цифровых прав, а содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающими признакам, предусмотренным законом» [2, с. 444]. По мнению А.Н. Якубова, «цифровой (виртуальный) актив охватывает виртуальное имущество, цифровое имущество, а также все объекты, не связанные с имуществом или вообще с объектами гражданских прав, но существующие в цифровой форме» [3, с. 25]. К.М. Мехмонов обращает внимание на вопрос правового режима цифровых прав и подчёркивает, что он близок к режиму ценных бумаг [4, с. 51].

А.А. Сарабеков рассматривает цифровые права в рамках регулирования цифровой экономики и выдвигает следующее суждение: «цифровая экономика — это система экономических, социальных и правовых отношений, основанная на использовании цифровых информационных технологий, обеспечивающих создание, обработку, хранение, передачу и использование данных в цифровой форме для производства товаров, оказания услуг и осуществления иной экономической деятельности» [5, с. 15].

По утверждению М.-А.П. Турдиалиева, «под цифровым правом понимается совокупность правовых норм и институтов, регулирующих различные отношения, связанные с внедрением и использованием цифровых технологий, однако данные нормы не объединены единым методом правового регулирования и относятся к различным отраслям права» [6].

По нашему мнению, для понимания сущности цифровых прав прежде всего важное значение имеют их цель и функции, а также объём полномочий, которые они предоставляют своему обладателю. В этой связи необходимо обратить внимание на то, что цифровое право, прежде всего, должно предоставлять своему носителю определённый интерес и правомочие требовать от иных лиц не нарушать данный интерес. В то же время, если исходить из того, что цифровые права формируются посредством сети Интернет [7, с. 15], их также можно интерпретировать как «права в отношении интернет-вещей» [8, с. 22].

Прежде всего, внимание привлекает такой аспект, как строгая зависимость от правил информационной системы. В этом смысле в качестве цифровых прав, в первую очередь, могут признаваться права, созданные в рамках определённой инвестиционной платформы и существующие исключительно в цифровой среде (возникшие, переданные другому лицу, прекращённые и т.д.).

Цифровые права определяются как «обязательственные и иные права, именуемые в законе цифровыми правами, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающими требованиям закона». Из этого следует, что посредством информационной системы имущественные права могут выражаться в электронной форме в виде определённого кода или иных обозначений. Поскольку имущественные права по своей правовой природе являются разнородными, не представляется целесообразным выделять цифровые права в самостоятельную категорию объектов гражданских прав. В подобной ситуации уместно подчеркнуть, что речь идёт не о возникновении нового вида имущественных прав, а об их фиксации в цифровой форме.

Согласно статье 81 Гражданского кодекса, цифровые права входят в состав имущественных прав. Это, во-первых, порождает вероятность смешения правовых режимов имущественных и цифровых прав, а во-вторых, вызывает проблему их разграничения по основным признакам. Законодателем пока не проведена достаточная работа по чёткому определению индивидуальных свойств и специфических особенностей цифровых прав. Вместе с тем закрепление цифровых прав в законодательстве свидетельствует о том, что процесс цифровизации гражданского оборота уже происходит.

Кроме того, пока ещё преждевременно утверждать, что в цифровом пространстве возникли абсолютно новые виды сделок. К такому выводу можно будет прийти лишь в том случае, если действия, совершаемые исключительно в цифровой форме, будут признаны юридическим фактом, влекущим возникновение, изменение или прекращение права.

Исходя из содержания статьи 81 Гражданского кодекса, можно сделать вывод, что обязательственные и иные права, которые прямо именуются в законе цифровыми правами, функционируют на основе правил информационной системы и проявляются как самостоятельные права, могут рассматриваться в качестве цифровых прав по отношению к обязательственным и иным имущественным правам. Если бы речь шла лишь о цифровом способе фиксации таких прав, подобное толкование можно было бы сравнительно легко устранить. Однако сам способ закрепления прав в цифровой системе порождает новые проблемы, связанные с защитой интересов пользователей.

В анализируемых новеллах не раскрыты технологические особенности информационной системы, а также не определены основные принципы защиты прав и законных интересов пользователей такой системы. Это создаёт риск увеличения числа

различных злоупотреблений со стороны участников рынка. Наряду с этим открытым остаётся и вопрос о том, кто именно должен осуществлять контроль за функционированием системы. Нетрудно представить, к каким последствиям могут привести ошибки в управлении, технические сбои либо полное отсутствие контроля. Именно поэтому данная сфера нуждается в чётком и детальном правовом регулировании применительно к конкретным видам прав.

Наиболее важным является необходимость дать ясный ответ на вопрос о том, является ли цифровое право самостоятельным объектом гражданских прав либо представляет собой лишь форму выражения имущественных прав. В данном случае говорить о самостоятельности затруднительно, поскольку цифровое право по своей сущности есть не что иное, как цифровое оформление любого уже известного нам права. Например, если право собственности зафиксировано в определённой информационной системе, это само по себе не влияет на правомочия собственника владеть соответствующей вещью, пользоваться ею и распоряжаться ею. Действия, связанные с обращением к информационной системе при совершении определённых операций, например при распоряжении правом или его прекращении, не влекут существенных изменений в содержании самого права [9, с. 41].

Заключение

Следует отметить, что содержание цифровых прав и условия их осуществления определяются в соответствии с правилами информационной системы. Данное положение в определённой степени носит противоречивый характер. Дело в том, что содержание гражданских прав и порядок их осуществления, прежде всего, регулируются гражданским законодательством, а в отдельных случаях — договором. В такой ситуации информационная система выступает лишь как средство, содействующее правообладателю в реализации принадлежащего ему права. При этом использование подобных систем повышает эффективность осуществления права и снижает соответствующие издержки.

Заслуживает внимания и положение о том, что осуществление цифрового права и распоряжение им возможно исключительно в пределах информационной системы, без обращения к третьему лицу. Однако данное правило не в полной мере соответствует реальному состоянию современного технологического развития. Гражданский оборот предопределяет организационно-правовые основы функционирования информационных систем, и такими системами могут пользоваться также третьи лица. Например, в корпоративных юридических лицах учёт прав осуществляется реестродержателем, тогда как обязанным лицом выступает сама корпорация. Как правило, реестр прав ведётся в электронной форме, вследствие чего акционеру для осуществления своих прав приходится обращаться к третьему лицу. Это ещё раз свидетельствует о противоречивости формулировки, использованной законодателем.

Более того, между понятием «цифровые права» и понятием «бездокументарные ценные бумаги» существует определённое сходство. Эти две категории объединяет особый способ фиксации обязательственных и иных прав, то есть юридически значимые действия в отношении них могут совершаться при соблюдении специальных правил учёта. Исходя из содержания соответствующих определений, допускается и возможность приравнивания цифровых прав к бездокументарным ценным бумагам. Однако на законодательном уровне предпринимается попытка пойти по иному пути и выделить цифровые права в качестве самостоятельного объекта гражданских прав.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гулямов С.С., Рустамбеков И.Р. Актуальные проблемы совершенствования гражданско-правового регулирования в условиях цифровизации и углубления рыночных реформ: современное состояние гражданского законодательства государств-

участников Евразийского экономического союза и приоритеты его совершенствования. Материал I Республиканской научно-технической конференции. – Тошкент: 2022. // https://inlibrary.uz/index.php/industry_4/article/view/3566/3694

2. Oqyulov O., Yuldshaev J.I., Imomov N.F. Fuqarolik huquqiga kirish. – Toshkent: TDYuU, 2025. – 444 b.

3. Yakubov A.N. Kibermakonda raqamli mulk huquqi va uni huquqiy tartibga solish: yurid. fan. dok (DSc). dis. ... avtoref. – Toshkent: 2022. – 25 b.

4. Мехмонов К. Особенности режима цифровых прав // Журнал правовых исследований №6, 2021, стр. 51 /https://tadqiqot.uz/index.php/law/article/view/47/41

5. Sarabekov A.A. O‘zbekistonda raqamli iqtisodiyotni shakllantirish va rivojlantirishning fuqarolik-huquqiy asoslarini takomillashtirish: yurid fan. fals. dok (PhD). dis. ... avtoref. - Toshkent: 2025. - 15 b.

6. Турдиалиев М-А.П. Правовой понятия и сущности цифровое право в практике Узбекистан и Россия // Oriental Renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences (E)ISSN:2181-1784 www.oriens.uz / 3(1), Jan., 2023

7. Egamova D.T. Internetda intellektual mulk obyektlarini huquqiy muhofaza qilish masalalari: yurid. fan. fals. dok (PhD). dis. ... avtoref. – Toshkent: 2025. – 15 b.

8. Ashurova N.A. Tadbirkorlik sub'ektlari mulkiy asoslarining huquqiy rejimi: yurid. fan. dok (DSc). dis. ... avtoref. - Toshkent: 2021. - 22 b.

9. Новоселова Л., Габов А., Савельев А., Генкин А., Сарбаш С., Асосков А., Семенов А., Янковский Р., Журавлев А., Толкачев А., Камелькова А., Успенский М., Крупенин Р., Кислый В., Жужжалов М., Попов В., Аграновская М. Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. 2019. – №5. – С. 41.

УДК 342.9:343.35:004

СИЁСАТИ ҲУҚУҚИИ ЗИДДИКОРРУПСИОНӢ ВА НАҚШИ РАҚАМИКУНОНӢ ДАР ТАҲКИМИ ШАФФОФИЯТ ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

РАҲИМЗОДА РАВШАН РАҲМОН
Донишгоҳи байналмилалии сайёҳӣ ва соҳибкории Тоҷикистон, н.и.ҳ., дотсенти кафедраи ҳуқуқ. Тел: (+992) 88899988

Дар мақолаи мазкур сиёсати ҳуқуқии зиддикоррупсионӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон мавриди таҳлилу баррасӣ қарор гирифтааст. Муаллифон, зимни таҳқиқот андешаҳои олимони ватанию хориҷиро таҳлил намуда, сиёсати зиддикоррупсиониро дар Тоҷикистон баррасӣ намудаанд. Дар натиҷаи таҳқиқот, хулосабарорӣ шудааст, ки яке аз самтҳои сиёсати давлатӣ ин сиёсати ҳуқуқӣ буда, баҳри муайян намудани фаъолияти соҳаи ҳуқуқ, такмили қонунгузорӣ, таҳия ва роҳандозӣ намудани стратегия ва барномаҳои давлатӣ, дурнамои рушди фаъолияти мақомоти ҳифзи ҳуқуқ ва дигар институтҳои ҳуқуқӣ нигаронида шудааст. Дар ин миён, мубориза бо ҷиноятқорӣ мавқеи асосиро ишғол менамояд. Яке аз бахшҳои сиёсати ҳуқуқии давлатӣ сиёёсати зиддикоррупсионӣ маҳсуб гардида, баҳри пурзур намудани чораҳои муқовимат ба коррупсия равона карда шудааст. Маҳз дар натиҷаи сиёсати зиддикоррупсионии пешгирифтаи давлат метавон бо ин падидаи манфии зиддиҳуқуқӣ мубориза бурд. Бо ин назардошт, таҳлилу баррасии масъалаи мазкур дорои аҳаммияти баланди илмию амалӣ мебошад.

Дар натиҷаи таҳқиқот чунин мафҳум дода шудааст: Сиёсати ҳуқуқии зиддикоррупсионӣ ин маҷмуи донишҳои ҳуқуқи соҳавӣ, фаъолияти ҳамоҳангшудаи мақомоти давлатию сохторҳои ҷомеаи шаҳрвандӣ, низоми санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ ва маҷмуи чораҳои ҳуқуқие мебошанд, ки дорои самтҳои алоҳида буда, баҳри баланд бардоштани фарҳанги зиддикоррупсионии шаҳрвандон, такмили қонунгузори кишвар, дар умум, мубориза ба коррупсия ва коҳиш додани сатҳи ҳуқуқвайронкуниҳои коррупсионӣ равона гардидааст.

Калидвожаҳо: сиёсати ҳуқуқӣ, сиёсати зиддикоррупсионӣ, коррупсия, муқовимат ба коррупсия, қонунгузорӣ, самтҳои асосии сиёсат, чораҳои зиддикоррупсионӣ, мақсади сиёсати зиддикоррупсионӣ, сатҳи амалҳои коррупсионӣ, фарҳанги ҳуқуқӣ.

ПРАВОВАЯ АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И РОЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ В УКРЕПЛЕНИИ ПРОЗРАЧНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

РАХИМЗОДА РАВШАН РАХМОН
Международный университет туризма и предпринимательства Таджикистана, кандидат юридических наук, доцент кафедры права. Тел: (+992) 88899988

В данной статье анализируется и рассматривается правовая политика противодействия коррупции в Республике Таджикистан. В ходе исследования авторы проанализировали мнения отечественных и зарубежных ученых и обсудили антикоррупционную политику в Таджикистане. В результате исследования сделан вывод о том, что одним из направлений государственной политики является правовая политика, которая направлена на определение деятельности правовой сферы, совершенствование законодательства, разработку и реализацию государственных стратегий и программ, разработку перспектив развития правовой сферы. При этом

борьба с преступностью занимает центральное место. Одним из направлений государственной правовой политики считается антикоррупционная политика, которая направлена на усиление мер по противодействию коррупции. Именно в результате проводимой государством антикоррупционной политики становится возможным бороться с этим негативным, противоправным явлением. В связи с этим анализ и рассмотрение данного вопроса имеет большое научное и практическое значение.

В результате исследования дано следующее понятие: Антикоррупционная правовая политика — это совокупность отраслевых правовых знаний, согласованной деятельности государственных органов и структур гражданского общества, система нормативных правовых актов и комплекс правовых мер, имеющих отдельные направления и направленных на повышение антикоррупционной культуры граждан, совершенствование законодательства страны, и в целом борьба с коррупцией и снижение уровня коррупционных правонарушений.

Ключевые слова: правовая политика, антикоррупционная политика, коррупция, противодействие коррупции, законодательство, основные направления политики, меры противодействия коррупции, цель антикоррупционной политики, уровень коррупционных действия, правовая культура.

LEGAL ANTI-CORRUPTION POLICY AND THE ROLE OF DIGITALIZATION IN STRENGTHENING TRANSPARENCY IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

RAKHIMZODA RAVSHAN RAKHMON
International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan, ccandidate of Legal Sciences (PhD in Law), Associate Professor of the Department of Law.
Тел: (+992) 88899988

This article analyzes and considers the legal policy of combating corruption in the Republic of Tajikistan. During the study, the authors analyzed the opinions of domestic and foreign scientists and discussed the anti-corruption policy in Tajikistan. As a result of the study, it was concluded that one of the areas of state policy is legal policy, which is aimed at determining the activities of the legal sphere, improving legislation, developing and implementing state strategies and programs, developing prospects for the development of the legal sphere. At the same time, the fight against crime occupies a central place. One of the areas of state legal policy is anti-corruption policy, which is aimed at strengthening measures to combat corruption. It is as a result of the anti-corruption policy pursued by the state that it becomes possible to combat this negative, illegal phenomenon. In this regard, the analysis and consideration of this issue is of great scientific and practical importance.

The study resulted in the following concept: Anti-corruption legal policy is a set of industry-specific legal knowledge, coordinated activities of state bodies and civil society structures, a system of regulatory legal acts and a set of legal measures that have separate directions and are aimed at increasing the anti-corruption culture of citizens, improving the country's legislation, and in general, combating corruption and reducing the level of corruption offenses.

Keywords: legal policy, anti-corruption policy, corruption, counteraction of corruption, legislation, main directions of policy, measures to combat corruption, the goal of anti-corruption policy, the level of corruption actions, legal culture.

Асоси фаъолияти ҳар як давлатро сиёсати давлатӣ ташкил медиҳад. Маҳз дар натиҷаи сиёсати давлатӣ соҳаҳои мухталифи давлатию ҷамъиятӣ муайян ва амалӣ карда мешаванд. Яке аз самтҳои сиёсати давлатӣ ин сиёсати ҳуқуқӣ буда, баҳри муайян намудани фаъолияти соҳаи ҳуқуқ, такмили қонунгузорӣ, таҳия ва роҳандозӣ намудани стратегия ва барномаҳои давлатӣ, дурнамои рушди фаъолияти мақомоти ҳифзи ҳуқуқ

ва дигар институтҳои ҳуқуқӣ нигаронида шудааст. Дар ин миён, мубориза бо ҷиноятқорӣ мавқеи асосиро ишғол менамояд. Яке аз бахшҳои сиёсати ҳуқуқии давлатӣ сиёсати зиддикоррупсионӣ маҳсуб гардида, баҳри пурзур намудани чораҳои муқовимат ба коррупсия равона карда шудааст. Маҳз дар натиҷаи сиёсати зиддикоррупсионии пешгирифтаи давлат метавон бо ин падидаи манфии зиддиҳуқуқӣ мубориза бурд. Бо ин назардошт, таҳлилу баррасии масъалаи мазкур дорои аҳаммияти баланди илмию амалӣ мебошад.

Атрофи масъалаи муқовимат ба коррупсия ва сиёсати зиддикоррупсионӣ дар кишвар аз ҷониби олимону муҳаққиқон андешаронӣ гардидааст. Аз ҷумла, М.Р. Аҳмадзода қайд менамояд, ки айни замон мушкилоти мубориза бо коррупсия дар Ҷумҳурии Тоҷикистон хусусияти глобалӣ ва системавӣ касб намудааст. Ҳама гуна шаклҳои коррупсияи муташаккил имкон медиҳад, ки ин падида на шахсӣ, балки институтсионалӣ ҳисобида шавад. Афзоиши хатари ҷамъиятии он хусусияти глобалӣ ва фаромиллии ин падидаро тасдиқ мекунад. Яке аз хусусиятҳои асосӣ ва хоси коррупсия хусусияти систематикии он мебошад. Ин хусусият ба коррупсия ҳамчун раванде хос аст, ки дар муҳити ҷамъиятӣ мураккабтар ва худтаѓйирёбанда мегардад [3, с. 36]. Дар ин хусус бояд қайд намуд, ки падидаи коррупсия аз таърих дар тамоми кишварҳо ҷаҳонӣ вуҷуд дошт ва имрӯз ҳам ҷой дорад. Бинобар ин, мубориза ба он кори дастаҷамъонаи тамоми давлатҳои ҷаҳон ва созмонҳои байналмилалӣ ба ҳисоб меравад.

Ба андешаи С. Хурсандзода, ҳарчанд кишвар дар ин индекс соли 2015 назар ба солҳои пешин мавқеи каме хубтарро ишғол карда буд, аммо соли 2016 дар Индекси дарки коррупсияи Созмони шаффофияти байналхалқӣ Тоҷикистон боз ба раддаи солҳои пешинаи худ баргашт, ки аз бад шудани ҳолати коррупсия дар мамлакат огаҳӣ медиҳад. Сару садоҳои охир дар Тоҷикистон дар мавриди гирифтории кормандони зинаҳои болоии мақомоти махсуси зиддикоррупсионии кишвар ба амалҳои коррупсионии калонмиқёс бори дигар баҳсро дар мавриди механизми самараноки мубориза алайҳи ин масъала доғ намуд. Аз ин рӯ, зарурат пеш омадааст, ки механизмҳои муассири муқовимат бо коррупсия андешида ва амалӣ карда шаванд [13, с. 94]. Маврид ба зикр аст, ки сиёсати ҳуқуқии давлатӣ дар самти мубориза ба коррупсия бояд пурзур гардида, механизмҳои нави мувофиқ ба талаботи замон таҳия ва мавриди татбиқ қарор дода шаванд.

Бояд тазаккур дод, ки масъалаҳои марбут ба сиёсати зиддикоррупсионии давлатро омӯхта, шароити зарурии татбиқи самараноки онро муайян кардан зарур аст. Таҳлили роҳҳои татбиқи сиёсати давлатии мубориза бо коррупсия аз ҷониби мақомоти ваколатдори давлатӣ ва мақомоти ҳокимияти маҳаллӣ ба роҳ монда мешавад [4, с. 159]. Қонунгузорӣ ва самтҳои сиёсати зиддикоррупсионӣ пайваста тағйиру такмил ёфта, барои такмили ин соҳа мунтазам пешниҳодҳо манзур гардида, нақшаҳои нав қабул карда мешаванд. Аз ин рӯ, омӯзиши сиёсати зиддикоррупсионӣ ҳамеша муҳим ва мубрам ба ҳисоб меравад.

Пеш аз муайян намудан сиёсати ҳуқуқии зиддикоррупсионӣ дар кишвар, механизм ва сохтори он зарур мешуморем, ки мафҳуми илмии сиёсати ҳуқуқии зиддикоррупсиониро дақиқу равшан созем. Бояд гуфт, ки дар адабиёти ҳуқуқӣ атрофи он баҳсу мунозираҳои илмӣ ҷой дошта, ягонафикрӣ дида намешавад. Ҳамин тавр, М.Р. Аҳмадзода қайд менамояд, ки сиёсати зиддикоррупсионӣ – фаъолияти ҳамоҳангшудаи мақомоти давлатӣ ва сохторҳои ҷомеаи шаҳрвандӣ, ки ба решакан кардани коррупсия дар ҷомеа, ташаккули шуури зиддикоррупсионӣ, таҳкими волоияти қонун, гузаронидани экспертизаи зиддикоррупсионии санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ ва лоиҳаҳои онҳо нигаронида шудааст [3, с. 37]. Андешаи мазкур унсурҳо муҳимтарини сиёсати зиддикоррупсиониро ошкор намудааст.

Мафҳуми сиёсати зиддикоррупсионӣ бо мафҳумҳои «коррупсия» ва «сиёсати давлат» робитаи ногусастанӣ дорад. Нахустин истилоҳ, ки дар даҳсолаҳои охир маъруфияти зиёд пайдо кардааст, ба падидаҳои хатарноки манфии иҷтимоӣ, ки боиси

вайроншавии волоияти қонун мегардад ва тамоми институтҳои давлатиро бидуни истисно заиф месозад, мансуб аст. Коррупсия аз рӯзи пайдоиш ҳамеша ба манфиатҳои давлат ва ҷомеа зарар расонидааст ва мерасонад. Маҳз ихтилофи байни амалҳои шахси мансабдор ва манофеи давлатӣ аз аломатҳои хоси коррупсия маҳсуб мешавад. Инчунин, омили зуҳури коррупсия имкони ба даст овардани фоидаи моддӣ ва дигар фоидаҳои вобаста ба истифодаи қудрат ва хатар - эҳтимолияти фош шудан ва ҷазо гирифтан мебошад. Истилоҳи дувум, «сиёсати давлат» ё ба тариқи дигар «сиёсати давлатӣ» маҷмӯи ҳадафҳо, вазифаҳо ва барномаҳо давлатӣ мебошад, ки аз ҷониби мақомоти давлатӣ бо ҷалби институтҳои ҷомеаи шаҳрвандӣ, ки барои ҳалли мушкилоти иҷтимоӣ, ноил шудан ва амалисозии ҳадафҳои умумии рушди тамоми ҷомеа ё соҳаҳои алоҳидаи он тавассути методҳои ҳуқуқӣ, иқтисодӣ, маъмурӣ ва дигар усулҳои таъсиррасонӣ дар такя ба захираҳои мавҷуда равона шудаанд, таҳия ва татбиқ карда мешаванд [13, с. 90]. Сиёсати зиддикоррупсионӣ фаъолияти низомии мақомоти давлатӣ бо дастгирии шаҳрвандон ва иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ мебошад, ки ба ташкили низоми мубориза бо коррупсия нигаронида шудааст.

Сиёсати мубориза бо коррупсия набояд маҷмӯа, балки як низоми тадбирҳое бошад, ки бо ҳам алоқаманд ва пурракунанда бошанд. Ҳангоми татбиқи сиёсати зиддикоррупсионӣ воситаҳои тарбиявӣ, иттилоотӣ ва идеологӣ бояд фаъолона истифода шаванд, ки бояд таъсири мамнуъ ва уҳдадориҳои қонуниро тақвият бахшанд. Қобили зикр аст, ки айни замон қонунгузорӣ дар доираи сиёсати зиддикоррупсионӣ пурзӯр карда мешавад, на танҳо тарбияи ҳуқуқии ҷомеа, балки бо истифода аз соҳаи иттилоотӣ таблиғи зидди коррупсия аз ҷумла зиёд намудани назорат бо ёрии мақомоти ҳифзи ҳуқуқ дар бисёр соҳаҳои ҳаёти ҷамъият бо мақсади пешгирии коррупсия амалӣ карда мешавад [1, с. 140]. Қайд кардан зарур аст, ки ояндабинӣ дар сиёсат бояд характери амалӣ ва стратегӣ дошта бошад. Яъне, сиёсат ҳадафҳои дуру наздикро тақозо менамояд, ки ба назар гирифтани чунин самтҳо дар сиёсат ба комёбии ҷамъият ва ба рушду нумӯи давлат боис мегардад. Сиёсати зиддикоррупсионӣ бояд тавассути истифодаи меъёрҳои ҳуқуқии соҳаҳои мухталиф амалӣ карда шавад. Ѓайр аз ин, он бояд ба татбиқи василаҳои гуногуни маъмурию ҳуқуқии пешгирӣ ва рафъи коррупсия дар системаи хизмати давлатии ҶТ, инчунин рафъи сабабҳои коррупсия равона карда шавад [3, с. 39]. Тавре гуфта шуд, сиёсати зиддикоррупсионӣ як самти сиёсати ҳуқуқӣ буда, дар доираи соҳаҳои гуногуни ҳуқуқӣ амалӣ карда мешавад. Ин андеша аз он бармеояд, ки коррупсия падидаи зиддиҳуқуқӣ буда, субъекти содиркунандаи он мавриди ҷавобгарии ҳуқуқӣ қарор мегирад. Бинобар ин, омӯзиши падидаи мазкурро дар соҳаҳои ҳуқуқии ҷиноятӣ ва маъмурӣ ба таври васеъ мушоҳида кардан мумкн аст. Новобаста аз ин, коррупсияро аз нуқтаи назари сиёсатшиносӣ, сотсиология, иқтисодиёт ва психология низ мавриди омӯзиш қарор медиҳанд. Бинобар ин, сиёсати давлатии ҳуқуқӣ бояд нуқтаи назари илмҳои мазкурро низ ба инобат гирифта, дар таҳияи чораҳои зиддикоррупсионӣ истифода намояд.

Ба андешаи Ш.Қ. Ҳасанов, сиёсати зиддикоррупсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон ифодакунандаи иродаи ҳокимият дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ба ҳисоб рафта, бо мақсади паст намудани сатҳи амалҳои коррупсионӣ ва таъмини ҳуқуқ ва озодиҳои қонунии шаҳрвандон, ҷомеа ва давлат аз таҳдидҳои бо коррупсия алоқамандбуда, бо роҳҳои таъмини амалигардонии самтҳои муайян равона карда мешавад [14, с. 110]. Дар мафҳуми додашуда, ба назари мо чунин ҷиҳатҳои сисати зиддикоррупсионии давлат нишон дода шудааст: 1) сиёсати зиддикоррупсионӣ мавқеи давлатро дар муносибат ба коррупсия ба ҷомеаи ҷаҳонӣ муаррифӣ месозад; 2) сиёсати зиддикоррупсионӣ баҳри паст намудани сатҳи амалҳои коррупсионӣ нигаронида шудааст; 3) сиёсати зиддикоррупсионӣ баҳри таъмини ҳуқуқу озодиҳо ва манфиатҳои қонунии шаҳрвандон, ҷомеа ва давлат аз таҳдидҳои коррупсия равона шудааст; 4) сиёсати зиддикоррупсионӣ як ҷузъи сиёсати ҳуқуқӣ буда, дар навбати худ аз самтҳои муайян иборат мебошад.

Сиёсати зиддикоррупсионии давлат ба мубориза бар зидди коррупсия нигаронида шудааст. Мубориза ба коррупсия, дар навбати худ, аз унсурҳои зидди коррупсия ва пешгирии коррупсия иборат буда, ҷузъи ҷудонашавандаи сиёсати дохилӣ ва хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон маҳсуб меёбад, ки таҳия ва татбиқи он аз иродаи волои сиёсии роҳбарияти давлат ибтидо гирифта, самараи мубориза бо он ба иштироки фаъолонаи тамоми шохаҳои давлат ва ҷомеаи шаҳрвандӣ дар ҷараёни татбиқи он вобаста аст [13, с. 92]. Фаъолияти давлат дар соҳаи пешгирӣ ва мубориза бар зидди коррупсия (сиёсати зиддикоррупсионии давлат) дар шароити ҳозира ба самти мустақили сиёсати давлат табдил меёбад. Сиёсати зиддикорупсионӣ таҳия ва мунтазам амалисозии чорабиниҳои давлатӣ оид ба решакан кардани сабабҳо ва шароитҳоест, ки ба паҳншавии коррупсия мусоидат мекунанд.

Сиёсати зиддикоррупсионӣ аз маҷмӯи донишҳое иборат мебошад, ки дар он моҳияти воқеии коррупсия ифода гардида, самтҳои сиёсати зиддикоррупсионӣ ва асосҳои ҳуқуқии муқовимат ба онро муайян месозад [14, с. 110]. Аз маҷмӯи донишҳои ҳуқуқӣ иборат будани сиёсати зиддикоррупсионӣ ҳамчун фанни таълимии тахассусӣ, маънои онро дорад, ки мавзуъҳои мавриди омӯзиш қароргирандаи он қисми таркибии фанҳои ҳуқуқи маъмурӣ, ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминалогия, назарияи давлат ва ҳуқуқ, ҳуқуқи конститутсионӣ, ҳуқуқи байналмилалӣ ва дигар фанҳо ба ҳисоб меравад. Сиёсати зиддикоррупсионӣ дар кишвар системаи дар қонунгузорӣ муқарраргардида ва дар амал татбиқшаванда мебошад, ки се унсури ба ҳам алоқаманд ва ҳамзамон нисбатан мустақилро дар бар мегирад: пешгирии (профилактика) коррупсия; ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашидани шахсоне, ки ҷиноятҳои коррупсионӣ содир кардаанд (мубориза); кам кардан ва (ё) рафъи оқибатҳои кирдорҳои коррупсионӣ.

Консепсияи сиёсати ҳуқуқии зидди коррупсияро ҳамчун ҷузъи таркибии сиёсати давлатӣ оид ба мубориза бо коррупсия баррасӣ кардан лозим аст. Одатан, дар адабиёт сиёсати ҳуқуқии зиддикоррупсионӣ ҳамчун маҷмӯи тадбирҳои давлатӣ ва ҷамъиятӣ дар доираи асосҳои конститутсия фаҳмида мешавад, ки ба рафъи сабабҳое, ки ба пайдоиши коррупсия дар соҳаҳои гуногун мусоидат мекунанд ва ба вуҷуд меоранд, равона шудааст [11, с. 80]. Самтҳои асосии сиёсати ҳуқуқии зиддикоррупсионӣ бояд аз ҷониби давлат бо назардошти муносибати илмӣ таҳия карда шаванд. Муайян кардани бахшҳои дардноктарини коррупсия ва муайян кардани ангезаҳои коррупсия мавзуъи олимону амалдорони соҳаҳои гуногун мебошад [9, с. 156]. Аҳаммияти муайян кардани ин соҳаҳо барои тамоми давлатҳо, аз ҷумла дар давлатҳое, ки миқёси коррупсия ва таҳдиди он ва ба ҷомеа ва давлат баланд нест, возеҳу равшан мебошад.

Барои таҳияи чораҳои муассири ҳуқуқӣ оид ба мубориза бо коррупсия бояд муайян карда шавад, ки кадом унсурҳо ба сиёсати ҳуқуқии зиддикоррупсионӣ дохил мешаванд. Муҳим аст, ки меъёрҳое, ки ба ҷудо кардани ин унсурҳо мувофиқи меъёрҳои гуногун кӯмак расонанд [6, с. 96]. Сиёсати ҳуқуқии зиддикоррупсионӣ вобаста ба давомнокии чораҳои зиддикоррупсионӣ ба тадбирҳои якдафъаина ва чораҳои доимӣ, дарозмуддат тақсим мешавад. Ба андешаи Ш.Қ. Ҳасанов, муқовимат ба коррупсия аз унсурҳои мубориза бар зидди коррупсия ва пешгирии коррупсия иборат буда, қисми таркибии сиёсати дохилӣ ва хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон маҳсуб ёфта, таҳия ва амалишавии он аз иродаи сиёсии роҳбарияти олии давлат оғоз гардида, самаранокии муқовимат бо он аз иштироки фаъоли тамоми шохаҳои ҳокимияти давлатӣ ва ҷомеаи шаҳрвандӣ вобастагии зич дорад [14, с. 110]. Ба андешаи мазкур розӣ шуда, иброз медорем, ки ҳар як қишри ҷомеа дар муқовимат ба коррупсия саҳми худро метавонад гузорад, вале саҳми ҷомеаи шаҳрвандӣ, махсусан аҳолӣ нисбатан баланд мебошад. Зеро амалҳои коррупсионӣ аксаран аз шаҳрвандон сарчашма мегирад. Агар маърифати шаҳрвандию ҳуқуқии онҳо баланд бардошта шавад, тарбия ва ахлоқи шахсию ҷамъиятии онҳо такмил дода шавад, он гоҳ сатҳи коррупсия паст хоҳад шуд. Бинобар ин, дар муқовимат ба коррупсия субъектони табақаҳои поёниро низ ҷалб намудан зарур аст.

Тадбирҳои якдафъаина дар давлатҳо ва ҷомеаҳои гуногун фарқ мекунанд. Онҳо аз сатҳ ва мазмуни низоми сиёсии дар як давлати муайян мавҷудбуда, аз дараҷаи коррупсия дар кори қонунгузорӣ, самаранокии мақомоти ҳифзи ҳуқуқ ва ҳифзи ҳуқуқ вобастаанд. Муқовимат ба коррупсия - мазмуни ин ҷараён асосан аз унсурҳои мубориза бар зидди коррупсия ва пешгирии коррупсия иборат буда, қисми таркибии сиёсати дохилӣ ва хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон маҳсуб ёфта, таҳия ва амалишавии он аз иродаи олии сиёсии роҳбарияти давлат оғоз гардида, самаранокии муқовимат ба он аз иштироки фаъоли тамоми шохаҳои ҳокимияти давлатӣ ва ҷомеаи шаҳрвандӣ дар раванди амалигардии он вобастагии зич дорад [13, с. 93]. Фаҳмидани он муҳим аст, ки тадбирҳои якдафъаина хусусияти инфиродӣ доранд ва аз хусусиятҳои давлати мушаххас вобастаанд. Бо вуҷуди ин, муҳим аст, ки омӯзиши то чӣ андоза ин тадбирҳо ба мундариҷаи чорабиниҳои доимӣ, таҳияи чорабиниҳои нав ва яквақта таъсир мерасонанд, барои афзун намудани таҷрибаи татбиқи сиёсати ҳуқуқии зиддикоррупсионӣ зарур аст [2, с. 256]. Дар маҷмуъ, сиёсати зиддикоррупсионӣ ин фаъолияти аз ҷиҳати илмӣ асоснок, пайваста ва мунтазами ниҳодҳои давлатӣ ва ҷомеаи шаҳрвандӣ оид ба мубориза бо коррупсия мебошад.

Мақсади сиёсати зиддикоррупсионӣ ин муборизаи фаъолона ва доимӣ бо коррупсия, мубориза барои давлат, барои он ниҳодҳое мебошад, ки барои хидмат ба ҷомеа пешбинӣ шудаанд [10, с. 76]. Татбиқи сиёсати зиддикоррупсионӣ баҳри амалисозии мақсадҳои муайян нигаронида шудааст, ки аз самтҳои асосӣ иборат мебошад. Агар дар бораи самтҳои асосии беҳтар намудани мубориза бар зидди коррупсия дар марҳилаи ҳозира сухан ронем, пас аз инҳо иборатанд:

1) ташкил ва амалӣ намудани чорабиниҳои махсуси мақсаднок, мунтазам оид ба мубориза бо коррупсия дар сатҳи давлатӣ;

2) омӯзиши таҷрибаи байналмилалӣ ва рушди ҳамкорӣ бо давлатҳои хориҷӣ дар самти мубориза бо коррупсия, бо мақсади ҳамгироии иқтисодӣ ва мубориза бо ҷиноятҳои байналмилалии иқтисодӣ;

3) мунтазамсозии минбаъдаи танзими ҳуқуқии мубориза бо коррупсия, такмили он, таҳия ва рушди категорияҳое, ки моҳияти амалҳои коррупсиониро дар доираи қонунҳои ҷиноятӣ ва дигар соҳаҳои қонунгузорӣ тавсиф мекунанд;

4) санҷиши ҳатмии мунтазами санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ оид ба иқтидори коррупсионӣ. Баланд бардоштани маҳорати касбии кормандони мақомоти ҳифзи ҳуқуқ дар фаъолияти худ, инчунин бевосита мақомотҳои назорати фаъолияти хизматчиёни давлатӣ.

5) назорати умумии давлатӣ ва прокурорӣ ба фаъолияти мақомоти давлатӣ.

Дар адабиёти ҳуқуқӣ оид ба самтҳои сиёсати зиддикоррупсионӣ дигар андешаҳо низ ҷой дорад. Аз ҷумла, С. Хурсандзода қайд намудааст, ки таҳияи сиёсати зиддикоррупсионӣ аз муайян кардани самтҳои он бармеояд ва амалҳои зеринро дар бар мегирад: таҳияи барномаҳои зиддикоррупсионӣ; банақшагирии чорабиниҳои зиддикоррупсионӣ; пешбинӣ ва таҳлили ҳолатҳои коррупсионӣ ва тамоюлҳои рушди он; таҳияи лоиҳаҳои санадҳои махсуси зиддикоррупсионӣ; мониторинг ва татбиқи сиёсати зиддикоррупсионӣ; ҳисоботи мақомоти давлатӣ бо мақсади муайян кардани самаранокии фаъолияти зиддикоррупсионии онҳо [13, с. 94-95]. Самтҳои дар боло зикршудаи сиёсати зиддикоррупсиониро ҷамъбаст намуда, онҳоро ба шакли зер гурӯҳбандӣ кардан мумкин аст: такмили қонунгузорӣ; таҳкими принсипи тақсимоти ҳокимият; танзими сохтор ва вазифаҳои мақомоти ҳокимияти иҷроия; таҳкими ҳокимияти судӣ; такмили системаи ҳифзи ҳуқуқ; ҳамоҳангсозии фаъолиятҳои зиддикоррупсионӣ.

Барои баланд бардоштани самаранокии сиёсати зиддикоррупсионӣ танҳо таъсиси заминаи меъёрӣ кофӣ нест. Соҳаҳои ахлоқӣ, равонӣ, иқтисодӣ ва маънавии ҷомеаро ба низом даровардан лозим аст, зеро танҳо бо кӯмаки чорабиниҳои ҳуқуқӣ ва дигар тадбирҳо метавон ба ҳадди ақалл кам кардани коррупсия умед бастан мумкин аст. М.С.

Левченко қайд менамояд, ки зарурати гузаронидани корҳои пешгирисозӣ дар соҳаи ҳаёти хоҷагӣ, ташкилӣ ва иҷтимоию мадании ҷамъият аз он иборат аст, ки ба андозаи зиёд маҳз дар ҳамин соҳаҳо коррупсия ба амал меояд. Ҳамин тариқ, барои рафъи сабабҳои ҳуқуқвайронкуниҳои коррупсионӣ бояд фазои ягонаи идеологӣ таъсис дода шавад [8, с. 170]. Баланд бардоштани сатҳи маърифати ҳуқуқӣ, фароҳам овардани заминаи зарурӣ барои ташаккули масъулияти маънавии шаҳрвандон, истифодаи воситаҳои иқтисодӣ ва имкониятҳои идеологӣ яке аз усулҳои муҳимтарини расидан ба мақсад – рафъи ҳолатҳои имконпазири пайдоиши омилҳои коррупсионӣ мебошад. Бояд қайд кард: тадбирҳои зикршуда хусусияти пешгирикунанда доранд. Дар хотима бояд гуфт, ки самтҳо ва мундариҷаи сиёсати ҳуқуқии зиддикоррупсионӣ бояд дар ҳолати зарурӣ бо назардошти мониторинги доимии коррупсия дар заминаҳои гуногун: соҳавӣ, функсионалӣ ва минтақавӣ ислоҳ карда шаванд. Илова бар ин, бояд дар назар дошт, ки дар бораи моҳият ва мазмуни коррупсия донишҳои нав пайдо мешаванд.

Ҳамзамон, дар адабиёти ҳуқуқӣ ба масъалаҳои сиёсати зиддикоррупсионӣ, низоми зиддикоррупсионӣ ва механизмҳои зиддикоррупсионӣ дар мубориза бо коррупсия кам таваҷҷуҳ зоҳир карда мешавад [13, с. 100]. Вале, ба назари мо, маҳз бо муназзамии муташаккилонаи мубориза бар зидди коррупсия муваффақият ба даст овардан мумкин аст. Ин маънои онро надорад, ки дар маҷмӯъ дар бораи сохтори зиддикоррупсионӣ ҳеҷ чиз гуфта нашудааст. Ҳамин тавр, дар санадҳои байналмилалӣ ин масъала ба таври доимӣ дар миён гузошта мешавад. Гузашта аз ин, ҳам дар сатҳи байналмилалӣ ва ҳам дар сатҳи кишварҳои алоҳида кӯшишҳои пайваста ба зидди коррупсия карда мешавад. Сиёсати давлатии мубориза бо коррупсияро метавон ҳамчун фаъолият оид ба таҳия ва татбиқи системаи чораҳо оид ба рафъи сабабҳо ва шароитҳои ба рушди муносибатҳои коррупсионӣ мусоидаткунанда; ошкор намудани шахсони воқеӣ ва ташкилотҳое, ки дар соҳаи коррупсия ҳуқуқвайронкунӣ содир мекунанд, инчунин рафъ намудани чунин рафторҳо, ба вуҷуд овардани фазои таҳаммулнопазирӣ нисбат ба сӯистифода аз мансаб дар ҷомеа муайян кард.

Ҳамин тавр, сиёсати ҳуқуқии зиддикоррупсионӣ ин маҷмуи донишҳои ҳуқуқи соҳавӣ, фаъолияти ҳамоҳангшудаи мақомоти давлатию сохторҳои ҷомеаи шаҳрвандӣ, низоми санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ ва маҷмуи чораҳои ҳуқуқие мебошанд, ки дорои самтҳои алоҳида буда, баҳри баланд бардоштани фарҳанги зиддикоррупсионии шаҳрвандон, такмили қонунгузори кишвар, дар умум, мубориза ба коррупсия ва коҳиш додани сатҳи ҳуқуқвайронкуниҳои коррупсионӣ равона гардидааст. Сиёсати зиддикоррупсионӣ фаъолияти мақсаднок буда, аз нуқтаи назари муайян системаи тадбирҳое мебошад, ки ба ноил шудан ба ҳадафи мушаххас тобеъанд. Мақсад муҳимтарин хусусияти сиёсати зиддикоррупсионӣ мебошад.

Солҳои охир Тоҷикистон дар ҷаҳон ҳамчун давлати ислоҳотхоҳ эътироф гардид, ки рушди иқтисодӣ муҳимтарин ҳадафи таъсиси давлатдорӣ гардид. Дар ин давра идоракунии дурусти иқтисодиёти ҷумҳурӣ дар ҳамбастагӣ бо ислоҳоти системаи идоракунии давлатӣ, танзими зиддикоррупсионии самтҳои стратегии иқтисодиёти давлат, аз ҷумла нерӯгоҳи барқии обӣ, мубориза бо дуздии моликияти давлатӣ, иқтисоди сояафкан, қонунигардонии дороиҳои бо роҳи ҷиноят ба даст овардашуда ба роҳ монда шудааст [3, с. 39]. Дар кишвар, ҷиҳати таҳияи сиёсати зиддикоррупсионӣ санадҳои меъёри ҳуқуқии дахлдор таҳия ва қабул карда шудаанд. Дар низоми чораҳои зиддикоррупсионӣ мавқеи қонунгузорӣ назаррас мебошад. Дар ин хусус, Ш.М. Шарифзода изҳор медорад, ки яке аз ҷузъи муҳимми низоми пешгирии коррупсия, пеш аз ҳама, қонунгузории зиддикоррупсионӣ мебошад, ки аз ҳолати рушди он самаранокии ин фаъолият вобастагии зиёд дорад [16, с. 89]. Маврид ба тазаккур аст, ки дар кишвар заминаи меъёрӣ-ҳуқуқии муқовимат ба коррупсияро як қатор санадҳои меъёрӣ-ҳуқуқӣ ташкил медиҳанд, ҳамаи ин санадҳо ба пешгирӣ ва муқовимат ба амалҳои коррупсионӣ нигаронида шудаанд. Ба андешаи Б.К. Иброҳимов, дар Тоҷикистон қонунгузории миллӣ, ки мубориза бо коррупсияро танзим мекунад, ба ду гурӯҳ тақсим

мешавад [5]. Ба гурӯҳи якум муқаррароти мустақим, ки ба мубориза бо коррупсияи мустақим нигаронида шудаанд, дохил мешаванд. Аз ҷумла, қонуну стратегияҳои давлатӣ, ки бевосита масъалаи коррупсияро муқаррар ва танзим мекунанд. Ба гурӯҳи дуюм санадҳои меъёрии ҳуқуқии амали ғайримустақим, ки масъалаҳои муборизаи зидди коррупсияро дар бар мегиранд, вале дар навбати аввал муносибатҳои ҷамъиятиеро, ки ба коррупсия алоқаманд нестанд, танзим мекунанд.

Низоми қонунгузории миллиро оид ба муқовимат ба коррупсия, ки ҷузъи таркибии сиёсати зиддикоррупсиониро ташкил медиҳанд, аз рӯйи танзими мустақим ва ғайримустақим чунин зикр намудан мумкин аст:

1) Қонуни ҶТ «Дар бораи мубориза бар зидди коррупсия» (дар таҳрири Қонуни аз 14.03.2014, №1073);

2) Стратегияи мубориза бар зидди коррупсия дар ҶТ барои солҳои 2013-2020 (тағйирот бо Фармони Президенти ҶТ аз 13 июни соли 2016, № 703);

3) Нақшаи амалиёти Истамбули Шабакаи зиддикоррупсионӣ барои Аврупои Шарқӣ ва Осиёи Марказӣ;

4) Қарорҳои Шурои миллии мубориза бо коррупсияи ҶТ;

5) Қонуни ҶТ «Дар бораи экспертизаи зиддикоррупсионии санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ ва лоиҳаҳои санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ» аз 28 декабри соли 2012, № 925;

6) Кодекси ҳуқуқвайронкунии маъмурии ҶТ (таҳрири қонуни 14 ноябри соли 2016, № 1361);

7) Кодекси ҷиноятии ҶТ (дар таҳрири аз 14 ноябри соли 2016, № 1359);

8) Фармони Президенти ҶТ аз 10 январи соли 2007, №143 дар бораи таъсиси Агентии назорати давлатии молиявӣ ва мубориза бо коррупсияи ҶТ;

9) Қонуни ҶТ «Дар бораи Агентии назорати давлатии молиявӣ ва мубориза бо коррупсияи ҶТ» аз 20 марти соли 2008, № 374;

10) Фармони Президенти ҶТ аз 14 декабри соли 2010, № 968 дар бораи таъсиси Шурои миллии мубориза бо коррупсияи ҶТ;

11) Қонунҳои конститутсионӣ. Аз ҷумла, дар бораи судҳо ва прокуратура.

12) Қонуни ҶТ аз 5 марти соли 2007 № 233 «Дар бораи хизмати давлатӣ» (бо тағйироту иловаҳо аз 08.03.2018);

13) Қонуни ҶТ «Дар бораи санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ» (Таҳрири аз 11 марти соли 2010 № 597, 28 июни соли 2011 № 730);

14) Қонуни ҶТ «Дар бораи хариди давлатии мол, кор ва хизматрасонӣ» (Таҳрири аз 16 апрели соли 2012 № 815);

15) Қонуни ҶТ «Дар бораи Палатаи ҳисоби ҶТ» аз 28 июни соли 2011, № 749.

Бояд тазаккур дод, ки бо ин ҳама санадҳои меъёрии ҳуқуқии марбут ба коррупсия ба итмом намерасанд. Дигар санадҳои ҳуқуқии зериқонунӣ, стратегия, консепсия ва барномаҳои давлатӣ мавҷуданд, ки масъалаи муқовимат ба коррупсияро фаро мегиранд. Ш.М. Шарифзода қайд намудааст, ки воситаи асосии давлат дар мубориза бо коррупсия заминаи дурусти меъёрӣ-ҳуқуқӣ дар самти мубориза бо коррупсия мебошад. Дар раванди ташаккули чунин заминаи ҳуқуқӣ, бояд меъёрҳои ҳуқуқи байналмилалӣ пурра ба назар гирифта шаванд [16, с. 198]. Дар ин хусус, мо иброз медорем, ки воситаҳои меъёрӣ-ҳуқуқӣ ягона воситаи асосӣ дар муқовимат ба коррупсия ба ҳисоб намеравад. Ба хусус, дар замони муосир дар тамоми кишварҳо чораҳои меъёрии ҳуқуқӣ, ба монанди таҳия ва қабули санадҳои меъёрии ҳуқуқии зиёд, афзудани ҷавобгарии ҳуқуқӣ ва амсоли инҳо, наметавонад чораҳи таъсирбахш дар муқовимат ба коррупсия маҳсуб гардад. Дар ин росто, чораҳои ғайримеъёриро зиёд намудан лозим аст. Ба монанди чораҳои тарбиявӣ, баланд бардоштани маърифати ҳуқуқӣ, шуури ҳуқуқӣ ва фарҳанги ҳуқуқии аҳолӣ ва ғайра.

Ҷумҳурии Тоҷикистон дар қатори давлатҳои муосир нисбати ҳама гуна амалҳои номатлуб, махсусан коррупсия чораҳои гуногуни ҳуқуқию ташкилиро рӯи кор овардааст. Қайд бояд намуд, ки таҳияи тадбирҳои дахлдор пеш аз ҳама ҷиҳати нест

намудани ин падидаи номатлуб ҳамчун мушкилоти ҷомеа, ҳуқуқвайронкунӣ, хусусан ҷиноят ва баъдан дар заминаи иҷрои уҳдадориҳои байналмилалӣ, ки Ҷумҳурии Тоҷикистон ба зиммаи худ гирифтааст, сурат мегирад. Тадбири муҳимтарине, ки барои муқовимат бо коррупсия нақши аввалиндараҷа дорад, ин таҳияи заминаҳои ҳуқуқии он мебошад. Тавре маълум аст, Ҷумҳурии Тоҷикистон дар давраи соҳибистиқлолӣ як қатор санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ, ҳуҷҷатҳои хусусияти барномавидошта ва дигар аснодҳо таҳия ва қабул гардидааст, ҳадафҳои Тоҷикистонро дар ин самт амалӣ менамоянд. Қайд намудан ба маврид аст, ки маҷмӯи ҳуҷҷатҳо дар ин давра дар самти муқовимат бо коррупсия давра ба давра таҳия ва қабул гардиданд.

Яке аз ҳуҷҷатҳои аввалин Фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи тадбирҳои пурзӯр намудани мубориза бар зидди ҷиноятқорӣ дар соҳаи иқтисод ва коррупсия (ришватхӯрӣ)» аз 21 июли соли 1999 №1262 мебошад, бо мақсади баланд бардоштани самаранокии фаъолияти мақомоти ҳифзи ҳуқуқ ва дигар сохторҳои давлатӣ оид ба мубориза бар зидди ҷиноятқорӣ дар соҳаи иқтисод ва коррупсия (ришвахӯрӣ), пурзӯр намудани масъулияти онҳо дар таъмини амнияти иқтисодии кишвар таҳия гардида буд. Баъдан, аз 30 апрели соли 2010 №864 Фармони дигари Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи тадбирҳои иловагии тақвияти муқовимат ба коррупсия дар Ҷумҳурии Тоҷикистон» ба табъ расид, ки барои шиддат бахшидани раванди решакан кардани коррупсия ва таъмини самаранокии фаъолияти мақомоти муқовиматкунандаи коррупсия равона гардида буд. Хусусан, мутобиқи ин санад тадбирҳои иловагии тақвияти муқовимат ба коррупсия дар Ҷумҳурии Тоҷикистон пеш аз ҳама ба ошкор ва бартараф намудани шароитҳои пайдоиши коррупсия, пешгирии кӯшишҳои фароҳамоварии шароитҳое, ки метавонанд боиси ҳолатҳои коррупсионӣ гарданд, равона карда мешавад» [15, с. 223]. Бо мақсади ташкили мубориза бар зидди коррупсия ва андешидани чораҳои зарурӣ дар сатҳи миллӣ маҷмӯи санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ қабул гардида, доктринаи миллии ҳуқуқӣ дар ин соҳа ташаккул дода шуд. Масалан, Фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 21 июли соли 1999, №1262 “Дар бораи тадбирҳои иловагии пурзур намудани мубориза бар зидди ҷиноятқорӣ дар соҳаи иқтисод ва коррупсия (ришвахурӣ)”, Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи мубориза бар зидди коррупсия” аз 10 декабри соли 1999 қабул гардид ва баъдан 25 июли соли 2005 қонуни мазкур бо дарназардошти уҳдадориҳои байналмилаӣ дар таҳрири нав қабул карда шуд. Бояд гуфт, ки санадҳои мазкур дар таҳия ва қабули қонунҳои минбаъда заминаи муҳим гузоштааст.

Бо мақсади пешгирӣ ва бартараф намудани коррупсия дар Ҷумҳурии Тоҷикистон дар радифи санадҳои меъёрии ҳуқуқии болозикр қонунҳо дар даврaҳои муайян таҳия ва қабул гардидаанд. Дар даврони Истиқлоли давлатӣ чунин қонунҳо марбут ба муқовимат бо коррупсия қабул гардидаанд: Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи мубориза бар зидди коррупсия» аз 10 декабри соли 1999 №875; Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи мубориза бар зидди коррупсия» аз 25 июли соли 2005 №100; Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи муқовимат ба коррупсия» аз 7 августи соли 2020 №1714.

Таҳияи Қонуни охирин, дар ин самт, дар заминаи асосҳои муайян сурат гирифта, муқовимат бо коррупсияро устувортар намуд. Қайд намудан ба маврид аст, ки Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи муқовимат ба коррупсия» аз қонунҳои пештар амалкунандаи мубориза бар зидди коррупсия фарқ намуда, дар сатҳу сифати нав ва комилан ҷавобгӯ ба талаботи муосир таҳия гардидааст. Пеш аз ҳама, номи қонун, ки истилоҳи «муқовимат»-ро касб намудааст, беасос нест. Пештар дар қонунҳои мазкур истилоҳи «мубориза» унвон гирифта буд, ки бо қонуни нав қабулгардида ин қонун ба муқовимат иваз гардид. Сабаби асосии табдили «мубориза» ба «муқовимат» пеш аз ҳама фарогирии ҳама паҳлуҳои сиёсати зиддикоррупсионии давлат ва тадбирҳои зиддикоррупсионӣ дар мафҳуми мазкур мебошад. Яъне, мафҳуми «муқовимат» васеътар буда, моҳиятан мафҳуми «мубориза»-ро дар худ таҷассум менамояд. Қонуни

мазкур, аз 7 бобу 36 модда иборат буда [7], дар низоми санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ нақши назаррас дошта, ҷанбаҳои муҳими сиёсати зиддикоррупсиониро муайян ва муқаррар намудааст. Дар ин санад, мафҳумҳои муҳими ҳуқуқӣ дода шудааст. Аммо, мафҳуми сиёсати зиддикоррупсионӣ муқаррар нагардидааст. Бинобар ин, мо пешниҳод менамоем, ки мафҳуми мазкур дар қонун дар баробари дигар мафҳумҳои асосӣ илова карда шавад.

Ҳамин тариқ, имрӯз қариб дар тамоми самтҳои асосии стратегияи зиддикоррупсионии ҶТ барои мубориза бо коррупсия дар сатҳи олии ҳуқуқӣ заминаҳои ҳуқуқӣ фароҳам оварда шудаанд. Дар охир қайд мекунем, ки фаъолияти ҳукумати Тоҷикистон аз оғози марҳилаи фаъоли мубориза бо коррупсия хусусияти хоси сиёсӣ дошт. Ин далели мавҷудияти стратегияи махсуси миллии мубориза бо коррупсия дар низоми ҳуқуқии Тоҷикистон мебошад. Бо мақсади ташкили мубориза бо коррупсия дар сатҳи ҷумҳурӣ маҷмӯи санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ қабул гардида, доктринаи ҳуқуқии миллӣ ташаккул ёфтааст. Барои татбиқи сиёсати зиддикоррупсионӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон Ҳукумати кишвар ду стратегияро барои солҳои 2008-2012 ва 2013-2020 қабул кард.

Стратегияҳои мазкур баҳри амалисозии қонунгузорӣ дар соҳаи муқовимат ба коррупсия равона шуда, дорои аҳаммияти баланди амалӣ мебошанд. Дар ин хусус, С. Хурсандзода қайд мекунад, ки мазмун ва мақсади асосии стратегияи Тоҷикистони муосир инкишоф додани тамоми соҳаҳои ҳаёти иқтисодӣ, иҷтимоӣ фарҳангӣ мебошад. Дар маҷмуъ, омӯзиш ва таҳлили таҷрибаи сиёсии Ҷумҳурии Тоҷикистон нишон медиҳад, ки дар кишвар ба масоили ташаккул ва устуворгардии самти стратегӣ диққати ҷиддӣ дода мешавад. Назорат ба амалисозии барномаи умумидавлатӣ ба зиммаи мақомоти умумидавлатии зиддикоррупсионӣ вогузошта мешавад. Ҳамчунин, ҷорӣ намудани амалияи ҳисоботдиҳии мақомоти давлатӣ бо мақсади арзёбии самаранокии фаъолияти зиддикоррупсионии онҳо мувофиқи мақсад аст [13, с. 99].

Дар Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 26 январи соли 2008, №34 «Стратегияи мубориза бо коррупсия дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои солҳои 2008-2012» эътибор пайдо кард, ки дар доираи Стратегияи ҳалли масъалаҳои ҳуқуқвайронкунии маъмурӣ тасдиқ шудааст. Стратегияи мазкур дар сатҳи зарурӣ ҷиҳати муқовимат ба коррупсия нақши назарраси худро гузошт, вале бо ин ҳама сатҳи коррупсия дар кишвар паст нагардид. Ҳамзамон қабули Фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 30-юми апрели соли 2010 № 864 «Дар бораи тадбирҳои иловагии тақвияти муқовимат ба коррупсия дар Ҷумҳурии Тоҷикистон» ва Қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 2-юми сентябри соли 2010, №431 «Дар бораи тасдиқи Нақшаи чорабиниҳо оид ба таъмини иҷрои Тадбирҳои иловагии тақвияти муқовимат ба коррупсия дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои солҳои 2010-2012» ҳамчун ҳуҷҷатҳои кӯтоҳмуддати давлатӣ дар радифи Стратегия ва идомаи мантиқии муқаррароти асосии он ба мукаммалгардонии сиёсати зиддикоррупсионӣ такони ҷиддӣ бахшид.

Бо итмоми муҳлати стратегияи мазкур, дар кишвар стратегияи нав таҳия гардид. Мутобиқи банди 63 Консепсияи пешгӯии рушди қонунгузории Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки бо Фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 19 феврали соли 2011, №1021 тасдиқ шудааст, бо дарназардошти анҷоми татбиқи Стратегияи мазкур ва зарурати воқеии идомаи фаъолият дар ин самт, инчунин таҳкими амалҳои пайваста дар ин самт “Стратегияи мубориза бо коррупсия дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои солҳои 2013-2020” таҳия шуд. Ҳамин тавр, бо Фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 19-уми феврали соли 2011, №1021 Стратегияи муқовимат ба коррупсия дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои солҳои 2013-2020 қабул гардид, ки ҳамчун санади барномавии дурнамои миёнамуҳлати сиёсати Ҷумҳурии Тоҷикистон дар самти муқовимат ба коррупсия, баҳри паст кардани шиддат ва сатҳи коррупсия дар кишвар равона гардида буд.

Дар хусуси стратегияи мазкур М.Р. Аҳмадзода қайд менамояд, ки Стратегияи мубориза бо коррупсия дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои солҳои 2013-2020 ҳамчун санади ояндадор оид ба сиёсати миёнамуҳлати ҶТ дар соҳаи мубориза бо коррупсия, ки ба паст кардани шиддат ва сатҳи коррупсия дар кишвар нигаронида шудааст, пешбинӣ мегардад [3, с. 39]. Мақсад ва ҳадафи ин «Стратегия» ба паст кардани сатҳи коррупсия дар ҶТ, мунтазам бартараф намудани монеаҳо, фароҳам овардани шароит барои рушди иқтисодӣ, рушди арзишҳои демократӣ ва баланд бардоштани некуаҳволии мардум нигаронида шудааст.

Бо мақсади ташкил ва амалӣ намудани тадбирҳои комплексии пешгирӣ ва мубориза бо коррупсия дар ҶТ, рафъи сабабу шароитҳои ба коррупсия мусоидаткунанда ва ба таври васеъ ҷалб намудани ҷомеаи шаҳрвандӣ ба мубориза бар зидди коррупсия аз ҷониби Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон 14 декабри соли 2010 Шурои миллии мубориза бо коррупсия ҳамчун мақоми умумимиллии машваратӣ оид ба ҳамоҳангсозии фаъолияти мақомоти давлатӣ ва ҷалби ҷомеаи шаҳрвандӣ ба татбиқи чораҳои пешгирӣ ва мубориза бо коррупсия таъсис дода шуд [3, с. 38]. Бо мақсади иҷрои уҳдадориҳои байналмилалӣ бо Фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Агентии назорати давлатии молиявӣ ва мубориза бо коррупсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон таъсис дода шуд. 20-уми марти соли 2008 Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи Агентии назорати давлатии молиявӣ ва мубориза бо коррупсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон» ва бо қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 7-уми сентябри соли 2007, №414 «Дастурамали баҳисобгирии омории ҷиноятҳои хусусияти коррупсионидошта ва феҳристи чунин ҷиноятҳо» қабул гардид. Дар ин хусус С. Хурсандзода иброз доштааст, ки тимсоли кишварҳои ғарбӣ зарурати таъсиси мақомоти махсуси зиддикоррупсиониро ба миён овард. Ҳамин тавр, дар соли 2007 дар Ҷумҳурии Тоҷикистон як мақоми махсуси мубориза бо коррупсия – Агентии назорати давлатии молиявӣ ва мубориза бо коррупсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон таъсис дода шуд. Аммо, танҳо ин тадбир қодир нест, ки коррупсияро пурра решакан кунад, вале имкон дорад, ки сатҳи коррупсия то он дараҷае коҳиш дода шавад, ки ба пешрафти иҷтимоӣ ва иқтисодӣ таҳдид накунад [13, с. 107]. Ҳамин тавр, дар кишвар ҷиҳати муқовимат ба коррупсия чораҳои зиёди ҳуқуқӣ андешида шудааст, ки ҳамаашон баҳри пурзур намудани муқовимат ва паст гардонидани сатҳи ҷиноятҳои коррупсионӣ равона шудаанд.

Дар сатҳи байналмилалӣ яке аз ҳуҷҷатҳои асосӣ ва муҳими ҳуқуқӣ, ки аз ҷониби Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 25 сентябри соли 2006 ба имзо расидааст ин Конвенсияи СММ ба зидди коррупсия мебошад. Ғайр аз қонунҳои зикргардида, мутобиқи стратегия барои Тоҷикистон стандартҳои байналмилалии зиддикоррупсионӣ, пеш аз ҳама, талаботи Конвенсияи Созмони Миллали Муттаҳид зидди коррупсия, тавсияҳои Нақшаи амалиёти Истамбулии Шабакаи зиддикоррупсионии кишварҳои Аврупои Шарқӣ ва Осиёи Марказӣ (иқдоми минтақавии СҲИР), созишномаҳо ва иқдомҳои минтақавии Иттиҳоди Давлатҳои Мустақил, Ташкилоти Гурӯҳи татбиқи чораҳои молиявии муқовимат ба шустани пул, Созмони ҳамкории иқтисодӣ пешбинишуда дар мадди аввал бояд баррасӣ гарданд [16, с. 190]. Бояд тазаккур дод, ки дар асноди мубориза бо коррупсия, чӣ универсал ва чӣ минтақавӣ, ҳиссаи мушкилоти марбут ба ҳуқуқи анъанавии ҷиноятӣ хеле зиёд аст. Масъалаҳо, аз қабили коррупсия, ҳамкориҳои байналмилалӣ ва коррупсия, аз қабили саҳми асосии Конвенсияи СММ оид ба мубориза бо коррупсия дар соли 2003, ба хусус аввалин созишномаи умумибашарӣ, дахолати бештари ҳукумат ва сиёсати дохилиро тақозо мекунанд. Чунин равиш боиси иддаои зиёде дар бораи иштироки созмонҳои байналмилалӣ дар дахолати воқеӣ ё омехта ба корҳои дохилии кишварҳои узв мегардад. Бо вуҷуди ин, Конвенсияи СММ дар бораи мақоми қонунҳои байналмиллалии зидди коррупсия дар соли 2003 ҳамчун санади шартномавӣ ҷузъи аз ҷиҳати ҳуқуқӣ ҳатмӣ будани ҳаракати байналмиллалии мубориза бо коррупсия мебошад, зеро он на танҳо санади ягонаест, ки аксарияти

ҷаҳони муосир ба имзо расонидаанд, балки аз рӯи тамоми соҳаҳои асосии ҳуқуқ ҳамчун қисми муҳими масъалаҳои рӯзмара ба ҳисоб меравад.

Бояд гуфт, ки рӯз то рӯз дар кишвар низоми чораҳои муқовимат ба коррупсия пурзур гардида истодааст. Баъд аз ба анҷом расидани муҳлати Стратегияи солҳои 2013-2020 бо фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 3 августи соли 2021, №222 Стратегияи давлатии муқовимат ба коррупсия дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои давраи то соли 2030 таҳия ва қабул карда шуд [12]. Стратегияи мазкур нисбат ба стратегияҳои қаблӣ мукаммал буда, масъалаҳои ҳуқуқии назариявю амалӣ, ҳолати кунунии сатҳи содиршавии ҳуқуқвайронкуниҳои коррупсионӣ ва дурнамои рушди қонунгузорӣ ва чораҳои муқовимат ба онро фаро мегирад. Бо фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 3 августи соли 2021, №222 ҷиҳати амалисозии бандҳои стратегияи мазкур, Нақшаи чорабиниҳои амалисозии Стратегияи давлатии муқовимат ба коррупсия дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои давраи то соли 2030 барои марҳилаи якум (солҳои 2021-2025) таҳия ва тасдиқ карда шудааст, ки айни ҳол мавриди иҷроиш қарор дорад. Ҳамин тавр, дар кишвар чораҳои мухталифи ҳуқуқӣ ҷиҳати пурзур намудани муқовимат ба коррупсия андешида шудаанд, ки дар ин замин, сиёсати мукаммали ҳуқуқии зиддикоррупсионӣ роҳандозӣ гардидааст.

Ҳамин тавр, дар натиҷаи таҳлилу баррасии масъалаи сиёсати ҳуқуқии зиддикоррупсионӣ дар Ҷумҳури Тоҷикистон ба хулосаҳои зерин омадан мумкин аст:

1. Сиёсати ҳуқуқии зиддикоррупсионӣ ин маҷмуи донишҳои ҳуқуқи соҳавӣ, фаъолияти ҳамоҳангшудаи мақомоти давлатию сохторҳои ҷомеаи шаҳрвандӣ, низоми санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ ва маҷмуи чораҳои ҳуқуқие мебошанд, ки дорои самтҳои алоҳида буда, баҳри баланд бардоштани фарҳанги зиддикоррупсионии шаҳрвандон, такмили қонунгузори кишвар, дар умум, мубориза ба коррупсия ва коҳиш додани сатҳи ҳуқуқвайронкуниҳои коррупсионӣ равона гардидааст. Сиёсати зиддикоррупсионӣ фаъолияти мақсаднок буда, аз нуқтаи назари муайян системаи тадбирҳое мебошад, ки ба ноил шудан ба ҳадафи мушаххас тобеъанд. Мақсад муҳимтарин хусусияти сиёсати зиддикоррупсионӣ мебошад.

2. Самтҳои асосии мубориза бар зидди коррупсия инҳоянд: ташкил ва амалӣ намудани чорабиниҳои махсуси мақсаднок, мунтазам оид ба мубориза бо коррупсия дар сатҳи давлатӣ; омӯзиши таҷрибаи байналмилалӣ ва рушди ҳамкорӣ бо давлатҳои хориҷӣ дар самти мубориза бо коррупсия, бо мақсади ҳамгироии иқтисодӣ ва мубориза бо ҷиноятқории байналмилалии иқтисодӣ; мунтазамсозии минбаъдаи танзими ҳуқуқии мубориза бо коррупсия, такмили он, таҳия ва рушди категорияҳое, ки моҳияти амалҳои коррупсиониро дар доираи қонунҳои ҷиноятӣ ва дигар соҳаҳои қонунгузорӣ тавсиф мекунанд; санҷиши ҳатмии мунтазами санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ оид ба иқтидори коррупсионӣ. Баланд бардоштани маҳорати касбии кормандони мақомоти ҳифзи ҳуқуқ дар фаъолияти худ, инчунин бевосита мақомотҳои назорати фаъолияти хизматчиёни давлатӣ; назорати умумии давлатӣ ва прокурорӣ ба фаъолияти мақомоти давлатӣ.

3. Дар Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи муқовимат ба коррупсия» аз 7 августи соли 2020 №1714 мафҳумҳои муҳими ҳуқуқӣ дода шудааст. Аммо, мафҳуми сиёсати зиддикоррупсионӣ муқаррар нагардидааст. Бинобар ин, мо пешниҳод менамоем, ки мафҳуми мазкур дар қонун дар баробари дигар мафҳумҳои асосӣ илова карда шавад.

РӮЙХАТИ АДАБИЁТ

1. Артюхин, О.А. Актуальные направления и проблемы реализации антикоррупционной правовой политики в современной России [Текст] / О.А. Артюхин // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2022. – № 3 (142). – С. 139-142.

2. Артюхин, О.А. Социальные факторы антикоррупционной политики [Текст] / О.А. Артюхин // Актуальные проблемы противодействия коррупции в современной России. Материалы Всероссийского Круглого стола. – 2021. – С. 254-259.

3. Ахмадзода, М.Р. Государственная антикоррупционная политика в органах власти Республики Таджикистан: проблемы реализации [Текст] / М.Р. Ахмадзода // Вопросы совершенствования системы государственного управления в современной России: Международный сборник научных статей / Под общ. ред. Л. В. Фотиной. – М.: МАКС Пресс, 2018. – С. 36-39.

4. Ерохина, Е.И. Реализация антикоррупционной политики в условиях цифровой трансформации Российской Федерации [Текст] / Е.И. Ерохина // Интеллектуальный капитал и цифровая трансформация общества. – Минск, 2022. – С. 158-167.

5. Иброхимов, Б.К. Нормативно-правовая база борьбы с коррупцией в Республике Таджикистан [Текст] / Б.К. Иброхимов // «Научно-практический электронный журнал Аллея Науки». – 2019. – №6 (33). Alley-science.ru

6. Козлов, С.В. Направления реализации антикоррупционной политики в органах государственной власти [Текст] / С.В. Козлов // Молодой ученый. – 2021. – № 2 (344). – С. 95-98.

7. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи муқовимат ба коррупсия» аз 7 августи соли 2020, № 1714 [Захираи электронӣ]. Манбаи дастрасӣ: URL: http://mmk.tj (санаи мурочиат: 22.01.2025).

8. Левченко, М.С. Конституционные основы антикоррупционной политики Российской Федерации [Текст] / М.С. Левченко // Реализация в Южном федеральном округе государственной политики в сфере противодействия коррупции. – Ростовна-Дону, 2022. – С. 167-172.

9. Мазалова, А.В. Антикоррупционная политика [Текст] / А.В. Мазалова // Уголовное право в эволюционирующем обществе: Сборник научных статей симпозиума молодых учёных и студентов с международным участием, Курск, 08 июня 2022 года / Редколлегия: Ю.А. Панина (отв. ред.). – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. – С. 155-160.

10. Науменко, А.А., Измайлова, М.А. Специфика развития антикоррупционной политики России в условиях современного общества [Текст] / А.А. Науменко, М.А. Измайлова // Развитие науки и образования: новые подходы и актуальные исследования: сборник научных трудов по материалам XXVI Международной научно-практической конференции. – Анапа, 2022. – С. 73-77.

11. Сапронова, Т.П. О дополнительном законодательном регулировании антикоррупционной политики в России [Текст] / Т.П. Сапронова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – № 1 (69). – С. 79-82.

12. Стратегияи давлатии муқовимат ба коррупсия дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои давраи то соли 2030, ки бо фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 3 августи соли 2021, №222 тасдиқ гардидааст [Захираи электронӣ]. Манбаи дастрасӣ: URL: http://mmk.tj (санаи мурочиат: 22.01.2025).

13. Хурсандзода, С. Сиёсати зиддикоррупсионӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон: таҳқиқи назариявӣ ва муқоисавӣ-ҳуқуқӣ [Матн]: дис. ... ном. илм. ҳуқуқ. – Душанбе, 2022. – 176 с.

14. Ҳасанов, Ш.Қ. Омилҳои сиёсию ҳуқуқии муқовимат бо коррупсия дар мақомоти ҳокимияти давлатӣ (дар асоси таҷрибаи Ҷумҳурии Тоҷикистон) [Матн]: дис. ... док. илм. сиёсӣ. – Душанбе, 2021. – 345 с.

15. Шарипова, М.Ғ. Рушди асосҳои ҳуқуқии муқовимат ба коррупсия дар Ҷумҳурии Тоҷикистон [Матн] / М.Ғ. Шарипова // Идоракунии давлатӣ. – 2021. – №4/2 (54). – С. 231-236.

16. Шарифзода, Ш.М. Мушкилоти танзими ҳуқуқӣ ватакмили қонунгузории Ҷумҳурии Тоҷикистон дар самти муқовимат ба коррупсия [Матн] / Ш.М. Шарифзода // Осори Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон. – 2021. – №4 (52). – С. 188-197.

УДК 342.732

АСОСҲОИ ҲУҚУҚИИ ИСТИФОДАИ ТЕХНОЛОГИЯҲОИ РАҚАМӢ ДАР БАЛАНД БАРДОШТАНИ САТҲИ ДОНИШ ВА МАЛАКАҲОИ ИНСОНӢ

НАБИЕВА МУҚАДАС АБДУСАТТОРОВНА
МД «Донишкадаи байналмилалии Хуҷанд»-и МД «Донишгоҳи байналмилалии сайёҳӣ ва соҳибкории Тоҷикистон», номзади илмҳои таърих, муаллими калони кафедраи ҳуқуқшиносӣ. E-mail: mukadas.nabieva.79@mail.ru

Дар мақолаи мазкур оид ба тайёр намудани кадрҳои соҳибтахассус ва ҳайати идоракунанда барои пешбурди лоиҳаҳои рақамӣ, инчунин таъсиси система барои тайёр кардани кадрҳои соҳибтахассус чӣ дар донишгоҳҳо, чӣ дар корхонаҳо ва дар маҷмӯъ барои рушди малакаи рақамӣ байни аҳолӣ пешбинӣ карда мешавад, тадқиқ буда мешавад.

Калидвожаҳо: маърифати техникӣ, рақамикунонӣ, стратегия, барнома, консепсия.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПОВЫШЕНИИ УРОВНЯ ЗНАНИЙ И НАВЫКОВ ЧЕЛОВЕКА

НАБИЕВА МУКАДАС АБДУСАТТОРОВНА
ГУ «Худжандский международный институт» Международного университета туризма и предпринимательства Таджикистана, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры правоведения. E-mail: mukadas.nabieva.79@mail.ru

Данная статья посвящена для подготовки высококвалифицированных кадров и управленческого состава для ведения цифровых проектов, а также создание системы для подготовки квалифицированных кадров как в университетах, так и на предприятиях, и для развития цифровых навыков среди населения в целом.

Ключевые слова: технические знания, цифровизация, стратегия, программа, концепция.

LEGAL FOUNDATIONS FOR THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN ENHANCING HUMAN KNOWLEDGE AND SKILLS

NABIEVA MUKADAS ABDUSATTOROVNA
Khujand International Institute of the International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Law. E-mail: mukadas.nabieva.79@mail.ru

This article is devoted to the training of highly qualified personnel and management staff for the management of digital projects, as well as the creation of a system for the training of qualified personnel both in universities and at enterprises, and for the development of digital skills among the population as a whole.

Keywords: technical knowledge, digitalization, strategy, program, concept.

Бо мақсади баланд бардоштани сатҳи маърифати техникии ҷомеа ва сохторҳои гуногуни он ва ҳамаҷониба татбиқ намудани технологияҳои иттилоотиву коммуникатсионӣ дар соҳаҳои сиёсӣ, иқтисодӣ ва иҷтимоии мамлакат як зумра

қонунҳо, стратегияҳо, консепсияҳо ва барномаҳо қабул ва мавриди амал қарор дода шудаанд.

Аз ҷумла, Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи имзои электронии рақамӣ» аз 30 июли соли 2007, Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи фаъолияти илмӣ ва сиёсати давлатӣ оид ба илму техника» аз 18 марти соли 2015, Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи тиҷоратикунонии натиҷаҳои фаъолияти илмӣ ва илмию техникӣ» аз 24 декабри соли 2022, Стратегияи давлатии «Технологияҳои иттилоотию коммуникатсионӣ барои рушди Ҷумҳурии Тоҷикистон», ки бо Фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 5 ноябри соли 2003, «Барномаи миёнамуҳлати рушди иқтисоди рақамӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои солҳои 2021-2025», «Барномаи давлатии рушд ва татбиқи технологияҳои иттилоотию коммуникатсионӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон», ки бо қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 3 декабри соли 2004, Консепсияи сиёсати давлатии иттилоотии Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки бо Фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 30 апрели соли 2008 ва Стратегияи ислоҳоти системаи идораи давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки бо Фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 15 марти соли 2006, қарорҳои Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон дар бораи Консепсияи иқтисоди рақамӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 30 декабри 2019, Консепсияи ташаккули ҳукумати электронӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон, аз 30 декабри соли 2011, Консепсияи гузариш ба таҳсилоти рақамӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои давраи то соли 2042, 31 августи соли 2022 ва ғайра тасдиқ гардидаанд. Дар ин самт тадбиқи босамари санадҳои меъёрию ҳуқуқӣ барои амалӣ намудани ҳадафҳо дар ҷиҳати ба вуҷуд овардани иқтисодиёти рақамӣ мусоидат менамоянд.

Дар Паёми навбатии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, Пешвои миллат муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон ба Маҷлиси Олӣ таъкид гардидааст, ки «минбаъд ба ҷанбаҳои сифатии рушди иқтисоди миллӣ, тақвияти неруи инсонӣ, бо истифода аз технологияҳои муосир ва ҷорӣ намудани инноватсия вусъат додани истеҳсоли маҳсулоти ниҳоӣ, баланд бардоштани фаъолнокии иқтисодии аҳолӣ, такмили низоми дастгирии соҳибкориву сармоягузорӣ ва тавсеаи иқтисодиёти рақамӣ диққати аввалиндараҷа дода шавад».[1]

Дар ин ҷода, дар мамлакат барои татбиқи Консепсияи иқтисоди рақамӣ [4] марҳилаҳо муайян гардидаанд, яъне **марҳилаи якум** то соли 2025 идома ёфта, он бо роҳи татбиқи ҳукумати электронӣ амалӣ карда мешавад. Дар ин раванд гузаштан ба модели идоракунии электронӣ тавассути муросилоти ҳуҷҷатҳо, омода намудани кадрҳои соҳибтахассус, таъсиси модели идоракунии табодули рақамӣ, муайян кардани нишондиҳандаҳои калидии мақсадноки дастовардҳои табодули рақамӣ ва маблағгузорӣ барои ташаккули иқтисоди рақамӣ дар назар дошта шудааст. **Марҳилаи дуюм** то соли 2030 идома меёбад. Дар ин давра дастрасии фарохмавҷ, амнияти иттилоотӣ, кибернетикӣ ва технологияҳои абрӣ, таъсиси платформаҳо ва рушди хизматрасонии рақамӣ ва оғози лоиҳаҳои пилотӣ бояд таъмин карда шаванд. **Марҳилаи сеюм** ва ниҳоии табодули рақамӣ давраи то соли 2040-ро дарбар гирифта, ба таҳкими минбаъдаи асосҳои ғайирақамӣ ва рақамӣ дар ҷумҳурӣ, оғози лоиҳаҳои рақамӣ дар соҳаҳои иҷтимоӣ мутобиқи афзалиятҳои дар Стратегияи миллии рушд барои давраи то соли 2030 пешбинигардида, дар навбати аввал дар соҳаҳои кишоварзӣ, энергетика, телекоммуникатсия, нақлиёт, соҳаи хизматрасонӣ, фарҳанг, маориф, тандурустӣ, саноат, аз ҷумла истихроҷи маъданҳои кӯҳӣ ва савдо бахшида мешавад.

Рушди нерӯи инсонӣ барои иқтисоди рақамӣ дар «Барномаи миёнамуҳлати рушди иқтисоди рақамӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои солҳои 2021-2025» пешбинӣ шудааст[3], ки тибқи он омода кардани кадрҳои баландихтисос барои пешбурди иқтисоди рақамӣ ва ташкили низоми таълиму бозомӯзӣ бо дарки дониши баланд дар самти амалисозии соҳаи технологияи иттилоотӣ ва коммуникатсионӣ (ТИК) муҳим

арзёби мегардад. Вале норасоии кадрҳои баландихтисос дар кишвар ба рушди иқтисоди миллӣ таъсири манфӣ мерасонад.

Чуноне, аз барномаи миёнамуҳлати рушди иқтисоди рақамӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои солҳои 2021-2025 бармеояд, гарчанде дар 14 муассисаи таҳсилоти олии касбии кишвар мутахассисони соҳаи ТИК омода мегарданд, ҳануз ҳам барои таъмини пурраи бозори меҳнат нокифоя мебошад. Аз ин нуқтаи назар омода намудани кадрҳои баландихтисоси марбут ба соҳаи ТИК дар давоми панҷ соли оянда яке аз афзалиятҳои асосии кишвар ба ҳисоб рафта, андешидани тадбирҳои зерин ба мақсад мувофиқ аст, қайд гардидааст, ки зеринанд:

- омода намудани кадрҳои баландихтисос дар муассисаҳои олии кишвар ва берун аз он, инчунин ташкили низоми ягона барои омода кардани кадрҳо;

- бозомузии кормандони вазорату идораҳои кишвар ва ҷонибҳои манфиатдор дар доираи самтҳои мухталифи рақамикунонии иқтисоди миллӣ;

- ҳамгироии ихтисосҳои муассисаҳои таҳсилоти касбӣ дар самти иқтисоди рақамӣ;

- таъмин намудани дастгирии иттилоотии маърифатӣ ва мавқеъгирии табдилдиҳии рақамӣ (тавассути ВАО ва Интернет).

Аз ин лиҳоз, бояд қайд намуд, ки инкишофи илму техника, пешравии технологияи иттилоот талаб менамоянд, ки услуб ва тарзи таълим дар зинаҳои гуногуни тақсимот бо назардошти талаботи замон тадриҷан тағйир меёбад.

Мақсад аз ҷорӣ намудани навоварӣ дар тамоми муассисаҳои маориф баланд бардоштани сатҳи донишандӯзии ҷавонон мебошад, зеро имрӯз ва ояндаи тараққиёти қувваҳои истеҳсолкунандаи мамлакат бевосита ба мутахассисони аз ҷиҳати назария ва амалия доною тавоно алоқаманд аст.

Дар Ҷумҳурии Тоҷикистон қабул намудани қарори Ҳукумати ҷумҳурӣ оид ба Консепсияи гузариш ба таҳсилоти рақамӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои давраи то соли 2042 айни муддаост.[5] Консепсияи мазкур дар марҳилаи муосир бо дар назар доштани рушди ҷомеа ва навсозии низоми ҷаҳони таҳсилот таҳия шуда, барои рушди ҳаёти иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангӣ хизмат менамояд. Дар он арзишҳои миллию умумибашарӣ, эҳёи дарки худшиносии таърихӣ, ҳуввият ва анъанаҳои миллӣ, дастовардҳои илмию техникӣ ва ғайра ба инобат гирифта шудааст. Он тамоюли рушди низоми таҳсилоти рақамиро дар шароити муносибатҳои нави ҷамъиятӣ ва ташаккули фазои ягонаи таҳсилоти ҷаҳонӣ амалӣ мегардонад, ки он ба муқаррароти Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон,[2] санадҳои ҳуқуқии байналмилалии эътирофнамудаи Ҷумҳурии Тоҷикистон ва дигар санадҳои меъёрии ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон мутобиқ мебошад. Консепсия имконият медиҳад, ки ислоҳоти соҳаи маориф дар самти рақамикунонӣ амалӣ ва инчунин, кафолати давлатии ҳуқуқи шаҳрвандон ба таҳсил таъмин гардад.

Мақсад аз гузариш ба таҳсилоти рақамӣ ноил шудан ба сифати нави таълим тавассути ҷорӣ намудани ТИК дар муассисаҳои таҳсилотӣ, тағйир додани шакл ва усулҳои таълим, таъмини сифат ва сайёр будани хизматрасониҳои таълимӣ, баланд бардоштани эътирофи низоми миллии маориф ва зиёд намудани содироти хизматрасониҳои таълимӣ ва ғайра мебошад.

Дар соҳаи маориф таҳсилоти рақамӣ баланд бардоштани тахассуси омӯзгорон дар соҳаи технологияҳои рақамӣ, рушди омӯзиш бо истифодаи технологияҳои муосир ва онлайнӣ, татбиқи барномаҳои таҳсилотии рақамӣ, дарки низоми нави маориф, таҳияи меъёрҳои фаъолияти муҳити иттилоотию таълимӣ бо дар назар доштани стандартҳои давлатӣ ва ҷаҳонӣ, таҷдиди назар, ташаккул ва танзими усулҳои истифодаи ТИК дар таълим, зиёд намудани таҷҳизоти техникии муассисаҳои таҳсилотӣ барои татбиқи ТИК-и муосир дар раванди таълим, таҳия ва ба низом даровардани муҳити ягонаи таълими рақамӣ дар Тоҷикистон, ҷорӣ намудани усулҳои нави таъмини кадрҳои омӯзгорӣ ба кор тариқи истифодабарии ТИК, дастрасии ҳамаи иштирокчиёни

раванди таълим ба технологияҳои рақамӣ бо мақсади такмили раванди таълим,- истифодаи технологияҳои таълими фосилавӣ ва оммавӣ гардонидани принсипи "таълим дар тамоми умр" вазифаи аввалиндараҷа мебошад.

Роҳнамоӣ намудани амалисозии устувори рақамикунонӣ дар низоми маорифи Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳадафи асосии консепсия ба ҳисоб меравад. Консепсия заминаи стратегӣ ва амалиро таъмин менамояд, ки дар он таваҷҷуҳи махсус ба технологияҳои рақамӣ ва ноил гардидан ба ҳадафҳои гузошташуда дар соҳаи маориф дода мешавад ва инчунин, бо дар назар доштани таҷрибаҳои минтақавӣ ва умумиҷаҳонӣ дар самти тарғибу ташвиқи технологияҳои рақамӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон қадамҳои мушаххасро муайян менамояд.

Ҳамин тариқ, барои он, ки донишҷӯёни муассисаҳои олии касбӣ ба донишҳои касбӣ ноил гарданд, техника ва технологияҳои замони муосирро истифода бурда тавонанд. Боиси қайд аст, ки донишҷӯ то тамом кардани мактаби миёна бо компютер коркарданро хуб омӯзад, зеро фаъолияти меҳнати ҳар фардро дар оянда бе технологияи иттилоотии навин тасаввур кардан ғайриимкон аст. Донишҷӯ дар давоми соли хониш ихтисоси дӯстдоштаашро на танҳо хуб фаҳмад, балки амалан онро иҷро карда тавонад.

Гузаронидани донишҷӯён ба фазои ягонаи таҳсилоти ҷаҳонӣ, яъне низоми таҳсилоти кредит аз омӯзгор ва донишҷӯ талаб менамояд, ки сатҳи баланди дониш дошта бошанд.

Баробари мустаҳкам гардонидани заминаи моддию техникии таҳсилот бояд тамоми муассисаҳои таълим бо омӯзгорони мутахассису таҷрибанок таъмин бошанд, зеро маҳз чунин омӯзгорон метавонанд, шавқу завқи ҷавононро ба хониш ва дониши фанҳои таълим бедор намоянд. Барои ҳар як донишҷӯ баланд бардоштани савияи дониш чун обу ҳаво ва ғизо заруру ҳатмӣ гардад.

Дар шароити ҳозира бояд ҳар як донишҷӯ-мутахассиси оянда аз худ намудани компютер ва доштани дониши технологӣ, ҳатман бояд забони давлатиро донад ва босаводона навишта тавонад, забонҳои русӣ ва англисиро хуб аз худ намояд. Чунин хатмкунандагони мактаби олӣ дар бозори меҳнат ҳамчун мутахассиси бо саводу болаёқат талаботи зиёд доранд ва дар озмунҳо иштирок намуда, соҳиби вазифаю ҷои кори дилхоҳ шуда метавонанд.

Барои боло рафтани сатҳи дониши муҳассилин пурқувват кардани заминаи моддию техникии муассисаҳои таълим лозим аст, то ки донишҷӯ дониши назариявии ҳосилкардаи худро дар машғулиятҳои амалии фанҳои таълим ба ҳаёт татбиқ карда тавонад. Маҳз ташкили чунин раванди таълим барои ҳамаҷониба ташаккул ёфтани савияи дониши мутахассисони ҷавону болаёқат фазои хуби назариявию эҷодӣ фароҳам меоварад. [6,84]

Аз ҳама муҳимаш он аст, ки омӯзгор барои шавқовар гузаронидани ҳар як машғулияти таълим услуби замонавии интерактивиро истифода бурда, кӯшиш ба харҷ медиҳад, ки машғулиятҳоро на ба ҳайси шунаванда, балки чун иштирокчӣ ва тасаввуркунандаи ҳамон воқеаю ҳодисаи мавзӯи дарс ҳис намояд.

Боиси қайдҳои дар болои ишорашуда, қайд намудан лозим аст, ки ояндаи мамлакат аз фаъолияти омӯзгор ва рушди илму маориф вобастагии зиёд дорад. Дар хотир бояд дошт, ки танҳо миллати босавод метавонад насли соҳибмаърифату донишманд ва кадрҳои арзандаи давронро ба воя расонад, пеш равад ва дар ҷомеаи мутамаддин мақоми арзандаи худро пайдо намояд.

Вобаста ба ин, ба падару модарон, масъулони таълиму тарбия, ва ба тамоми ҷомеаи шаҳрвандӣ лозим меояд барои аз мактаб дур намондани фарзандон саъю талош намоянд, ба илму донишандӯзӣ ва касбу ҳунаромӯзии наврасону ҷавонон диққати махсус диҳанд. Ҳамзамон бо ин, ҳамкориро бо муассисаҳои олии касбии Ҷумҳурии Тоҷикистон тақвият бахшанд ва барои таълими фарзандон тамоми шароити заруриро муҳайё намоянд.

АДАБИЁТ

1.Паёми Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон. Манбаи электронӣ: http: //president.tj (санаи мурочиат: 20.03.2026)

2.Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 6 ноябри соли 1994 (бо таѓйироту иловаҳо аз 26 сентябри соли 1999, 22 июни соли 2003 ва 22 майи 2016). Душанбе. “Шарқи Озод”, 2016 с.

3. Қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон дар бораи Барномаи миёнамуҳлати рушди иқтисоди рақамӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон бармеояд, барои солҳои 2021-2025. Манбаи электронӣ: http://mmk.tj (санаи мурочиат: 22.03.2026)

4. Қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон дар бораи Консепсияи иқтисоди рақамӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 30 декабри 2019 Манбаи электронӣ: http://mmk.tj (санаи мурочиат: 22.03.2026)

5. Қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон дар бораи Консепсияи гузариш ба таҳсилоти рақамӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои давраи то соли 2042. Манбаи электронӣ: http://mmk.tj (санаи мурочиат: 25.03.2026)

6. Қосидов О., Қосидова У.О. Рушди иқтидори меҳнат дар Ҷумҳурии Тоҷикистон. Хуҷанд, 2013

УДК: 004.9:34:631 (574)

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО В СЕЛЬСКИХ РЕГИОНАХ КАЗАХСТАНА И ЕГО ПРАВОВОЕ ПРЕОДОЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ АПК

МОМЫНКУЛОВА САУЛЕ МАДИЯРБЕКОВНА
АО «Алматинский технологический университет», сеньор-лектор, докторант Ph.D ОП «Экономика». Тел.: +77077656536; E-mail: SulyaMadi@mail.ru

В данной статье сделана попытка проведения комплексного анализа цифрового неравенства в сельских регионах Казахстана как многоуровневого социального правового явления. Главное внимание уделено институциональным и правовым факторам, которые препятствуют цифровой инклюзии. Также обоснована необходимость трансформации подходов к правовому регулированию с учетом развития искусственного интеллекта и цифровизации агропромышленного комплекса. Предложена концептуальная модель правового обеспечения цифровой доступности.

Ключевые слова: цифровая среда, цифровое неравенство, цифровая инклюзия, агропромышленный комплекс(АПК), правовое регулирование, Казахстан.

НОБАРОБАРИИ РАҚАМӢ ДАР МИНТАҚАҲОИ ДЕҲОТИ ҚАЗОҚИСТОН ВА РОҲҲОИ ҲУҚУҚИИ БАРТАРАФСОЗИИ ОН ДАР ШАРОИТИ РАҚАМИКУНОНИИ КОМПЛЕКСИ АГРОСАНОАТӢ

МОМЫНКУЛОВА САУЛЕ МАДИЯРБЕКОВНА
ҶСК «Донишгоҳи технологии Алмато», омӯзгор, докторанти PhD ихтисоси «Иқтисодиёт». Тел.: +7 707 765 65 36; E-mail: SulyaMadi@mail.ru

Дар мақолаи мазкур кӯшиши анҷом додани таҳлили ҳамаҷонибаи нобаробарии рақамӣ дар минтақаҳои деҳотии Қазоқистон ҳамчун падидаи бисёрсатҳавии иҷтимоӣ-ҳуқуқӣ ба амал оварда шудааст. Таваҷҷуҳи асосӣ ба омилҳои институтсионалӣ ва ҳуқуқие равона гардидааст, ки ба фарогирии рақамӣ монеа мешаванд. Ҳамчунин зарурати тағйири равишҳо ба танзими ҳуқуқӣ бо дарназардошти рушди зеҳни сунъӣ ва рақамикунонии комплекси агросаноатӣ асоснок карда шудааст. Модели консептуалии таъмини ҳуқуқии дастрасии рақамӣ пешниҳод гардидааст.

Калидвожаҳо: муҳити рақамӣ, нобаробарии рақамӣ, фарогирии рақамӣ, комплекси агросаноатӣ (КАС), танзими ҳуқуқӣ, Қазоқистон.

DIGITAL INEQUALITY IN RURAL REGIONS OF KAZAKHSTAN AND ITS LEGAL OVERCOMING IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF THE AGRICULTURAL SECTOR

MOMINKULOVA SAULE MADIYARBEKOVNA
JSC "Almaty Technological University", Senior Lecturer, PhD Candidate in Economics. Phone: +77077656536; E-mail: SulyaMadi@mail.ru

This article attempts to provide a comprehensive analysis of digital inequality in rural regions of Kazakhstan as a multi-level social and legal phenomenon. The main focus is on the institutional and legal factors that hinder digital inclusion. The article also argues for the need to transform legal approaches in light of the development of artificial intelligence and the digitalization of the agro-industrial complex. A conceptual model for legal support of digital accessibility is proposed.

Keywords: digital environment, digital inequality, digital inclusion, agro-industrial complex (AIC), legal regulation, Kazakhstan.

В современных условиях глобальной цифровой трансформации общественных и экономических процессов цифровизация становится основополагающим фактором устойчивого развития государства. Активное внедрение искусственного интеллекта и развитие информационно - коммуникационных технологий формируют новую социально - экономическую реальность при котором, доступ к цифровым технологиям является условием необходимости реализации базовых прав и свободы человека.

Для Республики Казахстан цифровизация определена в качестве стратегического приоритета государственной политики, особенно в контексте модернизации агропромышленного комплекса. *Президент Казахстана К.-Ж. Токаев* объявил *2026* год Годом *цифровизации* и искусственного интеллекта и поставил задачу - сделать страну цифровой державой [1].

Современные научные подходы рассматривают цифровизацию как глубинную трансформацию общественных отношений[2]. Однако, процесс цифровизации носит неравномерный характер, который приводит к формированию разрыва цифровизации между городом и селом. Сельские регионы остаются наиболее уязвимыми относительно цифровой доступности, это ограничивает их участие в цифровой экономике и снижает эффективность внедрения инновационных технологий, включая искусственный интеллект.

В современных условиях цифровое неравенство приобретает новую характеристику относительно качественного определения. Ранее оно проявлялось преимущественно в отсутствии доступа к интернету, а сейчас речь идет о неравенстве в возможностях использования сложных цифровых решений, включая технологии искусственного интеллекта, большие данные и цифровые платформы. Этот особенно актуально для агропромышленного комплекса, где внедрение инновационных технологий напрямую связано с эффективностью производства, продовольственной безопасностью и конкурентоспособностью национальной экономики.

В Казахстане цифровое неравенство в сельских регионах имеет системный характер и обуславливается следующими факторами: инфраструктурными, экономическими, социальными и институциональными. Особую значимость приобретают правовые аспекты этой проблемы, потому что, именно право определяет рамки доступа к цифровым ресурсам. На сегодня значительная часть сельского населения оказывается ограниченной в доступе к цифровым услугам, включая электронное государственное управление, цифровые аграрные платформы и системы искусственного интеллекта.

Особую актуальность теме исследования придает тот факт, что в условиях ускоренного развития технологий искусственного интеллекта возникает риск углубления цифрового неравенства, ведь для полноценного использования искусственного интеллекта требуется высокоскоростной интернет, цифровая инфраструктура, соответствующие компетенции. Эти факты ограничивают возможности сельских территорий.

Решение данной проблемы требует не только переосмысления роли права в условиях цифровой трансформации и разработки новых подходов в правовому регулированию цифровой инклюзии, но и актуализации признания вопроса доступа к интернету в качестве базового социального права.

В этой связи настоящее исследование посвящено анализу цифрового неравенства в сельских регионах Казахстана и разработку теоретико-правовых основ его преодоления в условиях глобальной цифровизации АПК и развития искусственного интеллекта.

В исследовании использованы методологии системного анализа, сравнительно-правовой метод, статистический анализ и институциональные подходы.

Источниками для анализа данных в практической части являются официальные данные государственных органов Республики Казахстан (2022-2026 г.г.), международные исследования (UNESCO, Freedom House), также использованы аналитические отчеты и отраслевые публикации. Период исследования охватывает с 2022 год по 2026 год, что позволяет оценить влияние государственных программ цифровизации.

Основная часть

Раздел 1. Теоретическая аспекты

Внедрение цифровых технологий в приоритетные отрасли экономики на ряду с тем, что повышает уровень информационно - технологической безопасности приводит к технологическому развитию и независимости страны. Цифровая трансформация отраслей экономики способствует росту валового внутреннего продукта уровня благосостояния граждан страны [3].

«Под цифровой средой понимается совокупность инфраструктуры, технологий, процессов и условий для создания, обращения, хранения, передачи и использования цифровых данных и цифровых объектов, осуществления и передачи прав на них вне зависимости от территории их размещения...» [4].

Цифровая среда это - пространство или место, в котором все процессы осуществляются цифровыми технологиями и устройствами [5].

Развитие цифровых технологий сопровождается феноменом цифрового неравенства.

Цифровое неравенство представляет собой многоуровневое явление (рисунок 1).

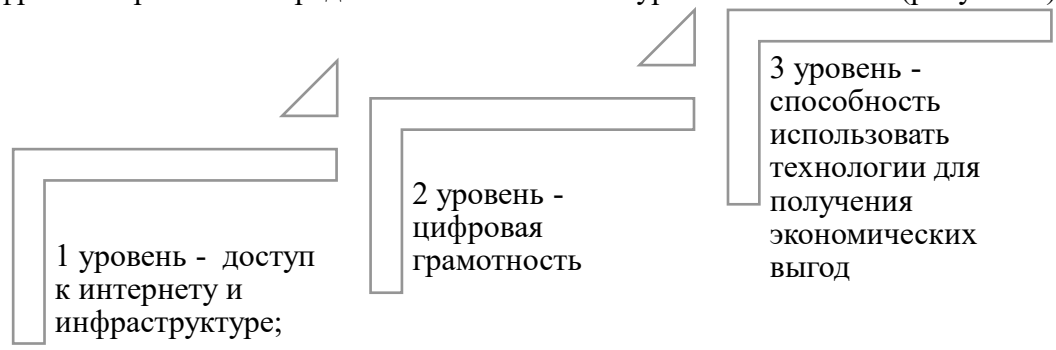


Рисунок 1 - Уровни цифрового неравенства.

В сельских регионах Казахстана проявляются все три уровня неравенства.

Основными факторами проявления цифрового неравенства являются:

- низкая плотность населения и высокая стоимость инфраструктуры;
- ограниченный доступ к широкополосному интернету;
- низкий уровень цифровых компетенций;
- экономическая нецелесообразность инвестиций в удаленные районы.

К примеру, даже при высоком общем уровне интернет проникновения (около 85,9 % в 2022 году) сохранялся разрыв в качестве и скорости соединения между городом и аульными округами [6].

Раздел 2. Практическая часть

Рассмотрим динамику цифрового доступа (2022-2026 г.г.). Итак, в 2022 году к интернету имели доступ около 94,5% домохозяйств, значительная часть через мобильные сети со скоростной ограниченностью. В начале 2022 года в сельских регионах сохранялась проблема отсутствия инфраструктуры: более1178 населенных пунктов имели ограниченный доступ к широкополосной связи. В 2023 - 2024 годах в

стране начали реализоваться проекты по подключению удаленных аульных округов через спутниковые технологии. Проведем сравнительный анализ цифровой доступности в сельских регионах Казахстана (таблица 1)

Таблица 1- Динамика доступа к интернету и инфраструктуры (2022-2026 г.г.)

Показатели	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.(оценка)	2026 г. (оценка)	Тренд
Доля домохозяйств с доступом к интернету, %	94, 5	95, 8	96, 7	98,5	100	Устойчивый рост
Доля сельских населенных пунктов с доступом, %	82	85	88	93	97	Ускоренный рост
Количество населенных пунктов без ШПД	~ 1200	~1000	~800	~400	≤ 150	Снижение
Доля подключений через мобильный интернет, %	65	67	68	70	72	Рост зависимости
Доля подключений через ВОЛС, %	35	37	39	42	45	Медленный рост
Примечание: таблица составлена автором на основе данных Министерства цифрового развития Республики Казахстан						

Анализируя данные таблицы, можно сделать следующие выводы: основной рост обеспечивается мобильными технологиями, а не фиксированной инфраструктурой, несмотря на почти 100 % покрытие, сохраняется технологическое неравенство, при этом происходит снижение числа неподключенных населенных пунктов, но все же остаются труднодоступные регионы.

В последние годы в стране наблюдается повышение качественных характеристик цифрового доступа (таблица 2)

Таблица 2 - Качество интернет - соединений в сельской местности

Показатели	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.(оценка)	2026 г. (оценка)	Тренд
Средняя скорость интернета (Мбит/с)	12	15	18	22	27	Рост
Доля пользователей с низкой скоростью	48	42	35	25	18	Снижение

(<10 Мбит/с), %						
Доля стабильного соединения (%)	60	65	70	78	85	Улучшение
Доступ к 4G/5G (%)	75	80	85	92	96	Рост
Примечание: таблица составлена автором на основе данных Министерства цифрового развития Республики Казахстан						

По итогам приведенных данных в таблице можно утверждать, что наблюдается значительное улучшение качества связи, при этом разрыв с городами сохраняется, проблема смещается от наличия доступа к его качеству, высокоскоростной интернет остается ограниченным в удаленных селах.

Также в сельских местностях растет уровень цифровой грамотности и использования технологий, но по сравнению с городом наблюдается отставание в этом показателе, использование агротехнологий также остается низким, что ограничивает цифровизацию АПК.

При этом, цифровизация АПК не стоит на одном месте, но темпы остаются умеренными, потому что сохраняется разрыв между крупными и малыми хозяйствами и все это напрямую влияет на экономическую эффективность.

Проведя обобщающий анализ цифрового неравенства (по данным таблицы 3), где наблюдается системное снижение цифрового неравенства в анализируемый период, наиболее слабым элементом остается практическое использование технологий, несмотря на прогресс, все же сохраняется структурный разрыв между городом и селом.

Таблица 3 - Индекс цифрового неравенства (условный показатель)

Компонент	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.	2026 г.
Инфраструктура	0.65	0.70	0.75	0.82	0.88
Качество связи	0.55	0.60	0.66	0.74	0.82
Навыки населения	0.60	0.64	0.69	0.75	0.80
Использование технологий	0.50	0.55	0.61	0.70	0.78
Итоговый индекс	0.58	0.62	0.68	0.75	0.82
Примечание: 0 - высокий уровень неравенства, 1 - его отсутствие					

В целом, анализ таблиц показывает, что: цифровое неравенство трансформируется из инфраструктурной проблемы в институционально – компетентностную, ключевым барьером становится не доступ, а эффективное использование цифровых технологий, соответственно, правовые меры должны смещаться от обеспечения доступ к стимулированию внедрения технологий АПК.

В итоге, в период 2022-2026 г.г. Казахстан демонстрирует положительную динамику сокращения цифрового разрыва в сельских регионах, однако сохраняется зависимость от мобильной инфраструктуры, уровень цифровизации АПК остается недостаточным, необходим переход к качественному новому этапу правового регулирования, ориентированному на развитие цифровой экономики сельских территорий.

Несмотря на количественный рост доступа, в регионах сохраняется низкая качественная характеристика, то есть: низкая скорость интернета, зависимость от мобильной связи (качество которых до сих пор желает лучшего), территориальная изолированность малых сел (менее 250 жителей).

В итоге, цифровое неравенство приводит к ограниченному внедрению агротехнологий (precision farming, IoT), снижению конкурентоспособности фермерских хозяйств, неравному доступу к государственным цифровым сервисам.

В 2025 году Казахстан обеспечил значительный рост покрытия интернетом сел: было подключено около 2,6 тыс. сельских населенных пунктов, а общая доля охвата населения достигла 93%. В 2026 году активно внедряются спутниковые технологии (Starlink, OneWeb) для труднодоступных территорий, а к 2027 году планируется обеспечить 100% покрытие [7].

На сегодня в Казахстане правовые механизмы преодоления цифровых неравенств предусматривают следующие правовые механизмы (рисунок 2)

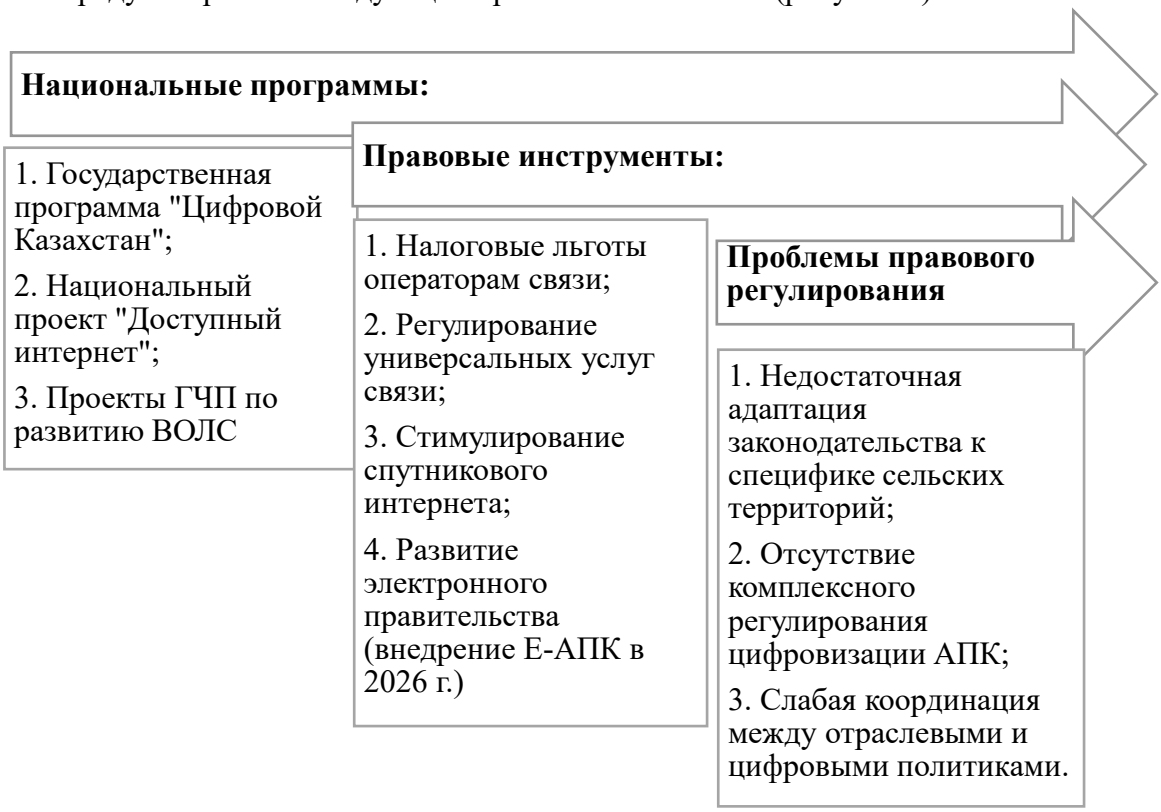


Рисунок 2 - Правовые механизмы преодоления цифровых неравенств в Казахстане

Результаты показывают, что Казахстан добился значительного прогресса в расширении доступа к интернету, однако количественное преодоление цифрового разрыва не означает его качественного устранения. При этом основные проблемы: инфраструктурный дисбаланс (оптоволокно/ мобильный интернет), цифровая грамотность населения, экономическая неэффективность в малые села. Цифровизация АПК усиливает значимость этих проблем, поскольку современные агротехнологии требуют стабильного и высокоскоростного интернета.

Заключение

Цифровое неравенство в сельских регионах Казахстана в 2022-2026 г.г. характеризуется переходом от проблемы доступа к проблеме качества и использования цифровых технологий. Для его преодоления необходимы:

- развитие высокоскоростной инфраструктуры (ВОЛС и спутниковые технологии);

- повышение цифровой грамотности сельского населения;

- совершенствование правового регулирования цифровизации АПК;

- стимулирование частных инвестиций через механизмы ГЧП.

Комплексное решение указанных задач позволит обеспечить устойчивое развитие сельских территорий и эффективную цифровую трансформацию агропромышленного комплекса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. https://www.akorda.kz/ru/ob - obyavlenii - goda - cifrovizacii-i-iskusstvennogo - intellekta-601222 (дата обращения: 26.03.2026г.)
2. Рыболовлева Н.С. Цифровизация общественных отношений: риски и угрозы // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5(221). С. 133-135. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_5_133.
3. Симченко Н. А., Яновская А. А. Цифровая среда и ее влияние на регулирование развития рынка труда // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. - 2024. - Т. 26, № 2. - С. 118-132. DOI: https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu. 2024.2.10
4. ЦИФРОВОЙ КОДЕКС РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН. Кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 года № 255-VIII ЗРК. https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000255. (дата обращения: 27.03.2026г.)
5. Syamimi Masrani, A. Digital Environment: An Evolutionary Component in Environmental Health / A. Syamimi Masrani, N. R. Nik Husain // Journal of Public Health Research. - 2022. - № 11 (2). - DOI: 10.1177/22799036221103125
6. https://freedomhouse.org/ru/country/kazakhstan/freedom-net/2022?utm_source. (дата обращения: 28.03.2026г.)
7. https://primeminister.kz/ru/news/100-naseleniia-kazaxstana-obespecat-dostupom-v-internet-k-2027-godu-30633. (дата обращения: 30.03.2026г.)

УДК: 34:004:327

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ, ЦИФРОВИЗАЦИИ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН, А ТАКЖЕ РОЛЬ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

МАДАМИНОВА ДИЛАФРУЗ ХОШИМОВНА
Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, преподаватель факультета социальных предметов, кафедры юридических дисциплин. Тел.: (+998) 90 970 50 85; E-mail: dilishxon18@icloud.com

Данная статья вкратце излагает смысл основных нормативных актов в области цифровизации, искусственного интеллекта и их законного применения в Республике Узбекистан. Приводятся в качестве примеров некоторые основные понятия, а также, ответственность за правонарушения в этой сфере, роль цифровой дипломатии во внешних отношениях Узбекистана.

Ключевые слова: цифровизация, кибербезопасность, государственное управление, информационный ресурс, информационные системы, искусственный интеллект, законодательство Республики Узбекистан, цифровая дипломатия.

EGAL SUPPORT FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT, DIGITALIZATION AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE BASED ON THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN, AS WELL AS THE ROLE OF DIGITAL DIPLOMACY IN INTERNATIONAL RELATIONS

MADAMINOVA DILAFRUZ KHOSHIMOVNA
National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Lecturer at the Faculty of Social Sciences, Department of Legal Disciplines. Tel.: (+998) 90 970 50 85; E-mail: dilishxon18@icloud.com

This article briefly outlines the main regulatory acts in the field of digitalization, artificial intelligence, and their legal application in the Republic of Uzbekistan. Examples of key concepts are provided, as well as liability for violations in this area, and the role of digital diplomacy in Uzbekistan’s foreign relations.

Key words: digitalization, cybersecurity, public administration, information resource, information system, artificial intelligence, legislation of the Republic of Uzbekistan, digital diplomacy.

ТАЪМИНИ ҲУҚУҚИИ РУШДИ УСТУВОР, РАҚАМИКУНОНӢ ВА ЗЕҲНИ СУНЪӢ ДАР МИСОЛИ ҚОНУНГУЗОРИИ ҶУМҲУРИИ ӮЗБЕКИСТОН, ҲАМЧУНИН НАҚШИ ДИПЛОМАТИЯИ РАҚАМӢ ДАР МУНОСИБАТҲОИ БАЙНАЛМИЛАЛӢ

МАДАМИНОВА ДИЛАФРУЗ ХОШИМОВНА
Донишгоҳи миллии Ӯзбекистон ба номи Мирзо Улуғбек, омӯзгори факултети фанҳои иҷтимоӣ, кафедраи фанҳои ҳуқуқӣ. Тел.: (+998) 90 970 50 85; E-mail: dilishxon18@icloud.com

Дар мақолаи мазкур мазмуни асосии санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ дар соҳаи рақамикунонӣ, зеҳни сунъӣ ва татбиқи қонунии онҳо дар Ҷумҳурии Ӯзбекистон ба таври мухтасар баён карда шудааст. Ҳамчун мисол баъзе мафҳумҳои асосӣ, инчунин

ҷавобгарӣ барои ҳуқуқвайронкуниҳо дар ин соҳа ва нақши дипломатияи рақамӣ дар муносибатҳои хориҷии Ӯзбекистон оварда мешаванд.

Калидвожаҳо: рақамикунонӣ, амнияти киберӣ, идоракунии давлатӣ, захираҳои иттилоотӣ, низомҳои иттилоотӣ, зеҳни сунъӣ, қонунгузории Ҷумҳурии Ӯзбекистон, дипломатияи рақамӣ.

В 2020 году был принят Указ Президента Республики Узбекистан об утверждении стратегии “Цифровой Узбекистан - 2030” и мерах по её эффективной реализации. Исходя из стратегии реализуются комплексные меры по активному развитию цифровой экономики, широкому внедрению современных информационно-коммуникационных технологий во все отрасли и сферы, прежде всего в государственном управлении, образовании, здравоохранении и сельском хозяйстве. Основной акцент делается на прозрачности государственного управления, цифровизации и повышении кибербезопасности.

До этого в республике уже существовало ряд нормативных актов регулирующие данную область правоотношений. Ярким примером может служить “Закон Республики Узбекистан об информатизации” от 11 декабря 2003 года [2].

Основная цель принятия вышеуказанного Закона состоялась в том, чтобы регулировать отношения в области информатизации, использования информационных ресурсов и информационных систем. Приведены основные объяснения и толкования таким понятиям как, что означает информационный ресурс, кто является собственником информационных ресурсов или информационных систем, владелец информационных ресурсов или информационных систем, что из себя представляет информационная технология и информационная система. Были определены с юридической точки зрения понятия “блогер” и “искусственный интеллект”. Рассмотрим некоторые основные понятия исходя из нашей темы:

“Блогер – физическое лицо, размещающее на своих веб-сайтах и (или) странице веб-сайта во всемирной информационной сети Интернет общедоступную информацию общественно-политического, социально-экономического и иного характера, в том числе для её обсуждения пользователями информации” (3-статья “Закон Республики Узбекистан об информатизации”).

“Искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (в том числе самообучение и поиск решений) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека” (3-статья “Закон Республики Узбекистан об информатизации”).

Специально уполномоченным органом для организации и координации работ в этой сфере является Министерство по развитию информационных технологий и коммуникаций Республики Узбекистан [3]. Создание условий для привлечения инвестиций в направлении искусственного интеллекта является одной из самых актуальных и главных задач данного министерства.

Одной из самых требующих конкретно-практических мер по решению правонарушений в области прав и свобод граждан считается, конечно же, определение и профилактика мер по устранению информационных мошенничеств, которые используют персональные данные физических, а также юридических лиц против закона. В Конституции Республики Узбекистан точно и ясно определено, что, “Каждый человек имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и достоинства. Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, электронных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только в соответствие с законом и на основании решения суда. Каждый имеет право на защиту своих персональных данных, а также требовать исправления недостоверных данных, уничтожения данных, собранных о нём

незаконным путём или более не имеющих правовых оснований…” [1]. Всем не секрет, что информации разделяются на два вида: первое, информации общедоступного характера, это те информационные ресурсы, которые предназначены для неограниченного круга пользователей. И второе, информационные ресурсы ограниченного доступа, это те информации, которые содержат в себе материалы о государственных секретах, конфиденциальную информацию или же информацию, доступ к которой ограничен собственниками информационных ресурсов.

Согласно законодательству Республики Узбекистан, “Порядок формирования и использования информационных ресурсов, содержащих информацию о персональных данных физических лиц, устанавливается законодательством” (13-статья “Закон Республики Узбекистан об информатизации”).

В Узбекистане начиная с 2019 года действует отдельный Закон “О персональных данных”. Основной целью данного закона является регулирование отношений в области персональных данных. Установлены правовые начала основных понятий имеющим отношение к персональным данным. В том числе:

“персональные данные – зафиксированная на электронном, бумажном и (или) ином материальном носителе информация, относящаяся к определённому физическому лицу или дающая возможность его идентификации;[2]

обработка персональных данных – реализация одного или совокупности действий по сбору, систематизации, хранению, изменению, дополнению, использованию, предоставлению, распространению, передаче, обезличиванию и уничтожению персональных данных”.[3] Уполномоченным государственным органом в области персональных данных является Государственный центр персонализации при Кабинете Министров Республики Узбекистан. В 27-статье вышеуказанного закона говорится о гарантии защиты персональных данных. А конкретно, государство гарантирует защиту персональных данных и целостность, а также, сохранность персональных данных.

Закон “О внесении дополнений и изменений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с регулированием отношений, возникающих при применении искусственного интеллекта” [4] дополняет и вносит изменения в “Закон Республики Узбекистан об информатизации”. Эти изменения были направлены на: во-первых, на определение общих основ использования технологий искусственного интеллекта; во-вторых, уточнению полномочий компетентного государственного органа в данной сфере.

Кроме этого, всё больше применяется на практике в отношениях между государствами такое понятие, как “цифровая дипломатия”. Цифровая дипломатия (также называется интернет-дипломатией или e-diplomacy) – это использование возможностей интернета, социальных сетей и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для решения дипломатических задач и продвижения государственных интересов во внешней политике. Это направление трансформирует традиционные методы взаимодействия между государствами, делая их более открытыми и оперативными. Наряду с преимуществами цифровая дипломатия имеет и определённые риски, такие как, уязвимость перед кибератаками, возможность манипуляции общественным мнением и риск возникновения “цифровых войн”, а также, вопросы защиты государственного суверенитета в сети. Республика Узбекистан в этой сфере активно сотрудничает с Индией. Например, в январе месяца текущего года состоялась образовательная программа в виде онлайн-курсов по искусственному интеллекту и кибербезопасности для дипломатов Узбекистана [5].

Посольства и консульства Узбекистана активно используют платформы (X, Facebook, Telegram) для оперативного информирования и прямой связи с гражданами и

[2] https://lex.uz

[3] Тот же источник.

зарубежной аудиторией. Развитие консульных услуг в электронном формате помогает своевременно и эффективно при защите прав соотечественников.

При принятии юридически значимых решений, затрагивающие права и свободы человека, запрещается опираться исключительно на выводы информационных систем, работающих только на базе технологий искусственного интеллекта. Вместе с тем, за незаконную обработку персональных данных с использованием искусственного интеллекта, их распространение в СМИ, сетях телекоммуникаций или Интернете: установлена ответственность в виде штрафа от 50 до 100 БРВ с конфискацией орудий совершения административного правонарушения.

В качестве вывода можем сказать, что развитие цифровых технологий и роль искусственного интеллекта растёт и усиливается с каждым годом, а иногда и быстрее. Международная и национальные правовые системы иногда не успевают уследить за изменениями в этой области. Регулирование и приспособление к такому родам изменений не всегда удаётся своевременно. От государств требуется решение таковых задач путём принятий, дополнений или изменений в свои нормативные акты соответствующих норм, и конечно же, укрепление и усиление международного сотрудничества в сфере цифровых технологий и внедрения искусственного интеллекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституции Республики Узбекистан, Ташкент. “Юридик адабиётлар publish”, 2023 г..
2. Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. 2004 г., №, ст.10; Собрание законодательства Республики Узбекистан, 2014 г., № 36, ст. 452; Национальная база данных законодательства, 30.03.2021 г., № 03/21/679/0256; 11.09.2024 г., № 03/24/959/0698
3. Положение о Министерстве по развитию информационных технологий и коммуникаций Республики Узбекистан утверждённое постановлением Кабинета Министров от 1 мая 2018 года № 318, Национальная база данных законодательства, 01.05.2018 г., 09/18/318/1108, 25.08.2018.
4. https://lex.uz
5. https://dunyo.info/ru/news/uzbekistan-i-indiya-ukreplyayut-sotrudnichestvo-v-sfere-cifrovoy

УДК: 34:004:502.131.1

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ, ЦИФРОВИЗАЦИИ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

АБДУШУКУРОВА НОЗИМАБОНУ АБДУЛЛО КИЗИ
Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, преподаватель. Тел.: (+998) 91 009 59 56; E-mail: abdushukurova1997@mail.ru

В данной статье рассматривается конвергенция трех ключевых факторов современной глобальной повестки: устойчивого развития (ESG), цифровой трансформации и внедрения систем искусственного интеллекта (ИИ). Автор анализирует, как правовые системы адаптируются к необходимости балансирования между технологическим прогрессом и этическими нормами, экологической безопасностью и социальной справедливостью. Особое внимание уделяется формированию «мягкого» и «жесткого» права в регулировании алгоритмических систем.

Ключевые слова: Устойчивое развитие, ESG-стандарты, экологизация права, экологическая ответственность.

ТАМОЮЛҲОИ МУОСИРИ ТАЪМИНИ ҲУҚУҚИИ РУШДИ УСТУВОР, РАҚАМИКУНОНӢ ВА ЗЕҲНИ СУНЪӢ

АБДУШУКУРОВА НОЗИМАБОНУ АБДУЛЛО КИЗИ
Донишгоҳи миллии Ӯзбекистон ба номи Мирзо Улуғбек, омӯзгор. Тел.: (+998) 91 009 59 56; E-mail: abdushukurova1997@mail.ru

Дар мақолаи мазкур ҳамгироии се омили асосии рӯзномаи ҷаҳонии муосир — рушди устувор (ESG), трансформатсияи рақамӣ ва ҷорӣ намудани системаҳои зеҳни сунъӣ баррасӣ мегардад. Муаллиф таҳлил менамояд, ки чӣ гуна низомҳои ҳуқуқӣ ба зарурати мувозинат байни пешрафти технологӣ ва меъёрҳои ахлоқӣ, амнияти экологӣ ва адолати иҷтимоӣ мутобиқ мешаванд. Таваҷҷуҳи махсус ба ташаккули «ҳуқуқи нарм» ва «ҳуқуқи сахт» дар танзими системаҳои алгоритмӣ равона шудааст.

Калидвожаҳо: рушди устувор, стандартҳои ESG, экологикунонии ҳуқуқ, масъулияти экологӣ.

MODERN TRENDS IN LEGAL SUPPORT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT, DIGITALIZATION AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE

ABDUSHUKUROVA NOZIMABONU ABDULLO KIZI
National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Lecturer. Tel.: (+998) 91 009 59 56; E-mail: abdushukurova1997@mail.ru

This article examines the convergence of three key factors on the modern global agenda: sustainable development (ESG), digital transformation, and the implementation of artificial intelligence systems (AI). The author analyzes how legal systems adapt to the need to balance technological progress with ethical norms, environmental safety, and social justice. Special attention is paid to the formation of "soft" and "hard" law in the regulation of algorithmic systems

Keywords: Sustainable development, ESG standards, green law, environmental responsibility.

Введение. На современном этапе мировое сообщество сталкивается с двойным вызовом: необходимостью перехода к модели устойчивого развития и стремительной цифровизацией всех сфер общественной жизни. Право перестает быть просто регулятором общественных отношений и становится инструментом управления рисками, возникающими при внедрении высоких технологий.

Правовое обеспечение устойчивого развития в цифровую эпоху:
Устойчивое развитие сегодня немыслимо без цифровых инструментов. Правовое регулирование смещается в сторону **ESG-стандартов** (Environmental, Social, and Governance), где цифровизация играет роль катализатора:

Прозрачность данных: Законодательные инициативы обязывают компании использовать блокчейн и большие данные для мониторинга углеродного следа.

Зеленая цифра: Регулирование направлено на минимизацию энергопотребления самими дата-центрами и инфраструктурой ИИ.

Регулирование искусственного интеллекта: от этики к праву: Искусственный интеллект является «двигателем» четвертой промышленной революции, однако он несет в себе риски нарушения прав человека. Современные правовые тренды включают:

Рискоориентированный подход: Разделение систем ИИ по уровню опасности (по аналогии с EU AI Act). Системы с «неприемлемым риском» (например, социальный скоринг) попадают под запрет.

Алгоритмическая ответственность: Правовые нормы начинают четко определять, кто несет ответственность за ошибки ИИ разработчик, владелец или пользователь.

Борьба с предвзятостью: Законодательное закрепление требований к чистоте обучающих выборок для предотвращения дискриминации по расовому или гендерному признаку.

Цифровизация как инструмент правовой трансформации: Цифровизация меняет саму природу правотворчества и правоприменения:

Smart-контракты: Самоисполняемые алгоритмы на базе блокчейна минимизируют человеческий фактор в коммерческих сделках, обеспечивая юридическую чистоту.

RegTech и SupTech: Использование ИИ государственными органами для автоматизированного контроля за соблюдением законодательства (особенно в финансовом секторе).

Правосубъектность ИИ: Тупик или новая юриспруденция?
Основная коллизия заключается в том, что ИИ способен создавать объекты (код, картины, тексты), которые по закону считаются результатом **творческого труда**, но закон признает автором только **человека**.

Авторское право: В большинстве стран (США, ЕС, РФ) суды отказывают в регистрации авторства за ИИ. Например, дело Стивена Талера и его системы «Creativity Machine» подтвердило: без «человеческого участия» объект не охраняется авторским правом. Это создает риск: если ИИ-контент нельзя защитить, он становится «ничейным», что подрывает инвестиции в технологии.[1]

Деликтная ответственность: Если беспилотный автомобиль или медицинский алгоритм причиняет вред, возникает «разрыв ответственности». Кто виноват?

- Разработчик (ошибка в коде)?
- Владелец (неправильная эксплуатация)?
- Самообучающаяся модель (которая приняла решение, не заложенное программистом)?

Концепция «Электронного лица»: В Европарламенте обсуждалась идея наделить роботов статусом «электронных лиц» с обязанностью платить страховые

взносы. Однако научное сообщество пока против, опасаясь, что корпорации будут использовать этот статус как «щит», чтобы снимать ответственность с реальных владельцев.[2]

Защита данных: Конфликт Big Data и Privacy - ИИ «питается» данными. Чем больше данных, тем точнее модель, но тем выше риск деанонимизации личности.

Проблема согласия: Современные нормы (GDPR) требуют конкретного и информированного согласия на обработку данных. Однако при обучении нейросетей данные используются миллиардами, и невозможно предсказать, как именно алгоритм «свяжет» ваши старые фото с вашими финансовыми привычками через 5 лет.

Право на объяснение: Согласно современным трендам, гражданин имеет право знать, почему ИИ отказал ему в кредите или страховке. Но современные нейросети это «черный ящик» (Black Box). Даже разработчики не всегда могут объяснить логику конкретного решения ИИ. Это создает юридическую коллизию: право на объяснение есть, а технической возможности его реализовать нет.

Генерация персональных данных: ИИ может «галлюцинировать» или восстанавливать скрытые данные о человеке на основе открытых источников, фактически создавая «цифровой донос» или компромат без фактического нарушения закона о краже данных.[3]

Заключение

Подводя итог исследованию, можно констатировать, что современная правовая парадигма претерпевает фундаментальную трансформацию под воздействием триады «устойчивое развитие – цифровизация – искусственный интеллект». Традиционные, статичные методы законодательного регулирования сегодня оказываются недостаточно эффективными перед лицом экспоненциального технологического роста.

Ключевые выводы и перспективы развития правовой среды:

Переход к динамическому регулированию: Основная тенденция современности это отказ от стратегии «тотального запрета» в пользу гибких правовых режимов. **«Регуляторные песочницы» (regulatory sandboxes)** становятся не просто экспериментальными площадками, а необходимым инструментом правотворчества. Они позволяют государству и бизнесу совместно находить баланс между технологическим прорывом и соблюдением этических норм, минимизируя риски для общества еще до массового внедрения продукта.

Экологизация и социализация алгоритмов: В контексте устойчивого развития право должно гарантировать, что цифровизация не станет фактором усиления социального неравенства или экологической деградации. Правовое обеспечение будущего это нормы, которые обязывают разработчиков ИИ учитывать энергоэффективность вычислений и исключать дискриминационные алгоритмы, тем самым интегрируя принципы **ESG** непосредственно в программный код.

Необходимость глобального правового консенсуса: Учитывая трансграничный характер цифровых технологий, фрагментация законодательства на национальном уровне создает барьеры для устойчивого роста. Гармонизация международного права, создание единых стандартов этики и безопасности ИИ на уровне ООН, ЮНЕСКО или других международных институтов станут залогом стабильности мировой экономики.

Ответственное саморегулирование: Наряду с государственным контролем, возрастает роль этических кодексов и корпоративных стандартов. Право будущего это симбиоз «жестких» законодательных актов и «мягкого права», где профессиональное сообщество берет на себя обязательства по прозрачности и подотчетности систем ИИ.

В конечном счете, целью правового обеспечения является создание такой среды, где технологии искусственного интеллекта и цифровая трансформация служат не самоцелью, а надежным инструментом достижения **общего блага**, защиты прав

человека и сохранения ресурсов планеты для будущих поколений. Право должно стать не преградой на пути прогресса, а его осознанным и безопасным руслом.

Список использованных источников:

1. Европейский акт об искусственном интеллекте (EU AI Act).[1]
2. Цели устойчивого развития ООН (ЦУР 2030).[2]
3. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле.[3]

УДК: 347.45:347.1

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА ПОРУЧЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

БОЛТУЕВА ШАХНОЗАХОН САМАДОВНА
Таджикский государственный университет коммерции, специалист отдела кадров, соискатель кафедры антикоррупционного и коммерческого права. Тел.: (+992) 92-756-67-66; E-mail: shanoza2021@mail.ru

В рамках данной статьи рассматривается вопрос о понятий и правовой природы договоров и в частности договора представительства. Изучаются законодательные нормы и позиции учёных правоведов относительно вопроса договора представительства и его особенностей. В своей работе автор исходит из позиции анализа теоретических и практических аспектов и предлагает на законодательном уровне внести изменения и дополнения с целью улучшения взаимоотношений сторон в договоре представительства, также автор утверждает, что в правоприменительной практике встречаются множество случаев злоупотребления доверием и использование доверенности не по назначению. Данный факт свидетельствует о том, что предоставление доверенности не всегда является выходом из сложившегося ситуации и может облегчить деятельность доверителя.

Ключевые слова: договор, договор поручения, представительство, доверенность, деятельность, практические аспекты.

ТАБИАТИ ГРАЖДАНӢ-ҲУҚУҚИИ ШАРТНОМАИ ВАКОЛАТ ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

БОЛТУЕВА ШАХНОЗАХОН САМАДОВНА
Донишгоҳи давлатии тиҷорати Тоҷикистон, мутахассиси шуъбаи кадрҳо, унвонҷуи кафедраи ҳуқуқи зиддикоррупсионӣ ва тиҷоратӣ. Тел.: (+992) 92-756-67-66; E-mail: shanoza2021@mail.ru

Дар доираи мақолаи мазкур масъалаи мафҳум ва табиати ҳуқуқии шартномаҳо, аз ҷумла шартномаи намояндагӣ (ваколат) баррасӣ мегардад. Меъёрҳои қонунгузорӣ ва мавқеи олимони ҳуқуқшинос вобаста ба шартномаи намояндагӣ ва хусусиятҳои он таҳлил карда мешаванд. Муаллиф дар таҳқиқоти худ аз таҳлили ҷанбаҳои назариявӣ ва амалии масъала баромада, пешниҳод менамояд, ки дар сатҳи қонунгузорӣ бо мақсади беҳтар намудани муносибатҳои тарафҳо дар шартномаи намояндагӣ тағйиру иловаҳо ворид карда шаванд. Ҳамчунин таъкид мегардад, ки дар таҷрибаи ҳуқуқтатбиқкунӣ ҳолатҳои зиёди суиистифода аз боварӣ ва истифодаи ваколатнома ғайримақсаднок ба назар мерасанд. Ин ҳолат нишон медиҳад, ки додани ваколатнома на ҳамеша роҳи ҳалли мушкилоти ба вуҷудомада мебошад ва на ҳамеша фаъолияти ваколатдиҳандаро осон мегардонад.

Калидвожаҳо: шартнома, шартномаи ваколат, намояндагӣ, ваколатнома, фаъолият, ҷанбаҳои амалӣ.

CIVIL LAW NATURE OF THE CONTRACT OF AGENCY IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

BOLTUEVA SHAKHNOZAKHON SAMADOVNA

Tajik State University of Commerce, HR Specialist, Applicant of the Department of Anti-Corruption and Commercial Law. Tel.: (+992) 92-756-67-66; E-mail: shanoza2021@mail.ru

This article examines the concept and legal nature of contracts, particularly the contract of agency (representation). It analyzes legislative provisions and the positions of legal scholars regarding the contract of agency and its specific features. The author, based on the analysis of both theoretical and practical aspects, proposes introducing amendments and additions at the legislative level in order to improve the relationships between the parties to an agency contract. It is also noted that in law enforcement practice there are numerous cases of abuse of trust and misuse of powers of attorney. This fact indicates that granting a power of attorney is not always an effective solution and does not always facilitate the activities of the principal.

Keywords: contract, agency contract, representation, power of attorney, activity, practical aspects.

Договор поручения как один из разновидностей гражданско-правовых договоров имеет немаловажную роль в гражданских правоотношениях по всей территории Республики Таджикистан. По сути изучая вопрос о поручении необходимо изучить правовую природу самого понятийного состава “договора”. Учёные правоведы рассматривая вопрос о создании и взаимодействий договоров в гражданском праве исходят из определения юридических фактов имющего правовое значение. Таким образом можно определят различные понятия договора. Отстуствие единого мнения по определению понятия договора в Гражданском праве исходит из сложности правовой конструкции самого понятия “договора”. Правовой обычай и правовая доктрина исходит из того, что многие цивисты определяя понятия “договора” рассматривают его в общем контексте. Исторический понятия договора исходит из Римского права где он определялся как “контрактус”. Римское право определяло ряд правил по заключению, изменению и расторжению довогора. Данные правовые основы послужили важным основанием для созданию современных условий заключения договоров. Кодификация законодательства побудила в создании различных аспектов договора в сфере гражданского законодательства. Так например в Новом Гражданском Кодексе Республики Таджикистан более 660 статей посвященны вопросам договором, по тем или иным аспектам.

Таким образом законодательство определяя понятия и сущность договоров, прежде всего определил отличительные признаки такие как юридические факты, данный признак довольно часто можно наблюдать в полемике учёных правоведов. Договорные отношения представляют собой довольно общирную и всесторонею область. Наша работа посвящена договору представительства и его правовым особенностям. В этом направлении множество правоведов имели свою особенную позицию. Так например в своих работах Тель Пухта и Кунтце отрицали сам факт наличия явления договорного представительства в условиях закона или иных не зависящих от представляемого лица причин. Именно эти мыслители строили свою позицию на основе римского права, не знавшего добровольного представительства, и утверждали несогласуемость его с индивидуальным характером обязательства. [1, с. 409]

По мнению классика русской цивилистики Г. Ю. Шершневича, под договорным представительством понимается «такое отношение, в силу которого последствия сделок, совершаемых одним лицом от имени другого, непосредственно переносятся на последнее. Лицо, совершающее сделку в чужом интересе, называется представителем; лицо, в чьем интересе совершается сделка, — представляемым; лица, с которыми

представитель заключает сделку в интересе представляемого, — третьими лицами. Не все сделки допускают представительство: оно невозможно при браке». [2, с. 432]

В целом под представительством в гражданском праве называется такое отношение, в силу которого последствия сделок, совершаемых одним лицом от имени другого, непосредственно переносятся на последнее. Лицо, совершающее сделку в чужом интересе, называется представителем; лицо, в чьем интересе совершается сделка, — представляемым; лица, с которыми представитель заключает сделку в интересе представляемого, — третьими лицами. [3, с. 112]. Впервые договорное представительство как правовая конструкция было закреплено в рамках Германского гражданского уложения. Так, в соответствии с 115 параграфом данного акта юридические сделки могут быть заключаемы и через представителя, насколько этому не противоречат законы и природа сделки. [4, с. 87]. В наши дни вопросы представительства регламентируются как материальным, так и процессуальным законодательством. Немаловажным звеном представительства гражданских правоотношениях играют стороны, которые обладают своими правами и обязанностями. Множество случаев, когда доверитель, предоставляя свою доверенность, доверяемому лицу имеет цель предоставить определённые полномочия, но лицо получающее доверенность злоупотребляет этим представительством. Практика использования представительства или доверенности довольно обширна и имеет множество недостатков. Так, например представительство в судебном процессе по гражданским делам, может быть проведёно на основе простой доверенности, оплата таких (юридических услуг) во многих случаях оплачивается минуя налогообложения. Другой пример предоставление доверенности лицу для использования или обслуживания жилья, лицом который находится за пределами Республики Таджикистан. В этом случаи можно наблюдать множество случаев злоупотребление доверием владельца и использование жилищного фонда не по назначению. Так, например лицо, получившее доверенность, используя свои полномочия сдаёт в субаренду жильё для получения дополнительной выгоды. Выявление таких фактов приводит к судебным разбирательствам и возмещением нанесённого ущерба. Несомненно, гражданско-правовая ответственность за злоупотребление доверием владельца жилья, является малой санкцией для виновных лиц, поскольку владелец жилья имеет большие убытки. При рассмотрении данной категории исков суд должен учитывать в первую очередь степень противоправных действий лица, который нарушил законодательство. Суду необходимо учесть действия лица его противоправный характер и сущность рассматриваемого гражданского дела. Пострадавшая сторона имеет полное право возмещение материального и морального ущерба. Доверитель при подписании доверенности в нотариальных органах, должен учесть в первую очередь, что лицо получающее права на его представительство или управление имуществом может использовать те или иные правовые аспекты против его интересов и исходит из своих получаемых финансовых интересов. Таким образом обобщая сферу договоров представительства нужно акцентировать внимание на правовые последствия заключения договоров представительства посредством нотариальных органов. Также в настоящий момент в законодательстве РТ отсутствует норма, по которой несовершенолетние от 14-18 лет не могут предоставлять доверенность. Предлагается в рамках кодификации законодательства внедрить норму по которой несовершенолетние лица достигшие 14-18 предоставляли доверенность в рамках своих полномочий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Дьячек Т. И. Теория духа народа Георга Фридриха Пухты как синтез учения исторической школы права и философии права Гегеля // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 73–1 409 с.

2. Шершеневич, Габриэль Феликсович (1863–1912.). Учебник русского гражданского права: (По изд. 1907 г.) / Г. Ф. Шершеневич; Вступ. ст. е. А. Суханова. — Москва: Фирма «Спарк», 1995. — 556 с.; 21 см.; ISBN 5–87143–032–5 (В пер.) 432 с.

3. Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению 521400 «Юриспруденция» и по специальности 021100 «Юриспруденция» / [Ем В. С. и др.]; отв. ред. — Е. А. Суханов. — 3-е изд., перераб и доп. — М.:ВолтерсКлувер, 2006. — 720 с. — (Серия «Классический университетский учебник» / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова). — Авт. указаны на X с. текста. — ISBN 5–466–00043–4 (в пер.). 567 с.

4. Виноградова О. П. Германское гражданское Уложение 1896 г. Как образец буржуазной кодификации права // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2015. № 4 202 с.

УДК: 347:004.8

THE CONCEPT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND ITS LEGAL NATURE: THEORETICAL APPROACHES AND REGULATORY IMPLICATIONS FROM A CIVIL LAW PERSPECTIVE

FARHODJON ZAFAR OGLI ABDIHAKIMOV
National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek,
PhD Student. Tel.: +998 90 323 64 03; E-mail: fabdihakimov@gmail.com

This thesis analyzes the concept of artificial intelligence (AI) and its legal nature from the perspective of civil law. The main objective of the study is to substantiate how issues of "definition" and "legal nature" influence the allocation of civil liability, distribution of risks, and the burden of proof in the legal regulation of AI systems. The thesis examines official approaches to defining AI and political-legal principles (OECD), as well as practical legal analyses concerning the formation of civil liability in cases of AI-caused harm. Conceptually, it also explores the "agency" characteristics of AI and the methodological limits for law. As a result, it is argued that AI should not yet be regarded as an independent legal subject but rather as a risk-enhancing technological system; therefore, strengthening mechanisms of transparency, audit, evidentiary rules, and liability allocation represents the most appropriate approach to civil law protection.

Keywords: artificial intelligence, AI system, legal nature, civil liability, risk allocation, algorithmic discrimination, burden of proof, legal regime, regulation.

ПОНЯТИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЕГО ПРАВОВАЯ ПРИРОДА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И РЕГУЛЯТОРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

ABDIHAKIMOV FARHODJON ZAFAR OGLI
Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека,
PhD-докторант.Тел.: +998 90 323 64 03; E-mail: fabdihakimov@gmail.com

В данной работе анализируются понятие искусственного интеллекта (ИИ) и его правовая природа с позиции гражданского права. Основной целью исследования является обоснование того, как вопросы «определения» и «правовой природы» влияют на распределение гражданско-правовой ответственности, распределение рисков и бремя доказывания при правовом регулировании систем ИИ. В работе рассматриваются официальные подходы к определению ИИ и политико-правовые принципы (ОЭСР), а также практико-правовые аспекты формирования гражданской ответственности в случаях причинения вреда системами ИИ. В концептуальном плане также исследуются характеристики «агентности» ИИ и методологические пределы права. В результате обосновывается, что ИИ пока не следует рассматривать как самостоятельного субъекта права, а скорее как технологическую систему повышенного риска; в связи с этим укрепление механизмов прозрачности, аудита, правил доказывания и распределения ответственности является наиболее адекватным подходом в гражданско-правовой защите.

Ключевые слова: искусственный интеллект, система ИИ, правовая природа, гражданская ответственность, распределение рисков, алгоритмическая дискриминация, бремя доказывания, правовой режим, регулирование.

МАФҲУМИ ЗЕҲНИ СУНЪӢ ВА ТАБИАТИ ҲУҚУҚИИ ОН: РАВИШҲОИ НАЗАРИЯВӢ ВА ПАЁМАДҲОИ ТАНЗИМӢ АЗ НУҚТАИ НАЗАРИ ҲУҚУҚИ МАДАНӢ

АБДУРАҲИМОВ ФАРҲОДҶОН ЗАФАР ОГЛИ
Донишгоҳи миллии Ӯзбекистон ба номи Мирзо Улуғбек,
докторанти PhD. Тел.: +998 90 323 64 03; E-mail: fabdihakimov@gmail.com

Дар таҳқиқоти мазкур мафҳуми зеҳни сунъӣ ва табиати ҳуқуқии он аз нуқтаи назари ҳуқуқи маданӣ таҳлил карда мешавад. Ҳадафи асосии таҳқиқот асоснок намудани он аст, ки чӣ гуна масъалаҳои «мафҳум» ва «табиати ҳуқуқӣ» ба тақсимоти ҷавобгарии маданӣ -ҳуқуқӣ, тақсимоти хавфҳо ва исботнамоӣ дар танзими ҳуқуқии системаҳои зеҳни сунъӣ таъсир мерасонанд. Дар кор равишҳои расмӣ оид ба таърифи зеҳни сунъӣ ва принсипҳои сиёсӣ-ҳуқуқӣ (OECD), инчунин ҷанбаҳои амалии ташаккули ҷавобгарии граждани дар ҳолатҳои расонидани зарар аз ҷониби системаҳои зеҳни сунъӣ баррасӣ мешаванд. Аз ҷиҳати назариявӣ инчунин хусусиятҳои зеҳни сунъӣ ва ҳудудҳои методологии ҳуқуқ таҳқиқ мегарданд. Дар натиҷа асоснок карда мешавад, ки зеҳни сунъиро ҳоло набояд ҳамчун субъекти мустақили ҳуқуқ эътироф намуд, балки онро бояд ҳамчун низоми технологии дорои хавфи баланд арзёбӣ кард; бинобар ин, таҳкими механизмҳои шаффофият, аудит, қоидаҳои исбот ва тақсимоти ҷавобгарӣ самти мувофиқтарини ҳифзи маданӣ -ҳуқуқӣ мебошад.

Калидвожаҳо: зеҳни сунъӣ, табиати ҳуқуқӣ, ҷавобгарии маданӣ, тақсимоти хавфҳо, табъизи алгоритмӣ, низоми ҳуқуқӣ, танзим.

Introduction

In recent years, artificial intelligence (AI) technologies have emerged not only as a source of economic efficiency and innovation but also as a factor generating new types of civil law disputes. The main reason is that AI systems often do not function as “ordinary technical tools”: some operate based on data, adapt to their environment, modify behavior, and may produce outcomes that are not fully foreseeable by humans. In civil law, however, dispute resolution typically depends on questions such as “who is liable?”, “what caused the harm?”, and “who bears the burden of proof?”. Therefore, the issue of the legal nature of AI constitutes a pressing scholarly problem requiring reconsideration of civil liability (tort and contractual), risk allocation, and compensation mechanisms.

This thesis examines official and academic approaches to defining AI, their impact on regulatory design, and the advantages and limitations of interpreting AI as an object or a tool within civil law. It relies on OECD principles on AI, explanatory memoranda clarifying AI system definitions, reports by the British Columbia Law Institute (BCLI) on civil liability, H. Zech’s methodological approach to AI regulation, and OECD analyses in the context of “AI, data and competition.”

Main Part

Legal norms typically target clearly defined subjects: to whom they apply, under what conditions, and what they prohibit or require. Therefore, AI requires not merely a technical definition but one that produces legal consequences. OECD AI principles and interpretative documents reflect this need: definitions must be technically grounded without stifling innovation, while also ensuring that harmful situations do not fall outside regulatory scope. The evolution of OECD AI principles (initially adopted in 2019 and updated in 2024) demonstrates that legal definitions cannot remain static given the dynamic nature of AI. [1]

From a civil law perspective, the practical importance of defining AI lies in its effect on liability allocation. If AI is treated as a “simple software tool,” liability is usually resolved through defective product or misuse doctrines. However, if AI is recognized as involving elements of “autonomous decision-making,” questions of risk control, burden of proof, and

preventive standards become significantly more complex. In this context, legal definitions determine who is regulated: developers, operators, or the broader ecosystem.

H. Zech, in *"How Should We Regulate AI?"*, argues that automatically treating AI as a human-like actor (i.e., granting it legal personality) is problematic. Although AI systems produce outcomes, they lack will and moral responsibility comparable to humans. [2] Granting them legal subjectivity risks allowing real actors (developers, operators, businesses) to evade responsibility. Thus, determining AI's legal nature is not merely theoretical but directly affects the practical allocation of liability.

Civil liability traditionally relies on concepts such as fault and control. AI systems, however, often diffuse control: data providers, model developers, integrators, platforms, and operators may all be involved simultaneously. Consequently, identifying who exercised control becomes difficult. Zech suggests addressing this not by assigning human status to AI but by adapting regulatory tools—standards, risk classifications, mandatory audits, and evidentiary rules.

The British Columbia Law Institute's report *"Artificial Intelligence and Civil Liability"* offers a practical perspective. It examines how existing tort rules should adapt when AI systems cause harm to persons or property. Its central question is clear: who should be liable when autonomous AI systems cause damage? The report proposes improvements through legislation and judicial practice. [3]

Importantly, BCLI avoids metaphysical debates about AI's nature and instead focuses on risk and harm categories. It highlights risks such as algorithmic discrimination and hidden biases, which broaden the concept of harm beyond physical injury to include economic and other legally protected interests.

This raises a central civil law question: through which mechanism should liability be allocated?

1. Fault-based liability
2. Strict liability
3. Product liability

Each approach encounters challenges in the AI context, particularly regarding the difficulty of proving fault.

The OECD report *"Artificial Intelligence, Data and Competition"* examines AI not only from technical or ethical perspectives but also through market dynamics. This is crucial for civil law, as market structures (platforms, data concentration, infrastructure) determine who develops and deploys AI systems. Liability allocation must therefore consider where real power lies: who controls risks, possesses resources, and has access to information.

Thus, AI should not be viewed merely as a standalone product but as a complex ecosystem. In civil disputes, claimants often target the nearest operator, but harm may originate from data flows, model design, or platform policies. Regulatory design must therefore account for the distribution of control and information: who bears transparency obligations, who conducts audits, who stores logs, and who must mitigate risks.

Conceptual works such as V.C. Müller's *"Fundamental Issues of Artificial Intelligence"* provide a philosophical foundation by addressing intelligence, agency, responsibility, and ethics. [4] While civil law is practical, such conceptual clarity is essential. Statements like "the AI made the decision" must be legally interpreted: whose action is it—developer, operator, or system?

The key conclusion from this literature is that law should not anthropomorphize AI but instead strengthen mechanisms for managing responsibility and risk. The purpose of civil law is to protect victims, prevent harm, align incentives, and maintain economic activity. AI's "agency" may justify stricter standards and transparency obligations, but it does not necessarily require recognition as an independent legal person.

Conclusion

Scholarly approaches to the concept and legal nature of AI lead to three main conclusions in civil law.

First, the issue of definition is not merely terminological but serves as a normative "key" determining liability subjects and evidentiary mechanisms; OECD principles provide a methodological foundation.

Second, equating AI with a human actor is risky in legal design, as it may shift responsibility away from real controllers; Zech's approach offers a balanced regulatory philosophy that protects individuals without stifling innovation.

Third, AI challenges traditional civil liability frameworks: proving fault, identifying control, and allocating risks among multiple actors become increasingly complex. BCLI reports provide practical legal solutions, while OECD analyses emphasize ecosystem and market perspectives.

Ultimately, the most appropriate approach is to treat AI not as an independent legal subject but as a risk-enhancing technological system. Accordingly, strengthening transparency, audit, evidentiary rules, and liability allocation mechanisms ensures effective civil law protection and prevents the emergence of a "liability gap" in AI markets.

REFERENCES

1. OECD. Artificial Intelligence, Data and Competition. Paris: OECD Publishing, 2024. P: 63. https://www.oecd.org/competition/ai-data-competition

2. Zech, H. How Should We Regulate Artificial Intelligence? Weizenbaum Journal of the Digital Society, 2021. P: 2-7. https://ojs.weizenbaum-institut.de/index.php/wjds/article/view/130/3_3_7

3. British Columbia Law Institute. Report on Artificial Intelligence and Civil Liability. Vancouver: BCLI, 2024. P: 138 https://www.bcli.org/project/artificial-intelligence-and-civil-liability-project/

4. Müller, V. C. (ed.). Fundamental Issues of Artificial Intelligence. Berlin–Heidelberg: Springer, 2016. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-26485-1

5. OECD. OECD Principles on Artificial Intelligence. Paris: OECD Publishing, 2019 (updated editions). https://www.oecd.org/ai/principles

УДК 342.7:004

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ВНЕДРЕНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УЗБЕКИСТАНЕ

ДАВЛАТОВ ТИМУР ДЖАХНОГИРОВИЧ
Институт законодательства и правовой политики при Президенте Республики Узбекистан,главный научный сотрудник.
E-mail: info@illp.uz

В статье проводится сравнительно-правовой анализ подходов к регулированию искусственного интеллекта в Узбекистане, ЕС, США, КНР и Канаде. Рассматриваются вопросы правосубъектности ИИ, ответственности за вред, причинённый ИИ, а также проводится критический анализ статьи 7-1 Закона «Об информатизации» (в ред. ЗРУ-1115 от 21.01.2026 г.). Выявляются системные пробелы существующего подхода и формулируются рекомендации.
Ключевые слова: искусственный интеллект, регулирование ИИ, EU AI Act, Узбекистан, правосубъектность, человеческий контроль, сравнительное правоведение.

ON CERTAIN ISSUES OF IMPLEMENTING ARTIFICIAL INTELLIGENCE REGULATION IN UZBEKISTAN

TIMUR DJAKHNOGIROVICH DAVLATOV
Institute of Legislation and Legal Policy under the President of the Republic of Uzbekistan, Chief Researcher. E-mail: info@illp.uz

The article provides a comparative legal analysis of approaches to AI regulation in Uzbekistan, the EU, the USA, China and Canada. It examines AI legal personality, liability for AI-caused harm, and critically analyzes Article 7-1 of the Law 'On Informatization' (as amended by ZRU-1115 of 21.01.2026). Systemic gaps are identified and recommendations are formulated.
Keywords: artificial intelligence, AI regulation, EU AI Act, Uzbekistan, legal personality, human oversight, comparative law.

ДАР БОРАИ БАЪЗЕ МАСЪАЛАҲОИ ТАТБИҚИ ТАНЗИМИ ЗЕҲНИ СУНЪӢ ДАР ЎЗБЕКИСТОН

ДАВЛАТОВ ТИМУР ҶАХНОГИРОВИЧ
Институти қонунгузорӣ ва сиёсати ҳуқуқии назди Президенти Ҷумҳурии Ӯзбекистон, ходими калони илмӣ. E-mail: info@illp.uz

Дар мақола таҳлили муқоисавии ҳуқуқии равишҳо ба танзими зеҳни сунъӣ дар Ӯзбекистон, Иттиҳоди Аврупо, Иёлоти Муттаҳидаи Амрико, Чин ва Канада пешниҳод мегардад. Масъалаҳои шахсияти ҳуқуқии зеҳни сунъӣ, ҷавобгарӣ барои зарари аз ҷониби зеҳни сунъӣ расонидашуда баррасӣ гардида, инчунин моддаи 7-1 Қонуни «Дар бораи иттилоотонӣ» (бо тағйиру иловаҳо аз рӯи ҚҶӮ-1115 аз 21.01.2026) таҳлил мешавад. Камбудиҳо муайян гардида, тавсияҳо пешниҳод мегарданд.
Калидвожаҳо: зеҳни сунъӣ, танзими зеҳни сунъӣ, Қонуни ИИ Иттиҳоди Аврупо (EU AI Act), Ӯзбекистон, шахси ҳуқуқӣ, назорати инсон, ҳуқуқи муқоисавӣ.

Введение

Вопросы регулирования искусственного интеллекта становятся всё более обсуждаемыми в различных юрисдикциях. В Узбекистане регулирование ИИ, равно как и в других государствах, находится на начальной стадии развития. При этом такие юрисдикции, как США и Европейский союз, продвинулись значительно дальше: в США уже существуют судебные прецеденты и нормативные акты, отвечающие на ряд вопросов регулирования ИИ, ЕС принял Регламент (EU) 2024/1689 (AI Act), вступивший в силу 1 августа 2024 года [5].

21 января 2026 года Президент Республики Узбекистан подписал Закон ЗРУ-1115, внёсший дополнения в Закон «Об информатизации», направленные на создание правовых основ регулирования отношений, возникающих при применении технологий ИИ [10]. Настоящая статья направлена на рассмотрение ключевых вопросов: определения понятия и правосубъектности ИИ, распределения ответственности за вред, причинённый ИИ, сравнительного анализа подходов к регулированию, а также критического анализа норм статьи 7-1 Закона «Об информатизации».

1. Определение понятия ИИ и вопрос правосубъектности

Определение искусственного интеллекта представляет значительную трудность, поскольку данный феномен не является предметом изучения лишь юридической науки и должен рассматриваться через призму иных отраслей знания, прежде всего информационно-коммуникационных технологий. В Регламенте ЕС «Об искусственном интеллекте» даётся следующее понятие системы ИИ:

> *«Система ИИ» означает основанную на машине систему, предназначенную для функционирования с различными уровнями автономности и способную демонстрировать адаптивность после развертывания, которая, преследуя явные или неявные цели, на основе получаемых входных данных делает выводы о том, как формировать выходные данные — такие как прогнозы, контент, рекомендации или решения, — способные оказывать влияние на физическую или виртуальную среду [5].*

В узбекистанском законодательстве даётся иное определение: «искусственный интеллект — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (в том числе самообучение и поиск решений) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека» [10]. Проблема данного определения заключается в его чрезмерной широте: под него можно подвести практически любой результат, полученный от электронно-вычислительных машин.

Правосубъектность — это способность лица быть участником правоотношений. Субъектом права может быть лишь то лицо или образование, которое обладает правоспособностью, дееспособностью и деликтоспособностью. Искусственный интеллект не соответствует данным требованиям: он не может нести обязанности, участвовать в гражданском обороте, ему нельзя вменить ответственность. Как справедливо отмечает Е.А. Суханов: «Искусственный интеллект с точки зрения гражданского права — это типичный источник повышенной опасности, владелец которого отвечает за причиненный вред независимо от вины» [16].

В США данная позиция подтверждена судебной практикой: в 2023 г. федеральный суд указал, что произведение, полностью сгенерированное ИИ без участия человека, не может получать авторско-правовую охрану [1]. В ЕС инициатива о присвоении ИИ статуса «электронной личности» (резолюция Европейского парламента 2017 г.) была отклонена экспертным сообществом [3]. Таким образом, и в США, и в ЕС преобладает консенсус: ИИ остаётся объектом права, а ответственность несут разработчики, владельцы и операторы ИИ-систем.

2. Ответственность за вред, причинённый ИИ

Уже сегодня существуют примеры инцидентов, связанных с использованием ИИ: аварии автопилотов Tesla, смертельный случай с участием беспилотного автомобиля Uber в 2018 году. Для определения ответственности необходимо структурно понять круг участников правоотношений.

Поскольку ИИ не обладает правосубъектностью, круг правоотношений сужается до трёх категорий: создатель ИИ, оператор ИИ и пользователь. Распределение ответственности зависит от модели взаимодействия: в модели B2C создатель напрямую предоставляет услуги пользователю, в модели B2B услуги предоставляются через оператора. Ответственность лежит на пользователе, пока не доказана ошибочность работы ИИ и не доказано, что пользователем были предприняты все меры предосторожности.

На данном этапе введение отдельных инструментов регулирования ответственности за вред, причинённый ИИ, в гражданское законодательство Узбекистана не представляется целесообразным. Существующие институты деликтного и договорного права достаточно эффективны для разрешения подобных ситуаций.

3. Сравнительный анализ подходов к регулированию ИИ: США и ЕС

США. В Соединённых Штатах отсутствует единый всеобъемлющий закон об ИИ. Регуляторы опираются на существующие законы, применяя их к новым технологиям. Главный фокус — на последствиях использования ИИ. В апреле 2023 г. четыре федеральных регулятора — FTC, DOJ, CFPB и EEOC — выступили с совместным заявлением, подтвердив, что имеющиеся законы распространяются на использование автоматизированных систем, включая ИИ [6]. FTC подчёркивает: применение бизнесом алгоритмов ИИ, которые дискриминируют потребителей, может быть признано нарушением [7]. На уровне штатов действуют специальные акты: Нью-Йорк ввёл требования к аудиту автоматизированных систем при найме, Колорадо принял закон о регулировании высокорисковых систем ИИ [8].

ЕС. ЕС разработал проактивную, превентивную модель регулирования. Регламент (EU AI Act) строится по принципу оценки степени риска. Системы ИИ классифицируются по четырём категориям: неприемлемый риск (полный запрет — социальный скоринг, манипулятивные техники, массовое биометрическое наблюдение), высокий риск (обязательная оценка соответствия, техническая документация, человеческий контроль), ограниченный риск (обязательства по прозрачности) и минимальный риск [5]. ЕС сочетает запрет определённых способов использования и прямое регулирование обязанностей разработчиков и пользователей. Компании-разработчики обязаны пройти процедуры соответствия до выхода на рынок [9].

Таким образом, ЕС выделяется технологически ориентированным и превентивным подходом (ex-ante), тогда как США более склонны регулировать последствия использования ИИ через существующие институты (ex post).

4. Критический анализ статьи 7-1 Закона «Об информатизации» Узбекистана

Центральной нормой закона ЗРУ-1115 является следующее положение:

> *«Информационные ресурсы, созданные с использованием искусственного интеллекта, а также информационные системы, функционирующие на основе технологий искусственного интеллекта, не должны наносить вред человеку, его жизни, здоровью, свободе, чести, достоинству и нарушать его иные неотъемлемые права. При принятии юридически значимых решений, затрагивающих права и свободы человека, не допускается ссылаться исключительно на заключения информационных ресурсов и информационных систем, созданных на основе технологий искусственного интеллекта» [10; 11].*

Сравнительно-правовой анализ данной нормы с регуляторными подходами ЕС, КНР и Канады выявляет шесть системных пробелов.

4.1. Декларативность нормы. Формулировка «не должны наносить вред» представляет собой норму-принцип, характерную для конституционного, а не отраслевого регулирования. Она не содержит юридически операциональных критериев - ни определения «вреда», ни порогов существенности, ни процедур фиксации. EU AI Act применяет риск-ориентированную классификацию с четырьмя уровнями, где каждый уровень сопряжён с конкретным перечнем обязанностей и санкций [5, Art. 6, 50, 52]. Канадский AIDA вводит категорию «high-impact AI systems» с конкретными обязательствами [14].

4.2. Неопределённость субъектов ответственности. Норма адресована «информационным ресурсам» и «информационным системам» - технологическим объектам, а не правовым субъектам. EU AI Act разграничивает обязанности пяти категорий субъектов: провайдеров, импортёров, дистрибьюторов и уполномоченных представителей [5, Art. 16–29]. КНР определяет обязанных субъектов: «провайдеры алгоритмических рекомендательных сервисов» [17], «провайдеры сервисов глубокого синтеза» [18] и «провайдеры сервисов генеративного ИИ» [19].

4.3. Отсутствие превентивных механизмов. Конструкция «не должны наносить вред» предполагает ретроспективную модель. EU AI Act предусматривает обязательную оценку соответствия до выхода на рынок (Art. 43), оценку воздействия на фундаментальные права (Art. 27), post-market мониторинг (Art. 72) [5]. КНР ввёл обязательную регистрацию алгоритмов в государственном реестре; к 2024 г. зарегистрировано 546 провайдеров [15, с. 8].

4.4. Формальность требования человеческого контроля. Формулировка «не допускается ссылаться исключительно» создаёт возможность формального обхода: достаточно любого дополнительного, пусть номинального, основания. EU AI Act предъявляет субстантивные требования к human oversight: система должна обеспечить эффективный надзор со стороны физических лиц, понимающих возможности и ограничения системы [5, Art. 14].

4.5. Дефицит требований к прозрачности. EU AI Act устанавливает многоуровневую систему обязательств по прозрачности: уведомление пользователей, раскрытие назначения системы, маркировка синтетического контента [5, Art. 50, 52]. КНР с 1 сентября 2025 г. ввёл обязательную явную и неявную маркировку ИИ-контента [20]. Законопроект, рассмотренный Олий Мажлисом в апреле 2025 года, предусматривал обязательную маркировку, однако в финальной редакции это требование было ослаблено [13].

5. Дополнительные структурные проблемы

Институциональный вакуум. Как подчеркнул председатель Комитета Законодательной палаты И. Абдуллаев, закон не предусматривает создания специализированного надзорного органа [13]. Между тем EU AI Act создаёт многоуровневую институциональную архитектуру: Европейский офис по ИИ, национальные компетентные органы, органы рыночного надзора [5, Art. 64–68]. КНР возложил регуляторную функцию на Администрацию по делам киберпространства при координации с пятью ведомствами [4].

Санкционный дефицит. Закон ЗРУ-1115 предусматривает административную ответственность лишь за незаконную обработку персональных данных с использованием ИИ (штраф от 50 до 100 БРВ). Нарушение принципа «не наносить вред» не имеет самостоятельной санкции. EU AI Act устанавливает штрафы до 35 млн евро или 7% глобального годового оборота [5, Art. 99]. Канадский AIDA предусматривал штрафы до 25 млн канадских долларов или 5% глобальной выручки [14].

Заключение

Сравнительный анализ выявил системные пробелы подхода ЗРУ-1115 к регулированию ИИ: декларативность вместо операциональности; отсутствие риск-ориентированной классификации; неопределённость субъектов ответственности; отсутствие превентивных механизмов; формальность требования человеческого контроля; недостаточность обязательств по прозрачности.

С учётом начального уровня развития ИИ в Узбекистане представляется целесообразным, дать сфере технологий искусственного интеллекта развиваться без жесткой регуляции, для того чтобы не создавать лишних барьеров для отрасли которая и так не сильно развита в стране. Альтернативно, если все же считается необходимо принятие регуляторных норм для данной отрасли, необходимо по передовому опыту зарубежных стран: во-первых, разработать отдельный закон о регулировании ИИ с риск-ориентированной классификацией; во-вторых, учредить специализированный регуляторный орган; в-третьих, заменить формулировку «не допускается ссылаться исключительно» на субстантивное требование содержательного человеческого контроля; в-четвёртых, установить пропорциональные и дифференцированные санкции.

Опыт ЕС, КНР, Канады и США показывает, что эффективное регулирование ИИ требует не только провозглашения права не подвергаться вреду от ИИ, но и создания институциональной и процедурной инфраструктуры, способной это право обеспечить.

Литература

1. Reuters. U.S. Appeals Court Rejects Copyrights for AI-Generated Art Lacking Human Creator. – 2025. – March 18. – URL: https://www.reuters.com/world/us/
2. A&O Shearman. Regulating AI: Businesses Need to Prepare for Increasing Risk of Future Disputes. – 2024. – URL: https://www.aoshearman.com/insights/
3. Ibid.
4. Sheehan M. China's AI Regulations and How They Get Made // Carnegie Endowment for International Peace. – 2023. – URL: https://carnegieendowment.org/research/2023/07/chinas-ai-regulations-and-how-they-get-made
5. European Parliament & Council of the European Union. Regulation (EU) 2024/1689 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. – 2024. – L 2024/1689. – July 12.
6. Joint Statement of FTC, DOJ, CFPB, EEOC on enforcement efforts against discrimination and bias in automated systems. – 2023. – April.
7. EPIC. The State of State AI Laws 2023. – URL: https://epic.org/the-state-of-state-ai-laws-2023/
8. Ibid.
9. White & Case. AI Watch: Global Regulatory Tracker — United States. – 2024. – URL: https://www.whitecase.com/insight-our-thinking/ai-watch-global-regulatory-tracker-united-states
10. Закон Республики Узбекистан от 21.01.2026 г. № ЗРУ-1115 «О внесении дополнений и изменений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с регулированием отношений, возникающих при применении искусственного интеллекта». – URL: https://lex.uz/doc-passport/8011377
11. Закон Республики Узбекистан «Об информатизации» (в ред. от 21.01.2026 г.). – URL: https://lex.uz/acts/82956
12. Постановление Президента Республики Узбекистан от 17.02.2021 г. № ПП-4996 «О мерах по созданию условий для ускоренного внедрения технологий искусственного интеллекта». – URL: https://lex.uz/docs/5297051
13. Gazeta.uz. «Это не ограничение». Депутаты Узбекистана рассматривают законопроект об искусственном интеллекте. – 2025. – 15 апреля. – URL: https://www.gazeta.uz/ru/2025/04/15/ai-act-uzbekistan/

14. Government of Canada. Artificial Intelligence and Data Act (AIDA), Part 3 of Bill C-27, Digital Charter Implementation Act, 2022. – First Reading, June 16, 2022.
15. Xu W., Yu L. Opening the 'black box' of algorithms: Regulation of algorithms in China // Communication, Politics & Culture. – 2024. – DOI: 10.1080/22041451.2024.2346415.
16. Суханов Е.А. Гражданское право: В 4 т. – М.: Статут, 2019. – Т. 1.
17. Cyberspace Administration of China (CAC) et al. Provisions on the Management of Algorithmic Recommendations in Internet Information Services. – 2022. – Effective March 1, 2022.
18. Cyberspace Administration of China (CAC), MIIT, MPS. Administrative Provisions on Deep Synthesis in Internet-based Information Services. – 2023. – Effective January 10, 2023.
19. Cyberspace Administration of China (CAC) et al. Interim Measures for the Management of Generative Artificial Intelligence Services. – 2023. – Effective August 15, 2023.
20. Cyberspace Administration of China (CAC). Measures for Labeling AI-Generated and Synthesized Content. – 2025. – Effective September 1, 2025.
21. Gazeta.uz. Сенат Узбекистана одобрил закон о регулировании применения искусственного интеллекта. – 2025. – 5 ноября. – URL: https://www.gazeta.uz/ru/2025/11/05/artificial-intelligence/
22. Hacker P. The European AI Act and Its Implications for Fundamental Rights // European Law Journal. – 2024. – Vol. 30(1–2). – P. 1–24.
23. Dauzier M. et al. Fundamental Rights Impact Assessments under the EU AI Act: Who, What and How? // Technology's Legal Edge. – 2024. – URL: https://www.technologyslegaledge.com/
24. Attard-Frost B. The Death of Canada's Artificial Intelligence and Data Act: What Happened, and What's Next for AI Regulation in Canada? // Montreal AI Ethics Institute. – 2025. – URL: https://montrealethics.ai/

УДК: 34.1.776

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЦИФРОВЫЕ ПРАВА КАК ЭЛЕМЕНТ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

БАХРИДДИНОВА Б.Б
Институт законодательства и правовой политики при Президенте Республики Узбекистан, докторант. Тел.: +998 97 004 00 20: E-mail: ismailovbakhadir21@gmail.com

Цифровые технологии ускоряют достижение 17 Целей устойчивого развития ООН (ЦУР), напрямую способствуя примерно 70 % из 169 целевых показателей. Однако без надёжной защиты данных, кибербезопасности и уважения прав человека в цифровой среде эти технологии могут усугублять неравенство, риски и уязвимости. В этой связи международным сообществом формируются базовые стандарты в указанной области.

Ключевые слова: международные стандарты, информационная безопасность, цифровое пространство, Интернет.

NTERNATIONAL STANDARDS OF INFORMATION SECURITY AND DIGITAL RIGHTS AS AN ELEMENT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

B.B. BAKHRIDDINOVA
Institute of Legislation and Legal Policy under the President of the Republic of Uzbekistan, doctoral student. Phone: +998 97 004 00 20: E-mail: ismailovbakhadir21@gmail.com.

Digital technologies accelerate the achievement of 17 UN Sustainable Development Goals (SDGs), directly contributing to approximately 70% of the 169 targets. However, without robust data protection, cybersecurity, and respect for human rights in the digital environment, these technologies can exacerbate inequalities, risks, and vulnerabilities. In this regard, the international community is developing basic standards in this area.

Keywords: international standards, information security, digital space, internet.

СТАНДАРТҲОИ БАЙНАЛМИЛАЛИИ АМНИЯТИ ИТТИЛООТӢ ВА ҲУҚУҚҲОИ РАҚАМӢ ҲАМЧУН УНСУРИ РУШДИ УСТУВОР

БАХРИДДИНОВА Б.Б.
Институти қонунгузорӣ ва сиёсати ҳуқуқии назди Президенти Ҷумҳурии Ӯзбекистон, докторант. Тел.: +998 97 004 00 20: E-mail: ismailovbakhadir21@gmail.com

Технологияҳои рақамӣ расидан ба 17 Ҳадафи рушди устувори Созмони Милали Муттаҳид (ҲРУ)-ро суръат мебахшанд ва бевосита ба тақрибан 70 фоизи 169 нишондиҳандаи мақсаднок мусоидат менамоянд. Аммо, бе ҳифзи боэътимоди маълумот, таъмини амнияти киберӣ ва эҳтироми ҳуқуқҳои инсон дар муҳити рақамӣ, ин технологияҳо метавонанд нобаробарӣ, хавфҳо ва осебпазириро афзоиш диҳанд. Дар ин замина, ҷомеаи байналмилалӣ стандартҳои асосиро дар соҳаи мазкур ташаккул медиҳад.

Калидвожаҳо: стандартҳои байналмилалӣ, амнияти иттилоотӣ, фазои рақамӣ, Интернет.

В эпоху цифровой трансформации информационная безопасность и цифровые права стали неотъемлемой частью глобальной повестки устойчивого развития.

В большинстве случает теории и практики констатируют, что ***международные стандарты информационной безопасности можно охарактеризовать как это признанные на глобальном уровне документы, которые помогают организациям системно управлять рисками, защищать информацию, обеспечивать конфиденциальность, целостность и доступность данных***.

Они разрабатываются в основном ООН, Международной организацией по стандартизации (ISO) Международным союзом электросвязи (МСЭ), Международной электротехнической комиссией (IEC) и др. обеспечивают доверие, инклюзивность и устойчивость цифровых экосистем. Наиболее значимыми среди них являются:

Глобальный цифровой договор ООН от 22 сентября 2024 г. (Global Digital Compact) обязывает государства, компании и лиц принимающих решения создавать **«инклюзивное, открытое, безопасное и защищённое цифровое пространство»,** где права человека соблюдаются на протяжении всего жизненного цикла технологий.[1]

Ключевыми обязательствами и требованиями в сфере информационной безопасности в соответствии с Глобальным цифровым договором являются:

обеспечение открытого, глобального, стабильного и безопасного Интернета (стороны обязуются поддерживать стабильность и безопасность Интернета как глобального инструмента, избегать его фрагментации, содействовать многостороннему управлению Интернетом, воздерживаться от действий, которые могут нарушить, повредить или уничтожить критическую инфраструктуру, предоставляющую услуги через границы, или инфраструктуру, обеспечивающую доступность и целостность Интернета);

создание безопасного и защищённого онлайн-пространства для всех пользователей (к 2030 году определить и принять общие стандарты, руководства и отраслевые меры, соответствующие международному праву, для борьбы с вредоносным контентом на цифровых платформах (дезинформация, дезинформация, разжигание розни, кибербуллинг, сексуальная эксплуатация детей, гендерное насилие и т.д., обеспечить ментальное здоровье и благополучие пользователей, развивать безопасные общественные пространства в сети);

защита детей и уязвимых групп онлайн (приоритетное развитие и внедрение национальных политик и стандартов безопасности детей в интернете в соответствии с международным правом прав человека, борьба с онлайн-насилием, эксплуатацией и вредоносным контентом, особенно затрагивающим детей, женщин и маргинализированные группы);

обеспечение соответствия законов и регуляций международному праву (обеспечить соответствие законов и нормативных актов в областях наблюдения и шифрования международному праву, применять принципы прав человека ко всему жизненному циклу цифровых и новых технологий);

укрепление цифрового доверия и безопасности через сотрудничество (укреплять многостороннее сотрудничество (правительства, бизнес, гражданское общество, эксперты) для разработки норм, руководств и принципов ответственного использования цифровых технологий, развивать потенциал и расширять глобальную рабочую силу в области кибербезопасности, внедрять системы сертификации, «метки доверия» и эффективные национальные/региональные органы надзора, применять Руководящие принципы ООН по бизнесу и правам человека частным сектором);

управление данными с акцентом на безопасность и конфиденциальность (развивать ответственные, справедливые и интероперабельные подходы к управлению данными, укреплять защиту персональных данных и конфиденциальности при сборе, обмене и обработке данных (включая системы ИИ), наращивать потенциал

развивающихся стран в области управления данными с обеспечением защиты конфиденциальности);.

достижение связи с ИИ и другими технологиями (минимизировать риски ИИ, включая риски для безопасности, при одновременном обеспечении человеческого контроля и надзора).

Договор подчёркивает необходимость **защиты детей, борьбы с дезинформацией, обеспечения гендерного равенства и ответственного управления данными**.

МСЭ разрабатывает глобальные критерии в области телекоммуникаций и информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающие совместимость, эффективность и безопасность сетей, что критично для развивающихся стран.[2]

Стандарты информационной безопасности (кибербезопасности) в основном разрабатываются в **Секторе стандартизации электросвязи** (ITU-T), особенно **Исследовательской комиссией 17 (SG 17)**, которая отвечает за «построение доверия и безопасности в использовании ИКТ».

Основная серия рекомендаций по информационной безопасности сосредоточены в **серии X** (Data networks, open system communications and security) которая делится на подразделы (X.800–X.849: Архитектура безопасности для открытых систем взаимодействия, X.1000–X.1099: Информационная и сетевая безопасность, X.1200–X.1299: Безопасность киберпространства, X.1500–X.1599: Обмен информацией о кибербезопасности, X.1600–X.1699: Безопасность облачных вычислений, X.1700–X.1729: Квантовая связь, X.1750–X.1799: Безопасность данных, X.1800–X.1899: Безопасность мобильных систем).

Руководство по безопасности в телекоммуникациях и информационных технологиях МСЭ-Т содержит подробный обзор всех усилий по стандартизации безопасности.

Дорожная карта всех существующих стандартов безопасности ИКТ (ICT Security Standards Roadmap содержит обзор организаций, утверждённые стандарты, текущие работы и т.д.

Глобальная программа кибербезопасности МСЭ фокусируются на правовых, технических, организационных мерах, развитии потенциала и международном сотрудничестве.

Ежегодный индекс глобальной кибербезопасности (GCI) оценивает внедрение стандартов и готовность стран к киберугрозам.

Руководство МСЭ по разработке национальной стратегии кибербезопасности разработано в сотрудничестве с большим количеством международных организаций служит практическим пособием для политиков и лидеров стран в сфере защиты критической инфраструктуры.

Стандарты **МСЭ** не являются обязательными по закону, но широко признаются и используются для сертификации, аудита и международного сотрудничества.

Ключевые международные стандарты разрабатываются в рамках **Комитета международной организации стандартизации ISO/IEC JTC 1/SC 27 по информационной безопасности, кибербезопасности и защита приватности**. [3]

Комитет создаёт универсальные методы, техники и руководства для защиты информации и ИКТ-систем.

Семейство **ISO/IEC 27000** включает обзор, терминологию и лучшие практики. (**ISO/IEC 27001:2022** о требованиях к системе менеджмента информационной безопасности, **ISO/IEC 27005** по управлению рисками информационной безопасности, ISO/IEC 27017 рекомендации по контролю информационной безопасности для облачных услуг, **ISO/IEC 27018** по защите персональных данных в облачных сервисах, **ISO/IEC 15408** о критериях оценки безопасности информационных технологий).

Приложение А к стандарту **ISO/IEC 27001:2022** содержит перечень 93 контрмер, которые организация выбирает на основе оценки рисков: обязательства высшего

руководства, политика информационной безопасности, распределение ролей и ответственности, оценка рисков и возможностей, планирование обработки рисков, постановка целей в области информационной безопасности и планирование их достижения, обеспечение ресурсами, компетентностью персонала, осведомлённостью, коммуникацией и документированной информацией, планирование и управление операциями, включая оценку и обработку рисков, мониторинг, измерение, анализ, внутренний аудит, анализ со стороны руководства а также непрерывное улучшение, корректирующие действия при несоответствиях.

Стандарт **ISO/IEC 27701** содержит основные требования обязательные для всех организаций для управления информацией о приватности, интегрирующее защиту персональных данных с системой менеджмента информационной безопасности.

Другие инструменты в сфере обеспечения информационной безопасности определят стандарты криптографии, оценки соответствия, идентификации и биометрии.

К примеру стандарт **Национального института США по стандартам и технологиям (NIST) Глобальной сети по кибербезопасности** включает 6 функций по управлению, идентификации, защите, определению, реагированию и адаптации в рамках риск-ориентированной стратегии для критической инфраструктуры.

Центр контроля интернета (CIS Controls) выработал приоритизированный список из 18 практических контролей для защиты от наиболее распространённых угроз.

Стандарты Сети по объективному контролю информации и соответствующих технологий Международной ассоциации аудита и контроля информационных систем (COBIT 2019 (ISACA) являются одними из самых авторитетных и широко используемых фреймворков для управления информационными технологиями на уровне предприятий помогая организациям выстраивать эффективную систему управления информацией.

Стандарт безопасности данных индустрии платёжных карт (PCI DSS) содержащий стандарты информационной безопасности для организаций, работающих с данными банковских карт.

Указанные стандарты регламентируют общие подходы к пониманию и применении цифровых прав в международном контексте. В соответствии с ними **Цифровые права человека - это применение универсальных прав человека в онлайн-среде**. Они включают: право на приватность и защиту данных; свободу выражения мнения и доступ к информации; защиту от дискриминации, кибербуллинга и онлайн-насилия; инклюзивность (для женщин, детей, лиц с инвалидностью и уязвимых групп).

Ключевые рамки реализации цифровых прав человека образуют стандарты **Международного права прав человека (Устав ООН, Всеобщая декларация прав человека), Глобальный цифровой договор ООН, Руководящие принципы ЮНЕСКО по управлению цифровыми платформами, Конвенция Совета Европы по защите персональных данных ETS № 108 от 28 января 1981 г.** и др. которые служат основой для национального законодательства многих стран и оказали значительное влияние на Общий регламент по защите данных ЕС (**GDPR**), а также на законы о персональных данных в странах СНГ, включая Узбекистан и другие.[4]

Указанные акты напрямую связывают цифровые права с безопасностью требуя прозрачность алгоритмов платформ, оценки воздействия на права человека, предотвращение интернет-отключений и фрагментации сети, а также международного сотрудничества против киберпреступлений.

Информационная безопасность и цифровые права - не фундаментальный драйвер ЦУР без которых цифровые инструменты не могут надёжно решать задачи в здравоохранении, образовании, климате или экономике.

Стандарты ISO/IEC JTC 1/SC 27 вносят вклад **58** стандартами в 11 ЦУР.[5] В свою очередь стандарты МСЭ и программы кибербезопасности способствуют

цифровой инклюзии (**цели 5, 10**) и **цели 9** (устойчивая инфраструктура) снижая гендерный цифровой разрыв и обеспечивая доступ в наименее развитых странах.

Глобальный цифровой договор ускоряет ЦУР через универсальное подключение к интернету **к 2030 году**, ответственное использование данных для мониторинга целей и Искуственного интеллекта для устойчивого развития. Он подчёркивает, что безопасное цифровое пространство — это условие для ликвидации бедности, снижения неравенства и климатических действий.

Указанные акты повышают доверие к цифровым услугам (e-government, финтех, телемедицина), снижают риски кибератак, которые могут парализовать критическую инфраструктуру и тормозить развитие, поддерживают стратегии информационной безопасности компаний: безопасные данные необходимы для прозрачной отчетности по устойчивости.

В развивающихся странах (включая Центральную Азию) стандарты помогают преодолеть цифровой разрыв и интегрироваться в глобальную экономику.

Подводя итог можно прийти к следующим заключениям

Международные стандарты информационной безопасности и цифровые права образуют единую систему, где безопасность и права человека становятся катализаторами устойчивого развития.

Они превращают цифровые технологии из потенциального риска в инструмент прогресса, соответствующего принципам «не навреди» и «оставить никого позади».

Нет сомнений, что в условиях растущих киберугроз и цифрового неравенства именно интеграция стандартов безопасности и прав делает устойчивое развитие возможным и справедливым для всех.

Это не только техническая, но и этическая необходимость глобального масштаба.

В качестве рекомендаций предлагается:

1. Государствам и организациям следует системно внедрять стандарт ISO 27001 как основу системы менеджмента информационной безопасности, гармонизировать национальное законодательство с Глобальным цифровым договором и ЦУР, участвовать в многосторонних инициативах МСЭ и ООН для обмена практиками.

2. Для государств Центральной Азии актуальным является интеграция международных стандартов в указанной сфере в акты регламентирующие требования к обеспечению национальной, информационной безопасности, концептуальных актов в сфере внешнеполитической деятельности.

Использованная литература

1. https://www.un.org/ru/summit-of-the-future/global-digital-compact

2. https://www.itu.int/en/about/Pages/default.aspx#/ru

3. https://www.iso.org/ru/home.html

4. Guidelines for the Governance of Digital Platforms: Safeguarding Freedom of Expression and Access to Information through a Multi-Stakeholder Approach 12.11.2023 // unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000387339

5. Включая цель 3 (здоровье), цель 9 (индустриализация и инновации), цель 11 (устойчивые города) цель 13 (климат) и цель 16 (мир, правосудие и сильные институты) которые обеспечивают защиту данных в мониторинге климата регулирования и цепочках поставок.

УДК 347.15/18:004.8

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ В УСЛОВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ СУБЪЕКТА

Э.М. ГАТИЯТУЛЛИНА
Университет управления «ТИСБИ», аспирант Специальность 5.1.3 — Частно-правовые (цивилистические) науки Тел.: +7 969 035-93-59: E-mail: askoelm@mail.ru

В статье исследуются гражданско-правовые механизмы защиты прав субъектов персональных данных в условиях применения систем искусственного интеллекта. Выявлены ключевые недостатки действующего законодательства, предложена концепция контролируемого оборота персональных данных и меры de lege ferenda.

Ключевые слова: персональные данные; искусственный интеллект; гражданско-правовая защита; контролируемый оборот; ФЗ-152; GDPR.

МАЪЛУМОТИ ШАХСӢ ДАР ШАРОИТИ ИСТИФОДАИ ЗЕҲНИ СУНЪӢ: МЕХАНИЗМҲОИ МАДАНӢ-ҲУҚУҚИИ ҲИФЗИ ҲУҚУҚҲО

Э.М. ГАТИЯТУЛЛИНА
Муассисаи таҳсилоти олии «Донишгоҳи идоракунии «ТИСБИ», аспирант Ихтисос 5.1.3 — илмҳои хусусӣ-ҳуқуқӣ (сивилистӣ). Тел.: +7 969 035-93-59: E-mail: askoelm@mail.ru

Дар мақола механизмҳои маданӣ -ҳуқуқии ҳифзи ҳуқуқҳои субъектҳои маълумоти шахсӣ дар шароити истифодаи системаҳои зеҳни сунъӣ мавриди таҳқиқ қарор дода мешаванд. Норасоиҳои асосии қонунгузории амалкунанда муайян гардида, консепсияи гардиши назоратшавандаи маълумоти шахсӣ ва тадбирҳои *de lege ferenda* пешниҳод карда мешаванд.

Калидвожаҳо: маълумоти шахсӣ; зеҳни сунъӣ; ҳифзи маданӣ-ҳуқуқӣ; гардиши назоратшаванда; ФҚ №152; GDPR.

PERSONAL DATA IN THE CONTEXT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE APPLICATION: CIVIL LAW MECHANISMS FOR PROTECTING THE DATA SUBJECT'S RIGHTS

E.M. GATIYATULLINA
University of Management "TISBI", postgraduate student Specialty 5.1.3 — Private Law (Civil Law) Sciences Phone: +7 969 035-93-59: E-mail: askoelm@mail.ru

The article examines civil law mechanisms for protecting the rights of personal data subjects in the context of the application of artificial intelligence systems. Key shortcomings of the current legislation are identified, and a concept of controlled circulation of personal data as well as measures *de lege ferenda* are proposed.

Keywords: personal data; artificial intelligence; civil law protection; controlled circulation; Federal Law No. 152-FZ; GDPR.

Введение

Стремительное распространение систем искусственного интеллекта (далее — ИИ) кардинально изменило характер обработки персональных данных: если

традиционный оператор использует данные для конкретной, заранее определённой цели, то ИИ-система способна извлекать, комбинировать и применять их в масштабах и целях, которые в момент дачи субъектом согласия нередко ещё не определены [1]. Рекомендательные алгоритмы, системы автоматизированного кредитного скоринга, медицинские диагностические модели, инструменты подбора персонала — все они функционируют на основе персональных данных миллионов субъектов, однако правовая связь между субъектом и его данными, однажды переданными оператору, на практике утрачивается.

Российское гражданское законодательство по-прежнему не признаёт персональные данные самостоятельным объектом гражданских прав: статья 128 ГК РФ не содержит упоминания о них ни в одной из существующих категорий [2]. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее — ФЗ-152) регулирует обработку в публично-правовой парадигме, не предусматривая механизмов сохранения правовой связи субъекта с данными на всём протяжении их жизненного цикла в ИИ-системе. Изложенное свидетельствует о существенном пробеле в доктрине и законодательстве, восполнению которого посвящена настоящая статья.

Цель исследования — выявить недостатки действующих гражданско-правовых механизмов защиты субъекта персональных данных применительно к ИИ-системам и предложить концептуальную модель их совершенствования. Методологическую основу составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы. Теоретическую основу образуют труды А.И. Савельева, Э.В. Талапиной, В.В. Архипова, а также зарубежных исследователей P. Schwartz [11] и D. Solove [12].

1. Персональные данные как «топливо» искусственного интеллекта: правовая постановка проблемы

Специфика обработки персональных данных в ИИ-системах обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, машинное обучение предполагает использование массивов данных для обучения модели: данные конкретного субъекта «растворяются» в обучающей выборке, и после завершения обучения извлечь их или нейтрализовать их влияние технически крайне затруднительно [3]. Во-вторых, ИИ-системы способны генерировать новые производные данные о субъекте — предсказания, профили, оценки, — которые субъект никогда не предоставлял и на обработку которых не давал согласия [4]. В-третьих, цепочка операторов при использовании ИИ многократно удлиняется: разработчик модели, владелец платформы, конечный пользователь — каждый из них обрабатывает данные субъекта, однако ни один не находится в прямом правовом отношении с ним.

Действующая система ФЗ-152, построенная на модели «оператор — субъект», не рассчитана на такую многозвенную структуру. Согласие субъекта, данное первоначальному оператору, юридически не распространяется на всех последующих участников цепочки, тогда как фактически его данные обрабатываются каждым из них. Отсутствие персональных данных в системе объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) лишает субъекта инструментария вещно-правовой и обязательственно-правовой защиты, доступного применительно к иным объектам [2].

2. Действующие механизмы и их недостаточность

Центральным правовым механизмом легитимации обработки персональных данных является согласие субъекта (ст. 9 ФЗ-152). Применительно к ИИ-системам данный механизм обнаруживает принципиальные ограничения. Согласие по своей природе ретроспективно: субъект соглашается на обработку в конкретных целях, тогда как ИИ-система в ходе обучения и эксплуатации может использовать данные для целей, которые на момент получения согласия не были предсказуемы ни для субъекта, ни для оператора [5]. «Согласие под принуждением», при котором отказ от него лишает субъекта возможности воспользоваться услугой, окончательно лишает конструкцию реального волевого содержания.

Механизм отзыва согласия (ч. 2 ст. 9 ФЗ-152) технически нереализуем в ситуации, когда данные уже вошли в обученную нейронную сеть. Процедура «машинного разобучения» (machine unlearning) — удаления влияния конкретных данных из обученной модели — находится на стадии научной разработки и не имеет правового регулирования в российском законодательстве [3]. Тем самым право субъекта на отзыв согласия превращается в декларацию, лишённую механизма принуждения к исполнению.

Поручение оператора на обработку (ч. 3 ст. 6 ФЗ-152) также не решает проблему. Субъект персональных данных не является стороной поручения и не приобретает прав требования в рамках этого правоотношения [6]. Когда оператор привлекает разработчика ИИ-системы для обработки данных, субъект полностью выпадает из возникающего правоотношения: разработчик несёт обязанности лишь перед оператором, но не перед субъектом, чьи данные используются для обучения модели. Данный пробел является системным и не устраняется действующей редакцией закона.

3. Концепция контролируемого оборота персональных данных применительно к ИИ

Описанные проблемы делают неизбежным поиск иного подхода к регулированию — такого, при котором правовая связь субъекта с его данными не обрывается в момент передачи оператору, а прослеживается на всём протяжении жизненного цикла данных в ИИ-системе. Такой подход предлагается обозначить как «контролируемый оборот» персональных данных [7].

В основе концепции лежат три взаимосвязанных начала. Прослеживаемость означает, что субъект вправе знать, в каких ИИ-системах и для каких целей задействованы его данные: оператор ведёт реестр всех получателей, включая разработчиков ИИ, и открывает его субъекту по первому требованию. Ограниченная делегируемость исходит из того, что оператор может передать данные разработчику ИИ, но право устанавливать цели их обработки остаётся за субъектом — оно непередаваемо. Наконец, ретроактивный контроль даёт субъекту возможность в любой момент потребовать прекратить использование его данных в конкретной ИИ-системе и принять технические меры по нейтрализации их влияния на модель (machine unlearning).

Гражданско-правовым инструментом реализации концепции служит конструкция договора в пользу третьего лица (ст. 430 ГК РФ): субъект персональных данных выступает третьим лицом в правоотношении «оператор — разработчик ИИ» и вправе непосредственно предъявлять требования к разработчику в случае нарушения условий обработки [8]. Дополнительно предлагается закрепить специальное согласие на использование данных в ИИ-системах — отдельное от общего согласия на обработку, — с обязательным указанием конкретной ИИ-системы, цели обучения модели и механизма реализации права на «разобучение».

Предложенные меры de lege ferenda: во-первых, введение статьи 141.2 ГК РФ «Цифровое представление личности», закрепляющей персональные данные в качестве особого объекта гражданских прав с режимом контролируемого оборота; во-вторых, дополнение статьи 9 ФЗ-152 нормой о специальном согласии на использование данных в ИИ-системах; в-третьих, закрепление обязанности оператора принимать технические меры по machine unlearning при отзыве субъектом согласия.

4. Сравнительно-правовой анализ

Европейский регламент GDPR содержит ряд норм, реализующих схожие идеи. Статья 22 GDPR закрепляет право субъекта не подвергаться решению, основанному исключительно на автоматизированной обработке, включая профилирование, если такое решение порождает для него юридически значимые последствия. Статьи 13–14 обязывают оператора информировать субъекта о факте принятия автоматизированных

решений и логике их функционирования [9]. Вместе с тем GDPR не закрепляет механизма прослеживаемости в многозвенных ИИ-цепочках и не регулирует вопрос machine unlearning, что является существенным пробелом европейской модели.

Китайский Закон о защите персональной информации (PIPL, 2021) в статье 24 предусматривает право субъекта на объяснение алгоритмических решений, затрагивающих его интересы, а также право отказаться от автоматизированной обработки, тем самым реализуя элемент ретроактивного контроля [10]. PIPL устанавливает повышенные требования к прозрачности алгоритмов, что соответствует предлагаемому принципу прослеживаемости. Однако приоритет государственного суверенитета данных над частноправовой автономией субъекта существенно ограничивает сферу применения частноправовых механизмов.

Концепция контролируемого оборота восполняет ключевые пробелы обеих рассмотренных моделей: в отличие от GDPR, она предусматривает непосредственную ответственность всех участников ИИ-цепочки перед субъектом; в отличие от PIPL — исходит из приоритета частноправовой автономии субъекта. Концепция берёт у GDPR и PIPL лучшее, отсекает их слабости и укладывается в логику российского гражданского права.

Заключение

Проведённый анализ фиксирует системный разрыв между возможностями ИИ-систем и нормами ФЗ-152: механизмы согласия и поручения на обработку, выстроенные под двусторонние отношения «оператор — субъект», не справляются с многозвенными ИИ-цепочками, а право на отзыв согласия остаётся декларативным там, где данные уже вошли в обученную модель. Концепция контролируемого оборота — с опорой на прослеживаемость, ограниченную делегируемость и ретроактивный контроль — закрывает этот разрыв, сохраняя правовую связь субъекта с данными на всём их жизненном пути. Меры de lege ferenda: новая ст. 141.2 ГК РФ, специальное согласие на ИИ-обработку и обязанность machine unlearning — вписываются в действующую систему гражданского права без её ломки.

Предложенные инструменты уже сегодня применимы при составлении договоров между операторами и разработчиками ИИ: включение условий о реестре получателей, целевом ограничении и праве «разобучения» не требует законодательных изменений и достижимо в рамках принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ). Дальнейшего изучения заслуживают технические стандарты machine unlearning и формирующаяся судебная практика по искам о компенсации вреда, причинённого нарушением условий ИИ-обработки.

Литература

1. Савельев А.И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2015. – № 1. – С. 43–66.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

3. Cao Y., Yang J. Towards Making Systems Forget with Machine Unlearning // 2015 IEEE Symposium on Security and Privacy. – 2015. – P. 463–480.

4. Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. – 2018. – № 2. – С. 5–17.

5. Архипов В.В., Наумов В.Б. Об искусственном интеллекте, стандартах его поведения и правах роботов с точки зрения права и смежных дисциплин // Закон. – 2017. – № 5. – С. 157–170.

6. Петрыкина Н.И. Правовое регулирование оборота персональных данных. Теория и практика. – М.: Статут, 2011. – 152 с.

7. Гатиятуллина Э.М. Концепция «контролируемого оборота» персональных данных: гражданско-правовые механизмы реализации // Образование и право. – 2026 (в печати).

8. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. – М.: Статут, 2001. – 848 с.

9. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council (General Data Protection Regulation) // OJ L 119. – 04.05.2016. – P. 1–88.

10. Закон КНР о защите персональной информации от 20.08.2021 (вступил в силу 01.11.2021). URL: http://www.npc.gov.cn (дата обращения: 01.04.2026).

11. Schwartz P.M. Property, Privacy, and Personal Data // Harvard Law Review. – 2004. – Vol. 117. – No. 7. – P. 2055–2128.

12. Solove D.J. Understanding Privacy. – Cambridge: Harvard University Press, 2008. – 257 p.

УДК: 347.62:004

РИОЯ КАРДАНИ ШАРТҲОИ БАСТАНИ АҚДИ НИКОҲ ДАР ШАРОИТИ РАҚАМИКУНОНӢ

РАҶАБЗОДА Б.
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, унвонҷӯи кафедраи ҳуқуқи мадании факултети ҳуқуқшиносӣ. Тел.: 938969696: E-mail: rajabova_lawyer@mail.ru

Никоҳ, дар заминаи ҳуқуқи байналмилалӣ, ҳамчун ҳуқуқи шахсони болиғ муаян карда мешавад, иродаи комил ва озоди тарафҳо бошад ҳамчун унсури таркибии асосии никоҳ баррасӣ мегардад. Никоҳ ин ҳуқуқ ва озодии шахсӣ аст, ки бояд бе фишору маҷбурӣ бояд амалӣ гардад ва шахси никоҳшаванда бояд бо ихтиёри худ ба чунин муносибатҳо ворид гардад. Дар ин замина дар бораи ифодаи комил ва озоди иродаи кӯдаки то ҳаждаҳсола, ки ҳанӯз инкишофи ҷисмонӣ ва зеҳнии худро ба итмом нарасондааст, ҳарф задан мумкин нест. Дар замони муосир раванди рақамикунонӣ тамоми соҳаҳои ҳаёти ҷомеаро фаро гирифтааст. Рақамикунонӣ ворид намудани технологияҳои иттилоотиро ба равандҳои давлатӣ дар бар мегирад. Яке аз чунин соҳаҳо, муносибатҳои оилавӣ ва махсусан, бастани ақди никоҳ мебошад. Татбиқи технологияҳои рақамӣ ба фаъолияти мақомоти САҲШ имконият медиҳад, ки раванди бақайдгирии никоҳ соддатар ва дастрас гардад. Аммо, дар баробари ин, масъалаи муҳими ҳуқуқӣ ба миён меояд, ки то кадом андоза шартҳои бастани ақди никоҳ дар муҳити рақамӣ риоя мешаванд. Бояд қайд намуд, ки риояи шартҳои бастани ақди никоҳ ҳатмист, новобаста аз шакли анъанавӣ ё рақамии бақайдгирӣ.

Калидвожаҳо: оила, никоҳ, рақамикунонӣ, ризоияти тарафайн, ихтиёри будани ақди никоҳ, синни никоҳӣ.

СОБЛЮДЕНИЕ УСЛОВИЙ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

РАДЖАБЗОДА Б.
Национальный университет Таджикистана, соискатель кафедры гражданского права юридического факультета. Тел.: 938969696: E-mail: rajabova_lawyer@mail.ru

Брак в международном праве рассматривается как право совершеннолетних лиц, при этом полная и свободная воля сторон выступает основным элементом брачных отношений. Брак является личным правом и свободой, которая должна реализовываться без принуждения и давления, а лицо, вступающее в брак, должно делать это добровольно. В этой связи невозможно говорить о полной и свободной воле несовершеннолетнего лица, не достигшего восемнадцатилетнего возраста, которое еще не завершило свое физическое и интеллектуальное развитие.

В современных условиях процесс цифровизации охватывает все сферы общественной жизни. Цифровизация предполагает внедрение информационных технологий в государственные процессы. Одной из таких сфер являются семейные отношения, в частности заключение брака. Применение цифровых технологий в деятельности органов записи актов гражданского состояния позволяет упростить и сделать более доступной процедуру регистрации брака. Однако при этом возникает важный правовой вопрос о степени соблюдения условий заключения брака в цифровой среде. Следует отметить, что соблюдение условий заключения брака является обязательным независимо от традиционной или цифровой формы регистрации.

Ключевые слова: семья, брак, цифровизация, взаимное согласие, добровольность брака, брачный возраст.

COMPLIANCE WITH THE CONDITIONS FOR CONCLUDING A MARRIAGE IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

RAJABZODA B.
National University of Tajikistan, Applicant of the Department of Civil Law, Faculty of Law. Phone: 938969696: E-mail: rajabova_lawyer@mail.ru

Marriage, within the framework of international law, is defined as a right of adults, while the full and free will of the parties is considered a fundamental element of marriage. Marriage is a personal right and freedom that must be exercised without coercion or pressure, and a person entering into marriage must do so voluntarily. In this regard, it is impossible to speak of the full and free will of a minor under the age of eighteen who has not yet completed physical and intellectual development.

In modern conditions, the process of digitalization covers all spheres of social life. Digitalization involves the introduction of information technologies into state processes. One of such areas is family relations, particularly the conclusion of marriage. The implementation of digital technologies in the activities of civil registry offices makes the marriage registration process simpler and more accessible. However, this raises an important legal issue regarding the extent to which the conditions for concluding a marriage are observed in the digital environment. It should be noted that compliance with the conditions for concluding a marriage is mandatory regardless of whether the registration is carried out in a traditional or digital form.

Keywords: family, marriage, digitalization, mutual consent, voluntary nature of marriage, marriageable age.

Институти никоҳ роҳи тӯлонии таҳаввулотро тай намуда, дар баробари љомеа инкишоф ва таѓйир меёбад [19, 231]. Никоҳ ҳамчун иттиҳоди қонунии барасмиятдаровардашудаи зан ва мард буда, ҳадафи он ҳам зиндагӣ кардан, ба якдигар кумак расонидан ва ҳам барои якдигар ҳуқуқу уҳдадориҳои мутақобиларо ба вуҷуд овардан ва муҳимтар аз ҳама, идомаи насл мебошад. Никоҳ иттиҳоди ихтиёрии озоди зану марде мебошад, ки тибқи муқаррароти қонун ҳуқуқи анҷом додани никоҳро доранд. Дар Тоҷикистон танҳо он никоҳе эътироф карда мешавад, ки дар мақомоти давлатии сабти асноди ҳолати шаҳрвандӣ ба ҷо оварда шудааст. Ақди никоҳе, ки бо расму оини динӣ сурат гирифтааст, оқибатҳои ҳуқуқӣ ба вуҷуд намеорад.

Масоили танзими муносибатҳо вобаста ба шартҳои никоҳ ҳамеша, дар тамоми давру замон дар маркази таваҷҷуҳи давлатҳо қарор доштанд [20, 41]. Масалан дар таълимоти ҳуқуқи зардуштӣ муҳимтарин шартҳо барои бастани ақди никоҳ дар низоми ҳуқуқи зардуштӣ ин розигии тарафҳо, расидан ба синну соли никоҳӣ, мављудияти шоҳид ва пайрави дини зардуштӣ будани тарафҳои никоҳшаванда буданд [3, 304]. Дар ҳуқуқи исломӣ шартҳои бастани никоҳ розигӣ ва расидани ба синни балоғат эътироф мегардид [10, 58]. Дар ИҶШС барои бастани ақди никоҳ риоя кардани шартҳои зерин зарур буд: 1) розигии никоҳшавандагон; 2) расидан ба синну соли никоҳӣ; 3) љой надоштани монеаҳои ақди никоҳ [2, 82].

Барои он ки ақди никоҳ дар қалamрави Тоҷикистон эътибори ҳуқуқӣ пайдо намояд, бояд шартҳои муайяни моддӣ риоя карда шаванд. Шарти бастани ақди никоҳ гуфта, ҳолатҳоеро меноманд, ки ҳангоми мавҷуд будани онҳо никоҳ ҳукми қонунӣ гирифта, зери ҳимояи давлат қарор дода мешавад. Риояи шартҳои мазкур нишонаи қонунӣ будани тартиби бастани ақди никоҳ мебошад ва ҳукми қонунӣ гирифтани онро таъмин менамояд. Бинобар ин, давлат ба масъалаи бақайдгирии давлатии ақди никоҳ

диққати хоса зоҳир намуда, барои бастани он як қатор шартҳои ҳатмиро муқаррар менамояд. [11, 143]. Ин шартҳоро дар адабиёт ба ду гурӯҳ ҷудо мекунанд: шартҳои манфӣ ва шартҳои мусбат [8, 26]. Шартҳои манфӣ он шартҳое мебошанд, ки ҳангоми бастани ақди никоҳ онҳо ҳатман бояд ҷой надошта бошанд. Ин шартҳо дар моддаи 14 КО ҶТ «Ҳолатҳое, ки монеаи бастани ақди никоҳ мегарданд» оварда шудаанд. Дар ҳолати ҷой надоштани шартҳои мусбат, ки дар моддаҳои 12 ва 13 КО ҶТ оварда шудаанд, ба қайд гирифтани ақди никоҳ имконнопазир мегардад. «Риояи шартҳои бастани ақди никоҳ онро қонунӣ мегардонад ва барои шахсони никоҳкунанда оқибатҳои муайяни ҳуқуқиро ба вуҷуд меорад» [15, 87].

Тибқи м. 12 КО ҶТ шартҳои ҳатмии бастани ақди никоҳ розигии ҳамдигарии марду зани никоҳшаванда ва расидан ба синни никоҳӣ мебошад.

1) Розигии ҳамдигарии марду зани никоҳшаванда. Шарти муҳимтарин ҳангоми бастани ақди никоҳ, ки он бояд ҳатман риоя карда шавад, ризоияти ихтиёрии тарафҳои ақди никоҳ мебошад, зеро дар сурати набудани чунин ризоият ба қайд гирифтани ақди никоҳ ғайриимкон мегардад ва агар ба қайд гирифта шуда бошад, он эътибор надорад. Вайрон кардани ин шарт дар чунин намудҳо дида мешаванд: маҷбур кардан барои ба ақди никоҳ даромадан; бо мақсади на бунёди оила, балки ғаразнок бастани ақди никоҳ; бо ашхоси ғайриқобили амал бастани ақди никоҳ. Моҳият ва мазмуни розигӣ додан ба ақди никоҳ дар он ифода меёбад, ки шахс баъди додани розигии худ бояд ба қонунҳои оилавӣ итоат намояд. [18,39] Розигии тарафҳои ақди никоҳ дар ду давраи расмияти бастани ақди никоҳ зоҳир мегардад: Якум, дар пешниҳоди ариза барои бақайдгирии ақди никоҳ, дуюм бақайдгирии бевоситаи ақди никоҳ. Ихтиёрӣ будани ақди никоҳи марду зан принсипи асосии ҳуқуқи оилавӣ на танҳо дар Тоҷикистон, балки яке аз принсипҳои ҳуқуқи оилавии байналмилалӣ низ мебошад. Ҳамин тавр, масалан, м.16 Эъломияи умумии ҳуқуқи башар [4], м. 10 Паймони байналмилалӣ дар бораи ҳуқуқҳои иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангӣ [12], м. 17 Конвенсияи Амрико оид ба ҳуқуқи инсон [1] муқаррар менамоянд, ки ақди никоҳ танҳо бо ризоияти озод, бечунучаро ва пурраи шахсони никоҳшаванда баста мешавад. Ин муқаррарот дар Конститутсияҳо [5,528] ва қонунгузории оилавии бештари кишварҳои хориҷӣ муқаррар гардидааст [7, 45].

Бояд қайд намуд, ки аз нуқтаи назари ҳуқуқи исломӣ низ розигии никоҳшавандагон барои бастани ақди никоҳ зарур буда, дар шариати ислом ашхоси никоҳшаванда дар интихоби ҳамсари худ ихтиёр доранд. Издивоҷкунандагон бояд барои ба қайд гирифтани ақди никоҳ бевосита дар маросими бастани ақди никоҳ розигии худро баён кунанд. Чунин ризоиятро шахси болиғи дорои қобилияти амалӣ пурра дода метавонад [12].

Моҳияти ризоияти шахсони никоҳшаванда дар пешниҳоди якҷояи ариза дар бораи бақайдгирии ақди никоҳ ба мақомоти САҲШ зоҳир мегардад, зеро тавре маълум аст, агар онҳо чунин хоҳиш надошта бошанд, барои бақайдгирии никоҳ муроҷиат намекунанд. Ҳамин тавр, м.32 Қонуни ҶТ “Дар бораи бақайдгирии давлатии асноди ҳолати шаҳрвандӣ” муқаррар менамояд, ки асос барои бақайдгирии давлатии ақди никоҳ аризаи муштараки шахсони никоҳшаванда ба ҳисоб меравад.[9, 38] Ҳолати дуюм, тасдиқи ризоияти шахсони никоҳшаванда иштироки бевоситаи ашхоси никоҳшаванда дар маросими бақайдгирии ақди никоҳ мебошад, ки воқеият ва бевосита будани нияти онҳоро оид ба бақайдгирии ақди никоҳ бо ҳамдигарро тасдиқ мекунанд. Дар ин хусус қонунгузории Тоҷикистон низ муқаррар менамояд (қ.4м.35), ки бақайдгирии давлатии ақди никоҳ дар ҳузури шахсони никоҳшаванда ба ҷо оварда мешавад [9,40]. Дар марҳилаи ниҳоии ақди никоҳ никоҳшавандагон имзои худро ба дафтарчаи махсуси сабти асноди ҳолати шаҳрвандӣ мегузоранд, ки онро метавон ҳамчун тасдиқи дигари изҳори ихтиёрии хоҳиши бақайдгирии ақди никоҳ арзёбӣ кард.

Қонунгузории оила имконияти ба қайд гирифтани ақди никоҳро бо хоҳиши шахсони сеюм, ба истиснои худи зану шавҳар, алоқаманд намекунад. Волидайн ё шахсоне, ки онҳоро иваз мекунанд, наметавонанд ба имконияти ба қайд гирифтани

ақди никоҳи байни фарзандонашон таъсир расонанд. Ҳатто агар барои бақайдгирии ақди никоҳ бо шахсе, ки ба синни никоҳ нарасида бошад ҳам, розигии волидайн талаб карда намешавад. Муҳим танҳо хоҳиши шахсонест, ки мехоҳанд ақди никоҳ банданд. Ҳамин тавр, розигии шахсони никоҳкунанда, шарти муҳими қонунӣ будани никоҳ мебошад, ки риоя накардани он ба қайд гирифтани ақди никоҳро ғайриимкон месозад ва агар бақайдгирии ақди никоҳ ба амал ояд, пас ин гуна никох беэътибор дониста мешавад.

2) Расидан ба синни никоҳ. Шахсе, ки дар муҳити солими оила ба воя мерасад, хушмуомила, некбину умедбахш, хоксор, ояндабин, услуб ва рафтори дуруст дорад, дар кирдор ва рафтори худ бошуур ва ҳушёр аст. Оила мактабест, ки фарзандонро бо муҳаббат, эҳтиром ва шафқат ба ҳаёти иҷтимоӣ омода месозад. Барои солим будани институти оила, марду зан бояд камолоти маънавӣ ва љисмонии худро ба итмом расонида, ба балоѓат расанд. Бинобар ин, шарти дуюми муҳимми бастани ақди никоҳ расидан ба синни никоҳӣ мебошад, ки зарурияти муқаррар намудани онро санадҳои байналмилалӣ низ пешбинӣ мекунанд**.**

Эъломияи ҳуқуқи башар синну солро дар ду замина баррасӣ мекунанд: яке синни балоғат ва дигаре синни никоҳӣ. Дар ҳоле ки синни ризоият ба остонаи эътирофи балоғат ишора менамояд, синни никоҳӣ ба эътирофи ба балоғат расидани шахс ишора мекунад. Аз ин рӯ, дар қонунгузории миллии кишварҳо байни синни расидан ба балоғат ва синни никоҳӣ метавонад ихтилоф ҷой дошта бошад [23, 243].

Тибқи Эъломияи умумии ҳуқуқи башар “Мардон ва заноне, ки ба синни балоѓат расидаанд, ҳақ доранд бидуни ягон маҳдудияти нажодӣ, миллӣ ё динӣ издивоҷ кунанд ва оила бунёд намоянд. Онҳо дар мавриди ақди никоҳ дар давраи дар никоҳи якдигар будан ва ҳангоми бекор кардани он баробарҳуқуқанд. Ақди никоҳ метавонад танҳо дар сурати ризоияти озодона ва пурраи ҳарду тарафи баакдиникоҳдароянда баста шавад” [22]. Аҳаммияти моддаи баррасишаванда дар он аст, ки дар он зикр мегардад, ки ақди никоҳ метавонад дар ҳолати ба синни балоғат расида, бо ризоияти озод ва пурраи зану шавҳар баста шавад. Дар никоҳи ноболиғе, ки ҳадди ақал яке аз зану шавҳар ба синни 18-солагӣ нарасидааст, дар бораи ақди никоҳ, ки бо изҳори озод ва пурраи иродаи худ баста шудааст, сухан рондан мумкин нест.

Мавриди зикр аст, ки дар кишварҳои хориҷӣ ягонагии танзими ҳуқуқии масъалаи муайян кардани синни никоҳӣ ҷой надорад. Одатан ин шартҳо дар асоси суннатҳои фардӣ, таърихӣ, динӣ, сиёсӣ, миллӣ ва урфу одатҳои халқҳои алоҳида ба амал бароварда мешаванд. Тибқи тавсия оид ба ризоият ба ақди никоҳ, синни ҳадди ақали ақди никоҳ ва бақайдгирии ақди никоҳ, ки 1 ноябри соли 1965 бо Қарори Ассамблеяи Генералии СММ қабул шудааст, синни ҳадди ақали никоҳӣ дар кишварҳои узви СММ набояд аз 15 сол кам бошад. Бақайдгирии ақди никоҳ бо ашхоси то 15-сола ғайри қобили қабул аст, агар мақомоти салоҳиятдор ба манфиати тарафҳои ақди никоҳ бо сабабҳои ҷиддӣ иҷозат надиҳанд [16]. Агарчи ин меъёр хусусияти тавсиявӣ дошта бошад ҳам, он бояд дар масъалаи танзими ҳуқуқии синнӣ никоҳӣ дар робита ба муайян намудани ҳадди поёнии он аҳаммияти ҳалкунанда дошта бошад. То синни 15-солагӣ, ҳатто сарфи назар аз имкони камолоти ҷисмонӣ (физиологӣ) (қобилияти ҳомиладор шудан ва таваллуд кардани кӯдак), шахсон мустақилияти зарурии иҷтимоӣ ва иқтисодиро ба даст намеоранд. Мувофиқан дар ин синну сол бунёди оила ғайриимкон мебошад.

Қонунгузори миллӣ синни ҳадди ақали никоҳро ҳам барои занон ва ҳам барои мардон як хел муқаррар кардааст. Тибқи м. 13-и КО ҶТ шахс ҳуқуқ дорад танҳо аз синни 18-солагӣ ақди никоҳ бандад. Синну соли никоҳ шарти моддии шахс барои ба даст овардани қобилияти пурраи амалкунӣ мебошад ва аз ин рӯ, расидан ба синни никоҳ бояд факти ҳуқуқӣ дониста шавад. Муайян кардани синну соле, ки шахс қобилияти ақди никоҳ бастанро пайдо мекунад ва имконияти мустакилона ба роҳ мондани муносибатҳои ҳуқуқии бақайдгирии акди никоҳро пайдо мекунад, ба фарзияе

асоснок мегардад, ки шахс дар ин синну сол ба дараҷаи зарурии камолоти ҷисмонӣ, равонӣ ва ахлоқӣ мерасад, қодир аст мустақилона ва бошуурона намуди шуғли худро муайян кунад, буҷаи оиларо ҳисоб кунад ва даромадро идора кунад, оид ба масъалаҳои оилавӣ, таваллуд ва тарбияи фарзандон қарор қабул кунад. Синни 18 - солагӣ синни муайяни ҳадди ақал аст, ки бо расидан ба он қонунгузор пайдоиши бештари ваколатҳо (ба даст овардани соҳибҳуқуқӣ, ҳуқуқҳои маданӣ, ҳуқуқи идораи воситаи нақлиёт, ҳуқуқи овоздиҳӣ ва ғайра) алоқаманд мекунад. Баъди расидан ба синни 18-солагӣ, шахс воқеан тамоми салоҳияту имкониятҳоро барои амалӣ намудани мустақилияти пурраи иҷтимоӣ, ҳуқуқӣ ва иқтисодӣ, аз ҷумла, дар масъалаҳои муносибатҳои никоҳ ва оилавӣ ба даст меорад.

Мавриди зикр аст, ки дар баъзе ҳолатҳои истиснои синни никоҳии кӯдаке, ки 17 сола аст, метавонад кам карда шавад. Ҳамин тавр, тибқи м. 13 КО ҶТ дар ҳолатҳои истиснои суд ҳуқуқ дорад дар асоси хоҳиши шахсони никоҳшаванда синни никоҳи дар ҳамин модда барои марду зан муқарраршударо ба мӯҳлати на бештар аз як сол кам кунад. Дар ин ҳолат барои бастани ақди никоҳ розигии падару модар ё васии онҳо зарур нест. Ҳамин тавр, кам кардани сину соли ақди никоҳ танҳо дар сурати риоя шудани шартҳои зерин мумкин аст: кӯдак ба синни 17 солагӣ расида бошад, асосҳои кофӣ ҷой дошта бошанд ва хулосаи духтур дар бораи вазъи махсуси ин шахс мавҷуд бошад.

Ба андешаи мо, ақдҳои никоҳе, ки то синни 18-солагӣ баста мешаванд, аз нигоҳи биологӣ, ҷомеашиносӣ ва тиббӣ бармаҳал мебошанд. Тавре коршиносони соҳаи тиб қайд менамоянд, ки хавфи беморӣ ва марг дар давраи ҳомиладорӣ барои духтароне, ки дар синни бармаҳал издивоҷ мекунанд, зиёд аст.

Никоҳи бармаҳал ё бо ноболиғ нақзи ҳуқуқи башар маҳсуб мешавад ва маъмултарин шакли хушунати ҷинсӣ, бахусус байни духтарон аст. Никоҳи бармаҳал метавонад боиси тарки мактаб ва хатми касбу кори таълимии онҳо мегардад. Бояд қайд намуд, ки ҳамасола шумораи ақдҳои никоҳи бармаҳал зиёд шуда истодаанд. Ҳамин тавр, соли 2022 дар Тоҷикистон 695 никоҳи бармаҳал ба қайд гирифта шудааст, ки ин шумора нисбати соли гузашта беш аз 100 ҳолат зиёд аст. Тавре Созмони ҷаҳонии тандурустӣ қайд менамояд «Никоҳи бармаҳал барои духтарони наврас оқибатҳои ногувор дошта, онҳоро аз имкони пешбурди зиндагии минбаъда маҳрум месозад. Дар оилаҳои нав онҳо мавриди фишори равониву ҷисмонӣ қарор мегиранд. Сабаби аслии фавти духтарони синнусоли 15 - сола ҳомиладории бармаҳал аст.

Ҳамзамон, тавре дар адабиётҳо қайд мегардад кӯдакони ноболиғ ҳатто баъд аз расидан ба синне, ки ҳуқуқи муроҷиатро ба даст меоранд, имкони воқеии пешбурди тарзи ҳаёти мустақил ва аслӣ надоранд. Чун қоида ноболиғон асосан аз волидайни худ вобастагии моддиро нигоҳ медоранд, илова бар ин, дар ҷомеа ақидаи муқарраршуда боқӣ мемонад, то расидан ба синни балоғат волидайн вобаста ба таълиму тарбияи онҳо масъулиятро нигоҳ медоранд. Аз ин лиҳоз, волидайн тавассути ваколаташон метавонанд ба қарорҳои қабулкардаи кӯдак ва ба қарорҳои дар ҳаёти оилавӣ қабулкардаи ӯ таъсири муайян расонанд. Ба андешаи мо, падару модар (васиён, парасторон, дигар намояндагони қонунӣ) шахсоне, ки хоҳиши то расидан ба синни никоҳ ақди никоҳ банданд, дар муҳокимаи масъалаи додани иҷозат ба фарзандони ноболиғашон хатман бояд иштирок кунанд. Раванди додани розигии волидайн барои никоҳи фарзандон падидаи нав нест ва барои ҷомеа ва қонун кайҳо маълум аст [13, 510].

Қонун номгӯи ҳолатҳои истисноиро дар бар намегирад, ки дар сурати мавҷуд будани онҳо иҷозати ақди никоҳ ба ашхоси то синни никоҳ дода шуданаш мумкин аст. Одатан, дар таҷриба чунин ҳолатҳои истиснои иборат мебошанд: таваллуди кӯдак аз ҷониби шахси никоҳшаванда ва ё аз номи шахсе, ки ариза пешниҳод мекунад; ҳомиладории шахси аризадиҳанда; мавҷудияти муносибатҳои воқеии никоҳӣ байни шахсони ба синни никоҳӣ нарасида, ки мехоҳанд сабти ақди никоҳро анҷом диҳанд;

мавҷудияти таҳдиди воқеӣ ба ҳаёти шахсе, ки мехоҳад ақди никоҳ бандад; зарурати рафтани таъҷилии дарозмуддат (даъват ба артиш, адои ҷазои маҳрумият аз озодӣ) ва ғайра. Дар ҳар сурат, дар қонун мавҷуд набудани рӯйхати ҳолатҳои истиснои нишон медиҳад, ки ин масъала ба салоҳдиди суд тааллуқ дорад ва ӯ вазифадор аст, ки бо дарназардошти ҳолатҳои мушаххаси ҳаётии шахсоне, ки дархост кардаанд, инфиродӣ дар ин бора қарор қабул намояд. Чунин ба назар мерасад, ки ҳолатҳои истиснои барои кам кардани синни никоҳӣ бояд дар қонунгузорӣ муайян карда шаванд.

Қонунгузории миллӣ синну соли ниҳоии болоии никоҳро махдуд намекунад, инчунин, барои тафовути синну соли байни зану шавҳар ягон шарт намегузорад [17, 16]. Ақди никоҳро новобаста аз тафовути синну соли байни зану шавҳар бастан мумкин аст. Албатта, тафовути аз ҳад зиёд аз никоҳи қалбақӣ (бе нияти бунёди оила) гувоҳӣ медиҳад. Тафовути ҷинсӣ, синни ақди никоҳ бо шаҳодатномаи таваллуд ё нусхаи тасдиқи нотариалии он, ки ба аризаи ақди никоҳ ва ҳуҷҷатҳои тасдиққунандаи шахсият замима мешавад, тасдиқ карда мешавад.

Набояд фаромӯш кард, ки бо вуҷуди тафовути фарҳангӣ, ниҳоди никоҳ воқеияти умумибашарӣ аст. Ҳамин тавр, ҳар масъалае, ки мустақим ё ғайримустақим ба издивоҷ таъсир мерасонад, бояд ҳамчун як ҷузъи ин воқеияти умумибашарӣ арзёбӣ ва бодиққат омӯхта шавад. Ҳамон гуна ки мушкили «никоҳи бармаҳал» чӣ дар сатҳи миллӣ ва чӣ дар сатҳи байналмилалӣ аз ҷанбаҳои сотсиологӣ, равонӣ, иқтисодӣ, ҳуқуқӣ ва ҳатто антропологӣ баҳогузорӣ мешавад, ҳамон қадар муаянкунандагоне ҳастанд, ки бевосита ё бавосита ба издивоҷ таъсир мерасонанд, ки бо таъсири ин таѓйирёбандаҳо аксаран масъалаи боло бурдани синни никоҳ мубрам мегардад. Ҳамзамон, тағйиротҳои ҷиддие, ки дар давоми солҳои охир ба вуҷуд омадаанд (афзоиши шумораи талоқҳо, кам шудани шумораи никоҳҳо, кам шудани таваллуд ва ѓайра) таҳқиқи ҳамаҷонибаи масъалаи боло бардоштани синни никоҳро тақозо мекунад.

Бояд қайд намуд, ки никоҳи бармаҳал оқибатҳои зиёди манфӣ дорад. Муаянкунандаҳои зиёд аз қабили таҳсилот, вазъи иҷтимоиву иқтисодии хонавода, ширкати занон дар шуғл, бекорӣ, хидмати ҳарбӣ, нажод ва қавмият, хароҷоти арӯсӣ ва фарҳанг аз авомили боло рафтани синни издивоҷ ҳастанд. Дар баробари ин, ба таъхир андохтани синни никоҳӣ ҳамон гуна оқибатҳои никоҳи бармаҳалро дорад.

Ҳамин тавр, пешгирии никоҳҳои бармаҳал бояд на танҳо ба зиёд намудани синни никоҳӣ алоқаманд гардад, балки ба андешаи мо, бояд тавонмандсозии духтарон ҳамчун стратегияи афзалиятнок муайян карда шавад. Издивоҷи бармаҳал бояд ҳамчун нақзи ҳуқуқи башар баррасӣ гардида бо такя ба равиши ҳуқуқи башар ҳал карда шавад. Дар ин замина, ба назар гирифта мешавад, ки таҳия ва татбиқи як санади ҳатмӣ оид ба ҳуқуқи инсон, махсусан барои пешгирии издивоҷи кӯдакон муфид хоҳад буд.

Дар баробари розигии ҳамдигарии шахсони никоҳшаванда ва синни никоҳӣ қайд намудан зарур аст, ки қонунунзории оилавии Ҷумҳурии Тоҷикистон ба таври возеҳ муқаррар менамояд, ки ақди никоҳ танҳо байни зан ва мард баста мешавад. Дар қаламрави Тоҷикистон издивоҷи ҳамҷинсҳо манъ аст. Дар баробари розигии ҳамдигарии шахсони никоҳшаванда ва синни никоҳӣ қайд намудан зарур аст, ки қонунунзории оилавии Ҷумҳурии Тоҷикистон ба таври возеҳ муқаррар менамояд, ки ақди никоҳ танҳо байни зан ва мард баста мешавад. Дар қаламрави Тоҷикистон издивоҷи ҳамҷинсҳо манъ аст. Дар қонунгузории миллии баъзе аз мамлакатҳо қайди ҳамзистии ҷуфти ҷинсҳои якхела иҷозат шудааст [21, 43]. Бояд ба он таваҷҷӯҳ дод, ки меъёрҳои қонунгузории дохилӣ, инчунин, созишномаҳои байналмилалиии Тоҷикистон ба зиммаи ҶТ ҳеч гуна уҳдадориро оиди дар ҳудуди худ тарғиб ва эътирофи никоҳҳои ҳамҷинсгароён ҳамчун никоҳи қонунӣ вогузошт накардаанд. Ҳамзамон рад кардани сабти никоҳ байни шахсони ҳамҷинс маънои вайрон кардани ҳуқуқ ва озодиҳои инсон, ки дар қонунгузории миллӣ ва меъёрҳои ҳуқуқи байналмилалӣ пешбинӣ шудаанд, надорад [14]. Дар айни замон, бо назардошти вижагиҳои тавзеҳи мафҳуми «никоҳ» дар баъзе кишварҳои ғарб қонунгузори ватаниро водор сохт, ки фаҳмиши никоҳро маҳз

ҳамчун иттиҳоди зану мард дар сатҳи Конституцсия мустаҳкам намояд. Ҳамин тавр, тибқи м. 33 Конституцсия, мардон ва занон, ки ба синни никоҳӣ расидаанд, ҳуқуқ доранд озодона ақди никоҳ банданд. Дар оиладорӣ ва бекор кардани ақди никоҳ зану шавҳар баробарҳуқуқанд [6].

Мавриди зирк аст, ки ҳангоми таҳия ва такмили қонунгузорӣ хусусият, тафаккур, урфу одатҳои миллиро ба назар гирифтан зарур аст. Инчунин, тавре дар муқаддимаи Конституцсия муқаррар гардидааст, мақсад аз қабули Конституцсия дарки масъулият дар назди наслҳои гузашта, ҳозира ва оянда дониста мешавад. Аз ин рӯ, никоҳҳои якҷинс дар Тоҷикистон эътироф гардида наметавонанд, зеро чунин оилаҳо аз имконияти давом додани насл маҳрум мебошанд. Ғайр аз ин м. 34 Конституцсияи ҶТ маҳз модару кӯдакро таҳти ҳимоя ва ғамхории махсуси давлат қарор додааст. Ин аз он гувоҳи медиҳад, ки оила ва модар дар фаҳмиши таърихӣ ва анъанавӣ дорои арзишҳое мебошанд, ки ивазшавии пайвастаи наслҳоро таъмин намуда, шарти ҳифз ва рушди аҳолии Тоҷикистон буда, бинобар ин давлат онҳоро махсус ҳифз менамояд.

Дар замони муосир раванди рақамикунонӣ тамоми соҳаҳои ҳаёти ҷомеаро фаро гирифтааст. Яке аз чунин соҳаҳо, муносибатҳои оилавӣ ва махсусан бастани ақди никоҳ мебошад. Татбиқи технологияҳои рақамӣ ба фаъолияти мақомоти САҲШ имконият медиҳад, ки раванди бақайдгирии никоҳ соддатар ва дастрас гардад.

Аммо, дар баробари ин, масъалаи муҳими ҳуқуқӣ ба миён меояд, ки то кадом андоза шартҳои бастани ақди никоҳ дар муҳити рақамӣ риоя мешаванд. Бояд қайд намуд, ки риояи шартҳои бастани ақди никоҳ ҳатмист, новобаста аз шакли анъанавӣ ё рақамии бақайдгирӣ.

Рақамикунонӣ ворид намудани технологияҳои иттилоотиро ба равандҳои давлатӣ дар бар мегирад. Дар соҳаи бақайдгирии ақди никоҳ ин метавонад чунин шаклҳоро дар бар гирад: пешниҳоди ариза тавассути портали электронӣ; навбатгирии онлайнӣ, истифодаи имзои электронии рақамӣ.

Ҳамин тавр, баъди таҳлили мавзуи мазкур чунин хулоса кардан мувофиқи мақсад мебошад:

1.Шартҳои бастани ақди никоҳ ҳолатҳое мебошанд, ки барои бақайдгирии давлатии ақди никоҳ дар мақомоти сабти асноди ҳолати шаҳрвандӣ зарур мебошанд. Чунин шартҳо дар доираи муносибатҳои пеш аз никоҳӣ муайян карда мешавад – муносибатҳое, ки пеш аз ақди никоҳ ҷойдошта ба ташкили имкони бастани ақди никоҳ нигаронида шудаанд. Шахсони никоҳкунанда ҷинсҳои муқобил, яъне мард ва зан бояд бошанд. Пеш аз бастани ақди никоҳ риоя гардидани шартҳои бастани он ҳатман бояд муайян карда шаванд, чунин шартҳо барои ақди никоҳ розигии ҳамдигарии марду зани никоҳшаванда ва ба синни никоҳӣ расиндани никоҳшавандагон мебошанд, ки дар моддаи 12, 13 КО ҶТ муайян карда шудаанд.

2. Розигии ҳамдигарии марду зани никоҳшаванда шарти ихтиёрӣ будани иродаи зан ва мард оид ба бакайдгирии акди никоҳ буда, ба он нигаронида шудааст, ки марду зани никоҳшаванда мустақилона бе ягон дахолати беруна, зуроварӣ, фиреб ба хулосаи бастани ақди никоҳ омадаанд ва воқеан хоҳиши инро доранд. Яъне марду зани никоҳшаванда пурра оқибатҳои бақайдгирии ақди никоҳро дар шакли ба даст овардани вазъи махсуси ҳуқуқӣ дар доираи муносибатҳои ҳуқуқии никоҳ ва оилавиро дарк менамоянд. Ин маънои онро дорад, ки шахс гарчанде қобилияти ҳуқуқӣ дошта бошад ҳам, аммо воқеан ба амалҳои худ ва оқибатҳои он баҳо дода натавонанд, яъне ҳуқуқи худро барои бақайдгирии ақди никоҳро амалӣ карда наметавонад ва ақди никоҳ шахсе, ки дар чунин ҳолат қарор дорад, (мадҳушӣ, нашъамандӣ) бояд рад карда шавад.

3. Масъалаи кам кардани синнӣ никоҳии шахсони ноболиғ мураккаб ва норавшан аст, зеро аз нуқтаи назари ҳуқуқӣ ва иҷтимоӣ чунин шахсони никоҳшаванда ҳанӯз кӯдаке мебошанд, ки аз волидайни худ вобастагӣ доранд ва мустақилона амалӣ намудани муносибатҳои оилавӣ-никоҳӣ онҳо зери суол мебошад. Бинобар ин, кам

кардани синни никоҳӣ бояд бо назардошти фикри волидайни онҳо, инчунин бо назардошти арзёбии имконияти воқеии бурдани хоҷагии умумии онҳо сурат гирад.

4. Гарчанде қонунгузор, ба таври истисноӣ, бастани ақди никоҳ аз синни 17 солагӣ пешбинӣ намудааст, пойдории чунин иттиҳоди марду зан номусоид ба назар мерасад, зеро чунин шахсони никоҳшаванда: аз ҷиҳати маънавӣ ва ҳам аз ҷиҳати молиявӣ аз волидони худ вобастагӣ доранд; аз ҷиҳати эмотсионалӣ ба камол нарасидааст ва барои рафтори худ масъулиятро ба зимма гирифта наметавонанд, захираҳои молиявӣ барои пеш бурдани хоҷагии умумӣ надоранд.

5. Пешгирии никоҳҳои бармаҳал бояд на танҳо ба боло бурдани синни никоҳӣ алоқаманд карда шавад, балки бояд ба тавонмандсозии духтарон ҳамчун стратегияи афзалиятнок муайян карда шавад. Издивоҷи бармаҳал бояд ҳамчун нақзи ҳуқуқи башар баррасӣ шавад, на мушкилоти иҷтимоӣ ва бояд бо истифода аз равиши бар асоси ҳуқуқи башар ҳал карда шавад. Дар ин замина, ба назар гирифта мешавад, ки таҳия ва татбиқи як санади ҳатмӣ оид ба ҳуқуқи инсон, махсусан, барои пешгирии издивоҷи кӯдакон муфид хоҳад буд.

6. Кам кардани синни никоҳӣ барои шахсони никоҳшаванда чораи ниҳоии ҳалли мушкилӣ буда, дар ҳолатҳои истиснои иљозат дода мешавад.

Хулоса, ин масъала ба танзими ҳуқуқӣ дар қонунгузории оилавӣ ниёз дорад.

7. Бо вуҷуди афзалиятҳо, рақамикунонӣ як қатор мушкилотро низ ба вуҷуд меорад, ба монанди муайян намудани иродаи воқеии тарафҳо барои бастани ақди никоҳ, ҳифзи маълумоти шахсӣ ва ғ. Барои ин, такмили қонунгузорӣ ва назорати муассир зарур мебошад.

АДАБИЁТ

1. Американская конвенция о правах человека от 22.11.1969 (пункт 3 статьи 17)

2. Аминжонов, А. Х. Шартҳои бастан ва асосҳои қатъ гардидани никоҳ дар Тоҷикистони шуравӣ / А. Х. Аминжонов // Давлатшиносӣ ва ҳуқуқи инсон. – 2024. – No. 1(33). – P. 82-95.

3. Аминҷонов, А. Х. Никоҳ ва шартҳои бастани он тибқи таълимоти ҳуқуқи зардуштӣ / А. Х. Аминҷонов // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои иҷтимоӣ-иқтисодӣ ва ҷамъиятӣ. – 2020. – No. 8. – P. 304-307.

4. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Рос. газ. 1998. 10 дек.; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 19 дек. 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17 (1831);

5. Гражданское и торговое право зарубежных государств. Т. II. М., 2006. С. 528.

6. Конститутсияи ҶТ аз 6 ноябри соли 1994 бо тағйиру иловаҳо аз 26 сентябри соли 1999, 22 июни соли 2003 ва 22 майи соли 2016 (бо забонҳои тоҷикӣ ва русӣ) [Матн]. – Душанбе: «Ганҷ», 2016. – 136 с.

7. Косарева И.А. Некоторые проблемы принципа добровольности заключения брака // Современное право. 2007. № 9. С. 45.

8. Косарева И.А. Условия заключения брака и основания его недействительности // Российская юстиция. 2009. № 12. С. 26.

9. Қонуни ҶТ “Дар бораи бақайдгирии асноди ҳолати шаҳрвандӣ”(бо забонҳои тоҷикӣ ва русӣ)-Душанбе, 2025. С.38

10. Манукян Ю.К. Современное семейное право Российской Федерации и шариат. Ростов н/Д, 2003. С. 58.

11. Маҳмудзода М., Худоёрзода Б. Ҳуқуқи оилавии ҶТ.-Душанбе: “ЭР-граф”, 2015. С.143

12. Международный пакт « гражданских и политических правах» от 19 дек. 1966 г. // Бюл. Верховного Суда РФ. 1994. № 12;

13. Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М., 1955. С. 510, Хазова О.А. Брак и развод в буржуазном семейном праве: Сравнительно-правовой анализ. М.: Наука, 1988. С. 26

14. Наумов Я.В. Право на заключение брака: проблемы правового регулирования условий и препятствия его заключения // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2017. № 3.

15. Пчелинцева Л.М. Семейное Право России: Учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2004. С.87.

16. Рекомендация Генеральной Ассамблеи ООН «О согласии на вступление в брак, минимальном брачном возрасте и регистрации браков» (принята 01.11.1965 Резолюцией 2018 (XX) Генеральной Ассамблеи ООН). // СПС Консультант Плюс.

17. Романенкова Е.Н. Семейное право. Краткий курс: учебное пособие. М.: Проспект, 2015. С. 16.

18. Тафсири Кодекси оилаи ҶТ, М. Маҳмудов, Б.Худоёров., Душанбе, 2002. С. 39

19. Файзова М. Р. Инкишофи мафҳум, моҳият, таъиноти иҷтимоӣ ва нақши никоҳ дар ҳаёти давлатӣ, ҷамъиятӣ ва шахсӣ / М. Р. Файзова // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои иҷтимоӣ-иқтисодӣ ва ҷамъиятӣ. – 2024. – No. 10-2. – P. 231-239.

20. Ҳоҷиев М. С. Шартҳо ва тартиби бастани никоҳ дар Байнаннаҳрайни бостон (таҳқиқи таърихию ҳуқуқӣ) / М. С. Ҳоҷиев // Маҷаллаи академии ҳуқуқ. – 2018. – No. 4(28). – P. 40-44.

21. Шукуров Н.И. Ҳуқуқи оилавии ҶТ (дастури таълимӣ-методӣ), “Нури маърифат” -Хуҷанд, -2020. С.43

22. Эъломияи умумии ҳуқуқи инсон аз 10-уми декабри соли 1948 [Матн] // Маълмуаи санадҳои асосии байналмилалӣ ва миллӣ оид ба ҳуқуқи инсон / Мураттибон: З. Ализода, Б. Сафаров, Љ. Саъдизода, С. Қодирӣ ва А. Солиев. – Душанбе, 2018. – 404 с.

23. Eriksson, M. (1992). Article 16. The universal declaration of human rights: a commentary. Ed. Aide Edie. Oxford: Scandinavian University Press. C, 243

УДК 346.1

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ КАК ФАКТОР НЕГАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКО-ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

АРСЛАНОВ КОНСТАНТИН ТИМУРОВИЧ
АО Банк «Аверс», Российская Федерация, главный юрисконсульт. Тел.: +7 (960) 036-62-12: E-mail: KT.Arslanov@mail.ru

В статье исследуется явление потребительского экстремизма как формы злоупотребления правом в предпринимательско-потребительских отношениях. Приводится понятие потребительского экстремизма. Анализируется влияние цифровизации на возможность реализации потребителями отдельных разновидностей потребительского экстремизма. Оценивается влияние явления потребительского экстремизма на баланс интересов участников предпринимательско-потребительских отношений.

Ключевые слова: Потребительский экстремизм, баланс интересов, цифровизация, предпринимательско-потребительские отношения, право, правовое регулироввние.

ЭКСТРЕМИЗМИ ИСТЕЪМОЛКУНАНДА ҲАМЧУН ОМИЛИ ТАЪСИРИ МАНФӢ БА МУВОЗИНАТИ МАНФИАТҲОИ ИШТИРОКЧИЁНИ МУНОСИБАТҲОИ СОҲИБКОРӢ ВА ИСТЕЪМОЛКУНАНДА ДАР ШАРОИТИ РАҚАМИКУНОНӢ

АРСЛАНОВ КОНСТАНТИН ТИМУРОВИЧ
ҶСК Бонки «Аверс», Федератсияи Русия, сармутахассиси шуъбаи ҳуқуқ. Тел.: +7 (960) 036-62-12: E-mail: KT.Arslanov@mail.ru

Дар мақола падидаи экстремизми истеъмолкунанда ҳамчун шакли суиистифода аз ҳуқуқ дар муносибатҳои байни соҳибкор ва истеъмолкунанда мавриди таҳқиқ қарор дода мешавад. Мафҳуми экстремизми истеъмолкунанда шарҳ дода мешавад. Таъсири рақамикунонӣ ба имконияти татбиқи намудҳои алоҳидаи экстремизми истеъмолкунанда аз ҷониби истеъмолкунандагон таҳлил мегардад. Ҳамчунин, таъсири ин падида ба мувозинати манфиатҳои иштирокчиёни муносибатҳои соҳибкорӣ ва истеъмолкунанда арзёбӣ карда мешавад.

Калидвожаҳо: экстремизми истеъмолкунанда, мувозинати манфиатҳо, рақамикунонӣ, муносибатҳои соҳибкорӣ ва истеъмолкунанда, ҳуқуқ, танзими ҳуқуқӣ.

CONSUMER EXTREMISM AS A FACTOR OF NEGATIVE IMPACT ON THE BALANCE OF INTERESTS OF PARTICIPANTS IN ENTREPRENEURIAL-CONSUMER RELATIONS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

ARSLANOV KONSTANTIN TIMUROVICH
Avers Bank JSC, Russian Federation, Chief Legal Counsel. Phone: +7 (960) 036-62-12: E-mail: KT.Arslanov@mail.ru

The article examines the phenomenon of consumer extremism as a form of abuse of rights in entrepreneurial-consumer relations. The concept of consumer extremism is defined. The impact of digitalization on the possibility for consumers to implement certain forms of

consumer extremism is analyzed. The influence of this phenomenon on the balance of interests of participants in entrepreneurial-consumer relations is evaluated.

Keywords: consumer extremism, balance of interests, digitalization, entrepreneurial-consumer relations, law, legal regulation.

Введение

На сегодняшний день можно справедливо утверждать, что цифровизация оказывает существенное влияние на развитие предпринимательско-потребительских отношений, видоизменяя как формы взаимодействия между их участниками, так и способы реализации ими своих прав, обязанностей и интересов. Но несмотря на ряд очевидных преимуществ, внедрение цифровых технологий в хозяйственный оборот порождает и новые риски, способные препятствовать достижению баланса интересов участников предпринимательско-потербительских отношений. Одним из таких рисков на сегодняшний день выступает явление, которое в науке и практике стало именоваться «потребительский экстремизм».

Основная часть:

С точки зрения теории юридической науки баланс интересов можно рассматривать как состояние правоотношения, в котором права и обязанности сторон соразмерны и стороны имеют равные возможности для реализации своих законных интересов [1, с.121]. Применительно к предпринимательско-потребительским отношениям это может означать, что стремление потребителя получить товар (работу, услугу) надлежащего качества не должно препятствовать стремлению предпринимателя получить прибыль, равно как и наоборот, интересы предпринимателя по получению прибыли не должны приводить к ущемлению интересов потребителя по получению качественного товара (работы, услуги). Вместе с тем представляется, что такое состояние «равновесия» может нарушаться под воздействием различных факторов, к которым, по нашему мнению, можно отнести не только мотивационные установки участников правоотношения (добросовестность и целевая направленность их интересов), но и форму их участия в этом правоотношении (традиционная/цифровая).

Так, развитие цифровизации и появление дистанционных способов взаимодействия предоставили новые возможности для реализации участниками предпринимательско-потребительских отношений недобросовестных практик. Например, преследуя цели получения прибыли, предприниматели нередко прибегают к использованию цифровых каналов взаимодействия для реализации таких недобросовестных практик, как: подмена продукта (мисселинг) [2, с.60], сверхлимитное бронирование (овербукинг) [3. с.85], связанные продажи (тайд селлинг) [4, с.56], предустановленное проставление согласий за потребителя [5], проведение фиктивных акций/лотерей [6, с. 23] и пр. Вместе с тем представляется допустимым утверждать, что цифровизация может способствовать нарушению баланса интересов в предпринимательско-потребительских отношениях не только из-за злоупотреблений со стороны предпринимателя, но и в силу недобросовестного поведения самого потребителя. Так, на сегодняшний день в науке и практике констатируется существование такого явления, как «потребительский экстремизм» [7, с.131]. Но что же под ним понимается?

Салыгина Е.С. определяет потребительский экстремизм как применение потребителем норм законодательства о защите прав потребителей исключительно с целью получения для себя дополнительных необоснованных выгод, преимуществ, а

также с целью причинения вреда коммерческой организации [8, с.50][4]. Согласно позиции *Нилова И.Л.* потребительский экстремизм представляет собой недобросовестное поведение потребителей товаров и услуг, направленное на необоснованное извлечение выгоды путем манипуляции положениями законодательства о защите прав потребителей [9, с.121]. *Ожегова Г.А.* понимает под потребительским экстремизмом манипулирование нормами закона со стороны клиента, основная цель которого - не защита своих прав, а получение материальной выгоды [10, с. 17].

Не вызывает сомнений, что все вышеперечисленные формулировки в достаточной степени соответствуют сути явления потребительского экстремизма, и обобщая их можно сделать вывод, что потребительский экстремизм представляет собой умышленные недобросовестные действия потребителей, направленные на получение выгоды от реализации прав, предусмотренных законодательством о защите прав потребителей.

Вместе с тем описанное выше содержание категории «потребительский экстремизм» предопределяет необходимость проведения параллели с уже существующей в гражданском законодательстве категорией «злоупотребление правом». Так, согласно ст. 10 ГК РФ «не допускается осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)» [11]. Таким образом. законодатель не ограничивает содержание категории «злоупотребление правом» лишь направленностью на причинение вреда иному лицу и обход закона с противоправной целью, а включает в него *любое заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав*. В связи с этим, по нашему мнению, потребительский экстремизм можно рассматривать именно в качестве одной из форм злоупотребления правом, характерной для предпринимательско-потребительских отношений (потребительский экстремизм может не быть направлен исключительно на причинение вреда или обход закона, но в любом случае является формой заведомо недобросовестного осуществления потребителем гражданских прав). Упоминание потребительского экстремизма в качестве одной из форм злоупотребления правом также можно встретить в ряде судебных решений, например: Определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30.03.2021 по делу № 88-4905/2021 [12], Апелляционном определении Новосибирского областного суда от 07.04.2022 по делу № 33-3405/2022 [13], Апелляционном определении Московского городского суда от 12.08.2024 по делу № 33-33414/2024 [14] и т.д.

Одновременно представляется допустимым утверждать, что цифровизация способствует расширению круга возможностей для реализации потребителем различных форм потребительского экстремизма. Приведем некоторые примеры.

1) С появлением маркетплейсов и развитием инфраструктуры пунктов выдачи заказов (ПВЗ) для недобросовестных потребителей стало проще реализовывать практику приобретения товара с целью его использования и последующего возврата продавцу (вордробинг, от англ. wardrobe — «гардероб») [15].

2) В условиях принятия государством мер по противодействию мошенничеству в цифровой среде у недобросовестных потребителей появилась возможность заключения кредитного договора после установления самозапрета на выдачу кредита с целью дальнейшего освобождения потребителя от исполнения обязательств перед банком [16].

[4] Салыгина Е.С. Юридическое сопровождение деятельности частной медицинской организации. М.: Статут, 2013. 192 с.

3) С развитием дистанционных способов заключения договора купли-продажи, предполагающих ограничение предпринимателя в возможности контролировать состояние переданного потребителю товара, появились возможности для умышленного создания потребителем недостатков (дефектов) в товаре после его приобретения с целью последующего получения от предпринимателя компенсации за их наличие [17, 36];

4) С расширением возможностей цифровых маркетинговых инструментов стимулирования спроса, появились возможности для целенаправленного приобретения потребителем товара/услуги с целью получения вознаграждения (бонусов, кэшбека, скидок и пр.) в рамках проводимых предпринимателем акций и последующего отказа от приобретенных таким образом товара/услуги [18, с. 64];

5) В условиях активного внедрения и использования автоматизированных систем ценообразования стало возможным приобретение потребителями большого количества товаров по заниженным ценам, сформированным в результате технических сбоев [19], с целью дальнейшей перепродажи приобретенных таким образом товаров и т.п.

Заключение

Изложенные выше примеры позволяют сделать вывод, что цифровизация способствует расширению круга возможностей для реализации практик потребительского экстремизма. Это, несомненно, оказывает негативное воздействие на общее состояние баланса интересов в предпринимательско-потребительских правоотношениях, поскольку увеличение частоты случаев подобных злоупотреблений может привести не только к увеличению стоимости реализуемой предпринимателем продукции для добросовестных потребителей (ввиду закладывания в нее стоимости вызванных действиями недобросовестных потребителей издержек), но и к нивелированию традиционного восприятия потребителя в качестве слабой стороны правоотношения. Однако, по нашему мнению, сам факт существования потребительского экстремизма и расширение возможностей для отдельных случаев его реализации в условиях цифровизации не должны рассматриваться в качестве безусловного основания для снижения уровня правовых гарантий потребителя в отношениях с предпринимателем. Потребитель по своей правовой и экономической природе остается более слабой стороной в возникающих правоотношениях, поскольку он ограничен в ресурсах, не обладает специальными познаниями и не имеет равных возможностей в процессе формирования условий совершаемых сделок, в связи с чем чрезмерное ограничение или ужесточение механизмов защиты прав потребителя способно привести к нарушению баланса интересов в противоположную сторону, укрепляя и без того доминирующее положение предпринимателя в отношениях с потребителем. Это обуславливает необходимость разработки более гибкого и сбалансированного подхода к правовому регулированию, позволяющего эффективно пресекать недобросовестное потребительское поведение при сохранении неизменного приоритета защиты прав добросовестных потребителей.

Литература

1. Пьянкова А.Ф. Концепция баланса интересов и ее место в гражданском праве России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2014. № 2. – С. 117-130.

2. Чирков А.В. О совершенствовании правового регулирования противодействия мисселингу при оказании финансовых услуг // Предпринимательское право. – 2022. – № 2. – С. 59 - 67.

3. Скучаев А.А. Овербукинг в авиаперевозках: проблемы и пути их решения // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 12. – С. 84 - 92.

4. Петров Д.А., Рубанова М.П. Недобросовестные практики участников банковского рынка и противодействие им // Банковское право. – 2025. – № 1. – С. 53 - 60

5. Банк России. Предустановленное согласие на страхование пассажиров, туристов и клиентов сервисов аренды // Банк России: официальный сайт. – 2023. – URL: http://www.cbr.ru (дата обращения: 03.04.2026).

6. Журкина О.В. Отдельные вопросы защиты прав потребителей при приобретении товаров на онлайн-платформах и маркетплейсах // Юрист. – 2026. – № 1. – С. 20 - 25.

7. Усольцев Е.Ю. Интерес как основание квалификации злоупотребления потребителем правом // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 12. – С. 131 – 139.

8. Салыгина Е.С. Юридическое сопровождение деятельности частной медицинской организации. М.: Статут, 2013. – 192 с.

9. Нилов И. Л. Потребительский экстремизм как одна из форм злоупотребления гражданскими правами // Экономика, социология и право. 2017. – № 3. – С. 119-122.

10. Ожегова Г. А. К понятию «потребительский экстремизм» // Юрист. 2014. – № – 14. С. 15-19.

11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от [дата актуальной редакции]) // СЗ РФ. – 05.12.1994. – № 32. – ст. 3301.

12. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30.03.2021 по делу № 88-4905/2021 // СПС КонсультантПлюс.

13. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 07.04.2022 по делу № 33-3405/2022 // СПС КонсультантПлюс.

14. Апелляционное определение Московского городского суда от 12.08.2024 по делу № 33-33414/2024 // СПС КонсультантПлюс.

15. Сколково. Исследование ключевых проблем правового регулирования рынка электронной коммерции // Сколково: официальный сайт. – 2021. – URL: https://sk.skolkovo.ru/storage/file_storage/aabba6e7-3667-4db5-9f30-ef746b91540a (дата обращения: 03.04.2026).

16. Банк России. Все о самозапрете гражданина на заключение договоров кредита (займа) // Банк России: официальный сайт. – 2025. – PDF-файл. – URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/160559/press.pdf (дата обращения: 05.04.2026).

17. Белов В.А. Виды требований потребителей: теоретико-практический анализ // Закон. – 2021. – № 9. – С. 33 - 41.

18. Хилюта В.В. Способ совершения преступления и предмет хищения: установление корреляционных связей // Уголовное право. – 2023. – № 12. – С. 59 - 67.

19. Определение Верховного суда РФ № 16-КГ23-6-К4 от 06.06.2023 // СПС КонсультантПлюс.

УДК 347.51

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЁННЫЙ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

ПЕТРАКЕВИЧ КРИСТИНА АЛЕКСЕЕВНА
УВО «Университет управления «ТИСБИ», юридический факультет, магистр.
Тел.: +7 (951) 068-95-94. E-mail: petrakevichkristina@gmail.com

В статье исследуются теоретические и практические проблемы гражданско-правовой ответственности за вред, причинённый при использовании систем искусственного интеллекта. Анализируются действующие нормы ГК РФ - в первую очередь ст. 1064, 1079 и 1095 - на предмет их применимости к автономным ИИ-системам. Рассматриваются три доктринальные модели правового статуса ИИ: субъект права («электронное лицо»), объект права и источник повышенной опасности. Систематизирован зарубежный опыт, прежде всего регламент ЕС № 2024/1689 (AI Act). Оцениваются положения законопроекта Министерства цифрового развития России (март 2026 г.), предусматривающего распределённую ответственность разработчика, оператора и пользователя. Проведённый анализ показал: специальные деликтные нормы, учитывающие самообучающийся характер ИИ, необходимо закрепить в ГК РФ.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, искусственный интеллект, источник повышенной опасности, деликт, правосубъектность ИИ, распределение ответственности, AI Act.

CIVIL LIABILITY FOR DAMAGE CAUSED BY ARTIFICIAL INTELLIGENCE: PROBLEMS AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION

PETRAKEVICH KRISTINA ALEKSEEVNA
Faculty of Law, Master's degree holder. Phone: +7 (951) 068-95-94. E-mail: petrakevichkristina@gmail.com

The article examines the theoretical and practical problems of civil liability for harm caused by the use of artificial intelligence systems. The current norms of the Civil Code of the Russian Federation, primarily Articles 1064, 1079 and 1095, are analyzed for their applicability to autonomous AI systems. Three doctrinal models of the legal status of AI are considered: the subject of law ("electronic person"), the object of law and the source of increased danger. Foreign experience has been systematized, first of all, EU Regulation No. 2024/1689 (AI Act). The provisions of the draft law of the Ministry of Digital Development of Russia (March 2026), which provides for the distributed responsibility of the developer, operator and user, are evaluated. The analysis showed that special tort norms that take into account the self-learning nature of AI should be fixed in the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: civil liability, artificial intelligence, source of increased danger, tort, legal personality of AI, distribution of responsibility, AI Act.

ҶАВОБГАРИИ МАДАНӢ-ҲУҚУҚӢ БАРОИ ЗАРАРЕ, КИ АЗ ҶОНИБИ ЗЕҲНИ СУНЪӢ РАСОНИДА МЕШАВАД: МУШКИЛОТ ВА ДУРНАМОИ ТАНЗИМИ ҲУҚУҚӢ

ПЕТРАКЕВИЧ КРИСТИНА АЛЕКСЕЕВНА
Муассисаи таҳсилоти олии «Донишгоҳи идоракунии «ТИСБИ», факултети ҳуқуқшиносӣ, магистр. Тел.: +7 (951) 068-95-94

E-mail: petrakevichkristina@gmail.com

Дар мақола масъалаҳои назариявӣ ва амалии ҷавобгарии маданӣ-ҳуқуқӣ барои зарараре, ки ҳангоми истифодаи системаҳои зеҳни сунъӣ расонида мешавад, мавриди таҳқиқ қарор дода мешаванд. Меъёрҳои амалкунандаи Кодекси граждании Федератсияи Русия — пеш аз ҳама моддаҳои 1064, 1079 ва 1095 — аз нуқтаи назари татбиқпазирии онҳо нисбат ба системаҳои автономии зеҳни сунъӣ таҳлил мегарданд.

Се модели доктриналии мақоми ҳуқуқии зеҳни сунъӣ баррасӣ мешаванд: ҳамчун субъекти ҳуқуқ («шахси электронӣ»), объекти ҳуқуқ ва манбаи хавфи баланд. Таҷрибаи хориҷӣ, пеш аз ҳама Регламенти Иттиҳоди Аврупо № 2024/1689 (AI Act), ба таври низомӣ таҳлил шудааст.

Ҳамчунин, муқаррароти лоиҳаи қонуни Вазорати рушди рақамии Русия (март, соли 2026), ки тақсими ҷавобгариро байни таҳиякунанда, оператор ва истифодабаранда пешбинӣ менамояд, арзёбӣ мегарданд. Таҳлили анҷомдодашуда нишон медиҳад, ки меъёрҳои махсуси деликтӣ, ки хусусияти худомӯзии зеҳни сунъиро ба назар мегиранд, бояд дар Кодекси мадании Федератсияи Русия мустаҳкам карда шаванд.

Калидвожаҳо: ҷавобгарии маданӣ-ҳуқуқӣ, зеҳни сунъӣ, манбаи хавфи баланд, деликт, шахси ҳуқуқии, зеҳни сунъӣ, тақсими ҷавобгарӣ, AI Act.

Введение

Технологии искусственного интеллекта к 2024 году перестали быть экзотикой: по данным Национальной стратегии развития ИИ на период до 2030 года, утверждённой Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490, объём российского рынка ИИ к 2024 году должен был превысить 8 млрд рублей [1]. Параллельно участились случаи причинения имущественного и личного вреда при эксплуатации автономных систем - медицинских диагностических алгоритмов, беспилотных транспортных средств, генеративных нейросетей. Закономерный вопрос: кто и по каким нормам обязан возместить такой вред? Действующий Гражданский кодекс РФ специальных норм об ответственности за действия ИИ не содержит [2], что порождает правовую неопределённость для всей цепочки участников: разработчиков, операторов и конечных пользователей. Законопроект Минцифры России, опубликованный в марте 2026 г. и рассчитанный на вступление в силу с 1 сентября 2027 г., впервые вводит распределённую модель ответственности, однако ряд концептуальных пробелов остаётся нерешённым [3].

1. Правовой статус ИИ: три конкурирующие модели

Определение правового статуса ИИ предшествует любому разговору об ответственности, поскольку субъект деликта должен быть чётко идентифицирован. В российской доктрине сформировались три подхода. Первый - признание за ИИ ограниченной правосубъектности через конструкцию «электронного лица». Его сторонники указывают на аналогию с юридическим лицом: оба суть правовые фикции, наделённые имущественной обособленностью. Критика этой позиции состоит в отсутствии источника покрытия убытков: у ИИ нет собственного имущества в гражданско-правовом смысле, что делает возмещение вреда декларативным.

Второй подход - квалификация ИИ как объекта права, приравненного по режиму к иному имуществу. В таком случае ответственность несёт владелец системы либо её изготовитель (разработчик) на основании ст. 1079 или ст. 1095 ГК РФ соответственно [4]. Захарова О.Н. и Епифанцева Т.Ю. (Байкальский государственный университет, 2023) обосновывают, что в интересах потерпевшего целесообразно ввести солидарную ответственность владельца и изготовителя ИИ: в цепочке «разработчик - оператор - пользователь» слабой стороной всегда остаётся причинитель вреда [4]. Третий подход - признание ИИ источником повышенной опасности по смыслу ст. 1079 ГК РФ. Муратшин А.И. (Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2025) указывает: самообучающаяся система удовлетворяет ключевому критерию «неполного

контроля со стороны человека», закреплённому в п. 18 постановления Пленума ВС РФ от 26 января 2010 г. № 1. Нами выявлено, что из трёх моделей наиболее операциональной для действующего российского права остаётся именно третья, поскольку она не требует изменения базовых гражданско-правовых конструкций.

2. Действующее регулирование в РФ: возможности и пределы

Обратимся к данным действующего законодательства. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ учредил в Москве экспериментальный правовой режим (ЭПР) сроком с 1 июля 2020 г. по 30 июня 2025 г. для разработки и внедрения технологий ИИ. В рамках этого эксперимента ответственность за дорожно-транспортные происшествия с участием высокоавтоматизированных транспортных средств возлагалась на их собственника, если не были доказаны виновные действия других участников движения. Тем самым законодатель де-факто использовал модель «источника повышенной опасности», минуя теоретические споры о субъектности ИИ. В июле 2024 г. Федеральный закон об ЭПР дополнен нормами о страховании гражданской ответственности участников режима за вред, причинённый при использовании ИИ-решений, включая требования к минимальному размеру страховой суммы и перечню страховых рисков.

Вне рамок ЭПР суды руководствуются общими нормами: ст. 1064 ГК РФ (генеральный деликт), ст. 1079 (деятельность, связанная с повышенной опасностью) и ст. 1095 (ответственность за недостатки товара или услуги) [2]. Каждая из норм обнаруживает ограниченность применительно к ИИ. Статья 1064 предполагает установление вины причинителя, однако самообучающаяся система принимает решения без заранее заданного алгоритма, что делает понятие «вина» неприменимым к самому ИИ [5]. Статья 1079 позволяет привлечь к ответственности владельца системы независимо от вины, но не разграничивает ответственность разработчика и пользователя при дефектах обучающих данных. Рассмотрим подробнее ситуацию с медицинскими диагностическими алгоритмами: если ИИ ошибочно квалифицировал снимок, и пациент не получил лечения вовремя, суд формально вправе взыскать вред с медицинской организации как оператора системы, тогда как разработчик алгоритма сохраняет иммунитет - и именно этот пробел признаётся критическим в научной литературе [5].

3. Зарубежный опыт: AI Act ЕС как ориентир

Первый в мире всеобъемлющий нормативный акт об ИИ - Регламент ЕС № 2024/1689 (EU AI Act) - вступил в силу 1 августа 2024 г. и классифицирует ИИ-системы по четырём уровням риска: неприемлемый, высокий, ограниченный и минимальный. Для систем высокого риска (диагностика, трудоустройство, критическая инфраструктура) обязательны предварительная оценка соответствия, ведение технической документации и обеспечение человеческого надзора. Санкции за нарушение установлены до 35 млн евро или 7% от годового мирового оборота компании - большего из двух значений.

Принципиально важно, что AI Act разграничивает ответственность поставщика (provider) и пользователя-оператора (deployer): поставщики несут долгосрочную ответственность за качество и безопасность систем, тогда как операторы - за соответствие конкретного применения установленным ограничениям. Именно эта двухуровневая модель взята за основу в российском законопроекте Минцифры. Примечательна ещё одна норма европейского регламента: с 2 августа 2026 г. полностью вступят в силу штрафные санкции - до 15 млн евро или 3% глобальной выручки за нарушение обязательств по моделям общего назначения (GPAI). Для сравнения: объём мирового рынка GPAI-моделей в 2023 г. оценивался аналитиками OpenAI и Andreessen Horowitz совокупно более чем в 100 млрд долларов, что свидетельствует о масштабах потенциальной ответственности.

4. Российский законопроект об ИИ: оценка предложенной модели

Законопроект Минцифры России, размещённый на портале нормативных правовых актов в марте 2026 г. и планируемый к вступлению в силу с 1 сентября 2027 г., вводит принцип распределённой ответственности: разработчик, оператор и пользователь отвечают соразмерно степени вины (ст. 11 законопроекта) [3]. Закрепляется презумпция виновности разработчика и оператора: они считаются виновными, если в ходе разбирательства не докажут обратного. Кроме того, документ обязывает разработчиков блокировать генерацию противоправного контента, а операторов - тестировать системы на безопасность [3].

Нами выявлены три концептуальных недостатка предложенной конструкции. Во-первых, понятие «исчерпывающих мер» по предотвращению вреда не раскрыто в тексте законопроекта, что создаёт риск произвольного толкования судами [3]. Во-вторых, модель «соразмерности вины» практически неприменима к сложным цепочкам поставки ИИ-решений: платформа с открытым исходным кодом может использоваться десятками операторов с разными конфигурациями, и разграничить их вклад в причинённый вред технически затруднительно [2]. В-третьих, законопроект не предусматривает введения специального деликтного состава в ГК РФ, ограничиваясь ссылкой на «гражданское законодательство», что лишает нормы необходимой конкретики и сохраняет правовую неопределённость. Альтернативным сценарием могло бы стать введение в ГК РФ отдельной главы о деликтах, причинённых автономными техническими системами, - по аналогии с главой 59, посвящённой обязательствам из причинения вреда. Баттахов П.П. и Овчинникова Ю.С. (ИГП РАН, 2024) предлагают обязательное страхование как дополнительный механизм защиты потерпевших, однако страховое покрытие не устраняет проблему идентификации субъекта ответственности.

Заключение

Проведённый анализ показал: квалификация ИИ в качестве источника повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ) представляет наиболее операциональную модель для действующей правовой системы России, не требуя немедленного наделения систем правосубъектностью. Вместе с тем эта модель недостаточна для самообучающихся систем с непредсказуемым поведением - в таких случаях возложение ответственности исключительно на владельца нарушает баланс интересов между пострадавшими и разработчиками. Оптимальной представляется трёхступенчатая конструкция: солидарная ответственность разработчика и оператора как общий деликт плюс обязательное страхование рисков по аналогии с ОСАГО. Законопроект Минцифры создаёт нормативную рамку, однако требует дополнения специальными деликтными составами непосредственно в тексте ГК РФ, а также чёткого определения критериев «исчерпывающих мер» безопасности. Интеграция риск-ориентированного подхода EU AI Act (четыре категории риска) в российское законодательство позволила бы дифференцировать объём ответственности в зависимости от степени автономности системы и масштаба возможных последствий.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (в ред. от 15.02.2024) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731.

2. Еремичева А.С. Гражданско-правовое регулирование отношений, возникающих в связи с причинением вреда автономными системами искусственного интеллекта // Дневник науки. 2026. № 1. URL: https://dnevniknauki.ru/images/publications/2026/1/law/Eremicheva.pdf.

3. Минцифры России. Проект федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного

интеллекта в Российской Федерации» (ID проекта 02/04/03-26/00166424). URL: https://regulation.gov.ru/projects/166424/.

4. Гилемханов Ш.Б., Тагаева С.Н. NFT-токены и утилитарные цифровые права в системе российского законодательства // Актуальные проблемы менеджмента, экономики и права: сб. трудов конф. Казань: Изд-во «Среда», 2023. С. 213–219. URL: https://phsreda.com/e-publications/e-publication-10552.pdf.

5. Тагаева С.Н. Проблемы Big Data — больших данных в гражданском обороте // Материалы Международной научно-практической конференции. Казань: УВО «Университет управления «ТИСБИ», 2024. С. 53–58 (или актуальный сборник по конференции).

УДК 347.78

РАЗВИТИЕ И ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ СМЕЖНЫХ ПРАВ В СИСТЕМЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Рахматзода Далер Талбак
Международный университет туризма и предпринимательства Таджикистана, кандидат юридических наук, доцент кафедры права.
E-mail: rahmatov-daler92@mail.ru

Статья посвящена исследованию истории формирования и эволюции института смежных прав в системе интеллектуальной собственности. На основе анализа римского права, доктринальных подходов и ключевых этапов развития авторского права раскрываются предпосылки возникновения смежных прав. Особое внимание уделяется роли технического прогресса – изобретению книгопечатания, звукозаписи, радио и кинематографа как определяющему фактору формирования правовой охраны исполнений, фонограмм и передач вещательных организаций. В статье делается вывод о самостоятельном и динамичном характере смежных прав в современных условиях цифровизации и глобализации, а также подчёркивается необходимость его дальнейшего развития и адаптации к новым формам использования объектов интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: авторские права, смежные права, интеллектуальная собственность, гражданское право, международное право, правообладатель.

РАҲМАТЗОДА ДАЛЕР ТАЛБАК
Донишгоҳи байналмилалии сайёҳӣ ва соҳибкории Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсенти кафедраи ҳуқуқ
E-mail: rahmatov-daler92@mail.ru

Дар мақолаи мазкур рушди таърихӣ ва таҳаввулоти институти ҳуқуқҳои вобаста бо ҳуқуқи муаллиф ба системаи моликияти зеҳнӣ баррасӣ карда мешавад. Дар асоси тахлили хукуки Рим, равишхои таълимот ва мархилахои асосии инкишофи ҳуқуқи муаллиф шартхои пешакии пайдоиши хукукхои вобаста ба он ошкор карда мешаванд. Ба нақши прогресси техникӣ - ихтирои нашриёти китобҳо, сабти овоз, радио ва синамо хамчун омили муайянкунандаи ташаккули ҳифзи ҳуқуқии иҷроҳо, фонограммахо ва намоишхои ташкилотхои радиошунавонӣ диккати махсус дода мешавад. Дар мақола хусусияти мустақил ва динамикии ҳуқуқҳои вобаста ба ҳуқуқи муаллиф дар шароити муосири рақамисозӣ ва ҷаҳонишавӣ ҷамъбаст гардида, зарурати рушди минбаъда ва мутобиқсозии он ба шаклҳои нави истифодаи объектҳои моликияти зеҳнӣ таъкид шудааст.

Калидвожаҳо: ҳуқуқи муаллиф, ҳуқуқҳои вобаста бо ҳуқуқи муаллиф, моликияти зеҳнӣ, ҳуқуқи маданӣ, ҳуқуқи байналхалқӣ, дорандаи ҳуқуқи муаллиф.

DALER TALBAK RAHMATZODA
International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Law
E-mail: rahmatov-daler92@mail.ru

DEVELOPMENT AND LEGAL NATURE OF RELATED RIGHTS IN THE INTELLECTUAL PROPERTY SYSTEM

This article examines the historical development and evolution of the institution of related rights within the intellectual property system. Based on an analysis of Roman law,

doctrinal approaches, and key stages in the development of copyright, the preconditions for the emergence of related rights are revealed. Particular attention is paid to the role of technological progress – the invention of printing, sound recording, radio and cinema – as a determining factor in the formation of legal protection for performances, phonograms and broadcasts of broadcasting organizations. The article concludes on the independent and dynamic nature of related rights in the modern conditions of digitalization and globalization, and also emphasizes the need for its further development and adaptation to new forms of use of intellectual property objects.

Keywords: copyright, related rights, intellectual property, civil law, international law, copyright holder.

В научной литературе обоснованно отмечается, что институт интеллектуальной собственности сформировался значительно позднее по сравнению с традиционными отраслями гражданского права, такими как вещное, обязательственное и наследственное право. В своём современном понимании интеллектуальная собственность является результатом длительного историко-правового развития, тесно связанного с эволюцией представления о ценности нематериальных благ, результатов творческой деятельности и необходимости их правовой охраны.

Подтверждением данного вывода служит обращение к римскому праву, которое заложило фундаментальные основы романо-германской правовой семьи и оказало определяющее влияние на формирование гражданско-правовых институтов большинства современных государств. Римское право представляло собой высокоразвитую и систематизированную совокупность правовых норм и принципов, ориентированных преимущественно на регулирование имущественных отношений, связанных с материальными объектами, а также личных неимущественных отношений в узком смысле. В то же время результаты интеллектуальной и творческой деятельности как самостоятельный объект гражданских прав в римском праве не получили комплексного и самостоятельного нормативного закрепления.

В этой связи видный российский ученый М.Н. Марченко отмечал: «…свое историческое и генетическое начало романо-германская правовая семья берет в Древнем Риме, в римском праве» [4, с. 263]. Мы склонны поддержать и дополнить данный тезис, так как романо-германская правовая семья не только берёт своё историческое начало именно в Древнем Риме, но и является одним из ключевых и общепризнанных положений современной теории сравнительного правоведения. Более того, его научная значимость обусловлена тем, что именно римское право сформировало фундаментальные категории, методологические подходы и юридико-технические приёмы, которые впоследствии стали определяющими для развития правовых систем широкого круга стран.

Очевидно, что римское право выступило не просто историческим источником отдельных правовых норм, но и своеобразным «генетическим кодом» и фундаментальной конструкцией для романо-германской правовой семьи. В нём были выработаны базовые понятия частного права – правосубъектность, вещь, обязательство, договор, ответственность, владение и собственность, которые в переработанном и адаптированном виде сохранили своё значение и в современных гражданско-правовых системах. Именно системность, абстрактность и логическая завершённость римского права обусловила его исключительную способность к рецепции и дальнейшему развитию в условиях меняющихся социально-экономических реалий.

Особую роль в формировании романо-германской правовой традиции сыграла римская юридическая методология, основанная на рациональном осмыслении права,

казуистическом анализе конкретных жизненных ситуаций и последующей выработке универсальных правовых конструкций. Подобный подход заложил основы догматического мышления, характерного для континентального права, где право воспринимается как упорядоченная система норм, подлежащих научному толкованию и кодификации.

Д.А. Братусь, исследуя данную проблематику, справедливо подчеркивал: «…безусловно, некоторые предпосылки авторского права как прообраза более крупного явления – права интеллектуальной собственности – формировались еще «в периоды эллинизма и Античности» [2, с. 222]. Мы в определённом смысле склонны поддержать данную мысль автора, так как, на наш взгляд, она представляется методологически значимой, поскольку позволяет рассматривать интеллектуальную собственность не как внезапно возникший правовой институт, а как результат длительной эволюции общественных и правовых представлений о ценности интеллектуального труда. В античную эпоху творческая деятельность – литературная, художественная, философская – воспринималось прежде всего как проявление личного дара и культурной миссии автора, а не как объект имущественного оборота. Тем не менее уже в этот период прослеживаются зачатки признания особой связи между создателем произведения и результатом его труда, выражающиеся, в частности, в моральном осуждении плагиата, уважении к авторству и стремлении сохранить имя создателя.

В условиях эллинистической и римской культуры формировались элементы правосознания, впоследствии оказавшее влияние на развитие авторско-правовой идеи: понимание индивидуальности творческого вклада, признание социального и культурного значения произведений, а также зачаточные формы защиты репутация автора. Хотя эти представления не получили нормативного закрепление в виде субъективных авторских прав, тем не менее они создали ценностно-нормативную основу, на которой в дальнейшем стало возможным формирование правовых механизмов охраны интеллектуальной деятельности.

Как пишет Н.В. Бузова: «национальное законодательство в сфере авторского права берет начало со статута королевы Анны 1710 года» [3, с. 53]. Более того, зачатки международного регулирования авторских прав наблюдаются лишь к концу XIX столетия, так как до этого исторического периода не наблюдалось существенного развития технических средств использования того или иного произведения. Только с развитием повсеместного книгопечатания в различных странах, системной издательской деятельности, а позднее – средств массового тиражирования и международного культурного обмена, возникла необходимость в согласовании национальных правовых режимов. В этих условиях стало очевидно, что эффективная охрана авторских прав невозможна исключительно в рамках внутреннего законодательства, что уже в дальнейшем привело к формированию международных договоров и конвенций, положивших начало системе международного авторского права.

По справедливому замечанию казахстанских исследователей: «Смежные права появились гораздо позднее авторского права, однако истории их возникновения во многом схожи. Если у истоков авторского права стояло изобретение печатного станка, то в появлении смежных прав решающую роль сыграло изобретение радио, грамзаписи и кинематографа, что позволило воспроизводить процесс исполнения и создавать фонограммы, а также передачи вещательных организаций. Если в первой половине XIX в. воспроизводился лишь результат творчества авторов, то во второй это стало возможно и в отношении живых исполнений и фонограмм» [1, с. 12]. В частности, ключевую роль в формировании смежных прав сыграли такие изобретения, как радио, грамзапись и кинематограф, которые открыли возможности не просто фиксировать и воспроизводить результат творчества, но и передавать живые исполнения, создавать

фонограммы и организовывать вещание через трансляционной сети. Если в первой половине XIX века охрана распространялась исключительно на конечный продукт творческого труда автора, то во второй половине XIX – в начале XX века стало возможным юридически защищать живые исполнения и записи, отражающие непосредственную деятельность исполнителей и производителей фонограмм.

В этой связи следует указать, что развитие смежных прав иллюстрирует закономерность эволюции интеллектуальной собственности: правовая защита адаптируется под новые технологические возможности и формы использования произведений, расширяя сферу охраны с произведения авторов на результаты исполнения, фонограммы и вещательные передачи, что, в свою очередь, позволяет рассматривать смежные права как органичное продолжение авторского права, возникающее в ответ на изменения в средствах производства, воспроизведения и распространения продукта интеллектуальной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аманжолова Б.А. Некоторые вопросы истории развития законодательства об ответственности за нарушение авторских и смежных прав. Вестник Карагандинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан им. Баримбека Бейсенова. – 2013. – № 4. – С. 12-14.

2. Братусь Д.А. Авторское право и Древний Рим: Исторический фундамент этической концепции / Вступ. слово проф. Б.М. Гонгало. М.: Статут, 2018. – 288 с.

3. Бузова Н.В. Международно-правовое регулирование отношений, связанных с объектами смежных прав: современное состояние и перспективы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 3. – С.51-67.

4. Марченко М.Н. Сравнительное правоведение. Общая часть: учебник для юридических вузов. – М.: Зерцало, 2001. – 506 с.

МУНДАРИҶА\ СОДЕРЖАНИЕ		3
1.	**РАХИМЗОДА МАХМАД ЗАБИР.** Проблемы правового регулирования цифровой экономики в современных условиях экономического развитии Таджикистана	6
2.	**ИСМОИЛОВ ШАВКАТ МАХМУДОВИЧ.** О правовых аспектах устойчивого развития в условиях цифровой экономики	13
3.	**ХОЛИКЗОДА АБДУРАХИМ ГАФОР. ХОЛИКОВА МАРИФАТ ГАФОРОВНА.** Информация и цифровизация: перспективы и вызовы правовым системам	22
4.	**VANESSA VILELA BERBEL.** The “state of the art” of civil liability for digital platforms: regulatory convergence between consumer law, the civil rights framework for the internet, and Brazilian supreme Court Precedents	30
5.	**ЧАННОВ СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ.** Методы правового регулирования в экономике данных	40
6.	**ГАЮРЗОДА ШУКРУЛЛО КАРОМАТУЛЛО.** Право на анонимность: некоторые вопросы гражданского права	46
7.	**САЛИЕВА РОЗА НАИЛЬЕВНА.** Принципы нормативно-правового регулирования в сфере использования технологий искусственного интеллекта	54
8.	**ТАГАЕВА САНАВБАР НАЗИРКУЛОВНА.** К вопросу о тенденциях международной защиты персональных данных	60
9.	**НУГМАН АБДУЛЛАЕВИЧ НУГМАНОВ.** Проблемы и перспективы правового регулирования искусственного интеллекта на международном уровне	66
10.	**НИГМАТУЛЛИНА ЭЛЬМИРА ФААТОВНА.** Применение информационных (цифровых) технологий в области обращения твердых коммунальных отходов: новые вызовы законодателю и пути их решения	75
11.	**ИМОМОВ НУРИЛЛО ФАЙЗУЛЛАЕВИЧ.** Гражданско-правовой подход к понятию и сущности искусственного интеллекта	83
12.	**ТОПИЛДИЕВ БАХРОМЖОН РАХИМЖОНОВИЧ.** Современные тенденции развития интеллектуальной собственности	89
13.	**МЕЛИКОВ УМРИЛЛО АСАДУЛЛОЕВИЧ. ТАГАЕВ БАҲРОМ ШОНАЗАРОВИЧ.** Ҳуқуқҳои муаллиф ба сомона	94
14.	**РАУПОВА МАНЗУРА ТУРСУНОВНА .** зеҳни сунъӣ ҳамчун «манбаи хатари зиёд» дар ҳуқуқи мадании Тоҷикистон	101
15.	**САНГИНЗОДА ДОНИЁР ШОМАХМАД.** Правовое регулирование цифровых платформ и ответственность субъектов предпринимательской деятельности в виртуальном пространстве: сравнительно-правовой анализ законодательства Республики Таджикистан и зарубежных государств	109
16.	**ҚУДРАТОВ НЕКРУЗ АБДУНАБИЕВИЧ. САФАРОВ ИНОМҶОН ДАВРОНҶОНОВИЧ. ҶОБИР МАРДОНЗОДА.** Ҳолати эпидемиологии вируси норасоии масунияти одам дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ва хатари он ба ҷомеа: таҳқиқоти криминологӣ	121
17.	**САМАДЗОДА БАХТИЁР ОДИЛДЖОН.** Правовое регулирование цифровизации и его значение в развитии предпринимательской деятельности	132
18.	**АЛЛАЯРОВА НАРГИЗА ИМАМНАЗАРОВНА.** Тенденции цифровизации трудовых отношений	139
19.	**XODJIYEV YUNUS MUXITDINOVICH.** Issues related to artificial intelligence	145

	in the contractual legal regulation of intellectual property objects	
20.	**ХОЛИҚОВ НУРМУҲАММАД АБДУРАҲИМОВИЧ.** Мубрамият ва мушкилиҳои ҳуқуқ ба озодии сухан ва баёни андеша дар шароити иттилооти рақамӣ	151
21.	**АЛАМОВА СВЕТЛАНА МУХАМЕТОВНА.** Депонирование объектов авторского права в цифровой среде как способ защиты авторских прав	159
22.	**НОДИРОВ ФОЗИЛБЕК МАХМАДШАРИФОВИЧ. ҚУРБОНЗОДА ЗАМИРАИ РАҶАБ.** Проблемы ограничения свободы договора в гражданском законодательстве стран СНГ	166
23.	**МАТРОБИЁН МАТРОБ ХУРРАМ.** Мониторинги ҳуқуқӣ дар марҳилаи рақамикунонӣ: мушкилот ва тамоюлҳо	172
24.	**РАҲИМЗОДА САФАР ОРЗУ.** Ҳимояи судӣ намуди ҳимояи давлатӣ ва ҳуқуқӣ: хусусиятҳо, принсипҳо ва функсияҳои он дар ҷомеаи иттилоотӣ	176
25.	**ДАВЛАТЗОДА РАҲМАТУЛЛО ҶУРАБЕК.** Ҷанбаҳои педагогӣ-ҳуқуқии истифодаи зеҳни сунъӣ дар шароити рақамикунонӣ	197
26.	**АМОНОВ ЗАВКИДДИН АМИНОВИЧ.** Современные цивилистические теории введения, осуществления и защиты цифровых прав в гражданском обороте	203
27.	**РАҲИМЗОДА РАВШАН РАҲМОН.** Сиёсати ҳуқуқии зиддикоррупсионӣ ва нақши рақамикунонӣ дар таҳкими шаффофият дар Ҷумҳурии Тоҷикистон	208
28.	**НАБИЕВА МУҚАДАС АБДУСАТТОРОВНА.** Асосҳои ҳуқуқии истифодаи технологияҳои рақамӣ дар баланд бардоштани сатҳи дониш ва малакаҳои инсонӣ	222
29.	**МОМЫНКУЛОВА САУЛЕ МАДИЯРБЕКОВНА.** Цифровое неравенство в сельских регионах Казахстана и его правовое преодоление в условиях цифровизации АПК	227
30.	**МАДАМИНОВА ДИЛАФРУЗ ХОШИМОВНА.** Правовое обеспечение устойчивого развития, цифровизации и искусственного интеллекта на примере законодательства Республики Узбекистан, а также роль цифровой дипломатии в международных отношениях	233
31.	**АБДУШУКУРОВА НОЗИМАБОНУ АБДУЛЛО КИЗИ.** Современные тенденции правового обеспечения устойчивого развития, цифровизации и искусственного интеллекта	238
32.	**БОЛТУЕВА ШАХНОЗАХОН САМАДОВНА.** Гражданско-правовая природа договора поручения в Республике Таджикистан	242
33.	**FARHODJON ZAFAR OGLI ABDIHAKIMOV.** The concept of artificial intelligence and its legal nature: theoretical approaches and regulatory implications from a civil law perspective	245
34.	**ДАВЛАТОВ ТИМУР ДЖАХНОГИРОВИЧ.** О некоторых вопросах внедрения регулирования искусственного интеллекта в Узбекистане	250
35.	**БАХРИДДИНОВА Б.Б.** Международные стандарты информационной безопасности и цифровые права как элемент устойчивого развития	256
36.	**ГАТИЯТУЛЛИНА Э.М.** Персональные данные в условиях применения искусственного интеллекта: гражданско-правовые механизмы защиты прав субъекта	261
37.	**РАҶАБЗОДА Б.** Риоя кардани шартҳои бастани ақди никоҳ дар шароити рақамикунонӣ	266

38.	**АРСЛАНОВ КОНСТАНТИН ТИМУРОВИЧ.** Потребительский экстремизм как фактор негативного воздействия на баланс интересов участников предпринимательско-потребительских отношений в условиях цифровизации	275
39.	**ПЕТРАКЕВИЧ КРИСТИНА АЛЕКСЕЕВНА.** Гражданско-правовая ответственность за вред, причинённый искусственным интеллектом: проблемы и перспективы правового регулирования	280
40.	**РАХМАТЗОДА ДАЛЕР ТАЛБАК.** Развитие и правовая сущность смежных прав в системе интеллектуальной собственности	285

Ба чопаш 20.04.2026 имзо шуд. Андозаи коғаз 60х84 1/16.
Коғази офсетӣ. Ҷузъи чопӣ 18,25. Адади нашр 100 нусха.

Подписано к печати 20.04.2026. Формат бумаги 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Объём печатных листов – 18,25. Тираж – 100 экземпляров.

Signed for printing on 20.04.2026. Paper size: 60×84 1/16.
Offset paper. Printed sheets: 18,25. Print run: 100 copies.